

*Сборник материалов для описания
местностей и племен
Кавказа*

W.D. Allen,

29 Wilton Place

S.W.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МЪСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

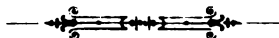
DK

511

.C1

S27

v. 14

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ТИФЛИСЪ

Типографія: Канц. Высочайшаго Его Императорскаго Величества на Кавказѣ
и К. Козловскаго.

1915.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе Л. Г. Лопатинскаго	I—IV.

Отдѣль первый.

Анапа. В. П. Шепетева	V, 1— 32.
Картины природы Кутаисской губерніи. В. А. Бабэ	33— 76.
Новогладновская станица въ ея прошломъ и на- стоящемъ. Ф. С. Гребенца	77—116.

Отдѣль второй.

Ванскій вилайеть (Васпураканъ). Е. А. Лалаянца	1— 84.
Старины терскихъ казаковъ. В. П. Пожидаева	85—169.
Кровавая мечь у осетинъ. С. Каршинова	170—210.

Отдѣль третій.

Археологическія путешествія, разысканія и за- мѣтки. Е. С. Такайшвили	1—146.
Курганы въ окрестностяхъ станицы Змѣйской. Ф. С. Гребенца	1— 30.
Письмо, посланное съ Востока отцомъ Луи Гран- жіз его преподобію отцу Клодъ Анкавива, генералу іезуитскаго ордена, изъ Мокви, въ Мингрели, 2 марта 1615 г.	31— 52.
Замѣтка Е. С. Такайшвили о Сатрапеллѣ	52.
Могильники въ Куртатинскомъ ущельѣ. Ф. С. Гребенца	53— 85.

Отдѣль четвертый.

- Божества охоты и охотничій языкъ у кавказцевъ. *Д-ра А. М. Дирра*. . . . . 1—16.
- Списокъ именъ, фамилій, названій народовъ и именъ животныхъ у абхазцевъ, мингрельцевъ и дагестанцевъ. Матеріалы къ изученію языка и быта абхазцевъ. Абхазскія олова. Замѣтка о татуировкѣ въ Дагестанѣ. *Д-ра А. М. Дирра*. . . . . 1—27.
- Адыгскіе тексты. а. Кабардинское нарѣчіе. Понски жены. *П. И. Тамбіева*. . . . . 1—14.

Опечатки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ помѣщены статьи описательнаго содержанія.

Статья „Анапа“ *В. П. Щенетова* знакомитъ читателей не только съ историческимъ прошлымъ Анапы, но и съ характеромъ мѣстности, въ которой расположенъ этотъ городъ, извѣстный широкой публикѣ какъ хорошая климатическая станція.

Статья „*Картины природы Кутаисской губерніи*“ *В. А. Бабэ* даетъ краткій, но написанный яркими красками очеркъ этого живописнаго уголка Кавказа. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ даетъ понятіе о геологическомъ строеніи края. Приложенная карта набросана отъ руки. При какихъ условіяхъ возникла эта статья, сообщается въ замѣткѣ редакціи, помѣщенной въ концѣ текста.

Статья „*Новогладковская станица въ ея прошломъ и настоящемъ*“ *Ф. С. Гребенца* (псевдонимъ) принадлежитъ перу старожила этой мѣстности, населенной казаками-гребенцами, первыми русскими пионерами на Сѣверномъ Кавказѣ.

*
* *

Во II отдѣлѣ помѣщено нѣсколько статей этнографическаго содержанія.

Статья „*Ванскій вилайеть (Васпураканъ)*“ *Е. Л. Лалаянца* знакомитъ насъ съ армянскимъ населеніемъ этой части турецкой Арменіи, прилегающей къ озеру Вану, вокругъ котораго въ настоящее время происходятъ кровавые бои, рѣшающіе историческую задачу о будущности края. Предъ нашими глазами развертываются картины домашняго быта, нравовъ и обычаевъ васпураканцевъ, не затронутыхъ

II

еще европейской цивилизаціей и потому сохранившихъ много самобытныхъ чертъ сѣдой старины.

Въ статьѣ „Старины терскихъ казаковъ“ *В. П. Пожидаева* собрано воедино все то, что сохранилось отъ былевого эпоса на Терекѣ. Авторъ для своей статьи пользовался, главнымъ образомъ, матеріаломъ, собраннымъ *М. П. Карпинскимъ* и напечатаннымъ въ XXII, XXIV и XXVII томахъ Сборника.

Статья „Кровавая мечь у осетинъ“ *С. Каргинова* рассматриваетъ довольно подробно этотъ бытовой институтъ, сохранившійся еще какъ пережитокъ отдаленнаго прошлаго среди осетинъ сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, но теряющій съ каждымъ годомъ, подъ влияніемъ русской культуры и новыхъ юридическихъ нормъ, всю остроту взаимныхъ отношеній между отдѣльными родами.

*
* *

Отдѣлъ III по преимуществу археологическій.

Статья „Археологическія путешествія, разысканія и замѣтки“ принадлежитъ *Е. С. Такайшвили*, лучшему знатоку грузинскихъ древностей, и заключаетъ въ себѣ подробное описаніе старинной Убисской церкви Шорапанскаго уѣзда, Кутаисской губерніи со всею ея утварью (1—41); описаніе иконы Спаса Сазанской церкви тоже Шорапанскаго уѣзда (41—45); описаніе Бодорнской церкви Душетскаго уѣзда, Тифлисскаго уѣзда (46—59); описаніе нѣкоторыхъ церквей и монастырей Ксанскаго ущелья, входящаго въ составъ Душетскаго уѣзда Тифлисскаго губерніи, а именно церквей: Икоетской (59—65), Коринтской, въ которой сохранились немногія древности Алевской церкви (65—77), Цховатской (104—109), Ахаль-горской (123—132) и Канчаетской (116—139) и бывшихъ монастырей: Ларгвисскаго (77—104),

Кабенского (108—116) и Хопского (132—139). Статья дает богатый историко-археологический материал и снабжена 84 лингвграфическими рисунками планов; видовъ и церковной утвари описываемыхъ памятниковъ. Авторъ былъ командированъ въ 1908 г. въ Душетскій уѣздъ Кавказскимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго общества, и его энергіи и старанію мы обязаны размыканіемъ и пріобрѣтеніемъ для Кавказскаго музея воѣхъ предметовъ знаменитаго ксанскаго клада золотыхъ и серебряныхъ вещей. Въ концѣ своей статьи авторъ даетъ краткую исторію находенія означеннаго клада.

Въ статьѣ „Курганы въ окрестностяхъ станицы Змѣйской Терскаго казачьяго войска“ *Ф. С. Гребенца* описана въ археологическомъ отношеніи не только эта мѣстность, но и прилегающая къ древнему городищу Тагартуну (Татар-тобу), который пользуется до сихъ поръ среди сѣверно-кавказскихъ горцевъ религиознымъ почитаніемъ.

„Письмо, посланное съ Востока отцомъ Луи Грандѣ его прелобію отцу Клодъ Анвавива, генералу іезуитскаго ордена“ написано въ Моквахъ, въ Мингреліи, 2 марта 1615 г., стало-быть, ровно 300 лѣтъ тому назадъ; оно напечатано въ Парижѣ въ 1616 г. Это старопечатное изданіе передаво редакціи уважаемымъ нашимъ кавказовѣдомъ, Е. Г. Вейденбаумомъ. Правда, въ этомъ письмѣ выступаютъ слишкомъ ярко какъ личные интересы автора, такъ и интересы ордена, къ которому онъ принадлежитъ, но отдѣльные штрихи, набросанные имъ при описаніи бытовыхъ и общественныхъ условій посѣщеннаго имъ края и политическихъ отношеній западной Грузіи и сосѣднихъ мѣстностей Турціи представляютъ для интересующихся исторіей Кавказа большое значеніе. Письмо іезуитскаго миссіонера въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ дополняетъ описаніе Колхиды Ламберти, напечатанное въ XLIII томѣ Сборника. Любопытно, насколько измѣнились

IV

условія: 300 лѣтъ тому назадъ о. Гранжіэ понадобилось на путешествіе отъ Царьграда до Моквь 9 мѣсяцевъ!

Статья „**Могильники въ Куртатинскомъ ущельѣ**“ *Ф. С. Гребенца* больше носитъ характеръ описательный и только во второй половинѣ можетъ быть названа археологической. Касаясь какъ бы вскользь древностей этого населеннаго осетинами ущелья въ глубинѣ Кавказскихъ горъ, она все-таки даетъ указаніе, куда нужно направить пытливыи умъ будущихъ изслѣдователей древностей этого любопытнаго края.

*
**

IV отдѣлъ преимущественно лингвистическій и только отчасти имѣетъ этнографическій характеръ.

Статьи: „**Божества охоты и охотничій языкъ у кавказцевъ**“, „**Списокъ именъ, фамилій, названій народовъ и именъ животныхъ у абхазцевъ, мингрельцевъ и дагестанцевъ**“, „**Матеріалы къ изученію языка и быта абхазцевъ**“, „**Абхазскія слова**“ и „**Замѣтка о татуировкѣ въ Дагестанѣ**“ нашего многолѣтняго сотрудника *д-ра А. М. Дирра* интересны во многихъ отношеніяхъ. Первая статья: „**Божества охоты и охотничій языкъ у кавказцевъ**“ была доложена на Съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, состоявшемся въ Тифлисѣ лѣтомъ 1912 г. Она напечатана въ Сборникѣ съ разрѣшенія издательской комиссіи трудовъ Съѣзда.

Послѣдняя статья—это кабардинская сказка „**Поиски жены**“, записанная *П. И. Тамбиевымъ*. Она составляетъ часть собранія кабардинскихъ сказокъ, которыя выйдутъ въ свѣтъ вмѣстѣ съ печатающеюся уже моею кабардинскою (адыгскою) грамматикой и кабардинско-русскимъ словаремъ.

Л. Лопатинскій.

5 мая 1915 г. Тифлисъ.

47
Отдѣлъ І.

Анапа.

Историко-географическій очеркъ.

Современная Анапа богата памятниками самой глубокой древности; памятники эти состоятъ изъ монетъ, обломковъ статуй, посуды, украшеній, миниатюрныхъ статуэтокъ изящной работы и т. п. Кромѣ того, въ Анапѣ найдено значительное количество надписей на камняхъ, частью на мраморѣ, — надписей на греческомъ языкѣ, бросающихъ нѣкоторый свѣтъ на судьбы города. Масса этихъ остатковъ старины увезена въ Петроградъ и хранится въ Эрмитажѣ, значительная часть передана въ Керченскій музей, много предметовъ старины хранится у мѣстныхъ любителей древности; но, вѣроятно, еще большая часть лежитъ погребенная въ землѣ, задѣланная въ тротуары, фундаменты и стѣны домовъ.

Въ Анапѣ и ея окрестностяхъ найдено до 30 памятниковъ греческой эпиграфики, дошедшихъ до насъ, къ сожалѣнію, большею частью въ видѣ обломковъ. Всѣ эти памятники, за исключеніемъ штемпеля съ именемъ Горгиппа, относятся къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. *) Въ ту же эпоху знаменитый греческій географъ Стравонъ, издавшій свой трудъ въ 18 году по Р. Х., уже знаетъ, что на побережьѣ къ югу отъ Фанагоріи (вблизи Тамани) лежали города Синдика, названная по имени народа синдовъ, и Горгиппія. На основаніи названныхъ археологическихъ находокъ и Стравона, такимъ образомъ, устанавливается, что на мѣстѣ нынѣшней Анапы въ I вѣкѣ по Р. Х. существовалъ греческій городъ,

---

*) В. В. Латышевъ. Эпиграфическіе этюды, VIII. Жур. Минист. Народн. Просвѣщ. Мартъ. 1896.

носившій имя Горгиппин *), а по сосѣдству съ нимъ лежалъ другой—Синдика.

Въ 1895 г., однако, найденъ былъ эпитафическій памятникъ, который доказываетъ, что греческій городъ существовалъ на мѣстѣ Анапы еще задолго до Р. Х. Лѣтомъ 1895 г. въ Анапѣ, на земельномъ участкѣ турецкаго подданнаго Цихлакиди, при рытѣ фундамента для постройки дома, найдена плита изъ хорошаго бѣлаго мрамора. Вообще изъ обилія мраморныхъ обломковъ можно догадываться, что городъ былъ богатъ мраморомъ, гораздо богаче современной Анапы, еще не знающей мрамора для своихъ сооружений, быть-можетъ, былъ красивъ и изященъ, украшенъ статуями, колоннадами и портиками. Найденная плита оказалась безъ всякихъ украшеній, но покрыта съ обѣихъ сторонъ греческими письменами. Рабочіе, желая знать, изъ какого камня сдѣлана плита, уже начали было ломами отбивать куски ея, но мѣстный податной инспекторъ г. Поповъ остановилъ ихъ и принялъ мѣры къ сохраненію плиты, которая затѣмъ была приобрѣтена академикомъ Н. И. Веселовскимъ и перевезена въ Керченскій музей, гдѣ и хранится по настоящее время. Извѣстнымъ знатокомъ и издателемъ надписей, найденныхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, В. В. Латышевымъ, она прочитана и на основаніи ея изученія имъ сдѣланы чрезвычайно важные выводы.

Оказывается, надпись на плитѣ представляетъ списокъ побѣдителей, одержавшихъ побѣду въ такъ называемомъ „длинномъ бѣгѣ“ во время праздника Ермія. Очевидно, городъ настолько тщательно хранилъ греческіе обычаи и культъ, что даже на камнѣ увѣковѣчивалъ имена побѣдителей въ состязаніяхъ. Имена, около 170, большею частью греческія, но неоднократно встрѣчаются имена Синдъ и Скиоъ, какъ личныя. Характеръ буквъ и правописаніе прямо указываетъ на III вѣкъ до Р. Х.

---

*) Горгиппія (Γοργίππινα-Γοργίππια) основана въ IV в. до Р. Х. тестемъ Перисада I-го, Горгиппомъ (Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ, С. Мельникова-Разведенкова. Сбор. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавк. XXI). Этимологія слова: γοργός страшный, быстрый-ἵππος лошадь.

Отсюда мы приходимъ къ выводу, что въ III в. до Р. Х. на мѣстѣ нынѣшней Анапы существовалъ греческій городъ, ведшій сношенія съ греческимъ міромъ (мраморъ, очевидно, привозился оттуда), строго соблюдавшій религиозныя вѣрованія и обычаи, вынесенные изъ собственной Еллады; главное ядро населенія этого города составляли греки іоническаго племени, но среди нихъ была нѣкоторая примѣсь дорійцевъ и, очевидно, сосѣднихъ варварскихъ племенъ скиѳовъ и синдовъ, которые, переселившись въ греческій городъ, постепенно приобщались къ греческой культурѣ и сохранили память о своемъ происхожденіи только въ своихъ племенныхъ именахъ, передававшихся преемственно въ качествѣ личныхъ. Несомнѣнно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тою же Горгиппіей, которую видимъ и у Стравона.

Остается выяснить, къ какому же времени относится основаніе этого города. Принимая во вниманіе, что самою важною греческой колоніей въ этой области былъ Пантикапей (Керчь), основанный еще въ VII в. до Р. Х., когда проникли сюда іоняне, а затѣмъ Фанагорія (вблизи Тамани) на Таманскомъ полуостровѣ, мы имѣемъ право предположить, что къ тому же столѣтію или позднѣе относится основаніе Горгиппіи, первоначально, быть-можетъ, въ видѣ торговой факторіи, позднѣе разившейся въ городъ, или небольшого укрѣпленнаго пункта, направленнаго именно противъ воинственныхъ сосѣдей, варваровъ синдовъ и скиѳовъ.

Ближайшими къ Анапѣ и, быть можетъ, старшими по времени, основаны были греческіе колоніи Кипы, Ермонасса и Фанагорія, лежавшія по берегу Таманскаго полуострова. Эти города, равно какъ и Горгиппія, вскорѣ втянулись въ кругъ интересовъ и отношеній Пантикапея, подчинились ему и съ прочими его владѣніями на Крымскомъ полуостровѣ составили государство, извѣстное подъ названіемъ Воспорскаго царства. Въ составъ его входили и названные греческіе города и покоренные сосѣдніе варварскіе народы. Къ югу по берегу Чернаго моря Воспорское царство заканчивалось Горгиппіей; южнѣе ея жили воинственныя варварскіе племена зихи, ахеи, эніохи, съ которыми властителямъ цар-

ства приходилось бороться, такъ какъ они занимались морскимъ разбоемъ.

Несомнѣнно, что Горгиппія принимала дѣятельное участіе въ той обширной торговлѣ, которую вело Воспорское царство. Изъ нея, какъ изъ другихъ городовъ черноморскаго побережья, вывозились прежде всего хлѣбъ, затѣмъ лѣсъ, мѣха, кожи, шерсть и т. п. Главный предметъ вывоза, конечно, былъ хлѣбъ. Очевидно, что варварское подчиненное населеніе занималось земледѣліемъ и свозило хлѣбъ въ прибрежные пункты. Обиліе кургановъ въ окрестностяхъ Анапы и присутствіе варварскаго элемента въ населеніи города показываетъ, что уже тогда вліяніе сосѣдняго кочевого и полуосѣдлаго населенія играло для нея важную роль. Далѣе несомнѣнно, что торговля велась съ аеинянами, стоявшими во главѣ тогдашней коммерческой дѣятельности; въ обмѣнъ за сырые продукты аеиняне доставляли вино, масло, предметы убранства и роскоши, оружіе.

Въ составѣ Воспорскаго царства Анапа (Горгиппія) оставалась до первой половины I в. до Р. X., когда насильственнымъ образомъ прекратилась правившая царствомъ династія Спартокидовъ.

Въ 80 г. до Р. X. Воспорское царство было покорено Миеридатомъ и вошло въ составъ его владѣній. По смерти Миеридата оно, подѣ главенствомъ Рима, управлялось его родственниками; съ 71 г. по Р. X. одинъ изъ нихъ привялъ имя Тиверія Юлія и началъ династію Тиверіевъ Юліевъ, которая, подѣ главенствомъ Рима, царствовала, какъ видно изъ находимыхъ монетъ, до 342 г. по Р. X. Отсутствіе монетъ съ болѣе поздней датой показываетъ, что царство постигла какая-то катастрофа, и оно перестало существовать. Кажется, къ этой именно эпохѣ относится надпись на обломкѣ мраморной плиты, найденной въ Анапѣ среди камней, которыми вымощенъ былъ тротуаръ. Этотъ камень составляетъ собственность частной гимназій Е. Н. Вознесенской, и на немъ, между прочимъ, ясно читаются слова (въ переводѣ): „Тиверія“ и „народъ горгиппійцевъ“. Нужно думать, что Горгиппія пережила тѣ же событія, которыя произошли въ ея столицѣ, Пантикапѣ.

Дальнѣйшая исторія Горгиппіи совершенно темна. Достоино примѣчанія то обстоятельство, что на картѣ Птолемея, относящейся ко второй половинѣ II в. по Р. Х., т. е. черезъ сто лѣтъ съ небольшимъ послѣ Стравона, нѣтъ Горгиппіи, а есть Синда и Синдская гавань. Куда же дѣвалась Горгиппія? Невозможно допустить, чтобы Птолемей забылъ или не счелъ нужнымъ нанести ее на карту; такъ же трудно предположить, чтобы въ періодъ съ небольшимъ ста лѣтъ она совершенно исчезла съ лица земли. Притомъ на мѣстѣ, гдѣ должна быть Стравонова Синдика, у Птолемея указана Синда, а тамъ, гдѣ мы ожидали бы Горгиппію, уже указана Синдская гавань. Не должны ли мы отсюда предположить, что подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ (экономическаго упадка, вражескаго нашествія, возобладанія варварскаго синдскаго элемента надъ греческимъ) чисто греческое названіе города, Горгиппія, замѣнилось другимъ и что для торговыхъ мореплавателей далекаго юго-запада Еллады Аѳинъ, городъ сталъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ Синдской гавани и подъ этимъ именемъ нанесенъ на карту*).

Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права предполагать, что самый городъ исчезъ съ лица земли; хотя болѣе извѣстный подъ другимъ названіемъ и съ преобладаніемъ не греческаго, а варварскаго элемента, онъ существовалъ и, очевидно, славился, какъ якорная стоянка. Несомнѣнно, что еще въ концѣ XVIII в. по Р. Х. турки избрали этотъ пунктъ для постройки крѣпости именно потому, что онъ представлялъ хорошую якорную стоянку.

Въ періодъ времени съ V по XV в. по Р. Х. весь югъ и юго-востокъ Европы переживаетъ одно за другимъ варварскія нашествія кочевниковъ, вліяніе которыхъ въ этотъ періодъ стало, вѣроятно, господствующимъ въ исторіи Анапы. Все побережье Кавказа состояло во владѣніи Византійской имперіи, но участокъ отъ Тамани до начала Кавказскаго хребта, соедѣній со степью, а слѣдовательно и Анапа, очевидно, слабо зависѣли отъ центральной власти, а чаще на-

---

*) Синдскій портъ (Σινδικὸς λιμὴν) находился при устьѣ Кубани, впадавшей раньше въ Черное море, стало быть, близко къ Горгиппіи. Неудивительно, что уже Стефанъ Византійскій смѣшивалъ оба города.

ходился въ другихъ рукахъ. Изъ проходившихъ здѣсь кочевыхъ племенъ каждое забрасывало свои бурные всплески и въ Анапу, какъ бы она тогда не называлась. Готы (IV в.), гунны (IV—V в.в.), хазары (IX в.), вѣроятно, не разъ разоряли или грабили ее. Столѣтіемъ позднѣе здѣсь возникаетъ русское удѣльное княжество Тмутаракань (греческое названіе этой провинціи Византіи было Таматарха), но оно существовало съ небольшимъ сто лѣтъ и было затоплено и смыто новыми волнами кочевниковъ-печенѣговъ, половцевъ, затѣмъ татаръ. Татары неоднократно подвергали страшному разоренію Крымское побережье, разоряли и сжигали Керчь (старый Пантикапей); очевидно, та же судьба не разъ постигала также и Синдскую гавань, и ея сосѣдей Фанагорію. Кипы, Ермонассу, старыя имена которыхъ постепенно забылись и замѣнились новыми. На картѣ географа Бенинказы въ XV в. по Р. Х. мы встрѣчаемъ на мѣстѣ Синдской гавани уже названіе Мапа, быть-можетъ, испорченное названіе Анапа, данное, вѣроятно, уже турками *).

Этотъ послѣдній азіатскій народъ въ XIV в. уже овладѣлъ Балканскимъ полуостровомъ, въ 1453 г. взялъ Константинополь, а черезъ 20 съ небольшимъ лѣтъ отнялъ отъ у генуэзцевъ Θεодосію (Кафу) на южномъ берегу Крыма. Нужно предполагать, что Анапа подпала подъ власть турокъ еще раньше.

Весьма вѣроятно, что рядъ нашествій варваровъ, приведшій въ упадокъ и запустѣніе древнюю Горгиппію, позднѣе Синдскую гавань, закончился полнымъ разореніемъ и уничтоженіемъ внѣшней красоты города подъ властью грубыхъ и фанатичныхъ варваровъ—турокъ. Въ рукахъ турокъ Анапа оставалась портовымъ городомъ и, очевидно, служила для вывоза хлѣба. Укрѣплена она не была. Сосѣдями ея теперь состояли кавказскіе горцы—черкесы, очевидно, тѣ же народы, которые въ древнѣйшемъ мѣрѣ назывались: синды, ахеи, эпіохи, зихи.

Въ такомъ положеніи оставалась Анапа еще около трехъ столѣтій, когда съ сѣвера начали тѣснить турокъ и

*) Это слово черкесское: ане столъ-пие носъ—анепе конецъ стола
=мышь.

горцевъ русскіе, сначала донскіе казаки, потомъ запорожцы, которые по жалованной грамотѣ Императрицы Екатерины II получили на вѣчные времена Таманскій полуостровъ (Старое Черноморье) и земли по Кубани. За этими передовыми силами двигались правительственныя войска. Эта грозная опасность заставила турокъ укрѣпить Анапу, чтобы въ ней имѣть оплотъ противъ русскихъ и изъ нея поддерживать горцевъ. Крѣпость выстроена въ Анапѣ французскими инженерами въ 1783 году.

Во все время войны съ горцами отсюда на Кавказъ шли запасы хлѣба, боевыхъ припасовъ и оружія; отсюда шла религіозная пропаганда мусульманства, отсюда же отправлялись эмисары и инструкторы для организаціи силъ горцевъ противъ русскихъ. Въ свою очередь, Анапа долго служила туркамъ рынкомъ, гдѣ они покупали для своихъ гаремовъ черкесскихъ дѣвушекъ. Въ силу того значенія, которое приобрѣла Анапа съ постройкой крѣпости, цѣлое столѣтіе (вторая половина XVIII вѣка и первая XIX) идетъ борьба за Анапу между Россіей и Турціей.

Въ царствованіе Екатерины II, во время Второй Турецкой войны, 22 іюля 1791 года, Анапа послѣ кровопролитнаго штурма была взята графомъ Гудовичемъ, но по Ясскому миру возвращена туркамъ. Въ 1807 году, во время Турецкой войны при Александрѣ I, она опять была взята русскими, но по Бухарестскому миру опять возвращена. Во время Турецкой войны при Николаѣ I, въ 1829 году, Анапа вновь была осаждена и взята послѣ упорной защиты генералъ-адъютантомъ Меншиковымъ и оставалась въ рукахъ русскихъ до 1855 года. Въ этомъ году, во время Севастопольской войны русскіе оставили и сожгли Анапу, а сами отступили за Кубань. Анапа была временно занята черкесами. Въ августѣ 1856 года русскіе возвратились подъ начальствомъ Муравьева и послѣ кровопролитнаго штурма вновь овладѣли Анапой, послѣ чего она навсегда осталась въ составѣ Россіи.

Въ 1864 году, по окончательномъ покореніи Западнаго Кавказа, только немногіе представители черкесскаго населенія, сосѣдняго съ Анапой, согласились принять русское под-

данство; вся же остальная масса эмигрировала, съ согласія русскаго правительства, въ Турцію.

Такимъ образомъ, Анапа насчитываетъ около 2,500 лѣтъ существованія.

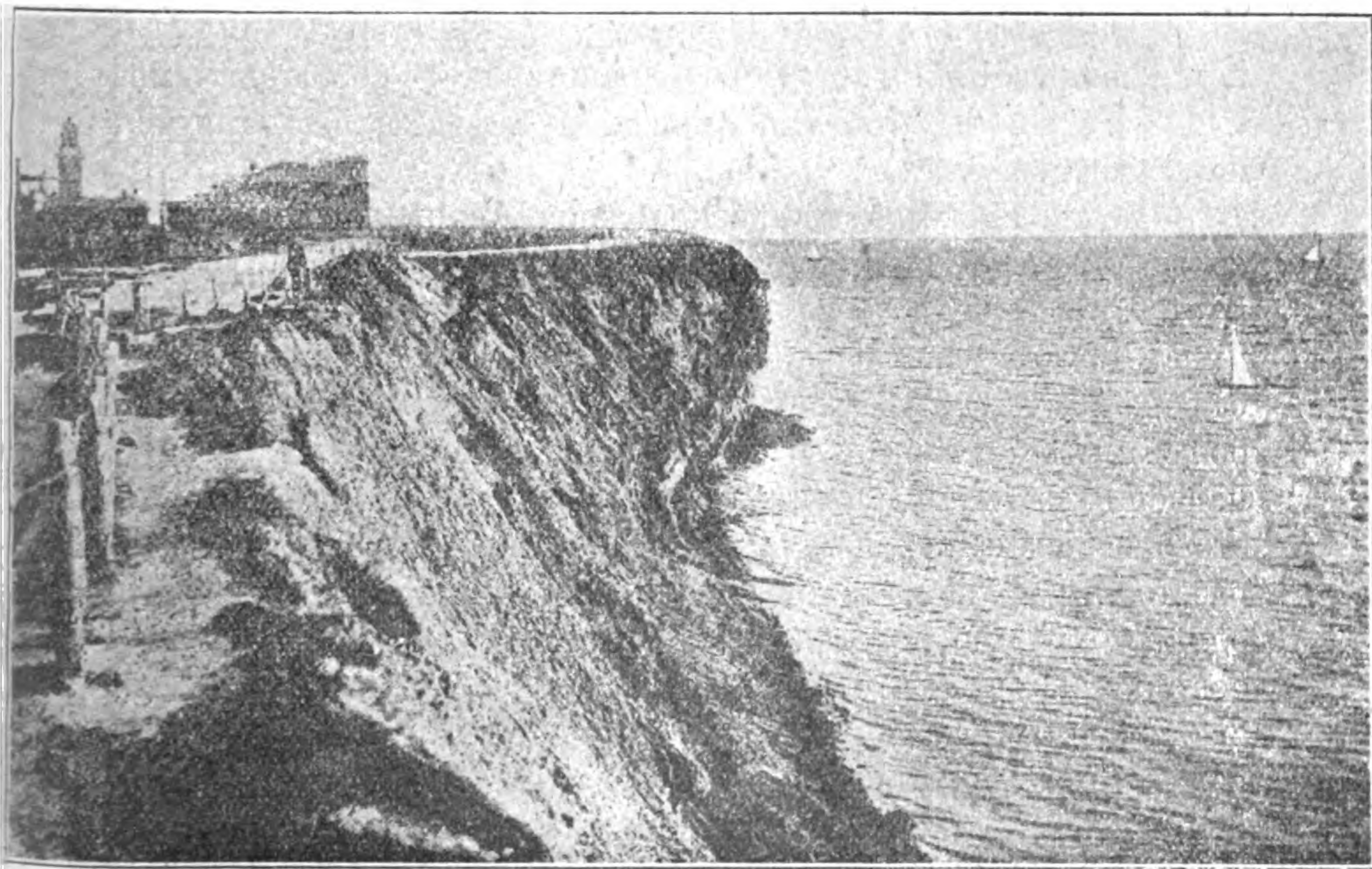
Анапа имѣетъ очень невыгодное положеніе: на берегу Чернаго моря она лежитъ между Керчью (въ пяти часахъ плаванія на пароходѣ) и Новороссійскомъ (въ четырехъ часахъ плаванія). Такъ какъ для пароходовъ важно, чтобы ихъ прибытіе и стоянка въ большихъ портахъ Керчи и Новороссійска происходили днемъ, засвѣтло, то въ Анапу пароходы, поддерживающіе сообщеніе вдоль Черноморскаго берега (Русскаго Общества пароходства и торговли и Россійскаго Общества страхованія и транспортированія кладей), попадаютъ только ночью. Поэтому, если море очень бурно и шлюпки не могутъ выйти въ море, то пароходы проходятъ мимо; въ случаѣ качки, пассажирамъ не до любопытства о томъ, что такое Анапа; если же море тихо, то съ борта парохода, остаивающагося въ полуверстѣ отъ берега, видны только неясныя очертанія берега и ярко блестящія звѣзды электрическихъ фонарей. Поэтому пассажиры пароходовъ, отлично представляющіе себѣ Новороссійскъ и Керчь, такъ какъ видятъ ихъ днемъ, не могутъ составить себѣ никакого представленія объ Анапѣ.

Анапа лежитъ въ Кубанской области на берегу Чернаго моря, и это даетъ ей значеніе портоваго города. Море у береговъ Анапы никогда не замерзаетъ; въ самыя суровыя зимы, когда замерзаютъ порты въ Одессѣ, Керчи, у береговъ Анапы образуется ледяная кайма 2—3 аршина шириною—не то, что въ Новороссійскѣ, гдѣ набережная и прибрежные дома обмерзаютъ, покрываясь ледяною корою. Слѣдовательно, Анапскій портъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою доступенъ судамъ. Правда, они остаиваются на рейдѣ, но не далѣе полуверсты отъ берега, а суда болѣе мелкаго водоизмѣщенія подходятъ къ самой пристани. Для устройства порта Анапская бухта представляетъ значительныя удобства, тѣмъ болѣе что знаменитый нордъ-остъ (сѣверо-восточный

вѣтеръ) никогда не достигаетъ здѣсь такой силы, какъ въ Новороссійскѣ; въ послѣднемъ отъ него нерѣдко гибнуть суда, въ Анапѣ же такихъ случаевъ не бывало.

Въ силу описанныхъ качествъ своего порта Анапа представляетъ выдающійся интересъ какъ для Черноморско-Кубанской желѣзной дороги, такъ и для Владикавказской. Первая могла бы вывести свой строящійся путь къ Черному морю въ Анапѣ и создать экспортный рынокъ, совершенно независимый отъ Владикавказской желѣзной дороги; вторая, проведя тридцативерстную вѣтку отъ станціи Тоннельной до Анапы, могла бы создать здѣсь вспомогательный Новороссійскому портъ. Это крайне своевременно и необходимо, потому что Новороссійскій портъ становится тѣсенъ и недостаточенъ для колоссальнаго вывоза: залежи вагоновъ образуютъ

ся здѣсь десятками тысячъ и пароходы нерѣдко ждутъ очереди на грузки по мѣсяцамъ.

Анапа расположена на мысѣ, который выдался въ море на 590 сажень; поэтому городъ съ трехъ сторонъ окруженъ

моремъ; это изобиліе моря поражаетъ въ Анапѣ: куда ни пойдешь, всюду море. Берега этого мыса круты и представляютъ каменные утесы высотой отъ 7 до 15 сажень. Начиная отъ Лысой горы, въ 12 верстахъ къ югу отъ Анапы, берегъ идетъ прямой линіей, состоя изъ отвѣсной почти каменной стѣны, постепенно понижающейся отъ 15 до 20 сажень высоты, по направленію къ сѣверо-западу и, образовавъ недалеко отъ конца мыса изгибъ (такъ называемую Малую бухту), поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, продолжая понижаться и дѣлаясь отложе; дойдя до начала песчанаго пляжа, берегъ поворачиваетъ прямо къ сѣверу, а высокая гряда берега отъ этого мѣста идетъ по сушѣ, сохраняя направленіе къ сѣверо-востоку и составляя край высокой равнины, на которой раскинулась Анапа. Песчаный же и низкій берегъ, повернувъ къ сѣверу, далѣе постепенно загибаясь къ сѣверо-сѣверо-западу и образуя обширную излучину, тянется на разстояніи 40 верстъ и представляетъ собою знаменитый анапскій пляжъ. По городской землѣ пляжъ тянется на 10 верстъ.

Мысъ, на которомъ расположена Анапа, представляетъ собою окончаніе приподнятой равнины, которая на югѣ и юго-востокѣ ограничена невысокими горными хребтами. Равнина эта тянется до станицы Раевской въ 19 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Анапы; здѣсь равнину замыкаетъ новый болѣе высокій горный хребетъ; только переваливъ его, попадаешь на станцію Тоннельную. Съ самой высокой точки этого перевала хорошо видно омывающее Анапу море—на разстояніи 25 верстъ, но, конечно, не видно города. Ночью, однако, отлично видно надъ нимъ сіяніе отъ электрическаго освѣщенія. Такимъ образомъ, съ юга и юго-востока анапская равнина окаймлена невысокими горами, но къ сѣверо-западу она понижается, образуя низменность, часть которой представляютъ собою плавни, т. е. болотистыя пространства, покрытыя тростникомъ (по мѣстному „очеретомъ“). Вліяніе плавней вовсе не отражается на Анапѣ; только ея ничтожная часть, расположенная на низменности у протока Анапки, отъ него не совсѣмъ свободна.

Почва Анапы и ея окрестностей частью черноземная, частью глинистая. Нѣкоторые сорта Анапской глины заслуживаютъ особаго вниманія. Городъ располагаетъ громадными залежами каолиновой глины (фарфоровой). Въ 1908 году Министерство Торговли и Промышленности, имѣя въ виду развитіе гончарно-керамическаго дѣла въ Россіи, командировало художника г. Роотъ во Францію и Англію для спеціальнаго изученія какъ самой промышленности, такъ и постановки и организациі художественно-промышленныхъ учебныхъ заведеній, подготовляющихъ мастеровъ гончарно-керамическаго дѣла. Затѣмъ г. Роотъ былъ командированъ съ тою же цѣлью въ различныя мѣста Россіи.

Производя свои изслѣдованія, г-нъ Роотъ нашелъ, что въ окрестностяхъ Анапы имѣются несомнѣнныя и исключительныя по богатству залежи разнovidныхъ сортовъ глины каолиноваго и известковаго характера, по существу лучшіе въ Россіи, и силикатнаго песка. Эти залежи представляютъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для гончарно-керамическаго производства. Анапскій районъ можетъ давать не только великолѣпный кирпичъ и черепицу, которая по своимъ качествамъ должна цѣниться выше марсельской, но и превосходную посуду, и разнообразный облицовочный матеріалъ для домовъ, столь успѣшно вытѣсняющій камень во Франціи и въ Англіи.

Къ тѣмъ же выводамъ пришли и вызванные для изслѣдованія нефтяныхъ промысловъ близъ Суворовско-Черкесскаго аула (въ 16 верстахъ отъ Анапы) извѣстные въ Европѣ геологи, д-ръ геологіи проф. Яковъ Шоаренъ (Стокгольмъ) и д-ръ геологіи Торбернъ Федроусо (Баку). Кромѣ богатѣйшихъ залежей каолиновой глины, они нашли анапскій песокъ высокимъ по качеству.

Анализъ бѣлой и красной глины оказался такой.

Въ процентахъ.

	бѣлая	красная
Окись кремнія	42,1	51,13
Аллюминія	7,56	8,74
Желѣза	3,8	7,56
Кальція	22,76	15,94

	Въ процентахъ.	
	бѣлая	красная
Магнія	0,3	слѣды
Марганца	слѣды	слѣды
Натрія	0,3	0,24
Калія	0,26	0,42
Мелкаго песку	18,99	28,36
Чистой глины	58,25	55,70
Влагн	1,88	2,76
Потеря въ прессовкѣ	21,50	18,22

Этотъ анализъ показываетъ, что по своимъ качествамъ анапская каолиновая глина несравненно выше всѣхъ сортовъ, существующихъ въ Россіи. Въ то время какъ въ Анапѣ втунѣ лежатъ эти богатства, на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ фарфоровая и фаянсовая посуда получается изъ центральной Россіи. Несомнѣнно, что легкость вывоза, въ случаѣ проведенія въ Анапу желѣзной дороги, поведетъ къ основанію здѣсь фарфоровой и фаянсовой промышленности, выдѣлки терракоты и узорныхъ кафель (изразцовъ).

Въ настоящее время этотъ цѣнный матеріалъ служитъ только для выдѣлки кирпича, черепицы и самой простой глиняной посуды. Анапскій кирпичъ настолько высокаго качества, что его берутъ туда, гдѣ требуется наиболѣе прочный строительный матеріалъ; поэтому анапскій кирпичъ встрѣчается и въ Керчи, и въ Батумѣ, и по всему побережью. При помощи желѣзной дороги онъ могъ бы двинуться и въ другія мѣста. Производство кирпича въ Анапѣ возможно въ неограниченномъ количествѣ; въ настоящее же время его выдѣлывается около 10.000,000 штукъ въ годъ.

То же самое можно сказать и объ анапской черепицѣ: высокаго качества, легкая, по достоинству нисколько не ниже знаменитой марсельской, она могла бы завоевать еще болѣе обширные рынки при существованіи въ Анапѣ желѣзной дороги. Черепицы въ Анапѣ выдѣлывается около 3.000,000 штукъ въ годъ.

Въ окрестностяхъ Анапы, въ 3 верстахъ къ сѣверу, въ такъ называемой Чембургѣ, выламывается высокаго достоинства известковый камень и обжигается известь. Известь

очень хорошая и употребляется не только на мѣстѣ, но и вывозится въ количествѣ до 500,000 пудовъ. Мягкіе слои почвы имѣютъ въ Анапѣ незначительную глубину; уже на глубинѣ 3—5 аршинъ они подстилаются каменною породою (глинистый сланецъ съ прослойками песчаника).

Равнина, на которой расположена Анапа, бѣдна водою. Нѣтъ на ней ни рѣкъ ни ручьевъ; только зимою и весной по ней бѣгутъ изъ юго-восточнаго хребта ручьи; но къ іюлю, даже раньше, они изсыкаютъ, и равнина становится совершенно безводной. Подпочвенныя воды довольно обильны, особенно въ 2—3 верстахъ отъ Анапы; даже въ любомъ пунктѣ города можно вырыть колодець, но вода—глубоко и горькосоленая, во всякомъ случаѣ, негодная для питья. Юго-восточный хребетъ богатъ прекрасной питьевой водою, которая тамъ добывается и рытьемъ колодцевъ и кое-гдѣ сама выходитъ обильными источниками (напримѣръ, въ Андреевской щели); отъ этихъ горъ, слѣдуя пониженію почвы, подпочвенный поясъ изобильной хорошей воды направляется къ сѣверо-западу; этотъ поясъ, къ сожалѣнію, минуетъ Анапу, такъ какъ равнина къ морю замѣтно повышается; онъ отклоняется отъ Анапы версты на четыре и у сѣверо-восточнаго конца такъ называемый Алексѣевской слободы (пригородъ) уходитъ въ плавню. Здѣсь устроены пять большихъ водоемовъ, горизонтъ воды всегда высокъ и устроены водокачки. Въ случаѣ если бы у Анапы не было другихъ источниковъ водоснабженія, то Алексѣевскій бассейнъ далъ бы достаточное количество воды для всего города.

Что же касается низменной части Анапы (пески, плавня), то здѣсь между моремъ и плавней есть рѣчка, вѣрнѣе короткій протокъ, называемый Анапка. Лѣтъ 70 назадъ Анапка педставляла еще глубокую рѣку и называлась Бугуръ*); перейти ее въ бродъ было нельзя, и при осадѣ Анапы Меньшиковымъ въ 1828 году здѣсь былъ наведенъ понтонный мостъ. Теперь это мелкій потокъ воды, текущій по плоскому песчаному руслу съ настолько слабымъ наклономъ, что при вѣтрѣ съ моря морская вода идетъ въ плавню, при вѣтрѣ съ суши вода принимаетъ обратное теченіе. Отъ

*) Бугуръ по-черкесски.

этого ближайшіе къ городу части плавни имѣютъ горько-соленую воду. Такимъ образомъ, Анапка и плавни для орошенія города не даютъ ничего.

Почвенная влага въ дождливые зимніе мѣсяцы избыточна, но съ конца мая она испаряется, частью уходитъ въ глубину, земля пересыхаетъ, дѣлается твердою и трескается; это продолжается до октября, когда опять начинаютъ перепадать дожди. Такая бѣдность почвы влагою въ теченіе именно лѣтняго времени вредно дѣйствуетъ на растительность. Какъ разъ въ періодъ наибольшаго роста деревья страдаютъ отъ недостатка влаги; въ самомъ городѣ плодовыя деревья, цвѣты въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ требуютъ поливки, безъ нея чахнутъ и плохо развиваются. Оттого въ самомъ городѣ зелени сравнительно мало, и плодовое садоводство безъ поливки невозможно.

Алексѣевскіе колодцы и водное богатство юго-восточнаго хребта даютъ Анапѣ возможность имѣть водопроводъ. Онъ и теперь есть, но даетъ мало воды, и вода проведена далеко не по всему городу; кромѣ того, водонапорная башня настолько низка, что не подаетъ воды во второй этажъ. Проектъ улучшеннаго водопровода уже составленъ и теперь приводится въ исполненіе.

Имѣть много хорошей воды для Анапы представляетъ самую насущную потребность; безъ этого городъ не будетъ имѣть достаточно зелени, не будетъ въ состояніи бороться съ уличною пылью.

Климатъ Анапы—типичный средиземно-морской, съ лѣтнимъ бездождемъ и зимними дождями вмѣсто снѣга; этимъ именно характеромъ отличается климатъ всего европейскаго берега Средизимнаго моря, варьируя только въ зависимости отъ широты мѣста: чѣмъ южнѣе, тѣмъ зима теплѣе, лѣто жарче, количество вѣчнозеленыхъ растеній больше. Такимъ образомъ. Анапа обладаетъ тѣмъ же свойствомъ климата какъ Константинополь, Аѣины, Марсель, отличаясь только температурой лѣта и зимы. Но въ этотъ общій характеръ климата вноситъ особенность сѣверо-восточный вѣтеръ, именуемый здѣсь морскимъ термномъ „нордъ-остъ“. Это та же итальянская „бора“.

Нордъ-ость явленіе характерное для береговой полосы, Чернаго моря, начиная отъ Тамани (Керченскій проливъ). Выходя изъ обширныхъ прикаспійскихъ степей и плоскаго нагорья Ставропольской губерніи, этотъ вѣтеръ на берегу Азовскаго моря не представляетъ ничего особеннаго: средній по силѣ, сухой, холодный зимой, горячій лѣтомъ, онъ не доставляетъ ни населенію, ни посѣвамъ, ни садамъ ущерба. Но, начиная отъ Анапы, онъ усиливается и далѣе къ югу, слѣдуя берегу моря, сила егорастетъ; въ Новороссійскѣ онъ достигаетъ наибольшей силы; къ югу отъ Новороссійска онъ опять постепенно ослабѣваетъ, и его уже слабые порывы достигаютъ только до Туапсе. Южнѣе Туапсе *) нордъ-оста уже нѣтъ.

Въ центрѣ своего наибольшаго напряженія, въ Новороссійскѣ, нордъ-ость, зимою называемый „бора“, является неприятнымъ, иногда грознымъ стихійнымъ бѣдствіемъ: лѣтомъ онъ сухъ и горячъ и пагубно дѣйствуетъ на растительность; зимою онъ холоденъ, рѣзокъ и часто является настоящимъ бѣдствіемъ. Начинается онъ мелкими порывами, постепенно усиливающимися до степени урагана. Съ началомъ нордъ-оста такой силы жизнь въ Новороссійскѣ какъ бы замираетъ, движеніе по улицамъ прекращается, магазины и дома запираются, лѣтомъ по улицамъ несется пыль, песокъ и мелкіе камни, падаетъ сорванная съ крышъ черепица и скрученные листы желѣза. Часто прохожіе падаютъ и не могутъ встать отъ силы вѣтра. Зимою брызги отъ расколыхавшейся бухты, замерзая въ воздухѣ, несутся версты на двѣ до города и буквально облѣпляютъ дома и набережныя толстымъ ледянымъ покровомъ; обледенѣлыя суда нерѣдко погибаютъ или выбрасываются на берегъ. Поэтому Новороссійская бухта далеко небезопасна для стоянки судовъ ни въ лѣтнее ни въ зимнее время**).

*) Слѣдовало бы писать Туапсъ, а не Туапсе. Это названіе происходитъ отъ черк.: ту два, псы вода=двурѣчье, между тѣмъ какъ Туапсе отъ ту два, псе душа двѣ души=двоедушіе, что не подходитъ въ мѣстности. Такъ же произносятся мѣстные жители; только пріѣзжіе продолжаютъ употреблять исковерканное наименованіе, почему-то облюбованное ими.

***) Пастернацкій проф. Климатолѣчеб. пункты Черном. поб. Кавк., 11—12.

Въ Анапѣ нордъ-ость бываетъ гораздо слабѣе и если достигаетъ иногда степени бури, то никакихъ бѣдствій ни причиняетъ: пристань и суда отъ него, какъ сказано выше, не обмерзаютъ, только море курится „паруетъ“, какъ говорятъ здѣсь. Это явленіе состоитъ въ томъ, что холодный нордъ-ость, пролетая надъ моремъ, температура котораго тогда выше температуры воздуха, сгущаетъ морскія испаренія до степени видимости: кажется, что надъ моремъ несутся волны пара. Это явленіе бываетъ только въ періодъ времени съ ноября по февраль. Но въ характеръ климата Анапы нордъ-ость вноситъ рѣзкую особенность. Зимой (съ 15 ноября по 15 февраля) въ Анапѣ при вѣтрахъ южномъ, юго-западномъ, сѣверо-западномъ тепло, температура стоитъ гораздо выше 0 и обыкновенно бываетъ $+9-12^{\circ}$ R., трава зеленѣетъ. Какъ только начинается нордъ-ость, температура понижается и нерѣдко спускается до -15° R., и выпадаетъ снѣгъ. Но по истеченіи 3 — 4, рѣдко больше дней, лишь только переѣнвившійся вѣтеръ подуетъ съ моря, снѣгъ въ нѣсколько часовъ сходитъ, начинается прежнее тепло и почернѣвшая было трава опять пріобрѣтаетъ свой свѣжій зеленый цвѣтъ.

Жители Анапы шутятъ: „зима прошла!“ Такихъ короткихъ зимъ въ Анапѣ съ половины ноября до половины февраля бываетъ 3—4*): въ остальное время стоитъ пріятная теплая погода, солнечная, рѣже пасмурная, при чемъ изрѣдка выпадаютъ дожди.

Чтобы имѣть болѣе полное представленіе о климатѣ Анапы, опишемъ подробно и послѣдовательно времена года. Лѣто начинается съ половины марта: въ это время тепло, солнечно, быстро подрастаетъ трава, набухаютъ почки, косточковые деревья цвѣтутъ (абрикосы, персики), дороги сухи, но почва еще очень влажна, воздухъ довольно свѣжъ, особенно отъ заката до восхода солнца; въ апрѣлѣ распускаются всѣ деревья, температура воды въ морѣ достигаетъ $+12-15^{\circ}$ R., воздухъ становится теплѣе, онъ абсолютно чистъ, потому что въ это время пыли еще нѣтъ. Это, можно ока-

---

*) Въ другихъ мѣстностяхъ Сѣвернаго Кавказа наблюдается 5 такихъ короткихъ зимъ.

затѣ, по чистотѣ и свѣжести воздуха, по свѣжести молодой зелени лучшее время года въ Анапѣ. Въ маѣ все цвѣтетъ, солнце начинаетъ припекать и высушивать почву, обильно цвѣтетъ пышными кистями бѣлыхъ цвѣтовъ посаженная вдоль улицъ бѣлая акація, распространяя сильный и пріятный аромат; изрѣдка выпадаютъ дожди, грозы рѣдки. Іюнь, іюль, августъ—самое жаркое, знойное время: начинается бездождіе, почва совершенно высыхаетъ, трава желтѣетъ и высыхаетъ, до дорогамъ, на улицахъ масса пыли; въ половинѣ августа жара и сухость достигаютъ своего наивысшаго предѣла; особенно тяжель въ это время нордъ-остъ: онъ несетъ съ собою по улицамъ массу пыли, песка, камешковъ, самъ онъ удушливъ и горячъ, точно изъ печи, и отнимаетъ много влаги у зелени: она тускнѣетъ. Стоящая въ то время обыкновенно жара, усиленное испареніе моря—ведутъ къ сильному напряженію электричества, которое во второй половинѣ августа обыкновенно разрѣшается сильными грозами и проливными дождями.

Сентябрь, октябрь и первая половина ноября напоминаютъ апрѣль, мартъ и вторую половину февраля: зноя нѣтъ, но тепло; ночи свѣжи и прохладны; почва дѣлается все влажнѣе отъ перепадающихъ чаще и чаще дождей: пыли нѣтъ. Къ началу ноября деревья обнажаются отъ листвы, но еще недѣли двѣ стоитъ теплая, ясная, солнечная погода (можно ходить въ лѣтнемъ); иногда такая погода стоитъ до самаго Рождества. Но обыкновенно съ половины ноября начинается пасмурная погода; отъ времени до времени дуютъ сильные вѣтры, переходящіе въ бури; льютъ дожди, отъ чего почва совершенно размокаетъ; иногда при нордъ-остѣ возвращается маленькая „зима“; такое состояніе погода продолжается до второй половины февраля.

Таковъ анапскій климатъ въ теченіе цѣлаго года. Но ближайшее сопоставленіе метеорологическихъ данныхъ Анапы съ Ялтой и городами Кавказскаго побережья показываетъ, что Анапа въ отношеніи сухости воздуха, количества солнечныхъ дней и облачности находится въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ ея крымскіе и кавказскіе сосѣди. Хотя Анапа стоитъ на берегу моря, но климатъ ея предста-

Сухума за год и каждый мѣсяць лѣтнаго полугодія 1900—1908 г.г.

Количество осадковъ въ миллиметрахъ.							Температура въ 1 часъ дня.							Средняя температура.									
Годъ.	апр.	май.	июнь.	юль.	авг.	сент.	Годъ.	апр.	май.	июнь.	юль.	авг.	сент.	окт.	Годъ.	апр.	май.	июнь.	юль.	авг.	сент.	окт.	
346	44	87	30	13	6	49	15,6	18,4	23,2	27,1	26,9	20,0	18,3	13,5	16,9	21,3	25,1	25,0	17,1	15,4			
657	33	64	77	70	9	16	16,1	18,5	25,5	27,1	26,6	21,2	16,4	13,9	16,9	24,0	24,3	24,4	18,8	13,4			
371	37	20	20	10	4	30	15,1	17,2	23,7	24,8	26,4	21,7	16,3	12,5	15,1	21,3	22,5	23,8	18,0	13,1			
512	20	166	78	35	9	25	15,8	18,0	22,1	25,8	26,4	21,9	18,2	13,4	16,1	20,4	23,2	23,6	18,6	14,6			
426	44	19	8	4	32	46	15,1	16,6	22,1	26,5	26,4	22,4	17,8	12,9	15,1	19,7	24,5	23,4	19,5	14,7			
457	27	52	12	9	13	44	15,8	18,3	22,2	27,0	27,6	23,0	18,5	13,6	16,4	20,4	24,8	24,3	20,1	15,6			
942	30	14	274	43	91	47	15,7	19,5	24,0	25,5	24,7	20,2	14,4	13,4	17,8	22,3	23,2	22,0	17,0	12,0			
608	2	13	86	4	43	3	14,5	18,7	23,1	25,8	26,1	20,1	17,5	12,3	17,4	21,1	23,5	23,1	17,2	13,3			
515	5	64	33	6	111	5	14,7	18,8	22,8	24,6	26,2	21,4	15,5	12,4	16,5	20,7	22,4	23,2	18,6	12,0			
388	36	31	9	5	9	113	15,1	18,4	22,1	26,3	27,6	20,4	18,7	12,3	15,9	20,2	24,0	23,8	15,6	14,6			
508	47	38	26	33	40	2	15,5	18,4	26,2	27,5	26,7	20,2	16,3	12,9	15,7	23,5	24,9	24,1	16,5	12,2			
—	15	23	55	2	6	19	—	18,0	23,8	24,2	27,5	20,1	14,9	—	15,4	21,2	22,0	24,1	16,0	11,4			
375	67	53	33	12	16	54	15,1	18,1	23,7	27,1	26,6	21,1	16,9	12,4	16,0	21,5	24,1	23,3	17,5	13,5			
326	27	2	2	1	8	41	14,5	17,9	22,3	27,5	27,1	22,6	18,3	11,8	15,5	19,5	24,1	23,5	18,2	14,2			
210	13	30	25	0	10	29	15,0	18,7	22,6	26,7	27,9	24,1	19,1	12,4	16,0	20,5	24,0	23,9	19,8	16,1			
—	—	—	—	139	65	86	52	15,3	20,5	24,4	25,7	25,0	19,5	14,6	12,9	18,4	22,2	23,8	21,8	16,6	11,8		
497	6	31	9	16	52	4	13,7	18,6	23,8	26,8	26,5	20,6	18,1	11,1	16,2	21,4	24,1	23,1	16,9	13,3			
—	9	36	5	0	25	27	14,1	18,2	22,9	26,3	27,1	22,6	15,4	11,5	15,6	20,4	23,4	23,6	19,0	11,8			
553	19	33	23	29	41	58	15,9	18,6	22,8	27,2	27,8	21,3	20,0	13,5	16,5	20,4	24,4	24,7	17,6	16,6			
914	23	98	60	96	60	15	16,2	18,8	26,8	28,4	27,1	22,0	16,9	14,0	16,7	24,6	25,6	24,3	18,4	14,3			
700	29	60	119	6	40	17	14,7	18,3	24,9	25,0	28,0	21,5	16,1	12,3	16,0	21,3	22,2	24,9	17,8	13,1			
618	76	98	36	35	42	46	15,8	18,6	23,8	27,9	28,8	22,0	17,5	13,2	16,1	21,2	24,4	24,6	18,5	14,7			
405	33	3	1	2	6	26	15,2	16,7	22,3	28,7	28,1	23,0	19,2	12,7	14,7	19,4	25,1	24,4	19,6	15,8			
652	28	60	117	7	13	59	15,6	17,7	22,5	26,7	28,0	21,4	19,9	13,2	15,7	20,6	23,9	24,5	21,0	17,8			
802	85	32	167	75	99	67	15,6	21,0	24,4	25,3	25,1	20,1	16,0	13,4	18,6	21,9	23,3	21,8	17,2	12,9			
706	17	48	55	13	87	24	14,5	18,9	24,0	27,2	27,4	21,3	18,5	12,1	16,8	21,7	24,8	24,3	18,1	15,1			
640	25	68	36	2	49	19	14,7	18,4	23,0	26,5	27,8	23,5	15,9	12,3	15,9	20,8	23,1	24,2	20,1	12,9			
1216	33	61	11	129	89	149	16,8	18,6	21,8	26,1	26,1	20,8	19,7	14,5	16,4	19,5	23,3	23,5	17,8	16,8			
1622	106	51	88	130	138	78	17,4	18,6	26,0	26,3	26,3	22,3	18,3	15,2	16,3	23,5	23,9	23,8	19,4	15,4			
1228	37	27	184	59	18	79	16,0	18,3	23,1	23,3	25,6	21,8	17,7	13,8	16,4	21,0	21,1	23,1	18,4	15,0			
1496	132	23	60	115	302	102	16,4	18,4	23,3	25,4	25,7	21,2	18,4	14,2	16,2	21,1	23,3	23,1	18,2	15,4			
1861	95	8	2	16	168	86	15,8	16,1	21,3	25,8	25,4	22,7	19,9	13,7	14,3	19,4	23,7	22,9	19,9	16,9			
1484	73	219	166	26	60	138	16,4	16,5	21,8	25,1	26,0	23,5	21,6	14,2	14,6	19,9	23,0	23,2	20,1	18,7			
—	205	34	232	37	153	136	—	19,9	23,3	24,6	24,6	20,5	17,3	—	18,0	21,0	25,4	21,8	17,6	14,5			
1465	5	48	51	29	380	0	15,4	17,4	23,2	25,1	26,1	20,8	19,0	13,4	15,5	21,3	23,0	23,4	18,0	15,8			
1431	35	63	48	12	15	167	15,7	17,7	22,4	24,3	26,1	23,6	18,2	13,6	15,8	20,7	22,3	23,3	20,8	15,1			
—	172	34	77	213	167	88	—	19,7	25,4	27,5	27,4	23,3	20,1	—	17,1	22,1	24,5	24,0	19,4	16,4			
1321	104	38	124	42	117	69	17,5	17,7	23,3	27,5	27,2	21,2	21,5	14,8	15,3	20,5	24,4	23,8	20,9	18,0			
1358	176	140	230	43	51	83	18,2	17,8	23,8	27,0	28,9	25,7	23,6	15,5	15,8	21,3	24,2	24,8	21,5	19,9			
1321	164	29	98	82	195	149	18,6	21,7	25,7	27,3	27,9	22,9	19,2	15,8	19,9	22,6	23,8	23,3	19,0	15,8			
1434	9	91	148	28	158	26	17,6	18,9	25,9	22,1	29,0	23,3	21,1	14,7	16,8	20,0	24,1	24,9	19,3	16,8			
1169	57	51	71	26	20	112	17,8	19,6	24,1	27,0	29,3	26,1	20,5	15,1	17,2	21,8	23,8	25,3	22,4	16,5			
1165	66	145	34	66	116	53	18,2	19,9	22,9	22,4	27,3	22,6	21,6	15,0	17,2	20,5	24,5	24,2	18,9	17,0			
1905	198	137	226	132	152	64	18,6	19,8	27,4	26,9	27,4	23,5	19,6	15,2	17,0	23,9	23,9	23,9	19,3	14,7			
1602	80	97	107	237	67	126	16,9	19,4	24,1	24,7	26,1	22,4	19,1	14,0	16,9	21,5	22,2	23,1	18,5	15,0			
1452	160	98	58	309	177	61	17,7	20,8	25,2	26,9	26,1	22,0	20,6	14,2	17,4	21,9	23,9	23,0	18,2	15,1			
1312	149	29	87	34	134	91	17,0	18,2	23,2	26,4	26,0	23,7	20,7	13,8	15,3	20,2	23,5	23,0	19,9	16,3			
1256	133	147	118	41	39	85	17,7	18,4	24,0	29,4	27,3	25,3	23,3	14,4	15,6	21,3	23,5	23,5	20,7	18,9			
1460	192	100	116	140	118	149	18,1	22,2	24,7	26,3	26,3	22,1	19,6	14,8	19,2	21,9	23,2	22,4	18,1	15,3			
1446	5	88	109	148	207	7	16,8	20,0	25,5	25,6	26,6	21,6	20,3	13,7	16,9	22,7	23,4	23,5	18,1	15,4			
1463	47	55	102	15	36	151	17,3	20,0	24,4	26,6	27,8	26,6	19,3	14,0	17,0	21,4	23,3	24,2	21,7	14,7			

вляеть соединеніе свойствъ климатовъ, морского, горнаго и степнаго *). Онъ лѣтомъ имѣеть большое сходство съ климатомъ южнаго берега Крыма, но количество солнечныхъ дней въ Анапѣ больше, чѣмъ въ Крыму и остальныхъ городахъ Кавказа. Для сравненія приводимъ метеорологическіе элементы названныхъ уже городовъ *).

Изъ приведенной таблицы совершенно ясно, что Анапа очень мало уступаетъ Ялтѣ въ температурѣ, которая только приблизительно на одинъ градусъ выше; но зато Анапа превосходитъ не только Ялту, а и всѣ остальные крымскіе и кавказскіе курорты количествомъ солнечныхъ дней. Въ этомъ отношеніи Анапа не имѣеть соперниковъ и является курортомъ совершенно исключительнымъ: Ялтѣ она уступаетъ въ влажности; что не касается остальныхъ кавказскихъ курортовъ, то всѣ они несравненно влажнѣе Анапы и вообще, чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ больше количество осадковъ, отъ чего заболачивается почва и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ малярія; самымъ влажнымъ мѣстомъ является Батумъ съ подтропическимъ климатомъ и такую же растительностью, но и съ наибольшимъ развитіемъ маляріи. Анапа же отъ маляріи совершенно свободна.

Эта сухость воздуха, полное отсутствіе маляріи, при замѣчательной чистотѣ воздуха и совершенномъ отсутствіи комаровъ, москитовъ и мошекъ, и изобиліи солнечныхъ дней ставятъ Анапу, какъ курортъ, особенно высоко и даютъ ей исключительное значеніе. Чистота воздуха Анапы въ значительной степени зависитъ отъ того, что въ ней часты вѣтры, основательно вентилирующіе городъ. Въ этомъ отношеніи менѣе благоприятны мѣсяцы іюль и августъ, когда пересохшая почва легко обращается въ пыль. Анапское городское управленіе должно употребить всѣ зависящія мѣры къ уничтоженію пыли путемъ тщательнаго мощенія улицъ, ихъ очистки и поливки.

Море въ Анапѣ зимою, т. е. съ половины ноября до половины февраля бурно; часто бывають штормы, когда по

---

*) Гундобницъ проф. „Врачебная Газета“ 1903 № 43.

***) Воейковъ. Полуостр. Абрау и его климатъ въ лѣтнее полугодіе.
13—14.

морю несутся сѣдые валы, съ воемъ и гуломъ разбиваясь у берега. Въ остальное время, особенно съ мая по сентябрь, оно спокойно; въ теченіе сезона обыкновенно бываютъ два шторма: одинъ въ началѣ іюня, предъ лѣтнимъ солнцестояніемъ, другой въ концѣ августа или началѣ сентября, предъ осеннимъ равноденствіемъ. Относительно предстоящихъ штормовъ дается за день или два предупрежденіе: вывѣшивается сигналъ на мачтѣ у казармы мѣстной команды пограничной стражи.

Отдѣлъ о климатѣ остался бы неполнымъ, если бы не было указано вліяніе климата на здоровье прїѣзжихъ и мѣстныхъ жителей. Въ этомъ отношеніи имѣется обширный опытъ и обильный запасъ наблюденій. Климатъ Анапы не вполне благоприятенъ только для легочныхъ больныхъ въ болѣе поздней стадіи болѣзни; что касается начальной ея стадіи, то въ Анапѣ процессъ или проходитъ или замедляется. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (малярія, малокровіе, истощеніе, ослабленіе зрѣнія, рахитъ, золотуха и т. п.) одно только пребываніе въ Анапѣ, безъ всякаго спеціальнаго лѣченія, даетъ обыкновенно блестящіе результаты, чему можно привести массу примѣровъ. Особенно это благотворное вліяніе анапскаго климата замѣтно на дѣтяхъ, вообще школьной и дошкольной молодежи. Это подтверждается какъ ежедневнымъ опытомъ, такъ и систематическими наблюденіями врачей и педагоговъ. Шесть лѣтъ назадъ, въ 1907 году, благоприятныя свойства климата дали поводъ случайно попавшей въ Анапу Е. Н. Вознесенской открыть здѣсь частную гимназію для совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола съ тѣмъ, чтобы она была курортной. Надежды не обманули учредительницу: чрезъ шесть лѣтъ упорнаго труда гимназія доведена была до восьмикласснаго состава и въ 1913 г. имѣла первый выпускъ — 18 молодыхъ людей, получили свидѣтельства зрѣлости. Шестилѣтнія наблюденія, ведшіяся въ гимназій, показали, что дѣти со слабымъ или надорваннымъ здоровьемъ, поступившіе въ гимназію изъ другихъ городовъ, замѣчательно поправлялись и крѣпли. Этотъ ростъ поправленія въ Анапѣ здоровья не только дѣтей, но и взрослыхъ настолько установленъ даже эмпирически, ежедневной жи-

зненной практикой, что всякому болѣющему, разстроенному нервами жители Анапы говорятъ: „поживете въ Анапѣ мѣсяцевъ 5—6, и опять будете здоровый человѣкъ!“

Никакихъ мѣстныхъ болѣзней, эпидемій въ Анапѣ нѣтъ; случаи эпидемическихъ заболѣваній скарлатиной, дифтеритомъ, брюшнымъ тифомъ и т. п. въ Анапѣ происхожденія, обыкновенно не мѣстнаго, а привознаго, и въ Анапѣ дальнѣйшаго развитія не получаютъ. Установлено наблюдениемъ, что холодная зима даетъ наименьшее количество простудныхъ заболѣваній, а зима теплая—наибольшее.

Анапа лежитъ на 44°54' с. ш., т. е. только на 14' сѣвернѣе Ялты; поэтому мы ожидали бы, что и растительность въ ней должна быть такая же, какъ въ Ялтѣ. Однако, недостатокъ орошенія и нордъ-остъ кладутъ въ этомъ отношеніи большую разницу между Ялтой и Анапой. Разница эта количественная и качественная. Нельзя, впрочемъ, не оговориться, что достаточное количество воды и болѣе внимательное отношеніе къ садоводству и цвѣтоводству значительно сгладило бы эту разницу.

Въ отношеніи качественномъ растенія и деревья въ Анапѣ не отличаются тѣмъ пышнымъ развитіемъ и ростомъ, какіе наблюдаются въ Ялтѣ. По количеству Анапа уступаетъ Ялтѣ тѣмъ, что въ ней не могутъ жить такіа растенія, которыя живутъ въ Ялтѣ; въ Анапѣ не могутъ расти кипарисъ, магнолія, лавръ, бамбукъ; туя можетъ выдерживать только закрытая на зиму. Всѣ остальные растенія прекрасно могутъ расти въ Анапѣ, и если какія изъ нихъ не встрѣчаются, то только потому, что населеніе города ихъ не знаетъ: виноградъ, айва, персики, абрикосы, черешня, миндаль, грецкій орѣхъ, шелковица, черносливъ, алыча, яблоки и груши, вишня и табакъ.

Что касается винограда, то условія его воздѣлывенія въ Анапѣ и ея окрестностяхъ несравненно лучше, чѣмъ на южномъ берегу Крыма. Въ самомъ городѣ, въ „садахъ“, т. е. по склонамъ юго-восточнаго хребта и на пескахъ (вдоль пляжа)—вездѣ виноградъ особенно успѣшно воздѣлывается и даетъ прекрасные урожан. На склонахъ горъ и пологихъ возвышенностей при посадкѣ винограда еще употребляется

плантажъ, т. е. сплошное вскапываніе земли виноградника на глубину полуаршина; на равнинѣ и на пескахъ этого не требуется: копаютъ просто канавы и сажаютъ чубуки (виноградные ростки); подвозки земли и засыпаніе ею канавъ не требуется. Виноградъ на зиму не закрывается. Осенью собрать сухія лозы, весной обрѣзать лозы, подвязать къ кольямъ, осыпать сѣрою—вотъ главнѣйшіе работы, а, между тѣмъ, лозы развиваются роскошно.

Виноградъ въ Анапѣ прекрасно растетъ и на пескѣ. Долгое время пески, песчаная равнина позади пляжа, пустовали; 25 лѣтъ тому назадъ собственникъ Д. В. Пиленко первый произвелъ опытъ: посадилъ виноградную лозу въ песокъ; она принялась, и опытъ удался блестяще.

Вообще же количество десятинъ земли, годныхъ для культуры винограда, простирается въ Анапѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ до 2,000; въ настоящее время воздѣлывается не болѣе 600 десятинъ съ ежегодною добычею вина до 180,000 ведеръ. Если что въ настоящее время задерживаетъ развитіе здѣсь виноградарства, то это—неудобство и отсутствіе правильнаго сбыта, а также недостатокъ специальныхъ знаній. Настоящее правильное виноградарство ведется небольшимъ числомъ лицъ (Прокоповичъ, Пиленко, Самуриди, Шардановъ, Волковъ, Успенскій, Олейниковъ и др.); всѣ же остальные виноградари вина не дѣлаютъ, а продаютъ виноградъ названнымъ лицамъ по 1 р., по 70 к., даже по 60—50 к. за пудъ. Въ послѣднее время правительство пришло на помощь мѣстному виноградарству: командировало сюда инструктора-агронома и отпустило средства на постройку подвала для товарищества виноградарей.

Что можно сдѣлать со знаніемъ и капиталомъ, показываетъ удѣльное имѣніе Абрау-Дюрсо (250 десятинъ) въ 80 верстахъ отъ Анапы, гдѣ культивируется шампанская лоза и дѣлается шампанское.

Въ анапскомъ районѣ воздѣлываются различные сорта всевозможныхъ лозъ, но всего больше сорта алиготе и рислингъ, дающіе бѣлое вино, и кабернэ (лафитъ)—красное. Кромѣ винныхъ, воздѣлываются и столовые сорта винограда.

Вино въ Анапѣ дешево отъ 15—20 к. за бутылку, 70-к.—1 р. ведро (не включая сюда стоимости посуды); вина по 40—60 к. за бутылку уже высокаго качества, выдержанные не менѣе 2-хъ лѣтъ; въ центральной Россіи они обходятся не менѣе 1—1 р. 50 к. бутылка. При покупкѣ ведрами въ Анапѣ они цѣнятся отъ 2 р. 50 к. до 4 р. ведро.

Остальные фрукты, получаемые въ Анапѣ и привозимые изъ окрестныхъ станцій, состоятъ изъ вишенъ, черешень, абрикосовъ, сливъ; привозится ихъ масса и продается очень дешево. Яблокъ и грушъ въ Анапѣ не такъ много, и сорта ихъ, большею частью, не высокіе.

Въ Анапѣ отлично растетъ шелковица (тутовое дерево), и огромные корзины тутовой ягоды вывозятся на базаръ, но шелководства нѣтъ; дѣлаются только опыты. Промысль этотъ здѣсь былъ бы возможенъ и выгоденъ. Существуетъ въ окрестностяхъ Анапы еще особое дерево, носящее греческое названіе „скупшія“; оно не достигаетъ большого роста; стволъ и листья его издають особый, рѣзкій бальзамическій запахъ; листва его идетъ на дубленіе кожъ и десятками тысячъ пудовъ вывозится изъ Анапы; стволъ дерева въ землѣ не гниетъ.

Обыкновенныя полевые растенія здѣсь—пшеница, кукуруза и подсолнечникъ. Огородные овощи даютъ на здѣшней почвѣ и при обилии солнца отличные урожаи, и на анапскій базаръ въ изобиліи доставляются огурцы, капуста простая и цвѣтная, картофель, зеленый перецъ, баклажаны, кабачки (родъ мелкой тыквы) и, въ особенности, арбузы и дыни; цѣны на все это чрезвычайно дешевы.

Вдоль тротуаровъ по улицамъ Анапы насажена акація; при домахъ есть садики съ тою же акаціей, сиренью, бисерникомъ (тамагіх) и плодовыми деревьями, больше всего абрикосовыми; кое-гдѣ встрѣчаются могучіе, развѣсистые тополи, дающіе хорошую тѣнь. Но окрестности Анапы совершенно безлѣсны. Причина этого—обычное хищничество малокультурнаго человѣка: еще лѣтъ 50 тому назадъ окрестности Анапы и горные склоны покрыты были дубовыми и буковыми лѣсами; теперь ихъ нѣтъ: они срублены и проданы за безцѣнокъ. Благодаря этому дрова въ Анапѣ

дороги: отъ 25 до 40 руб. за кубическую сажень или 15—20 топ. за пудъ. Поэтому въ настоящее время населеніе начинаетъ переходить на отопленіе каменнымъ углемъ.

Фауна Анапы никакихъ особенностей не представляетъ. Буйволовъ въ Анапѣ нѣтъ. Изъ представителей дикой фауны очень много черепахъ, достигающихъ 5—10 фунтовъ вѣса.

Водная фауна Чернаго моря у Анапы довольно богата; здѣсь ловится въ годъ до 280.000 пудовъ рыбы, частью потребляемой на мѣстѣ, частью вывозимой. Ловится барбулька (она же барболь, султанка), кефаль, сельди, камса (мелкая рыбка въ родѣ снѣжки), камбала.

Населеніе Анапы достигаетъ 15.000. Оно разноплеменно: большую половину его составляютъ русскіе, въ большинствѣ малорусы. Значительную часть населенія составляютъ греки; присутствіе ихъ въ Анапѣ объясняется отнюдь не тѣмъ, что Анапа когда-то была греческой колоніей, а тѣмъ, что греки охотно селятся по берегамъ Чернаго моря, привлекаемые выгодами торговли; кромѣ того, много грековъ вызвано было сюда изъ Трапезунта для выдѣлыванія табачныхъ плантацій. Когда же за истощеніемъ земли, табаководство сократилось, они остались здѣсь. Затѣмъ есть турки, сохранившіеся въ городѣ, 4 вѣка бывшемъ подъ властью Турціи, и армяне.

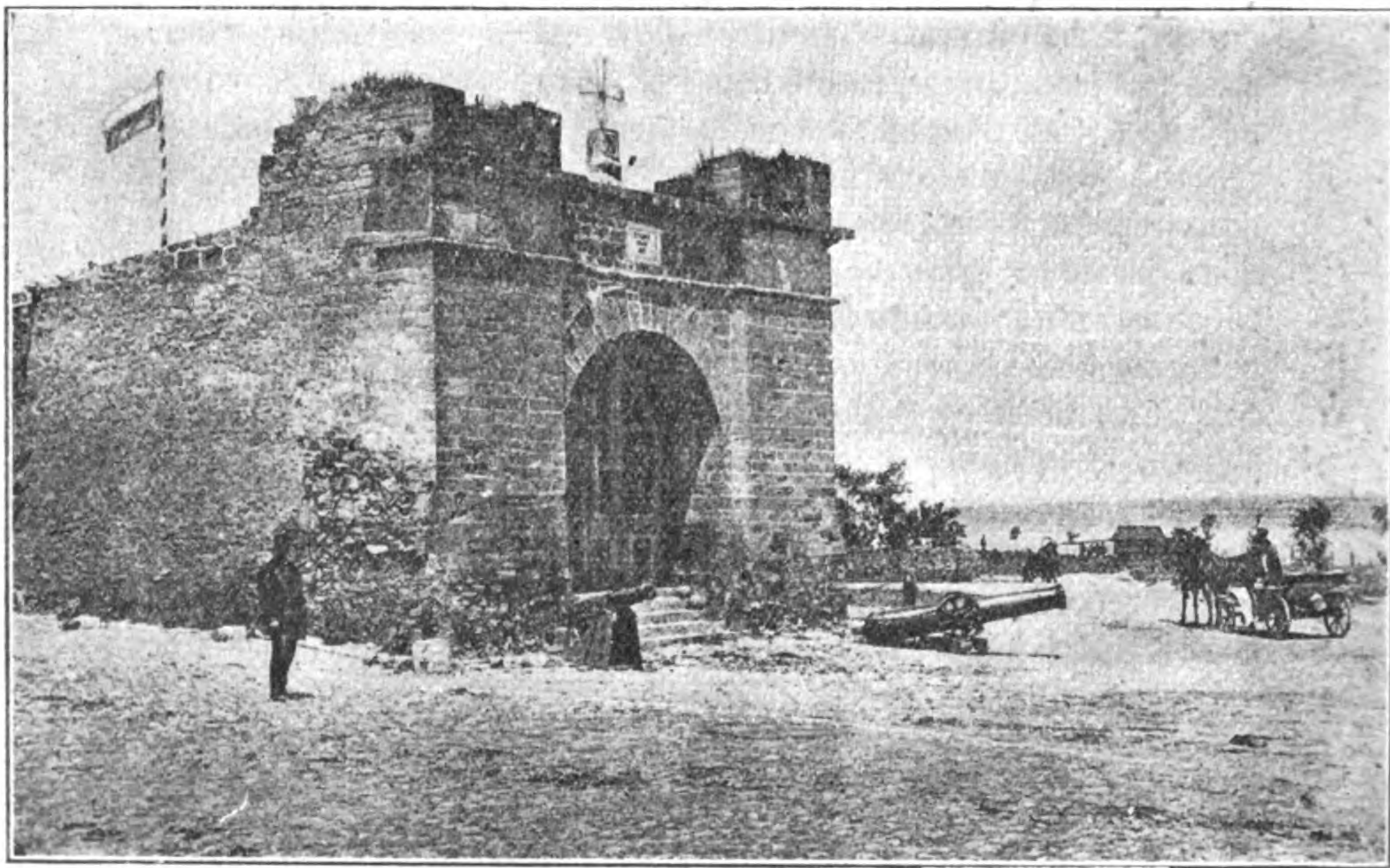
Мѣстное населеніе малокультурно, безпечно и лѣнливо. Эти свойства, общіе всему населенію изъ Россіи, здѣсь еще усугубляются тѣмъ, что Анапа—курортъ, гарантирующій домовладѣльцамъ и людямъ, живущимъ трудомъ, доходъ отъ курортной публики. Поэтому цѣны на квартиры и на работу здѣсь довольно высоки, прислуга дорога. Но нужно отдать справедливость мѣстному населенію въ томъ отношеніи, что оно добродушно и ласково.

Городъ раздѣляется на 2 части: старую внутри вала и новую—за валомъ. Начинаясь отъ берега моря между маякомъ и кладбищемъ, въ направленіи къ сѣверу идетъ земляной валъ со рвомъ, частью сохранившійся еще, частью сравненный съ землей. Теперь здѣсь значитъ улица, называемая Бульваръ графа Гудовича; дойдя до базара, валъ

исчезаетъ. сравненъ съ землей, но его направленіе указываютъ такъ называемые Русскіе ворота, а за ними къ морю замѣтны остатки вала, упирающіеся въ море. Проведенный такимъ образомъ отъ моря до моря и отрѣзывающій выдающійся въ море мысъ, этотъ валъ обозначаетъ линію укрѣпленій. Это все, что осталось отъ земляного вала, глубокаго крѣпостного рва и высокой стѣны съ зубцами, защищавшей городъ съ суши и составлявшей грозную анапскую твердыню. Еще лѣтъ 30 тому назадъ стѣна стояла, но затѣмъ камень ея былъ разобранъ для постройки домовъ; оставлены на память одни изъ трехъ воротъ; надъ ними сдѣлана надпись „Русскіе ворота“ и они обращены въ ча-

совню. Внутри стѣны лежалъ турецкій городъ, отъ котораго теперь сохранились только мечеть, обращенная въ церковь св. Онуфрія, и домъ комендантскаго управленія, переделанный теперь въ городскую гостиницу. Со стороны моря по берегу шель неввысокій частью каменный, частью зе-

мляной парапеть, изъ-за котораго смотрѣли въ море грозные жерла орудій. Два-три изъ нихъ сохранились и поставлены по угламъ Русскихъ воротъ; послѣднія обнесены цѣпью, а столбами для цѣпи служатъ бомбы, брошенныя турецкимъ броненосцемъ въ городъ въ послѣднюю турецкую войну (1877—78 г.); бомбы, къ счастью, не разорвались, подобраны и теперь служатъ напоминаніемъ о послѣднемъ русско-турецкомъ столкновеніи.

За валомъ раскинулся новый городъ, выросшій только въ послѣдніе 25 лѣтъ; онъ имѣетъ явную тенденцію расти и расширяться.

Городъ протянулся дальше въ ширину, чѣмъ въ длину. Улицы прямы и широки, частью вымощены. Двухъ-этажныхъ домовъ очень мало; почти всѣ дома одноэтажные, каменные или изъ сѣрватаго анапскаго кирпича (деревянныхъ нѣтъ), крытые, большею частью, черепицей. Вообще много простора, есть полная возможность хорошей циркуляціи воздуха. Тротуары довольно широки; вымощены частью кирпичомъ и частью булыжникомъ или просто гольшами. Лучшія мѣста по берегу моря занимаютъ санаторія Будзинскаго, маякъ, городской садъ.

Посѣтитель, въ первый разъ пріѣхавшій въ Анапу, скорѣе разочаруется: жарко, маловато тѣни, не видно роскошныхъ построекъ, изящныхъ скверовъ, фонтановъ, богатыхъ магазиновъ; все, напротивъ, просто, скромно, даже бѣдно. Избави Богъ, если посѣтитель попалъ сюда въ то время, когда дуетъ нордъ-остъ! Но имѣйте терпѣніе, не судите по внѣшности и не теряйте случая воспользоваться тѣми исключительными курортными благами, которыя можетъ дать Анапа. Старожилы, отлично изучившіе нравы пріѣзжей пулики, говорятъ: въ первый день пріѣзда курортные гости ругаютъ Анапу, во второй съ нею мирятся, а по истеченіи недѣли начинаютъ любить. Прожившій одинъ сезонъ оцѣниваетъ настоящее значеніе курорта и обыкновенно дѣлается его постояннымъ гостемъ, если онъ не ищетъ блеска, развлеченій, веселаго препровожденія времени.

Какіе же курортные блага даетъ Анапа? Это—несравненныя морскія купанья, одинъ изъ лучшихъ на Черномъ

морѣ песчаный пляжъ, замѣчательно чистый и сухой воздухъ, полную безопасность отъ маляріи, особое изобиліе солнца, лѣчебный виноградъ болѣе дешевый, чѣмъ гдѣ-либо, цѣлебную грязь, особый укладъ городской жизни, какъ нельзя болѣе способствующій отдохновенію и лѣченію, и, въ дополненіе ко всему этому, тѣ курортно-лѣчебныя учрежденія, которыя созданы людьми съ иниціативой, самоотверженіемъ и сильною волей.

Анапа, какъ сказано выше, съ трехъ сторонъ омывается моремъ. Въ ясный солнечный день густая синева моря, въ которую какъ бы вправлена Анапа, представляетъ дивное зрѣлище. Никакой другой крымскій или кавказскій курортъ не представляютъ такого исключительно благопріятнаго сочетанія моря и суши; у другихъ городовъ или прямая, безъ извилинъ, линія берега, какъ, напримѣръ, въ Гаграхъ, Евпаторіи, Алуштѣ, Сочѣ, Туапсе, Адлерѣ, или излучина моря, вдающаяся въ сушу, какъ въ Ялтѣ, Новороссійскѣ, Гелленджикѣ, Сухумѣ, Батумѣ.

Ломаная линія анапскаго берега образуетъ въ предѣлахъ города протяженіе не менѣе 5—6 верстъ, а если сюда прибавить протяженіе песчанаго пляжа до санаторіи Бимлюкъ д-ра Будзинскаго, то получится линія не менѣе 10—12 верстъ длиною; этой такой просторъ, о какомъ не можетъ мечтать ни одинъ черноморскій курортъ.

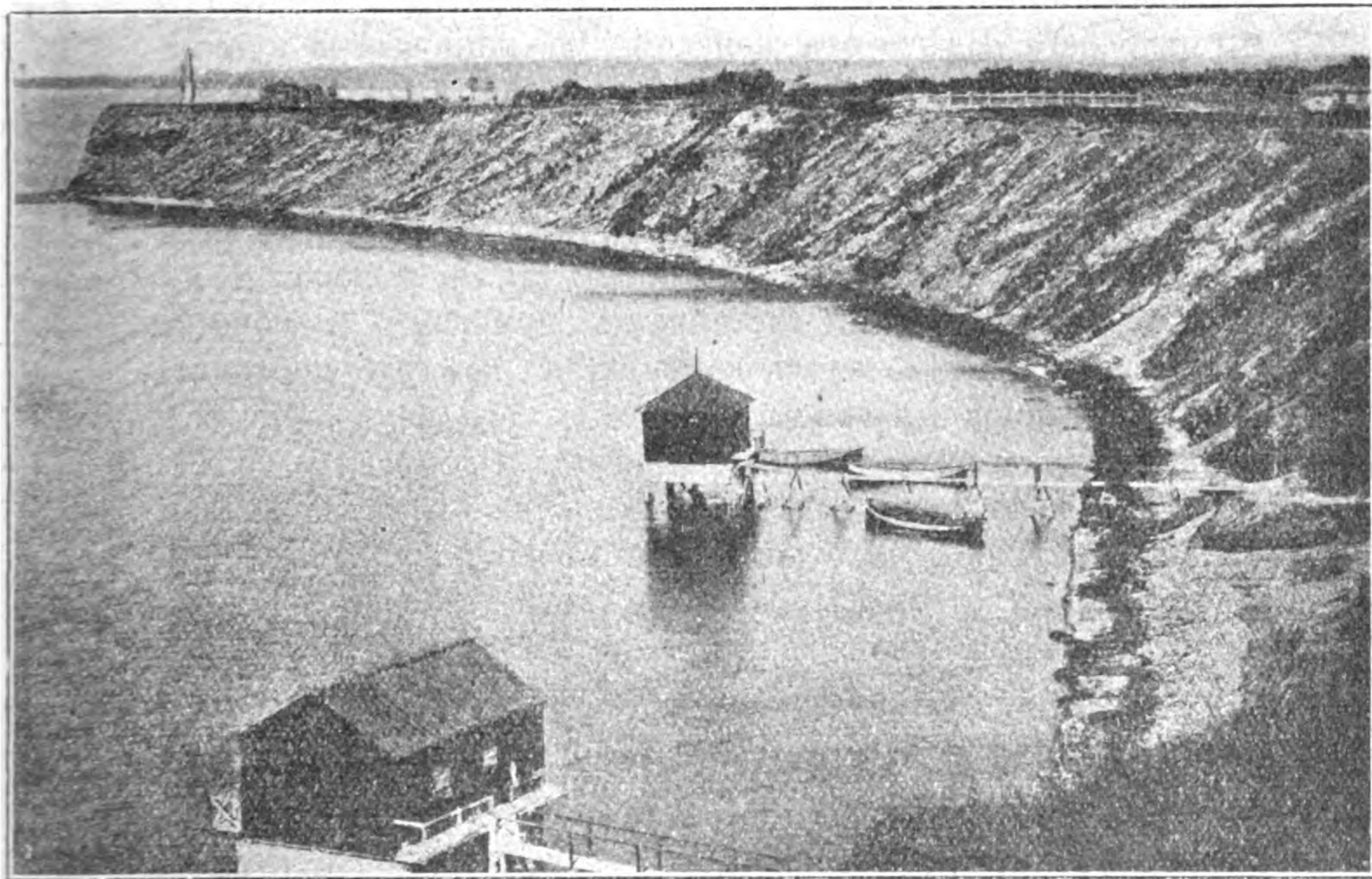
На всемъ этомъ громадномъ разстояніи море вполне доступно для купанья не только взрослыхъ, но и малолѣтнихъ. Глубина моря увеличивается медленно и постепенно и едва саженяхъ въ 50 отъ берега достигаетъ взрослому человѣку до плечъ; это благопріятное условіе увеличивается еще тѣмъ, что нигдѣ, на протяженіи всего анапскаго берега, въ морѣ нѣтъ ни обрывовъ, ни ямъ, ни внезапныхъ пониженій и уступовъ дна.

На этомъ громадномъ пространствѣ берега курортные гости Анапы могутъ найти купанье по своему вкусу. Они и купаются по всему этому пространству. Но наилучшія и излюбленныя мѣста купанья на анапскомъ берегу слѣду-

ющія: за кладбищемъ, въ Малой бухтѣ, въ большой городской купальнѣ, при началѣ пляжа у города и на самомъ песчаномъ пляжѣ.

За кладбищемъ, которое занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ берега, къ морю съ высокаго берега (до 15 сажень) сдѣланъ широкій и пологій спускъ. Внизу море окаймлено не широкимъ пляжемъ—сажень 5—6 изъ крупной и мелкой гальки сѣраго цвѣта. Дно моря здѣсь каменистое, но при необычайной прозрачной воды купанье удобно, а удовольствіе отъ купанья вслѣдствіе простора, свѣжести и чистоты воды несравненное; просторъ и свобода здѣсь полны, и купающіеся даже не мѣшаютъ другъ другу. Приспособленій для купанья здѣсь нѣтъ никакихъ, но прибрежная галька настолько перемыта прибоемъ, что здѣсь удобно раз-

дѣваться и одѣваться прямо на камняхъ. Для любителей ранняго купанья удовольствіе здѣсь увеличивается тѣмъ, что купанье происходитъ въ тѣни, отбрасываемой высокимъ берегомъ.

Второе купальное мѣсто—такъ называемая Малая бухта; любители турецкихъ названій предполагають говорить Кучукъ-бухта. Это небольшой заливчикъ, вдающійся въ сушу между санаторіей Будзійскаго и городскимъ садомъ. Здѣсь устроены двѣ небольшіе купальни, женская и мужская. Дно здѣсь не такъ прозрачно, какъ за кладбищемъ; причина этого лежитъ въ томъ, что благодаря вдающемуся въ сушу заливу волненіе моря здѣсь всегда слабѣе и занесенный сюда илъ и глина не относятся опять моремъ, а отлагаются на днѣ тонкимъ слоемъ; этотъ слой при купаньи ясно чувствуется ногами на разстояніи сажень 10—15 отъ берега, и онъ-то отнимаетъ у воды ея полную прозрачность. Впрочемъ, это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ купанью. Въ Малой бухтѣ число купающихся весьма велико, при чемъ они купаются не только изъ купаленъ, но и прямо съ берега. Влѣво отъ женской купальни всегда купаются женщины и дѣти; вправо отъ мужской купальни, подъ утесами городского сада, купаются мужчины.

Главное или вѣрнѣе показное мѣсто купанья—по сосѣдству съ пристанью. Здѣсь выстроена обширная, можно сказать, великолѣпная, изящнаго стиля, городская купальня съ обширными бассейнами, номерами и общими раздѣвальнями. Дно здѣсь каменистое; кое-гдѣ проходятъ невысокія каменные гряды. Впрочемъ это неудобство сейчасъ устранивается: камни выламываются и убираются со дна. Вода здѣсь такъ же чиста и прозрачна, какъ за кладбищемъ, и купанье одно изъ лучшихъ по получаемому удовольствію и удобствамъ. При купальнѣ устроено приспособленіе для солнечныхъ ваннъ.

Третье мѣсто купанья, не показное, но любимое публикой, особенно женской и дѣтской, больше всѣхъ прочихъ—это начало песчанаго пляжа у города. Здѣсь на пространствѣ, начинающемся отъ высокаго берега и до протока Анапки, на протяженіи около полуверсты, при ширинѣ почти въ 80 сажень, сосредоточились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря площадка Анапскаго общества содѣйствія физическому воспитанію дѣтей, построенныя городомъ грязелѣчебница, морскія, солнечныя и песочныя ванны; на самомъ же

пляжъ построены двѣ небольшихъ купальни: мужская и женская, поставлены скамьи съ навѣсами, поставлено нѣсколько приспособленій для дѣтской гимнастики, и нѣсколько далѣе — бесплатныя купальни: мужская и женская.

Здѣсь, можно сказать, царятъ дѣтскій крикъ и смѣхъ, — такая масса дѣтей съ родителями приходятъ сюда и проводятъ здѣсь большую часть дня; одни приходятъ, другіе уходятъ, но толпа шумитъ и кишитъ здѣсь цѣлый день.

Въ 12 часовъ дня все это пространство особенно полно купающимися дѣтьми и взрослыми; родители выводятъ всю свою дѣтвора, начиная отъ 2—3-лѣтняго возраста. Море или сердито набѣгаетъ на берегъ длинными грядами волнъ съ бѣлыми гребнями, или ласково и чуть слышно шелеститъ у песка слабымъ прибоемъ. Во всякую погоду, кромѣ, конечно, бури. когда купанье невозможно, море здѣсь привлекательно. Вода здѣсь прозрачна, дно медленно, постепенно и правильно понижается, и еще въ 50 саженьяхъ отъ берега вода доходитъ взрослому только до груди; дно состоитъ изъ самаго мелкаго бѣлаго песка, который то лежитъ ровнымъ слоемъ, то располагается морщинками, слѣдуя движенію волнъ. Вода, благодаря прозрачности и малой глубинѣ нагрѣвается здѣсь въ періодъ іюня по средину августа до 22—24° R.

Дѣти, самые даже маленькія, въ восторгѣ отъ купанья, играютъ у самаго берега, или бѣгаютъ по водѣ; нѣкоторыя играютъ съ набѣгающей волной, то бросающъ навстрѣчу ей, то спасаясь бѣгствомъ, когда она окатываетъ ихъ пѣной. Это составляетъ нестоимый источникъ веселья для участниковъ и зрителей. Тутъ же группы дѣтей роются въ песокъ, возводятъ свои песчанья постройки, рѣзвятся, упражняются на гимнастическихъ приборахъ.

Четвертое мѣсто для купанья—это знаменитый Анапскій песчаный пляжъ, чистый и свободный отъ всякихъ построекъ, который продолжается за Анапкой по городской землѣ на разстояніи 10 верстъ, и дальше не менѣе 40 верстъ. Тамъ условія купанья такія же, какъ только-что описанныя, но на просторѣ; песокъ и вода тамъ чище, вслѣд-

ствіе полного отсутствія какихъ-бы то ни было городскихъ отбросовъ.

Надо, однако, замѣтить, что послѣ сильныхъ бурь съ сѣверо-запада на нѣкоторыхъ пунктахъ анапскаго берега скопляются прибитыя волной морскія водоросли (по мѣстному „камка“), которыя, по истеченіи нѣ котораго времени, загниваютъ и издають легкій запахъ сѣро-водорода; это явленіе наблюдается и въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Евпаторіи). Камка, впрочемъ, во время сезона немедленно убирается.

Таковы внѣшнія условія морскихъ купаній въ Анапѣ. Начинають здѣсь купаться рано; уже въ половинѣ апрѣля нѣкоторыя начинаютъ купаться при температурѣ воды 12—14° R. Къ половинѣ мая температура воды въ морѣ у береговъ Анапы достигаетъ minimum 15° R. и здѣсь постепенно продолжаетъ повышаться. Въ началѣ іюня она бываетъ 17—19 R., а съ половины іюня до половины августа держится въ предѣлахъ 18—22°. На пескахъ температура воды выше на 1°, благодаря малой глубинѣ у берега и особой прозрачности воды. Съ половинѣ августа температура воды идетъ на убыль и къ 15-му октября достигаетъ 10—12° R. Въ сентябрѣ и октябрѣ еще есть купающіеся; послѣ 15-го октября купанье совершенно прекращается.

Къ характеристикѣ солености въ морѣ у береговъ Анапы нужно отмѣтить, что отъ самаго Благовѣщенскаго лимана, въ 16-ти верстахъ къ сѣверу отъ Анапы, и до Сукко, въ 15-ти верстахъ къ югу отъ нея, въ море не впадаетъ ни одного прѣсноводнаго источника. Кромѣ того, лѣтняя высокая температура воздуха обуславливаетъ сильную испаряемость морской воды, а происходящую отъ этого концентрацію солености въ теченіе лѣтняго бездождля нисколько не ослабляетъ притокъ атмосферной влаги. Отсюда понятно, что соленость у береговъ Анапы не менѣе 17,6 частицъ соли на 1000 частицъ воды.

В. П. Щенетевъ.

20 іюня 1914 г.

Анапа.

Картины природы Кутаисской губернии.

I.

Кавказъ въ древности. Легенды. Природная красота Закавказья и въ частности Кутаисской губернии.

Всѣ взоры античнаго міра казались направленными къ Кавказу, къ этимъ таинственнымъ, сѣдымъ вершинамъ, которыя своимъ снѣжнымъ покровомъ служили точно ступенью, ведущею къ обители боговъ. Тамъ, казалось, кончается или начинается свѣтъ; тамъ граница между обитаемымъ міромъ и необитаемымъ, невѣдомымъ. Это — священная высь, вокругъ которой воображеніе народовъ соткало таинственную сѣть изъ легендъ. На горныхъ великановъ смотрять съ восхищеніемъ и трепетомъ. На одномъ изъ утесовъ, незащищенномъ отъ холодныхъ вѣтровъ, прикованъ Прометей за то, что дерзнулъ похитить небесный огонь, который долженъ былъ принести людямъ счастье.

Эльбрусъ убаюкиваетъ въ непорочной чистотѣ своего покрывала сыновъ Леды и божественнаго лебедя—двухъ неразлучныхъ братьевъ, сверкающихъ на небѣ въ темныя звѣздныя ночи, Кастора и Поллукса. То было на берегахъ Фасиса, гдѣ вѣроломная Медея готовила ядъ, откуда Ясону удалось похитить золотое руно царя Эита—сына солнца. Священное Писаніе развѣ не говоритъ намъ, что Ноевъ ковчегъ остановился на горахъ Араратскихъ, чтобы вновь населить опустошенную вселенную?

Итакъ, съ незапамятной старины Кавказъ былъ священнымъ горнымъ хребтомъ, на который народы глядѣли съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія.

Для насъ теперь эпоха легендъ прошла. Смѣлые, отважные изслѣдователи неустрашимо взбираются то на ту, то на другую изъ этихъ вершинъ.

Наука вошла туда, гдѣ царила область таинственныхъ, неразгаданныхъ преданій; она отрезвила умы.

Но если Кавказъ былъ такъ чтимъ, то, конечно, не безъ основанія. Легенда—это исторія народа въ дѣтскомъ возрастѣ. Мы должны найти въ этой чудесной странѣ, съ ея величественными дѣвственными гребнями горъ, источникъ, откуда вытекали эти легенды.

Какое богатство для археолога и историка! Какъ много прекраснаго можно обнаружить подъ этой легкой и нѣжно сотканной сѣтью, которая въ своихъ складкахъ скрываетъ столько неизслѣдованныхъ сокровищъ!

Какія богатства также для географа и простаго туриста, любящаго природу. Какая красота въ этой странѣ снѣжныхъ горъ и лѣсныхъ гигантовъ! Какое богатство для геолога, стремящагося понять строеніе почвы, такъ сильно потрясенной подземными силами, разгадать причину возникновенія этихъ грандіозныхъ вершинъ, воскресить эпохи до-человѣческой жизни земли!

И въ этой странѣ, столь сказочно прекрасной, способной плѣнить челоуѣка науки не меньше, чѣмъ поэта или художника, однимъ изъ самыхъ красивыхъ уголковъ, если не самымъ красивымъ, является, безспорно, ея западная часть—Кутаисская губернія.

II.

Естественныя красоты Кутаисской губерніи.

Чтобы представить приблизительно общій видъ Кутаисской губерніи, ее можно сравнить, хотя и не совсѣмъ точно, съ обширной глубокой чашкой, окаймленной горами, и открывающейся съ одной стороны—къ морю.

Съ сѣвера Главный хребетъ, со своими могучими вершинами, величественными гигантами, раздѣляющій двѣ части свѣта: Европу и Азію.

Съ юга послѣдніе уступы Малаго Кавказа (идушіе изъ Малой Азіи), которые, пропустивъ у волшебнаго Зекарскаго перевала шоссею дорогу изъ Кутаиса въ Абастуманъ, направляются къ востоку, чтобы подать руку подвинувшемуся къ нему старшему брату, и образуютъ, соединившись съ нимъ, Сурамскія горы, эту діафрагму между Карталиніей и Имеретіей, которую Закавказская желѣзная дорога прободала насквозь своимъ тоннелемъ.

И здѣсь-то, между этими горами, простерлась зеленая долина Имеретіи и Мингреліи, упирающаяся на западъ, въ Черное море, образуя удивительно красивые берега его.

Берегъ этотъ на своемъ протяженіи отъ сѣвера къ югу пріютилъ, съ одной стороны, въ углубленіи среди покрытыхъ роскошной растительностью холмовъ — на фонѣ величественныхъ горъ Аджаріи, Батумъ, недалеко отъ устьевъ Чороха, отъ котораго къ западу государственная граница, а съ другой — онъ переходитъ въ береговую полосу Абхазіи, лѣса которой образуютъ изящную зеленую кайму во всю длину побережья.

Здѣсь находится древняя Діоскурія и нынѣшній Сухумъ, гдѣ, по словамъ Стравона, собиралось для торговли болѣе 70-ти народовъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ *).

Какъ видно изъ вышесказаннаго, Западное Закавказье представляетъ собою область, самой природой обособленную съ поднимающимися по краямъ ея горными цѣпями, большая часть которыхъ покрыта вѣчнымъ снѣгомъ; со своими рѣками, нигдѣ не переходящими ея границъ; со своимъ климатомъ, который не похожъ на климатъ восточнаго Закавказья. Разнообразіе растительности, среди которой встрѣчаются представители альпійскихъ высотъ, растенія умѣреннаго пояса и тропическія, дѣлаютъ флору этой части Кавказа одной изъ самыхъ прекрасныхъ въ мірѣ. Фауна ея, можетъ-быть, одна изъ самыхъ богатыхъ Закавказья.

При этомъ мы не должны забывать, что минеральныя богатства древней Колхиды дѣлали ее миѳическою странюю золотого руна.

---

*) Діоскурія находилась близъ Сухума, на теперешнемъ мысу Скурчъ (недалеко отъ устьевъ Кодора).

III.

Орографія и гидрографія края.

Съ точки зрѣнія орографіи, т. е. протяженія и свойства горъ, Западный Кавказъ замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ. И, дѣйствительно, самыя высокія вершины Европы принадлежатъ Главному хребту, который отдѣляетъ его отъ Терской области. Кромѣ того, отъ этого Главнаго хребта идутъ, расщепляясь отъ него на югъ, многочисленныя отроги, которые достигаютъ часто высотъ альпійскихъ пастбищъ, а иногда и вѣчныхъ снѣговъ.

Часть Главнаго хребта, отдѣляющая Кутаисскую губернію отъ Терской, начинается къ югу отъ подножья массива Эльбруса этого гиганта Европы, на котораго долгое время смотрѣли, какъ на самую высокую гору міра. Это священная гора, окруженная непроницаемою вѣковою тайною—гора, на которую ни одинъ смертный долго не могъ подняться.

Властитель Тха (черкесское верховное божество) запрещаетъ приближеніе къ ней, а, по мнѣческимъ сказаніямъ грузинъ, Амиранъ *), который, быть-можетъ, тотъ же Прометей грековъ, пригвожденъ къ одному изъ утесовъ Ямбуза за то, что онъ ступилъ на запретный путь.

Черкесы (кабардинцы) видятъ въ Ошхамахо царя духовъ. Татары называютъ ее Мингитау въ почтительномъ обожаніи „единственной изъ тысячи горъ“.

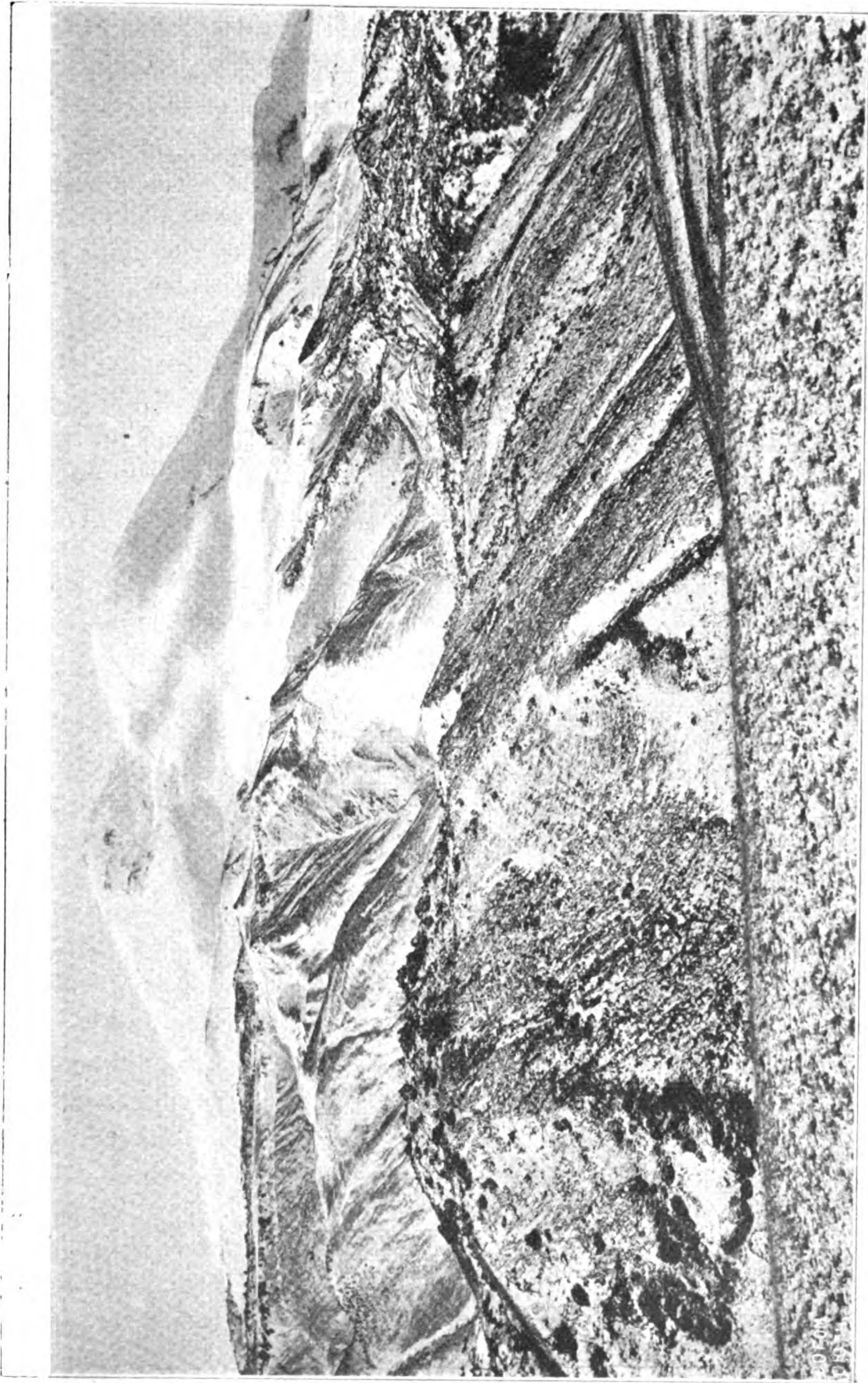
А вотъ еще преданіе, которое повѣствуетъ, что Ноевъ ковчегъ, блуждая по бурнымъ волнамъ моря, наткнувшись на главу Эльбруса, расщепилъ ее и образовалъ два большихъ зуба, которые и торчатъ на немъ, подымаясь въ небесную высь.

Говоря точно, ни географически ни административно, Эльбрусъ не принадлежитъ Кутаисской губерніи. Онъ образуетъ огромный округленный массивъ, отдѣлившійся отъ Главнаго хребта къ сѣверу. Но какъ умолчать о немъ? Онъ

---

*) У черкесовъ—это одноглазый богатырь.

Г. Эльбрусъ.

геологически связанъ съ горнымъ массивомъ къ сѣверу Кутапской губерніи, образуя центральную ось, по бокамъ которой отложились европейскій и азіатскій склоны Главнаго хребта.

Немного къ югу отъ Эльбруса проходитъ Главный хребетъ, который начинается приблизительно около перевала Донгузь-орунъ (10,493 ф.), этого прохода, болѣе или менѣе удобнаго, ведущаго изъ Сванетіи въ Балкарію.

Далѣе, къ востоку, цѣпь тянется по прямой линіи на подобіе огромной пилы съ гигантскими зубьями, покрытыми снѣгомъ.

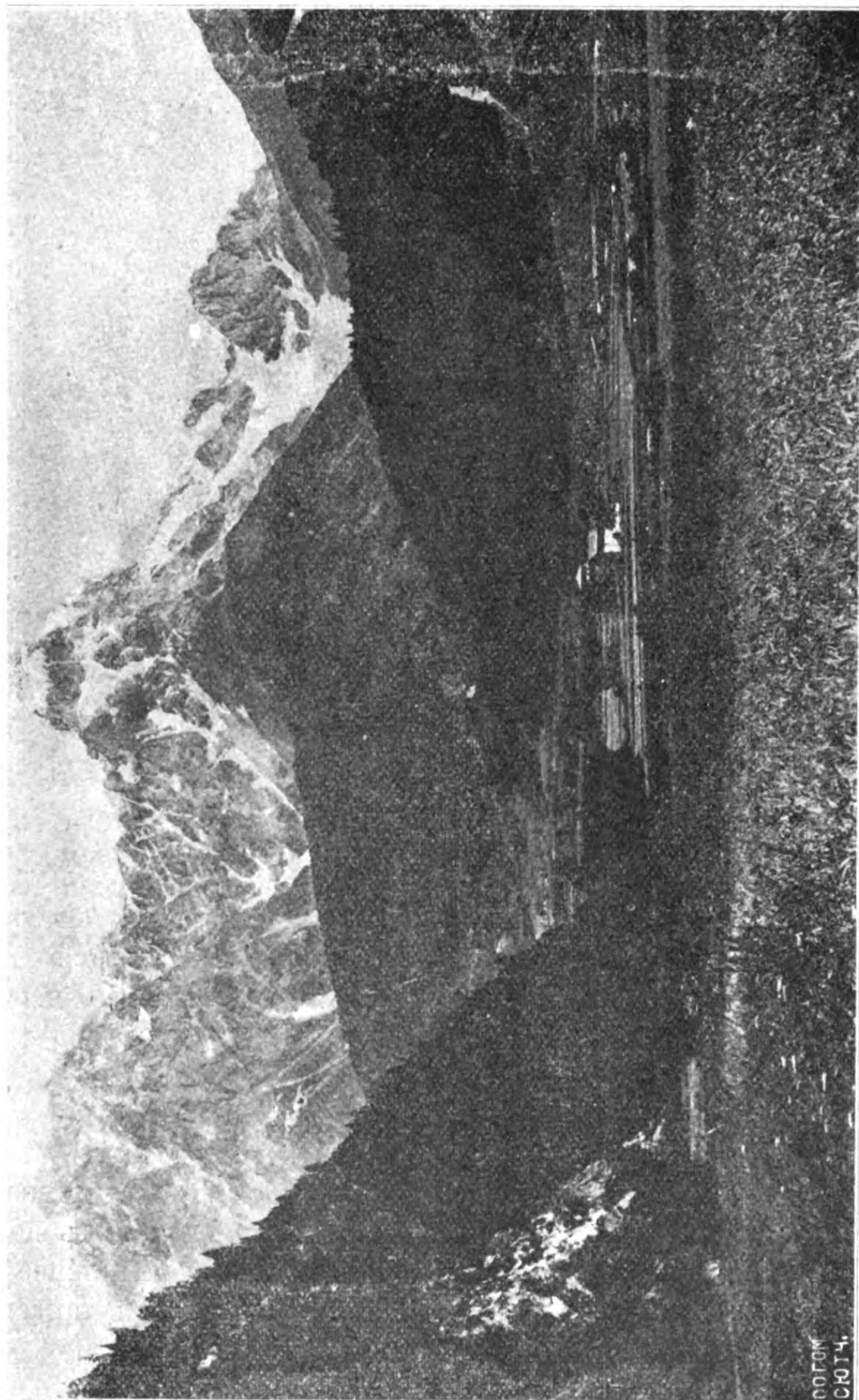
Сначала „Ушба“ (15,409 фут.) — стражъ Сванетіи, который своими двумя снѣжными пирами, напоминаетъ готическій храмъ; за ней высится коническая гора „Тетнульдъ“ (15,938 ф.), величавая, гордо подымающая къ небу свою вершину, которая украшается часто ореоломъ облаковъ, образующихъ вокругъ нея природный вѣнецъ. Совсѣмъ близко отъ нея спускается ледникъ „Адышъ“, по всей вѣроятности, одинъ изъ самыхъ красивыхъ южнаго Кавказа. Немного далѣе поднимаются „Дыхъ-тау“, „Каштанъ-тау“ и „Джанги-тау“. Затѣмъ внушительный массивъ „Шхара“, болѣе высокій, чѣмъ Казбекъ младшій братъ Эльбруса.

Зубчатая цѣпь продолжается далѣе къ востоку, заключающая въ своихъ углубленіяхъ трудно проходимые перевалы до извѣстнаго Мамисонскаго перевала, черезъ который проходитъ шоссе, идущее изъ Кутаиса до Владикавказа — живописная Военно-Осетинская дорога, которую большая часть путешественниковъ предпочитаетъ Военно-Грузинской.

Послѣ Мамисонскаго перевала водораздѣлъ, по которому проходитъ административная граница, уклоняется къ югу, покидая центральную ось, и у Зекарской горы Кутапская губернія соприкасается съ Тифлисской. Отъ этого большого хребта отдѣляются нѣсколько второстепенныхъ цѣпей, которыя, развѣтвляясь между глубокими ущельями, заканчиваются широкими долинами Ингура, Цхенись-цхали и Ріона.

Первая изъ этихъ цѣпей, идущая параллельно Главному хребту, образуетъ горы Сванетіи, которыя дѣлятъ стра-

Г. Ушба.

ну свановъ на двѣ различныя части: Верхнюю Сванетію и Нижнюю Сванетію.

Видъ съ Латпарскаго перевала.

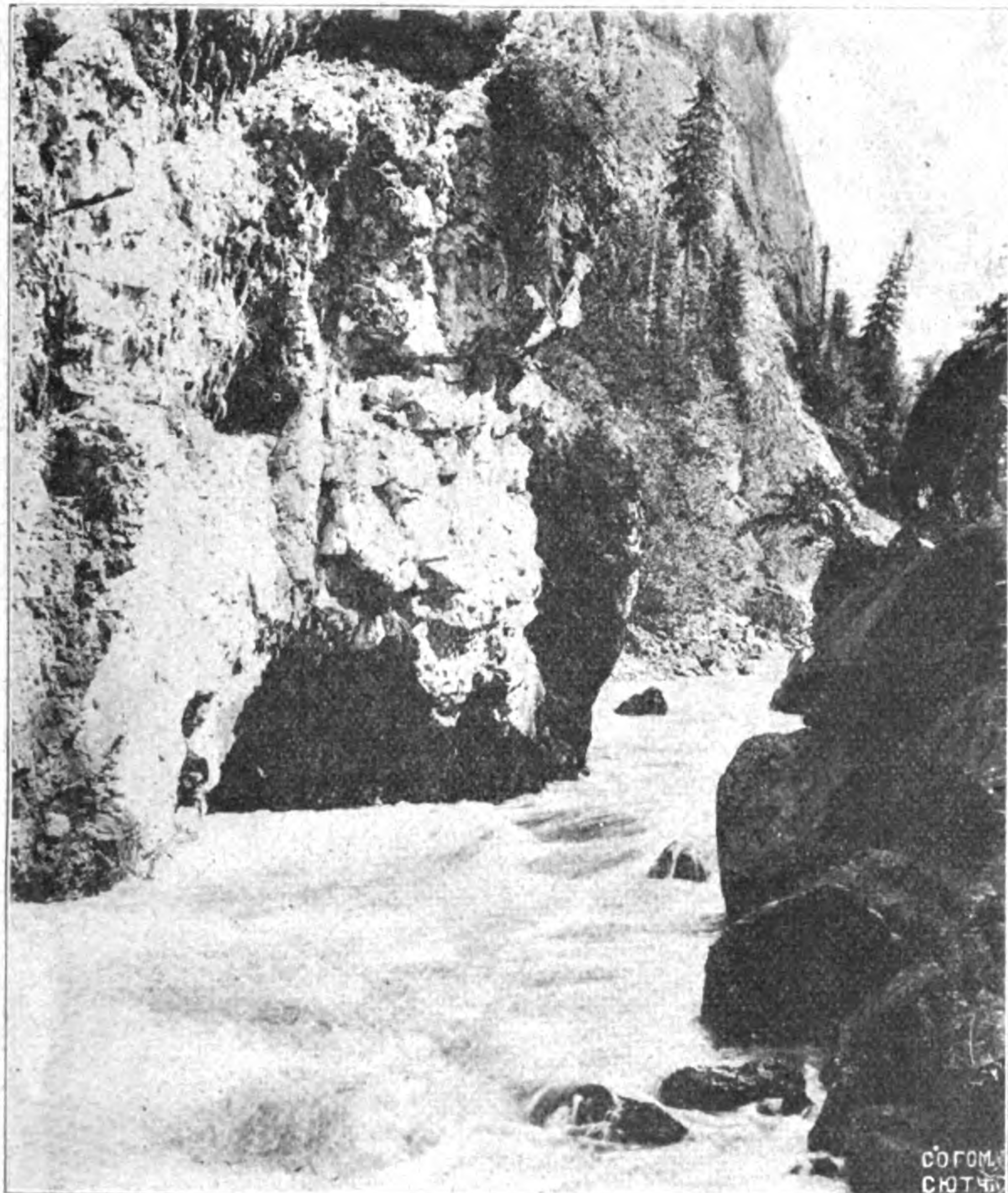
Эта цѣпь достигаетъ значительной высоты: „Лайла“ (13.144 ф.) и „Ласиль“ (11.459 ф.) покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и ледниками. Латпарскій переваль (9.296 ф.) является единственнымъ болѣе или менѣе удобнымъ переходомъ черезъ эти горы въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году; но въ іюль тамъ еще не сходитъ снѣгъ.

По этому перевалу проходитъ дорога изъ Кутанса въ Бечо, административный пунктъ Сванетіи. Между этими горами Сванетіи и главной цѣпью протекаетъ Ингуръ, верхняя часть котораго заключила въ своихъ глубокихъ долинахъ селенія Верхней Сванетіи или Вольной, а нижнее теченіе служитъ естественной границей между Кутанскою губерніей и Абхазіей (Сухумскимъ округомъ).

Трудно представить себѣ красоту и живописность Сванетіи, расположенной по Ингуру. Кто не слышалъ о прекрасной природѣ Сванетіи? Но въ суровой природѣ Сване-

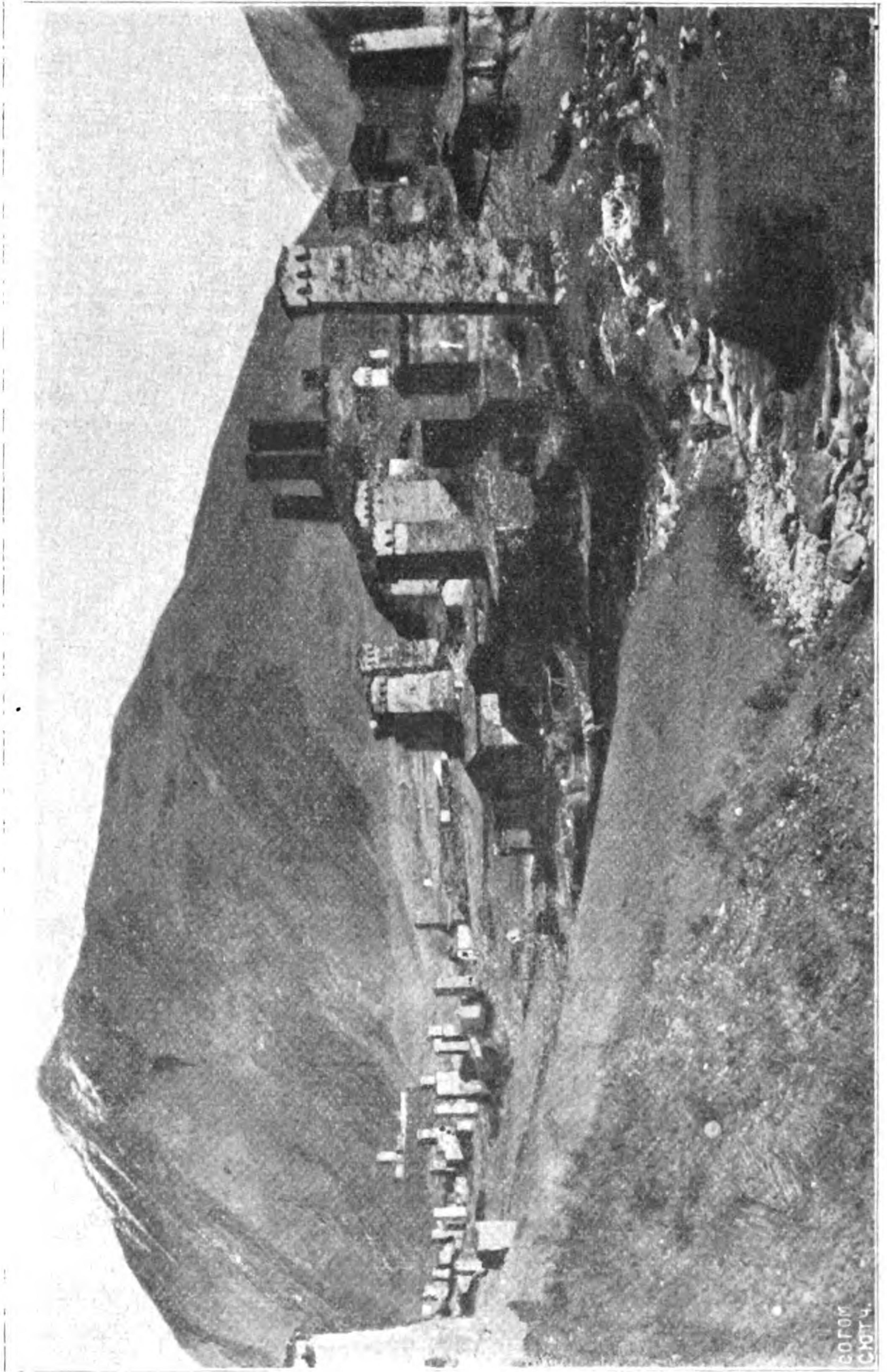
тѣи нѣтъ мягкости, нѣтъ тонкихъ линий, нѣжныхъ, ласкающихъ взоръ, красокъ съ переливами тоновъ, нѣтъ чару-

Ингурское ущелье.

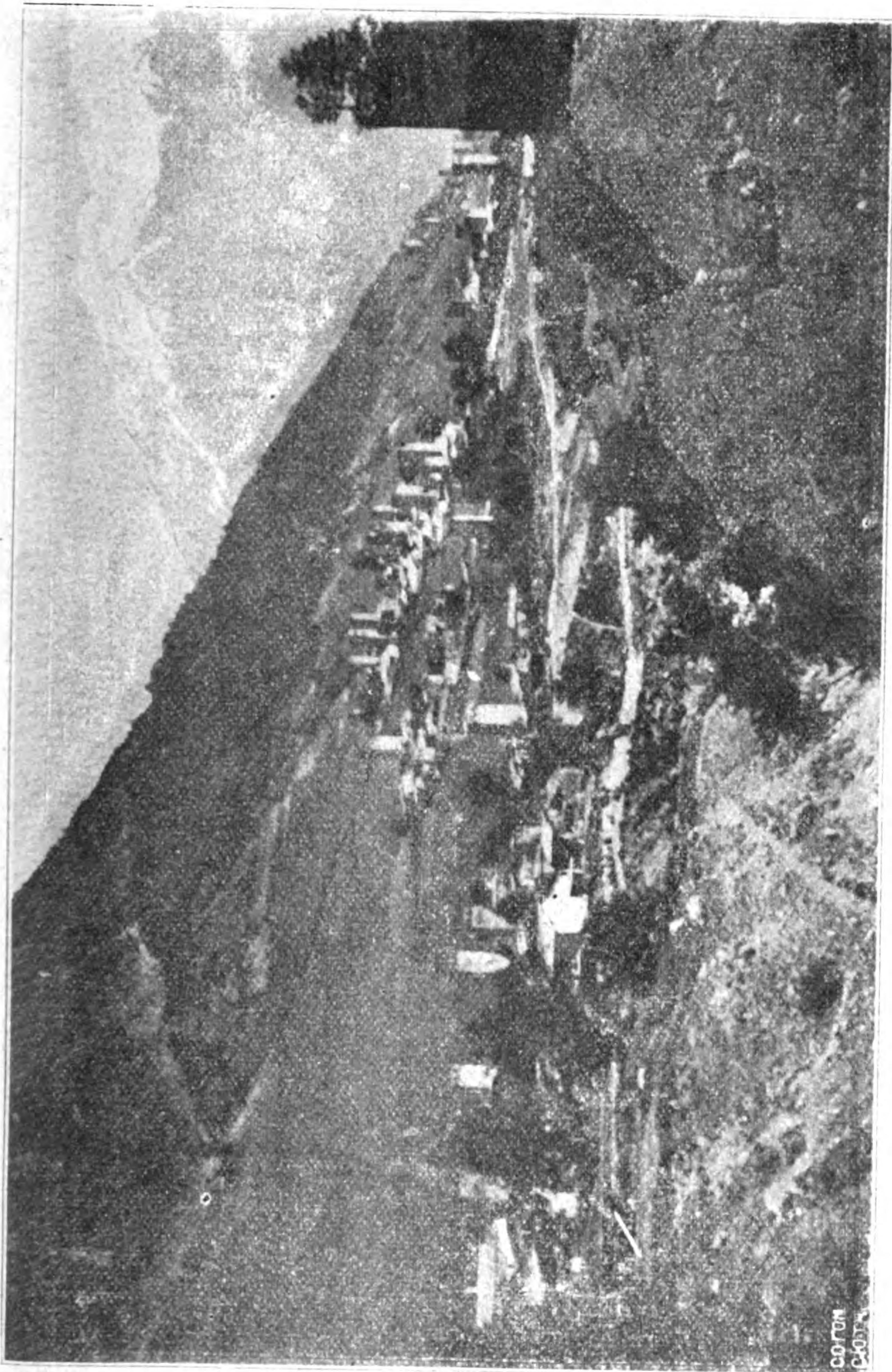
ющихъ долинъ, окаймленныхъ волнообразными холмами съ тихо журчащими ручьями среди бархатистыхъ лужаекъ. Въ ущельяхъ дикаго Ингура, который катитъ со страшнымъ грохотомъ свои черныя волны по громаднымъ камнямъ, по узкой тропинкѣ, пробирающейся вдоль шумной рѣки; въ глубинѣ бездонныхъ пропастей, гдѣ растутъ рододендроны, древообразные папортники и азалии рядомъ съ

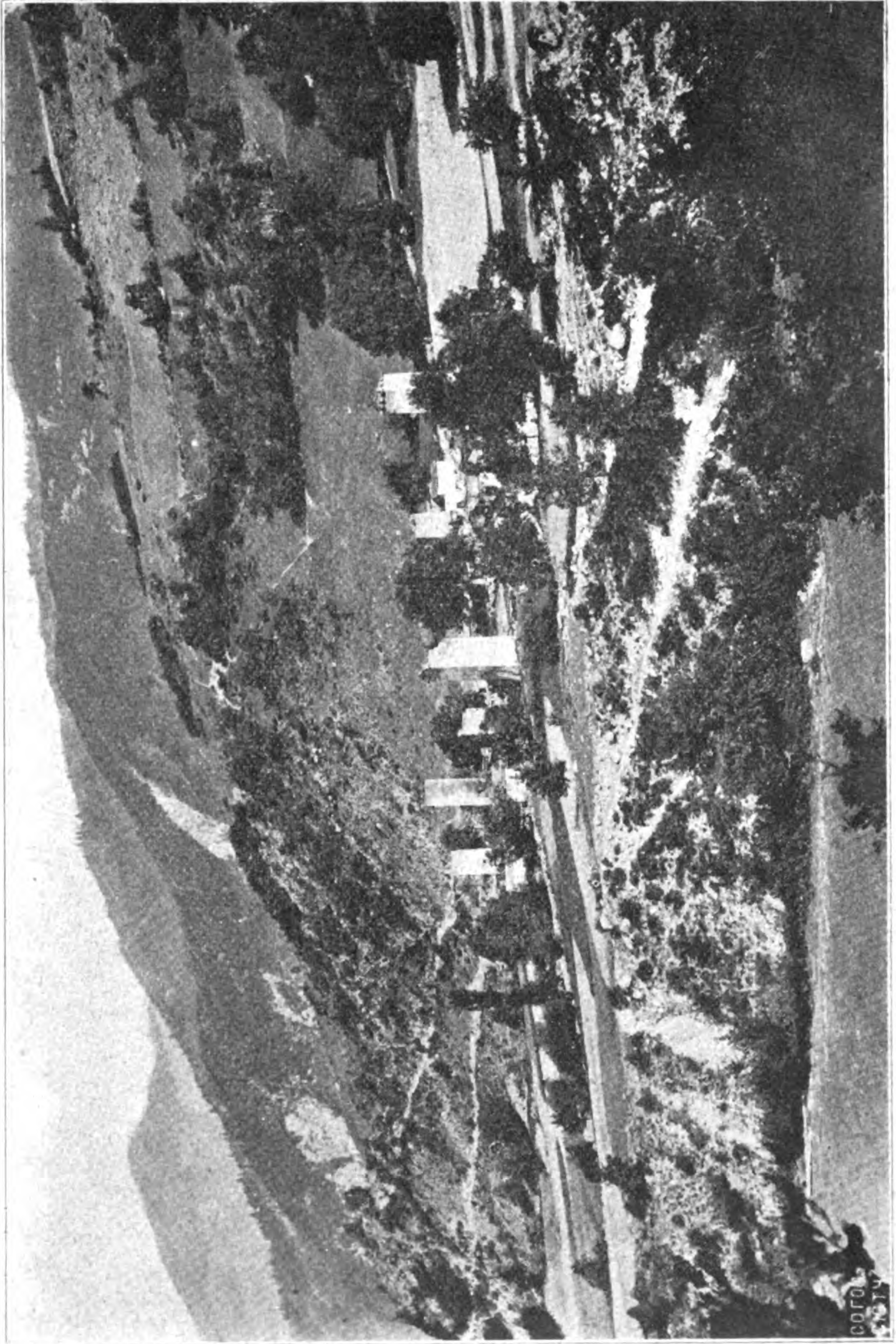
Верхняя Сванетия, Селение Ушкуль,

Видъ селенія Местія съ юга.

Нижня Сванетія. Селеніє Ипарі.

великанскими елями, подъ которыми бродятъ туры и дикія козы, путешественникъ испытываетъ тотъ трепеть, ту сладостную дрожь, которая сообщается при созерцаніи грозныхъ картинъ природы, и какъ онъ счастливъ, когда время отъ времени на поворотѣ дороги среди этого жуткаго одиночества, гдѣ слышны только голоса природы, замѣтитъ селеніе свановъ, которое на фонѣ этой картины обрисовывается своими скученными домами и средневѣковыми башнями, возвышающимся надъ черными шиферными крышами домовъ.

Къ югу отъ цѣпи сванетскихъ горъ разстиляется долина рѣка Цхенись-цхали, на берегахъ верхняго теченія которой расположились селенія Нижней Сванетіи.

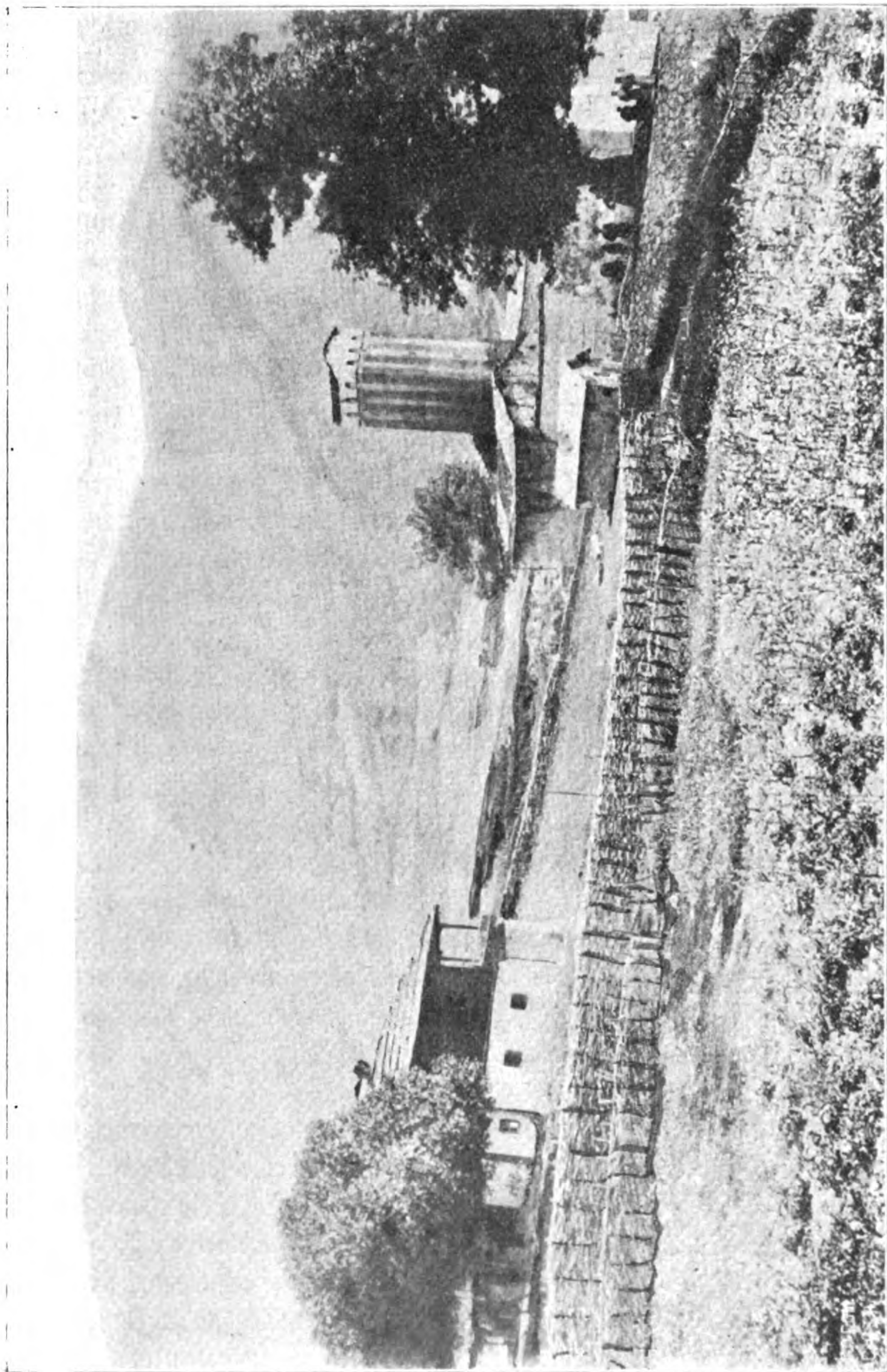
Менѣ шумная, чѣмъ Ингуръ, Цхенись-цхали стремится съ такой же быстротой, но по равнинѣ болѣе широкой, чѣмъ равнина Ингура. Альпійскіе луга и пышные лѣса, спускающіеся съ высотъ гребней и отражающіеся въ ея водахъ, придаютъ этой рѣкѣ особую прелесть.

Среди роскошнаго лѣса сосны и ели, у подножья которыхъ стелется сплошнымъ ковромъ земляника, гдѣ кусты черники и малины тѣсно сплелись, ютится небольшое село „Моаши“, минеральныя воды котораго могутъ поспорить съ Нарзаномъ.

Эта часть Цхенись-цхали отдѣлена отъ бассейна Ріона горами Лечхума, менѣ высокими, чѣмъ горы Сванетіи, но не менѣ живописными. Цитхаро высится наподобіе обелиска, и его склоны, почти отвѣсныя, спускаются съ высоты 1161 футовъ; по своей красотѣ онъ можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди самыхъ живописныхъ высотъ Главнаго хребта.

Лечхумскія горы, образуя нѣсколько переходовъ черезъ высокіе перевалы, изъ которыхъ Джвари является болѣе важнымъ, такъ какъ соединяетъ непосредственно Военно-Осетинскую дорогу со Сванетіей, пересѣкаются рѣкой Цхенись-цхали, которая, сворачивая на югъ, входитъ въ узкую долину между горами Лечхума и горами Мингрелии— продолженіемъ этихъ послѣднихъ. Цѣпь Лечхумскихъ горъ тя-

Сел. Этцера. Древняя крѣпость Дадешкеліани.

нется параллельно горамъ Сванетіи и болѣе сложна, чѣмъ ея сосѣдка съ сѣвера.

Въ самомъ дѣлѣ: она состоитъ изъ цѣлаго ряда хребтовъ, которые развѣтвляются и, доходя до самаго Ріона, заключаютъ между собой рядъ живописныхъ долинъ, по которымъ протекаютъ притоки верхняго теченія Ріона: Сакао, Лукуни, Асхисъ-цкали, служащія границей между Рачой и Лечхумомъ, и изящная рѣка Ладжанура, красоту которой трудно описать; ея долина между селеніями Лайлаши и Алпаны тѣснится между почти отвѣсными стѣнами, болѣе 1000 футовъ высоты, справедливо заслуживъ названіе Орпирисъ-геле, которое дали ей грузины этой мѣстности.

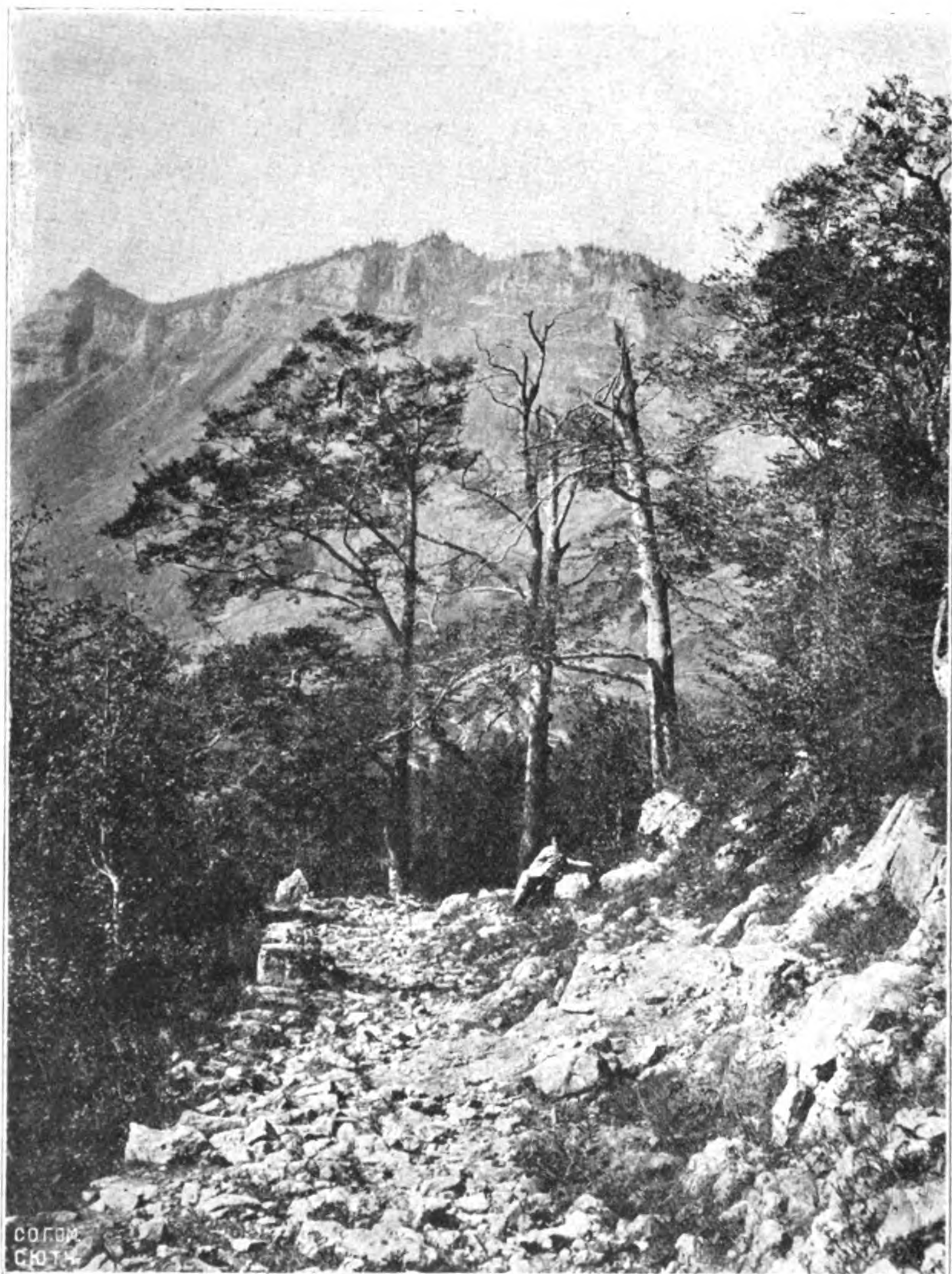

По ту сторону теченія Ріона орографія Имеретіи становится еще сложнѣе; это зависитъ отъ сложныхъ геологическихъ напластованій. Не горныя цѣпи, какъ въ Сванетіи и Лечхумѣ, встрѣчаются здѣсь, а обширныя и выпуклыя и закругленныя по бокамъ поднятія почвы въ формѣ огромной шапки, гдѣ атмосферныя осадки и бурные потоки, дѣйствуя неустанно въ продолженіе геологическихъ періодовъ, снесли верхніе слои, увлекаая въ своемъ теченіи мелкія, рассыпчатыя части, но оставляя больше твердыя породы. Это выпуклости Тквибулы и Дзирулы. Въ этой области встрѣчаются еще другіе выпуклые массивы вулканическаго происхожденія. Центръ этихъ выпуклостей Тквибулы, извѣстный въ странѣ, подъ именемъ Окриба, образованъ изъ холмовъ болѣе или менѣе высокихъ, перерѣзанныхъ красными потоками и долиной Цхаль-цитела, которая слѣдуетъ по линіи желѣзной дороги, идущей изъ Кутаиса въ Тквибулы.

Вокругъ этихъ холмовъ, занимающихъ центръ купола, поднимается цѣлый рядъ откосовъ, которые въ сѣверной части достигаютъ значительной высоты.

Къ сѣверу—цѣпь Накераль воздвигается наподобіе амфитеатра надъ закрытымъ бассейномъ р. Тквибулы, воды которой въ этомъ мѣстѣ проваливаются въ подземелье и появляются только по той сторонѣ горы, вытекая изъ грота.

Горная цѣпь Накерала.

Здѣсь находится красивый перевалъ, связывающій непосредственно Окрибу съ Рачой. Линія утесовъ Накеральскихъ горъ продолжается къ востоку до Ріона, который, подобно рѣзцу, пересѣкаетъ ее.

Съ другой стороны рѣки хребетъ идетъ прямой линіей, образуя Хвамли—эту гигантскую стѣну болѣе 6,000 ф. высоты, которая черезъ долину Ріона видна изъ Кутаиса; гора эта, быть-можетъ, и есть тотъ утесъ, на которомъ легенда видитъ прикованнаго похитителя небеснаго огня.

Одной изъ самыхъ красивыхъ и интересныхъ экскурсій можно считать поднятіе на Хвамли. Съ ея вершины, вздымающейся надъ равнинами Ріона и Цхенись-цхали, вы видите развернувшуюся у вашихъ ногъ всю карту Кутаисской губерніи.

Къ югу тянутся высокіе холмы. Ріонъ, извиваясь въ глубинѣ ущелья, течетъ длинной лентой между вулканическими образованіями, которыя охватываютъ его съ двухъ сторонъ. Далѣе городъ Кутаисъ, гдѣ рѣка покидаетъ свое тѣсное ущелье, чтобы выбраться на просторъ плодородной долины Имеретіи.

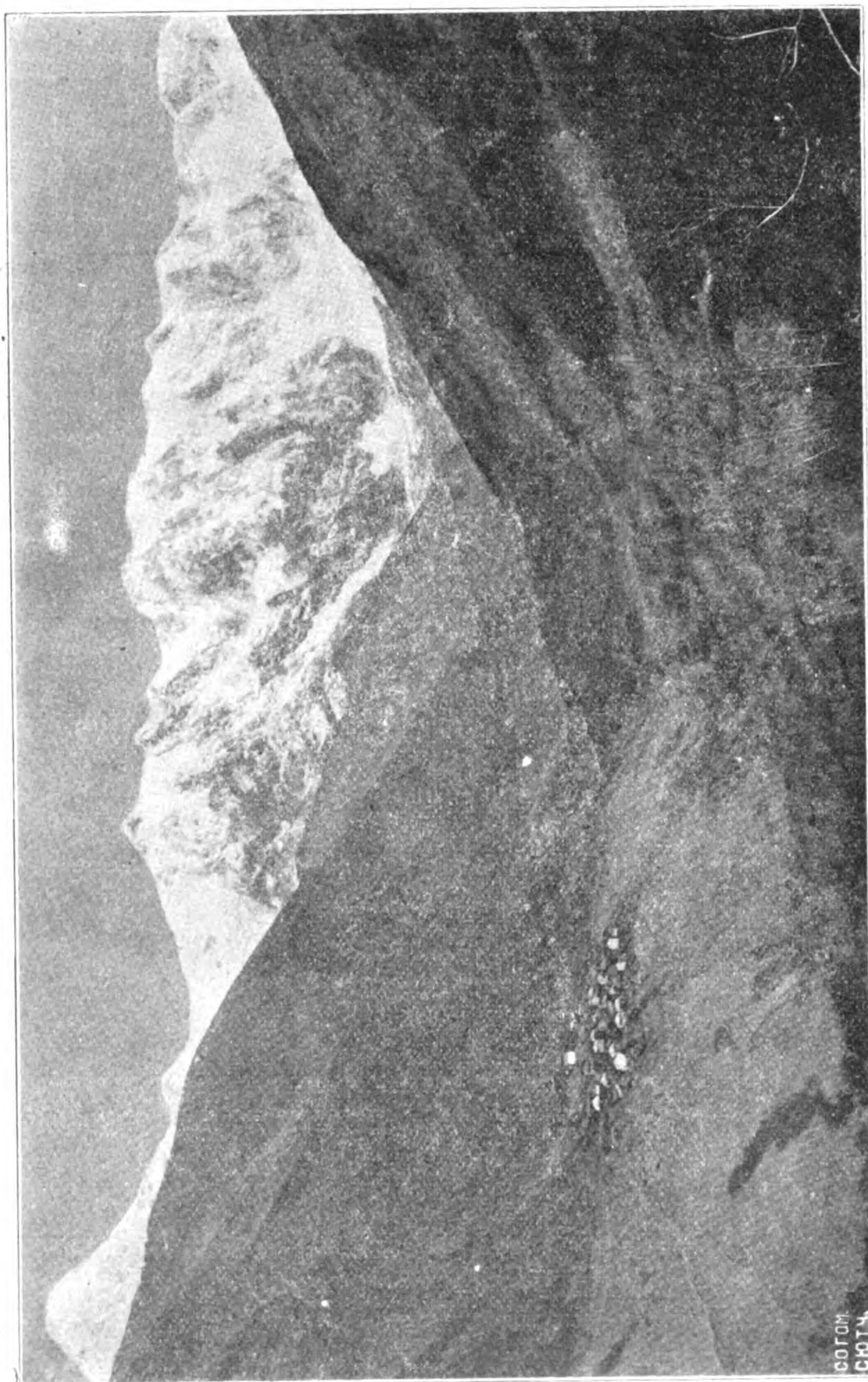
Еще далѣе къ югу—Малый Кавказъ, послѣднія террасы, котораго сине-фіолетовыхъ переливовъ цвѣта вырисовываются вдаль на розовомъ фонѣ, освѣщенномъ восходящимъ солнцемъ.

Съ другой стороны—Цхенись-цхали мчитъ между горами Мингрелии свои бурныя воды, идя навстрѣчу мутному Ріону. Къ сѣверу, громоздясь другъ на друга, виднѣются горы Лечхума, цѣпь Сванетскихъ горъ съ ихъ снѣжной Лайлой и, наконецъ, Главный хребетъ—весь сѣдой, надъ которымъ гордо вздымаются Тетнульдъ, Шхара, упирающіе свои вершины высоко въ небо.

Далѣе Хвамли—горная кайма Окрибы, протянулась, со значительнымъ изгибомъ на югъ, вдоль праваго берега Цхенись-цхали, образуя высокіе уступы изъ бѣлой горной породы, на которыхъ, какъ темныя пятна, выступаютъ группами мрачныя ели.

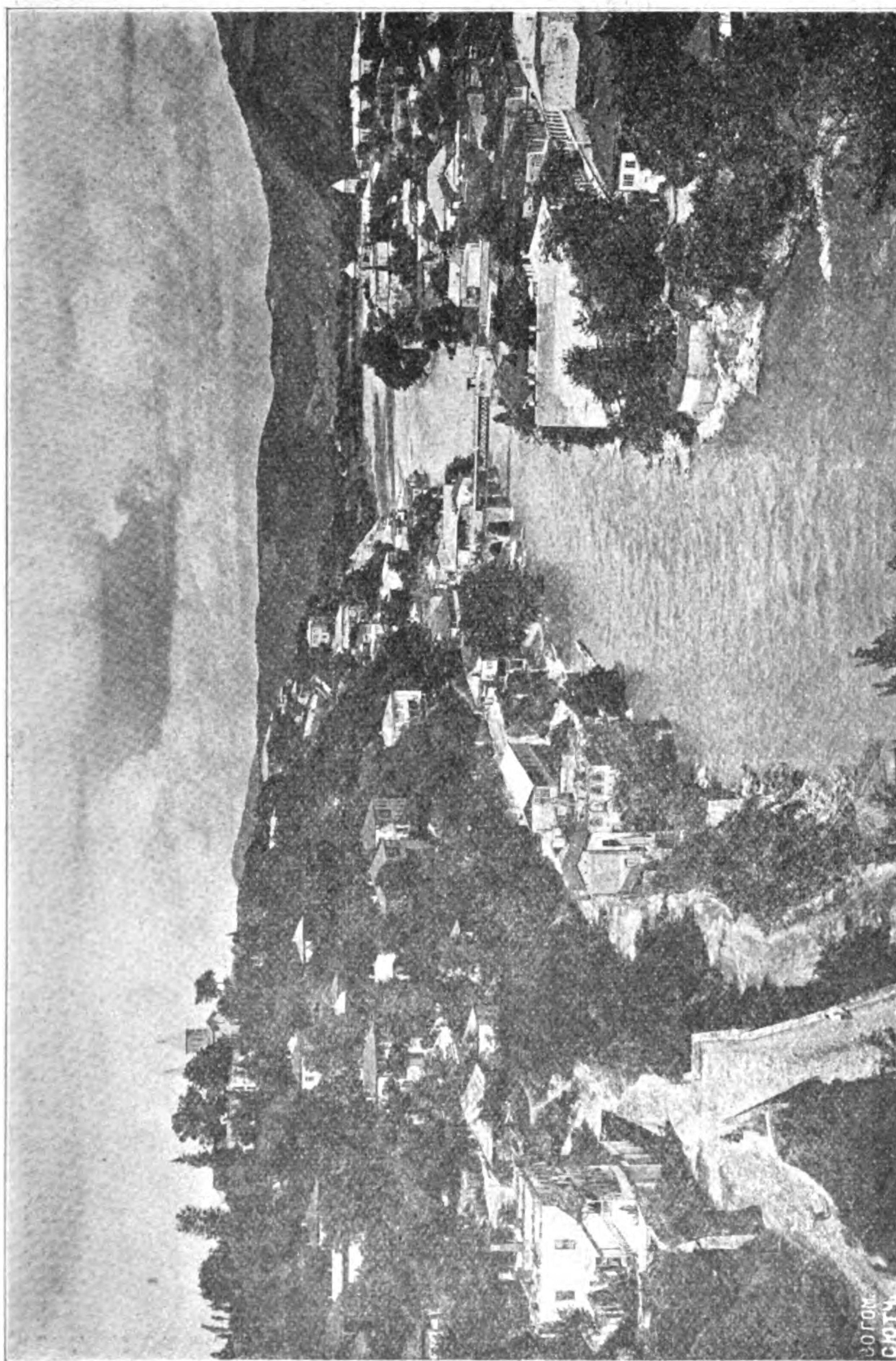
Поворачивая на востокъ, вершины поднимаются, чтобы образовать въ Кутаисѣ Архіерейскую гору, послѣднія ущелья Красной рѣчки и Гелатскую гору, на вершинѣ которой построены старый, любимый когда-то грузинскими царями Гелатскій монастырь, а ближе къ городу Моцаметскій монастырь, и цѣпь, поднимаясь вновь, подходитъ къ Накералу.

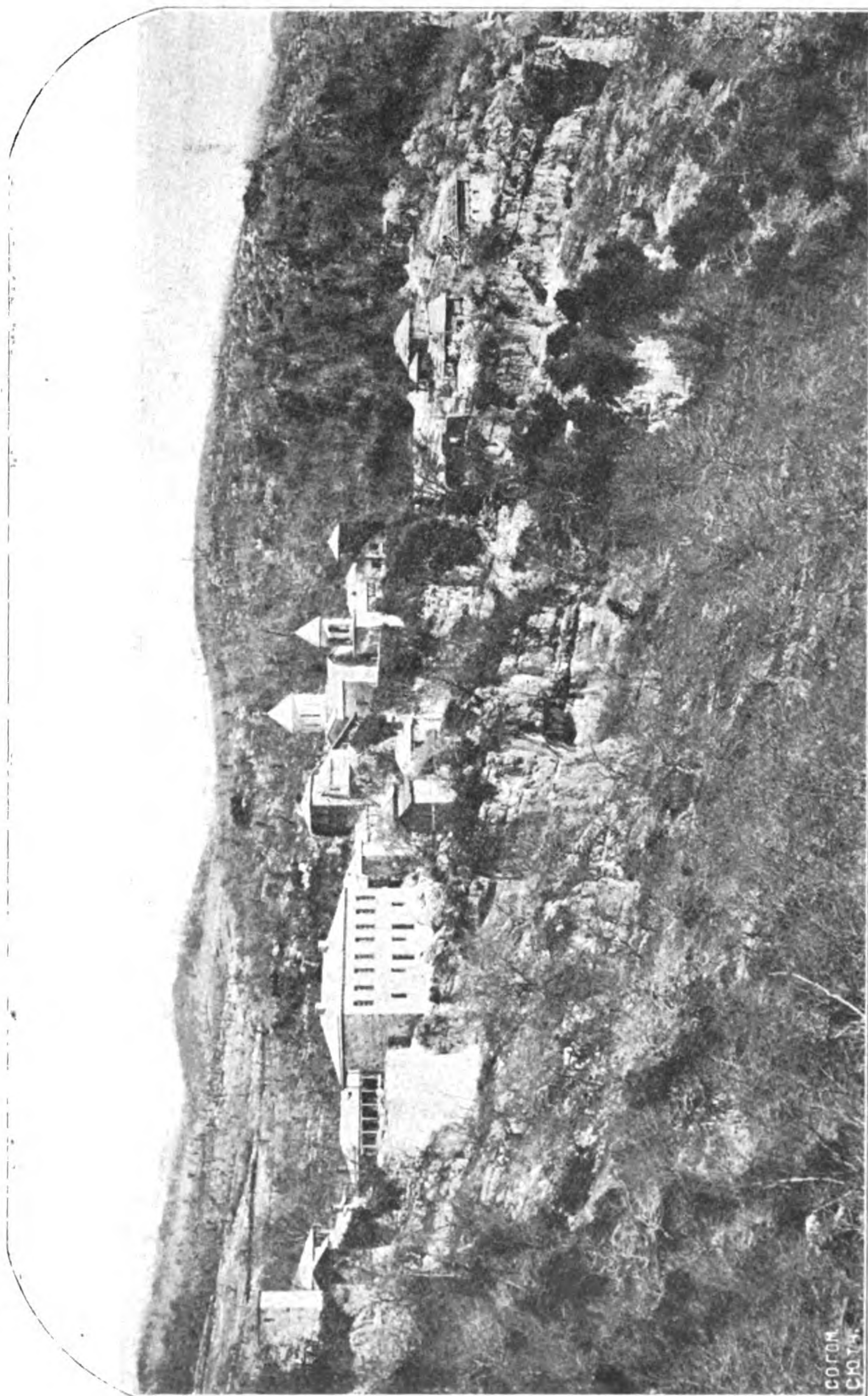
Г. Тетнульдъ. Селеніе Халде.

Кутаисъ. Архіерейская гора.

Моцаметскій монастырь близъ Кутаиса.

Итакъ, мы находимся лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ горъ, расположенныхъ вокругъ; Кутаисъ построенъ на южномъ пониженномъ краю его, а Хвамли и Накераль представляютъ его сѣверную возвышенную кайму.

Между горами Тквибула и Дзирулы простирается Квирильское углубленіе, съ разбросанными по немъ плодородными холмиками, покрытыми виноградниками и плодовыми деревьями. Здѣсь протекаетъ Квирила по гористой мѣстности съ богатыми залежами марганца, извѣстными по своимъ качествамъ цѣлому свѣту.

Далѣе къ востоку поднимаются обнаженныя скалы, прованныя глубокими ущельями обрывистыхъ утесовъ—это гранитныя массы Дзирулы, которыя пересѣкаетъ желѣзная дорога своимъ тоннелемъ.

Тотъ, кто проѣзжалъ изъ Тифлиса въ Кутаисъ, хранить долго воспоминаніе о живописномъ ущельѣ Черимелы. На сѣверъ отъ купола Дзирулы лежитъ нѣсколько вулканическихъ массивовъ, изъ которыхъ самый величественный Сыркъ-Либерто, находящійся на границѣ съ Тифлисской губерніей.

Обширная долина Ріона тянется отъ подножья этихъ горъ, спускающихся постепенно къ ней; она образуетъ Нижнюю Имеретію и Нижнюю Мингрелію. Долина эта беретъ свое начало въ Кутаисѣ. Кутаисъ расположенъ частью на уступахъ горъ, частью же на долинѣ Ріона—это городъ горъ и долинъ, это—врата Ріонской долины.

Къ востоку долина идетъ, все суживаясь, и сопровождается нѣкоторое время долину рѣку Квирилы.

Къ западу она достигаетъ моря, разостлавшись въ ширь и вдоль между послѣдними холмами Мингреліи и послѣдними спускающимися внизъ отрогами Малаго Кавказа.

Принявъ принесенныя изъ Сванетіи воды, Цхенисъ-цхали, большая рѣка Имеретіи, входитъ въ Нижнюю Мингрелію, гдѣ уставшая отъ долгаго и бурнаго теченія, несетъ величаво свои мутныя волны среди болотистыхъ равнинъ и у Потн впадаетъ въ море, образуя дельту, которая увеличивается съ каждымъ днемъ.

Къ сѣверу отъ нея раскинулась равнина Ингура, который, стремясь съ одного горнаго уступа на другой и исчезая порою въ узкихъ и глубокихъ ущельяхъ, достигаетъ, наконецъ, не менѣе утомленный, чѣмъ его старшій братъ Ріонъ, моря и уже, совершенно успокоившись, кончаетъ свое теченіе у Анаклии.

На югъ—огромный бассейнъ Ріона закрытъ послѣдними уступами Малаго Кавказа. Аджарскія и Зекарскія горы, заключающія между своими гребнями живописныя равнины съ роскошной альпійской природой, служатъ границей Кутаисской губерніи съ юга.

IV.

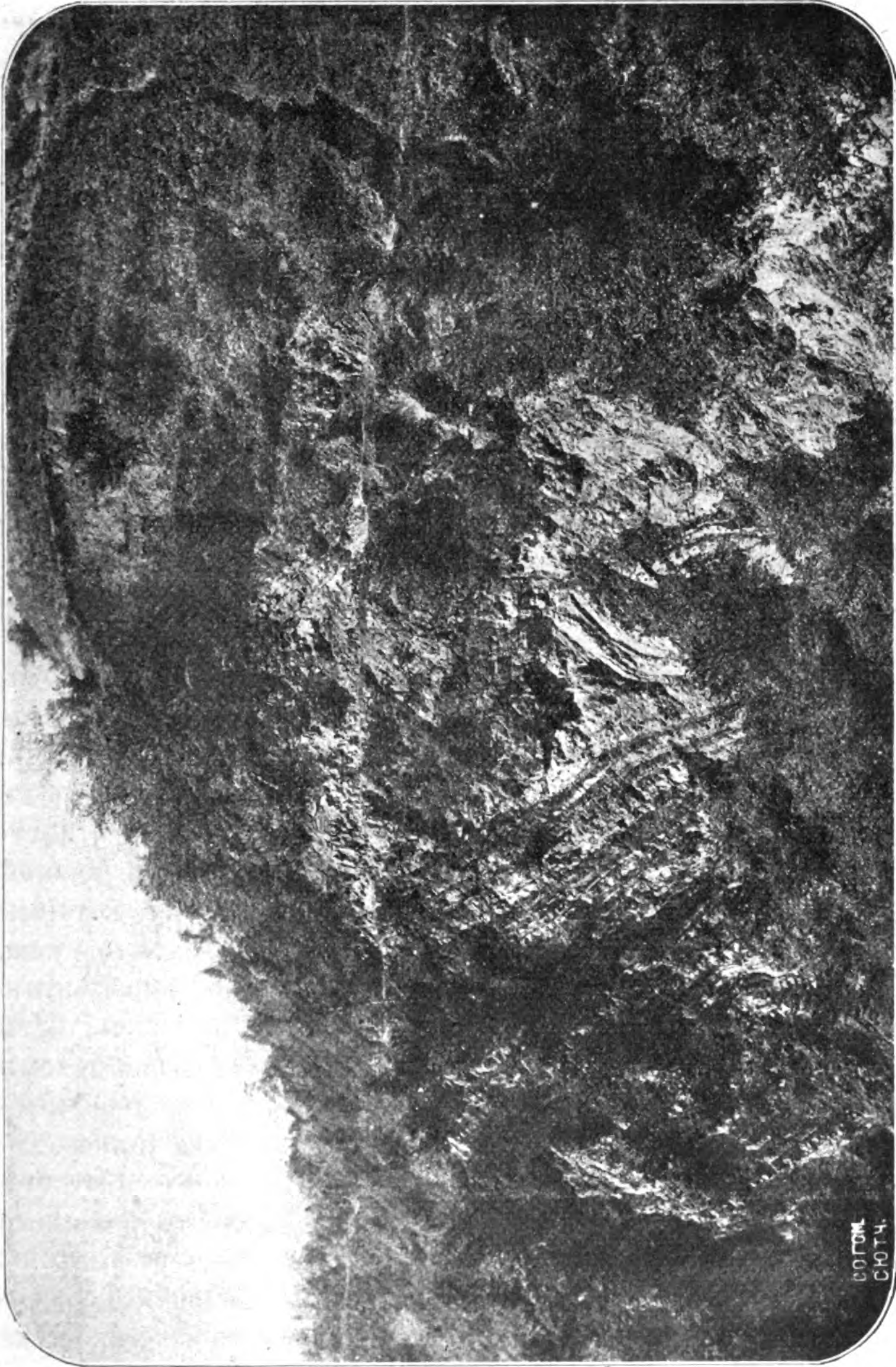
Геологія края.

Таковъ общій видъ западной части Закавказья; но онъ не всегда былъ такимъ. Какъ все на свѣтѣ, онъ имѣетъ свою исторію. Геологія расскажетъ намъ эту исторію, покажетъ, какъ образовались эти снѣжныя горы, эти глубокія долины.

Такъ же, какъ и большая часть земель, Кутаисская губернія одно время была покрыта моремъ, или скорѣе—она заливалась имъ нѣсколько разъ, и эта почва, которая является для насъ символомъ прочности, погружалась часто въ морскія волны. Частицы почвы, принесенныя потоками съ сѣдняго материка и смѣшанныя съ обломками, оторванными отъ береговъ, и съ морскими раковинами, образовали почти цѣликомъ поверхностный слой этой области. Одновременно съ этими переворотами огромные вулканы извергали лаву и воздвигали скопленіемъ своихъ продуктовъ гигантскіе массивы, подобные Эльбрусу.

Иной разъ пары центрального раскаленнаго ядра, стремясь вырваться наружу, отлагали на холодныхъ стѣнахъ разсѣлинъ полезныя минералы, которыми такъ богата эта страна.

Геологическій слой мѣстности въ Ингурскомъ ущельѣ.

СОГОМ
СЮТЧ.

Углубляясь въ самую отдаленную эпоху исторіи нашей планеты — въ ту эпоху, когда температура земного шара, недавно охлажденнаго, позволила сгущенной атмосферной влагѣ излиться потоками и образовать первыя моря, мы видимъ Кавказъ погруженнымъ въ воду.

Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ главномъ Кавказскомъ хребтѣ горныя породы, которыя большинствомъ геологовъ разсматриваются гипотетически какъ первыя образования охлажденнаго огненнаго шара, какимъ была въ началѣ наша планета. Это первое море покрывало еще долгое время Кавказъ. Мы имѣемъ достаточно основаній утверждать, что въ продолженіе первой части этого періода, который геологи называютъ „первичнымъ“, Кутаисская губернія была занята моремъ, по всей вѣроятности, спокойнымъ и достаточно глубокимъ, въ которомъ осаждались частицы, принесенныя теченіемъ водъ съ сосѣднихъ горъ. О подобномъ положеніи вещей свидѣтельствуетъ черный глинистый сланецъ Сванетіи, который состоитъ изъ такихъ тонкихъ слоевъ, что сваны употребляютъ его на покрывку домовъ. Сланецъ этотъ, имѣя значительную толщину, простирается отъ подножья Большаго хребта до Лечхумскихъ горъ. По всей вѣроятности, онъ тянется на югъ, скрываясь подъ позднѣйшими образованиями. И, дѣйствительно, его находятъ и въ Маломъ Кавказѣ; но здѣсь мелкія зерна горной породы замѣщены булыжникомъ, подобнымъ тому, который встрѣчается на берегахъ морей. Это доказываетъ, что суша, границы которой нами пока еще невозможно опредѣлнить, находилась недалеко.

Когда этотъ сланецъ былъ осажденъ въ Кавказскомъ морѣ, земля приподнялась подъ дѣйствіемъ давленія раскаленной массы, которая клочкотала подъ тонкой земной корой. Почва Имеретіи показалась тогда впервые. Быть-можетъ, въ эту эпоху обрисовался первый силуэтъ большаго хребта. Новая земля покрылась быстро густыми лѣсами.

Климатъ этой эпохи благоприятствовалъ вполне развитію роскошной растительности. Шли годы за годами, вѣка за вѣками, при вѣчно царящей веснѣ, и растенія не долж-

ны были опасаться ни слишкомъ холодной зимы и ни слишкомъ жаркаго лѣта.

Лѣса эти далеко не походили на наши современные лѣса. Не было ничего схожаго съ разнообразнымъ міромъ растеній новѣйшихъ временъ. Они состояли изъ папоротниковъ-великановъ, которые возвышались, точно колонны, со своими голыми стволами и верхушкой, украшенной громадной изящной листвою. Цвѣты не увеселяли своими живыми красками этихъ тайнобрачныхъ лѣсовъ; не слышно было пѣнія птицъ. Но зато нѣкоторыя насѣкомыя, летающія въ этой атмосферѣ, насыщенной угольной кислотой, и нѣкоторыя амфибіи, новые пришельцы на землѣ, едва-едва отваживались выходить изъ своихъ болотъ, съ ихъ удушливымъ тяжелымъ воздухомъ.

Отъ этихъ лѣсовъ-великановъ, образовавшихъ „каменноугольную формацию“, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ въ Кутанской губерніи. Тквибульскій уголь принадлежитъ другой эпохѣ, какъ мы увидимъ ниже.

Безъ сомнѣнія, огромные потоки, низвергающіеся съ высотъ Кавказа, унесли далеко первобытную растительность, покрывавшую этотъ край. Вѣроятно, часть этой растительности зарыта въ морѣ, которое находилось въ это время къ сѣверу отъ Кавказа, и тѣмъ способствовало обогащенію каменнымъ углемъ бассейна южной Россіи.

Слѣдующая эпоха за каменно-угольнымъ періодомъ называется „пермской“, такъ какъ типъ ея находится въ Пермской губерніи. Эта эпоха не оставила также и, должно-быть, по тѣмъ же причинамъ никакихъ слѣдовъ въ Закавказьѣ. Но уже чувствуется, что море готовится залить эту страну, которую оно давно покинуло. Оно подвигается медленно съ юга и, дѣйствительно, въ горныхъ породахъ Джульфъ—на границѣ Персіи и Кавказа находятъ остатки морскихъ животныхъ, характерныхъ для той эпохи.

Съ пермскимъ періодомъ кончается первичная эпоха, которая для Кутанской губерніи представляетъ 2 фазиса: фазисъ морской, когда образуется сланецъ Сванетіи, и

фазисъ континентальный. Отъ послѣдняго не осталось никакихъ слѣдовъ; поэтому онъ не имѣетъ опредѣленнаго характера; но о немъ можно составить себѣ понятіе при общемъ изученіи геологій края.

За первичной эпохой слѣдуетъ вторичная или мезоническая формація.

Земля—болѣе старая, болѣе сформированная, атмосфера—болѣе очищенная; все это дѣлаетъ возможнымъ появленіе воздушныхъ животныхъ и большихъ пресмыкающихся, которые начинаютъ господствовать на землѣ.

Птицы, имѣя предкомъ Археоптерикса, это летающее чудовище, покрытое перьями и съ челюстями, снабженными зубами, начинаютъ мало-по-малу летать по воздуху; движенія ихъ становятся все болѣе и болѣе легкими.

Новые моллюски, аммониты, белемниты начинаютъ населять моря, и ихъ окаменѣлыя раковины будутъ служить впослѣдствіи главнымъ признакомъ при опредѣленіи возраста различныхъ образований. Это вторичная эпоха, которую геологи раздѣляютъ по ея петрографическому и палеонтологическому характеру на 3 періода: триасовскую, юрскую и мѣловую, и есть главная эпоха образования Кутаисской губерніи.

Въ продолженіе первой части этой эры Кавказъ остается приподнятымъ надъ водой, но наводненіе, которое подготавлилось въ предыдущую эпоху, даетъ себя чувствовать все болѣе и болѣе, и въ началѣ юрской эпохи почти вся Имеретія и большая часть Мингреліи покрываются водой. Только Главный хребетъ образуетъ удлиненный островъ и, быть-можетъ, куполь Дзирулы тоже подымается надъ водой. Повсюду огромное море, въ глубинѣ котораго осаждаются вещества, образующія сѣрый и черный сланецъ, находящійся неподалеку отъ Кутаиса, вдоль полотна желѣзной дороги, между станціями Гелаты и Сѣрныя воды.

Въ Лечхумѣ и Рачѣ осадки Ліасскихъ морей (такъ назывались геологическія моря этой эпохи) образуютъ такія же горныя области съ нѣкоторыми отпечатками рако-

винъ, которыя жили въ ту эпоху. Дѣйствующіе вулканы изливали въ Лечхумъ на берегахъ Цхенись-цхали порфиръ и въ Окрибъ черныя горныя породы, схожія съ ними (порфиритъ и діабазъ).

Послѣ Ліасской формаціи, которая составляетъ нижнюю часть юрской формаціи, море удаляется немного къ востоку, уменьшаясь въ глубинѣ, и ударяется въ берега приподнятой земли Дзирулы, Лечхума и Рачи. Куполъ Окрибы также приподнятъ; во всякомъ случаѣ онъ образуетъ менѣе глубокую часть среди моря. Въ глубокихъ частяхъ, окружающихъ это высокое дно, теченіе водъ, спускающихся съ сосѣднихъ горъ, поглощаетъ остатки деревьевъ и растений, вырванныхъ у лѣсовъ бурями, частыми въ ту эпоху. Эти растенія, погруженные въ илъ и лишенные воздуха, образовали тквибульскій уголь. Флора способствовавшая образованію этого угля, не должна была быть очень богатой. Это были маленькіе папоротники и, можетъ-быть, нѣкоторыя растенія, аналогичныя соснѣ и ели.

Высшія растенія еще не существовали.

Во всякомъ случаѣ, флора тквибульскаго угля далека отъ богатства флоры каменно-угольнаго періода, которая образовала громадныя бассейны всего міра. Формаціи, аналогичныя тквибульской, были найдены на сѣверѣ Европы, на Шпицбергенѣ, въ Норвегіи, въ Сибири, въ Китаѣ и Японіи. Такимъ образомъ, мы видимъ на Кавказѣ господство вліяній сѣвернаго и восточнаго.

Такое положеніе вещей продолжалось недолго. Дѣйствительно, скоро преграда, отдѣляющая Кавказъ отъ Западной Европы, исчезаетъ, и въ послѣдней половинѣ юрскаго періода появляются на Кавказѣ животныя альпійскихъ морей, раковины, которыя сохранились и до нашихъ дней среди песковъ, гдѣ онѣ были зарыты въ глубинѣ водъ.

Мы находимъ образованія этой эпохи въ Лечхумѣ, на берегу Ріона, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рачи, въ куполѣ Окрибы и въ окрестности Шорапаны, гдѣ образовался заливъ между массивомъ Дзирулы и Малымъ Кавказомъ.

Въ то время какъ измѣнялась фауна Кутанской губерніи, измѣнялись и ея контуры; образовывались трещины,

нарождалось множество вулкановъ, даже подъ водой, гдѣ продукты ихъ, скопляясь, образовывали острова, на которыхъ продолжала течь еще очень долго. Мы можемъ найти остатки этихъ вулкановъ въ черныхъ обнаженныхъ скалахъ, которыя идутъ параллельно полотну желѣзной дороги въ окрестностяхъ ст. Дзирулы, на Военно-Осетинской дорогѣ и въ Окрибѣ.

Въ Верхней Мингреліи образовался тогда огромный массивъ Годдаша и на сѣверо-восточной границѣ Имеретин—появляется могущественный массивъ Сыркъ-Либерта. Именно къ этой эпохѣ принадлежитъ красивая горная порода съ черными и бѣлыми пятнами, добываемая въ Курсеби, извѣстная здѣсь подъ неправильнымъ названіемъ граната.

На самомъ дѣлѣ это „тепенигъ“.

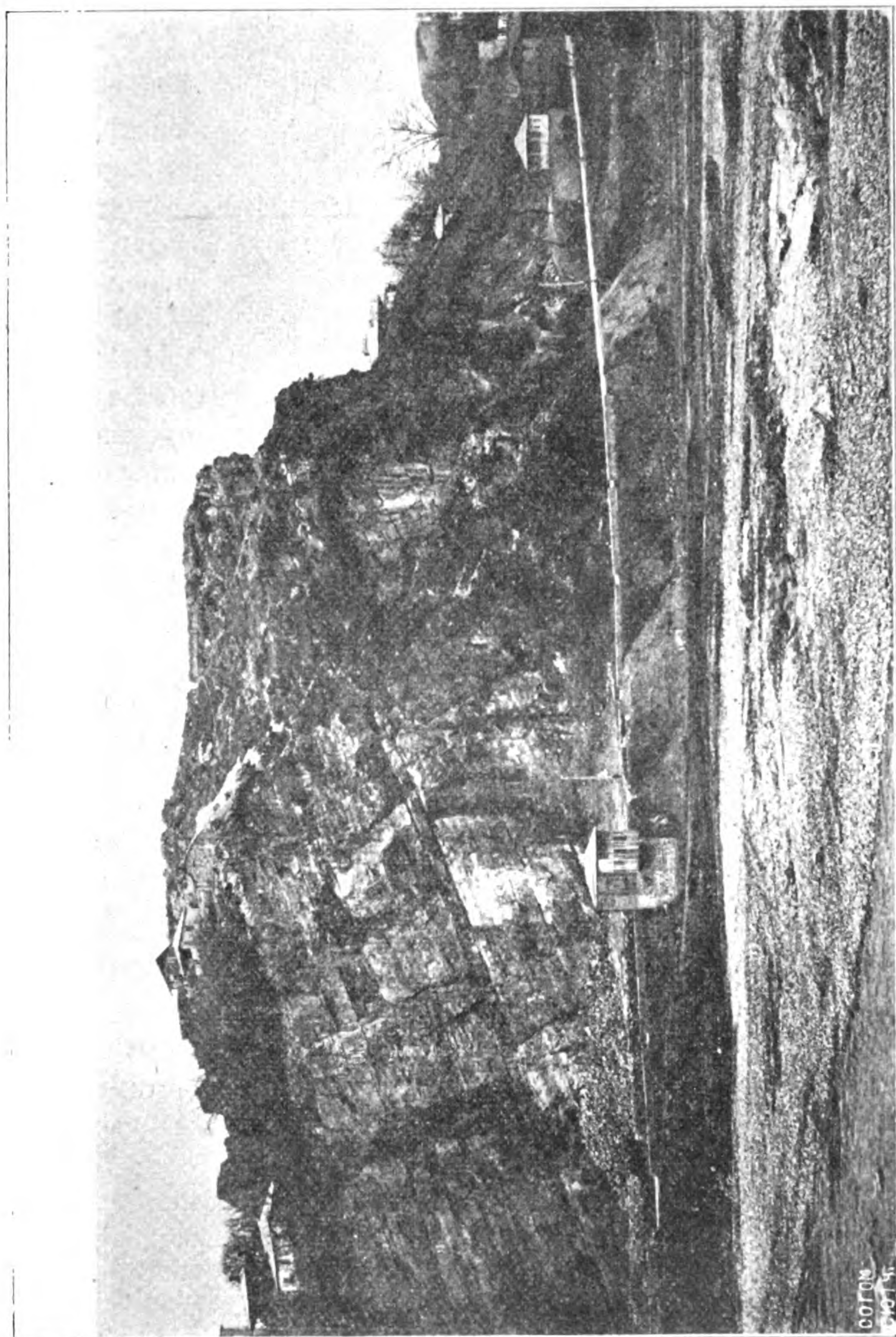
Въ то время какъ происходили вулканическія изверженія, море мало-по-малу уходило съ занимаемаго имъ пространства. Все Закавказье представляетъ сушу; теперь—это большая земля, гдѣ продолжается еще вулканическая дѣятельность предыдущихъ эпохъ.

Это поднятіе обозначило конецъ юрскаго періода. Начала обозначаться поверхность Закавказья. Едва море успѣло удалиться, какъ оно вернулось вновь и мало-по-малу наводнило выступавшую землю, чтобы завоевать приблизительно такое же пространство, какое оно занимало въ предыдущихъ эпохахъ.

Первыя фазы, которыя отмѣчаютъ начало мѣловой эпохи, названной такъ потому, что это была эпоха образованія мѣла, оставили очень много слѣдовъ въ Кутаисской губерніи. Дѣйствительно, нижне-мѣловымъ образованіямъ принадлежатъ плотныя мѣловыя горныя породы, набитыя раковинами, которыя составляютъ Накераль, Хвамли и всю линію высотъ, окружающую Окрибу, образуя въ Кутаисѣ съ одной стороны Архіерейскую гору и Габаевскую, и съ другой—ущелья Красной рѣчки и возвышенія, на которыхъ построены Моцаметы и Гелаты.

Въ Кавказскихъ моряхъ, гдѣ условія существованія были такія же, какъ въ нашихъ тропическихъ моряхъ, животныя значительно размножились, образуя подводные рифы

Каменоломня близъ Кутаиса.
(Приподнятый слой верхнеюрской и нижнемѣловой формации).

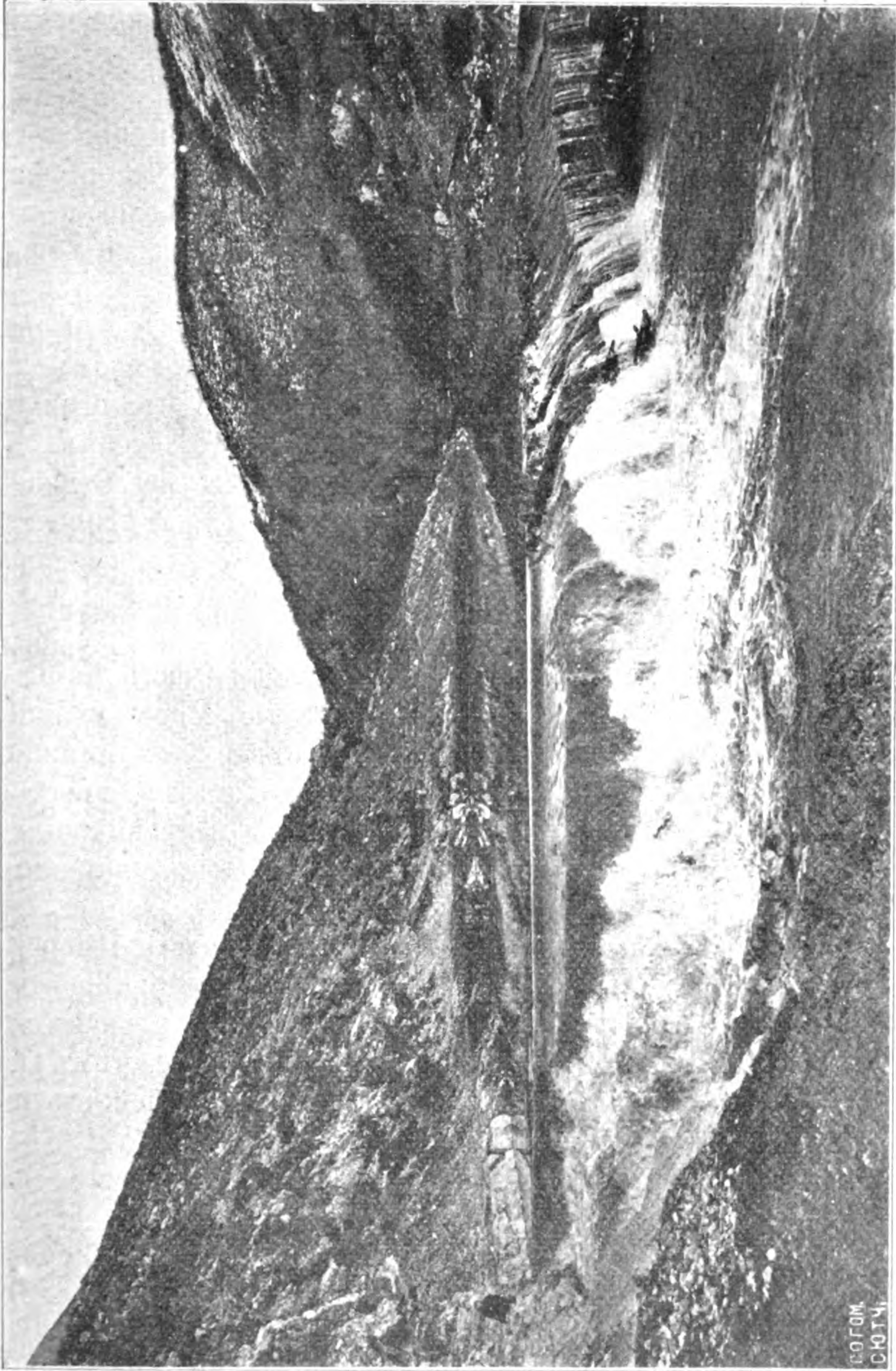
на неглубокихъ мѣстахъ. Надъ этими породами, называемыми „капретиновыми“ известняками и совершенно схожими съ такими же породами Франціи, море осадило пески и глинистый мѣлъ, богатый аммонитами и белемнитами, который находятъ въ Кутансѣ недалеко отъ Красной рѣчки.

Въ концѣ періода ниже-мѣловой формации Тквибульскій куполь, занимающій до тѣхъ поръ неглубокое мѣсто въ морѣ, подымается надъ водой въ видѣ округленнаго острова, который ужъ болѣе не погрузится въ море. Но въ то же время море простираетъ свое владычество на югъ и покрываетъ Малый Кавказъ, котораго такъ же, какъ и Большой Кавказъ, выступалъ изъ моря. По всей вѣроятности, въ моряхъ очень спокойныхъ, куда теченія воды, спускавшихся съ сосѣднихъ горъ, не вносили никакого волненія, остатки раковинъ, смѣшанные со скелетами микроскопическихъ животныхъ, которыми кишѣла тогда глубина морей, образовали, накопляясь, ущелья Ріона въ окрестностяхъ Алпаны, большую часть Мингрелии и бѣлыя породы окрестностей станціи Бѣлогоры. Вулканическія изверженія были очень часты въ ту эпоху въ окрестностяхъ Кутанса. У Ваножды они оставили базальтъ. На берегу Ріона, около источника Тквибуль, густая лава, изверженная изъ кратера, образовала андезитъ, который употребляется для построекъ.

Въ концѣ мѣлового періода теченіемъ сѣверныхъ водъ были принесены на Кавказъ аммониты и белемниты сѣверной Европы. Но продолжалось это сравнительно недолго. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ воцаряется общій видъ альпійскихъ морей; и этотъ возвратъ вліяній, господствующихъ въ продолженіе всей почти вторичной эпохи отмѣчаетъ появленіе новой эры — „третичной“.

Въ предыдущія эпохи, черезъ всѣ катаклизмы, которыя вызывали поднятія и опусканія почвы, образовалась большая часть поверхности Кутанской губерніи. Третичной эпохѣ оставалось только наполнить нѣкоторыя углубленія и собрать матеріалъ для построенія той части Малаго Кавказа, которая занята Имеретіей. Въ продолженіе третичной

Р. Цхаль-Цители (Красная рѣчка) у Кутаиса.
(Нижне-мѣловая формация).

эры земля населяется высшими растеніями и животными. Въ мірѣ живыхъ существъ замѣчается фізіологическій прогрессъ: появляются болѣе сложные организмы.

Выдвинувшіяся изъ моря части Грузіи покрываются богатыми лѣсами, мало похожими на современные лѣса. Млекопитающіяся, которыя появились уже во вторичной эпохѣ, становятся теперь владыками земли и населяютъ лѣса вмѣстѣ съ птицами и другими представителями современныхъ намъ зоологическихъ группъ.

Въ моряхъ исчезаютъ навсегда белемниты и аммониты; новыя морскія животныя замѣняютъ ихъ рядомъ съ рыбами, которыя были въ такомъ количествѣ, что нѣкоторыя горныя породы наполнены ихъ чешуями и зубами.

Вулканическія изверженія продолжаются на Кавказѣ, достигая наибольшаго напряженія, и ихъ андезитическая густая лава воздвигаетъ Эльбрусъ; жидкая же лава образуетъ черный базальтъ, окружающій городъ Кутаисъ, и андезитъ окрестностей Багдада.

Въ началѣ третичной эпохи западная часть Кавказа достигаетъ своихъ настоящихъ размѣровъ. Море уходитъ со всѣхъ частей, расположенныхъ къ сѣверу отъ нижняго теченія Ріона; только одинъ рукавъ проходитъ въ окрестности мѣстечка Багдадъ; въ немъ отлагаются песчаниковыя и глинистыя горныя породы долины Ханъ-цкали, лишенныя органическихъ остатковъ.

Это освобожденіе отъ водъ сѣверной части Имеретіи и Мингреліи будетъ длиться недолго. По всей вѣроятности, никогда вода не зальетъ Западнаго Кавказа, какъ это были во вторичной эпохѣ, но чувствуется больше, чѣмъ когда-либо борьба между жидкимъ элементомъ и сушей; эта послѣдняя не уступитъ никогда вполнѣ, но море будетъ посылать свои рукава въ низменныя части и углубленія, наполняя ихъ постепенно.

Такимъ образомъ, въ серединѣ эоцена вода, пришедшая изъ Средиземнаго моря, покрываетъ Мингрелію и, обгнбая Окрибы, отлагаетъ въ окрестностяхъ Лайлаши (въ Лечхумѣ) и въ пониженіяхъ Квирилы песчаники, содержащіе маленькія очень плоскія животныя, названныя, благодаря

своей формѣ, нуммулитами (что значитъ маленькая монета). Взамѣнъ этой слабой побѣды моря, образуются Зекарскія горы.

Море пытается все время подвинуться вглубь земли. Но не будучи въ силахъ побѣдить, оно и не хочетъ быть побѣжденнымъ и, сверхъ сланца, содержащаго нуммулиты моря верхняго эоцена, богатыя рыбами, отлагаютъ сѣро-голубой сланецъ, поверхность котораго покрыта чешуями и зубами рыбъ. Въ Тифлискомъ музеѣ хранятся очень хорошіе отпечатки цѣлыхъ рыбъ, найденные въ этомъ сланцѣ.

Въ эту эпоху образуются залежи чіатурскаго марганца.

Но эта борьба продолжается недолго; мало-по-малу морское дно приподнимается. Глубины, населенныя нуммулитами и рыбами, уступаютъ мѣсто лагунамъ съ полуосоленой водой, въ которой живутъ раковины; ручьи, стекающіе съ сосѣднихъ земель, приносятъ сюда остатки растеній вмѣстѣ съ булыжникомъ, подобнымъ тѣмъ, которые встрѣчаются въ текущихъ водахъ. Эта эпоха была послѣднимъ эпизодомъ той упорной борьбы, которая происходила между моремъ и сушей.

Съ этихъ поръ вода совершенно удалилась съ земель Кутаисской губерніи. Все западное Закавказье представляетъ сушу. Наступилъ конецъ третичной эпохи—образовались почва Мингрелии, Имеретіи и горы Сванетіи. Огромные пальмовые лѣса покрывали эту землю; ихъ населяли газели, антилопы вмѣстѣ съ носорогами и большими птицами. До сихъ поръ не найдено ни одного остатка этихъ животныхъ. Только спеціальныя, методическія изслѣдованія могли бы привести къ этому и освѣтить не только исторію кавказской земли, но въ то же время расширить поле геологическихъ и палеонтологическихъ знаній вообще. Вотъ что представлялъ Кавказъ въ общихъ чертахъ, когда открылась эра четвертичная или новая эра (такъ какъ она длится и до сихъ поръ).

Оставалось только появиться человѣку.

Кажется, что изученіе этого періода не было бы отдѣлено отъ нашей эпохи, если бы эта фаза исторіи нашей земли не была отмѣчена значительнымъ явленіемъ, положившимъ начало ледниковому періоду.

Дѣйствительно, земля въ эту эпоху по астрономическимъ или другимъ причинамъ, не совсѣмъ выясненнымъ наукой, подверглась значительному охлажденію, вслѣдствіе котораго горныя области покрылись большими слоями снѣга и льда. Западное Закавказье, страна, преимущественно, гористая, не укрылась отъ этого общаго явленія. Громадные ледники спустились тогда съ высокихъ вершинъ и достигли болѣе низкихъ склоновъ горъ. Слѣды этихъ ледниковъ сохранились до нашихъ временъ въ видѣ огромныхъ валуновъ и большихъ пространствъ грязи, принесенной ледниками, сползающими съ горъ въ долины. Они встрѣчаются въ верхней Сванетіи. Почти вся долина Ингура была тогда неизмѣримо большимъ ледникомъ; долина Цхенись-цхали тоже представляла красивое ледниковое море, и около Они и Уцеры, въ Лечхумѣ живописная морена указываетъ на тотъ путь, по которому спускались ледники съ горы Зекары. Эта гора въ настоящее время едва-едва покрыта снѣгомъ.

Эти ледники, которые два раза покрывали землю, образовали, по всей вѣроятности, громадное количество воды, и тогда какъ въ наши дни дѣйствіе ледниковъ, рѣкъ на поверхность земли незначительно, въ началѣ четвертичной эпохи подѣ дѣйствіемъ воды были изрыты горы, прорѣзаны среди нихъ глубокія долины, съ высокостоящими стѣнами. Влага тогдашняго времени, просачиваясь черезъ тысячи поръ въ землю, рыла пещеры, образуя на ихъ стѣнахъ сталактиты и сталагмиты, украшающіе пещеры Накераль, Хвашли и Красной рѣчки.

Аналогичное явленіе вырыло подземное теченіе рѣкъ Тквибулы и Шараула близъ Никорцминды.

Послѣ ледниковой эпохи температура смягчилась и установились приблизительно современныя условія существованія. Кавказъ не подвергается больше большимъ измѣненіямъ. Нараждались растенія и животныя; лишь нѣкоторыя большія животныя должны были эмигрировать отсюда или совсѣмъ исчезнуть съ лица земли. Оставалось человѣку, появившемуся недавно, проявить свою дѣятельность.

Но человекъ населилъ Кавказъ сравнительно поздно. Кавказъ не знаетъ, по всей вѣроятности, ни вѣка обитыхъ камней, ни вѣка шлифованнаго камня, многочисленныя памятники которыхъ остались въ западной Европѣ. Остатки озерныхъ поселеній того времени, когда пещерный человекъ, уставшій отъ борьбы со звѣрями, удалился въ надводныя жилища, были указаны въ нѣкоторыхъ озерахъ Кавказа. Говорятъ, что одно изъ этихъ поселеній найдено въ озерѣ Палеостомскомъ, близъ Поты, но ничто не подтверждаетъ пока этого.

Въ ожиданіи новыхъ научныхъ изслѣдованій, мы можемъ сказать, что Закавказье было населено человекомъ послѣ западной Европы.

Грузинская хроника, говоря о раздѣленіи страны Кавказской между сыновьями Тогормы, описываетъ эту страну пустынной въ ту отдаленную эпоху. „Не было ни души“,— говоритъ историкъ Броссе.

Такимъ образомъ, страна оставалась необитаемой до тѣхъ поръ, пока народы, пришедшіе съ юга,—туранскіе по предположенію,—не натолкнулись на своемъ пути въ Европу на непроходимую преграду большого хребта, гдѣ и остановились, чтобы образовать картвельскую націю.

Различныя вліянія въ исторіи этого народа создали въ Кутаисской губерніи на западѣ Имеретію, Мингрелію, идущую до самаго моря, оставляя на югѣ Гурію, которая соприкасается съ Аджарой, тогда какъ сваны остались изолированными въ долинахъ сѣвера у подножья снѣжныхъ горъ.

V.

Минеральныя богатства.

Если античныя преданія согласно говорили о Кавказѣ, какъ о священныхъ горахъ, то это было вызвано не только тѣмъ настроеніемъ, которымъ проникается душа при

видѣ чарующей картины этихъ горъ. Причина лежитъ также и не въ слабомъ знаніи географіи первыми насельниками, взглядъ которыхъ, правда, не проникалъ далѣе этой преграды, еще такъ недавно непроходимой. Первые повѣствователи челоуѣчества руководствовались другими соображеніями, другими основаніями, болѣе практическими. Причина возникновенія этихъ легендъ заключается, по всей вѣроятности, въ минеральномъ богатствѣ и плодородіи почвы, которая вмѣстѣ съ умѣреннымъ климатомъ Кавказа дѣлала изъ него чудный садъ — земной рай язычниковъ.

И, дѣйствительно, Кавказъ въ древности былъ главнымъ металлургическимъ очагомъ.

Сказаніе объ экспедиціи Ясона и аргонавтовъ, отправившихся въ Колхиду, чтобы вывезти оттуда золотое руно, говоритъ намъ о томъ, насколько богатой считалась эта страна.

Много историковъ подтверждаетъ достовѣрность этого факта. Правда, изслѣдованіе береговъ Ріона не привело къ открытію золотыхъ росыпей, но Фасисъ грековъ не есть ли Цхенись-цхали, который беретъ свое начало, недалеко отъ истоковъ Ріона, съ Пасисъ-мта, содержащей, по словамъ свановъ, золото. Можно соиоставить слово Пасисъ съ греческимъ словомъ Фасисъ; но названіе Фасисъ можно перенести и на Ингуръ, который въ своемъ верхнемъ теченіи катитъ будто бы золотыя песчинки.

Было ли вывезено золото изъ Колхиды, имѣла ли экспедиція Ясона разумный поводъ, мы должны разсматривать эту легенду, если не какъ историческій фактъ, то во всякомъ случаѣ какъ басню, гдѣ слова „золотое руно“ указываютъ на торговые пути для пріобрѣтенія драгоцѣннаго металла.

Въ далеко упедшія отъ насъ времена, когда бронза и желѣзо были наиболѣе употребительными металлами, и поэтому наиболѣе искомыми, Кавказъ, богатый и мѣдью и желѣзомъ, могъ снабжать челоуѣчество этими металлами въ большомъ количествѣ.

Въ Кутаисской губерніи мѣдъ въ соединеніи съ сѣрой подъ видомъ мѣднаго колчедана, имѣется въ Рачѣ и въ Нижней Сванетіи — на берегу Цхенись-цхали. Желѣза, въ

видъ желѣзнаго колчедана, здѣсь тоже очень много; золотистый блескъ его красивыхъ кристалловъ вводитъ часто въ заблужденіе крестьянъ. Рядомъ съ колчеданомъ, мало значущимъ въ промышленности, мы имѣемъ гематитъ (красный желѣзнякъ) и лимонитъ, который встрѣчается здѣсь въ изобиліи. Желѣзистыя земли—красныя и желтыя, извѣстныя подъ названіемъ „охры“ и употребляемыя для изготовленія красокъ, добываются близъ Кутаиса, въ окрестностяхъ Ваножды (въ 1907 г. около 100,000 пуд. вывезено отсюда).

Наряду съ желѣзными залежами въ Рачѣ и въ Сванетіи встрѣчается свинцовый блескъ или сѣрнистый свинецъ. Отсутствіе дорогъ лишаетъ возможности добывать эти минералы на мѣстѣ; тѣмъ не менѣе на сѣверѣ Кавказа работаетъ нѣсколько заводовъ.

Самой выгодной рудой этой области является марганецъ, который встрѣчается во многихъ мѣстахъ Закавказья подъ видомъ пиролюзита, манганита и псиломелана. Руда эта извѣстна въ Рачѣ, въ окрестностяхъ Багдада, по дорогѣ изъ Кутаиса въ Квирилы, въ Дзирулахъ, Симонетахъ и, наконецъ, въ Шорапанскомъ уѣздѣ, гдѣ колоссальная добыча марганца въ чіатурскихъ рудникахъ заставила отказаться отъ всякой попытки добыванія въ вышеназванныхъ мѣстахъ.

Чіатурскій марганцевый районъ обнимаетъ собой почти все среднее теченіе р. Квирилы. Эта руда лежитъ горизонтальными пластами въ третичныхъ пескахъ (верхній эоценъ), покрывая богатыми залежами пространство въ 126 кв. верстъ.

При такомъ изобиліи кавказскій марганецъ могъ бы безъ преувеличенія удовлетворить расходы цѣлаго міра въ продолженіе одного вѣка. Высокая цѣнность чіатурской руды, какъ лучшей въ мірѣ, признана всѣми. Она обязана этой своей репутаціей содержащемуся въ ней металлу въ чистомъ видѣ: элементы, вредные для металлургіи стали, для которой употребляется эта руда, находятся въ ней въ незначительномъ количествѣ.

Несмотря на высокія качества чіатурской руды, марганцевая промышленность поставлена въ такія условія, ко-

торня задерживаютъ ея развитіе. Лучшія условія марганцевой промышленности въ другихъ странахъ при худшемъ качествѣ руды, создали конкуренцію для чіатурской, которой приходится вслѣдствіе этого много терять. Кавказъ отправлялъ все-таки въ Европу около 40 милліоновъ тоннъ, или $\frac{2}{3}$ марганца необходимаго для потребленія всего міра.

Въ Кутаисской губерніи добывается еще баритъ или тяжелый шпатъ, который встрѣчается въ большомъ количествѣ близъ Хвамли. Минераль этотъ, промытый и размельченный на мельницахъ, расположенныхъ на берегу Ріона, посылается въ Россію, гдѣ его употребляютъ для очищенія сахара.

Асбестъ, этотъ волокнистый камень, иначе называемый горнымъ льномъ, изъ котораго дѣлаютъ несгораемую ткань, встрѣчается здѣсь грудями. Это продуктъ разложенія вулканическихъ горныхъ породъ. Въ Шорапанскомъ уѣздѣ пытались разрабатывать его.

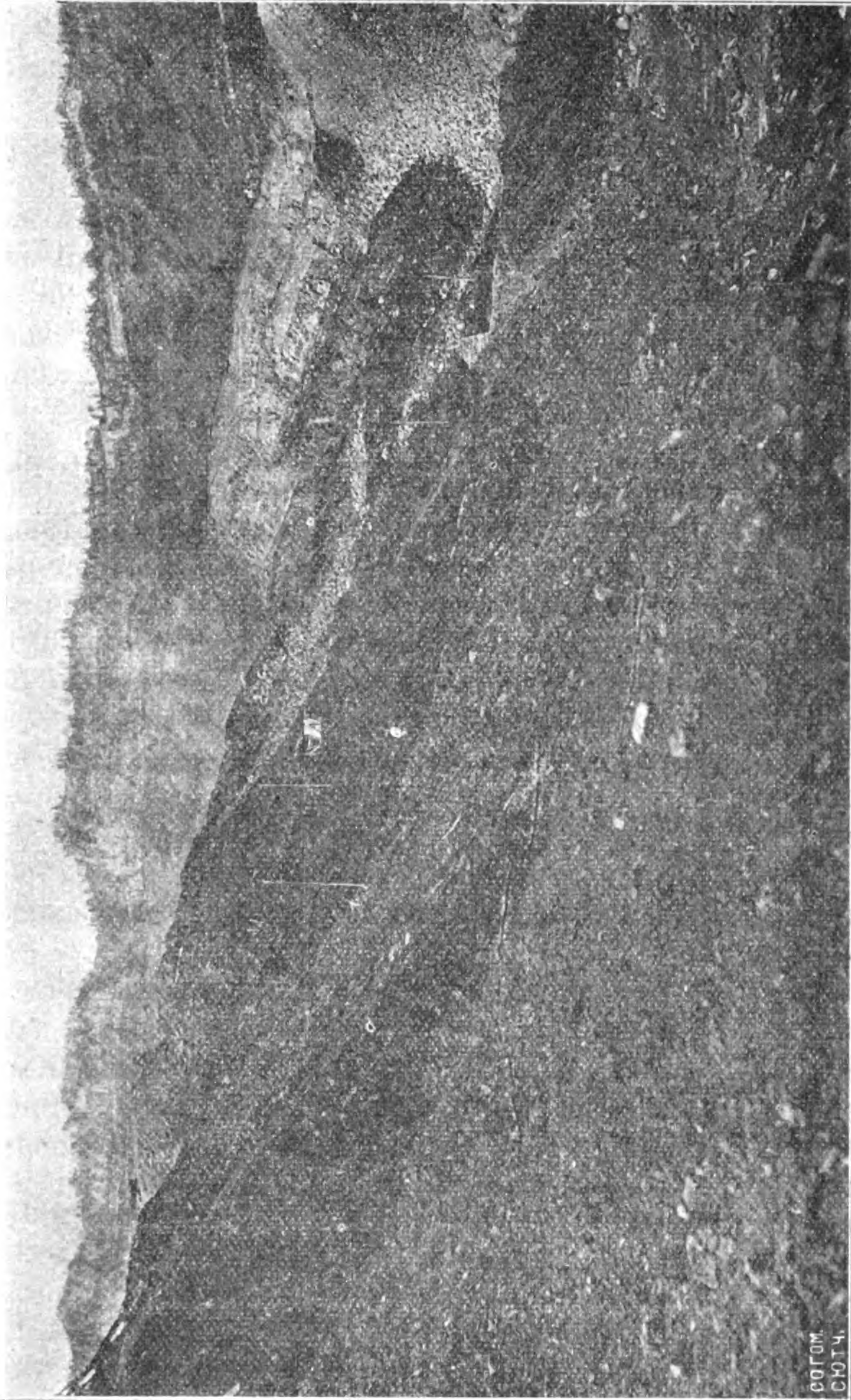
Между богатствами этой страны занимаютъ большое мѣсто горючіе минералы.

Каменный уголь добывается въ Тквибулахъ, гдѣ у подножья Накерала слой его достигаетъ наибольшей толщины. Этотъ уголь вторичной эпохи образовался отъ флоры менѣе богатой, нежели каменный уголь Россіи, Бельгіи, Англіи и Франціи, а потому и цѣнность его гораздо ниже европейскаго. Это минераль легкій, сухой, горитъ безъ пламени, но оставляетъ много золы.

Этотъ „лигнитъ“ таково его названіе, въ металлургической индустріи не употребляется. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уголь этотъ становится весьма твердымъ, способнымъ легко полироваться, такъ что изъ него дѣлаютъ различныя украшенія. Въ этомъ видѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ „гагата“.

Нефть находится въ нѣсколькихъ мѣстахъ: въ Рачѣ, въ верхнемъ теченіи Квирилы и въ Гуріи. Одинъ источникъ расположенъ въ окрестностяхъ м. Багдада и составляетъ въ настоящее предметъ изученія въ видахъ его эксплуатаціи.

Тквибульскія каменугольняныя копи.

Озокеритъ (ископаемый воскъ), различные виды горной смолы находятся также въ изобиліи въ описываемой нами области.

Въ нижней Колхидѣ, на берегахъ Ріона, болотныя растенія покрыли обширныя пространства и образовали торфъ, который употребляется для топки. Такой же торфъ находятъ еще въ Шорапанскомъ уѣздѣ, близъ Никорцминды за Накераломъ.

Къ минеральнымъ богатствамъ Закавказья мы должны еще причислить многочисленныя минеральныя источники, послѣдніе остатки великой дѣятельности вулкановъ, нынѣ потухшихъ.

Всѣ минеральныя источники можно раздѣлить на 3 группы: желѣзистыя источники, которыми богата Сванетія; углекислыя источники, подобныя Нарзану, изъ которыхъ самыя извѣстныя находятся въ Учерахъ (въ Рачѣ) и въ Сашашѣ (Нижняя Сванетія). Наконецъ, въ окрестностяхъ Кутайса—радіоактивныя источники Цхалтубы. Сѣрныя воды Курсебы, Воюжды и еще Зекара—въ Маломъ Кавказѣ.

Еще много другихъ минераловъ находится въ нѣдрахъ Западнаго Кавказа, но они еще не разработаны, вслѣдствіе отсутствія дорогъ и трудности эксплуатаціи.

Здѣсь встрѣчается также цинкъ, мышьякъ и сурьма. Оловянная руда, рѣдкая на всемъ Кавказѣ, была найдена въ Сванетіи.

Въ Кутаисской губерніи имѣется еще гипсъ, мраморъ, огнеупорная глина и известняки. Настанетъ время, когда сланцы Сванетіи таже будутъ эксплуатироваться. Быть-можетъ, найдутся здѣсь и драгоцѣнныя камни, какъ изумрудъ, рубины, аметисты, когда страна будетъ лучше изслѣдована, такъ какъ геологическое строеніе этой мѣстности подобному предположенію не противорѣчитъ.

VI.

Флора и фауна.

Къ такому обилію сокровищъ природы надо прибавить еще и плодородіе почвы Западнаго Кавказа, который покрытъ густыми лѣсами. Надъ ними альпійскіе луга стелютъ свой многоцвѣтный коверъ до полосы вѣчныхъ снѣговъ, тогда какъ холмы и долины съ наносной почвой, превращенной въ поля, безъ всякаго удобренія, даютъ превосходный виноградъ и хлѣбныя растенія.

Въ низменныхъ частяхъ флора представляетъ множество видовъ растеній южной Европы.

Съ начала весны, которая чувствуется здѣсь уже съ первыхъ дней марта, поляны украшаются шафраномъ, дряквой, а въ кустахъ пріютились чистякъ, анемоны, бѣлая буковица и душистая фіалка. Позднѣе появляются макъ, рогатія сосилки, голубки, чернушка и гори-цвѣтъ, которыми пестрятъ пшеничныя поля, а въ мѣстахъ болѣе сырыхъ, на берегахъ рѣчекъ, между тростниками, лютики и незабудки выставляютъ свои желтые и голубые цвѣты.

Въ мѣстахъ болѣе высокихъ орѣшникъ образуетъ низкіе густые лѣса, гдѣ вьется жимолость и растутъ піоны.

Въ большихъ дубовыхъ, еловыхъ и буковыхъ лѣсахъ, стволы которыхъ покрыты лишаями, папоротники раскидываютъ свои широкіе, изящные листья надъ почвой, устланной мхами.

Въ іюнѣ расцвѣтаютъ азалии и рододендроны, которые въ Сванетіи образуютъ цѣлые лѣса.

Можно думать, что Кавказъ есть родина нашихъ культурныхъ растеній.

Виноградъ растетъ здѣсь въ дикомъ состояніи въ низменныхъ долинахъ Имеретіи и Мингреліи. Абрикосы, персики, яблони, сливы, айва растутъ почти безъ всякаго ухода. Азалии и піоны, культура которыхъ введена въ Европу сравнительно недавно, имѣютъ своею колыбелью Закавказье.

На высокихъ мѣстахъ хлѣбныя растенія произрастаютъ превосходно; особенно красивы нивы Сванетіи.

На мѣловыхъ холмахъ виноградники даютъ прекрасныя вина, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуются шорапанскія и рачинскія.

Сырыя и теплыя долины Имеретіи и Мингреліи покрыты маисомъ, который составляетъ главную пищу крестьянъ. Избытокъ этого продукта вывозится за-границу. Въ окрестностяхъ Багдада съ успѣхомъ разводятъ хлопокъ, а на берегу Чернаго моря чайныя плантаціи даютъ чай превосходнаго качества. Рядомъ съ плантаціями—бамбукъ и другія субтропическія растенія—лимоны, мандарины и апельсины.

Подобно флорѣ, фауна Кутаисской губерніи схожа въ общихъ чертахъ съ фауной южной Европы, если не считать нѣкоторыхъ горныхъ животныхъ и чисто кавказскихъ представителей.

Въ лѣсахъ Малаго Кавказа живутъ хищныя звѣри—волки и гіены.

Говорятъ, что тигры и пантеры, пришедшіе изъ Малой Азіи, доходятъ будто бы до нижней Мингреліи и Имеретіи.

Медвѣдей очень много въ гористыхъ мѣстахъ; они часто попадаютъ на глаза путешественникамъ въ лѣсахъ Лечхума, Рачи и Сванетіи. Но въ особенности жвачныя животныя придаютъ этой области свой специальный характеръ.

Туръ—самое большое жвачное изъ дикихъ животныхъ Кавказа. Онъ очень часто встрѣчается въ Сванетіи, гдѣ его можно видѣть съ сернами и дикими козами.

Зубръ—одинъ изъ остатковъ четвертичной фауны, который сходитъ теперь съ міровой сцены, очень рѣдокъ въ горахъ Сванетіи. Въ Тифлисскомъ музеѣ находится очень хорошій экземпляръ этого животнаго. Абхазцы говорятъ, что охотятся за нимъ въ западной части Большаго хребта.

Изъ птицъ—ястребы и орлы вьютъ свои гнѣзда на высокихъ скалахъ. Въ лѣсахъ Лечхума и Рачи раздается часто свистъ дрозда; куропатки и перепелки ютятся въ пшеничныхъ и маисовыхъ поляхъ, гдѣ жужжать и порхаютъ

тысячи мухъ и бабочекъ. Въ низменныхъ частяхъ долины Ріона, въ мѣстахъ болотистыхъ встрѣчаются цапли, дикія утки, бекасы и фазаны. Рѣки и ручьи богаты рыбами и раками.

На высокихъ мѣстахъ, на живописныхъ полянахъ, пасутся быки, коровы, овцы, козы; они проводятъ на пастбищахъ все теплое время года.

Въ Сванетіи и Лечхумѣ разводятся много свиней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западнаго Кавказа занимаются пчеловодствомъ.

Въ долинахъ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи разводятся шелковичныхъ червей. Коконъ, получаемые въ довольно большомъ количествѣ, вывозятся за-границу, и на французскихъ фабрикахъ кавказскій шелкъ цѣнится очень высоко.

VII.

З а к л ю ч е н і е .

Моею цѣлью было представить возможно полную картину природы Кутаисской губерніи во всѣхъ ея видахъ и періодахъ исторіи земли.

Остается только пожелать, чтобы работа и энергія населенія привели бы этотъ чудный уголокъ къ тому завидному положенію, которое онъ долженъ занимать среди другихъ странъ своей красотой и неисчерпаемыми богатствами.

В. Бабэ.

Кутаисъ,
Октябрь 1909 г.

Отъ Редакціи.

Настоящая статья составляетъ собственно рефератъ В. А. Бабэ, бывшаго преподавателя Кутаискаго реального учи-

лица, прочитанный въ зданіи этого училища 22-го октября 1909 г. для экскурсантовъ среднихъ учебныхъ заведеній, прибывшихъ изъ г. Тифлиса соколинымъ слётомъ въ числѣ 350 учащихся, подъ руководствомъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, Н. Ф. Рудольфа.

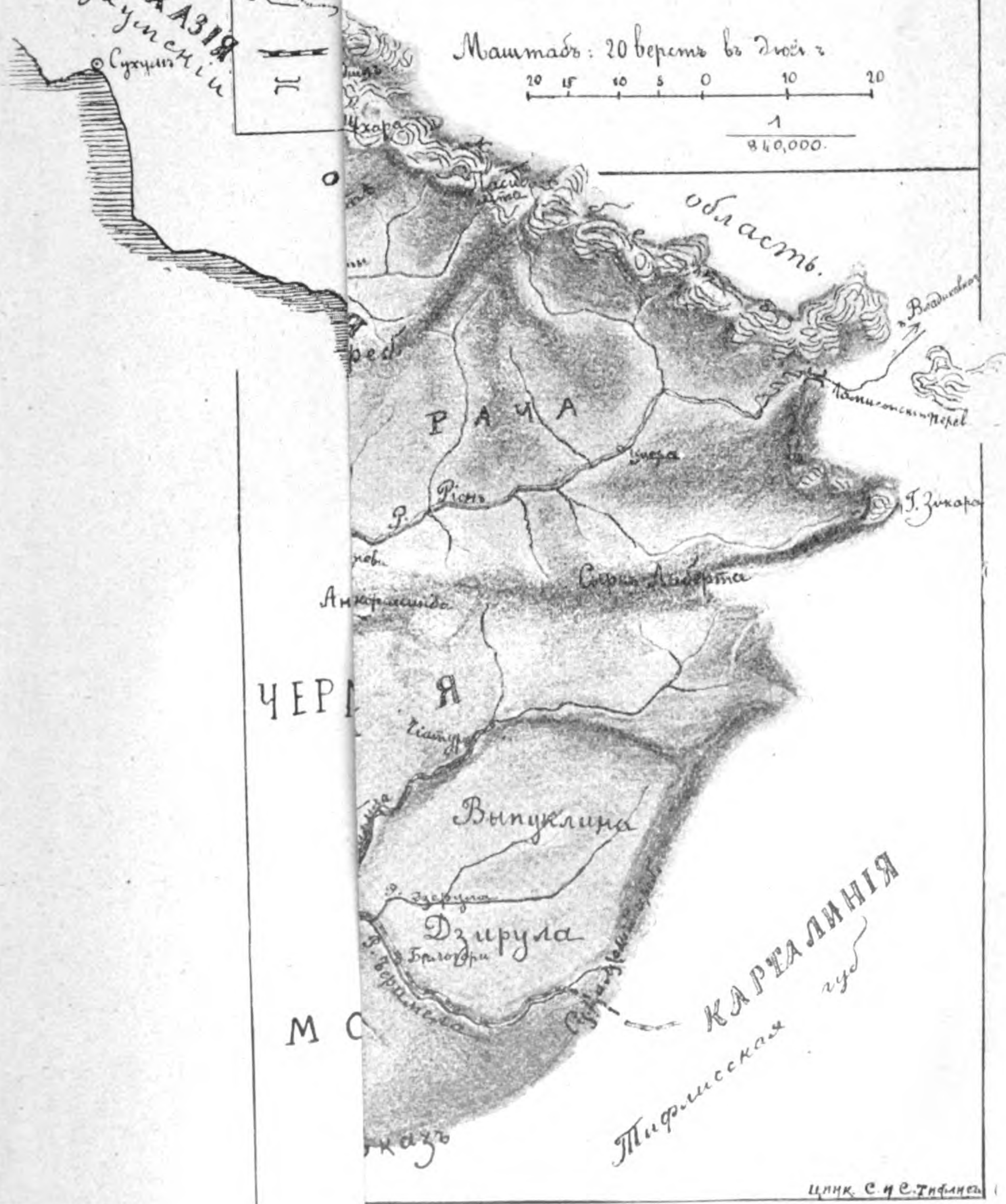
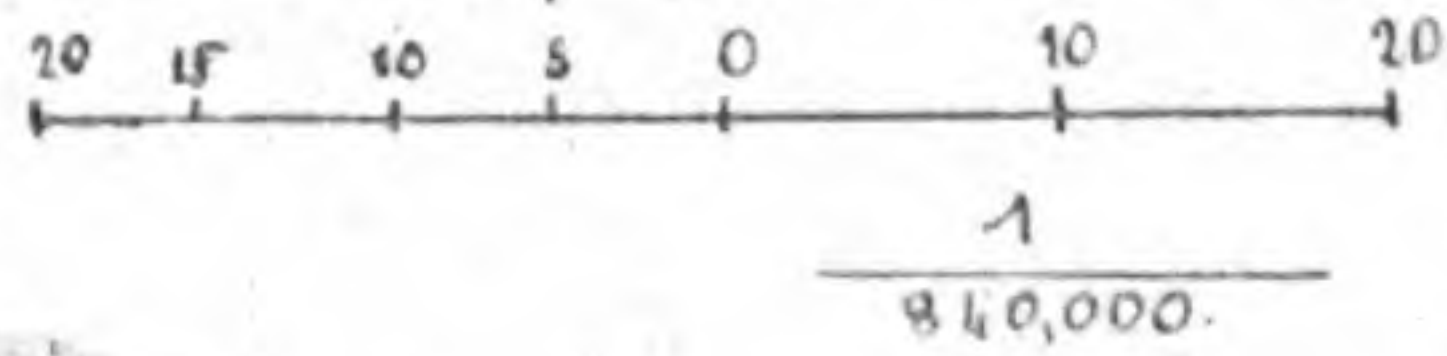

С А Б Х А З И Я
Сухумскій

Маштабъ: 20 верстъ въ дюймъ

ЧЕР

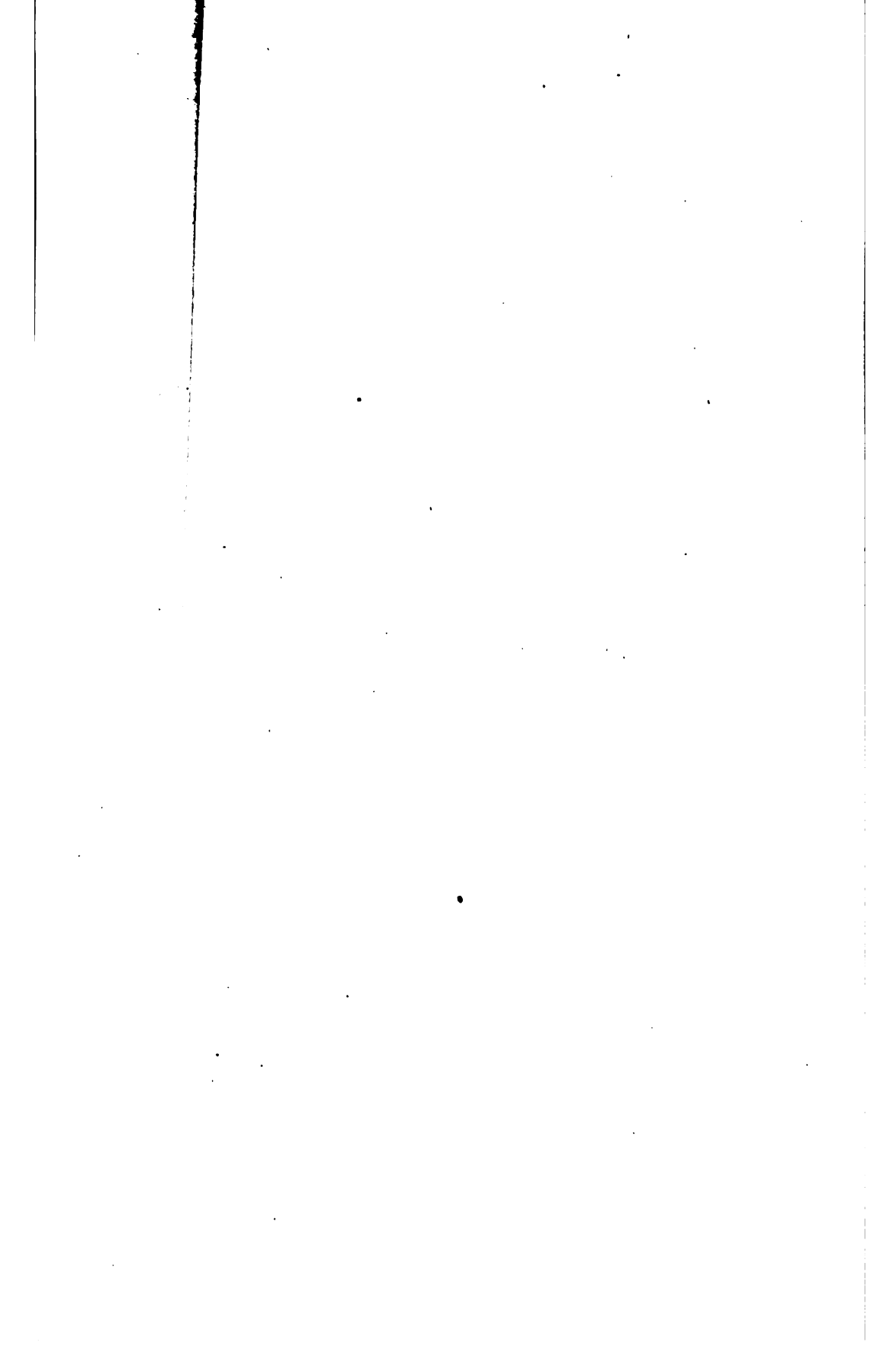
М С

КАРТАЛИНІЯ

Тифлисская губ

Цикк. С. Ч. Е. Тифлисс

Новогладковская станица въ ея прошломъ и настоящемъ.

(Краткій историко - географическій и статистическій очеркъ).

Историческія свѣдѣнія.

Исторія заселенія Новогладковской станицы, какъ одной изъ пяти древнѣйшихъ гребенскихъ станицъ, относится къ глубокой старинѣ. Всѣ доводы историковъ, занимавшихся разборомъ происхожденія гребенцовъ, не привели до сихъ поръ почти ни къ чему, да едва ли и приведутъ къ чему-либо на томъ простомъ основаніи, что до времени царствованія Феодора Иоанновича съ гребенскими казаками на страницахъ исторіи мы нигдѣ не встрѣчаемся, а преданіямъ народнымъ и, вообще, памятникамъ народнаго творчества почему-то въ такихъ случаяхъ придается мало значенія. Русская исторія не занималась занесеніемъ на свои страницы событій, совершавшихся внѣ предѣловъ русскаго государства, а ограничивалась только тѣми изъ нихъ, которыя совершались внутри его, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что первыя официальныя свѣдѣнія о гребенцахъ относятся только ко времени царствованія Феодора Иоанновича.

Историкъ Татищевъ находитъ, что на Кавказъ пришелъ первымъ изъ русскихъ людей атаманъ Андрей Шадръ въ 1554 году и привелъ якобы съ собою станицу казаковъ. Такимъ образомъ, въ атаманъ Андрей Шадръ Татищевъ видитъ перваго колонизатора Кавказа. Подобныя же указанія мы находимъ также у Платона Зубова „Картина Кавказскаго края“, который категорически заявляетъ, что изъ числа разогнанныхъ ермаковыхъ скопищъ триста казаковъ съ атаманомъ Андреемъ, удалившись за Терекъ, нашли опустѣвшій, но довольно крѣпкій городокъ на мѣстѣ нынѣшней

Андреевой деревни. Возобновивъ укрѣпленія этого городка, они поселились въ немъ, назвавъ его по имени своего атамана и съ успѣхомъ противоборствовали кумыкамъ. Въ 1569 году казаковъ этихъ по повелѣнію царя Іоанна Грознаго выселили за Терекъ, почему и городокъ ихъ заняли кумыки*). Приводимыя, однако, указанія Зубовъ ничѣмъ не подтверждаетъ. Въ виду этого, какъ заключеніе Татищева, такъ и Платона Зубова могутъ быть принимаемы только на вѣру, такъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что въ 1544 году царь Іоаннъ Грозный, дѣлая наказъ послу своему, отправляемому къ королю польскому, говоритъ: „А спросятъ, почему царь вашъ называетъ себя владѣтелемъ черкасъ, отвѣчать: черкасы издревле царей нашихъ холопы, потому что бѣжали изъ земли Рязанской“. Отдавая болѣе вѣры наказу Іоанна Грознаго, можно положительно утверждать, что Андрей Шадра вовсе не первый переселенецъ на Кавказъ, а онъ только впослѣдствіи пришелъ въ семью гребенцовъ, что будетъ согласно съ преданіями кумыковъ и чеченцевъ. Такимъ образомъ, мы безошибочно можемъ сказать, что гребенцы пришли на Кавказъ въ первой половинѣ XVI вѣка.

О мѣстѣ первыхъ поселеній гребенцовъ на Кавказѣ исторія также не сохранила намъ никакихъ свѣдѣній. Но преданія чеченскія ясно говорятъ, что гребенцы жили почти повсюду, т. е. по берегамъ р.р. Аргуна, Бааса, Хуххула и друг. Подтверждается это также указаніями генераль - инженера Ригельмана и Іосифа Дебу, изъ которыхъ первый, со словъ старожилловъ гребенцовъ, утверждаетъ, что гребенскіе казаки жили въ двухъ деревняхъ—въ Кажаровцахъ, находившихся при впаденіи р. Гаазы въ Урефъ (Урухъ), въ Татаръ-Тупскомъ ущельѣ ниже впаденія въ Терекъ рѣки Аксъ, и въ урочищахъ Голаго Гребня, въ ущельѣ Павловомъ при Гребнѣ и въ ущельѣ Кашларовской при Пимоновомъ дубѣ. По словамъ второго, гребенцы жили при р. Топли**). Изъ этого видно, что казаки въ небольшомъ числѣ смѣло прошли до Терека, не будучи остановлены ни кумыками ни

---

*) Стр. 169, ч. II, Петроградъ, 1834 г.

***) „О Кавказской линіи“, Іос. Дебу, стр. 18, 1829.

чеченцами. Такое мирное шествіе русскихъ удалцовъ было бы невозможно, если бы у нихъ среди горцевъ не было кунаковъ, чѣмъ отчасти объясняется и то обстоятельство, что гребенцы стали къ туземцамъ не только въ мирныя, но даже и въ родственныя отношенія.

Первобытное казачество, группируясь въ общины, избирало всегда базисами своей дѣятельности большія судоходныя рѣки: Днѣпръ, Донъ, Волгу, Яикъ и Терекъ, дававшія возможность дѣйствовать и на водѣ и на сушѣ. Почему же гребенцы при своемъ движеніи не оставались на Терекѣ, а пошли дальше и предпочли для жительства сравнительно ничтожную горную рѣчку Сунжу? На этотъ вопросъ мы затрудняемся что-либо отвѣтить. До того времени туземцы, въ сосѣдствѣ которыхъ поселились казаки, исповѣдывали христіанскую религію. Магометанство же гнѣздилося только въ одной Аваріи, занесенное туда мусульманскимъ святымъ, Абу-Мусселимомъ. Но вотъ въ XVI вѣкѣ изъ среды чеченцевъ (нахчой) появляется ревностный поборникъ ислама Шейхъ-Берсанъ, который силою оружія сталъ обращать горцевъ въ магометанство. Явившись однажды въ ауль Гуной, онъ предложилъ чеченцамъ выбрать любое — или смерть или магометанство, а когда казаки, бывшіе въ сосѣдствѣ, отказались, тогда Берсанъ велѣлъ всѣхъ казаковъ безъ различія пола и возраста бросить въ „Чертову балку“ (Джоже-Беро). Часть казаковъ подверглась этой участи, а часть спаслась, укрывшись въ своихъ крѣпостцахъ, расположенныхъ по рр. Хулхулау, Баасу, Аргуну и др.

По преданіямъ чеченскимъ, поселенія гребенскіихъ казаковъ находились даже въ Воздвиженскомъ ущельѣ. Шейхъ-Берсанъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ казаковъ, а потому послѣдніе, собравшись съ хозяйствомъ своимъ, покинули давно насиженныя, но ставшія негостепримными, мѣста и двинулись ближе къ Тереку, занявъ своими поселеніями треугольникъ, образуемый правымъ берегомъ Терека и лѣвымъ Сунжи. Городки гребенцовъ были поставлены на находящемся здѣсь гребнѣ, въ направленіи къ западу и возможно, что отъ этого то „гребня“ первые переселенцы рус-

скіе стали исторически извѣстны подъ именемъ гребенскихъ казаковъ.

По просьбѣ кабардинскихъ князей, въ 1567 году, по распоряженію правительства, изъ Астрахани были посланы на Терекъ воеводы Петръ Протасьевъ, Лукьянъ Новосильцовъ и князь Андрей Бабичевъ, „съ огненнымъ боемъ и многими людьми“, которые соединенными силами построили на лѣвомъ берегу Терека противъ впаденія въ него Сунжи крѣпкій городъ, снабдивъ его пушками, пищалями и гарнизономъ. Съ Гребня сюда были переведены гребенскіе казаки, которые и начали отбывать здѣсь свою первую службу*). Сама по себѣ эта крѣпость Терки (Городище), будучи поставлена на удобнѣйшемъ пути сообщенія Крыма съ Дагестаномъ, давала возможность гребенскимъ казакамъ въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлаться самовластными хозяевами на этомъ важномъ пути. Въ ихъ рукахъ находилась переправа черезъ „Сунчю рѣчку“; они караулили проѣздныя дороги черезъ горныя ущелья, ѣздили гонцами, ходили проводниками и служили хорошей охраной при прохожденіи каравановъ**). Такимъ образомъ, первые шаги гребенцовъ начались съ этой крѣпости. Преданія народныя сохранили намъ исторію одного сидѣнія гребенцовъ въ Тюмени (Теркохъ) противъ соединенныхъ силъ шамхала Тарковскаго, набранныхъ имъ со всея Кумыкской плоскости. Осада длилась 19 дней, и перевѣсъ уже склонялся на сторону враговъ вслѣдствіе того, что осажденные, отрѣзанные отъ воды, сильно терпѣли отъ жажды, тѣмъ болѣе что было жаркое время. Только благодаря проливному дождю, въ одну ночь наполнившему крѣпостные рвы, казаки воспрянули духомъ и, сдѣлавъ удачную вылазку, заставили пол-

*) Изъ Царскихъ грамотъ имѣемъ: „Въ февралѣ (2) отпустилъ Царь въ Черкассы Мазлова князя и послалъ съ нимъ для городского дѣла кн. Андрея Семеновича Бабичева да Петра Протасьева съ многими людьми да пушки и пищаля“. Исторія о Донскомъ Войскѣ, Попова. 1816, ч. II, стр. 11.

***) Исторія Соловьева, т. VII, гл. 5; Александро-Невская лѣтопись и Исторія Соловьева, т. VII, гл. 3.

чища шамхала обратиться за Терекъ *). Но неудавшійся набѣгъ на Тюмемъ шамхаль восполнилъ грабежомъ гребенскихъ городковъ при возвращеніи во-свояси. Только вторичное вмѣшательство казаковъ спасло городки и сотни людей отъ плѣна кумыкского.

Такъ окончилось это дѣло, происходившее въ 1577 г.

Не останавливаясь на послѣдующей жизни гребенскихъ казаковъ вообще и новогладковцевъ въ частности, мы должны тѣмъ не менѣе оговориться, что 1711 году по распоряженію графа Апраксина всѣ гребенскіе казаки добровольно были переселены на правый берегъ Терека, гдѣ и поселились Червленнымъ, Шидриннымъ, Курдюковымъ и Гладковскимъ городками, при чемъ отъ Гладковского городка въ послѣдствіи отдѣлилась партія казаковъ (въ какомъ году, точныхъ указаній нѣтъ) и въ 16 верстахъ отъ стараго Гладковского города основало новый Гладковскій городокъ, извѣстный въ данное время подъ именемъ Новогладковской станицы.

Географическое положеніе и общая характеристика мѣстности.

Новогладковская станица находится въ Кизлярскомъ отдѣлѣ Терекской области и въ военномъ отношеніи входитъ въ составъ Кизлярско-Гребенского полкового округа.

Географическое положеніе ея можно опредѣлить приблизительно въ 43°32' широты и 64°41' долготы.

Съ 1881 года Новогладковская станица переселилась на теперешнее мѣсто къ сѣверу отъ старой станицы, въ 4 хъ верстахъ отъ рѣки Терека, на почтовомъ трактѣ отъ Моздока до Кизляра и отъ станицы Гудермесъ чрезъ станицу Шелкозаводскую до Кизляра.

Отъ стараго мѣста отдѣляютъ ее виноградные сады казаковъ и заповѣдный Черновскій лѣсъ. Прямое и непосредственное сообщеніе „старой“ и „новой“ станицъ происхо-

---

*) Остатки крѣпости, гдѣ гребенцы выдержали осаду шамхальскихъ войскъ, до сихъ поръ сохранились въ видѣ правильнаго прямоугольника, на пути между станицами Шедринской и Шелковской.

дять чрезъ скотогонную дорогу, которая уже въ продолженіе многихъ лѣтъ ежегодно во время весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, начиная отъ православнаго кладбища и вплоть до самаго Терека, на протяженіи 3-хъ верстъ, покрывалась подпочвенною водою при глубинѣ въ 2 и 3 фута. Вредъ, причиняемый этой водою, знаютъ и понимаютъ только одни станичники, которымъ, однако, не подъ силу бороться съ этой стихіей. Цѣлые десятки виноградныхъ садовъ жителей затоплены этой водою и въ настоящее время совершенно брошены на произволъ судьбы, а сколько десятинъ лѣсу погубло, погибаетъ и еще погибнетъ отъ этой всеокрушающей тухлой воды! Жители теряютъ голову и совершенно не знаютъ, какъ удалить эту воду, которая въ 1903 — 1907 г.г. все ближе и ближе продвигалась къ „новой“ станицѣ и однажды (года не помню хорошо) едва не потопила базки жителей, примыкающіе къ станицѣ съ юго-восточной стороны. А что стоятъ испаренія отъ этой застоявшейся воды! Вотъ гдѣ лихорадка — она кругомъ всей станицы. Во время жары вода эта немного пропадаетъ, но съ періодомъ дождей и прибавкой воды въ Терекѣ снова увеличивается, закрывая громадныя площади паевой земли, съ которой казаки перестали получать богатѣйшіе урожаи пшеницы. Точно такъ же пропали и „родные паи“, затопленные водою, а жители перенесли свою земледѣльческую дѣятельность за Кизляръ на дополнительный участокъ въ Оракъ-кумъ (отъ станицы въ 75 верстъ).

Расположенная въ 4-хъ верстахъ отъ лѣваго берега Терека станица Новогладковская по прямой линіи на востокъ отъ Каспійскаго моря находится приблизительно на разстояніи 80 верстъ. Недалеко отъ бывшаго поселенія старой станицы рѣка Терекъ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверо-востокъ, такъ что, настоящая станица лежитъ какъ бы противъ угла. Правый берегъ рѣки Терека противъ станицы и, вообще, почти на всемъ протяженіи нѣсколько возвышенъ, а лѣвый какъ будто ниже уровня рѣки. Впрочемъ, это легко видно во время половодья. Благодаря тому, что противъ станицы образуется крутой поворотъ рѣки, вся масса текущей воды не успѣваетъ своевременно принять направленіе русла: она сначала

ударяется въ высокій берегъ, а затѣмъ всюю силою теченія устремляется въ сторону станицы и, подмывая берега ея, угрожаетъ станичнымъ садамъ, огородамъ и сотнямъ десятинъ лѣса наводненіемъ. А потому каждый годъ ранней весной жители станицы принимаются за работы по укрѣпленію берега. Устройство искусственнаго берега, состоящаго въ исправленіи старыхъ предохранительныхъ валовъ и выкладываніи новыхъ, занимаетъ станичниковъ почти въ теченіе всего лѣта. Однако жъ, трудъ не окупается. Не проходитъ года, чтобы не было гдѣ-либо прорыва, и опасность эта особенно усиливается въ іюль и, пожалуй, въ первыхъ числахъ августа мѣсяца. Для предупрежденія могущей быть опасности лѣтъ 5—6 назадъ на каждую недѣлю во время лѣтнихъ мѣсяцевъ обыкновенно назначался на берегъ для постоянного за нимъ наблюденія дозорные „по-куренно“, которые, точно наблюдая за приборомъ, при малѣйшей опасности, давали знать въ станицу. Но, однако жъ, миновало то время, когда народъ по первой тревогѣ выступалъ на берегъ для запруживанія: въ настоящее время даже плетью не выгонили станичниковъ на прорывы, что можно объяснить, безъ сомнѣнія, отдаленностью станицы отъ берега рѣки. Впрочемъ, годъ отъ году прибыль воды въ Терекъ становится все болѣе и болѣе неожиданной, уровень рѣки поднимается все выше и выше, и въ скоромъ времени, видимо, самая отчаянная борьба казаковъ съ водной стихіей наврядъ ли спасетъ отъ грозящей въ недалекомъ будущемъ опасности ихъ благосостоянію, заключающемся въ садахъ, огородахъ и бахчахъ по берегу Терека. Нужна борьба съ Тереккомъ, и при этомъ самая ожесточенная, при чемъ борьба эта должна состоять въ самыхъ радикальныхъ работахъ по очисткѣ русла Терека и урегулированію его теченія, а также въ капитальныхъ работахъ по укрѣпленію береговъ; но все это не подь силу казакамъ. Само собой разумѣется, что вмѣшательство Правительства въ данномъ случаѣ только и можетъ поддержать благополучное существованіе казаковъ не только Новогладковской, но и всѣхъ остальныхъ низовыхъ станицъ вплоть до самаго моря Каспійскаго. Последніе кизлярскіе прорывы изъ Таловки доказываютъ, что, быть-можетъ, не-

далеко то время, когда богоспасаемый Кизляръ будетъ по-топленъ совершенно водами Терека. Никакія силы человѣческія, намъ кажется, не въ состояніи предотвратить стихію; спасеніе возможно только при очисткѣ русла рѣки и урегулированію ея теченія. Таково въ краткихъ словахъ будущее станицы Новогладковской.

Станица Новогладковская находится на скрещеніи двухъ почтовыхъ трактовъ изъ Кизляра въ Моздокъ и изъ Кизляра въ Гудермесь, а потому движеніе черезъ станицу весьма значительное, особенно во время одного лѣтняго и двухъ осеннихъ мѣсяцевъ, да и, вообще, круглый годъ. Почтовый трактъ изъ Кизляра на Гудермесь направляется черезъ станицу Шелковскую, войсковое имѣніе „Парубочево“ и черезъ рѣку Терекъ. Изъ станицы по дорогѣ въ селеніе Аксай (Ташъ-Гечу) есть поромная переправа, находящаяся отъ новой станицы въ 4-хъ верстахъ. Эта переправа когда-то была, кажется, единственная благоустроенная.

Въ окрестностяхъ на 30 верстъ ближайшими рынками для станицы являются г. Кизляръ и с. Аксай (Ташъ-Гечу), при чемъ, первый изъ нихъ находится отъ станицы въ 50 верстахъ, а второй въ 18 верстахъ. Кизляръ служитъ мѣстомъ для заработковъ большинству жителей станицы отъ ранней весны до поздней осени, и стремится туда, главнымъ образомъ, молодежь и вовсе не для заработковъ, а для препровожденія времени. Собственно за недѣльную работу въ садахъ казаки получаютъ гроши, при чемъ цѣны по времени и сорту работъ бывають отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. въ недѣлю. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ кизлярскіе армяне эксплуатируютъ работу этихъ тысячъ подростковъ и взрослыхъ, а равно караногайцевъ, нужно самому побывать въ воскресный день на базарѣ и прислупаться къ воплю казаковъ. По воскреснымъ днямъ всегда происходятъ наймы рабочихъ въ сады, и вотъ въ этотъ-то день отъ 7 до 12 утра надо явиться на базаръ, скромно устѣться гдѣ-либо возлѣ магазина Топчиева и тутъ присмотрѣться и прислупаться, что продѣлываютъ въ это время „тамады“ (надсмотрщики за рабочими).

Въ послѣднее время нахальство этихъ послѣднихъ дошло до того, что они, не считая нужнымъ объявлять не-

дѣльную плату, прямо' чуть ли не палками гонять казаковъ въ садъ, отдавая предпочтеніе артелямъ, состоящимъ исключительно изъ женщинъ.

Что дѣлать казаку? Все равно онъ два дня теряетъ на проходъ въ Кизляръ, два дня на обратный путь и, такимъ образомъ, приходится соглашаться на 1 руб. 50 коп. въ недѣлю. Это надо помнить, что такъ продѣлывается въ Кизлярѣ, а въ станицѣ того же казака вы не наймете за 1 рубль въ сутки.

Аксай является едва ли не болѣе важнымъ торговымъ рынкомъ, чѣмъ Кизляръ. Находясь въ 18 верстахъ отъ станицы, онъ служитъ главнымъ пунктомъ по снабженію жителей станицы всѣми домашними и хозяйственными принадлежностями, одеждой и обувью и, вообще, всѣмъ необходимымъ въ домашнемъ обиходѣ и при этомъ все это за весьма скромную плату.

Слава Аксая, какъ торговаго рынка, должна не въ далекомъ будущемъ пройти далеко не только по области, но и по всему Кавказу. Было бы вполне благоразумно, если бы къ нему была проведена вѣтка желѣзной дороги. Сосѣдство желѣзной дороги отъ Новогладковской станицы въ 27 верстахъ даетъ возможность жителямъ станицы иногда заниматься извознымъ промысломъ, но опять все это въ самой незначительной степени. До областного города Владикавказа отъ станицы Новогладковской считается около 300 верстъ, а ближайшія желѣзнодорожныя станціи — Хасавъ-Юртъ и Гудермесъ, при чемъ Гудермесу казаки отдають больше предпочтенія, безъ сомнѣнія, потому, что эта станція находится ближе, чѣмъ Хасавъ-Юртъ и дорога туда болѣе безопасна.

Обращаясь къ общему характеру мѣстности, окружающей станицу, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемся всюду съ песчаною степью, слегка всхолмленною, и только возлѣ Терека на протяженіи 5-ти или 4-хъ верстъ попадаются вредныя болота съ камышомъ. И въ настоящее время, благодаря подпочвенной водѣ, число этихъ болотъ растетъ, и они даже доходятъ до самой станицы и даже возлѣ самой станицы, особенно съ юго-восточной стороны, — одни сплошныя болота. Весной можно видѣть, какъ вода изъ этихъ

болотъ, поднявшись высоко и переполнивъ все, стремится съ головокружительной быстротою черезъ лѣсные участки и разливается въ непроходимыя болота, которыя тянутся по всему протяженію трактовой дороги отъ хутора Дуриловки (Воскресенскаго) въ направленіи къ Старогладковской станицѣ и, не доходя до нея 4—5 верстъ, соединяется въ старогладковскихъ дачахъ съ рѣкой Бударой (одинъ изъ старыхъ рукавовъ Терека), чрезъ которую проложенъ мостъ. Вредъ, приносимый этими болотами, неисчислимы. Мало того, что весной почти прекращается всякое сообщеніе съ мельницами, садами, огородами, лѣсомъ и т. п., казаки особенно терпѣли и терпятъ отъ зловредныхъ лихорадокъ, распространяемыхъ этими болотами. А сколько цвѣтущихъ молодыхъ жизней похитила всеокрушающая малярія и сколько еще гибнетъ ихъ ежегодно!

За свое двухлѣтнее наблюденіе въ станицѣ я присмотрѣлся, какъ казаки во время лѣтнихъ мѣсяцевъ злоупотребляютъ овощами, а также негодной рыбой, которой многія болота въ то время положительно кишатъ. Жители не брезгаютъ и болотной водой во время работы, особенно весной, и мнѣ много приходилось наблюдать, что причины заболѣванія здѣшней лихорадкой происходятъ, главнымъ образомъ, отъ употребленія сырой болотной воды

Съ юго-западной стороны къ станицѣ примыкаютъ небольшіе „колки“ лѣса, за которыми тянутся сады жителей и знаменитый въ доброе старое время, лѣтъ 20 тому назадъ, станичный лѣсъ, называемый „Морозовъ“, который вновь испеченные казаки-„хохлы“ весь буквально истребили и совершенно непронзводительно, продавъ его возами на базарѣ въ Кизлярѣ на дрова. Сколько столѣтнихъ великановъ дубовъ погибло отъ жадной руки, объ этомъ свидѣтельствуеетъ все старожилое населеніе станицы. Съ западной стороны станицы находится заповѣдный „Черновскій“ лѣсъ, за который, однако жъ, новые переселенцы-казаки было взялись, но своевременно къ-то изъ порядочныхъ атамановъ были остановлены, хотя нѣкоторые до сихъ поръ не боятся по ночамъ рубить лѣсъ, который сдѣлало заповѣднымъ цѣлое общество. Но этотъ лѣсъ никогда не дойдетъ до „Морозова“.

который въ былое время представлялъ собою чудный строительный матеріалъ, употребленный пришлымъ населеніемъ станицы на дрова и уголья и за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ на постройку. Съ южной стороны за Терекомъ, простирается огромная Кумыкская плоскость, лѣтъ 50 назадъ служившая кровавой ареной боевыхъ столкновеній для гребенцовъ съ разными народностями Кавказа. Невылазныя притеречныя болота кишѣли въ свое время, 8—9 лѣтъ назадъ, міриадами болотной птицы, которая находила себѣ легко пристанище подъ покровомъ громаднѣйшихъ камышей, которые въ то же время служили и убѣжищемъ дикимъ свиньямъ, совершавшимъ почти черезъ каждый мѣсяцъ кочевки изъ притеречныхъ камышей въ горы за Хасавъ-Юрть и обратно. Съ восточной стороны въ 2-хъ верстахъ отъ станицы по почтовому тракту примыкаетъ земля Старогладковской станицы, при чемъ нынѣшнее малороссійское поселеніе на участкѣ бывшемъ Фролова, „Дуриловка“ (Воскресенскій хуторъ) находится на самой границѣ. Съ западной стороны въ разстояніи 4—5 верстъ по пути въ Шелковую примыкаетъ земля казаковъ этой станицы. Съ сѣверовосточной стороны къ станицѣ въ 2-хъ верстахъ примыкаютъ солончаковыя болота „Круглый“, которыя небольшою своею частью находятся въ юртовомъ надѣлѣ станицы Новогладковской, но большая часть ихъ входитъ въ составъ земель, принадлежащихъ станицѣ Старогладковской. Вода, поступающая сюда отъ разливовъ Невольки, а также собирающаяся отъ дождей и подпочвенная кишѣла въ свое время міриадами никуда негодной рыбы, хотя по простонародному хорошей, а громадные камыши, которыми болота эти были покрыты, давали пріютъ стадамъ красавцевъ оленей, дикимъ свиньямъ, волкамъ, лисицамъ, дикимъ кошкамъ, фазанамъ, волившимся здѣсь въ изобиліи, и всевозможной болотной птицѣ, начиная съ бѣлой, „земной“ утки (крахаль) и кончая крошечнымъ куликомъ. Съ сѣверной стороны станицы примыкаетъ степная полоса, которая, начиная отъ станицы на разстояніи 7 верстъ вплоть до самой Невольки, представляетъ собою почти сплошные солонцы, особенно къ югу станицы Старогладковской, а

затѣмъ уже за Неволькой на разстояніи 30 верстъ и далѣе тянутся одни безконечные сыпучіе пѣски (буруны) и земля кочующихъ карангайцевъ. Кочующіе въ степяхъ станицы инородцы-карангайцы—народъ въ высшей степени добродушный и миролюбивый, благодаря чему жители другихъ потеречныхъ низовыхъ станицъ сравнительно безопасно могутъ занимать хутора, запахивать землю и заниматься скотоводствомъ. Послѣднее, впрочемъ, страдаетъ отъ воровства кочевниковъ, если присмотрѣть плохой, но тѣмъ не менѣе эти вору не опасны и не производятъ того моральнаго дѣйствія, какъ ингуши и чеченцы, на жителей лѣсогорныхъ станицъ, жизнь коихъ часто находится всецѣло въ зависимости отъ прихоти этихъ горныхъ „рыцарей“.

Нѣсколько лѣтъ назадъ много вредило не только новогладковскимъ, но и вообще, казакамъ низовыхъ станицъ даваемое чеченцамъ разрѣшеніе селиться въ степныхъ дачахъ станицъ кутанами и заниматься скотоводствомъ. Если эти чеченцы и сами для отвода глазъ, быть-можетъ, и не воровали, зато они всегда состояли въ сообществѣ съ мошениками, помогая имъ знаніемъ мѣстности. Въ данное время не знаю, живутъ ли въ юртовыхъ станичныхъ надѣлахъ въ „бурунахъ“ чеченцы или нѣтъ, но три года назадъ они тамъ жили.

Климатическія условія станицы Новогладковской далеко неблагоприятны. Самъ по себѣ климатъ этой станицы, пожалуй, нѣсколько отличается отъ чисто степного, что отчасти объясняется вліяніемъ Каспійскаго моря. Въ тихіе ясные дни здѣсь часто замѣчается суточная правильность воздушныхъ теченій—днемъ отъ моря, а ночью отъ степи.

Особенно вредное явленіе, какъ говорилъ уже, оказываютъ стоячія воды съ массой гнѣющаго камыша, который причиняетъ крайне изнурительныя лихорадки. Эти же воды служатъ колыбелью для вывода комаровъ, этого бича потеречныхъ станицъ, которые немилосердно терзаютъ и людей и скотъ, особенно послѣдній. Скотина во время отрожденія комара отдыхаетъ только рано утромъ и во время жары, начиная отъ 4-хъ час. утра и до 4-хъ час. вечера.

Все послѣдующее время скотина мучается, и никакой „окуръ“ изъ навоза не достигаетъ результатовъ.

Въ общемъ степь оказываетъ преобладающее вліяніе на мѣстный климатъ, почему станица скорѣе должна быть отнесена къ типу степныхъ станицъ. Сухое лѣто въ станицѣ сопровождается нестерпимымъ зноемъ, доходящимъ постоянно до 30°—40° Реомюра. Перепаданіе дождей не всегда бываетъ одинаково, а обыкновенно въ концѣ апрѣля и первыхъ числахъ мая дожди становятся рѣдкостью. Въ серединѣ іюня растительность желтѣетъ и высыхаетъ и, кажется, что стебель какъ бы умираетъ; только пепельная зелень полыни, тамъ и сямъ разбросанная по солонцамъ, свидѣтельствуеетъ еще, что не все умерло.

Яркая, манящая глазъ усталого путника, зелень, словно шелковый коверъ, съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ и оленника, сохраняется только по долинѣ рѣки Терека, что объясняется обиліемъ подпочвенной воды, и около степныхъ озеръ, служащихъ водопоемъ для скота жителей и кочевниковъ.

Только ранней весной и осенью степи покрываются пышною растительностью, при чемъ осенью, когда начинается пропадать комаръ и степи снова зеленѣютъ отъ дождей, какъ весной, оживаетъ и скотъ жителей, изнуренный лѣтомъ отъ непосильныхъ работъ и безкормицы.

Самою типичною особенностью новогладковскихъ степей прежде всего надо считать господство восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, которымъ жители въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцевъ иногда всецѣло бываютъ обязаны постоянными неурожаями хлѣба. Хлѣбъ желтѣетъ, прилегаетъ къ землѣ: зерно морщится и выпадаетъ изъ колоса. Ежегодно вѣтры эти, особенно восточные, такъ называемые „моряна“, потому что дуютъ съ моря, приносятъ саранчу изъ-за моря. Однимъ словомъ, лѣтомъ эти вѣтры „жгутъ“ и „палятъ“ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, бывая часто причиной степныхъ пожаровъ.

Не меньше вреда приносятъ эти вѣтры зимой. Мнѣ часто приходилось испытывать самому на себѣ, какъ, продрожавъ въ теченіе ночи отъ пронизывающаго холода,

утромъ вы не можете выйти изъ дома вслѣдствіе того, что возлѣ вашего дома навалены 2-хъ-саженной высоты снѣжные сугробы. А сколько скотины пропадаетъ у кочевниковъ-ногайцевъ отъ этихъ вѣтровъ! Птица не въ состояніи переносить этой стужи, а потому сотнями погибаетъ, особенно фазаны, которые на лету замерзаютъ. Съ наступленіемъ зимы уже ни одинъ казакъ-гребенецъ (старожиль) не живетъ въ домѣ; всѣ переселяются изъ бревенчатыхъ домовъ въ низкія горскія сакли-„избушки“ съ глинобитными полами и большими нарами. Въ нихъ только и спасается зимой подчасъ многочисленная семья. Западные же вѣтры, которые во время лѣтнихъ мѣсяцевъ почти не дуютъ, а, слѣдовательно, и не приносятъ дождя, всегда въ Теречной долинѣ ожидаются съ нетерпѣніемъ.

Около самой станицы на площади верстъ въ 5—6 въ окружности, разливается напускное озеро, куда вода поступаетъ изъ канавы, проведенной изъ Терека. Эта вода въ теченіе всего года служить для водопоя скота; кромѣ того, жители пользуются ею для питья и варки пищи, благодаря отдаленности Терека, тѣмъ болѣе что колодцы въ станицѣ Новоградковской всѣ съ водой горькосолоеной.

Постройка домовъ и домашній бытъ.

Домашній бытъ новогладковскихъ казаковъ сложился по образцу сосѣдей ихъ кабардинцевъ, кумыковъ и чеченцевъ, отъ которыхъ очень многое ими заимствовано. Насколько оригиналенъ весь укладъ домашней жизни новогладковцевъ, настолько же оригинальна внѣшность ихъ домашней обстановки: постройка домовъ, сакель и ихъ убранство. Каждый новогладковецъ средней руки обязательно имѣетъ домъ, саклю, кухню и хатку. Дома строятся обыкновенно по образцу великорусскихъ избъ и особенно близко подходят къ домамъ, какіе мы видимъ у крестьянъ Рязанской губерніи. Они бревенчатые изъ пластинъ или срубчатые, обыкновенно дубовые, съ острой крышей и съ вырѣзанными коньками по концамъ стропиль. Кроекъ дома обыкновенно камышомъ „подъ козырь“ и мызгой (осокой); дымо-

выхъ трубъ почти не видно, такъ какъ трубы печей выводятся, вообще, на „палати“, и тамъ труба отводится горизонтально аршина на 2—3. Послѣ топки печи забиваются затычкой, состоящей изъ разнаго тряпья и изношеннаго платья. Дымъ изъ трубы стелется по палатамъ (чердаку) и проходитъ чрезъ крышу въ имѣющіяся отверстія. На подобныхъ чердакахъ на полкахъ въ зимніе мѣсяцы, когда казакъ освобождается отъ полевыхъ работъ и успѣваетъ „сѣздить на море за рыбою“, развѣшивается для копченія высоленная вобла, которая въ зимніе мѣсяцы вмѣстѣ съ квашеной капустой составляетъ чуть ли не единственную принадлежность стола новогладковскаго обывателя, скудно, вообще, питающагося и видящаго говядину только въ дни годовыхъ праздниковъ, да на поминкахъ и свадьбахъ.

Домъ новогладковца состоитъ изъ 2-хъ комнатъ: первая входная называется сѣнцами, а слѣдующая собственно избой. Передъ каждымъ домомъ небольшой крылецъ со сходцами. Снаружи дома обмазываются глиной, внутри оклеиваются обоями или также обмазываются бѣлой глиной, замѣняющей известку. Дома содержатся въ идеальной чистотѣ. Полы въ нихъ чуть ли не ежедневно моются и при этомъ скребутся „драчкомъ“ (дикій песчаникъ), отъ чего получаютъ не только необыкновенную чистоту, но и приобрѣтаютъ еще свойство послѣ того, какъ высохнутъ, распространять какой-то особенный ароматъ, который мы ощущаемъ обыкновенно послѣ сильной грозы. Дѣлаютъ дома и въ три комнаты, но такихъ въ станицѣ 2—3 дома, и строятъ ихъ казаки состоятельные и хорошо обеспеченные матеріально.

Самое убранство домовъ — смѣсь горскаго съ русскимъ. Съ крыльца вы входите въ первую комнату — сѣни, при чемъ, противъ самой двери, какъ вы входите, невольно бросается въ глаза пестрота убранства главной стѣны: она вся уставлена сундуками, обитыми узкими жестяными листами, а въ послѣднее время служившіе въ конвоѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА казаки привозятъ и цѣнные сундуки большихъ размѣровъ, но въ общемъ напоминающіе только-что описанные. Лицевая сторона сундуковъ раскрашена разными рисунками, а такъ какъ сундуки занимаютъ обыкно-

венно не всю стѣну, то за неимѣніемъ ихъ устраниваютъ лавки, которыя застилаются кошмами. На сундуки укладываютъ тюфяки, обшитые толстымъ русскимъ канифасомъ, а на нихъ укладываются одѣяла и подушки, при чемъ все это содержится въ образцовомъ порядкѣ. Отъ входа въ сѣни направо, въ главномъ углу, устроенъ кіотъ, въ которомъ принято устанавливать три иконы, извѣстныя подъ именемъ „Дѣисусе“; но, кромѣ этихъ иконъ, ставятъ и другія деревянные и мѣдныя, при чемъ, предъ каждой иконой маленькой желѣзный подсвѣчникъ для восковой свѣчи. Внизу кіота вѣшается спитая изъ разноцвѣтныхъ кусковъ матеріи, обыкновенно шелковыхъ, пелена, шитая, какъ говорятъ гребенцы „паями“ (куски матеріи въ формѣ разнобедренныхъ треугольниковъ), и посреди пелены пришивается восьмиконечный крестъ съ Адамовой головой у подножія его. По сторонамъ кіота вѣшаются подручники квадратные, размеромъ въ $\frac{1}{4}$ арш., тюфячки или подушки, внутри которыхъ кладутъ войлокъ или шерсть (для старухъ, чтобы было мягче). Верхняя сторона подручника составлена также изъ шелковыхъ или шерстяныхъ „шаевъ“, а нижняя изъ простой ситцевой матеріи. Эти подручники служатъ при земныхъ поклонахъ подстилкой, на которую при молитвѣ кладутъ руки и склоняется лобъ. На подручникахъ вѣшаются лѣстовки (четки), которыя обыкновенно дѣлаются изъ опойки или сафьяна съ треугольными наконечниками, подчасъ украшенными бархатомъ или плисомъ съ незатѣйливой мишурной вышивкой. Въ свободномъ простѣнкѣ непременно виситъ зеркало простаго русскаго фасона, оббитое кругомъ бѣлымъ полотенцемъ со свѣшенными внизъ концами. Лавки, занимающія главную стѣну, закрываются или стариннымъ ковромъ, если онъ есть, а то обыкновенно войлокомъ, который всегда спускается до низу. Зимой подъ лавками прячутся незатѣйливые гребенскіе пищевые продукты — тыквы и разная домашняя рухлядь. Въ послѣднее время, какъ я помню себя, въ сѣняхъ становяты еще старинную, причудливо скрипящую койку. Въ этомъ случаѣ постель складывается на этой койкѣ, а не на сундукахъ. Въ сѣняхъ сохраняются лучшія вещи казака и казачки. Тутъ предметы строевого имущества

казака: кинжалъ, пашка, иногда кременный пистолеть, бурочное нагалище и полученная изъ станичнаго правленія винтовка. На гвоздѣ висятъ казачьи черкески, бурка, и, однимъ словомъ, все то незатѣйливое строевое имущество казака, которое онъ исправно два раза въ годъ представляетъ на смотри своему начальству, проѣзжающему по станицамъ въ ноябрѣ и февралѣ мѣсяцахъ каждаго года. Въ сундукахъ хранятся лучшія вещи казачки, ея приданое и подчасъ деньги. Въ сѣняхъ же обыкновенно спятъ и новобрачные, не обращая вниманія ни на какой холодъ, такъ какъ печей въ сѣняхъ обыкновенно дѣлать не принято. Изъ сѣней дверь идетъ въ слѣдующую комнату, которая составляетъ уже жилое помѣщеніе. при чемъ, если у казаканѣтъ „избушки“ (сакли), то въ этой избѣ семья помѣщается и лѣтомъ и зимой; здѣсь ѣдятъ и пьютъ, шьютъ женщины, „чеботарятъ“ подчасъ казаки, доморощенные сапожники; здѣсь же спитъ вся семья, старый и малый за исключеніемъ молодоженовъ, которымъ мѣсто въ сѣняхъ. При входѣ въ избу прямо противъ дверей, въ первомъ углу, вамъ бросается въ глаза также кіотъ съ пеленой, подручниками и лѣстовками. Предъ иконами лампадка. Сейчасъ же при входѣ въ избу, направо, устраивается большая русская печь съ подпечникомъ внизу и надпечникомъ сверху. Въ зимніе мѣсяцы, въ жестокія стужи, когда съ Каспійскаго моря начинаютъ бушевать пронизывающіе вѣтры, „моряна“, на печку переселяются и старые и малые, которые цѣлыми днями отсиживаются на ней, расправляя свои кости. Въ печи же пекутъ хлѣбъ, пироги, варятъ обѣдъ, сушатъ лѣсные яблоки, груши, пекутъ тыкву и проч. Подпечникъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для кочерги, ухвата (рогача), сковородника и деревянной лопаты для сажанія и выниманія хлѣба изъ печи. Тутъ же между русской печью и стѣной устраиваются нары, которыя застилаются также войлоками или коврами, а у самой стѣны въ образцовомъ порядкѣ складываются также тюфяки, подушки и одѣяла, которыя сверху плотно закрываются простыней. Отъ наръ до угла съ кіотомъ вдоль стѣны идетъ также лавка шириной отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ аршина. Предъ угломъ, гдѣ помѣщается кіотъ, становится столъ, покрытый бѣло-

снѣжною скатертью, а въ послѣднее время клеенкой; далѣе по надъ стѣной опять лавка почти до угла; наконецъ, въ этомъ послѣднемъ углу, при входѣ въ избу, съ лѣвой стороны, помѣщается „поставъ“ (открытый или закрытый шкафъ) съ незатѣйливой гребенской посудой, часто со стеклянными дверцами, а то и безъ нихъ. Въ немъ въ образцовомъ порядкѣ разставляются на полкахъ тарелки, графины, бутылки и проч. посуда. Тутъ же вы увидите перевернутыя вверхъ дномъ полоскательныя чашки, купленныя въ Аксаѣ (Ташъ-Гечу). Онѣ предназначены для питья чихиря; обыкновенно же чихирь принято пить изъ „чапурокъ“, деревянныхъ раскрашенныхъ чашекъ, вмѣстимостью обыкновенно отъ одной до четырехъ и пяти квартъ. Послѣднихъ размѣровъ чапурки употребляются обыкновенно на поминкахъ. Въ избѣ, въ простѣнкѣ между нарами и кіотомъ, вѣшается зеркало. Любимое мѣсто во всякой семьѣ — нары. Тутъ цѣлые дни проводитъ вся семья — обѣдаетъ, разостлавши посрединѣ мѣшокъ вмѣсто скатерти и поджавши подъ себя ноги; тутъ же женщины цѣлыми днями просиживаютъ за шитьемъ съ поджатыми ногами, положивъ на колѣно подушку для припиливанія къ ней „шитва“. А ночью на этихъ нарахъ обыкновенно укладывается въ повалку большая часть семьи. Во всякомъ случаѣ, старые и малые, если онѣ не на печкѣ, то располагаются на нарахъ. Кромѣ того, какъ я уже упомянулъ, при каждомъ домѣ устраивается турлучная или деревянная сакля „избушка“, ничѣмъ не отличающаяся по наружному виду отъ туземной сакли, крытая камышомъ, мызгой или съ глинобитнымъ верхомъ (плоской крышей) и глинобитнымъ поломъ, который аккуратно смазывается чуть ли не ежедневно. Обыкновенно сакли эти состоятъ также изъ двухъ комнатъ. Но въ сѣняхъ уже помѣщаются хозяйственные предметы — трехногія маленькія скамейки, „бѣжни“, котлы и проч. дребедень, но непременно здѣсь становится гдѣ-либо въ углу мѣдный образъ. Подобные образа вѣшаются при входѣ почти въ каждомъ домѣ или саклѣ надъ дверью. Въ слѣдующей комнатѣ точно такое же убранство, какъ и въ избахъ домовъ, но съ тою лишь разницею, что все здѣсь похуже и попроще, хотя та же чистота и опрят-

ность видны здѣсь во всемъ. Эти „избушки“ или сакли въ жизни новогладковцевъ и другихъ казаковъ низовыхъ и верховыхъ гребенскихъ станицъ зимой играютъ огромную роль. Имѣющіе дома и сакли зимой живутъ обыкновенно въ послѣднихъ, и часть семьи только на ночь уходитъ въ домъ для ночлега. Семья же цѣлые дни проводитъ въ саклѣ; она тепла, благодаря глинобитному полу, топится полдня и мала размѣрами, и естественное дѣло, пронизывающіе каспійскіе вѣтры, этотъ бичъ потеречныхъ станицъ, не въ силахъ уже проникать въ нихъ. Лѣтомъ сакля оставляется; въ ней пекутъ только хлѣбъ: семья помѣщается обыкновенно въ домѣ; обѣдъ варится въ кухнѣ. Кромѣ дома и сакли, каждый средней руки новогладковецъ имѣетъ въ числѣ надворныхъ построекъ—кухню и хатку. Кухни обыкновенно строятся турлучныя, обмазываются кругомъ сплошь глиной или скотскимъ пометомъ. Въ кухнѣ устраивается очагъ съ 3—4 горнушками (горнами) изъ саманныхъ кирпичей. Надъ горнушками вверху, въ разстояніи отъ нихъ отъ 1¹/₂ до 2-хъ аршинъ, словно привѣшивается, прикрѣпляется, выходя наружу подъ крышей, изъ плетеныхъ таловыхъ прутьевъ и плотно смазанная глиной, корзина, называемая въ станицѣ Новогладковской „бухарь“, который служитъ для сбора дыма и выхода его наружу. Лѣтомъ въ кухнѣ готовится пища, топится въ большихъ чугунныхъ котлахъ „казанакъ“ молоко для каймака (толстыя поздраватія топленыя сливки). „рымчикъ“ и т. д.

Осенью въ этихъ же котлахъ варятъ арбузный и виноградный медъ; послѣдній называется обыкновенно „душапъ“. Кухня лѣтомъ въ общемъ играетъ ту же роль, какую исполняетъ изба зимой.

Что касается „хатки“, то она обыкновенно строится изъ деревянныхъ брусевъ или изъ турлука и служитъ и подваломъ и кладовой. Это завѣтный уголокъ чехирелюбивыхъ новогладковцевъ; здѣсь становятся бочки, налитыя чехиремъ, кадушки съ квашеной капустой, „моченый“ виноградъ, арбузы, „бѣжни“ (родъ большихъ плетеныхъ изъ таловаго мелкаго хворосту корзины, обмазанныхъ глиной) съ мукой, рожью, просомъ и т. д. Въ хаткѣ же складываются

и всевозможныя хозяйственныя орудія—серпы, косы, вилы, грабли и прочіе мелкіе предметы незагнѣливаго хозяйства. На дворѣ устраиваются сараи „лапасы“ и конюшни, гдѣ устанавливаются арбы, плугъ и складывается строительный лѣсъ. Наконецъ, каждый хозяинъ имѣетъ „загонъ“ (базъ) обыкновенно гдѣ-нибудь за станицей, гдѣ складываются скирды или стога перевозимаго сюда зимой сѣна, соломы, необмолоченный хлѣбъ. Здѣсь же зимой, когда подножный кормъ покрывается снѣгомъ, содержится и кормится вся гулевая скотина, лошади и бараны.

Вотъ въ общихъ чертахъ жилище новогладковского казака со всѣми надворными постройками.

Что касается другой части населенія станицы, меньшей, казанскихъ татаръ и „переселенцевъ“ (малорусовъ), то они не потеряли до сихъ поръ своей связи съ тѣми мѣстами, откуда они вышли. Помѣщенія этихъ новыхъ „переселенцевъ“, которые въ 1860 году были приписаны въ казаки, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ малороссійскихъ хатъ, которыя они покинули на родинѣ въ Харьковской губерніи. Казанскіе татары живутъ на отдѣльномъ концѣ станицы близъ Черновскаго лѣса; они ведутъ совершенно обособленную жизнь и по своему домашнему укладу и обстановкѣ ничѣмъ не отличаются отъ сосѣдей кумыкъ.

Семейный бытъ и его особенности.

Семейныя отношенія казаковъ Новогладковской станицы сложились подъ вліяніемъ ближайшихъ сосѣдей-горцевъ. Новогладковская женщина—мѣстнаго горскаго происхожденія. Она пріобрѣла легкій станъ кавказскаго горца, а сама заимствовала отъ казака ростъ, мускульную силу и рѣзвый характеръ русской женщины. Такимъ образомъ, въ каждомъ новогладковскомъ казакѣ течетъ кровь чеченца, кабардинца или ногойца и многихъ другихъ народностей Кавказа, которыя такъ или иначе соприкасались съ ними, входили въ семью гребенцовъ и становились затѣмъ ея членами. Отсюда естественно, что весь семейно-бытовой укладъ новогладковцевъ, рядомъ со многими особенностями

русскаго человѣка, воспринялъ много паѣ окружающей его туземной среды—кабардинской и чеченской.

Семейныя отношенія снохи-гребенички къ свекру, свекрови, деверямъ и золовкамъ весьма рѣзко отличаются отъ того, что мы видимъ сплошь и рядомъ въ русскнхъ крестьянскихъ семьяхъ. Въ новогладковской семьѣ все зиждется на умственномъ и нравственномъ превосходствѣ человѣка: умная свекровь съ достоинствомъ держитъ въ своихъ рукахъ бразды правленія всѣмъ домомъ, а за ея отсутствіемъ эта тяжелая обязанность лежитъ на снохѣ, которая во всѣхъ отношеніяхъ и почти всегда, за самыми незначительными исключеніями, является примѣрной невѣсткой. Въ семьѣ господствуетъ полнѣйшее равенство и не равенъ тотъ, который не умѣетъ держать себя съ достоинствомъ и не покоряется старшимъ. Для свекрови въ семьѣ всѣ одинаковы, и предпочтенія она никому не отдаетъ. Родная ея дочь и невѣстка одинаково пользуются любовью и уваженіемъ матери и свекрови, которая, выручивъ осенью отъ продажи чихиря кое-какія крохи, покупаетъ одинаковыя наряды обѣимъ. Но тѣмъ не менѣе все же въ семьѣ обыкновенно преобладаетъ нѣкоторое господство мужчины надъ женщиной, что опять-таки обуславливается взаимнымъ уваженіемъ, умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, которому въ одинаковой степени подчиняются мужчины и женщины. Можно, пожалуй, утвердительно сказать, что въ новогладковской семьѣ всѣ равны, и отношенія устанавливаются въ зависимости отъ угожденія одного другому. Нельзя, однако же, умолчать о томъ деспотическомъ обращеніи родителей въ отношеніи подрастающихъ сыновей, когда этимъ послѣднимъ минуетъ 17 лѣтъ, а стало-быть, является и необходимость выбирать подругу жизни.

Въ данномъ случаѣ родители не находятъ уже нужнымъ считаться съ сердечными отношеніями брачующихся, и имъ нѣтъ дѣла до ихъ любовныхъ отношеній. Въ суженія своимъ сыновьямъ они выбираютъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя имъ болѣе по душѣ, и это обыкновенно 19—22-лѣтнія дѣвицы, здоровыя бабы-работницы, которыя могутъ нести покорно самыя тяжелыя работы.

И вотъ пара—мужъ 17-лѣтній юноша, а жена 20 — 22 лѣтъ, вполне сформировавшаяся женщина. Такъ уже ведется „изъ тумы-тумы“, изъ того далекаго прошлаго, когда при „умыканіи“ женщинъ не разбиралось, какихъ лѣтъ „умыкаемая“, и при дѣлежѣ „женскаго ясыру“ не приходилось считаться съ лѣтами будущей жены. И этотъ убійственный обычай, развращающій молодежь въ юныхъ лѣтахъ, безъ сомнѣнія, будетъ всегда пользоваться правами гражданства до тѣхъ поръ, пока культура не подниметъ уровня казачества. Мнѣ рѣдко приходилось наблюдать, чтобы брачущіеся были однихъ лѣтъ. Результаты подобныхъ вредныхъ браковъ начинаютъ обыкновенно сказываться на первыхъ же порахъ: новобрачная обыкновенно проживетъ съ мужемъ 2—3 недѣли, рѣдко мѣсяць или полтора, а затѣмъ уходитъ къ своимъ родителямъ и, конечно, „по секрету“ сообщаетъ матери о причинѣ ухода.

„Безпутная жена“ проживетъ у отца 4—5 лѣтъ и, побывавъ въ Кизлярѣ на заработкахъ на „зеленыхъ подвязкахъ“ и повозившись нѣкоторое время съ армянами-садовладѣльцами, знакомится уже во всю съ обратной стороной кизлярской жизни, особенно во время уборки садовъ, когда совращаются сплошь-и-рядомъ и дѣти-подростки; но тѣмъ не менѣе она въ концѣ концовъ сходится съ мужемъ. Въ большинствѣ случаевъ это бываетъ по окончаніи службы казака, когда его невѣрная жена старается помириться съ „немилымъ“ и во всемъ угодить свекру и свекрови.

Подобное ненормальное явленіе въ жизни гребенскихъ казаковъ вообще, а новогладковскихъ въ частности, есть результатъ неразумнаго взгляда на бракъ родителей брачущихся, которые въ снохѣ стараются видѣть только одну рабочую силу. Такіе браки особенно распространены среди тѣхъ гребенцовъ, которые по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ принадлежатъ къ распространеннымъ между старообрядцами толкамъ: безпоповцамъ, поморцамъ и др.; какъ извѣстно, казаки этихъ религіозныхъ вѣрованій живутъ совершенно особнякомъ даже отъ старообрядцевъ, пріемлющихъ бѣлокриницкое священство.

Здѣсь, между прочимъ, умѣстно обратить вниманіе на новогладковскую женщину, которая представляетъ собою ту характерную особенность, что является украшеніемъ семейной жизни казака и въ то же время составляетъ главную экономическую силу его хозяйства и домашняго обихода.

По внѣшнему виду новогладковская казачка представляетъ два смѣшанныхъ типа—татарско-русскій и русско-чеченскій, почему новогладковскія гребенички красивы въ полномъ смыслѣ этого слова, граціозны, смѣлы и задорны, симпатичны и энергичны. Для сохраненія кожи лица и рукъ отъ загара онѣ и на работѣ въ полѣ и садахъ, а также и дома „кутаются“, обвязывая лицо платкомъ настолько, что оставляютъ видными только одни жгучіе глаза, благодаря каковому обстоятельству цвѣтъ лица и рукъ у нихъ всегда остается нѣжнымъ, несмотря на ту изнурительную работу, которую онѣ несутъ въ хозяйствѣ то въ виноградныхъ садахъ съ мотыгой, то въ сыпучихъ пескахъ съ серпомъ за жатвой чахлою ржи. Круглый годъ новогладковская женщина не освобождается отъ тяжелаго физическаго труда, почти никогда не оплачиваемаго, такъ какъ скудная почва, пески и солончаки не всегда даютъ даже посредственнаго урожая. Несмотря на этотъ тяжелый трудъ, онѣ постоянно чистоплотны и опрятны, бѣлолицы и всегда нарядно одѣты, даже идя на работу въ садъ.

Такимъ образомъ, въ силу исторически сложившейся жизни гребенскихъ казаковъ, новогладковскія казачки, оставаясь единственными хозяевами въ домѣ, приобрѣли почти полную независимость въ своихъ дѣйствіяхъ, ставъ въ почти равныя отношенія къ мужчинамъ. Да оно, пожалуй, такъ и должно быть, разъ мужчина находится почти все время на службѣ и, не принося никакой существенной пользы семьѣ ни трудомъ ни разумными указаніями, онъ скорѣе въ семьѣ своей является чѣмъ-то вродѣ трутня. Жена для казака—все, его главное богатство; отъ нея онъ получаетъ обмундированіе, снаряженіе и лошадь.

Новогладковскія женщины приняли одежду и уборы отъ горскихъ женщинъ. Одежда эта состоитъ изъ узкой рубахи съ широкими рукавами, простой ситцевой въ буднич-

ные дни и канаусовой красной шелковой или какого - либо другого цвѣта и матеріала въ праздники, атласнаго бешмета разныхъ цвѣтовъ, тѣсно застегнутаго и отчетливо обрисовывающаго рельефы тѣла. Подпояска лежитъ ниже мужской и состоитъ въ широкомъ галунномъ или черязевомъ поясѣ съ серебряными или мѣдными съ подчернью украшениями, опредѣляя гибкость и граціозность женскаго сложенія. Грудь женщины украшается ожерельемъ изъ янтарей и коралловъ, между которымъ на разстояніи $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$, верхка привѣшены рѣдко золотыя, но обыкновенно серебряныя монеты самаго древняго происхожденія. Вышеупомянутая одежда составляетъ обыкновенно праздничный нарядъ женщины и дѣвушки, а въ будніе дни обыкновенно носится ситцевая рубаха съ широкими рукавами, бешметъ изъ простой, но плотной матеріи (фуфайка), которая отличается отъ бешмета тѣмъ, что рукава ея дѣлаются только по локоть, въ то время какъ у бешмета рукава дѣлаются длинныя по кисть и съ отворотами. Бешметы обыкновенно обшиваются узкимъ галуномъ и серебрянымъ снуркомъ; ситцевые же дѣлаются безъ всякихъ украшеній. На атласныхъ бешметахъ пришиваются вмѣсто застежекъ серебряныя, рѣдко мѣдныя, или позолоченныя съ чернью азіатскія петли 7—10 паръ, которыя бываютъ разной формы и величины. Предварительно петли нашиваются на бархатъ, плюсь или на сафьянъ, а затѣмъ уже пришиваются къ бешмету.

Зимой носится шуба, для которой употреблялись ранѣе преимущественно бѣличьи и кошачьи мѣха; верхъ же шубы покрывается атласомъ. Фасонъ шубы таковъ же, какъ и у бешмета, но только рукава дѣлаются безъ отворотовъ и узкіе. Шуба обшивается по наружному краю вокругъ груди, подола и по рукавамъ мѣхомъ рѣчной выдры (парешни) шириной въ $1\frac{1}{2}$, верхка, но такая обшивка въ данное время становится почти рѣдкостью, такъ какъ парешни почти перевелись. Петли нашиваются также и на шубѣ, которая кроится обыкновенно въ талію. Головной уборъ новогладковской женщины, кстати сказать сохранившійся во всей своей неприкосновенности въ этой патриархальной станицѣ, представляетъ оригинальную смѣсь головного убора грузи-

нокъ, армянокъ и женщины Рязанской губерніи. Дѣвушки обыкновенно головного убора не носятъ, но заплетая волосы въ одну или двѣ косы, прикрываютъ голову платкомъ, отдавая въ будни палевому цвѣту предпочтеніе. Платки палевые батистовые обыкновенно крахмалятся.

Совсѣмъ другое представляетъ собою головной уборъ замужней женщины, которая впервые уборъ этотъ надѣваетъ во время вѣнчанія. Обыкновенно волосы женщины заплетаются въ двѣ косы, которыя на темени свертываются въ кружокъ, и на него уже накладывается „подкосникъ“ (кокошникъ, что-то вродѣ кренделя), набитый ватой, который имѣетъ сзади двѣ связки. Вокругъ косъ на „подкосникѣ“ надѣвается „сорочка“ (родъ чепчика), которая плотно облегаетъ „подкосникъ“; затѣмъ на „сорочку“ надѣвается „стягашъ“—шелковый алый, кашемировый или ситцевый, обыкновенно кумачевый платокъ, концы котораго завязываются на затылкѣ. Наконецъ, все ужъ это сверху повязывается шириной—это цвѣтной шелковый или большой батистовый платокъ съ загибомъ по срединѣ—„сгибкой“, которая дѣлается зубами, но чаще всего утюгомъ посрединѣ свернутого уголь съ угломъ платка.

Янтарь, кораллы и разныя бусы съ припаянными къ нимъ монетами носятъ обыкновенно и женщины и дѣвушки, при чемъ у послѣднихъ сплошь-и-рядомъ можно видѣть на большихъ серебряныхъ цѣпочкахъ восьмиконечные кресты.

Въ ушахъ носятъ серьги старинныя, большія серебряныя съ подчервнью, которыя обыкновенно передаются по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери. Такія серьги въ настоящее время можно видѣть только у туземныхъ женщинъ.

Новогладковскія „бабы“, какъ и вообще гребенскія женщины, очень любятъ хорошо одѣться и дѣйствительно одѣваются со вкусомъ, но при этомъ нужно отдать имъ полную справедливость, что въ одеждѣ своей онѣ очень бережливы. Обыкновенно шубы, атласныя бешметы и канаусовыя рубахи переходятъ отъ прабабушекъ и служатъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Гребенская женщина любитъ и умѣетъ нравиться, до болѣзненности любитъ чистоплотность и

хорошій нарядъ, но это отнюдь не мѣшаетъ ей работать за троихъ. Вообще же новогладковская женщина, по сравненію съ другими русскими рабочими женщинами, гораздо выше стоитъ какъ по своему умственному развитію, такъ и по своему безпросвѣтному, почти не оплачиваемому, труду.

Страдная пора для новогладковской женщины оканчивается обыкновенно къ первымъ числамъ ноября мѣсяца, между тѣмъ, какъ мужчины до декабря мѣсяца продолжаютъ нести свой крестъ — мерзнуть на пахотѣ, а окончивъ пахоту, всю зиму до марта мѣсяца занимаются перевозкой въ станицу изъ степи сѣна и рубкой дровъ, при чемъ перевозка эта производится обыкновенно заранѣе согласившимися семьями изъ нѣсколькихъ дворовъ, когда собираются десятка два арбъ и столько же ребятъ. Перевозятъ по очереди, собравшись „гамузомъ“ всѣми участвующими въ этихъ сборахъ.

Когда перевозка такая заканчивается, то обыкновенно въ домѣ хозяина, которому перевозилось сѣно, начинается „бесѣда“ съ „моленьемъ“ — питьемъ чихиря и обильнымъ ужиномъ въ видѣ пироговъ, свиной солянки, копченой воблы, кислой капусты и т. д. Чихиря въ такихъ случаяхъ выпивается безъ счету, такъ какъ въ это время даже самый бѣдный хозяинъ наливаетъ не меньше 2—3 бочекъ чихиря. Но что это за вино?

А если таковой и кончится, то онъ всегда считаетъ долгомъ купить съ ведро — „жестянку“, а тамъ за трудовымъ ужиномъ и пѣсни.

Новогладковцы любятъ пѣть и поютъ увлекательно. Изъ русскихъ едва ли кто-либо обладаетъ такими богатыми памятниками народнаго творчества, какъ гребенскіе казаки вообще, а новогладковцы въ частности. Новогладковская женщина зимой ведетъ домашнія работы — шьетъ одежду, копается по хозяйству во дворѣ, сучить „пряжу“ такъ называемую „гребенскую“, которая особенно цѣнится въ виду ея необыкновенной прочности, и т. д.

Молодежь же проводитъ время по-своему. Такъ какъ въ это время уже начинается сватовство, а вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену появляются и вечеринки, то парни и дѣвушки по

вечерамъ собираются въ домахъ просватанныхъ дѣвушекъ, гдѣ до „бѣлой зари“ предаются съ увлеченіемъ невиннымъ забавамъ, при чемъ ребята обыкновенно вечеринки эти заканчиваютъ похождениями по сосѣдскимъ курятникамъ, гдѣ съ насѣстовъ снимаются куры, которыя поступаютъ на ужинъ въ домъ просватанной. Походженія эти доходятъ и до „хатокъ“, которыя подобраннѣмъ ключомъ отпираются, и воруются вино.

Р е л и г і я.

Населеніе станицы по религіознымъ воззрѣніямъ распадается на три группы — старообрядцевъ, православныхъ и магометанъ.

Старообрядцы-старожилы, аборигены станицы, составляютъ главное населеніе ея. Православные приселены сюда въ 1848 году, а далѣе, въ 1860 году, они пополнены были малорусами, переселенцами изъ Харьковской губерніи. Магометане—казанскіе татары, составляющіе самую незначительную часть населенія станицы, переселены сюда изъ горъ, куда они бѣжали изъ рядовъ русскихъ войскъ къ Шамилю, долго жили тамъ, гдѣ поженились, приняли обликъ чеченцевъ, а впоследствии снова передались русскому правительству и были причислены къ числу казаковъ станицъ Новогладковской и Щедринской.

Эти три различные религіозные элемента группируются въ отдѣльныхъ частяхъ станицы, не имѣя совершенно никакого отношенія другъ къ другу. Съ казанцами еще старожилы сходятся, но къ „хохламъ“ и до сихъ поръ гребенцы питаютъ какую-то непріязнь и почти никогда не сходятся, за самыми рѣдкими исключеніями. Эта нетерпимость гребенцовъ къ переселенцамъ сохранилась со дня переселенія послѣднихъ въ среду гребенскихъ казаковъ.

Гребенцы - старожилы, считая себя, прежде всего, воинами по призванію и происхожденію, вполне убѣждены и совершенно справедливо, что самый духъ казачества и всѣ военно-казачьи способности пріобрѣтаются не только воспитаніемъ, но и рожденіемъ въ силу наслѣдственной пе-

редачи. По ихъ мнѣнію, казаки рождаются, а не „дѣлаются“, и поэтому люди свободные, но не казачьяго рода. никогда не могутъ быть настоящими казаками, а тѣмъ болѣе никогда не могли и не могутъ ими быть люди зависимые, чернорабочіе, силою взятые отъ плуга и другихъ занятій. Подобный низкій элементъ не только неспособенъ стать въ уровень съ природными казаками и подобно имъ съ полнымъ достоинствомъ и гордостью держать знамя казачества, но неспособенъ даже на то, чтобы усвоить себѣ тѣ уже готовые принципы, которые сами собою выработались боевой казачьей жизнью съ первыхъ временъ образованія этого свободолюбиваго сословія. Само собой понятно, что при такомъ взглядѣ старожилы до сихъ поръ не могутъ и не хотятъ помириться съ тѣмъ неизбѣжнымъ обстоятельствомъ, что имъ въ станицу переселили какихъ-то переселенцевъ.

По моему мнѣнію, сами же гребенцы до сихъ поръ являются представителями старой земской Руси съ общинновѣчевыми порядками. Почти четырехвѣковая боевая жизнь на Кавказѣ дала возможность гребенцамъ усвоить себѣ много туземнаго и, благодаря этому, они еще рѣзче стали отличаться отъ переселенцевъ „хохловъ“, этихъ по природѣ мѣшкватыхъ, неповоротливыхъ и флегматичныхъ людей.

И до сихъ поръ старообрядцы къ своимъ станичникамъ новообрядцамъ относятся недружелюбно, недовѣрчиво и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія.

До сихъ поръ старожилы-гребенцы живутъ своею обособленною замкнутой жизнью, дѣлятъ между собой горе и радости, взаимно помогая другъ другу и въ то же время считаютъ себя вѣрными и единственными хранителями древлерусскихъ обычаевъ и порядковъ. Всѣ указанная обстоятельства придають казакамъ нравственную силу, сплоченность, выносливость и гордость.

И дѣйствительно, среди старообрядцевъ древней русской укладъ съ его бытовыми характерными особенностями сохранился въ полной неприкосновенности.

Старообрядцы въ станицѣ имѣютъ свою церковь, священника и трехъ уставщиковъ. Церковь посѣщается усердно и старымъ и малымъ, особенно въ свободное отъ работъ

время. Новогладковскіе священники, избираемые обыкновенно всѣмъ приходомъ единодушно, не получаютъ никакого жалованья, но тѣмъ не менѣе они пользуются полнѣйшимъ достаткомъ. Старообрядцы-священники не оказываютъ давленія на прихожанъ съ цѣлью полученія денегъ за исполненіе требъ. Священникъ довольствуется тѣми крохами, которыя ему даютъ, но даютъ ему обыкновенно рѣдко, а все просятъ „ба-тушку“ подождать до „урожая“ винограда.

Нельзя не указать на крайне похвальную черту новогладковцевъ, которые дѣтей своихъ, прежде чѣмъ отдавать въ министерское 2-хъ классное училище, отдаютъ въ церковную школу, содержимую священникомъ или уставщикомъ. Дѣти проходятъ здѣсь церковно-славянскую грамоту, проходятъ основательно азбуку, каноны, псалтирь и, наконецъ, октай, (октоихъ), при чемъ послѣдній дѣтьми поется на 8 гласовъ по „солямъ“, по крюковой лѣстницѣ. Такимъ образомъ, дѣти старообрядцевъ, поступая въ 8—9 лѣтъ въ министерское училище, будучи уже хорошо знакомы съ церковно-славянскимъ языкомъ, безъ труда воспринимаютъ гражданскую грамоту и, такимъ образомъ, опережаютъ дѣтей „хохловъ“. Не всѣ, конечно, отдаютъ дѣтей своихъ въ министерскую школу, что объясняется постоянной нуждой въ рабочихъ рукахъ; многіе заканчиваютъ свое образование церковно-славянской грамотой, а затѣмъ уже самоучкой проходятъ и гражданскую грамоту на досугѣ зимой.

Старообрядческое населеніе станицы принадлежитъ къ согласію, приѣмлющему священство отъ бѣлокриницкой митрополіи, но между ними есть 10—12 семей казаковъ, такъ называемыхъ „неокружниковъ“, которые также имѣютъ свой молитвенный домъ. Постепенно они сливаются съ „окружниками“, и надо полагать, что въ недалекомъ будущемъ они всѣ сольются со своими единовѣрцами.

Никакихъ другихъ толковъ или сектъ въ станицѣ нѣтъ.

Нужно замѣтить, что казаки всѣхъ этихъ разнообразныхъ религій — старообрядческой, православной и магометанской въ религіозномъ отношеніи живутъ въ полномъ между собою согласіи, никакихъ недоразумѣній на религіоз-

ной почвѣ между ними никогда не выходило и не выходитъ.

Даже во времена релігіозныхъ преслѣдованій до 1906 года въ станицѣ Новогладковской между старообрядцами и православными всегда была полная солидарность, а въ данное время, какъ слышно, общество даже внесло въ станичную смѣту и жалованье старообрядческимъ священникамъ и уставщикамъ и магометанскому муллѣ.

Это обстоятельство заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Какъ на характерную и типичную черту не только Новогладковской, но каждой гребенской станицы слѣдуетъ указать на присутствіе въ станицѣ старообрядческаго скита. Возлѣ церкви на краю станицы, въ общеніи съ природой, обнесенныя глухимъ заборомъ или плетнемъ, изъ-за котораго видна густая зелень плодовыхъ деревьевъ, пріютилось нѣсколько деревянныхъ, покрытыхъ камышомъ или мызгой, избушекъ. Въ окружности церкви обыкновенно мертвая тишина, и вы совершенно напрасно будете искать какихъ-нибудь воротъ, чтобы пройти или проѣхать къ этимъ избушкамъ. Только послѣ внимательнаго осмотра на кольяхъ плетней вы увидите незатѣйливые предметы домашняго обихода: перевернутые вверхъ дномъ глиняные кувшины, старое поношенное одѣяло, старый малыхъ размѣровъ чугунокъ или что-либо въ этомъ же родѣ. Въ этихъ-то избушкахъ, которыхъ ютится здѣсь до 15 штукъ, живутъ скитники и скитницы, старики и старухи, которые, оставивъ дома свои, переселились сюда для того, чтобы вдали отъ суетной жизни проводить жизнь въ постѣ и молитвѣ. Каждая избушка такая имѣетъ свой небольшой дворикъ, гдѣ скитники въ свободное время занимаются разведеніемъ небольшихъ огородовъ. Надъ каждой калиткой, ведущей въ такой дворикъ, повѣшенъ мѣдный образокъ съ пеленой. Такой же образокъ вы увидите надъ дверью избушки. Отъ калитки до дверей избушки проложены узенькія и безукоризненно чистыя дорожки, усыпанныя пескомъ. Всѣ избушки по своей постройкѣ имѣютъ совершенно однообразный и оригинальный видъ, который, кромѣ гребенскихъ станицъ, едва ли гдѣ встрѣчается. Въ нихъ сразу виденъ самый точный и характерный

типъ великорусскихъ избъ. Каждая мелочь на избушкахъ дышитъ желаніемъ удержать старину.

Въ избушкахъ обыкновенно живутъ по одному или одной, рѣдко по два скитника или скитницы. Самая избушка имѣетъ обыкновенно двѣ комнаты. Первая изъ нихъ составляетъ нѣчто въ родѣ молельни: она уставлена образами и кіотами, предъ которыми горятъ неугасаемыя лампы. Въ другой комнатѣ помѣщается печь и нары, а также лавки подобно тому, какъ въ жилыхъ домахъ, какъ объ этомъ мы говорили ранѣе при описаніи помѣщеній. Расположены всѣ эти избушки, въ своемъ цѣломъ составляющія скитъ, возлѣ церкви, чтобы не пропускать никакой службы. Главное пропитаніе обывателей скитовъ составляютъ приношенія не только родственниковъ, но вообще всѣхъ станичниковъ, которые своимъ священнымъ долгомъ считаютъ помогать скитникамъ, при чемъ приношенія эти особенно обильны бываютъ въ субботніе, праздничные и воскресные дни. Подаянія эти посылаются чрезъ дѣтей, и рѣдко приносятъ ихъ взрослые. Нужно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ лучшіе куски отъ своего стола станичники передаютъ въ скитъ. Поступаютъ обыкновенно въ скитъ старыя, неимушіе старики и старухи, уходящіе отъ бѣдности и жизненныхъ неудачъ, физическаго недомоганія, и многіе идутъ туда изъ-за тѣхъ же побужденій, которыя въ доброе старое время руководили отшельниками-скитниками.

Сельско-хозяйственные промыслы.

Земледѣліе. Вся земля Новогладковской станицы находится въ общинномъ владѣніи, хотя тѣмъ или другимъ угодемъ пользуются различно. Обыкновенно пахотное поле возлѣ станицы дѣлятъ на „пан“ по числу душъ мужскаго пола; полагается пай также и вдовѣ.

За Кизляромъ же, въ 17—20 верстахъ на дополнительномъ участкѣ „Оракъ-кумъ“, строго опредѣленнаго дѣленія на панъ нѣтъ, но тамъ обыкновенно десятка 3—4 семействъ собираются въ одну большую компанію, выбираютъ годное

для посѣва мѣсто, по возможности низменное, называемое „лиманомъ“, „покуть“ его водою изъ Стараго (Юпайки) или Новаго Терека (Кордонки), начиная со середины мая мѣсяца и до августа, а затѣмъ въ сентябрѣ уже, когда вода сойдетъ и земля подсохнетъ, дѣлятъ его на пай и папуть подъ озимую пшеницу. Урожай здѣсь выше средняго, и собственно только отсюда и получается казаками пшеница.

Хотя въ юртовомъ надѣлѣ станицы Новогладковской казалось бы недостатка въ землѣ и не должно бы быть, но въ дѣйствительности это совсѣмъ не такъ.

Изъ озимыхъ растений здѣсь воздѣлываютъ рожь, рѣдко-рѣдко пшеницу и ячмень; изъ яровыхъ—просо, немного кукурузы и арбузы. Всѣ указанныя растения обрабатываются въ юртовомъ надѣлѣ за исключеніемъ пшеницы, которая исключительно сѣется и обрабатывается на дополнительномъ участкѣ въ Оракъ-кумѣ, занимающемъ пространство между Старымъ и Новымъ Тереккомъ, при чемъ съ восточной стороны къ этому участку примыкаетъ общественная земля казаковъ станицы Александрійской и тамошнихъ тавричанъ, почти даромъ скупившихъ казачьи офицерскіе участки и забравшихъ буквально въ свои руки все казачье населеніе. Съ западной стороны къ дополнительному участку примыкаютъ также бывшіе офицерскіе, скупленные своевременно тавричанинами Чистяковымъ и Бредихинымъ. Въ среднихъ числахъ іюня мѣсяца, а то и къ „Петрову дню“ въ станицѣ обыкновенно остаются старыя и малыя; все же остальное населеніе выѣзжаетъ за 70 верстъ за Кизляръ, гдѣ остается до конца августа мѣсяца для уборки хлѣба.

Нечего и говорить, какъ дорого обходится эта пшеница, когда только для уборки ея на проѣздъ въ оба пути тратится не менѣе 4—5 дней.

Порядокъ культуры хлѣбныхъ растений здѣсь приблизительно таковъ: цѣлину, или новую землю дѣлятъ обыкновенно весной и засѣваютъ первый годъ яровыми хлѣбами; въ ту же осень по снятіи яровыхъ безъ предварительной пахоты сѣютъ озимую рожь, которую убираютъ на второмъ году; на 3 годъ, если влажное лѣто, снимаютъ рожь „падалицу“; на 4-й годъ плохой выгонъ скота; на 5-й хорошій.

выгонъ; на 7-й и послѣдующіе годы растеть уже трава, годная для покоса. Послѣ 8—9 годовъ земля становится опять годной подъ посѣвъ ярового и озимаго хлѣба.

Обработка полей ведется усовершенствованными желѣзными плугами; при нихъ 4 пары быковъ, два „погоняльщика“, при чемъ одинъ изъ парней всегда занимаетъ мѣсто на „моннцѣ“ (ярмѣ), во 2-й парѣ быковъ, и одинъ плугаторь. Легкая песчаная почва въ районѣ станицы даетъ возможность дѣлать мелкую запашку и требуетъ меньше скота. По своему порядку въ сѣвооборотѣ и мѣновому значенію важную роль играютъ здѣсь яровые посѣвы — просо и бакши.

Арбузы во время роста пропалываютъ 1—2 раза. Сильно засоряетъ ихъ такъ называемый „свинорой“ (степникъ), пускающій огромные корни. Лучшей землей для арбузовъ считаются степныя песчаныя балки. Сплошь-и-рядомъ арбузы гибнуть отъ горячихъ морскихъ вѣтровъ „моряны“, дующихъ съ юго-востока и востока. Сбываются арбузы въ Кизлярѣ, Хасавъ-Юртѣ и сел. Аксаѣ.

Средняя цѣна за возъ арбузовъ отъ 3 — 4 руб. Просо сѣютъ только возлѣ станицы въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ на отдохнувшей землѣ. Въ послѣднее время урожай на него такъ ничтоженъ, что станичники положительно отказываются отъ его посѣва, предпочитая покупать или мѣнять за Терекомъ въ кумыкскихъ селеніяхъ. Хорошимъ урожаемъ считаютъ обыкновенно 12 копенъ на десятину, когда десятина можетъ дать 70—80 мѣръ.

Кукурузой занимаются только казанцы и то въ незначительномъ количествѣ. Сѣютъ ее на мѣстахъ бывшихъ болотъ, пропалывая два раза въ лѣто, но хорошихъ урожаевъ отъ нея не видятъ.

Изъ озимыхъ хлѣбовъ едва ли не существенную часть параллельно съ пшеницей составляетъ рожь и въ незначительномъ числѣ ячмень.

Не такъ давно ржаной хлѣбъ, который новогладковцы мастерски пекутъ, просѣвая муку на частыхъ ситахъ и ставя на дрожжахъ, составлялъ подобно тому, какъ и въ станицѣ Червленной, главную пищу новогладковцевъ. Лѣтъ же 15 назадъ, когда установилось знакомство станичниковъ съ

Оракъ - кумомъ, въ домашнемъ обиходѣ появился бѣлый (ситный) хлѣбъ, который постепенно вытѣсняетъ ржаной. Суровыя зимы съ сильными бурунами и жгучіе лѣтніе вѣтры сплошь-и-рядомъ губятъ посѣвы ржи станичниковъ, выбивая колосья, валяя его или просто выдувая зерно, которое сѣется на сплошныхъ сыпучихъ пескахъ въ ыртовоомъ надѣлѣ станицы.

Хлѣбопашествомъ станичники занимаются вообще постольку, поскольку имъ надо для прокорма въ теченіе года до слѣдующаго урожая. Обыкновенно хорошій хозяинъ беретъ отъ 300 до 400 мѣръ пшеницы, 150 — 200 мѣръ ржи, отъ 50 до 100 мѣръ проса и отъ 70 до 180 мѣръ ячменя.

Скотоводство. Скотоводство въ станицѣ имѣетъ второстепенное значеніе. Рабочаго скота здѣсь мало потому, что винодѣліе составляетъ половину доходовъ казака, хотя скотоводство могло бы процвѣтать въ значительной степени. Гулевого скота здѣсь достаточно. Много разводятъ овецъ, которыя имъ замѣняютъ мелкій домашній скотъ, необходимый для пищи. Очень важную въ скотоводствѣ роль играютъ здѣсь солонцы въ „Кругликѣ“, которыхъ здѣсь въ изобиліи и которые, надо полагать, бываютъ причиной того, что скотъ, выпасывающійся на этихъ мѣстахъ, отъѣдается и жирѣетъ. Гулевой скотъ иногда подъ рядъ десять мѣсяцевъ находится на подножномъ корму благодаря тому, что скотъ этотъ, какъ ногайской породы, давно освоился съ этими условіями жизни и ѣстъ промерзшую желтую траву, вырывая ее копытомъ изъ-подъ снѣга.

Большой бичъ для мѣстнаго скота—это комары, которые, развиваясь массами въ камышовыхъ болотахъ, особенно въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, положительно изнуряютъ бѣдное животное, способствуя тому, что скотъ худѣетъ и теряетъ молоко. Въ этомъ случаѣ кочевники-караогайцы оказываютъ казакамъ большія услуги, принимая въ свое вѣдѣніе выпасъ за извѣстную плату, обыкновенно за часть приплода, за муку и кирпичный „калмыцкій чай“. Въ бурунахъ (пескахъ) у ногайцевъ скотъ скоро поправляется, такъ какъ знойные пески не даютъ особаго пріюта комарамъ, а постоянные вѣтры съ моря не позволяютъ имъ здѣсь

долго оставаться. Большинство станичниковъ обыкновенно свой гулевой скотъ на весь круглый годъ передаетъ караногайцамъ, кочующимъ въ юртовомъ надѣлѣ въ пескахъ, отъ станицы отъ 12 до 40 верстъ.

Караногаетцъ отвѣчаетъ за всякую украденную скотину и, кромѣ того, обязанъ предъявить хозяину кожи павшихъ или растерзанныхъ звѣремъ животныхъ. Свои стада ногайцы съ апрѣля по октябрь мѣсяцъ держатъ въ бурунахъ, на время же зимы сгоняютъ ближе къ кочевью и держатъ на „поду“ въ балкахъ, гдѣ селятся и сами со своими кибитками (юртами). Много, однако жъ, гибнетъ скота въ зимнія стужи отъ рѣзкихъ восточныхъ вѣтровъ, когда скотина по нѣскольку дней вынуждена бываетъ оставаться возлѣ кочевья безъ пищи на пронизывающемъ холодномъ вѣтру. Во время большихъ снѣговъ, когда скотина не имѣетъ никакой возможности добывать себѣ пищу, разрывая копытами снѣгъ и отыскивая прошлогоднюю траву, ей даютъ сѣно. Вообще же уходъ караногайцевъ за скотиной вполне патріархальный, первобытный, свойственный только кочевымъ племенамъ.

Луговоеводство. Сѣнокосныя мѣста въ станицѣ могутъ быть раздѣлены на два вида: одни находятся въ самой долинѣ Терека, недалеко отъ станицы; другіе находятся въ степныхъ балкахъ „подовыхъ“, особенно возлѣ канала Невольки и далѣе въ пескахъ на впадинахъ. Находящіеся возлѣ станицы покосы, такъ называемые „родные пан“, получены своевременно чрезъ расчистку лѣса. Не такъ давно покосы эти составляли собственность казаковъ, производившихъ расчистку лѣса у опушекъ, но въ данное время косятъ обыкновенно кто и гдѣ хочетъ; но это обыкновенно во время „вольницы“, когда выкашиваются пан, отводимые въ степныхъ надѣлахъ верстъ за 8—20 отъ станицы. Въ благопріятные годы, когда особенно хорошо выпадаютъ дожди, станичники успѣваютъ въ изобиліи запасть сѣномъ, при чемъ на паяхъ косится пырей и мышинный горошекъ и ермучка (люцерна). Въ послѣдніе годы станичники много терпятъ отъ засухъ, вслѣдствіе этого и не имѣютъ возможности запасть въ достаточномъ количествѣ сѣномъ, чтобы прокормить даже рабочій скотъ въ теченіе

зимнихъ мѣсяцевъ, когда онъ остается на базахъ (загонахъ) обыкновенно съ декабря по мартъ мѣсяць.

Садоводство. Плодоводствомъ въ станицѣ занимаются въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Специально плодовыхъ садовъ никто не имѣетъ; обыкновенно въ виноградныхъ садахъ станичниковъ попадаются плодовые деревья: яблони, сливы, лѣща, курага, шаптала (персикъ) и друг. Но деревья эти не составляютъ исключительной заботы станичниковъ, и на нихъ почти не обращаютъ никакого вниманія. Всѣ фрукты поѣдаются въ сыромъ видѣ дѣтьми, которые устраиваютъ въ праздничные и воскресные дни цѣлыя нашествія на эти сады.

Виноградарство и винодѣліе. Виноградарство и винодѣліе составляютъ самый главный источникъ экономическаго благосостоянія станицы. Виноградные сады лежатъ въ предѣлахъ долины рѣки Терека, по его берегу, полосой на протяженіе 7—8 верстъ, при ширинѣ 4—5 верстъ. Здѣсь различаютъ два вида садовъ—„старые“, занятые старообрядческимъ элементомъ станицы, старожилыми-гребенцами, и „новыя“—возлѣ теперешней станицы, по дорогѣ въ станицу Шелковскую, которые заведены были впервые послѣ 1860 года переселенцами. „Старые“ сады когда-то давали хорошіе урожаи, что объясняется всецѣло подпочвенной и атмосферной влагой, при чемъ сады эти менѣе страдали отъ заморозковъ.

Но большинство лозъ въ этихъ садахъ такъ устарѣли, что урожаи въ послѣднее время сдѣлались совершенно ничтожными, а самыя лозы болѣе чувствительными къ переѣнамъ климата. Лѣтъ пять назадъ многіе здравомыслящіе казаки стали занимать подъ сады песчанья мѣста по обѣимъ сторонамъ дороги между станицей и хуторомъ Дуриловскимъ (Воскресенскимъ). Здѣсь разводятся хорошіе сорта винограда—каберне, рислингъ и др., въ то время какъ въ старыхъ садахъ преобладаетъ преимущественно виноградъ алый, круглый. Сады на пескахъ стали разводить первымъ въ станицѣ Червленной подѣсаулъ Тихоновъ, а за нимъ привилось это къ станицѣ Щедринской и Новогладковской. Больше всѣхъ разводилъ виноградъ Іуда Закаевъ, который

всегда получалъ прекрасное отборное вино, наживая на немъ хорошіе доходы, особенно въ зимніе мѣсяцы.

Въ настоящее время многіе изъ жителей имѣютъ хорошіе сады на пескахъ и по примѣру Закаева получаютъ вполне добропорядочное вино. Въ этомъ отношеніи І. Ивановъ культуру садовъ на пескахъ довелъ почти до совершенства, и его прекрасные сорта каберне и рислинга извѣстны далеко за предѣлами станицы. Онъ на мѣстѣ каберне продаетъ по 3 руб. за ведро. Мы вполне убѣждены, что съ проведеніемъ желѣзной дороги новогладковцы съ усѣхомъ будутъ свое вино не только сами пить, но и сбывать его по хорошимъ цѣнамъ пріѣзжимъ покупателямъ. Совсѣмъ другое представляютъ собою „старые“ сады. Здѣсь чрезмѣрная густота посадки лозъ, надо полагать, является первой причиной, что вино изъ этихъ садовъ бываетъ кислое, а ягоды плѣснѣютъ.

Виноградные сады для новогладковцевъ составляютъ все: виноградъ ѣдятъ, начиняютъ имъ пироги, вареники, дѣлаютъ изъ него виноградныя лепешки, варятъ медъ „душапъ“, татару (кисель), чучхелы, примѣшиваютъ къ самымъ разнообразнымъ кушаньямъ; всѣ пьютъ вино и старый и малый, пьютъ его и холоднымъ и грѣтымъ съ краснымъ стручковымъ перцемъ, когда онъ лучше „беретъ“. Можно положительно сказать, что виноградъ и всѣ продукты изъ него для новогладковца, какъ и для всѣхъ потеречныхъ станицъ отъ Червленной до Кизляра — это второй хлѣбъ. Виноградный садъ для казака имѣетъ огромное значеніе не только какъ продуктъ обмѣна и какъ насущная пища, но безъ всякаго сомнѣнія имѣетъ вліяніе на весь соціальный и домашній укладъ его жизни, главнымъ образомъ, на отношенія къ женщинамъ и на самый характеръ ея. Весь трудъ по обработкѣ за исключеніемъ набивки таркаль лежитъ на женщинахъ и ея дѣтяхъ. Да казакъ-то и не умѣетъ такъ хорошо и успѣшно работать въ саду, какъ женщина. Сознаніе приносимой пользы развило и поддерживаетъ въ новогладковской старожилкой казачкѣ чувство самостоятельности въ семьѣ и въ отношеніи мужа.

Въ виду того что большая часть „песчаныхъ садовъ“, за исключеніемъ немногихъ, не даетъ достаточнаго количества вина для продажи и, вообще, вывоза его изъ станицы, все добываемое вино - чихирь идетъ для мѣстнаго потребленія. Начиная съ ноября мѣсяца, въ станицу начинаютъ понемногу показываться скупщики изъ сунженскихъ станицъ, изъ окрестностей Владикавказа и др. мѣстъ. Они скупаютъ вино у станичниковъ отъ 70 коп. до рубля за ведро. Многіе сдаютъ виноградный сокъ на „сусло“ сейчасъ же послѣ рѣзки.

Въ неурожайные годы казаки сильно бѣдствуютъ въ станицѣ; свадьбы какія-то скучныя; вино приходится прикупать, и это-то сознаніе болѣе тяготитъ и безъ того едва концы съ концами сводящаго казака.

Въ среднемъ каждый казакъ въ урожайные годы продаетъ вина на 70—150 руб., да еще себѣ оставляетъ для расходовъ „кутовую“ бочку. Кто же посостоятельнѣе, то вино оставляетъ до весны, и въ это время уже пускаетъ вино по квартамъ въ розницу, чѣмъ, конечно, поправляетъ свои достатки. „Старые“ новогладковскіе сады извѣстны подъ названіемъ Черновскихъ, Телѣжныхъ, Морозовыхъ и Протоцкихъ. Называютъ ихъ такъ по кордоннымъ постамъ, которые въ эпоху Кавказской войны были расположены на этихъ мѣстахъ для охраны лѣваго фланга Кавказской линіи.

Рыболовство. Не такъ давно, всего лѣтъ 25 назадъ, казакъ, уходя утромъ на Терекъ „глядать“ ванды (плетенныя изъ таловыхъ хворостинъ вентера), приказывалъ съ увѣренностью женѣ: „наводи, старуха, казанъ севрюгу варить“ и, возвращаясь черезъ часъ, приносилъ сколько ему было нужно. А не было вандъ, такъ билъ рыбу въ ямахъ и сандовьемъ (трезубцемъ). Ничего подобнаго въ данное время уже нѣтъ, и станица настолько страдаетъ отъ безрыбья, что бываетъ довольна, когда кто - либо изъ станичныхъ съѣздитъ на море и привезетъ тысячу-другую маломѣрной воблы, которая тутъ же расхватывается станичниками по 20—25 коп. за десятокъ. А всего, вѣдь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ рыболовство составляло вслѣдъ за виноградарствомъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ

экономическаго благосостоянія казака. Лѣтомъ въ изобиліи при помощи „сѣжь“ на „суводяхъ“ ловилась севрюга и осетръ, по „застругамъ“ (мелководнымъ заливамъ) массами собирался сазанъ и сомъ, который тутъ же вываливался при помощи волокушъ. Зимой, какъ только бывало поидеть „паушъ“ или „шерешъ“ (ледоходъ), цѣлыя ватаги казаковъ съ сѣтями-трестѣнками выѣзжали въ каюкахъ на ловлю усача и жереха, показывая свою лихость и искусство на плоскодонныхъ каюкахъ-душегубкахъ.

Не такъ давно терскія войсковыя воды были въ рукахъ арендаторовъ, которые, что называется, „ковшами“ гребли рыбу. Истощеніе рыбы было вполне естественно, но въ данное время, когда казаки на морѣ сами хозяева, это положительно необъяснимо. Если рыба не перекочевала въ южный бассейнъ Каспійскаго моря, гдѣ рыболовство въ послѣдніе годы значительно поднялось противъ прежнихъ лѣтъ, то отсутствіе ея, прежде всего, мы должны объяснить тѣми хищническими приемами лова, которые примѣняются на другихъ рукавахъ Терека, въ устьяхъ Прорвы, Таловки, вѣрнѣе въ разливныхъ озерахъ Кара-коль и Кордонки или Новаго Терека. Намъ хорошо извѣстны рыболовные порядки въ этихъ мѣстахъ, гдѣ населеніе приморскихъ крестьянскихъ селъ, а также и арендаторы въ устьяхъ Кордонки изощряются въ способахъ вылавливанія рыбы. И не обидно было бы, если бы уловленная рыба шла въ прокъ; но то досадно, что сотни тысячъ пудовъ ея зарываются въ нѣдра земныя, что намъ лично приходилось наблюдать всего года два - три тому назадъ. Практиковалось это не такъ давно въ Аграханскомъ заливѣ который составляетъ главный питомникъ, откуда рыба поступаетъ въ устья рукавовъ Терека, и близъ устья Таловки, въ Кокъ - Тюбеевскомъ заливѣ, когда изъ многихъ тысячъ пойманной распорными неводами рыбы выбирались обыкновенно только крупныя экземпляры сазана, а полумѣрокъ тутъ же выбрасывался въ море или зарывался на морскомъ берегу гдѣ-либо въ укромномъ мѣстечкѣ въ огромныя ямы. Вотъ настоящія причины того, что въ Терекѣ въ данное время нѣтъ рыбы. Не говоря уже о красной рыбѣ, которой гребенцы обыкновенно предпочита-

ють сазана и жереха, казаки не видять теперь даже и воблы, а если и добываютъ ее, то только въ три-дорога на базарахъ въ Кизлярѣ.

Давно бы слѣдовало обратить вниманіе на тѣ беззаконія, которые творятся на побережьѣ моря, и въ особенности въ его медвѣжьихъ уголкахъ.

Конечно, время-отъ-времени въ Терекѣ, особенно лѣтомъ, рыба попадаетъ, когда она отправляется на икрометъ, и даже появляется красная, но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что должно бы быть, разъ устье Стараго Терека, самаго приманчиваго для хода рыбы, стало открытымъ.

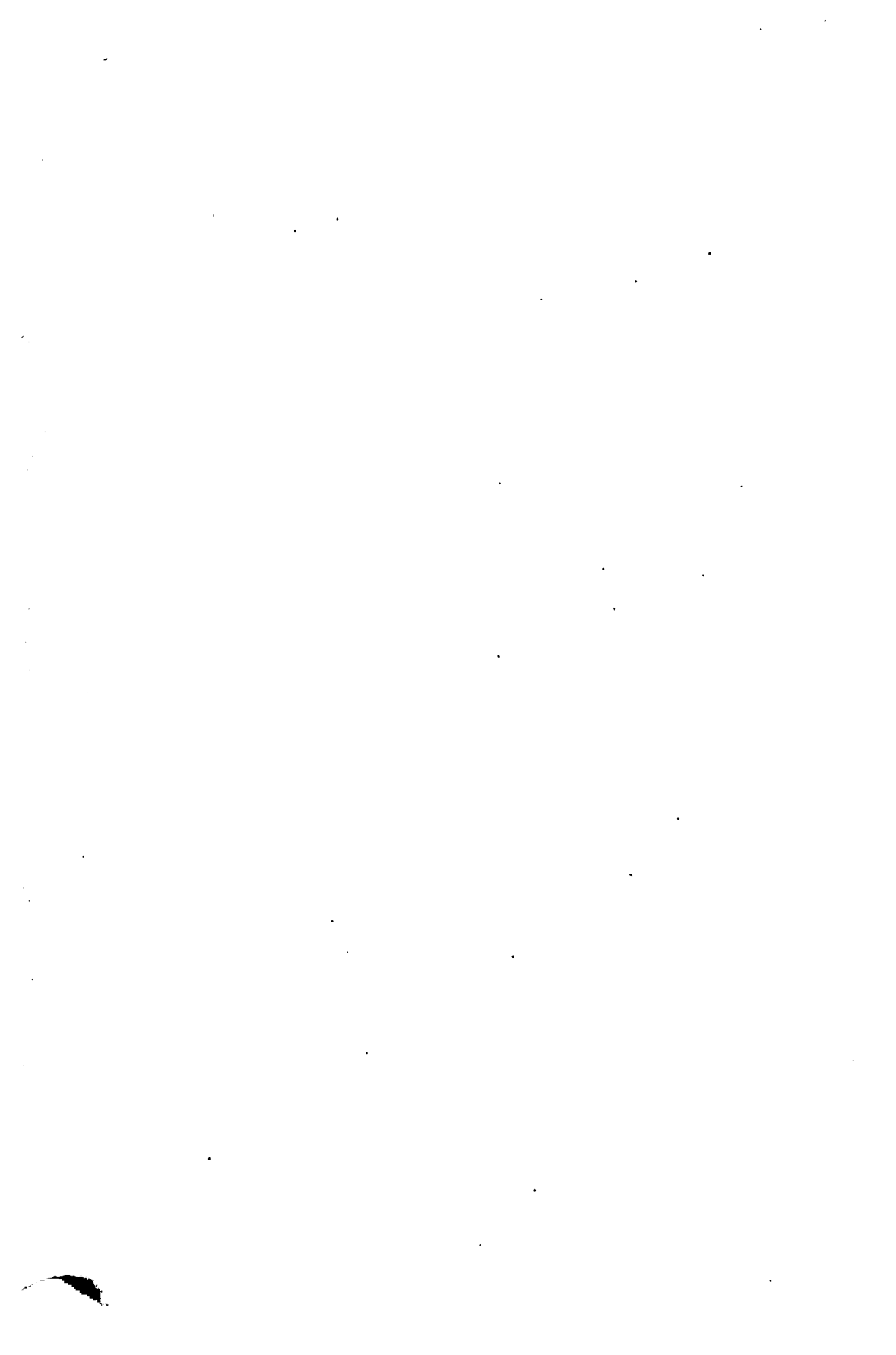
Чихирь и рыба — это два жизненныхъ ресурса для новогладковца. Послѣдняго не стало, и казакъ питается квашеной капустой, печеной тыквой и только въ годовые праздники позволяетъ себѣ на 20 — 30 к. значительную роскошь, покупая 2—3 фунта говядины.

Такова тяжелая, но вѣрная картина рыбнаго хозяйства въ станицѣ, когда населеніе не одной Новогладковской, но и всѣхъ другихъ потеречныхъ станицъ къ великому праздничному дню не видитъ даже сазаньей головы.

Ф. С. Гребенецъ.

Отдѣлъ II.

Ванскій вилайетъ (Васпурананъ).

Ванъ, Тоспъ и Хайоць-дзоръ.

Посвящается бывшему Россійскому вице-консулу въ г. Ванъ, Сергѣю Петровичу Алферьеву.

Краткія антропологическія свѣдѣнія.

Въ мѣстности, являющейся предметомъ нашего изслѣдованія, а именно въ провинціяхъ, Ванской, Тоспской и Хайоць-дзоръ, кромѣ аборигеновъ армянъ, съ давнихъ поръ утвердились также пришельцы изъ Персіи, т. е. изъ Хоя, Садмаста и Новой-Джульфы, а равно изъ сосѣднихъ Вану провинцій—Мокса, Шатаха, Дехера, Возима, Спаргерта, Баркара и Хизана; однако большинство населенія составляютъ аборигены-армяне. Изъ этихъ аборигеновъ жители Вана и селеній—Аванць и Шахбазъ говорятъ на одномъ нарѣчїи, между тѣмъ какъ жители всего Тоспа и Хайоць-дзора, составляя съ жителями Вана и его провинцій въ антропологическомъ, лингвистическомъ и особенно въ этнографическомъ отношеніяхъ одно цѣлое, все же различаются незначительными особенностями.

Эти аборигены вообще средняго роста, смуглы, съ красными щеками и темными глазами и волосами. Тучное тѣлосложеніе крайне рѣдкое явленіе, такъ какъ крестьяне заняты все время тяжелыми сельскими работами, а жители г. Вана принуждены ежедневно почти всегда пѣшкомъ дѣлать 4—5 км. отъ армянскаго квартала Айгестана въ центральную часть города. Женщины отличаются своими большими и отвисшими животами, что является послѣд-

ствіемъ сидячей жизни. Это явленіе болѣе бросается въ глаза среди городскихъ женщинъ, нежели крестьянокъ, которыя руками жнутъ ячменные поля.

Какъ мужчины, такъ и женщины вообще слабосильны и неповоротливы въ своихъ движеніяхъ, что является результатомъ питанія.

Голова ванскаго жителя—среднихъ размѣровъ; промежуточная часть между затылкомъ и теменемъ слишкомъ плоская, такъ какъ дѣтей, начиная со дня рожденія, укладываютъ всегда на постель спиной внизъ, причѣмъ голову кладутъ на жесткую шерстяную подушку. Нижняя хрящевая часть уха обыкновенно плотно срастается съ челюстной кожей. Носъ средняго размѣра, хотя встрѣчаются также орлиные носы. Глаза крупные и миндалевидные, большею частью, болѣзненны, особенно среди женщинъ, такъ какъ дымъ отъ земляныхъ очаговъ, пыль, плохое освѣщеніе и другія жизненные неустройства оказываютъ на нихъ вредное дѣйствіе.

Шея сравнительно длинна и вытянута впередъ, такъ что ванскій житель никогда голову не держитъ прямо, а вытягиваетъ впередъ и опускаетъ внизъ—послѣдствіе вѣкового турецкаго рабства. Лица съ короткими шеями встрѣчаются очень рѣдко и всегда являются предметомъ насмѣшекъ и остротъ.

Волосы чернаго цвѣта и очень густы, въ особенности у женщинъ, многіе изъ которыхъ слетаютъ иногда 50 мелкихъ косичекъ. Тембръ голоса у нихъ скорѣе мужской, чѣмъ женскій. Обыкновенно говорятъ медленно, на распѣвъ, въ особенности женщины, причѣмъ очень часто растягиваютъ послѣднее слово предложенія.

Походка очень медленная, тяжелая, съ наклоненной головой и съ опущеннымъ внизъ взоромъ.

Ванскіе армяне славятся вообще своими способностями и смышленностью; они очень быстро осваиваются съ окружа-

ющей средой и сживаются съ условіями цивилизованной жизни. Они очень трудолюбивы; но эвергіей не отличаются; ни за какое дѣло они не принимаются съ увлеченіемъ; расторопности въ дѣлахъ мало замѣтно. Новое покоѣніе любитъ поговорить; выражается съ фразерствомъ, но лишено вовсе серьезной подготовки къ занятіямъ и научнаго образованія. Элементарное обученіе въ школахъ какъ въ Ванѣ, такъ и въ селеніяхъ достаточно развито; число грамотныхъ въ Ванѣ достигаетъ 80%, но среднее, въ особенности высшее образованіе явленіе крайне рѣдкое.

Ванскій житель имѣетъ коммерческую жилку. Онъ почти на все смотритъ съ меркантильной точки зрѣнія и готовъ принести всякія жертвы, лишиться всѣхъ удовольствій и удобствъ, лишь бы заработать побольше денегъ, накопить богатство. Живя въ теченіе вѣковъ въ рабски-унизительныхъ условіяхъ, будучи принужденнымъ всегда скрывать и таить отъ глазъ хищниковъ и грабителей свое имущество, ванскій житель привыкъ къ нищенскому образу жизни. Неудивительно, поэтому, что жены и дѣвушки состоятельныхъ и даже богатыхъ армянъ ходятъ босыми и въ ветхомъ рваномъ платьѣ. Страшный режимъ бывшего султана Гаида сдѣлалъ ванскаго армянина подозрительнымъ, лстивымъ, трусливымъ и коварнымъ. Постоянныя и хроническія голодовки, и совершаемыя по этому поводу общественныя сборы уничтожили въ немъ чувство самолюбія и гордости; такъ что даже самый богатый изъ нихъ постоянно хнычетъ и жалуется на свою судьбу и готовъ всякій разъ протягивать руку. . .

Другимъ характернымъ качествомъ ванскаго армянина слѣдуетъ считать его любовь къ отхожимъ промысламъ, причемъ они покидаютъ на произволъ судьбы въ теченіе долгихъ лѣтъ свою семью. Излюбленнымъ мѣстомъ ихъ ски-

такой по чужбинѣ считаются Константинополь, Трапезунтъ, Тифлисъ, Баку, Америка и чуть ли не всѣ части свѣта.

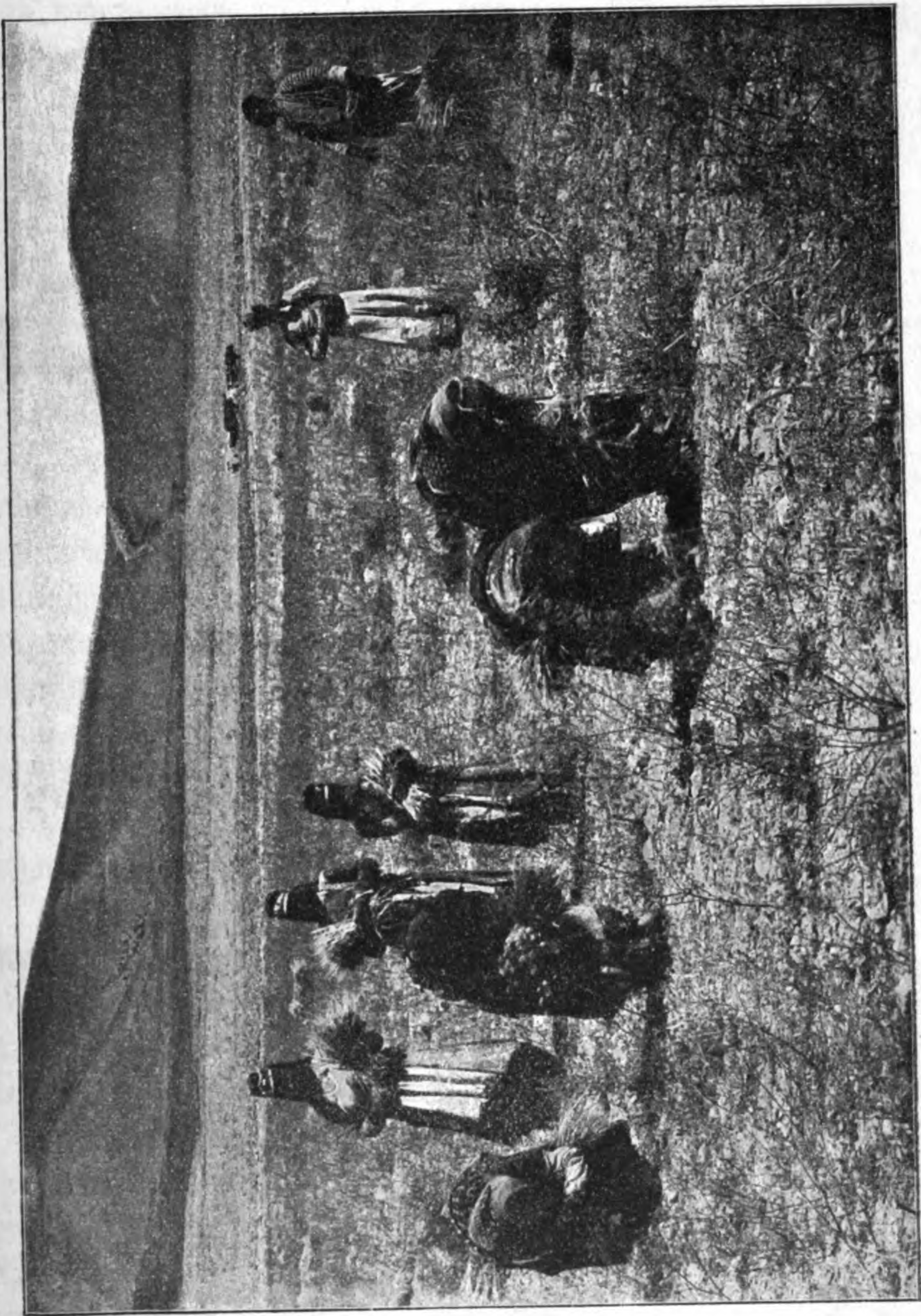
Жилище.

Дома не только сельскія, но и *городскія*—весьма жалкой архитектуры. Въ городѣ за послѣднее время начали строить болѣе или менѣе удобные дома, но и эти послѣдніе ничѣмъ не выдаются съ архитектурной стороны. Мѣстныхъ неблагоприятныхъ климатическихъ условій, а также слишкомъ большая дороговизна топлива побудили, въ особенности крестьянъ, строить дома низкіе, входящіе наполовину въ землю, гдѣ кухня и жилая комната, хлѣвъ и гостиная соединены, дабы теплотой отъ кухни и животныхъ согрѣвалось все жилище. При этомъ, благодаря незавидному экономическому положенію и низкому культурному уровню, совершенно не приняты во вниманіе требованія гигиены.

Незавидное положеніе страны, неправильная налоговая система заставляла людей всячески утаивать свои богатства и ничѣмъ не проявлять, что его имущественное положеніе лучше другихъ, чтобы такимъ образомъ, во-первыхъ, быть въ безопасности отъ воровъ и грабителей, во-вторыхъ, не платить податей больше другихъ и, въ-третьихъ, наконецъ, не быть обязаннымъ принимать у себя различныхъ турецкихъ чиновниковъ и военныхъ, которые въ своихъ путешествіяхъ, за отсутствіемъ гостиницъ, остававляються на отдыхъ и ночлегъ въ наилучшихъ домахъ селенія, пользуясь не только пріютомъ, но и требуя самаго широкаго и, притомъ, безвозмезднаго угощенія.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ слѣдуетъ присовокупить еще то, что турки не могли терпѣть, чтобы „гяуръ“ строилъ не только частныя, но и общественныя зданія болѣе или менѣе красивой архитектуры. Доказательствомъ этого

Армяне носятъ ячмень.

служить слѣдующій случай: турецкая администрація оштрафовала церковь св. Павла и Петра въ Ванѣ за то только, что ворота церковной ограды довольно нарядны—построены немного „красивѣе и роскошнѣе“.

Сельскіе дома, большею частью, полуземляные и довольно низкіе. Стѣны складываются или изъ нетесаныхъ камней или же, какъ въ большинствѣ случаевъ это принято, прямо ихъ лѣпятъ изъ грязи. Нѣтъ никакихъ оконъ, а замѣвъ ихъ отверстія на кровлѣ. Дома покрыты земляными кровлями, изъ смѣси глины и самана, покоящимися на стропилахъ. Кровля совершенно плоская, и только у отверстія немного приподнята. Такъ какъ всѣ дома построены безъ всякаго плана, то и нѣтъ никакихъ улицъ; земляныя брыши замѣняютъ улицы, или же кровли служатъ сосѣдямъ въ качествѣ дворовъ. Мѣстные дома очень напоминаютъ армянскіе дома селеній Ахалцихскаго, Александропольскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ; это и понятно, потому что армянское населеніе упомянутыхъ уѣздовъ состоитъ изъ переселенцевъ Эрзерумскаго вилайета, жители котораго очень мало отличаются отъ ванскихъ.

Дома состоятъ изъ слѣдующихъ частей: балкона (сѣней), жилого дома, кладовой, хлѣва и саманника.

Балконъ—это галлерей передъ домомъ въ той части двора, которая защищена навѣсомъ, скрытымъ съ лицевой стороны. Здѣсь имѣютъ обыкновеніе проводить время лѣтомъ и весною, и даже спать ночью. Иногда эта галлерей бываетъ нѣсколько выше уровня земли.

Жилой домъ—четыреугольная комната, крыша коей поднимается конически на четырехъ столбахъ, съ отверстіемъ посрединѣ. Внизу, напротивъ этого отверстія, въ землѣ вырытъ большой тонниръ; это земляной глубокій очагъ, наподобіе ямы, гдѣ обыкновенно пекутъ хлѣбъ; другой же тонниръ, сравнительно меньшихъ размѣровъ, находится нѣ-

сколько въ сторонѣ и употребляется для повседневной надобности, когда необходимо наскоро приготовить пищу. При топкѣ этихъ двухъ топировъ вся комната наполняется дымомъ, въ особенности при вѣтряной погодѣ; поэтому всѣ стѣны и потолокъ бываютъ всегда черны.

Ода или саку—въ одномъ углу хлѣва, преимущественно около двери, это пристроенная комната, отдѣленная отъ остальной части хлѣва не стѣною, а только рѣшеткой. Иногда не бываетъ и этой рѣшетки. Въ стѣнѣ оды сдѣланъ азійскій каминъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся двѣ лавки, вышиною $\frac{1}{2}$ метра отъ земли и длиною вдоль всей стѣны комнаты, шириною же въ 1 метръ. Въ богатыхъ домахъ около этихъ лавокъ воздвигаются еще другія лавки такой же длины и высоты, но вдвое шире, гдѣ обыкновенно спятъ супружескія пары. По бокамъ каминна сдѣланы шкапы, а наверху маленькія полочки. Напротивъ каминна, на потолокъ, сдѣлано оконное отверстіе. На лавкахъ разостланы обыкновенно цыновки, а иногда войлоки. При появленіи гостя разстилаютъ еще коверъ и кладутъ подушку, чтобы гость могъ облокотиться.

Самыми почетными считаются мѣста у боковъ каминна. Хотя каминъ топятъ кизякомъ, но послѣдній употребляютъ для варки кофе или чаю; сама же ода согрѣвается также теплотой животныхъ, стоящихъ за рѣшеткой.

Хлѣвъ, по-мѣстному „*наіахъ*“, пиѣтся обыкновенно при каждомъ домѣ; въ богатыхъ же домахъ ихъ бываетъ нѣсколько, построенныхъ рядомъ и соединенныхъ между собой внутренними ходами. Хлѣвъ представляетъ собой простое зданіе съ однимъ или двумя кровельными отверстіями. Полъ часто бываетъ вымощенъ каменными плитками, и вдоль стѣны тянутся стойла. Обыкновенно животныя стоятъ въ два ряда, при чемъ головы обращены въ обратныя стороны.

Кладовая—всегда находится рядомъ съ жилымъ домомъ, съ коимъ соединяется единственною дверью. Эта маленькая комнатка, съ плоской крышей и маленькимъ отверстиемъ на кровль. Въ углу кладовой стоитъ деревянный или глиняный амбарчикъ для муки. Въ кладовой вообще хранятся всѣ продукты: масло, сыръ, вино, разныя соленія, фрукты и пр. и ключъ отъ нея находится постоянно у свекрови или старшей въ домѣ невѣстки.

Саманникъ обыкновенно для удобства строится рядомъ съ овиномъ. Это строеніе сдѣлано изъ земляныхъ стѣнъ, покрытыхъ плоскою кровлею съ отверстиемъ.

Около домовъ существуетъ спеціально вырытыя *ямы* для хранения зернового хлѣба. Ямы эти имѣютъ 2—3 метра глубины и 1—1½ м. діаметра; онѣ облицованы каменными плитками и представляютъ собою отсѣченные конусы. Отверстія ямъ, діаметромъ ½ метр., покрываются каменной плитой. Наполнивъ яму зерномъ, поверхность покрываютъ плотно сухой травой и саманомъ до самаго отверстія, а затѣмъ уже прикладываютъ каменную плиту, покрывъ ее снаружи землей.

Городскіе дома. Жители Вана живутъ въ собственныхъ домахъ, а такъ какъ пріѣзжихъ бываетъ очень мало, то и квартиръ для найма почти нѣтъ; если же случится надобность въ частной квартирѣ, то она идетъ по очень дешевой цѣнѣ: домъ въ 2 этажа приноситъ въ годъ 100—150 руб. дохода.

Дома Айгестана, почти всѣ, окружены обширными садами, между тѣмъ какъ въ центральной части города—Кахамичи—рѣдкій домъ имѣетъ маленькій садикъ. Дома строятся изъ необожженной глины; только фундаментныя стѣны сложены изъ камней, дабы не могла проникнуть сырость.

Кирпичи дѣлаютъ слѣдующимъ образомъ: смѣшиваютъ глину съ водой, мѣсятъ ногой, а затѣмъ наполняютъ этой

мѣсеницей формы —прямоугольные четырехугольники, сдѣланные изъ дерева, и уравниваютъ поверхность; снявъ форму, оставляютъ на землѣ сырые кирпичи для просушки. Въ теченіе 10—15 дней кирпичи подѣ лучами солнца совершенно высыхаютъ и становятся такими твердыми и прочными, что построенныя изъ нихъ зданія держатся болѣе 200 лѣтъ. Такіе кирпичи дѣлаютъ двухъ размѣровъ: квадратные, т. е. двойные кирпичи, величиною 30 сантим., а другіе почти наполовину меньше. Квадратными въ 2 ряда кирпичами возводятъ нижніе этажи зданій, а верхніе этажи дѣлаютъ изъ цѣльнаго и половиннаго кирпича вмѣстѣ.

Фундаменты зданій въ Айгестанѣ бываютъ глубиною около 1 метр.; въ центрѣ же города минимумъ 2 метр., такъ какъ въ теченіе вѣковъ здѣсь образовались наносные слои земли отъ постоянно возводимыхъ и разрушаемыхъ зданій.

Въ старину городскіе дома Вана ничѣмъ не отличались отъ сельскихъ построекъ. Даже теперь дома бѣднаго класса имѣютъ такой видъ. Дома же состоятельнаго класса построены въ 2 этажа, изъ коихъ нижній, первый, имѣетъ такую же конструкцію и характеръ, какъ и дома въ селахъ, т. е. состоитъ изъ галлерей-балкона, жилого дома, кладовой и хлѣва, а верхній этажъ состоитъ изъ кіоска и двухъ, четырехъ или больше комнатъ. Нижній этажъ отличается отъ сельскихъ зданій лишь тѣмъ, что вмѣсто кровельныхъ отверстій имѣетъ окна, хотя очень маленькія, высотой $\frac{1}{2}$ м., шириною 20 сант. Во многихъ одноэтажныхъ зданіяхъ сохранились все-таки кровельныя отверстія. При городскихъ домахъ въ хлѣвахъ упразднена ода и взамѣнъ ея въ бѣдныхъ домахъ пристроены особыя комнаты для пріема гостей, гдѣ обыкновенно проводятъ время мужчины, обѣдаютъ, спятъ. Женщины же проводятъ время въ главномъ жиломъ домѣ.

Въ городскихъ домахъ въ нижнемъ этажѣ бываетъ обязательно амбаръ для склада дровъ, кизяка, угля, хвороста,

навоза и т. д. Въ сельскихъ зданіяхъ этого помѣщенія нѣтъ, такъ какъ крестьяне свой матеріалъ для топлива, состоящій исключительно изъ бизяка, складываютъ на дворѣ въ видѣ пирамидъ.

Въ богатыхъ городскихъ домахъ подъ галлереей устраивается въ землѣ маленькое подвальное каменное помѣщеніе, называемое *магаза*, для храненія продуктовъ, портящихся отъ жары.

Въ домахъ жителей, имѣющихъ виноградные сады, находятся *ширахана*, т. е. обширное помѣщеніе, состоящее изъ давилъни винограда, т. е. каменнаго большого бассейна, гдѣ обыкновенно ногами давятъ и выжимаютъ виноградъ, и изъ огромныхъ кувшиновъ для вина, *карасъ*, зарываемыхъ въ землю.

Верхній этажъ домовъ обыкновенно состоитъ изъ обширнаго корридора, наподобіе галлерей, и двухъ комнатъ.

Этотъ корридоръ строится обыкновенно надъ нижней галлереей, откуда деревянная лѣстница ведетъ наверхъ.

Зачастую корридоръ заканчивается кіоскомъ, т. е. балкономъ на улицу, съ 3-мя окнами и 2-мя красивыми розасами. Балконъ этотъ, выступая наружу на 1 метръ, по бокамъ также имѣетъ по одному окну; крыша поката, двухъ-гранная, окаймленная красивыми бордюрами (см. рис. 1).

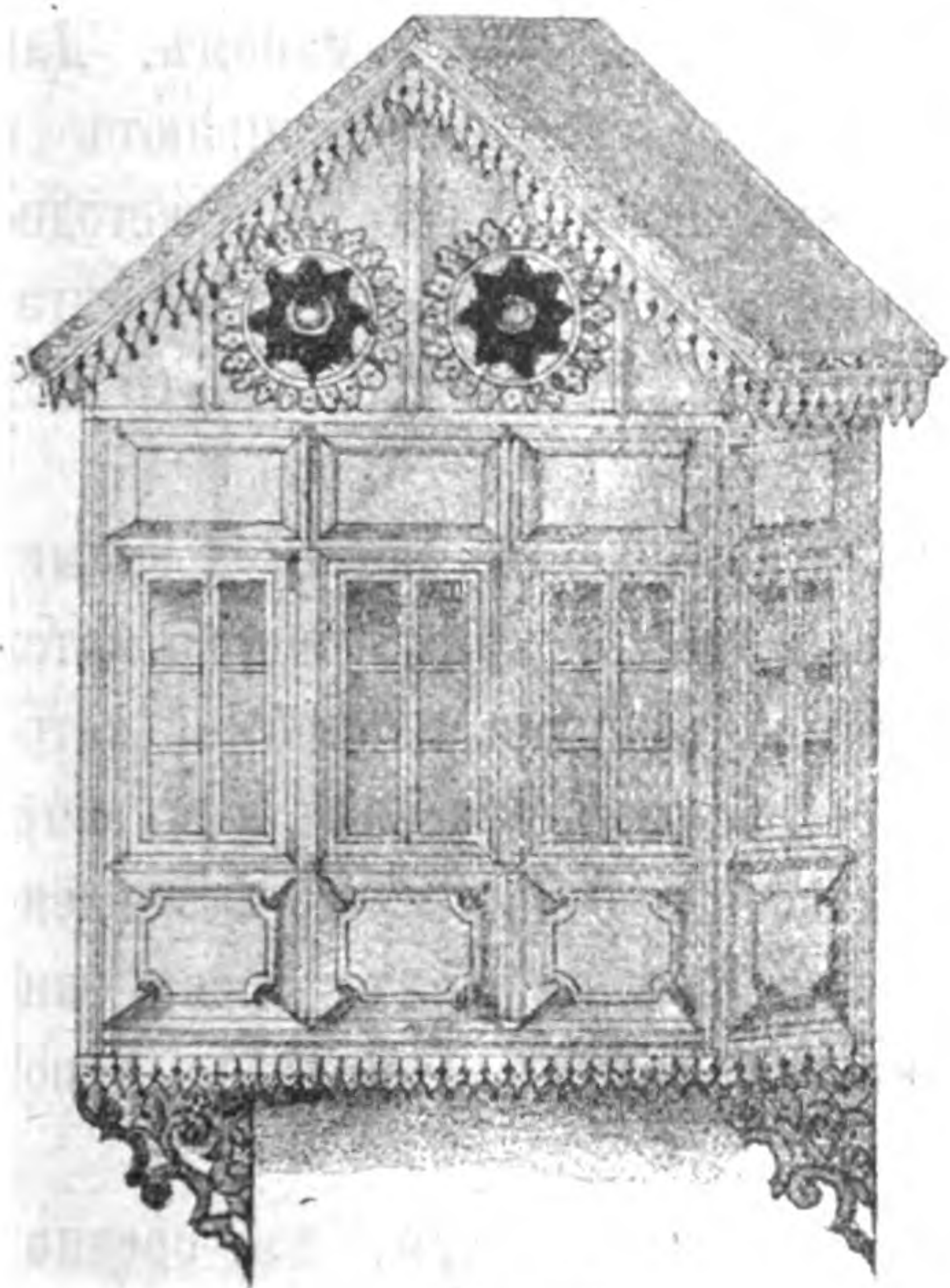

Рис. 1.

Кіоскъ этотъ бываетъ на южной сторонѣ зданія; лѣтомъ въ этой воздушной постройкѣ прохладно, а зимою

благодаря солнечному припеку, тепло, и потому семья обыкновенно проводить все время въ этой части, обѣдая тамъ и ужиная.

По обѣимъ сторонамъ корридора построены двѣ комнаты, одна большая, въ родѣ залы, а другая меньшихъ размѣровъ, служащая спальней, хотя и зала по ночамъ служить спальней для домашнихъ. Стѣны верхнихъ помѣщеній въ отличіе отъ нижняго этажа выбѣлены известкой. Употребленіе обоевъ еще здѣсь не вошло въ обычай.

Крыши домовъ плоскія. На стѣны кладутъ бревна на разстояніи $\frac{3}{4}$ м. другъ отъ друга; на этихъ бревнахъ кладутъ доски, но очень часто толстыя вѣтви деревьевъ; сверху покрываютъ цыновками, плетеными изъ камыша; цыновки посыпаютъ однимъ слоемъ шишекъ (*Spina Hirci*), на которыя бросаютъ глину, толщиной въ нѣсколько пальцевъ, послѣ чего плетъ мѣсенина изъ глины съ саманомъ. Для укрѣпленія и уплотненія земляного слоя выравниваютъ и укатываютъ его специальными каменными катками. Ежегодно передъ наступленіемъ оттепели крыши очищаются отъ снѣга; въ противномъ случаѣ онѣ протекаютъ. Весною почти всѣ крыши покрываются зеленью.

Полы и потолки жилыхъ помѣщеній обиты досками; полы обыкновенно не крашены, такъ какъ покрываются коврами. Потолокъ же украшается тонкими планками, которыя иногда красятся по разнообразнымъ узорамъ (см. рис. 2—5). Окна верхняго этажа довольно большія, со вставленными стеклами, между тѣмъ какъ въ нижнемъ этажѣ окна маленькія и безъ стеколъ: иногда они заклеены масляной бумагой.

Въ старинныхъ домахъ противъ двери, въ срединѣ стѣны залы, сдѣланъ каминъ, окаймленный красивымъ орнаментомъ (рис. 6), а по обѣимъ сторонамъ дверей находятся ниши, также окаймленные красивымъ орнаментомъ; въ

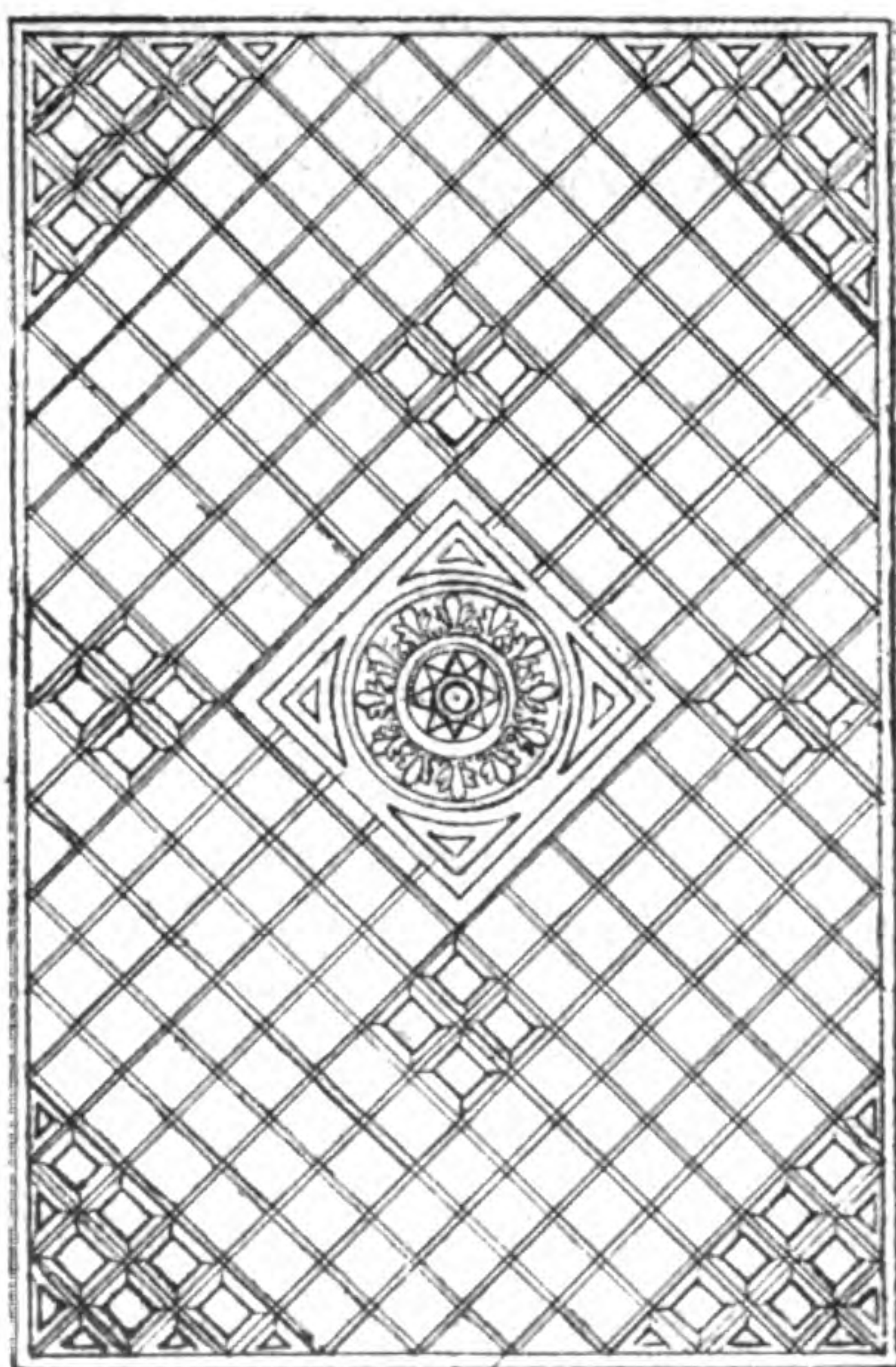
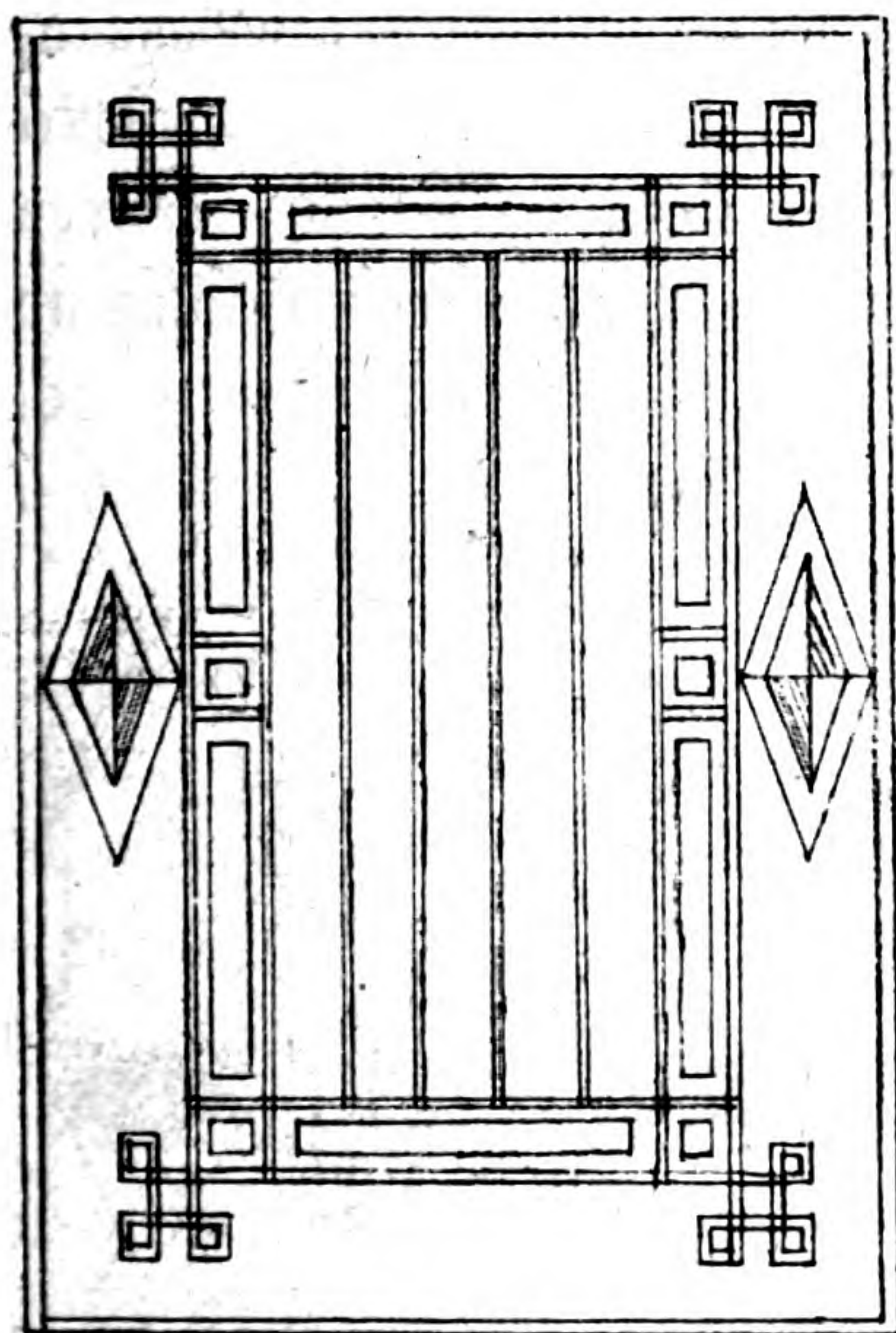
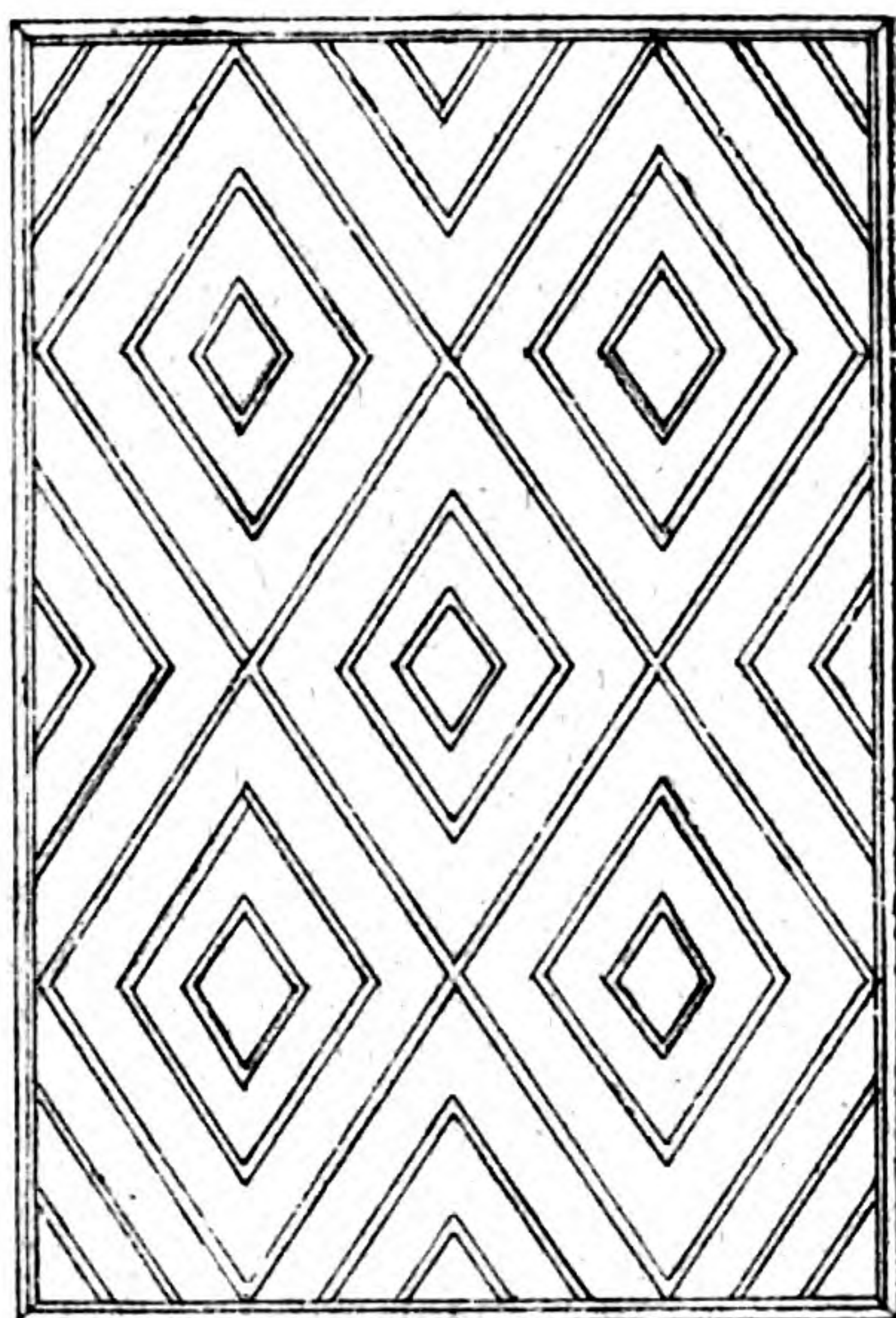
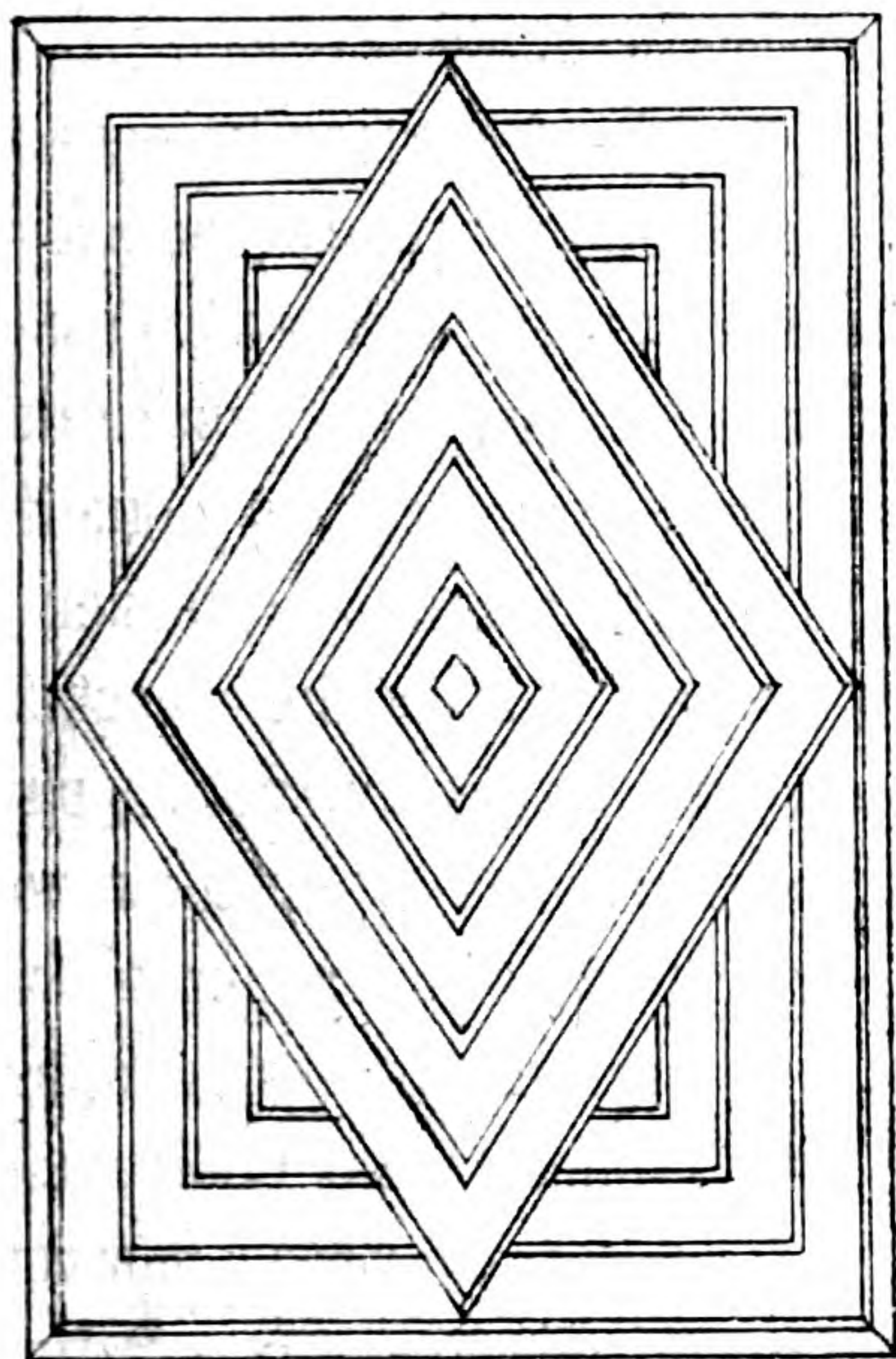

Рис. 2-5.

Этихъ нишахъ обыкновенно стоитъ *наргиле*, т. е. кальянъ (см. рис. 7).

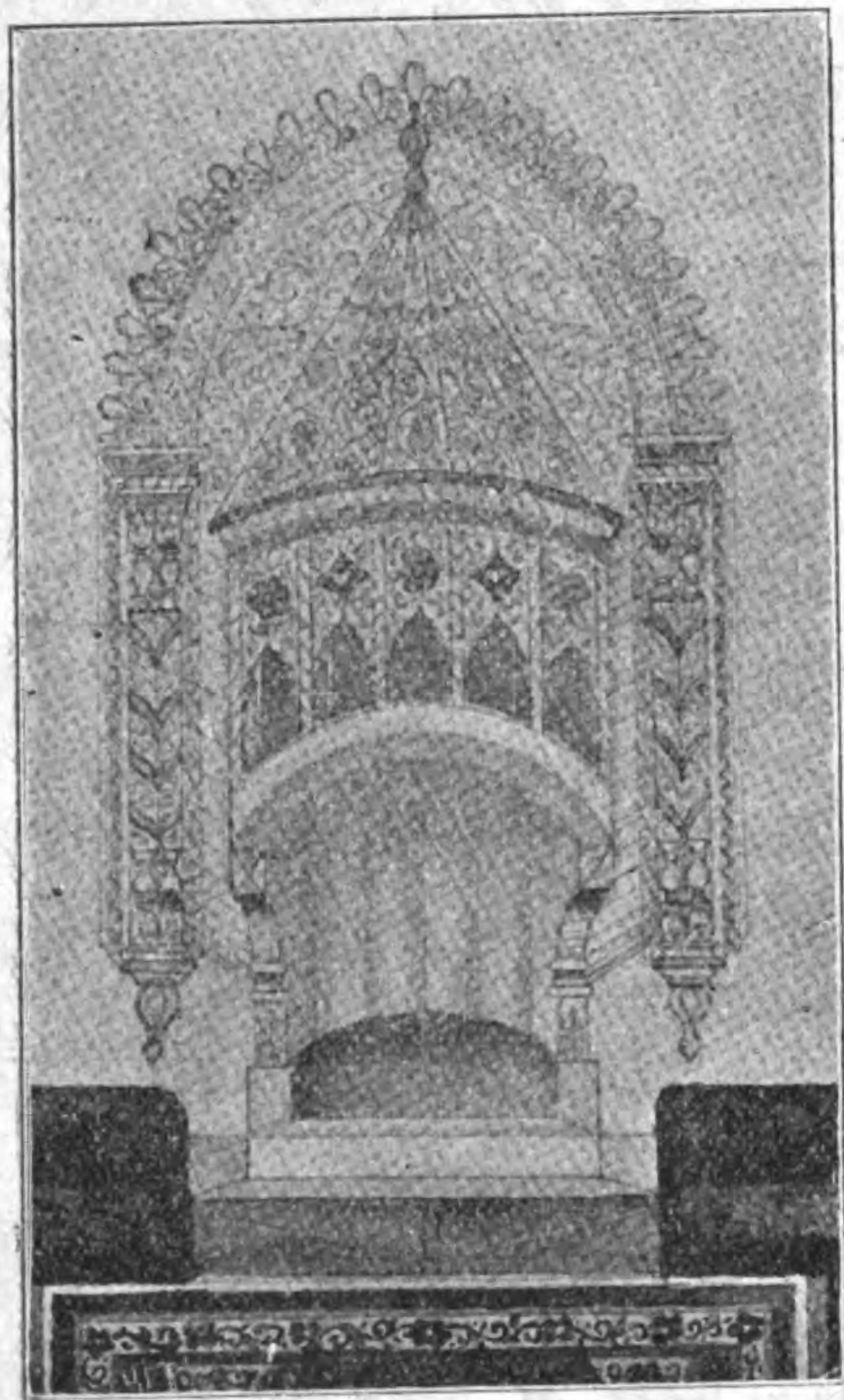

Рис. 6.

Въ богатыхъ домахъ, особенно у турокъ, во второмъ этажѣ, рядомъ съ вышеописанными комнатами и корридоромъ, на задней сторонѣ зданія, обыкновенно въ саду, пристроены также подобный корридоръ и двѣ комнаты, специально предназначенныя для женской половины — для гарема. Огня въ такихъ гаремахъ мусульманъ забиты деревянными рѣшетками, дабы защитить красавицъ-затворницъ отъ соблазнительныхъ взоровъ прохожихъ.

Айгестанъ сплошь покрытъ садами, площадью около 2500 кв. метр.

Сады обнесены глинобитными заборами и состоятъ изъ 2 частей, т. н. *анни* и *тюпъ*, т. е. изъ части, обсаженной исключительно фруктовыми деревьями, а именно: яблонями, грушевыми, абрикосовыми, сливовыми, персиковыми деревьями и т. д., и изъ части, покрытой виноградными кустами.

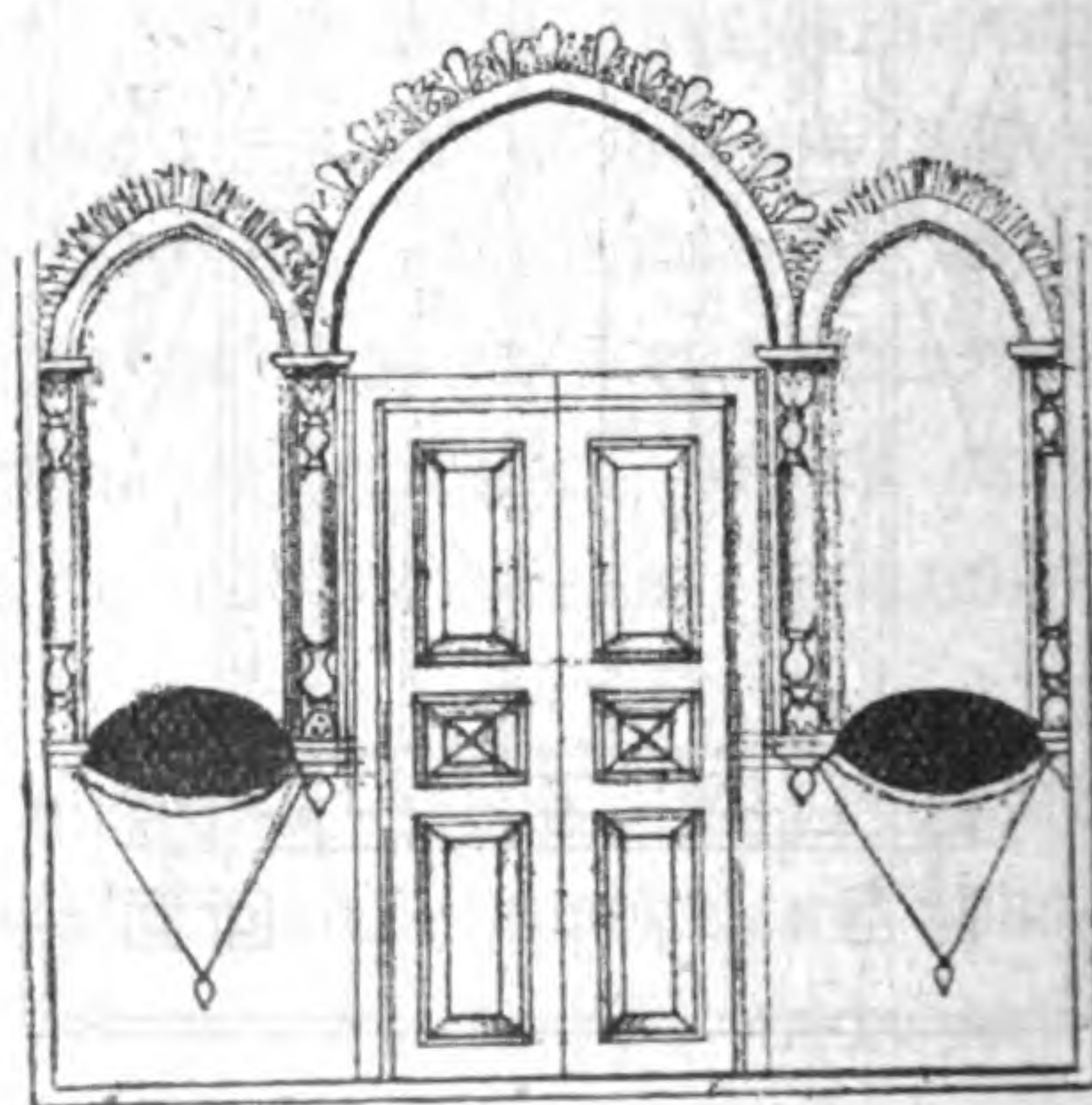

Рис. 7.

Въ садахъ и дворахъ многихъ домовъ вырыты колодцы, а также выходы воды, добываемой цѣлой системой подземныхъ каналовъ (то, что у персовъ кяризь). Это искусство очень развито въ Ванѣ и, по всей вѣроятности, очень древняго происхожденія, чуть ли не халдейскаго, такъ какъ существуютъ и понынѣ очень древніе каналы.

Меблировка. Полвѣка тому назадъ единственной меблировкой жилыхъ помѣщеній служили ковры, паласы и дорожки. Деревянная же мебель была неизвѣстна. Теперь же въ богатыхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ домахъ начинаетъ входить въ употребленіе деревянная мебель; средній классъ придерживается смѣшаннаго вида меблировки, а бѣдный ограничивается только по старинному коврами и т. п.

Глинобитные полы покрываются сначала цыновками, а сверху уже коврами или паласами. На коврахъ, вдоль стѣнъ, кладутъ узкіе тюфяки, которые или открыты или же покрываются, въ свою очередь, узкими ковриками. На нихъ кладутъ длинныя подушки, начиненныя травой. На этихъ тюфякахъ обыкновенно садятся на корточкахъ или съ поджатыми ногами, облачаясь на разставленныя подушки. Въ углу стоитъ круглая низенькая табуретка, которая во время обѣда или ужина выдвигается въ середину комнаты и на которую кладутъ большое, мѣдное блюдо (сини).

Современная меблировка отличается существенно отъ старинной. Деревянный полъ покрывается коврами. У главной стѣны посрединѣ ставится деревянное, вольтеровское кресло; по обѣимъ же сторонамъ послѣдняго полукруглыя деревянные тахты (кушетки), наз. *садръ*, покрытыя специально приготовленными тюфяками, которые, въ свою очередь, покрыты цвѣтными или бѣлыми матеріями, со спускающимися до пола бахромистыми концами. На означенныхъ тюфякахъ, вдоль стѣнъ уложены длинныя подушки для облачыванія. Въ полукругѣ, образуемомъ вольтеровскимъ кресломъ и

двумя боковыми вышеописанными кушетками, ставится круглый столъ. Вдоль остальныхъ стѣнъ расположены длинныя софы-канапэ, нѣсколько стульевъ, а въ углахъ маленькіе, круглыя столики.

Въ спальнѣ, въ стѣнѣ, сдѣланъ шкафъ для храненія днемъ постельныхъ принадлежностей. Употребленіе кроватей неизвѣстно: постели стелются или на полу или на софахъ. Одежда хранится обыкновенно въ сундукахъ. Нѣтъ специальныхъ умывальниковъ, а для этого употребляютъ мѣдный тазъ и мѣдный кувшинъ, который во время умыванія держитъ младшій членъ семьи или младшая невѣстка, обходя послѣ обѣда и каждое утро всѣхъ присутствующихъ. Тазъ и рукомойникъ отличаются характерной вышностью. Тазъ состоитъ изъ цилиндрическаго сосуда, покрытаго пирамидальной крышкой съ мелкими отверстіями (порами) и заканчивающейся на усѣченной вершинѣ ямочкой, гдѣ владуть мыло; при умываніи вода черезъ поры крышки стекаетъ въ нижнюю цилиндрическую часть сосуда. Кувшинъ имѣетъ цилиндрическое вмѣстлище, длинное узкое горлышко, украшенное кантами и другими узорами, съ кривымъ отверстіемъ и большою ручкою.

Освѣщеніе. Полвѣка тому назадъ не только въ деревняхъ, но и въ городѣ для освѣщенія употребляли конопляное масло; нынѣ же вездѣ вошелъ въ обиходъ керосинъ, которымъ пользуются очень бережливо въ виду его дороговизны, 10 коп. фунтъ. Керосинъ—бакинскій, который привозится сюда черезъ Трапезунтъ. Тамъ не менѣе бѣдный классъ населенія и многіе крестьяне продолжаютъ для освѣщенія употреблять масло или же черную, неочищенную нефть, зажигаемую фитилями или въ стеклянныхъ цилиндрахъ и простыхъ жестяныхъ коробкахъ. Спички италянскаго производства, на восковыхъ палочкахъ, благодаря

своей дороговизнѣ, не могли до сего времени окончательно вытѣснить употребленіе кремня и тута.

Рис. 8.

Сальные свѣчи мѣстнаго производства употребляются только бѣднымъ классомъ.

Достойный вниманія старинный подсвѣчникъ (см. рис. 8), найденный въ Вавѣ, который употреблялся, по видимому, въ церкви или же въ какомъ-либо богатомъ домѣ, и старинная свѣтильня-канделябръ, наподобіе той, которая мною была найдена въ Ново-Баязетѣ, перевезенная туда изъ Старо-Баязета. Последняя теперь находится въ музеѣ Армянскаго Этнографическаго общества. Это желѣзный треножникъ, на которомъ укрѣпленъ желѣзный стержень длиною въ 1 метръ, заканчивающійся двумя свѣтильниками-лампочками, каждая о четырехъ фитиляхъ; подобныя же свѣтильни укрѣплены къ стержню немного ниже, подъ коими въ видѣ украшенія, придѣланы желѣзныя птички (рис. 9).

Топливо. Въ селеніяхъ въ качествѣ топлива употребляется бизякъ, хворостъ и шпшки. Для приготовленія кизяка собираютъ ежедневно животный пометъ передъ домомъ, образующій слой толщиною 10 сант.; постоянно ходятъ по его поверхности, чтобы вся масса утопталась и сдѣлалась твердой; затѣмъ отламываютъ лопатою кирпичи величиною 25—30 сант. и, немного осушивъ на солнцѣ, складываютъ въ пирамиды.

на стѣнѣ. Такимъ образомъ, двери не отворялись внутрь, пока не снимались означенныя переклады. Нынѣ размѣнъ ихъ вошли въ употребленіе желѣзные крючки и засовы.

Одежда и украшенія.

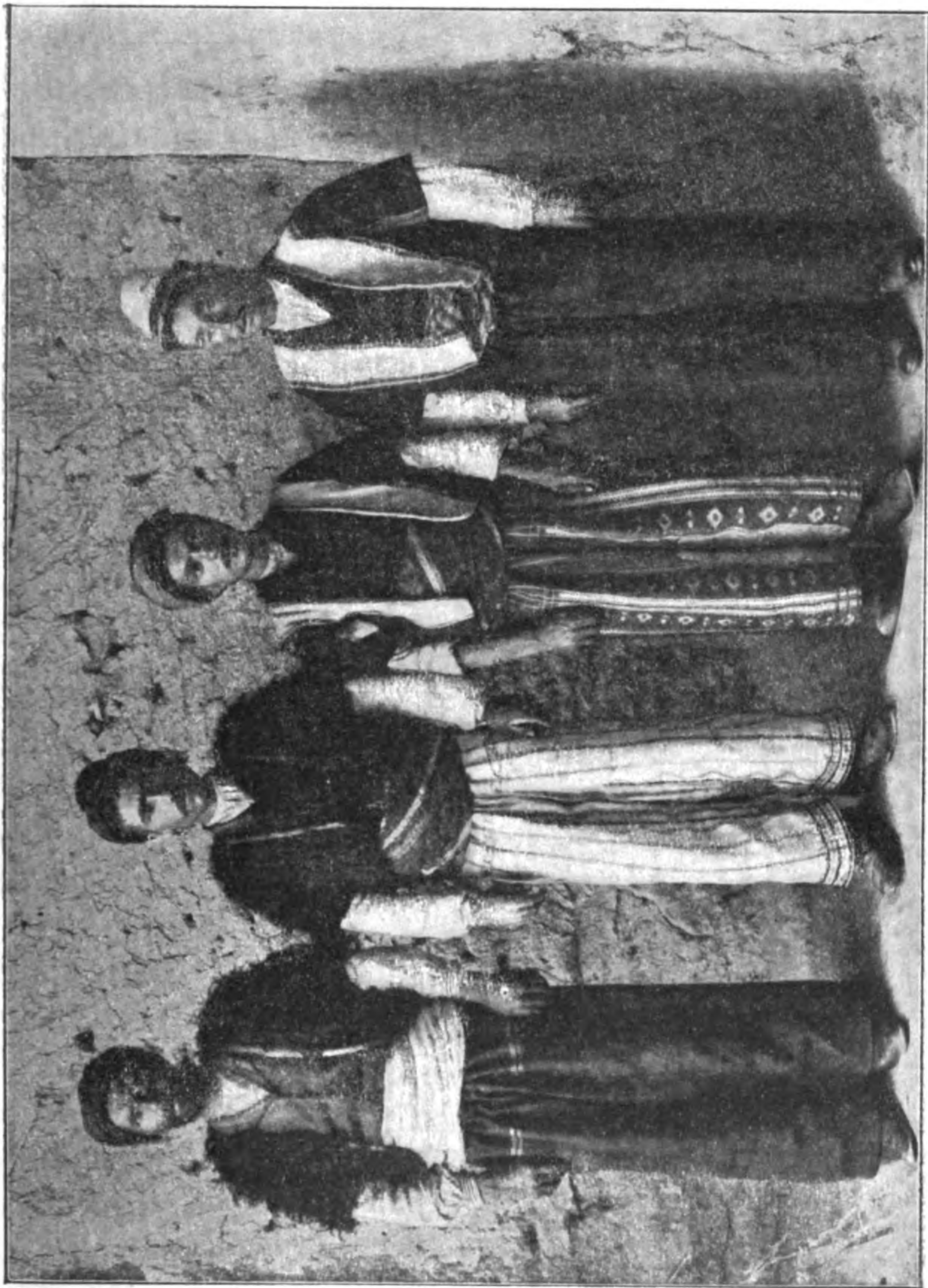
Въ районѣ описываемой нами мѣстности, особенно въ г. Ванѣ и въ сосѣднихъ селеніяхъ, мѣстные туземные костюмы уже наполовину уступили свое мѣсто европейскому одѣянію и представляютъ какую-то безвкусную смѣсь. Туземный костюмъ въ своемъ чистомъ характерномъ видѣ сохраняется еще въ селеніяхъ, далекихъ отъ центра, какъ, напр., въ Алюрѣ, Хавенцѣ, Эреринѣ и др.

Повседневное обычное одѣяніе какъ горожанина, такъ и поселянина, за малымъ исключеніемъ, носить на себѣ печать нищеты. Это не является послѣдствіемъ бѣдности, а депотическаго режима и низкой ступени культурнаго развитія. Дѣти ходятъ почти полунагими, женщины босыми, въ изодранныхъ, рваныхъ платьяхъ; мужчины укутаны въ какія-то лохмотья и тряпки. И такъ щеголяютъ не только нищіе и вообще бѣдные, но и состоятельные люди. У несчастнаго народа въ теченіе столѣтій отнимали всю охоту къ красивымъ чистымъ нарядамъ, такъ какъ хорошо одѣтаго всечески эксплуатировали и подвергали хищническому преслѣдованію и немилосердному обиранію. Несчастный народъ только въ грязныхъ лохмотьяхъ, въ оборванномъ одѣяніи искалъ спасенія отъ насилія сборщиковъ податей и тому подобныхъ грабителей.

Одѣяніе крестьянъ. Ванкскій мужской костюмъ какъ армянъ, такъ и курдовъ въ общемъ очень сходенъ и различаются лишь въ нѣкоторыхъ дѣталахъ.

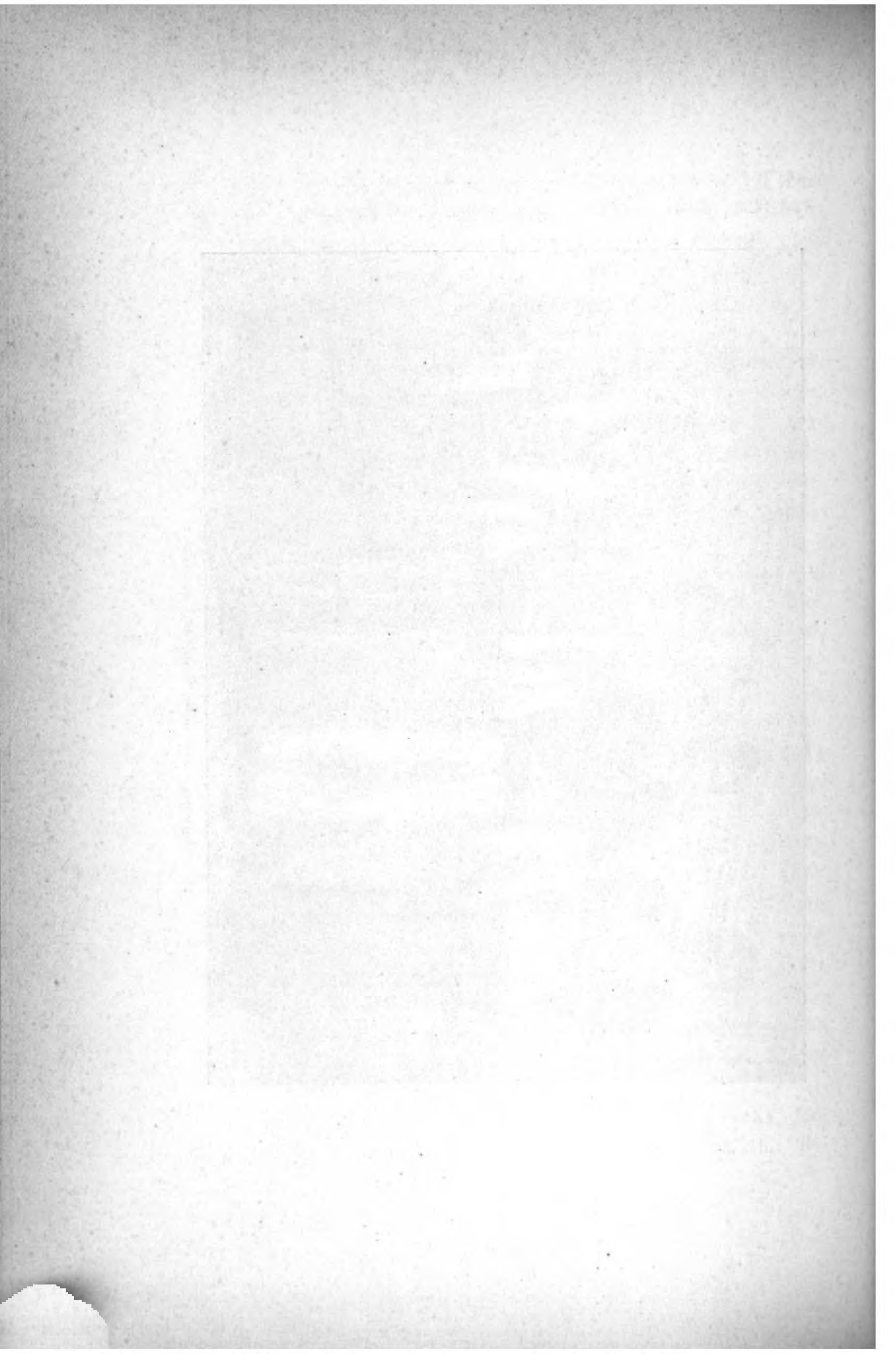
Армяне-крестьяне надѣваютъ прежде всего рубаху пзъ полотна съ длинными рукавами и подоломъ до колѣнъ. Во-

Армяне крестьяне Ванского вилайета.

ротъ рубахи открытъ не по серединѣ груди, а съ правой стороны и застегивается лишь на одну пуговицу. Вся грудь покрыта вышитою нитками разноцвѣтной матеріей, шириною въ 35 сент. Такой же вышитый цвѣтной узоръ, шириною въ 3 сент., покрываетъ воротникъ рубахи. Края рукавовъ такъ же покрыты подобной красиво вышитою цвѣтной матеріей, шириною 6 сент., съ которой соединено нѣчто въ родѣ тесьмы, длиною 60 сент., красиво вышитою, называемой *чалахикъ*, которой шнуруютъ и завязываютъ края рукавовъ, дабы послѣдніе не висѣли и не выпадали. Нерѣдко къ вышитымъ рукавамъ пришивается синій бисеръ. Вокругъ рубахи нашивается красный, тонкій шнуръ, а немного выше красная лента. Правая и лѣвая стороны подола имѣютъ длинные разрѣзы въ 14 сент., края коихъ пришиты шнурками и красными ленточками. Эти разрѣзы на мѣстномъ нарѣчьи называются *чакъ*.

Тумбанъ. Это въ родѣ широкихъ кальсонъ, шитыхъ изъ полотна. Верхняя часть этихъ широкихъ кальсонъ согнута, и края такъ пришиты, что черезъ образовавшійся желобокъ вдѣтъ толстый шнуръ, шириною $1\frac{1}{2}$ —2 сент., такъ называемый *хонджанъ*, заканчивающійся кисточками. Этимъ шнуромъ затягиваютъ кальсоны къ поясицѣ и завязываютъ. Тумбанъ впереди не имѣетъ разрѣза, который сдѣланъ только съ праваго бока, гдѣ обычно бываетъ карманъ. Широкіе подола тумбана висятъ прямо, такъ какъ лѣтомъ на тумбанъ обыкновенно не надѣваютъ шароваръ. Если же надъ тумбаномъ носить еще шаровары, что обыкновенно бываетъ зимой, то концы его засовываютъ въ носки и затягиваютъ шнурками послѣднихъ.

Нѣкоторые надѣваютъ гамашы, называемыя *сахкъ*, длиною 35 сент., вязанныя изъ шерсти. Очень часто концы тумбана и шароваръ засовываются въ сахкъ и затягиваются шнуромъ.

Шаровары шьются изъ шерстяной матеріи и надѣваются обыкновенно на тумбаны, съ которыми очень сходны по своей формѣ. Подолъ этихъ шароваръ очень широкъ, 50—70 саят.; впереди они не имѣютъ никакихъ разрѣзовъ и затягиваются толстымъ шнуромъ—*хонджаномъ*. Съ лѣваго бока имѣется маленькій карманъ, а съ правой стороны кармановидный разрѣзь, которымъ пользуются при мочеиспусканіи.

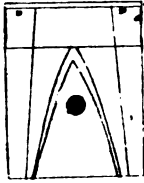

Рис. 10.

Правая и лѣвая стороны шароваръ имѣютъ расширенныя узоромъ лампасы, шириною 12—17 саят.

Хонджанъ, т. е. шнуръ для затягиванія шароваръ, вышитъ изъ цвѣтныхъ нитокъ, шириною въ 2 саят.; съ концовъ онъ имѣетъ нѣсколько кисточекъ, украшенныхъ бисеромъ.

Ишликъ надѣвается на рубаху; его шьютъ изъ хлопчатой матеріи, извѣстной подъ названіемъ *мануса*. Костюмъ

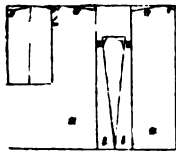

Рис. 11.

этотъ доходитъ до поясицы, имѣетъ длинныя рукава; грудь застегивается шнурками и пуговицами; нѣкоторые имѣютъ на груди трехугольный разрѣзь, дабы замѣтнѣе былъ узорный нагрудникъ рубахи.

Теперь многіе вмѣсто пшліка надѣваютъ европейскіе жилеты.

Поясная шаль, шириною 2—3 метра, изъ шерстяной цвѣтной или бѣлой матеріи; ею опоясываются по верхнему краю шароваръ и нижнему краю пшліка. Этотъ поясъ обыкновенно бываетъ продуктомъ мѣстнаго или шатахскаго производства.

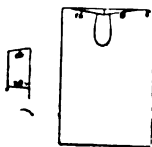

Рис. 12.

Кызахикъ надѣвается на пшлікъ; шьютъ его специально изъ матеріи, сдѣланной изъ козьей шерсти. Этотъ костюмъ доходитъ до поясицы, закрывая всю спину и бока, не оставляя открытой всю грудь. Рукава очень короткіе и доходятъ едва до локтя, а изъ-подъ

мышекъ висятъ кисточки. Края грудной части окаймлены зеленою тесемкою и шнурками, шириною въ 1 сант.

На ноги надѣваютъ носки, обыкновенно цвѣтные и узорчатые. Носки затягиваются и завязываются шнурками, длиною въ 1 метръ.

На носки надѣваются лапти изъ кожи (*чарухъ*) или туфли (*солъ*); также кожанья.

Главнымъ уборомъ считаются: *арахи*, *колозь* и рѣдко *феска*.

Арахчи вышиваютъ женщины изъ шерстяныхъ нитокъ. Арахчи имѣетъ цилиндрическую форму, вышиною 10—15 сант.

Колозь выдѣлываютъ мужчины изъ войлока; онъ имѣетъ форму усѣченного конуса, высотой 15—20 сант. Колозь бываетъ бѣлаго цвѣта и обязательно обматывается на головѣ у лба шелковымъ платкомъ или *язмой*, такъ чтобы его края ниспадали складками на лобъ или на виски. На эти ниспадающія складки пришиваютъ синій бисеръ для предотвращения отъ себя вліянія дурного глаза. Язму вообще скручиваютъ и затѣмъ обматываютъ ею колозь, наподобіе чалмы.

Женскій костюмъ. *Рубахи* доходятъ почти до ногъ и замѣтна изъ-подъ збуна. Рукава длинные; грудной разъ рѣзь идетъ до поясицы и застегивается одной пуговкой у шеи. Края рубахи у подола нашиты зелеными и красными шнурками, а немного выше бордюрный узоръ, шириною 15 сантиметровъ.

Кальсоны шьютъ изъ цвѣтной шерстяной или полотняной матеріи; они безъ всякихъ разрѣзовъ и затягиваются у поясицы шнурами-хонджанами. Концы подола кальсонъ доходятъ до ступни и виднѣются изъ-подъ нижней юбки на 10—15 сант.

Збунъ—надѣвается на рубаху и шьется изъ ситца или шелковой матеріи. Это нижняя юбка, въ родѣ балахона,

съ боковыми разрѣзами отъ поясицы до плъзу, нашитыми по краямъ зелеными и красными шнурками. Эти разрѣзы

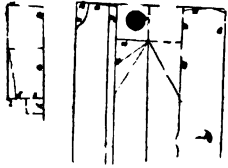

Рис. 13.

называются *чакъ*. Збунъ доходить до ногъ и выше рубахи на 5—6 сант. Рукава длинныя, доходящія до кисти. Конецъ рукава имѣеть также маленькій разрѣзъ, *чакъ*, окаймленный краснымъ и зеленымъ

шнурками, а иногда украшенный серебряными пуговками. Грудь не застегивается, а края затягиваются и остаются немного открытыми на груди. У боковыхъ разрѣзовъ дѣлаются карманы. Збуны надѣваются по 2 или 3, а въ праздники даже 4—5, такъ чтобы края подола отстояли другъ отъ друга на 5 сантим. и замѣтны были всѣмъ. Въ этомъ случаѣ збуны бываютъ разноцвѣтныя. Обычнымъ излюбленнымъ цвѣтомъ считается красный, съ подкладкой такого же цвѣта.

Кочикъ или *колотикъ* надѣвается на збуны; шьется онъ изъ цвѣтнаго ситца или полотна, доходить до поясицы;

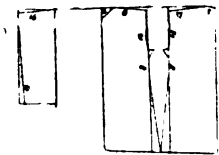

Рис. 14.

грудная же часть совершенно открыта и не застегивается. Съ боковъ имѣются короткіе разрѣзы, рукава длинныя. На края нашиты цвѣтныя шнурки.

Поясъ — изъ шали, длиною 2—4 метра, которыми обтягиваютъ поясицу

надъ *кочикомъ*.

Мезаръ или *передникъ* завязываютъ на поясѣ и *кочикъ*. Мезаръ шьется изъ цвѣтнаго ситца, съ полотняной под-

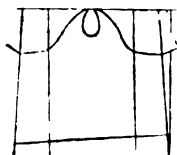

Рис. 15

кладкой. Верхняя часть соотвѣтствуетъ ширинѣ груди женщины, и у шеи имѣется отверстие, для вдѣванія; нижняя же часть постепенно расширяется. Подъ мышками имѣются застежки, которыми прикрѣпляются мезары къ серебрянымъ пуговкамъ на спинѣ. Ме-

заръ на 5 сантиметр. выше збуна, дабы послѣдній былъ виденъ отчетливо.

Далима. Невѣсты и богатые пожилыя женщины не надѣваютъ «кочика», а *далиму* прямо на збунъ, предвари-

Рис. 16.

тельно завязавъ на себѣ поясъ. Далиму шьютъ изъ краснаго сукна. Она очень сходна со священнической рясой, но только по бокамъ, на мѣстѣ кармановъ, имѣются прорѣзы, чтобы можно было засунуть руку въ карманы збуна. Вокругъ этого прорѣза и немного выше до рукавовъ вышиты шнурки и бордюръ; такой же бордюръ нашить у края подола и рукавовъ. Нагрудная часть далимы вышита узорами. Далима спускается до ногъ, но только не доходить 5 сант. до самаго нижняго збуна.

Богатые женщины на далимѣ, и вѣкругъ шеи, носятъ красивое серебряное ожерелье.

Обувь. Надѣваютъ сначала узорчатые носки, которые затягиваются шнурками, а затѣмъ уже туземные туфли, называемыя *контура* или *солъ*.

Въ городѣ Ванѣ теперъ бѣдный классъ армянскаго населенія, а полвѣка тому назадъ также всѣ носили вышеописанное одѣявіе. Нынѣ же европейскаго покроя платья вытѣсняють туземный костюмъ. Только городскія женщины при выходѣ на улицу закутывались совершенно къ такъ называемую *мыхмелу* и *верхнюю рубаху*, а дѣвицы въ *метакъ*, и доселѣ не вышедшіе изъ употребленія. Въ селеніяхъ не чувствовалось надобности въ такихъ покрывалахъ, такъ какъ крестьянка все время занята своими полевыми и хозяйственными работами, а также потому, что окружена армянскимъ элементомъ.

Верхняя рубаха представляетъ собой обыкновенную длинную рубаху, наподобіе той, которую носятъ армянскіе дьячки при богослуженіи, сшитую изъ красной хлопчатой

матеріи, и доходить до ногъ. Она лишена узоровъ и какихъ-либо украшеній; у нея имѣется шнуръ и шнурковая пуговица. На эту рубаху накидывается *мыхмель*, изъ тонкой бѣлой хлопчатой матеріи; этой накидкой укутываютъ все тѣло отъ головы до самыхъ ногъ, и остаются открытыми лишь глаза.

Дѣвицы, выходя на улицу, накидываютъ на голову покрывало *метакъ*, величиною въ $1\frac{1}{2}$ метра, въ квадратной формѣ, два угла котораго сшиты. Этой накидкой также закрывается вся голова до самой груди; остаются открытыми лишь глаза.

Головной уборъ. Женщины сначала расчесываютъ волосы и заплетаютъ въ маленькія, числомъ 15—20, косицы. На косицы укрѣпляется двойная серебряная цѣпочка, называемая *цамкахъ*, длиною 30—35 сантим., на которой висятъ для украшенія маленькіе серебряные шарики, а по срединѣ большой синій бусъ для предохраненія отъ вліянія дурного глаза. *Цамкахъ* крестообразно спускается съ головы и своими концами посредствомъ крючковъ и петель застегивается на плечахъ. Косы заплетаются тремя лентами.

Дѣвицы надѣваютъ на голову, сверхъ волосъ, красную феску съ длинною черною вистью, длиною около 50 сантим. Къ фескѣ прикрѣпляютъ серебряныя украшенія. На лбу есть серебряная цѣпь, на которой висятъ серебряныя монеты. Повыше ихъ навязывается еще одна серебряная цѣпь — *титрама*, съ висящими серебряными миндалевидными пластинками и красными бусиками. Еще выше укрѣпляется другая серебряная цѣпь съ серебряными же монетами. Нѣкоторыя дѣвицы, изъ богатыхъ, ниже первой цѣпи, на краяхъ фески, только на лбу, пришиваютъ серебряныя монеты.

На вискахъ привѣшиваютъ по одной сердцевидной серебряной пластинкѣ съ краснымъ яхонтомъ въ срединѣ; къ этой пластинкѣ привѣшиваются попарно другія подобныя

сердечки съ синей бирюзой посрединѣ; къ этимъ послѣднимъ прикрѣплены по 6 серебряныхъ цѣпочекъ разной длины, къ концамъ которыхъ придѣланы ободочки съ простыми фиолетовыми бусами или съ драгоценными камнями посрединѣ. Самая длинная изъ этихъ 6 цѣпочекъ достигаетъ 5 сант., а коротенькая—2 сант. (Рис. 18, 2).

Затѣмъ на шею надѣваютъ серебряную цѣпь съ висячими серебряными украшениями, такъ называемую *шаванъ*, укрѣпляя ее около височныхъ частей. Въ двухъ концахъ цѣпи находится по одной серебряной булавкѣ съ красными бусовидными головками. Посрединѣ цѣпи имѣется серебряная сердцевидная пряжка, которой укрѣпляется названная цѣпь подъ горломъ, а конечными булавками укрѣпляется къ вискамъ. (Рис. 18, 3).

На груди носятъ серебряное украшеніе *гярданлыкъ* (пагрудникъ), состоящее изъ серебряныхъ концентрическихъ кружковъ, пластинокъ, бусъ и ряда маленькихъ цѣпочекъ изъ серебряныхъ узоровъ и украшеній.

На ушахъ прикрѣпляютъ серьги изъ серебряныхъ бусъ. На рукахъ носятъ серебряные браслеты или рукавчики, вышитые бисеромъ.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ отличается отъ такового дѣвицъ. Замужнія женщины также заплетаютъ волосы на 15—20 косицъ, однако не надѣваютъ «цамкахъ». Конечно, невѣсты составляютъ исключеніе.

На голову поверхъ волосъ надѣваютъ такъ называемый *глакъ*, цилиндрическую, высокую, шитую изъ ситца шляпу. На шляпу эту набрасываютъ *похчикъ*, трехугольный кусокъ ситца, въ 1½ метр., къ двумъ концамъ котораго пришиты связки съ петлицей. Этими связками прикрѣпляютъ *похчикъ* къ головѣ и обвиваютъ черезъ подбородокъ и шею, завязывая ихъ окончательно на темени. Сверхъ этого покрывала, носятъ надлобный платочекъ, изъ красной мате-

рип, 10—20 сант. величины, края которой расшиты синимъ бисеромъ. Съ четырехъ угловъ имѣются повязки. Этими повязками надлобный платочекъ укрѣпляютъ на лбу такъ, чтобы видны были бисерныя украшенія.

На лобномъ платочкѣ укрѣпляютъ такъ называемый *макчанъ*, который бываетъ разныхъ видовъ. Опишемъ два вида. Первый (рис. 17) состоитъ изъ 7 серебряныхъ пластинокъ-квадратиковъ 13 сант., верхняя часть коихъ увѣнчана коронковиднымъ украшеніемъ въ $1\frac{1}{2}$ сант., а затѣмъ и звѣздочкой. Въ серединѣ квадратныхъ пластинокъ выдѣляются выпуклые шарики, окруженные 4-мя миндалевидными рельефами, въ центрѣ коихъ вдѣланъ бирюзовый или яхонтовый камень. Средняя пластинка, самая большая, сравнительно съ прочими, посрединѣ имѣетъ полумѣсяцъ. Въ нижней части макчана висятъ шарики, а со средней пластинки и двухъ ея боковыхъ звѣздовидныхъ украшеній поднимаются цѣпочки, длиною каждая 5 сант., и соединяются однимъ колечкомъ и пластинкой, имѣющей видъ птички, а послѣдняя прикрѣпляется въ верхней части надлобнаго платка.

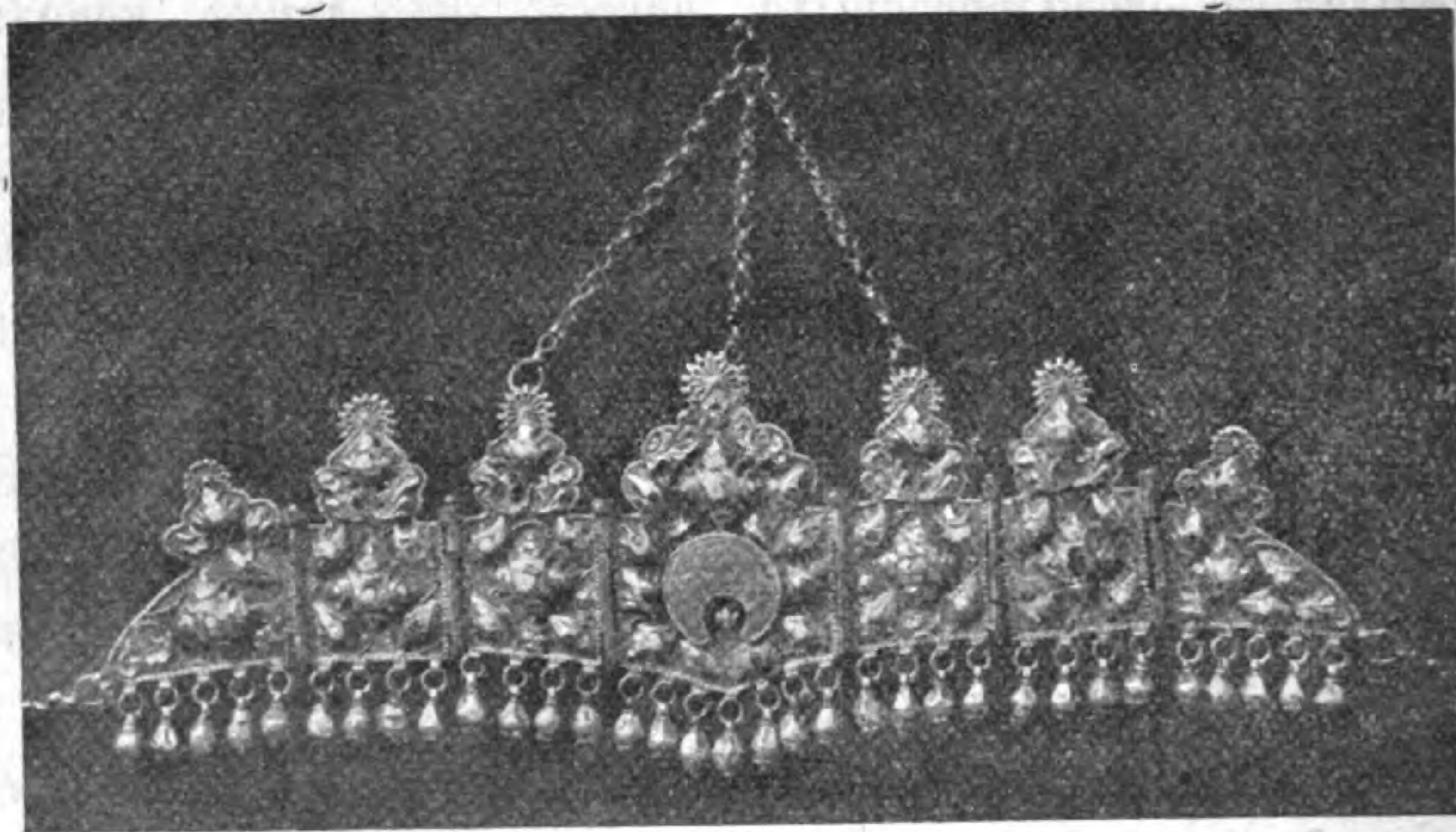

Рис. 17.

тинокъ-квадратиковъ 13 сант., верхняя часть коихъ увѣнчана коронковиднымъ украшеніемъ въ $1\frac{1}{2}$ сант., а затѣмъ и звѣздочкой. Въ серединѣ квадратныхъ пластинокъ выдѣляются выпуклые шарики, окруженные 4-мя миндалевидными рельефами, въ центрѣ коихъ вдѣланъ бирюзовый или яхонтовый камень. Средняя пластинка, самая большая, сравнительно съ прочими, посрединѣ имѣетъ полумѣсяцъ. Въ нижней части макчана висятъ шарики, а со средней пластинки и двухъ ея боковыхъ звѣздовидныхъ украшеній поднимаются цѣпочки, длиною каждая 5 сант., и соединяются однимъ колечкомъ и пластинкой, имѣющей видъ птички, а послѣдняя прикрѣпляется въ верхней части надлобнаго платка.

Второй видъ махчана (рис. 18), состоитъ изъ 5 пластинокъ, длиною 5 сант. и шириною, самое большее, 4 сант.

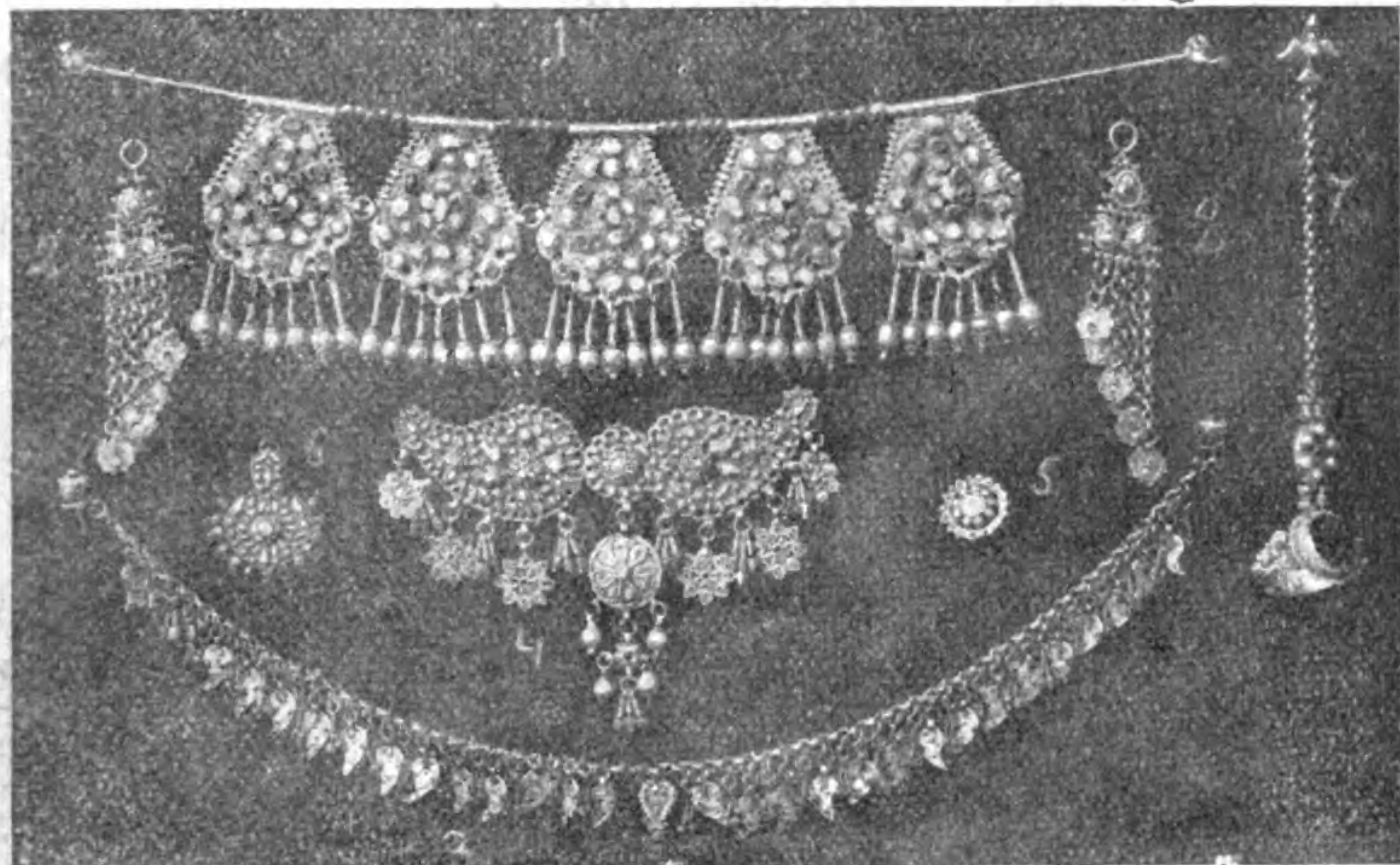

Рис. 18.

Каждая изъ этихъ пластинокъ въ верхней своей части представляетъ трапецію, съ отверстіями для вдѣванія нитки, въ нижней части — полукруги съ зубчатыми же вырѣзками, на которыхъ висятъ крошечные шарики. Въ серединѣ пластинокъ имѣются сердцевидныя выпуклости съ яхонтовыми или бирюзовыми камнями. Пластинки соединены между собой при посредствѣ колечекъ, а сверху — при помощи нитки, украшенной бисеромъ. Этотъ махчанъ, прикрѣпленный къ надлобному платку при посредствѣ конечныхъ повязокъ, завязываютъ на затылкѣ.

Послѣ махчана на голову надѣваютъ *котикъ*, деревянный кружокъ діаметр. въ 11 сант., побрызтый красною матеріей. Въ передней своей части, у лба, край его вѣсколько приподнять искусственнымъ бугоркомъ изъ старыхъ матерій или шерсти такимъ образомъ, что получается полукруглое возвышеніе. Въ верхней части этого кружка укрѣпляется ромбовидный кусокъ изъ матеріи, окаймленный бисеромъ.

Въ середнѣйшій пришита пуговка, окруженная нѣсколькими рядами спяго бисера. Это спяій бисеръ, совершенно невидимый, служитъ для отвода злого глаза.

На котикъ набрасываютъ верхній платочекъ—*похчикъ*, подобно нижнему похчику, также треугольный, съ повязками съ двухъ концовъ, но только по краямъ платочка пришиты цвѣтныя ленты, шириною 1 сант. При надѣваніи *похчика* концы его заворачиваютъ подъ подбородокъ, а оттуда опять на голову, гдѣ и застегиваютъ крючкомъ. Поверхъ всего, наконецъ, на голову надѣваютъ *лаликъ*, тонкій бѣлый треугольный кусокъ матеріи, до самыхъ бровей; концы закладываютъ у горла и вновь, поднимая на голову, застегиваютъ, или же правый конецъ лалика заворачиваютъ подъ лѣвый конецъ, который, въ свою очередь, укрѣпляютъ на правой щекѣ. Этимъ платкомъ закутываютъ голову и части лица такъ, что видны только глаза и носъ.

Женщины, а также и молодыя невѣсты, украшаютъ свою грудь нагрудниками, на рукахъ носятъ рукавички или браслеты, на пальцахъ кольца. Достоинно вниманія, что женщины надѣваютъ серебряныя кольца съ громадными сардіюнами обыкновенно на большія пальцы; отъ кольца идетъ серебряная маленькая цѣпочка въ 12 сант., прикрѣпленная къ збуну.

Въ отдаленныхъ глухихъ селеніяхъ Госпа и Айоцьдзора встрѣчаются иногда женщины, носящія кольца въ воздряхъ, которыя имѣютъ для этого особая отверстія. (Рис. 18, 5).

Семейный бытъ, бракъ и свадебные обычаи.

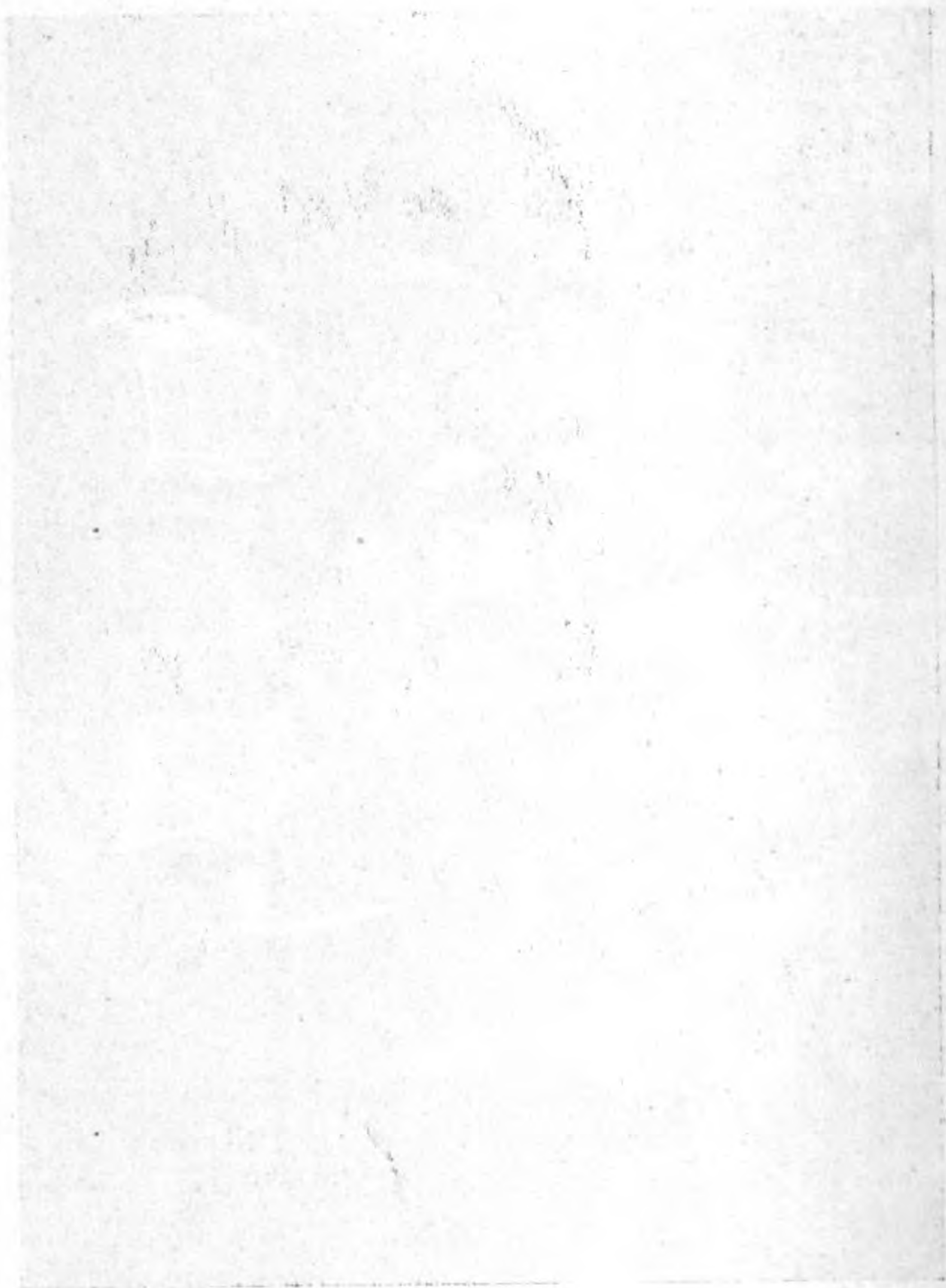
Возрастъ. По обычаю вступаютъ въ бракъ мужчины 18—25 лѣтъ, дѣвцы 16—22 лѣтъ. Превышающіе этотъ возрастъ молодые люди считаются уже старыми, въ особен-

Армяни-крестьяни Вансого вилайета.

ности это относится къ дѣвцамъ. Слишкомъ молоденькихъ дѣвицъ пзбѣгаютъ выдавать замужъ, равнымъ образомъ малозрелыхъ юношей женить на дѣвцахъ старшихъ. Вообще принято за правило, чтобы женихъ былъ старше невесты, но не больше 5—10 лѣтъ. Пожилые уже женихи или невесты вступаютъ въ бракъ обыкновенно со вдовствующими.

Степени свойства. Хотя по церковнымъ канонамъ требуется, чтобы брачующіеся находились за предѣлами 7-й степени родства, а 5-ой свойства, тѣмъ не менѣе бываютъ случаи, когда молодые люди, находящіеся въ болѣе близкихъ степеняхъ родства, при посредствѣ подкупа заставляютъ духовныхъ лицъ обвѣнчать ихъ; въ крайнемъ случаѣ они переходятъ въ другое вѣроисповѣданіе, чаще всего—въ протестанство, а иногда даже, хотя и въ очень рѣдкихъ случаяхъ, въ магометанство.

Бракосочетаніе по національности. Бракъ съ лицомъ чуждой національности бываетъ крайне рѣдко и сопряженъ съ большими затрудненіями, такъ какъ этотъ вопросъ связанъ съ перемѣной вѣры.

Ни армянинъ ни турокъ не позволяютъ, чтобы кто-либо изъ ихъ сородичей отступилъ отъ родной вѣры изъ-за брака съ инородцемъ. Конечно, бываютъ случаи, когда турки или курды похищаютъ дѣвицъ армянокъ, вступаютъ съ ними въ бракъ, заставляя насильно перемѣнить вѣру. Но, наоборотъ, турецкая толпа относится слишкомъ строго и безжалостно къ той турчанкѣ, которая осмѣлится полюбить армянина. Я самъ встрѣтилъ молодого армянина, собиравшагося отправиться за границу, спасаясь отъ угрозъ смерти по случаю того, что одна турчанка была въ него влюблена.

Бываетъ крайне рѣдко, чтобы армяне григоріанскаго вѣроисповѣданія вступали въ бракъ съ армяно-протестантами или католиками; но въ такихъ случаяхъ вѣнчаніе происхо-

дять въ церкви, къ которой принадлежит женихъ. Однако, католическіе и протестантскіе миссіонеры очень охотно позволяютъ питомцамъ-сиротамъ своихъ благотворительныхъ учебныхъ учрежденій сочетаться бракомъ съ тѣми молодыми людьми изъ армянъ-григоріанъ, кои въ доказательство своей любви могутъ пожертвовать своимъ вѣроисповѣданіемъ и перейти на лоно ихъ церкви. Бываютъ, конечно, очень часто и такіе случаи, что молодые не исполняютъ своихъ общеній и крестятъ своихъ новорожденныхъ въ родной церкви.

Бракъ по соціально-матеріальному состоянію. Ванскіе армяне предпочитаютъ сочетаться бракомъ съ лицами, происходящими изъ одного мѣста, а потому многіе находящіеся на чужбинѣ или въ отхожихъ промыслахъ, имѣютъ обыкновение, при желаніи завестись семьей, возвращаться на родину, чтобы, вступивъ въ бракъ, остаться въ некоторое время на родинѣ, а затѣмъ опять отправиться на чужбину.

Равнымъ образомъ ванскія дѣвицы очень неохотно выходятъ замужъ за лицъ, пріѣхавшихъ изъ чужбины.

Городскіе жители не вступаютъ въ бракъ съ лицами сельскаго происхожденія, считая это ниже своего достоинства; равнымъ образомъ поселяне не женятся на городскихъ дѣвицахъ, считая ихъ слишкомъ гордыми.

Обращается очень большое вниманіе на соціальное положеніе и матеріальное благосостояніе. Крайне рѣдко случается, чтобы богатый женихъ взялъ себѣ невѣсту изъ бѣднаго, несостоятельнаго класса, или наоборотъ. Для такого брака должны быть исключительныя обстоятельства или какія-либо особенныя преимущества.

Обрученіе въ люльки. Этотъ обычай въ древности существовалъ въ Ванѣ и теперь имѣетъ мѣсто лишь въ селеніяхъ. Два семейства, тѣсно связанные дружбой, привязанностью или относящіеся другъ къ другу съ уваженіемъ, желая закрѣпить эти добрососѣдскія узы еще больше, даютъ

взаимный обѣтъ сочетать бракомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей по достиженіи положеннаго возраста, и съ этой цѣлью на люлькахъ нарѣзываютъ мѣтки или черточки, въ знакъ обрученія. Часто случается, что такой обѣтъ дается еще, когда ихъ дѣти не появлялись на свѣтъ. Обрученныя такимъ образомъ дѣти, находясь и играя постоянно вмѣстѣ, конечно при наступленіи брачнаго возраста вѣнчаются, если только на сцену не является какое-нибудь третье лицо и не разрушаетъ ихъ обѣта.

Различные брачные случаи. Въ случаѣ смерти обрученнаго жениха, часто его братъ женится на невѣстѣ и, наоборотъ, въ случаѣ смерти обрученной невѣсты, ея сестра выходитъ замужъ за сестрина жениха. Сами жители объясняютъ это тѣмъ, чтобы напрасно не пропали расходы, сдѣланные по поводу обрученія и приготовленій къ свадьбѣ.

Часто имѣютъ мѣсто тайныя половыя сношенія между деверемъ и овдовѣвшей невѣсткой.

Бываютъ также случаи, что слуга или приказчикъ магазина входитъ въ тайныя интимныя сношенія съ дочерью своего хозяина, и затѣмъ уже, въ предотвращеніе скандала, отецъ дѣвicy выдаетъ за него дочь и признаетъ въ немъ зятя.

Расторженіе брака. Случаи расторженія брака крайне рѣдки. Какъ бы неблагоприятно ни сложились семейныя отношенія, какъ бы тяжело ни было супружеское иго, тѣмъ не менѣе, слѣдуя патріархальной традиціи, терпѣливо переносятъ все, позволяя себѣ иногда и незаконное сожительство на сторонѣ. Взглядъ народа на незаконное сожительство съ другой женщиной, помимо законной жены, очень строгъ, и лишь въ одномъ случаѣ онъ смягчается, а именно, когда это имѣетъ мѣсто вслѣдствіе бесплодія жены. Даже сама законная жена примиряется со своей судьбой, и относится снисходительно къ тому, что ея супругъ въ одномъ съ ней

домъ держитъ сожительницу, съ цѣлью имѣть отъ нея ребенка.

Прикрѣпленіе. Многіе родители имѣютъ обыкновеніе, когда ихъ сыновья отправляются въ чужбину на заработки, обручать ихъ съ избранной ими дѣвицей, чтобы этимъ путемъ ихъ связать съ домомъ и, какъ они выражаются, „прибрѣпить ногу“ къ родному очагу; этимъ они заставляютъ ихъ заботиться о родныхъ и не оставаться навсегда на чужбинѣ. На такихъ „закрѣпленныхъ“ молодыхъ людяхъ лежитъ обязанность присылать деньги не только своимъ роднымъ, но и отцу невесты, на расходы на нее, приблизительно отъ 40 до 50 руб. ежегодно.

Выборъ невесты. Въ старину невесту выбирали для своего сына сами родители, не испрашивая вовсе его предварительнаго согласія. Были случаи, что женихъ свою невесту лицезрѣлъ только въ первую брачную ночь. Нынѣ то же самое происходитъ еще въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ селеніяхъ; въ городѣ же и въ пригородныхъ селеніяхъ парни и дѣвицы видятся свободно другъ съ другомъ, „влюбляются“ и при возникновеніи вопроса о бракѣ даютъ чувствовать своимъ болѣе или менѣе настойчивымъ голосомъ, согласны ли они, или нѣтъ съ выборомъ родителей.

Вообще существуетъ народное повѣрье, что браки предопредѣлены судьбой, а потому совершенно излишне заботиться о томъ, кто будетъ невестой.

Въ вопросѣ о выборѣ дѣвицы большую роль играютъ родственницы и сосѣдки жениха, которыя, окружая неотступно мать жениха, расточаютъ щедрія похвалы намѣченной ими дѣвицѣ, расхваливаютъ ея домовитость, чистоплотность, трудолюбіе, характеръ, физическія и душевныя качества. Такое же громадное вліяніе въ домѣ дѣвицы имѣютъ родственницы и сосѣдки на выборъ жениха.

Смотрины. Въ старину смотрины происходили совершенно открыто; нынѣ же для ознакомленія со всѣми внѣшними и другими качествами невѣсты, мать жениха совместно съ нѣкоторыми своими родственницами подъ какимъ-либо предлогомъ отиравается въ домъ дѣвицы. Мать послѣдней, догадываясь о цѣли прихода нежданныхъ гостей, наряжаетъ свою дочку, красиво заплетаетъ волосы, глаза наводитъ черной краской и послѣ цѣлаго ряда туалетныхъ манипуляцій выводитъ ее напоказъ гостямъ.

Дѣвица, смущенная и растерянная, кланяется низко явившимся на смотрины женщинамъ, цѣлуетъ ихъ руки и накладываетъ себѣ на голову, затѣмъ опять цѣлуетъ. Пришедшія, въ свою очередь, цѣлуютъ ее и пытливимъ взоромъ осматриваютъ дѣвушку. Мать жениха обыкновенно преподноситъ ей букетъ цвѣтовъ, если это время весеннее, зимою же—гранатъ. Въ старину пришедшія съ цѣлью смотринъ женщины безъ всякаго стѣсненія подвергали ее подробному изслѣдованію, заставляли шагать, поднимать вверхъ руки, для изслѣдованія зрѣнія показывали ей соломинку или давали нитку для вдѣванія въ ушко иглы, а для изслѣдованія слуха шепотомъ задавали ей нѣкоторые вопросы; иногда даже раздѣвали грудь, ноги и пр. Въ концѣ концовъ, если дѣвица нравилась пришедшимъ, мать жениха набрасывала ей на шею золотое ожерелье или вдѣвала на ея правый мизинецъ золотое или серебряное колечко, предварительно получивъ, конечно, согласіе ея матери. Послѣ этого дѣвица немедленно приносила водку и, наливая въ чарку, угощала пришедшихъ; тѣ осыпали ее благопожеланіями, а затѣмъ угощались обѣдомъ, если это даже время было и не обѣденное.

Въ случаѣ же когда дѣвица имъ не нравилась, пришедшія уходили безъ всякаго угощенія.

Обрученіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ смотринъ приходскіе священники жениха и невѣсты совместно со свидѣ-

телями, по одному отъ каждой стороны, взявъ предварительно обоюдное согласіе молодыхъ о ихъ желаніи вступить въ бракъ, отправляются къ архіерею и сообщаютъ объ этомъ духовному совѣту. Здѣсь разсматривается вопросъ о степени родства молодыхъ, и когда не находятъ никакихъ другихъ препятствій съ точки зрѣнія церковныхъ канонѳвъ, то бракъ разрѣшается, что отмѣчается въ особомъ протокольномъ журналѣ. Приходскій священникъ жениха преподноситъ предсѣдателю духовнаго совѣта, архіерею, обручальное кольцо молодыхъ, вложенное въ серебряную коробочку, покрытую шелковымъ платкомъ, полученнымъ отъ родителей жениха. Архіерей, благословивъ кольцо, вновь передаетъ священнику, а тотъ передаетъ уже родителямъ жениха. Этой церемоніей исчерпывается официальная сторона обрученія, и послѣ этого только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ кто-либо изъ обрученныхъ отказывается отъ даннаго имъ слова безъ уважительныхъ причинъ.

Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что въ случаѣ отказа отъ брака со стороны жениха послѣдній не возвращаетъ родителямъ невесты полученные подарки, а если отказъ отъ брака воспослѣдуетъ со стороны невесты, то родители послѣдней обязаны возвратитъ всѣ подарки.

Послѣ официальнаго обрученія иногда среди городского населенія устраивается обручальное торжество: отецъ жениха вмѣстѣ со своими родственниками и пріятелями, взявъ разные подарки для невесты, какъ-то: часы, браслеты, ожерелье и т. п., отправляется въ домъ невесты. Послѣ торжественной встрѣчи, по просьбѣ посаженнаго отца, невеста, наряженная и покрытая вуалью, выступаетъ въ сопровожденіи молодой невестки дома и, подойдя къ гостямъ, поочередно цѣлуетъ имъ руки, а затѣмъ со сложенными на груди руками смиренно стоитъ въ сторонѣ. Будущій свекоръ даетъ ей всѣ принесенные подарки, снимаетъ съ ея лица вуаль,

предлагаетъ ей, чтобы она угостила всѣхъ присутствующихъ чаркой водки, послѣ чего невѣста опять закутывается вуалью и вмѣстѣ съ женихомъ садится въ почетномъ мѣстѣ на высокой подушкѣ. Главной темой разговора присутствующихъ гостей, конечно, является молодая пара, относительно которой то-и-дѣло слышатся похвалы и всякія благопожеланія. Подаютъ ужинъ, за который садятся сначала мужчины, а затѣмъ уже женщины.

Послѣ этого семейнаго обручальнаго торжества женихъ получаетъ право по временамъ посѣщать свою невѣсту. Слѣдуетъ замѣтить, что въ старину это строго запрещалось.

Въ значительные праздники онъ несетъ своей невѣстѣ подарки; эти подарки являются пережиткомъ стариннаго обычая даренія, когда со стороны родителей жениха посылались т. в. „пай“, состоящій изъ разныхъ вещей и денегъ, въ пользу невѣсты.

Обрученные ждутъ свадьбы въ теченіе 2—6 мѣсяцевъ, а иногда даже цѣлый годъ. Свадьбы устраиваютъ преимущественно осенью и зимою, особенно на масляной недѣлѣ.

Въ селеніяхъ родителямъ невѣсты со стороны родителей жениха преподносится опредѣленная сумма для изготвленія приданаго. Для опредѣленія этой суммы отецъ жениха въ сопровожденіи вѣсколькихъ своихъ пріятелей отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ послѣ обильнаго угощенія, состоящаго изъ обѣда, приступаетъ къ подробнымъ переговорамъ и торгамъ относительно суммы, которую онъ долженъ уплатить родителямъ невѣсты, обыкновенно 30—160 руб., а также по вопросу о томъ, чѣмъ одарить ея родителей и родственниковъ.

Въ городахъ раньше былъ обычай, по которому отецъ жениха за 8 дней до свадьбы письменно сообщалъ родителямъ невѣсты о днѣ вѣнчанія. Въ этомъ письмѣ характерны слѣдующія слова, которыя обычно повторяются всегда: „Да не

устыдить Господь васъ, также да не устыдите вы насъ передъ нашими пріятелями и недругами...“ Значеніе этихъ словъ заключается въ томъ, что приданое слѣдуетъ заготовить такое, чтобы не опечалились родственники и не возрадовались недруги.

Въ тотъ же день посылались письменныя приглашенія также посаженному отцу, которому дарили цѣлую голову сахара. Въ ближайшую среду посылали приглашенія всѣмъ родственницамъ и пріятельницамъ, а въ субботу— всѣмъ мужчинамъ.

Въ старину взамѣнъ письменнаго приглашенія посылался глашатай, который, преподнося каждому букетъ цвѣтовъ, или яблоко, а то и гранатъ, приглашалъ на свадьбу и самъ при этомъ получалъ отъ приглашеннаго лица какой-либо подарокъ.

Печеніе свадебнаго хлѣба (таштатресъ). Этотъ обычай уже совершенно вышелъ изъ употребленія въ городѣ Ванъ и остался лишь въ селеніяхъ. Въ первую среду послѣ дня вѣнчанія мать жениха приглашаетъ къ себѣ всѣхъ своихъ пріятельницъ; въ ихъ присутствіи просѣиваютъ муку, предназначенную для испеченія свадебнаго хлѣба. Ставится посреди дома корыто, края котораго украшены горящими восковыми свѣчами; приглашенные музыканты начинаютъ играть, а женщина, которая должна испечь хлѣбъ, съ ситомъ въ рукахъ танцуетъ вокругъ корыта и затѣмъ приступаетъ къ просѣиванію муки, говоря: „Посыпайте милость!...“ Сначала мать жениха, за нею уже приглашенныя женщины бросаютъ въ сито мѣдныя деньги, поступающія въ пользу женщины, что печетъ хлѣбъ. Послѣдняя, приговаривая съ напѣвомъ разныя благопожеланія, просѣиваетъ муку, а дѣвщцы и парни вокругъ корыта заводятъ хороводъ съ танцами. Приглашенныя женщины послѣ угощенія расходятся по своимъ домамъ; остаются только очень близкія родственницы для оказанія помощи пекаркѣ.

Наканунѣ дня вѣнчанія изъ дома жениха посылаются въ домъ невѣсты т. н. „тапахъ“, въ знакъ послѣдняго приглашенія на свадьбу. „Тапахъ“ состоитъ въ слѣдующемъ: на громадномъ блюдѣ разставляютъ разукрашенныя цвѣтными бумажками сахарныя издѣлія, красныя яблоки, гранаты, лимоны, цвѣты, сахарную голову, — и все это покрываютъ тонкою шалью. Въ недавнемъ прошломъ вмѣстѣ съ „тапахомъ“ посылали также пару большихъ восковыхъ свѣчей въ 2 метра, украшенныхъ цвѣтными узорами и зажигаемыхъ при вѣнчаніи.

Въ давнія времена былъ такой обычай: посаженный отецъ держалъ саблю надъ головой жениха въ тѣ моменты, когда послѣднему приходилось проходить черезъ дверь, и тѣмъ защищалъ его какъ будто отъ вліянія нечистой силы. Однако, когда турецкое правительство запретило армянамъ ношеніе и храненіе всякаго рода оружія, то армяне для этой цѣли завели обычай брать напрокатъ у турецкихъ солдатъ саблю, которая, какъ принадлежащая мусульманину и слѣдовательно нечистая, предварительно освящалась священникомъ. По разсказамъ старожиловъ, полвѣка тому назадъ, взамѣнъ такой сабли, стали употреблять большую восковую свѣчу, назыв. „сабельной свѣчей“. Обычай употребленія сабельной свѣчи уже вышелъ изъ употребленія. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ все-таки сохранилось употребленіе сабли.

Собраніе парней. Наканунѣ свадебнаго дня приглашаются всѣ молодые товарищи жениха, которые послѣ маленькой выпивки устраиваютъ „торгъ“ на предметъ продажи съ „аукціона“ „палки начальника поѣзжанъ“. Эта палка представляетъ собою ручной тростникъ, разукрашенный жестяными блестящими и съ приделанными на верхушкѣ подсвѣчникамъ, въ которые укрѣпляются восковыя свѣчки. Палка эта со свѣчками служитъ жезломъ въ рукахъ начальника (зап-

баша) приглашенных неженатых друзей и товарищей жениха и знакомь власти первого надь послѣдними. Начальникъ этотъ всегда стоитъ во главѣ свадебнаго шествія и является предводителемъ вѣнчальной процессіи и наблюдателемъ свадебнаго угощенія: всѣ слуги подчиняются непосредственно ему, и всѣ претензіи и жалобы приглашенныхъ гостей относительно угощенія и пр. направляются къ нему.

„Торги“ упомянутой палки происходятъ такъ. Священникъ, если только онъ при этомъ присутствуетъ, или посаженный отецъ, беретъ въ руки эту палку, выкрикивая, кто пожелаетъ ее взять. Одинъ изъ присутствующихъ неженатыхъ молодыхъ людей схватываетъ палку и, ударяя ею по землѣ, кричитъ: „Даю кувшинъ вина, литръ мяса, одну мѣру лука!...“ Другой беретъ изъ его рукъ палку, продѣлываетъ то же самое, но прибавляетъ немножко къ обѣщанному предшествующимъ, и такимъ путемъ палку по очереди передаютъ изъ рукъ въ руки, ударяя ею объ землю и сопровождая передачу ея обѣщаніями угощенія, пока кто-либо изъ присутствующихъ не пообѣщаетъ самое большее. Тогда священникъ освящаетъ палку и, съ радостными криками присутствующихъ, передаетъ ее тому, за кѣмъ остались торги. Послѣдній, взявъ въ руки палку, приказываетъ всѣмъ замолчать и поцѣловать ее въ знакъ подчиненія. Всѣ обѣщанныя на упомянутыхъ торгахъ яства и напитки поступаютъ въ собственность неженатыхъ парней, которые послѣ окончанія свадьбы, собравшись вновь подь начальствомъ своего главы, устраиваютъ пирушку. Иногда отъ начальника молодыхъ поѣзжанъ, т. н. „азапбаша“ требуется гарантія въ точномъ исполненіи обѣщаннаго.

Наложеніе „хины“. Въ Ванѣ, въ старое время, а нынѣ лишь въ глухихъ селеніяхъ совершается обрядъ т. н. „наложенія хины“. Вечеромъ, послѣ собранія неженатыхъ, изъ дома жениха поѣзжане съ зурной сопровождаютъ въ

домъ невѣсты „хину“, на блюдцѣ, несомой на головѣ сестры или невѣстки жениха; блюдо это кругомъ украшено зажженными свѣчками и обсыпано по краямъ различными сладостями и фруктами.

Пришедши въ домъ невѣсты, женщина, имѣвшая на головѣ блюдо съ хиной, начинаетъ плясать, а затѣмъ уже передаетъ его домашнимъ невѣсты, предварительно получивъ за это подарокъ. Тотчасъ же выводятъ невѣсту, кладутъ на ея голову крестообразно два хлѣба и кричатъ: „Богъ дастъ много хлѣба!“ и затѣмъ кладутъ на руки невѣсты „хину“. Всѣ присутствующія женщины, за исключеніемъ старухъ и носящихъ трауръ, красятъ себѣ пальцы этой хиной.

Въ домѣ жениха также красятъ хиной пальцы послѣдняго. Азапбаши накладываетъ хину на кончикъ своего жезла.

Бритье жениха. Въ день свадьбы, въ то время когда собираются гости, приглашается цырюльникъ, который торжественно принимается брить жениха. Женихъ цѣлуетъ руки своихъ родителей и посаженнаго отца, садится посрединѣ комнаты, окруженный всѣми гостями. Начинаетъ играть музыка, и цырюльникъ, покрывъ его щеки и бороду обильно мыломъ, кричитъ: „Да будетъ благословенъ сей день; пожелаемъ жениху долгой жизни и дожить до глубокой старости, когда его борода сдѣлается такой бѣлой!“—Аминь, аминь! отзываются громко всѣ присутствующіе. Цырюльникъ вновь возвышаетъ голосъ: „Родители жениха, бритва не беретъ—отупѣла: слѣдуетъ наострить!“ Жениховы родители на это должны дать цырюльнику нѣсколько монетъ или другой подарокъ. Въ селеніяхъ, особенно въ старину, цырюльникъ имѣлъ обыкновеніе во время бритья оставлять небритыя части на головѣ и на бородѣ, и пока отъ присутствующихъ не получалъ подарковъ, то не продолжалъ бритья и не доканчивалъ церемоніи. Нынѣ же онъ по окончаніи бритья беретъ

зеркало и, обходя всѣхъ гостей, собираетъ подарки, монеты мѣдныя. Въ это время посаженный отецъ преподноситъ жениху украшенное цвѣтами яблоко на красномъ шелковомъ платкѣ. Женихъ держитъ это яблоко почти во все время вѣнчанія во рту и послѣ церковнаго таинства передаетъ священнику. Нѣкоторые изъ близкихъ родственниковъ и друзей одариваютъ жениха носками и фесками.

Послѣ окончанія обряда бритья, всѣ гости говорятъ: „Поздравляемъ съ Богомъ и желаемъ, чтобы ты не видѣлъ вновь такихъ дней!“ т. е. чтобы онъ впослѣдствіи не женился вторично. Родители и близкіе родственники, подходя къ жениху, поздравляютъ и цѣлуютъ его.

Освященіе платья. Послѣ церемоніи бритья священникъ освящаетъ платье жениха и передаетъ азапбаши, чтобы послѣдній отнесъ его и одѣлъ жениха. При одѣваніи каждой части платья, азапбаши три раза обносятъ ее надъ головой жениха и кричатъ: „Да носить на здоровье нашъ женихъ!“ Присутствующіе повторяютъ то же самое. Въ это время мать жениха начинаетъ плясать, а присутствующая молодежь поетъ пѣснь, въ которой восхваляется платье и украшенія жениха, а также высказываются благопожеланія по его адресу. При этомъ молодые стараются украсть или обувь или какую-нибудь другую часть одѣянія жениха, дабы устыдить азапбаши за отсутствіе бдительности и расторопности въ его обязанностяхъ, а также, чтобы онъ откупился отъ этого какимъ-либо подаркомъ. Во все время обряда одѣванія жениха два мальчика, пришедшіе со стороны посаженнаго отца, стоятъ около жениха съ зажженными „сабельными свѣчами“ въ рукахъ.

Харсихуръ. Послѣ обряда одѣванія жениха всѣ близкіе родственники и почетные гости обыкновенно въ экипажахъ или верхомъ, иногда также пѣшкомъ, вмѣстѣ съ женихомъ и его отцомъ отправляются въ домъ невесты. Въ

первомъ почетномъ экипажѣ сядутся отецъ жениха и посаженный отецъ, во второмъ, всегда украшенномъ живыми цвѣтами и зеленью, женихъ и азапбаши. Въ старину же женихъ долженъ былъ отправляться прямо въ церковь, а нѣкоторые изъ родственниковъ и гостей вмѣстѣ съ его отцомъ направлялись въ домъ невѣсты и приводили ее въ церковь. Бывали также случаи, что невѣсту предварительно приводили въ домъ посаженнаго отца, а оттуда уже на другой день, утромъ рано, до восхода солнца вели къ вѣнчанію.

Въ домѣ невѣсты пришедшіе гости-мужчины сидятъ отдѣльно отъ женщинъ, среди которыхъ находится также невѣста.

Священникъ освящаетъ подвѣчное платье невѣсты. Подруги ея съ пѣніемъ уже разошлись до прихода гостей. Приходитъ посаженная мать, снимаетъ съ головы невѣсты фату и набрасываетъ на нее свою, предварительно три раза обнесши ее вокругъ головы невѣсты. Женщины, пришедшія изъ дома жениха, угощаются кофеемъ, сиропомъ, печеніями и фруктами. Мужчинамъ преподносятъ кофе и водку. Наконецъ азапбаши, по приказанію посаженнаго отца, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ направляется въ женскую половину и торопитъ двинуться въ путь въ церковь. Тогда дружка невѣсты—старуха или кабая-нибудь пожилая женщина—зажигаетъ свѣчи, принесенныя изъ дома посаженнаго отца, и занимаетъ мѣсто непосредственно около невѣсты. Азапбаши со своимъ помощникомъ держатъ невѣсту подъ руки. Подходятъ мать и отецъ невѣсты, благословляютъ и цѣлуютъ ее. Въ этотъ моментъ приближается посаженный отецъ и желаетъ вести невѣсту, но дружка, положивъ руку на голову невѣсты, не позволяетъ, пока отъ посаженнаго отца не получитъ нѣсколько монеть. Какъ только, по полученіи денегъ, дружка отнимаетъ руку свою отъ головы невѣсты, то крестная мать осыпаетъ послѣднюю сверху кишмишомъ или са-

харными сладостями. Посаженный отецъ ведетъ невѣсту въ мужскую половину и ставитъ по правую сторону жениха. Подходить къ нимъ священникъ, соединяетъ ихъ руки и здѣсь же совершаетъ часть обряда бракосочетанія. Въ это время произносятъ рѣчи и поютъ разныя пѣсни. Хоръ поѣзжанъ-товарищей поетъ пѣснь, посвященную жениху, въ которой восхваляются его достоинства. Затѣмъ въ экипажахъ или пѣшкомъ направляются въ церковь. Здѣсь женихъ исповѣдуются, причащается, даются ему интимные совѣты относительно брака и семейной жизни. Невѣсту исповѣдуютъ и причащаютъ за недѣлю раньше. По совершеніи церковнаго обряда, молодымъ даютъ пить по одному стакану вина. Теперь въ селеніяхъ, а въ старину и въ городѣ, на головы молодыхъ набрасываютъ епитрахиль въ знакъ единенія ихъ.

Во время церковнаго обряда женихъ кладетъ незамѣтно отъ другихъ въ руку невѣсты кусокъ припасеннаго заранѣе сахара, дабы „ихъ любовь всегда была сладка“.

Послѣ окончанія церковнаго обряда всѣ присутствующіе гости подходятъ къ молодымъ съ поздравленіями, при чемъ прикладываются къ кресту, висящему на груди жениха, цѣлуютъ его въ лобъ, или же, по новѣйшимъ обычаямъ, жмутъ ему только руку. Затѣмъ женихъ и отдѣльно невѣста направляются къ церковной двери, гдѣ женихъ, повернувшись къ алтарю, три раза кланяется, а всѣ присутствующіе кричатъ: „Богу подарокъ“.

По выходѣ изъ церкви садятся въ экипажи и ѣдутъ въ домъ жениха по совершенно другой дорогѣ. Въ старину женихъ и невѣста садились верхомъ, при чемъ невѣста сидѣла въ объятіяхъ шафера. Нынѣ садятся верхомъ только въ селеніяхъ, а невѣста сидитъ вмѣстѣ съ женихомъ на одной лошади. Этотъ кортежъ сопровождается зурной и огромной толпой любопытныхъ. Въ старину этотъ кортежъ

дорогой въ извѣстныхъ пунктахъ останавливался; при этомъ женихъ поворачивалъ лошадь въ сторону церкви, разбрасывалъ кругомъ на окружавшую толпу полную горсть мелкихъ монетъ.

Дорогой, при прохоженіи картежа мимо домовъ родственниковъ и пріятелей жениха, послѣдніе, останавливая свадебную процессію, угощаютъ всѣхъ фруктами и напитками.

Наконецъ, всѣ подъѣзжаютъ къ дому жениха. Тогда въ воротахъ, передъ женихомъ и невѣстой, у ихъ ногъ, закалываютъ жертвеннаго барана или курцу; кровью ихъ дѣлаютъ крестные знаки на арочномъ камнѣ воротъ и на порогѣ. Женихъ, наступая ногой на этотъ крестъ, входитъ внутрь; невѣста слѣдуетъ непосредственно за нимъ, при чемъ обязательно переступаетъ правой ногой порогъ, дабы ея вступленіе въ новый домъ было счастливымъ. Въ это время молодые поѣзжане-товарищи жениха начинаютъ пѣть комическія пѣсни и вызывать изъ комнаты мать жениха; она по обычаю остается дома. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ куплетовъ:

Мать жениха, выходи!
Мы привели тебѣ метельщицу дома,
Истопницу тонира,
Доильщицу коровъ.
.....
Мы привели тебѣ озернаго гуся
Съ десятпаршиннымъ языкомъ..."

и т. д.

Мать жениха, услышавъ пѣсни и держа въ рукахъ или на головѣ блюдо съ горящими свѣчами и съ фруктами, выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ и, танцуя, идетъ навстрѣчу молодымъ. Поцѣловавъ ихъ, она ведетъ ихъ въ комнату невѣсты. Здѣсь священникъ начинаетъ духовное пѣснопѣніе.

При прохожденіи молодыхъ черезъ комнатный порогъ, подъ ихъ ноги кладутъ 2 тарелки; женихъ, топнувъ ногой, разбиваетъ тарелки, чтобы такъ же уничтожилась нечистая сила. Въ селеніяхъ разбиваютъ при этомъ глиняную миску, приговаривая громко: „Да разобьется миска; да здравствуетъ женихъ!“

Молодые входятъ въ женскую половину, и послѣ короткаго пребыванія здѣсь женихъ выходитъ въ мужскую половину къ своимъ гостямъ. Въ селеніяхъ жениха и невѣсту усаживаютъ на особо приготовленныхъ „тронахъ“.

Немного погодя, всѣхъ присутствующихъ угощаютъ ужиномъ, сначала мужчинъ, а затѣмъ женщинъ. Въ старину по существовавшему обычаю священникъ благословлялъ первый задравный стаканъ вина, передавалъ первому почетному гостю за столомъ, послѣ чего гости уже получали право пить вино. Но такъ какъ изъ-за этого происходили невольныя ошибки и недоразумѣнія на почвѣ вопроса о первенствѣ гостя, доходящія иногда до пререканій и даже до ссоръ и дракъ, то по постановленію мѣстнаго духовнаго начальства этотъ обычай упраздненъ, и первый стаканъ вина, послѣ благословленія его священникомъ, выливаютъ обратно въ кувшинъ, дабы вино сдѣлалось достояніемъ не одного лица, а всѣхъ присутствующихъ гостей.

Нынѣ вошло въ обычай за ужиномъ выбрать „тамаду“, председателя, который руководитъ пирушкой, произнося рѣчи и предлагая задравные тосты сначала за молодыхъ, затѣмъ отдѣльно за ихъ родителей и посаженнаго отца; послѣ этихъ трехъ обязательныхъ тостовъ приступаютъ пить за здоровье всѣхъ присутствующихъ гостей, въ отдѣльности упоминая каждаго.

Даже въ городѣ употребленіе вилокъ и ножей еще не распространилось вездѣ; кушанья подаются не каждому отдѣльно, а на каждыя 5—10 лицъ въ одномъ блюдѣ, откуда ку-

шавья берутъ прямо руками. Вотъ почему установился хорошій обычай предъ и послѣ обѣда обязательно мыть руки. Для этой цѣли прислуга или дочери семейства съ ручнойникомъ и полотенцемъ обходятъ поочереды всѣхъ присутствующихъ, предлагая имъ мыть руки.

Предлагается ужинъ также въ домѣ невѣсты тѣмъ гостямъ и приглашеннымъ, кои пришли днемъ для торжественной встрѣчи жениха и гостей, прибывшихъ съ нимъ для увода невѣсты. Однако на этомъ ужинѣ, не носящемъ такого торжественнаго характера, не бываетъ обычнаго веселія и пирушки, такъ какъ всѣ домашніе невѣсты настроены грустно, а мать ея даже проливаетъ слезы.

Утренняя церемонія. Этотъ обычай въ городѣ уже не соблюдается; держится онъ еще лишь въ селеніяхъ. На другой день свадьбы, утромъ рано на зарѣ, еще до восхода солнца новобрачные въ сопровожденіи своихъ молодыхъ товарищей и друзей, а также присутствующихъ гостей, подъ звуки музыки, поднимаются на кровлю дома, или на какое-нибудь возвышенное мѣсто, откуда можно хорошо наблюдать восходъ солнца. При этомъ часто молодыхъ сопровождаетъ также священникъ въ облаченіи. Новобрачные держатся за концы платка и стоятъ съ лицами, обращенными къ востоку. Зурна продолжаетъ играть, а друзья и молодые люди ведутъ вокругъ жениха и невѣсты хороводъ, сопровождая свои танцы пѣснями, въ коихъ обращаются къ солнцу, испрашивая счастье и радость для новобрачныхъ. Несомнѣнно въ этихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и обычаяхъ встрѣчи восхода солнца сохранились явные остатки солнцепоклоненія. Въ концѣ хоровода при появленіи утренняго солнца священникъ, если онъ присутствуетъ, набрасываетъ свою ризу на жениха, даетъ ему въ руки Евангеліе и читаетъ молитву, благословляя молодыхъ.

Приданое. На слѣдующій день послѣ вѣнчанія изъ дома невѣсты въ сопровожденіи одной старухи приносятъ приданое, которое распаковываютъ и показываютъ присутствующимъ гостямъ. Сопровождавшую старуху одариваютъ при этомъ деньгами. Приданое состоитъ изъ сундука, въ которомъ уложено нѣсколько паръ костюмовъ, украшеній и разные подарки, а главнымъ образомъ носки, предназначенные для родителей жениха и близкихъ его родственниковъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что приданое готовятъ родители, а именно мать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ городѣ теперь входитъ въ обычай давать приданое деньгами или недвижимымъ имуществомъ.

Снятіе вѣнца. На другой день послѣ вѣнчанія священникъ приходитъ въ домъ жениха и совершаетъ обрядъ такъ называемаго „снятія вѣнца“. Молодые супруги стоятъ рядомъ по обѣимъ сторонамъ подушки, лежащей на землѣ, склоняютъ головы, на которыя священникъ набрасываетъ епитрахиль. Послѣ произнесенія опредѣленныхъ молитвъ, онъ снимаетъ епитрахиль, и съ груди жениха крестикъ, который онъ повѣсилъ наканунѣ въ церкви при вѣнчаніи.

Въ старину вмѣсто этого господствовалъ обычай „ломать урць“; „урць“—это украшеніе, сдѣланное изъ палочекъ, нитокъ разноцвѣтныхъ и т. п. наподобіе искусственнаго дерева.

Брачная ночь. Въ ночь снятія вѣнца, послѣ ужина, молодой уединяется въ комнату, гдѣ приготовлена брачная постель, возлѣ которой на столикѣ разставлены бутылка вина, медъ и др. сладости.

Всѣ старшіе члены семьи идутъ спать къ себѣ, а невѣстки ведутъ молодую, подъ предлогомъ показать ей всѣ комнаты дома, и при этомъ незамѣтно приводятъ въ спальню, послѣ чего поодиночкѣ удаляются, оставивъ ее одну вмѣстѣ съ мужемъ. Послѣдній приближается къ ней и пытается заговорить съ ней; но послѣдняя, какъ вкопаная, стоитъ,

не проронивъ ни единого звука, пока не получить отъ мужа подарка, какъ, напр. нѣсколько золотыхъ монетъ или дорогихъ украшеній. Послѣ робкаго и безсвязнаго разговора слѣдуетъ угощеніе. Новобрачные пьютъ вино изъ одного стакана въ знакъ ихъ единенія, отвѣдываютъ сладостей и фруктовъ, дабы ихъ совмѣстная жизнь была такою же сладкою.

Доказательство дѣвственности невѣсты строго требуется какъ со стороны родителей жениха, такъ и въ особенности со стороны послѣдняго. Бывали случаи, когда невѣсты, не оказавшихся дѣвственными, съ оскорбленіями и униженіями отправляли обратно въ домъ ея родителей.

Новобрачная встаетъ послѣ первой брачной ночи очень рано, отправляется къ свекру, одѣваетъ его, наливаетъ изъ рукомойника ему воду и подаетъ полотенце. Свекоръ даетъ ей золотую монету, а свекровь, въ свою очередь, также одариваетъ ее какъ бы для „смотрѣнія лица“.

Иногда отъ волненія или нервнаго состоянія жениха или отъ другихъ какихъ-либо причинъ не совершается coitus. Въ такомъ случаѣ всѣ думаютъ, что „злыя силы“ наложили свои „связки“ и мѣшаютъ брачнымъ сношеніямъ. Вслѣдствіе этого домашніе прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ, дабы отогнать „злыя силы“, какъ-то: стрѣляютъ изъ ружей въ то время, когда молодые приготавливаются къ брачному ложу; этимъ думаютъ испугать дьяволовъ; какъ во время свадьбы, такъ и въ первую брачную ночь всѣ пуговицы на молодомъ оставляютъ не застегнутыми, и при этомъ въ карманѣ его хранится замокъ, отворяемый только въ первую ночь на брачномъ ложѣ. Для предотвращенія молодыхъ отъ вліянія злого глаза и „злыхъ силъ“ употребляли *урцъ* (см. дальше), который со дня свадьбы до первой брачной ночи носили всегда передъ женихомъ и невѣстой.

Омовеніе новобрачной. На слѣдующій день послѣ брачной ночи всѣ пожилыя женщины изъ дома жениха и родственницы невѣсты купаютъ молодую. По краямъ большого корыта, угрѣпляютъ зажженные свѣчи, затѣмъ семь разъ отдергиваютъ въ правую сторону фату молодой, въ знакъ того, что этимъ какъ бы развязываютъ семиузловую завязку, раздѣваютъ и сажаютъ новобрачную въ вышеупомянутую ванну; при чемъ стараются испытать ея покорность и цѣломудріе; для этого обливаютъ ее то холодною, но горячей водою. Если невѣста заранѣе не предупреждена своей матерью объ этомъ и сдѣлаетъ невольное движеніе или испуститъ крикъ, то ее считаютъ непокорной и нецѣломудренной.

Чествованіе родителей новобрачной. Черезъ 3—4 дня отецъ жениха приглашаетъ родителей невѣсты съ ихъ родственниками къ себѣ въ гости. Отецъ молодой, пригласивъ съ собой всѣхъ своихъ знакомыхъ и близкихъ родственниковъ—около 10—20 лицъ, направляется въ домъ молодого, гдѣ они принимаются съ большимъ торжествомъ и почетомъ. Послѣ обильнаго ужина родителю и близкимъ родственникамъ молодой представляется возможность видѣться и бесѣдовать съ послѣдней наединѣ.

Въ этотъ же самый день утромъ молодой вмѣстѣ съ азапбаши и неженатыми товарищами своими въ сопровожденіи зурны посѣщаетъ дома своихъ родственниковъ, гдѣ угощаютъ ихъ шашлыкомъ, виномъ и фруктами. Очень часто товарищи молодого при такихъ визитахъ напиваются и дѣлаютъ разныя требованія относительно вина и др. яствъ.

По истеченіи 2 недѣль наступаетъ очередь приглашенія родителей и родственниковъ жениха отцомъ невѣсты. Посѣщеніе совершается съ большей торжественностью и сопровождается угощеніемъ.

Возвращеніе. Матери и ближайшія родственницы новобрачныхъ не имѣютъ права въ теченіе перваго года взаимно

навѣщать другъ друга. Поэтому мать и сестры съ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія невѣсты домой, чтобы лично услышать и узнать объ истинномъ ея положеніи при новыхъ семейныхъ условіяхъ.

Это возвращеніе, по принятому издавна обычаю, имѣеть мѣсто въ день Вербнаго воскресенія, Вознесенія, Успенія Богородицы, и всякій разъ пребываніе молодой въ домѣ родителей длится всего 15 дней. Въ назначенный день изъ дома родителей молодой отправляется въ домъ молодыхъ супруговъ женщина съ „съ привѣтствіями“, состоящими изъ подарковъ, главнымъ образомъ изъ печеній и фруктовъ; равнымъ образомъ, родители жениха вмѣстѣ съ молодой посылають подобныя же „привѣтствія“. При „возвращеніи“, свекровь и свекоръ шьютъ для невѣсты новое платье, а родители ея дарятъ какое-либо украшеніе. Обычай строго запрещаетъ молодому супругу посѣщать свою жену въ домѣ родителей по ея „возвращеніи“, а разрѣшается только въ торжественные праздники, какъ-то въ день Пасхи и др. посѣтить ее и то съ подарками. По этому поводу какъ домашніе, такъ и сосѣли обыкновенно острятъ и насмѣхаются надъ молодымъ; когда молодая согласно обычаю возвращается къ своимъ родителямъ, поютъ шутивыя пѣсни и дразнятъ молодого супруга.

Роды и крестины.

Безплодіе. Положеніе женщины, не рождающей дѣтей, крайне тяжелое. Не изслѣдовавъ причины безплодія, откуда оно исходитъ, отъ мужа ли, или отъ жены, начинаютъ послѣднюю ругать, проклинать и даже преслѣдовать. Вслѣдствіе этого безплодная жена прибѣгаютъ ко всякимъ средствамъ съ цѣлью имѣть ребенка. Отправляются на богомолье къ различнымъ святынямъ, часовнямъ, гдѣ приносятъ въ

жертву пѣтуха, барашка, зажигаютъ свѣчи, усердно молятся, при чемъ намѣренно крадутъ отсюда какую-нибудь вещицу, унося ее съ собой.

Если ихъ мольба исполнится, и онѣ родятъ ребенка, то возвращаютъ украденную вещь вдвойнѣ; если же нѣтъ, то по истеченіи опредѣленнаго срока возвращаютъ одну только краденую вещицу.

Ребенку, рожденному подъ сѣнью святыни, къ помощи которой обращались, даютъ имя этого же святого или же Крестостуръ (т. е. Христофоръ), Тиратуръ, Аствацатуръ (т. е. Богданъ). Крещеніе происходитъ въ соответственномъ монастырѣ или часовнѣ.

Для рожденія ребенка и исцѣленія отъ безплодія прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ:

Безплодную женщину проводятъ 3 раза черезъ камни съ отверстіями *).

Отправляются на поклоненіе къ „семи тоирамъ Лезки“.

Абортъ. Случаи умерщвленія плода или аборта бываютъ рѣдко и то лишь при незаконномъ сожителствѣ. При абортѣ примѣняютъ слѣдующія средства:

- 1) Хватаютъ руками очень тяжелыя вещи.
- 2) Прыгаютъ съ высокаго мѣста.
- 3) Пьютъ воду, смѣшанную съ золой, чтобы вызвать рвоту.
- 4) Массируютъ животъ.

Дабы глаза будущаго ребенка не были косыми или кривыми, стараются исполнить всѣ кауризы роженницы относительно ѣды и питья. Рассказываютъ, что однажды роженница со своимъ мужемъ возвращалась верхомъ домой отъ родителей. Дорогой она въ грязь замѣчаетъ зерно отъ граната и вопреки желанію мужа слѣзаетъ съ коня, чтобы подобрать это

---

*) Остатки культа *ктемса*?

зерно, послѣ чего съѣдаетъ его. Мужъ, вышедшій изъ себя отъ алчности жены, вилжаломъ разрубаешь ей животъ и что же видишь: зерно находилось во рту утробнаго ребенка.

Для опредѣленія пола не родившагося младенца примѣняютъ слѣдующее.

1) Беременная женщина кладетъ на ладонь найденную на себѣ вошь, посыпаетъ ее немного землей и слѣдитъ: если вошь сумѣетъ вылѣзть черезъ верхнюю часть кучки земли, то будущій ребенокъ будетъ мальчикомъ, если жѣ вошь выйдетъ сбоку, то будетъ дѣвочка.

2) При печеніи хлѣба бросаютъ комокъ тѣста въ то-ниръ и наблюдаютъ: если тѣсто опухаетъ безъ трещинъ и не треска, то будетъ мальчикъ.

3) Если пупокъ у беременной женщины обращенъ къверху, то ребенокъ будетъ мужскаго пола, а если кънизу — то женскаго.

4) Если концы сосковъ у роженицы имѣютъ черныя цвѣты, то родится мальчикъ, а если бѣлыя — дѣвочка.

5) Если сѣдалище женщины широкое, то родится мальчикъ, а если узкое — дѣвочка.

6) Если лицо беременной женщины радостное, то будетъ мальчикъ, а если кислое и грустное — дѣвочка.

7) Если животъ имѣетъ круглую форму, то родится мальчикъ, а если животъ повисъ, дѣвочка.

8) Если въ утробѣ матери ребенокъ скоро взыграетъ, то родится мальчикъ, если же поздно — дѣвочка.

9) Если плодъ замѣтенъ по правой сторонѣ живота, то будетъ мальчикъ, а по лѣвой — дѣвочка.

10) Когда беременная женщина найдетъ булавку, то будетъ плодъ мужскаго пола, если же иголку — женскаго.

11) Если беременная женщина, садясь, растопыриваетъ ноги, то будетъ имѣть дѣвочку.

12) Если беременная женщина имѣетъ легкія движенія, быструю походку и прямую осанку, то у нея родится мальчикъ, въ противномъ же случаѣ—дѣвочка.

13) Изъ груди беременной женщины выдавливаютъ одну капельку молока въ стаканъ съ водой, и если при этомъ капля садится на дно стакана, то ребенокъ будетъ мужскаго пола, если же остается на поверхности воды, то женскаго пола.

14) Иногда внезапно крикнуть беременной женщинѣ: „почему у тебя грязныя руки!“ и слѣдять: если при этомъ она посмотритъ на наружную сторону рукъ, то родится мальчикъ, если же посмотритъ на ладонь—дѣвочка.

15) Въ Ванѣ вороженъ предсказываютъ полъ будущаго ребенка слѣдующимъ образомъ: складываютъ число буквъ именъ родителей и знака Зодіака, когда имѣло мѣсто зачатіе; если эта сумма окажется четнымъ числомъ, то рожденіе будетъ женскаго пола, если же число окажется нечетнымъ, то родится мальчикъ.

16) Вообще господствуетъ твердое убѣжденіе, что если супругъ сравнительно со своей женой болѣе энергиченъ, ростомъ нѣсколько ниже и полнѣе, то ихъ дѣти преимущественно будутъ мужскаго пола, въ противномъ случаѣ—женскаго.

Въ надеждѣ придать будущимъ своимъ дѣтямъ опредѣленныя способности и характерныя свойства прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ:

1) Крадутъ яйцо, варятъ и тайкомъ съѣдаютъ на улицѣ, при чемъ прикладываютъ палецъ къ щекамъ, приговаривая: „въ этихъ мѣстахъ желаю ямочекъ“.

2) Отправляются къ Ванскому озеру, пьютъ воду—дабы глаза будущаго ребенка были голубые, а волосы свѣтлыя.

3) На святыхъ моплахъ забираютъ землю и кладутъ себѣ въ ротъ, дабы на груди у ребенка подъ сосками появились родимыя пятна.

4) Вѣря, что ребенокъ перенимаетъ характеръ и свойства тѣхъ лицъ, передъ которыми взыграетъ въ утробѣ матери, послѣдняя старается окружать себя хорошими людьми.

Роды. Всѣ вообще относятся съ большою почтительностью къ беременной матери, такъ какъ, по господствующему мнѣнію, она, во-первыхъ, стоитъ передъ ожидаемымъ счастьемъ и, во-вторыхъ, подвергается опасности смерти при неудачныхъ родахъ.

Дѣйствительно, хотя ванскія женщины легко рожаютъ, но, благодаря невѣжеству бабокъ и разнымъ суевѣрнымъ обычаямъ, роды очень часто кончаются тяжелыми послѣдствіями. По этой-то причинѣ при приближеніи времени родовъ, несчастныя женщины приготавливаются итти навстрѣчу смерти и причащаются.

При наступленіи родовыхъ потугъ приглашается бабка, а если это первые роды, то—и мать невѣсты. Ни въ Ванѣ ни тѣмъ болѣе въ провинціи нѣтъ ни одной акушерки, или образованной повивальной бабки.

Первымъ дѣломъ бабки—взять желѣзный пруть (вертелъ) и провести имъ кресты по 4-мъ стѣнамъ комнаты, дабы изгнать злыхъ духовъ и домовыхъ, которые всячески стараются причинить несчастье роженицѣ. Затѣмъ, положивъ упомянутый желѣзный пруть въ руки роженицы, бабка начинаетъ причитывать особыя молитвы и заклинанія. Послѣ молитвы бабка усаживаетъ роженицу на корточки лицомъ къ востоку, хотя есть теперь также бабки, которыя считаютъ большимъ грѣхомъ направлять лицо къ востоку. Двѣ другія женщины также садятся на корточки передъ роженицей, поддерживая ее за колѣни и руки, а сама бабка са-

дится на корточки сзади роженницы, прижимаетъ ягодицы, дабы не разорвался задній проходъ, и со всей осторожностью принимаетъ показывающагося на свѣтъ ребенка. При этомъ бабка постоянно читаетъ молитвы, призывая на помощь различныхъ святыхъ и разныхъ святыни, а также ангеловъ, луну, звѣзды и пр.

Если роды совершаются очень трудно, то для облегченія ихъ прибѣгаютъ къ сѣдующимъ мѣрамъ:

1) Если случится лицо, переходившее когда-либо рѣку Ефратъ, то его просятъ три раза дунуть въ ротъ роженницы и дать ей пить воду изъ подола своего платья.

2) Приводятъ кобылу къ дверямъ и говорятъ послѣдней: „Рожай поскорѣй, а то родить лошадь!“.

3) Когда при сильныхъ потугахъ съ роженницей случится обморокъ, то даютъ ей въ руки четки, сдѣланныя изъ косточекъ маслинъ, принесенныхъ изъ Иерусалима.

4) Если это не помогаетъ, то начинаютъ стрѣлять изъ ружей, бьютъ въ мѣдную посуду и котелъ, кричать, пищать, дергаютъ за носъ роженницу, даютъ ей пощечину, такъ какъ нечистые духи „алкъ“ проникли въ тѣло роженницы и хотятъ у нея отнять и унести печень. Такими средствами думаютъ запугать злыхъ духовъ и выгнать вонъ. Съ этою же цѣлью кладутъ возлѣ роженницы саблю, кинжалъ и желѣзный пруть, Евангеліе, тревникъ, разные талисманы, какъ предметы, которыхъ не выносятъ злые духи, и потому убѣгаютъ отъ нихъ въ большомъ страхѣ, а, наоборотъ, ангелы-хранители съ огненной саблей въ рукѣ являются съ помощью и, преслѣдуя злыхъ духовъ, приводятъ роженницу къ сознанію.

При началѣ родовыхъ потугъ ангелъ спускается къ роженницѣ, собираетъ всѣ ея грѣхи въ мѣшокъ и вѣшаетъ надъ ея головой; когда же она родила ребенка, то ангелъ вновь высыпаетъ изъ мѣшка грѣхи на голову роженницы.

Поэтому въ самый критическій моментъ родовъ бабка и двѣ другія женщины не отстаютъ отъ несчастной роженицы, твердя, что она въ этотъ моментъ праведная и потому должна непременно ихъ благословить.

Ребенокъ рождается, по господствующему мнѣнію народа, черезъ 9 мѣсяцевъ, 9 дней, 9 часовъ и 9 минутъ послѣ момента зачатія.

При появленіи на свѣтъ новорожденнаго, архангелъ Гавріилъ спускается къ нему, пишетъ на его лбу будущую его судьбу и посыпаетъ горсть земли, чтобы появившійся на свѣтъ ребенокъ умеръ въ той странѣ, куда попадетъ эта земля. Поэтому про людей, умершихъ на далекой чужбинѣ или у себя на родинѣ, говорятъ, что „земля притянула его на вѣчный покой къ себѣ“.

При появленіи на свѣтъ новорожденнаго, бабка отрѣзываетъ его пупокъ, предварительно потребовавъ отъ родителей подарковъ. Пупокъ первороднаго ребенка отрѣзываютъ на подолѣ бездѣтной женщины, чтобы такимъ путемъ вылѣчить послѣднюю отъ безплодія. Пупокъ новорожденнаго, если онъ женскаго пола, бросаютъ въ кладовую, дабы дѣвочка впослѣдствіи была хорошей хозяйкой, а если онъ мужскаго пола, то бросаютъ въ церкви, чтобы изъ мальчика впослѣдствіи вышелъ хорошій пѣвецъ или діаконъ.

Иногда кровью отъ отрѣзаннаго пупка мажутъ по щекамъ ребенка, чтобы онъ былъ всегда краснощекимъ.

Если плацента не опадаетъ скоро, то окуриваютъ ее сѣрой, а роженицу заставляютъ стоять такъ, чтобы огонь съ сѣрой находился между ея ногами. Въ то же время надавливаютъ животъ роженицы.

Послѣ отрѣзанія пупка роженицу укладываютъ на золу или землю, которую мѣняютъ черезъ каждые 2 часа; въ такомъ положеніи роженица лежитъ одинъ или два дня. Въ это же время обвязываютъ ея животъ шалью или платкомъ,

чтобы не произошли какія-либо поврежденія, а голову укутываютъ платкомъ для защиты отъ простуды.

Послѣ родовъ не позволяютъ роженицѣ спать, чтобы злые духи не унесли ея печень.

Бабка послѣ этого принимается за омовеніе новорожденнаго. Она наливаетъ въ корыто воды, бросаетъ туда двѣ горсти соли, разбиваетъ 2 или 3 яйца, затѣмъ все это сбиваетъ, образуя пѣну, и наконецъ купаетъ ребенка, при чемъ посыпаетъ ему солью голову, подъ мышками, подъ ногами; послѣ всего этого крѣпко пеленаетъ его.

Послѣ купанія и пеленанія бабка беретъ въ свои объятія новорожденнаго, и, положивъ его на постель роженицы, приговариваетъ:

„Скажи, кто легче: я или ты?“ Роженица отвѣчаетъ: „Я!“

„Да пройдетъ все легко!“ возражаетъ бабка.

Повторивъ все это три раза, бабка укладываетъ ребенка возлѣ матери съ правой стороны.

Начинается постоянное ухаживаніе за роженицей: даютъ ей 3 косточки отъ чернухи (*Nigella*), которыя она съѣдаетъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ для изгнанія всякихъ бѣсовъ; послѣ этого даютъ ей кушать такъ наз. „ахру“, приготовленную изъ масла и женой пшеничной муки, а затѣмъ уже чай, шербетъ съ сахаромъ, молоко.

Между тѣмъ дѣти изъ дому бѣгутъ къ ближайшимъ родственникамъ съ поздравленіями и пріятнымъ извѣстіемъ о счастливыхъ родахъ. Дѣтямъ за это даютъ маленькіе подарки. Всѣ родственники и знакомые, оповѣщенные объ этомъ событіи, приходятъ навѣстить родильницу, принося въ подарокъ лимонъ, гранатъ, яблоко, цвѣты и пр.

Въ это время въ домѣ господствуетъ большое оживленіе и веселье, въ особенности если новорожденный мужескаго пола. Бабка начинаетъ громко распѣвать по поводу счастли-

выхъ родовъ и высказывать благопожеланія родителямъ, новорожденному и т. д. По окончаніи пѣсни она беретъ хлѣбъ, кладетъ на животъ роженицы, а затѣмъ, переломивъ на два куска, бросаетъ собакѣ, чтобы всѣ болѣзни и несчастья отъ родильницы перешли къ собакѣ. Гости даютъ бабѣ денежные подарки; она же растроганная и польщенная этими подарками съ большимъ еще рвеніемъ восхваляетъ роженицу, въ особенности, если родился мальчикъ; въ противномъ случаѣ какъ она, такъ и гости молчатъ и даже начинаютъ утѣшать мать, что „моль ничего, если она родила на этотъ разъ дѣвочку: Богъ дастъ слѣдующій разъ она будетъ имѣть сына“.

Чтобы имѣть дѣтей мужескаго пола, прибѣгаютъ къ слѣдующимъ суевѣрнымъ средствамъ:

1) Когда невѣста во время свадьбы первый разъ переступаетъ порогъ дома жениха, то даютъ ей въ объятія мальчика.

2) При купаніи новорожденнаго, если онъ мальчикъ, то въ котлѣ оставляютъ немного воды; если же дѣвочка, то всю воду выливаютъ на нее, а котелъ ставятъ вверхъ дномъ; кружку же разбиваютъ подъ нимъ, чтобы такимъ образомъ прекратилось рожденіе дѣвочекъ.

Имя для нареченія новорожденнаго выбираютъ обыкновенно старшіе члены семьи, совѣтуясь часто съ родителями его, если только новорожденный „не принесъ имени съ собой“ или если одинъ изъ членовъ семьи „не придалъ ему своего солнца“. Первый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда день рожденія ребенка совпадаетъ съ календарнымъ днемъ какого-нибудь святого, а второй—если приходится почитать память какого-либо умершаго члена семьи, называя его именемъ новорожденнаго.

Крещеніе. Ребенка крестятъ черезъ 3—8 дней послѣ рожденія, преимущественно въ воскресные или праздничные

дни. Въ день крестинъ утромъ рано мать ребенка купается только нижней половиной тѣла, а бабка купаетъ ребенка; затѣмъ, взявъ съ собою маленькую голову сахару и пару носковъ для подарка крестному отцу, направляется къ нему съ приглашеніемъ пожаловать въ церковь.

Въ этомъ краѣ званіе крестнаго отца переходитъ по потомству отъ одного къ другому. Неудивительно, что оно пользуется исключительнымъ почетомъ. Мать крестника относится къ крестному съ крайнимъ подобострастіемъ, не смѣетъ съ нимъ даже говорить, подобно тому какъ она въ качествѣ невѣстки не говоритъ со свекромъ, деверями и др. По извѣстнымъ праздникамъ мать ребенка обязательно посылаетъ крестному отцу подарки и взаимно получаетъ таковые.

Въ день крестинъ бабка въ сопровожденіи двухъ старыхъ женщинъ несетъ ребенка въ церковь, взявъ съ собой также два хлѣба и кусокъ сыра для подарка пономарю и 3—5 „гурушъ“ (монеты) для священника.

Въ церкви бабка раздѣваетъ ребенка, закутываетъ его въ бѣлье, принесенное крестнымъ отцомъ, и передаетъ въ руки послѣдняго, такъ чтобы голова ребенка покоилась на правой его рукѣ.

Послѣ окончанія таинства крещенія священникъ въ полномъ облаченіи и съ духовными пѣснопѣніями входитъ въ домъ родильницы; за нимъ слѣдуетъ крестный отецъ, держа ребенка въ объятіяхъ, со свѣчами въ рукахъ. При входѣ послѣднихъ мать встаетъ съ мѣста, а затѣмъ опять садится на постель. Крестный отецъ передаетъ ребенка матери, которая три раза преклоняется предъ нимъ и затѣмъ укладываетъ ребенка возлѣ себя по правую руку.

Въ старину, и нынѣ также въ нѣкоторыхъ глухихъ селеніяхъ, изъ церкви приносила ребенка домой одна только бабка, безъ священника, и клала его по правую руку матери на снѣгъ. Приглашенные на крестины гости цѣловали

въ лицо ребенка и оставляли по 10—40 парá (мѣдныя монеты) въ даръ бабкѣ.

Возвратившись домой изъ церкви, бабка, съ новокрещеннымъ ребенкомъ въ рукахъ, садилась на первомъ порогѣ дома, симулируя этимъ актъ естественнаго отправления, дабы ребенокъ не особенно часто испражнялся. Когда ребенка клали на сито, то приносили металлическій пестикъ со ступкой, производя около ушей громкій шумъ и звонъ, чтобы ребенокъ привыкъ вообще къ шуму и часто не пробуждался. При этомъ, если ребенокъ женскаго пола, приносили покрывку отъ кувшина и клали три раза на ротъ новокрещенной, чтобы она была молчаливой, а не болтуней.

Послѣ крещенія бываетъ званый обѣдъ, въ которомъ сначала участвуютъ мужчины, а затѣмъ женщины.

Снятие мѹра. Черезъ три дня по крещеніи совершается обрядъ снятія мѹра. Бабка купаетъ ребенка сначала въ чистомъ корытѣ, при чемъ умываетъ лишь тѣ части тѣла, кон помазаны мѹромъ, а затѣмъ уже его купаетъ въ ваннѣ; по окончаніи этой церемоніи поднимаетъ ребенка три раза, беря его за голову, приговаривая разныя пожеланія.

Воду эту выливаютъ въ чистомъ углу дома, и когда оскверняется какая-нибудь посуда, то берутъ землю изъ этого угла и ею очищаютъ посуду.

Иногда такую воду выливаютъ гдѣ-нибудь подъ родникомъ или въ отдаленномъ недоступномъ мѣстѣ.

Въ случаѣ когда ребенокъ умираетъ, не принявъ крещенія, несутъ въ церковь одинъ крестъ, даютъ его освятить священнику и приносятъ домой. Здѣсь всѣ присутствующіе поочередно цѣлуютъ крестъ, кладутъ на грудь умершаго ребенка, пеленаютъ его и передаютъ попомарю, чтобы тотъ отнесъ для погребенія на кладбище.

Если ребенокъ родится мертвымъ, то родители немедленно несутъ въ церковь одинъ крестъ, который освящается мѹро-

Дѣлають также различныя предсказанія, смотря и въслѣдую различныя части тѣла ребенка:

Если затылокъ слишкомъ углубленный, ребенокъ имѣеть завистливый характеръ.

Если лобъ высокій, широкій и выпуклый, то ребенокъ очень талантливъ.

Если руки всегда сжаты, то будетъ жаднымъ и скупымъ.

Уходъ за ребенкомъ. Новорожденнаго въ первую ночь не кормятъ грудью.

Предъ тѣмъ какъ первый разъ кормить ребенка мужескаго пола грудью, посыпають сахарный песокъ на кончикъ ножа и проводятъ по устамъ ребенка, говоря: „Да будетъ твое слово острымъ, языкъ сладкозвучнымъ!“ Также кладутъ на уста книгу, чтобы онъ былъ грамотеемъ, или кладутъ кусокъ хлѣба, чтобы мальчикъ былъ счастливымъ.

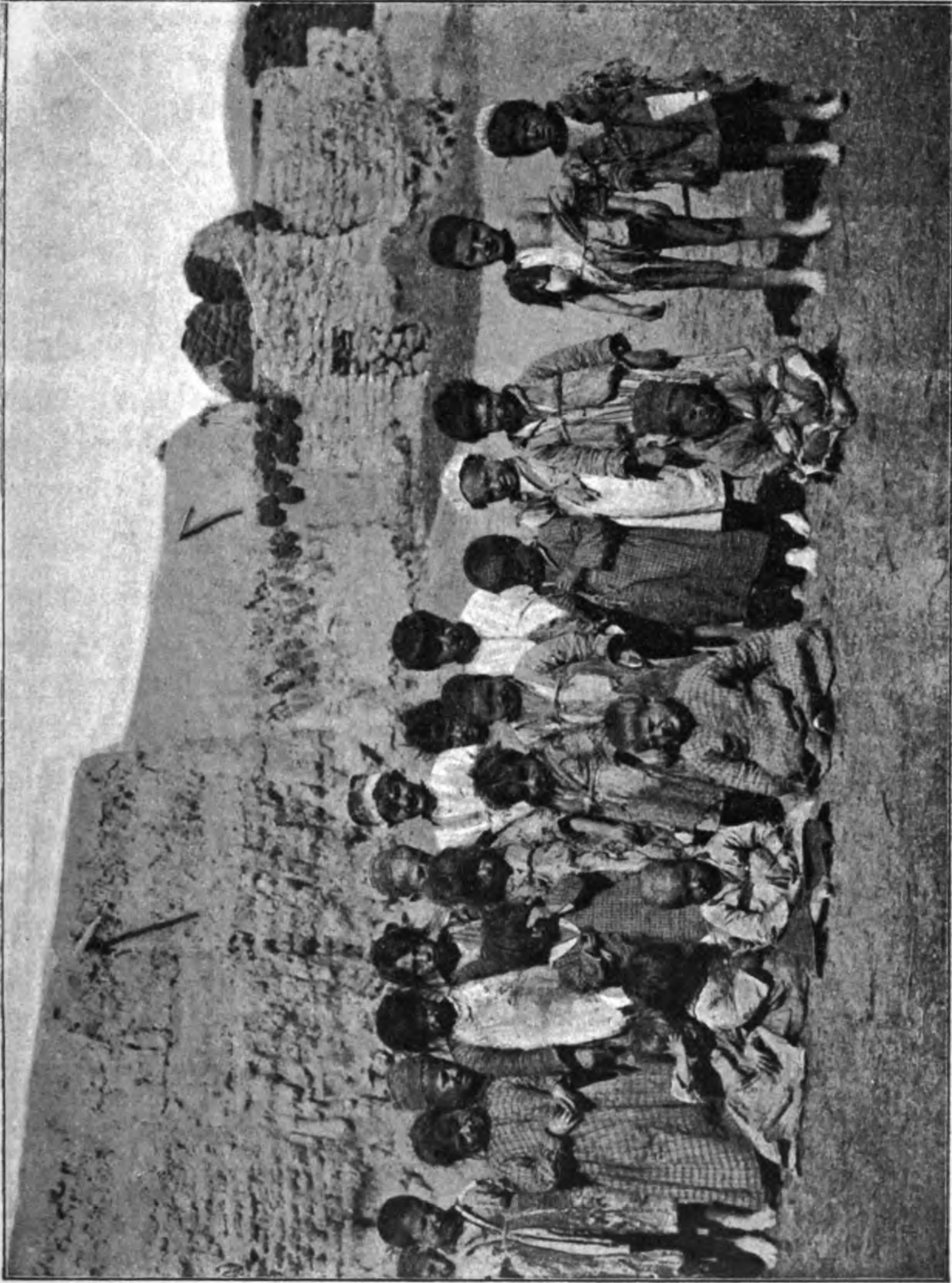
Мать сначала выжимаетъ нѣсколько капель молока, а затѣмъ уже приступаетъ къ кормленію правой грудью.

Для увеличенія въ груди молока примѣняютъ слѣдующія средства:

Матери, страдающія скудостью молока, взявъ съ собой хлѣба, сыра, вареныхъ зеренъ, ладанъ и свѣчи, вмѣстѣ направляются къ святыню, наз. Катнахбюръ (Молочный родникъ); здѣсь на вершинѣ родника зажигаютъ свѣчи, передъ родникомъ курятъ ладаномъ и свои груди моютъ водой родниковой, выпиваютъ воду и здѣсь же кормятъ принесенныхъ съ собой дѣтей, но уже не собственныхъ, а берутъ у какой-нибудь другой пришедшей съ ними женщины. Затѣмъ всѣ садятся вмѣстѣ и сѣдаютъ принесенныя яства, остатокъ же оставляютъ на вершинѣ родника, послѣ чего всѣ возвращаются домой.

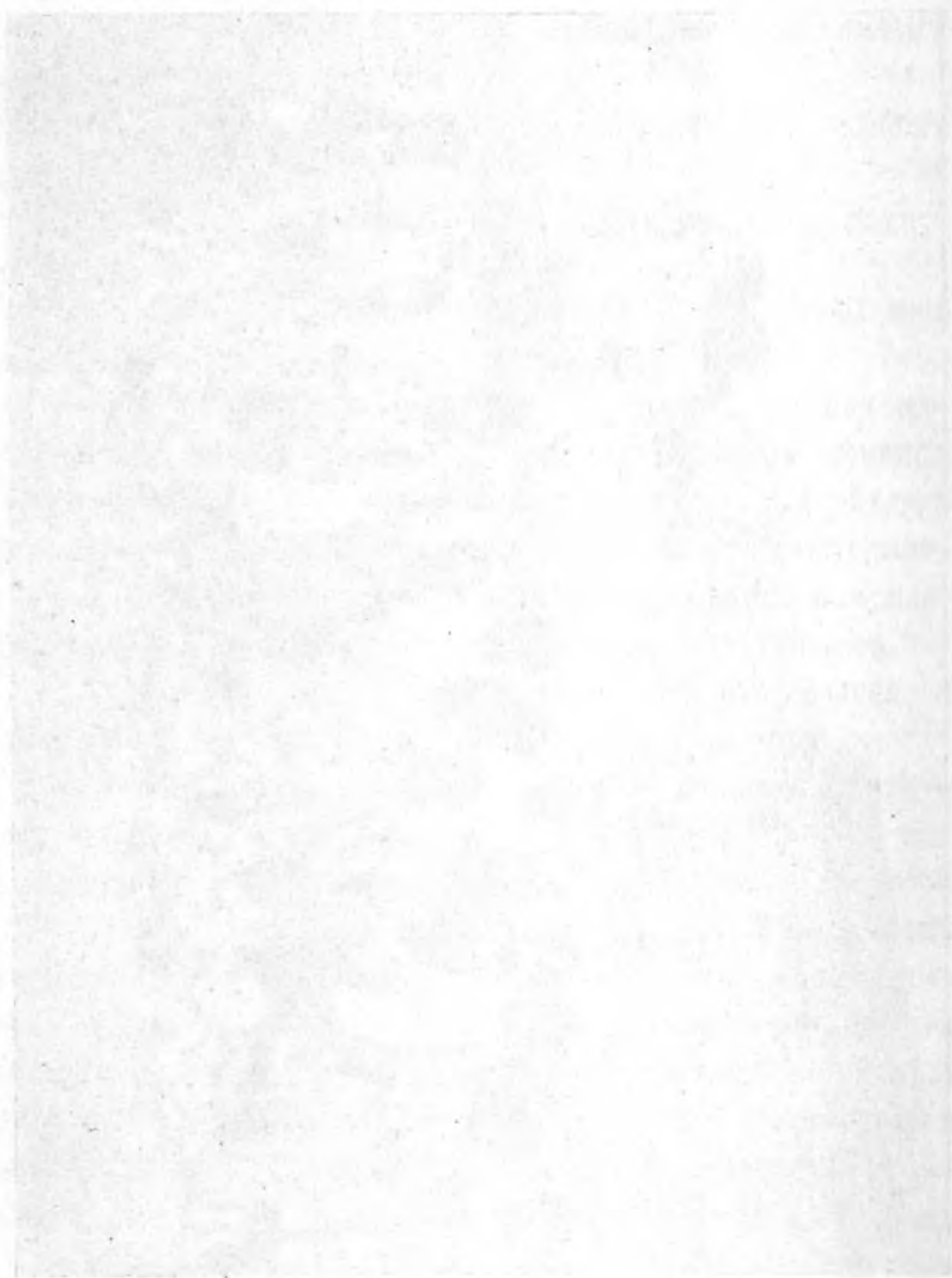
Если же грудное молоко очень обильно, то выжимають его и выливаютъ или въ томиръ, или въ какой-либо

Деревенські мальчики Ванського вилайета.

родникъ, или наконецъ на какую-либо стѣну, выходящую на востокъ.

Если ребенокъ преждевременно скончался, то мать кладетъ свои руки на соски и, приглаживая груди, приговариваетъ: „Твой господинъ умеръ, умирай и ты!“ въ надеждѣ, что прекратится выдѣленіе молока.

Дѣтей обыкновенно кормятъ грудью въ теченіе 1—3 лѣтъ или до обнаружившейся беременности.

Матери, не имѣющія достаточно молока, дѣтей кормятъ молокомъ коровы или овцы. При этомъ въ первые 3 мѣсяца въ молоко примѣшиваютъ больше воды; затѣмъ уже въ равной дозѣ также примѣшиваютъ сахару. Въ качествѣ рожа употребляютъ рогъ отъ вола, на концѣ коего укрѣпленъ сосокъ отъ коровы или козы. Берутъ съ этой цѣлью также соломинку, бончикъ которой обматываютъ ватой и владутъ въ ротъ дитяти, другой же конецъ просовываютъ въ бутылку или же въ стаканъ съ молокомъ.

Женское молоко употребляется также въ качествѣ лѣкарства. Такъ выжимаютъ молоко на больные глаза, или въ уши, если шумъ въ ушахъ, или наконецъ разбавляютъ масломъ и мукой и прикладываютъ какъ пластырь на раны, образовавшіяся на рукѣ.

При желаніи прекратить кормленіе грудью, смазываютъ соску грязью или чѣмъ-либо другимъ, вызывающимъ отвращеніе въ ребенкѣ. Также накладываютъ на грудь вату или кошачій или рыбій хвостикъ, чтобы устроить ребенка.

Новорожденныхъ купаютъ въ теченіе первыхъ сорока дней ежедневно, затѣмъ въ недѣлю 3 раза, считая грѣхомъ работать наканунѣ среды, пятницы и воскресенья.

Во время купанья ребенка въ теченіе 40 дней всегда въ ванну погружаютъ желѣзный гвоздь, пруть, ножъ, дабы злая сила не причинила ребенку несчастья.

10/10

При пеленаніи подъ ягодицами ребенка посыпаютъ горячій песокъ, чтобы послѣдній согрѣвалъ ребенка и вмѣстѣ съ тѣмъ впитывалъ въ себя сырость, образуемую отъ мочи. Существуетъ поговорка: „Мальчикъ, въ пеленкахъ съ землей, бываетъ чистый и пахнетъ пріятно“.

Пеленаютъ обыкновенно въ день 2 или 3 раза. Ребенка кладутъ въ люльку только послѣ смыванія мѹра.

На люлечной перекладинѣ привѣшиваютъ на ниточкѣ ракушки, косточки и синій бисеръ; послѣдній предназначенъ для предотвращенія вліянія злого глаза, а первыя служатъ для забавы ребенка.

Когда ребенка первый разъ одѣваютъ въ рубашку, то кладутъ его сперва на рубашку и, раскачивая въ сторону, приговариваютъ:

„Мѣшочекъ полный, полный,

„Дитя полное, полное!“

Такъ дѣлаютъ, чтобы ребенокъ, по возможности, скорѣе пополнѣлъ.

Когти ребенка не подрѣзываютъ: въ противномъ случаѣ онъ будетъ „задавленъ“, т. е. начнетъ худѣть, болѣть и чахнуть отъ вліянія злыхъ духовъ.

Когда начинаютъ прорѣзываться зубы, даютъ ребенку въ руки луковицу или какой-либо твердый предметъ для жеванія; при купаньи же на голову его сыплютъ варенныя зерна, кои затѣмъ даютъ курамъ.

Если у ребенка преждевременно прорѣзываются зубы, то онъ „съѣстъ чью-нибудь голову“, т. е. кто-нибудь изъ домашнихъ умретъ.

Когда у ребенка мѣняются молочныя зубы, то выпавшіе зубы подсовываютъ подъ дверь, которую затѣмъ открываютъ и запираютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ:

„На, возьми, себѣ волчій зубъ,
Мнѣ же дай зубъ барашка!“, дабы новые выходящіе
зубы были мелкіе и правильной формы.

Когда у ребенка очень рѣдкіе волосы, то родители его
бываютъ лживыми, а потому среди народа часто говорятъ:
„Говори всегда правду, чтобы на головѣ твоего ребенка вы-
росли волосы!“.

Въ первый годъ волосы ребенка не стригутъ; въ про-
тивномъ случаѣ ребенокъ будетъ страдать головными болями.

Первые стриженные волосы не бросаютъ наземь, а за-
совываютъ въ стѣнную щель, чтобы у ребенка не болѣла
голова.

Родители желаютъ, чтобы дѣти спали, по возможности,
много и этимъ дали имъ возможность располагать свобод-
нымъ временемъ. Съ этою цѣлью прибѣгаютъ къ слѣду-
ющимъ средствамъ:

1) Запачканное ребенкомъ бѣлье и тряпье высушиваютъ
и кладутъ затѣмъ подъ люличную подушку.

2) При купаніи ребенка льетъ на него воду какой-
нибудь сонливый человѣкъ.

3) Родильница моетъ свои ноги водой, въ которой ку-
пали ребенка.

4) Пока ребенокъ не заснетъ, воду эту не выли-
ваютъ.

5) Лицо, купавшее ребенка, опускаетъ 3 раза свой
палецъ въ воду и затѣмъ этимъ пальцемъ 3 раза крестить
ребенка въ пеленкахъ.

6) Приносятъ немного земли изъ кладбища, насыпаютъ
въ маленькій мѣшочекъ и оставляютъ подъ изголовьемъ
ребенка, чтобы „сонъ мертвыхъ перешелъ къ нему“.

7) Кладутъ ребенка на сито и выносятъ навстрѣчу
возвращающемуся вечеромъ со стадомъ сельскому пастуху,
при чемъ обращаются къ нему со словами: „Пастухъ, ты

приходишь съ горь; принеси ли ты съ собой сонъ для моего ребенка?

Въ качествѣ соннаго средства употребляютъ финики, сваренные въ винѣ.

Распространеннымъ для этого средствомъ является также макъ, немного поджаренный надъ тониромъ, истолченный и смѣшанный съ сахаромъ; посыпаютъ этотъ маковый порошокъ въ материнское молоко и даютъ ребенку нѣсколько ложекъ.

Если изо рта ребенка появляется постоянно слюна, то крестный отецъ, приходя три раза, всовываетъ свой мизинецъ въ ротъ ребенка.

Съ этой цѣлью мать, обнявъ ребенка, въ глубокомъ молчаньи, отправляется въ такой домъ, гдѣ она до того еще ни разу не была вмѣстѣ съ ребенкомъ, и здѣсь она тряпкой отдушника тонира чиститъ уста ребенка.

Если изъ носа ребенка выдѣляется много слизи, то говорятъ, что онъ „мудрый“ и что „разумъ вошелъ въ голову“.

Испугавшемуся чего-либо ребенку даютъ пить холодную воду или же собственную мочу; равнымъ образомъ, большимъ пальцемъ приподнимаютъ верхнія челюсти, говоря: „Ангель святой хранитель, четыре главы Евангелія!“

Для устрашенія ребенка обыкновенно говорятъ: „Молчитурокъ придетъ, отрѣжетъ ухо“.

Когда у ребенка на губахъ появляются раны, мѣшающія брать соску въ ротъ, то при новолуньи мать выноситъ своего ребенка и показываетъ лунѣ:

„Новая луна, новая, поздравляю,
Старухой ушла, молодой возвратилась:
Всегда мальчикъ, и мальчикъ
Не испугается мальчикъ“.

Когда ребенокъ начинаетъ первый разъ стоять на ногахъ, то, поддерживая его за руки и приподнимая, говорить:

„Встань, встань, полугодовой!

Подобенъ отцу, сумасшедшему мужику!“

Если ребенокъ очень поздно начинаетъ ходить, его кладутъ на сито, несутъ въ семь домовъ и, стуча, кричатъ: „Безногий пришелъ просить ногъ!“ Домашніе, выходя, подаютъ прибывшимъ хлѣба, яицъ, пшюма и пр.; все это приносится домой и понемногу даютъ ребенку кушать.

При первыхъ шагахъ ребенка говорятъ: „Шагай, шагай: ноги — розы!“

Для обереганія ребенка отъ вреднаго вліявія злыхъ духовъ кладутъ въ тѣсто чернуху, пекутъ въ тонирѣ и кладутъ подъ подушку ребенка.

Злые духи не только вредятъ дѣтямъ, но и подмѣниваютъ ихъ своими. Поэтому, когда чей-либо ребенокъ некрасивый и беспокойный, то говорятъ, что „это подмѣвенный дьяволами“.

Если у кого родятся мертвыя дѣти или вскорѣ помирають, то предполагають, что у ребенка имѣется „тыпги“, т. е. на печени образовался лигушко-образный червь, вслѣдствіе того что мать имѣла неосторожность ночью купаться въ водѣ, оставшейся на тонирѣ. Для уничтоженія этого зла обращаются къ различнымъ талисманамъ, и если при этомъ мать рыгнетъ, то ротъ держать надъ тониромъ, чтобы червь выпалъ прямо на огонь и сгорѣлъ.

Женщины, страдающія отъ „тыпги“, сами никогда не кормятъ своихъ дѣтей, а поручаютъ кормить матерямъ, имѣющимъ долго живущихъ дѣтей. Когда родитъ мать, имѣющая „тыпги“, то обходятъ семь домовъ, собирая семь иголокъ, которыя втыкають въ плаценту и закапываютъ, вѣруя, что такимъ образомъ ребенокъ будетъ спасенъ отъ

смерти. Когда ребенокъ нѣсколько возрастетъ, то, вновь обходя дома, собираютъ старыя платья, изъ конхъ шьютъ для ребенка платье или одѣваютъ его въ синій костюмъ, чтобы злые не сглазили; такому ребенку даютъ при крещеніи имя *Мнацаканъ*, что означаетъ остающійся, или же какое-либо курдское имя; курды же обыкновенно въ аналогичныхъ случаяхъ своихъ дѣтей называютъ армянскими именами.

Съ той же вышеупомянутой цѣлью дарятъ какому-либо святому свѣчи и ладанъ вѣсомъ, равнымъ вѣсу ребенка.

Если ребенокъ страдаетъ обморочными припадками, то несутъ его къ такъ называемымъ камнямъ „талалощъ“ и 3 раза проходятъ черезъ отверстія камней; отправляются также на богомолье въ сел. Артамесъ къ святынь „Талалощъ“, находящейся въ саду, принадлежащемъ одному турку. Съ тою же цѣлью въ тотъ субботній день Великаго поста, когда бываетъ праздникъ св. Феодора, матери такихъ больныхъ дѣтей строго соблюдаютъ этотъ праздникъ.

Для предотвращенія вліянія дурного глаза отъ дѣтей, пришиваютъ синій бисеръ къ шапкамъ, или къ рукавамъ.

Если ребенокъ заболѣлъ отъ вліянія дурного глаза, то надъ больнымъ въ люлькѣ кладутъ тарелку, съ ватой сложенною крестообразно; затѣмъ между крыльями этого креста посыпаютъ соль, при чемъ пальцемъ обозначаютъ предположительное имя тѣхъ лицъ, кои могли бы сглазить. Затѣмъ съ четырехъ концовъ одновременно зажигаютъ вату и наблюдаютъ, около какой части соли потухнетъ послѣднее пламя; тогда обозначенное здѣсь имя указываетъ, кто именно сглазилъ. Послѣ этого ночью тайкомъ отправляются къ дому сглазившаго лица, выскабливаютъ немного дерева изъ его воротъ и, принеся къ себѣ домой, сжигаютъ подъ люлькой ребенка, дабы окончательно освободиться отъ вліянія этого

дурного глаза. При зажиганіи упомянутого дерева приговариваютъ:

„Дурной глазъ, дурной шипъ,
Ты войди въ огонь, сгори!
Пусть злые бѣгутъ въ горы,
Добрый духъ да спзойдетъ на люльку нашего
ребенка!“

Если ребенокъ долгое время не владѣетъ языкомъ, то ведутъ такого ребенка въ церковь, главнымъ образомъ въ церковь св. Знамени, проводятъ 3 раза церковными ключами по устами его, или же суютъ въ ротъ дитяти мизинецъ какаго-либо первороднаго мальчика.

Семейная жизнь.

Въ настоящемъ очеркѣ я ограничусь лишь описаніемъ семейной жизни въ г. Ванѣ, каковая значптельно отличается отъ жизни сельской семьи.

Утромъ рано, еще до разсвѣта, встаетъ молодая невѣстка и помогаетъ своей свекрови одѣваться.

Немного послѣ встаютъ и остальные невѣстки дома. Старуха-свекровь, умывшись водой, подаваемой младшей невѣсткой, обращается къ востоку, читаетъ молитву и приступаетъ къ изготовленію кушаній. Старшая невѣстка или сама свекровь зажигаетъ тощирь, приготовляетъ молочный супъ, рыбу „тарехъ“ и еще какое-либо второе блюдо. Между тѣмъ встаютъ также мужчины. Молодая невѣстка подаетъ свекру платье, а затѣмъ и воду для умыванія, равнымъ образомъ старшимъ деверьямъ. Заснмъ она убираетъ постели и подметаетъ весь домъ. Свекоръ отправляется въ церковь и послѣ краткой молитвы возвращается домой. Мужчины садятся за трапезу, когда уже всходитъ солнце, т. е. въ 6—7 час., послѣ чего отправляются по своимъ дѣламъ въ городъ.

Вслѣдъ за ними садятся за утренній столъ женщины и дѣти, послѣ чего дѣти-ученики отправляются въ училище. Послѣ ухода всѣхъ женщины приступаютъ къ домашнимъ работамъ: свекровь крутитъ веретено или прядильный станокъ, старшая невѣстка занята шитьемъ и починкой платьевъ, младшія—стиркой, а самая молодая идетъ за водой и т. д. Въ полдень слегка закусываютъ, мужчины въ своихъ магазинахъ, а женщины у себя дома, съѣдая хлѣбъ съ сыромъ или какое-либо молочное блюдо, не прекращая при этомъ работы. Въ 3 часа пополудни свекровь приступаетъ къ приготовленію ужина, состоящаго обыкновенно изъ 2—3 блюдъ. Въ 7 час. вечера мужчины возвращаются изъ города и садятся за столъ, а послѣ нихъ ужинаютъ женщины. Послѣ ужина мужчины, отдѣльно отъ женщинъ, проводятъ между собой время въ разговорахъ, а затѣмъ уже ложатся спать. Въ старину во всѣхъ, а нынѣ только въ нѣкоторыхъ патриархальныхъ семьяхъ, передъ отходомъ ко сну, вмѣстѣ всѣ читали вечернюю молитву.

Вотъ въ общихъ чертахъ обыденная жизнь ванскаго армянскаго семейства. Теперь рассмотримъ подробно нѣкоторыя стороны этой жизни.

Какъ мужчины, такъ и особенно женщины, одѣваются обыкновенно въ старыя, изношенныя платья, приберегая новыя для праздниковъ и торжественныхъ случаевъ.

При умываніи сначала моютъ руки, затѣмъ лицо и ротъ, при чемъ послѣдній выполаскивается нѣсколько разъ. Употребленіе зубной щетки и порошка пока неизвѣстно. Господствуетъ обычай умыванія рукъ мыломъ до и послѣ обѣда, между тѣмъ по утрамъ умываются обыкновенно безъ мыла. Всѣ вытираются однимъ полотенцемъ.

Употребляютъ для умыванія алепское или критское мыло, а иногда также коренья растенія „техтъ“. Для стирки же бѣлья служатъ мѣстное мыло, изготовляемое изъ сала.

Женщины имѣютъ обыкновеніе купать дѣтей въ недѣлю разъ по субботамъ, а также свою голову; въ баню же отправляются въ мѣсяць разъ, и то зимою. Мужчины также ежемѣсячно купаются или дома или въ банѣ, хотя и есть многіе, которые обыкновенно моютъ свое тѣло только два раза въ годъ, а именно передъ говѣніемъ и въ первую недѣлю Великаго поста, какъ того требуютъ религіозныя воззрѣнія ванцевъ. Въ центрѣ города существуетъ лишь одна мужская и одна женская бани, въ Айгестанѣ же, армянскомъ кварталѣ, есть одна баня, на 4 дня въ недѣлю открываемая для женщинъ, а на 3 дня—для мужчинъ.

Лѣтомъ мужчины обыкновенно еженедѣльно купаются въ Ванскомъ озерѣ, а женщины лишены этого удовольствія за отсутствіемъ мѣстъ, гдѣ бы онѣ могли отдѣльно купаться.

Ванцы имѣютъ обыкновеніе садиться на корточки или на колѣни. Въ знакъ оказанія почета старшимъ всегда садятся на колѣни, а при стояніи руки держатъ на груди въ знакъ подобострастія. Безъ приказанія старшихъ не садятся и безъ вопроса послѣднихъ не смѣютъ отвѣчать.

Молодые невѣстки въ знакъ почета держатъ свои руки на груди, что на мѣстномъ языкѣ называютъ „держать поклонъ“ до тѣхъ поръ, пока имъ не прикажутъ сѣсть; даже и въ это время онѣ не осмѣливаются ни сѣсть ни преклонить колѣни, а лишь однимъ колѣномъ присѣдаютъ, при чемъ остаются въ молчаливой позѣ, съ немного наклоненной головой.

Въ присутствіи старшихъ нельзя ни громко смѣяться ни вмѣшиваться въ разговоры. Считается большимъ стыдомъ плакать въ присутствіи старшихъ; молодая невѣстка не должна громко плакать въ присутствіи старшихъ по случаю смерти кого-либо или разлуки съ мужемъ.

Какъ при сидѣннн, такъ и при обѣдахъ и ужинахъ строго соблюдается очередь старшинства: пока старшій не начнетъ ѣсть или не примется за новое блюдо, младше не имѣютъ права начинать. Самая старшая изъ женщинъ стоитъ вообще ниже даже самаго младшаго члена семьи—мужчины: пока самый младшій мужчина не сядетъ или не ляжетъ спать, этого не имѣетъ права дѣлать самая старшая женщина въ семьѣ.

Во время обѣда разстилаютъ на полу скатерть, на которую ставятъ, специально назначенную для обѣдовъ, низенькую, круглую табуретку, а на послѣднюю большой мѣдный подносъ („сини“); бѣдные же, вмѣсто табуретки и мѣднаго „сини“, на скатерть ставятъ т. н. „хонча“, низенькій, круглый, діаметромъ 1—2¹/₂ метр., столикъ вышиною ¹/₂ м. Обѣдающіе садятся за трапезу, соблюдая степень старшинства, вокругъ „сини“ или „хонча“. Какъ мы уже упоминали, сначала обѣдаютъ мужчины, а затѣмъ женщины.

Вокругъ подноса раскладываютъ много хлѣба, а въ серединѣ въ деревянной солонкѣ—соль, сыръ или творогъ. Вилки, ножи употребляются лишь въ богатыхъ домахъ и то не ежедневно. Употребленіе салфетокъ также неизвѣстно, но у подноса кладутъ одно для всѣхъ полотенце для чистки рукъ. Кушанья подаются въ одной посудѣ, которая ставится по серединѣ подноса. Всѣ кушаютъ пальцами изъ этого одного сосуда, вслѣдствіе чего является необходимость послѣ обѣда мыть руки мыломъ. Въ среднихъ и низшихъ слояхъ населенія обыкновенно старѣйшій членъ семьи или самый младшій изъ мальчиковъ, предъ и послѣ обѣда, громко произносятъ „Отче нашъ“.

Постели стелеть и убираетъ обязательно младшая не-вѣстка или взрослая дочь и при этомъ придерживаются очереди старшинства. Молодая не-вѣстка обязана также раздѣ-

вать своего свекра, укутывать его одѣяломъ и растирать въ то же время ему ноги, пока тотъ не заснетъ. Тѣ же услуги, хотя и не съ такими подробностями, она оказываетъ старшему деверю и свекрови.

Вообще супруги ложатся спать совмѣстно, имѣя при себѣ маленькихъ дѣтей, а грудной ребенокъ, въ люлькѣ, помѣщается со стороны матери, чтобы она имѣла возможность ночью качать колыбель или кормить ребенка.

Въ домѣ цѣлый день господствуетъ почти гробовое молчаніе, ибо мужчины отсутствуютъ, а невѣстки по обычаю не имѣютъ права говорить и если говорятъ, то чуть слышнымъ голосомъ или, сообщаясь посредствомъ мимики. Дѣти въ большинствѣ случаевъ находятся въ школахъ, если же дома, то въ присутствіи старшихъ не осмѣливаются играть, смѣяться, бѣгать, а тѣмъ болѣе баловаться и шалить. Они принуждены или молчаливо сидѣть по степени старшинства или же заниматься приготовленіемъ своихъ уроковъ.

При появленіи какого-нибудь гостя, женщины моментально скрываются; иногда лишь выходятъ навстрѣчу ему старуха-свекровь. Пришедшій гость привѣтствуетъ, прикладывая свою правую руку сначала къ устамъ, а затѣмъ ко лбу. Такимъ же образомъ привѣтствуетъ гостя хозяинъ дома.

Если гость близкій родственникъ, то невѣстки выходятъ поодиночкѣ, привѣтствуютъ по вышеописанному порядку и стоятъ въ подобострастной позѣ; если же пришедшій гость старикъ, то подходятъ и прикладываются къ его рукѣ, затѣмъ подносятъ его руку къ своему лбу и опять цѣлуютъ. Гость старается сѣсть пониже, въ скромномъ мѣстѣ, но домашніе заставляютъ занять почетное для гостей мѣсто. Послѣ этого присутствующіе опять начинаютъ привѣтствовать, говоря: „Добро пожаловать!“ Гость, наклонивъ голову, отвѣчаетъ: „Добро тебѣ!“ Немедленно самый младшій пзъ

семья приносить табакъ, затѣмъ угощаютъ чернымъ кофе. Этимъ и ограничивается угощеніе. Гость можетъ сидѣть нѣсколько часовъ и затѣмъ, расiroшавшись, уйти; однако, если гость изъ особенно почетныхъ, то лѣтомъ угощаютъ еще стаканомъ сладкой сиропной воды, зимою же—сладостями. На подносѣ приносятъ одну, а иногда и двѣ вазы съ вареньемъ изъ фруктовъ; съ одной стороны на блюдечкѣ чайныя ложечки, а съ другой—стаканъ воды. Сначала гость, а затѣмъ и домашніе берутъ по одной ложечкѣ, отвѣдываютъ сладостей и потомъ опускаютъ въ стаканъ съ водою. Если принуждаютъ гостя покушать еще варенья, то онъ долженъ взять полную ложечку и повторить то же самое. Въ богатыхъ домахъ со сладостями приносятъ также коньякъ и фрукты.

Если приходятъ въ гости женщины то, помимо вышеописаннаго угощенія, домашніе для оказанія большого почета, наскоро готовятъ обѣдъ изъ 2—3 блюдъ.

Какъ женщины, такъ и мужчины обыкновенно очень рѣдко ходятъ другъ къ другу въ гости и то только зимою. Лѣтомъ обыкновенно каждая семья, особенно въ лунныя ночи, выходитъ въ садъ и здѣсь проводитъ время до сна. При этомъ очень часто случается, что нѣсколько сосѣдей со своими семьями собираются вмѣстѣ въ саду у одного и отдаютъ пріятному времяпровожденію—женщины съ женщинами, а мужчины съ мужчинами. Подаются для угощенія кофе и табакъ, а если созрѣли плоды, то они срываются и здѣсь же въ саду предлагаются всѣмъ присутствующимъ.

Общественныхъ мѣстъ, какъ-то клубовъ, гуляній, бульваровъ совершенно нѣтъ. Существуетъ лишь нѣсколько кофеенъ, которыя посѣщаются лишь днемъ праздными лицами, а по вечерамъ совершенно пустыютъ. Начиная съ 8 час. вечера, всѣ улицы Айгестана безлюдны и мертвы.

Въ году нѣсколько разъ въ залахъ Центральной и Ерамяннъ армянскихъ школъ даются на армянскомъ языкѣ театральныя представленія, при чемъ не только среди исполнителей, но и среди зрителей не встрѣтите женщинъ. Даже учительницы, боясь общественнаго мнѣнія, не только не берутъ никакихъ ролей, но боятся показаться въ театрѣ въ качествѣ зрительницъ. Случается иногда, что эти представленія повторяются специально для женщинъ.

Спеціальныхъ приглашеній для женщинъ не бываетъ. Онѣ посѣщаютъ другъ друга въ исключительныхъ случаяхъ, какъ-то: при поздравленіяхъ по случаю возвращенія члена семьи изъ далекой чужбины, при родахъ родственницъ, при болѣзняхъ, при траурѣ, при обрученіяхъ и т. п. Единственное мѣсто, гдѣ женщины чувствуютъ себя свободно и куда онѣ могутъ свободно идти—это церковь. Здѣсь не только во время богослуженія, но и послѣ службы, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, женщины продолжаютъ оставаться, занятыя своими разговорами, сплетнями и проч. болтовней. Однако эта свобода принадлежитъ только старымъ и пожилымъ женщинамъ; молодыя же—невѣстки и дѣвицы не имѣютъ права по своей волѣ въ любое время пойти въ церковь; для нихъ есть особо опредѣленные дни, а именно въ большіе церковные праздники.

Ванскія женщины для взаимнаго обмѣна мыслей имѣютъ также другія мѣста, т. е. бани, гдѣ онѣ каждый разъ проводятъ 5—6 часовъ, занятыя, между прочимъ, разговорами и сплетнями. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что сплетня очень развита какъ среди женщинъ, такъ и среди мужчинъ.

Итакъ, мы видимъ, что въ Ванѣ совершенно отсутствуетъ общественная жизнь и каждое семейство живетъ обособленно, сосредоточившись въ самомъ себѣ. Однако даже въ предѣлахъ одной и той же семьи не всегда господствуетъ любовь и миръ.

Между заловками происходят постоянные споры и ссоры, какъ послѣдствія встрѣчающейся часто зависти. Особенно незavidно положеніе той золовки, мужъ которой находится въ далекой чужбинѣ и не присылаетъ денегъ домой. Все недовольство отсутствующимъ членомъ семьи и происходящую отъ этого злость домашніе вымещаютъ на бѣдной женѣ. Единственный покой и отдохновеніе невестка можетъ найти въ домѣ своихъ родителей. Поэтому часто случается, что подобная невестка въ отчаяніи оставляетъ своихъ дѣтей и отправляется въ домъ родителей, чтобы тамъ нѣсколько отдохнуть въ теченіе 15—20 дней. Это явленіе настолько обычно, что оно вошло въ жизненный обиходъ и называется „возвращеніемъ домой“.

Смерть, похороны и поминки.

Родственники и пріатели больного постоянно его посѣщаютъ, при чемъ приносятъ для него различныя кушанья и сладости. Посѣтители и домашніе прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ, чтобы предсказать исходъ болѣзни:

1) Считаютъ, въ какой день луннаго мѣсяца началась болѣзнь: добрый ли это, или недобрый былъ день? Если болѣзнь наступила въ добрый день, то больной выздоровѣетъ совершенно; въ противномъ случаѣ никакія средства и снадобья не помогутъ.

2) Если больной все время ковыряетъ въ носу, то это признакъ смерти.

3) Если кошка ляжетъ на постель больного, то это означаетъ, что больной скоро выздоровѣетъ.

3) Если ворона постоянно каркаетъ, или сова кричитъ, или же собака воетъ вблизи дома больного, то нѣтъ ему никакого спасенія.

4) Если болѣзнь повторится нѣсколько разъ, то это признакъ, что она пройдетъ безслѣдно.

5) Если во снѣ увидятъ, что ихъ домъ или какая-нибудь стѣна разрушилась, или является кто-либо изъ старыхъ покойниковъ, то это плохой признакъ.

6) Если на тѣлѣ больного замѣтны синія пятна, то говорятъ, что это слѣды ударовъ, которыя наноситъ зеленой вѣткой ангелъ смерти тому больному, душу котораго онъ собирается взять черезъ нѣсколько дней.

Если чья-либо болѣзнь длится очень долго, то пекутъ хлѣбъ и у воротъ дома раздаютъ прохожимъ, дабы больной также могъ отправиться въ ту или другую сторону, т. е. или выздоровѣлъ бы или умеръ.

Съ этой же цѣлью приносятъ изъ церкви пресв. Богородицы (Тирамайръ) Евангеліе, извѣстное подъ названіемъ „Мархасъ“; священникъ читаетъ названное Евангеліе надъ изголовьемъ больного.

Также въ церквахъ съ этою же цѣлью говорятъ: „Господи, помилуй!“ Послѣ утренняго богослуженія или литургіи, священникъ, обращаясь къ молящимся, сообщаетъ о тяжеломъ положеніи больного и проситъ сказать: „Господи, помилуй!“, дабы Богъ внялъ этимъ мольбамъ и ниспослалъ исцѣленіе; всѣ присутствующіе на это говорятъ громко: „Господи, помилуй!“

Во время агоніи окружающіе сдерживаютъ свои рыданія или уходятъ, чтобы своимъ плачемъ не мѣшать отходу души больного и не быть причиной слишкомъ продолжительныхъ предсмертныхъ мученій.

При взятіи души грѣшнаго ангелъ смерти появляется съ „огненнымъ мечомъ“ въ рукѣ и строго требуетъ душу, отъ чего больной приходитъ въ ужасъ, падаетъ ницъ, руками царапаетъ подушку и одѣяло, испускаетъ страшные крики; къ праведному же больному ангелъ смерти подходитъ

съ цвѣткомъ въ рукахъ, съ улыбкой на лицѣ, и больной испускаетъ духъ совершенно спокойно.

Душа грѣшнаго исходитъ въ видѣ чернаго, зловоннаго дыханія, а праведнаго—благовоннаго, сіяющаго желтымъ свѣтомъ. Поэтому многіе любопытные люди при агоніи больного поднимаются на крышу и наблюдаютъ внимательно и даже обнюхиваютъ, не увидятъ ли душу отходящаго больного.

Если больной умеръ „легкою болѣзнью и спокойною смертью“, то говорятъ, что онъ былъ праведнымъ.

Если цвѣтъ лица умершаго остается свѣжимъ, то это признакъ, что онъ былъ праведнымъ.

Когда при несеніи гроба въ церковь по неосторожности несущихъ тѣло покойника шатается въ гробѣ, то изъ этого дома вскорѣ отправится другой покойникъ.

Если покойникъ предъ смертью приобщился св. Таиннамъ, то онъ считается счастливымъ и праведнымъ.

Послѣ того какъ больной испуститъ духъ, окружающіе, особенно любимцы, начинаютъ громко плакать, а нѣкоторые, кто посмѣлѣе, складываютъ руки покойнаго крестообразно на груди, закрываютъ глаза, вѣруя, что въ противномъ случаѣ покойникъ какъ бы еще не насытился земною жизнью; кромѣ того, вытягиваютъ ноги и закрываютъ ротъ.

Затѣмъ укладываютъ больного по направленію съ востока на западъ и зажигаютъ свѣчу у ногъ. Немедленно приглашается священникъ, сопровождаемый пономаремъ, который приноситъ церковныя посылки. Священникъ читаетъ отходную молитву, послѣ чего пономарь, если покойникъ мужескаго пола, или старья женщины—если умерла женщина, переносятъ тѣло на отдѣльное мѣсто, гдѣ приступаютъ къ омовенію трупа на особыхъ доскахъ.

Часто тѣло умершаго, закутанное саваномъ, несутъ на носилкахъ въ покойницкую при приходской церкви, и здѣсь совершаютъ омовеніе.

Лишнюю отъ омовенія воду выливаютъ, а котель ставятъ вверхъ дномъ.

Послѣ омовенія трупъ покойника одѣваютъ въ мѣшкообразно сшитый простой холстъ, начиная съ ногъ до головы, прямо на голое тѣло. Иногда покрываютъ тѣло саваномъ, принесеннымъ изъ Іерусалима; на такомъ саванѣ вышито бываетъ изображеніе человѣка во весь ростъ. Въ правой рукѣ покойника укрѣпляютъ восковую свѣчу, иногда принесенную изъ Іерусалима, съ гроба Господня. Но существуетъ обычай не класть свѣчки въ руку умершаго ребенка.

Гробъ заказываютъ только очень богатые; несостоятельные и крестьяне пользуются всегда общественными носилками.

Вскорѣ послѣ отпѣванія тѣло переносятъ въ церковь. Здѣсь оно поκειται нѣсколько дней, пока будутъ закончены всѣ приготовленія къ погребенію.

При выносѣ тѣла покойника изъ дома, вслѣдъ за нимъ бросаютъ горсть земли, чтобы онъ съ собою унесъ всѣ болѣзни и несчастья; изъ этого обычая вытекаетъ сущность выраженія: „Я унесу твою болѣзнь“. Затѣмъ въ домѣ открываютъ всѣ окна и двери, куря ладаномъ. Въ эту же ночь никто не спитъ въ комнатѣ покойника, и до утра горитъ здѣсь свѣча.

Въ селеніяхъ есть обычай, что всѣ родственники и пріатели присылаютъ по свѣтильнику для того, чтобы онъ горѣлъ въ комнатѣ покойнаго; вслѣдствіе этого иногда до разсвѣта горятъ 40—80 лампадъ. Самые близкіе родственники присылаютъ также пару хлѣба и по одной посудѣ съ кушаньемъ.

Въ день выноса тѣла покойника въ церковь, изъ дома покойника присылается церковному притчу *обѣдъ* поминальный, наз. „амбицъ“.

Похороны. Всѣхъ покойниковъ за исключеніемъ малолѣтнихъ, предають погребенію послѣ заупокойной литургіи. Черезъ 2—3 дня послѣ смерти больного, наканунѣ дня похоронъ посылають въ церковь бутылку вина и мукъ для просфиры, а также поминальный ужинъ для священниковъ, которые съѣдаютъ принесенное тутъ же при церкви.

На другой день по окончаніи литургіи священникъ кладетъ на покойника одну просфиру, которую пономарь при опусканіи тѣла въ могилу зашиваетъ въ саванъ на груди покойнаго.

При послѣднемъ прощаніи въ церкви, женщины бросаются съ громкимъ плачемъ и рыданіями на трупъ. Послѣ этого женщины отправляются обратно домой, а мужчины сопровождаютъ тѣло покойнаго до самаго кладбища. Употребленіе катафалка неизвѣстно. Въ качествѣ носильщиковъ являются бѣдняки, которыя за поминальный обѣдъ, несутъ гробъ или носилки до кладбища. Но въ началѣ гробъ несутъ близкіе родственники.

Послѣ совершенія погребальнаго обряда и преданія тѣла землѣ, всѣ присутствующіе подходятъ къ ближайшимъ роднымъ покойника и, привѣтствуя по-турецки рукою, говорятъ: „Да будетъ цѣла твоя голова, утѣшайся св. Духомъ!“ Священникъ по порученію ближайшихъ покойнаго приглашаетъ сопровождавшихъ лицъ на поминальный обѣдъ въ домъ покойнаго.

Въ домѣ покойнаго священникъ передъ обѣдомъ читаетъ установленныя молитвы, при чемъ всѣ присутствующіе въ рукахъ держатъ зажженныя свѣчи. По благословеніи трапезы и стакана вина, которое вливается въ винный карась, чтобы всѣ имѣли возможность пить благословенное вино, садятся за столъ. По окончаніи обѣда священникъ вновь благословляетъ трапезу, раздавъ домохозяину и старшимъ членамъ семьи по одной просфирѣ; они же пла-

тять ему 10—30 монеть. Послѣ этого садятся за поминальную трапезу женщины, между тѣмъ какъ мужчины возвращаются къ себѣ домой, говоря: „Господи, помилуй его душу“.

По истеченіи 7 дней совершается литургія, на которой присутствуютъ родственники и близкіе пріатели покойнаго, особенно много бываетъ женщинъ. Затѣмъ всѣ изъ церкви направляются на кладбище, гдѣ на могилѣ покойника служатъ панихиду. Послѣ этого всѣ возвращаются въ домъ покойнаго и садятся за поминальный обѣдъ. То же самое имѣетъ мѣсто въ сороковой и въ годовой день смерти покойнаго. Нынѣ эти обычаи торжественныхъ поминокъ, какъ въ городѣ, такъ и въ селеніяхъ, постепенно выходятъ изъ употребленія.

Послѣ похоронъ близкія родственницы, не имѣвшія возможности присутствовать лично при погребеніи, приходятъ къ домашнимъ покойнаго, взявъ съ собой по одной головѣ сахара, и начинаютъ утѣшать ихъ. Болѣе же близкія родственницы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или недѣль навѣщаютъ домашнихъ покойнаго для „снятія съ нихъ траура“; съ большимъ трудомъ заставляютъ онѣ домашнихъ выйти, чтобы отправиться въ церковь, или къ нимъ домой, или въ баню и т. д.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ близкія родственницы стираютъ и моютъ платье и постель покойника, чистятъ домъ. Часть одѣяній покойнаго дарятъ этимъ женщинамъ, другую часть тѣмъ, кои совершили омовеніе тѣла покойнаго, а третью—отправляютъ въ даръ епархіальному монастырю, одинъ изъ братіи котораго въ году нѣсколько разъ съ цѣлью собиранія подобныхъ одѣяній, посѣщаетъ всѣ селенія епархіи.

Лишнее мыло, оставшееся отъ стирки одѣяній покойнаго, дается вышеупомянутымъ женщинамъ.

Поминки. Въ теченіе года въ установленные церковнымъ уставомъ главные праздники, коихъ пять, всѣ домашніе покойнаго, въ сопровожденіи близкихъ родственниковъ, направляются на кладбище, гдѣ священникъ освящаетъ могилу. Всѣ присутствующіе, окруживъ могилу, громко плачутъ и поютъ поминальныя пѣсни. Обыкновенно при этомъ несутъ съ собой на кладбище разныя домашнія печенія и фрукты, которыя частью сами ѣдятъ и частью раздаютъ здѣсь же бѣднымъ.

Состоятельные люди въ страстную пятницу и въ пятницу праздника Воздвиженія Креста пекутъ душистый хлѣбъ „пайнакеошъ“ для раздачи бѣднымъ. Наканунѣ же праздниковъ, а именно въ субботу предъ Вознесеніемъ, Преображеніемъ и Успеніемъ Богородицы готовятъ прѣсный хлѣбъ и раздаютъ бѣднымъ; садовладѣльцы вмѣстѣ съ тѣмъ раздаютъ виноградъ и яблоки.

Съ цѣлью сохранить память о покойномъ, его именемъ нарекается новорожденный членъ семьи. Если новорожденному дали имя покойнаго отца или дѣда или старшаго въ семьѣ, то его зовутъ и величаютъ всегда такъ же, какъ и покойнаго: „ага“, „отецъ“, „папа“ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ всячески избѣгаютъ при крещеніи новорожденнаго давать ему имя живого близкаго родственника: этотъ родственникъ можетъ умереть, ибо его „солнце“ (т. е. жизнь) подарено уже новорожденному.

Трауръ по умершему близкіе родственники соблюдаютъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда и цѣлаго года: мужчины нѣсколько дней абсолютно не занимаютъ своими дѣлами и не стригутъ своихъ волосъ и не бреются. Приходятъ дальніе родственники и насильно ихъ уводятъ къ себѣ домой, приглашаютъ цырюльника, стригутъ и попра-

вляють запущенные волосы, угощать ихъ и загѣмъ сопровождаютъ къ мѣсту ихъ повседневныхъ занятій. Женщины расплетаютъ свои косы, вовсе не причесываютъ растрепанные волосы, на кон часто посыпаютъ землю и набрасываютъ черную вуаль, при чемъ запираются дома. Близкія и дальнія родственницы посѣщаютъ ихъ, утѣшаютъ и убѣждаютъ постепенно забыть горе, приняться за запущенныя дѣла по хозяйству, заставляють мыть голову, причесаться и принять обыкновенный видъ. Тѣмъ не менѣе пребывающія въ траурѣ лица въ теченіе цѣлаго года не посѣщаютъ никакихъ увеселеній, зрѣлищъ, не идутъ въ гости, пасхальныя яйца красятъ въ черный или въ темносиній цвѣтъ.

Кладбища. Кладбища по принятому обычаю находятся около селеній возлѣ дороги, дабы всякій прохожій имѣлъ возможность помянуть покойниковъ, посѣтить могилу своихъ близкихъ. Каждое семейство старается имѣть фамильное мѣсто, чтобы всѣ члены семьи были погребены рядомъ; поэтому часто покойниковъ, умершихъ въ чужихъ селеніяхъ, приносятъ въ родное селеніе и хоронятъ рядомъ съ могилами родственниковъ, на фамильномъ кладбищѣ.

Сиротъ-дѣтей часто хоронятъ въ той же могилѣ, гдѣ были погребены или ихъ матери или отцы, при чемъ трупъ умершаго кладутъ немного повыше скелета родителей.

Глубина могилъ бываетъ 1—2 метр.; ихъ копають или пономари, или бѣдные родственники покойнаго. Въ селеніяхъ крайне рѣдко встрѣчаются надмогильныя памятники; въ городахъ же почти на всѣхъ могилахъ есть надгробныя плиты.

Большая часть надгробныхъ памятниковъ, особенно старинныхъ—это камни, съ изображеніемъ креста, установленныя у подножья покойника съ восточной стороны; надъ мо-

гиллой устанавливають четырехгранныя каменныя плиты. Встрѣчаются также надгробныя памятники въ видѣ колыбели.

Почти на всѣхъ могилахъ дѣлаются маленькія ямки, предназначенныя для огня и куренія ладана.

Е. А. Лалаянцъ.

Старины Терскихъ казаковъ.

(Былевой эпосъ).

Въ вопросѣ о географическомъ распространеніи русскаго былевого эпоса Терекъ и Терская область въ сочиненіяхъ даже наиболѣе добросовѣстныхъ и талантливыхъ изслѣдователей нашего эпоса, В. Ф. Миллера, Пыпина и др. упоминались какъ бы вскользь, случайно. Приводились 2—3 быльины (2 объ Ильѣ и одна объ Алешѣ Поповичѣ), записанныхъ въ этомъ замѣчательномъ и во всѣхъ отношеніяхъ интересномъ уголкѣ нашего отечества, нѣсколько комментировалось и только... Присутствіе большей наличности этихъ драгоценныхъ памятниковъ нашей литературной старины какъ-то не предполагалось и даже не было высказано особыхъ пожеланій о приведеніи въ извѣстность этихъ памятниковъ. А, между тѣмъ, за послѣднія 10 лѣтъ въ этой области, т. е. въ области записи и открытія старинъ на Терекѣ прибавилось много новаго. На ряду съ извѣстными уже старинами въ цѣломъ рядѣ станицъ (ихъ названія ниже) было записано значительное число старинъ новыхъ и съ новыми сюжетами, содержаніе которыхъ хотя въ общемъ уже извѣстно по каноническимъ сборникамъ, но было новинкой, что старины съ этими сюжетами сохранились также и на Терекѣ.

Цѣль предстоящей работы—привести въ извѣстность, суммировать въ одномъ цѣльномъ трудѣ всю наличность сохранившихся остатковъ былевого эпоса среди терскихъ

и гребенскихъ казаковъ и, подвергнувъ его возможному анализу, отиѣтитъ въ немъ все то, что въ немъ сохранилось отъ старины, что ими забыто и утрачено и что явилось позднѣйшимъ чисто мѣстнымъ наслоеніемъ, какъ отраженіе казацкаго и неказацкаго туземнаго быта. Но прежде чѣмъ приступить къ этой работѣ, я нахожу необходимымъ предпослать и напомнить тѣ историческія данныя, которыя у насъ имѣются о терскихъ казакахъ, что въ значительной степени прольетъ свѣтъ на многія позднѣйшія наслоенія въ разсматриваемыхъ мною народно-литературныхъ памятникахъ Терска и уяснитъ ихъ особенности. Съ этого я и начинаю мою работу.

Около трехсотъ пятидесяти лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Ивана IV-го, пришелъ изъ Москвы черезъ рязанскаго казака Червленнаго Яра государевъ приказъ— „поселиться имъ, казакамъ, въ суздальской землѣ и служить тамъ по стрѣльцкому уряду“. Казаки взбунтовались противъ такого царскаго распоряженія и, очевидно, судя по дальнѣйшему, надъ царскимъ посланцомъ учинили крутую расправу за дурное извѣстіе, чѣмъ и вооружили противъ себя Грознаго царя. Былъ посланъ для усмиренія дерзкихъ ослушниковъ воевода Дибичъ съ войскомъ; но когда сюда прибылъ воевода съ войскомъ, нака зыватьбыло некого: весь Червленный Яръ опустѣлъ. Боясь царскаго гнѣва, все покинули родныя пепелища и разбрелись—кто куда пошло... Одна часть этихъ царскихъ ослушниковъ совсѣмъ съ семействами устремилась на Донъ, гдѣ и разбрелась по берегамъ его, покрытымъ непроходимыми камышами; другая часть этихъ казаковъ подъ начальствомъ своихъ выборныхъ атамановъ перебралась на Волгу, а оттуда въ Каспійское море. „Здѣсь“, рассказываетъ Павкратовъ въ своей книгѣ Гребенцы въ пѣсняхъ (Владикавказъ 1895 г.): „погулявъ и пограбивъ вдоволь и безъ разбору всякія корабли, шайка воль-

ныхъ людей была застигнута сильной бурей, разбившей въ щепки ихъ струги и потопившей большинство казаковъ. Небольшая группа въ 250 человекъ благополучно выбралась на жилое мѣсто, будучи выброшена въ устье Терека. Отсюда голытьба поднялась вверхъ по Тереку и основала четыре укрѣпленныхъ городка, „юрта“, при чемъ три изъ городковъ получили названіе по имени своихъ атамановъ-основателей: Кордюка, Гладкого, Шадрина, а за четвертымъ сохранилось названіе въ память оставленнаго родного пенелища „Червленный Яръ“; такимъ образомъ появились—Червленный, Шадринскій, Гладковскій и Кордюковскій городки, нынѣ станицы Червленная, Щедринская, Гладковская и Кордюковская“. Это событіе, какъ полагаютъ нѣкоторые, случилось въ 1557 г. *).

По прочномъ утвержденіи на берегахъ Терека казаки выбрали со всѣхъ станицъ депутатовъ, которыхъ отправили въ Москву бить челомъ Іоанну Грозному, чтобы простилъ ихъ за побѣгъ и ослушаніе. Какъ свидѣтельствуется исторія, царь Иванъ не только простилъ ихъ за побѣгъ, но даже пожаловалъ ихъ на вѣчное владѣніе Терекомъ Горыньевичемъ съ притоками. Памятникомъ этого событія является слѣдующая пѣсня, очень популярная среди гребенскихъ казаковъ:

Не сѣрые гуси въ полѣ гогочуть,
Не сизые орлы въ полѣ влохчуть —
Они пить-ѣсть хотять.
Гребенскіе наши казаки
Предъ царемъ они стоятъ,
Передъ Грознымъ царемъ,
Предъ Иваномъ Васильевичемъ.
Гребенскіе наши казаки

---

*) Во всякомъ случаѣ, можно думать, что не ранѣе 1556 г., т. е. года покоренія Астраханскаго царства.

Царю рѣчи говорятъ:

„Да ты, батюшка, нашъ надежа
Православный Государь!
Да и чѣмъ ты насъ порадуешь,
Чѣмъ пожалуешь“

— „Подарю я васъ, мои казаченьги,
Рѣкою вольною, Терекомъ Гореньевичемъ;
Отъ самаго гребня до синя моря,
До синя моря, до Хвалынскаго *)“.

По мѣсту поселенія новые поселенцы стали зваться терскими или гребенскими казаками (последнее названіе происходитъ отъ гребня, хребта Кавказскихъ горъ, проходящаго стѣной вдоль ихъ станицъ). Вскорѣ послѣ основанія на новыхъ мѣстахъ началась многотрудная жизнь далекихъ колонистовъ. . . Окруженные со всѣхъ сторонъ враждебными народцами, казаки должны были быть всегда насторожѣ, всегда при оружіи, такъ какъ каждую минуту, и днемъ и ночью, можно было ожидать нападеній или съ свѣра отъ калмыковъ и нагаевъ, или съ юга, изъ-за Терека, отъ горскихъ народцевъ—чеченцевъ, кабардинцевъ и др.; но тѣмъ не менѣе, чтобы поддерживать свое существованіе, надо было исполнять и работы по хозяйству: садовыя, огородныя, полевыя. Но тревожныя условія жизни мало давали казаку возможности заниматься хозяйствомъ. По большей части военная служба—походная и сторожевая на „пикетахъ“ и „секретахъ“ совсѣмъ отрывала его отъ дома, и онъ только изрѣдка заглядывалъ къ себѣ домой—передохнуть, запастись порохомъ и т. п. . . А такъ какъ это тревожное время изъ года въ годъ начиналось, какъ только лѣсъ побрывался листвою, т. е. съ наступленіемъ весны и полевыхъ работъ, то и случилось то, что вся масса хозяйственныхъ работъ

*) Смотри сборникъ Панкратова (Владикавказъ, Гребенцы въ пѣсняхъ 1895 г. стр. 10, а также пѣсни Кирѣевского вып. 8-й стр. 310).

казака и домашних и полевых пала на женщинъ—женъ, сестеръ и матерей, такъ какъ не всякій имѣлъ возможность нанять работника-нагайца *).

И эти мирныя русскія женщины, вся специальность которыхъ до этого заключалась въ томъ, чтобы варить мужьямъ щи и рожать имъ здоровыхъ ребятъ, безропотно покорились своимъ новымъ обязанностямъ, такъ какъ мужья были заняты и еще болѣе трудными и опасными дѣлами. Привычка и навыкъ создаютъ искусство, и со временемъ казачка достигла въ своей новой сферѣ большого умѣнья. Казачка управляла и лошадыю и ѣздила на ней верхомъ, какъ настоящій наѣздникъ, и пахала, и садила, и сѣяла, и убирала новый урожай. Словомъ, за отсутствіемъ мужа, она могла выполнять любую работу по хозяйству. Но это не все—верѣдко бывали и такіе случаи, что въ боевыхъ подвигахъ принимали участіе не только поголовно все мужское взрослое населеніе, но и всѣ женщины и даже ихъ дѣти—мальчишки-подростки. . . Это случалось при внезапныхъ ночныхъ нападеніяхъ горцевъ на станицу, при ихъ атакахъ, особенно рассчитанныхъ на время отсутствія мужей. Тогда всѣ становились подъ ружье, всѣ дѣлались воинами-героями, всѣмъ находилось дѣло, и женщины не уступали въ храбрости, находчивости и распорядительности казакамъ-мужчинамъ. Какъ на яркій примѣръ, укажу на знаменитое въ „Исторіи Кавказской войны“ „сидѣнье“ Наурской станицы противъ соединенныхъ силъ горцевъ и кубанскихъ татаръ, осаждавшихъ эту станицу въ концѣ 18-го вѣка *).

Въ одной пѣснѣ уже позднѣго происхожденія такъ описывается эта тревожная жизнь:

---

*) См. повѣсть Л. Н. Толстого „Казакъ“.

**) См. прекрасную книгу Потто „Исторія Кавказской войны“.

Темной ночью зазвонили
Сильно въ колоколъ большой,
Встрепенулася станица,
Нарушивъ ночной покой:
Жены бросились въ конюшни
Осѣдлатъ борзыхъ коней,
Чтобы дать мужьямъ возможность
Быть на мѣстѣ поскорѣй...
И всѣ мчатся къ колокольвѣ—
Молодые, старики,
А на Терекѣ далеко
Слышны отзвуки стрѣльбы...

Я потому такъ останавливаюсь сравнительно подробно на этой сторонѣ прошлой боевой жизни гребенскихъ казаковъ, что безъ этого намъ не были бы такъ ясны многія чисто мѣстные наслоенія въ старинахъ и историческихъ пѣсняхъ, сохранившихся на Терекѣ. Болѣе чѣмъ трехсотлѣтнее пребываніе среди разнообразныхъ народцевъ, а также военное и мирное общеніе съ ними создало изъ чистыхъ великорусовъ замѣчательную этнографическую разновидность великорусскаго племени... Не измѣнилась въ немъ только и осталась нетронутой его религія: коренные гребенцы и потомки первооснователей терскаго казачьяго войска, какъ и отдаленные ихъ предки, до сихъ поръ придерживаются раскола. Во всемъ остальномъ—въ типѣ, одеждѣ, обычаяхъ, языкѣ бывшіе рязанцы измѣнились до неузнаваемости. Чтобы не слишкомъ распространяться, я отмѣчу происшедшую перемѣну только въ той области, которая непосредственно касается моей работы, именно въ языкѣ.

Не буду голословнымъ и приведу для образца небольшой отрывокъ діалога между двумя казаками Наурской станицы. Языкъ станицы Наурской, какъ одной изъ старѣй-

шихъ на Терекѣ, можетъ считаться характернымъ языкомъ вообще всѣхъ гребенцовъ. Вотъ этотъ діалогъ*):

1) Эй, кунакъ, кайда бара, иди дербулызнемъ по мерзавчику.

Нѣтъ, избавь: състочилъ время-темешу на базаръ; надысь хватилъ черезъ край, такъ и теперича башва ходоромъ ходить.

Яманъ твое дѣло; посѣялъ, значить, жито, а уродился макъ; махни рукой, не отвѣкивайся: нехай будетъ съ жита макъ.

Иди: хватимъ горячаго до слезъ, какъ рукой сниметь; будешь чувствовать себѣ антикъ-маре—(прищелкиваетъ), и дѣло у тебя пойдетъ по дѣлу, а судъ по формѣ, а кардашь-то твой ара-бедыръ.

2) Улизнулъ на Ле-кую, ажныгъ пятки замелькали, такое лататы задалъ, что чохъ-якши. Много объ сибѣ пони-маеть, а мой адать дюжа съ нимъ не раздабарывать; да и благовѣрная моя имъ недовольна; она теперь въ антиресномъ положеніи, одной ногой почти въ гробу, кричитъ: „замучили вы меня, окаянные; сколько я выстрадала, знаетъ только моя грудь да подоплека“; ну я, разумѣется, и выгналъ ахальнига: кеть, говорю, такой-сякой, сухой, немазанный; кеть, говорю, голь-шмаль-пали-кампанія, а онъ и улизнулъ; но говорить: „не прошу, докажу“, говорить: „тебѣ, что и своихъ не узнаешь“.—Увидимъ, говорю.

Вотъ приблизительно рѣчь гребенскихъ казаковъ. На ряду съ основнымъ великорусскимъ языкомъ вы здѣсь найдете и слова горскихъ народцевъ: осетинъ, кабардинцевъ, чеченцевъ, и слова татарскія, калмыцкія, нагайскія, маюрусскія и даже исковерканныя французскія.

Казаюсь бы, что послѣ такого ужаснаго русскаго языка-жаргона, нечего и мечтать найти въ средѣ этого племени что-либо похожее на художественную народную русскую

---

*) П. Рострикова „Повѣрья примѣты и суевѣрные обычаи наурцевъ“ (Сб. мат., в. XXXVII, о. II, стр. 64.).

пѣсню; однако русскій человѣкъ и здѣсь оказался оригиналомъ, и здѣсь оказался какъ-то внѣ мѣры. Насколько его обыденный прозаическій языкъ грубъ и неблагозвученъ, настолько же его художественный пѣсенный языкъ чистъ, богатъ и поэтиченъ. И недавно начавшіеся опыты по собиранію памятниковъ народной словесности и въ этой области дали великолѣпные результаты. Помимо цѣлой массы бытовыхъ, обрядовыхъ, скоморошенныхъ и др. пѣсенъ, была записана цѣлая масса старинъ (былинъ) и историческихъ пѣсенъ. Оставаясь свое вниманіе главнымъ образомъ на былинахъ или „старинахъ“, „старинкахъ“—какъ ихъ здѣсь называютъ. Ихъ сверхъ всякаго моего ожиданія оказалось здѣсь очень порядочное количество. Всѣ онѣ вошли въ различныя періодическія кавказскія изданія за послѣднія 10 лѣтъ, главнымъ образомъ въ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. Чѣмъ объяснить такую памятность гребенцовъ? Я объясняю ее, съ одной стороны, тѣми же причинами, которые способствовали наилучшему сохраненію былинъ и въ Олонецкомъ краѣ, что еще раньше и, по-моему, вполне справедливо высказалъ Гильфердингъ; именно—отдаленность и оторванность отъ родины-метрополи и, такимъ образомъ, вполне понятное упорное стремленіе маленькаго народца, окруженнаго со всѣхъ сторонъ чуждыми племенами, сохранить неизбежно религію и родную пѣсню, въ которой онъ подчасъ изливалъ свое душевное настроеніе и вспоминалъ святую старину. А если мы къ тому же еще и вспомнимъ, что почти всѣ коренные гребенцы, какъ и жители русскаго Сѣвера, Исландіи нашего поэта, придерживаются тоже раскола, то поймемъ, что старина для него была дѣйствительно свята и неприкосновенна... Достаточно только вспомнить знаменитое аввакумовское— „умру за единый азъ“, и намъ понятна станетъ психологія старообрядца-казака, понятна и его памятность.

Второй причной, способствовавшей сохраненію эпоса и старинной исторической пѣсни на Терекѣ былъ тотъ фактъ, что съ самаго основанія гребенскаго войска и до самыхъ послѣднихъ дней сюда не прекращался притокъ вольнолюбивой голытьбы; за это говорятъ въ равной степени какъ исторія, такъ и то явленіе, что въ нашихъ сборникахъ старинъ и пѣсень мы находимъ какъ историческія пѣсни, пачиная съ Ивана IV, санкціонировавшаго этихъ застрѣльщиковъ русской гражданственности на далекой окраинѣ, такъ и пѣсни съ болѣе поздними общерусскими сюжетами почти вплоть до нашихъ дней.

Такимъ образомъ, родной пѣсенный репертуаръ не только поддерживался прибывшими бѣглецами, но и обогащался новыми сюжетами.

Покончивъ съ очеркомъ возникновенія, образованія характерныхъ особенностей гребенскихъ казакохъ, переходу теперь собственно къ самой работѣ—къ изслѣдованію старинъ, записанныхъ въ этой области. Но тутъ возникаетъ вопросъ, кѣмъ же онѣ и когда собраны и записаны и поскольку ихъ текстъ внушаетъ довѣріе; не есть ли это плодъ досужей, хотя, быть-можетъ, и талантливой отсебятны, вродѣ сахаровщины?.. На это я могу отвѣтить слѣдующее. Собраны всѣ эти пѣсни и записаны въ разное время и разными лицами на мѣстахъ, по Тереку, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе; и хотя ихъ имена и мало извѣстны большой публикѣ, тѣмъ не менѣе, судя по тому, какъ они отнеслись къ своей задачѣ, ихъ труды вполне достойны довѣрія и вниманія. Первымъ по времени, хотя не по количеству и качеству матерьяла, можно назвать г-на Бурсевича, о которомъ уже упоминаетъ В. Ф. Миллеръ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской народной словесности“ *).

*) См. „Очерки по исторіи Русской народной словесности. Былины. стр. 409. В. Ф. Миллеръ. Москва 1897 г.

Въ этомъ небольшомъ сборникѣ мы находимъ только пѣсню про Илью Муромца.

Вторымъ по времени и полнотѣ безусловно я назвалъ бы сборникъ г-на Панкратова, сборникъ, известный подъ названіемъ „Гребенцы въ пѣсняхъ“, Владикавказъ 1895 г. Въ этомъ сборникѣ я нашелъ семь вариантовъ различныхъ сюжетовъ старинъ и цѣлую массу—90 съ лишнимъ историческихъ пѣсень, начиная съ пѣсень про измѣну кн. Курбскаго и почти до половины 19-го столѣтія, при чемъ замѣчу, что про одного лишь Стевкю Разина оказалось 13 различныхъ вариантовъ. Причины, побудившія его зяяться собираніемъ народныхъ пѣсень на своей родинѣ въ предисловіи къ своей книгѣ имъ рассказываются такъ *): Еще будучи гимназистомъ, говоритъ онъ, и видя, какъ съ каждымъ годомъ, благодаря цивилизація, все болѣе и болѣе забываются свои родныя пѣсни, я задался цѣлью воскресить забываемую народную литературу первыхъ колонизаторовъ Кавказа. Шестъ лѣтъ, рассказываетъ онъ: я работалъ надъ сборомъ пѣсень по гребенскимъ станицамъ, входя „во бесѣды“ и наконецъ, труды мои увѣнчались успѣхомъ, хотя и неполнымъ; при записываніи, подчеркиваетъ онъ: я старался держаться того языка, которымъ онѣ пѣлись.

Третьимъ по времени, но первымъ по полнотѣ и научности я назвалъ бы г-на М. Барпинскаго, который при моральной и экономической поддержкѣ г-на попечителя Кавказскаго учебнаго округа три раза ѣздилъ **) по Терской области и посѣщалъ старѣйшія станицы гребенцовъ: Червленную, Гладковскую (Старую и Новую) и Щѣдринскую и записалъ цѣлую массу былинь, историческихъ и бытовыхъ пѣсень съ

---

*) Самъ Панкратовъ по рожденію терскій казакъ и здравствуетъ и понынѣ.

**) См. „Сборники матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа“—вып. 22, 24, 27.

точнымъ соблюденіемъ особенностей мѣстнаго говора... Не считая пѣсень, всего имъ собрано 18 вариантовъ старинъ, которыя и напечатаны имъ въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа въ выпускахъ 22, 24 и 27. Остальные 5—6 вариантовъ записаны разными диллетантами, любителями народной пѣсни, преимущественно учителями мѣстныхъ школъ, имена которыхъ я, къ сожалѣнію, теперь не помню. Такъ вотъ имена этихъ скромныхъ, но добросовѣстныхъ работниковъ и цѣнителей русскаго слова, благодаря которымъ умирающіе остатки былевого эпоса не погибли окончательно, а записаны и сохранены на память живущимъ и будущимъ поколѣніямъ. Что касается лично меня самого, то мнѣ удалось записать въ этихъ краяхъ только нѣсколько заговоровъ и народныхъ пѣсень, которыя я думаю помѣстить въ другой моей работѣ.

Но перехожу, наконецъ, и къ самымъ старинамъ; вотъ ихъ сюжеты:

- 1) Встрѣча Ильи Муромца съ разбойниками (5 вариантовъ).
- 2) Илья М. на Червленномъ кораблѣ (3 вар.).
- 3) Про Малютку Илью Муромца (2 вар.).
- 4) Про Александрюшку Македонскаго и Илью Муромца (3 вар.).
- 5) Илья Муромецъ, слуга Амелфы Тимофеевны (2 вар.).
- 6) Про Добрыню и Алешу Поповича (4 вар.).
- 7) Про Добрыню и Маринку (1 вар.).
- 8) Про Алешеньку Догрубничка (1 вар.).
- 9) О Ставрѣ-Лаврѣ Тимофеевичѣ (2 вар.).
- 10) О Дюгѣ Степановичѣ (2 вар.).
- 11) О Данилушкѣ Безсчастномъ (1 вар.).
- 12) Богатыри на часахъ (2 вар.).
- 13) Про женитьбу Владимира Всеславича (1 вар.).
- 14) Объ Иванушкѣ Гордѣевичѣ (2 вар.).

Итого 14 сюжетовъ въ 30 записяхъ. Вотъ то поэтическое богатство, которымъ еще и понынѣ обладаетъ Терская область. Старины эти записаны въ слѣдующихъ десяти станицахъ: 1) Червленной, 2) Старогладковской, 3) Новогладковской, 4) Бордюковской, 5) Щедринской, 6) Наурской, 7) Слѣпцовской, 7) Ищерской, 9) Бороздянской, 10) Умаханъ-Юртовской.

Если мы глянемъ на карту Терской области, то замѣтимъ, что всѣ эти станицы расположены далеко не смежно другъ съ другомъ; въ интервалахъ между названными станицами расположены и другія станицы, напр., между Червленной и Наурской— станицы Кашиновская и Николаевская, и всѣ онѣ находятся въ живомъ дѣловомъ и родственномъ общеніи другъ съ другомъ; поѣтому есть основаніе полагать, что записанныя разными собирателями старины являются не только достояніемъ этихъ десяти станицъ, но распространены и извѣстны, хотя, можетъ-быть, и не въ такой мѣрѣ, и въ другихъ станицахъ, но только сказатели ихъ и хранители не попадались изслѣдователямъ и собирателямъ. Самое большое количество старинъ сохранилось про Илью Муромца. Такимъ образомъ, имя этого популярнаго русскаго богатыря оказалось и здѣсь самымъ любимымъ и распространеннымъ. Съ него мы и начнемъ.

Изъ старинъ про этого богатыря какъ по мѣсту нахождения, такъ и по количеству вариантовъ самой распространенной является старина про Илью Муромца и Разбойниковъ; она записана въ 4 станицахъ: въ Наурской 2 в. въ Червленной 1, въ Ищерской 1 и въ Слѣпцовской 1— всего въ 5 записяхъ. Привожу здѣсь самый б ѣльшой и сохранившійся вариантъ этой старины, записанной въ станицѣ Наурской:

Воздалеченько было — воздалеченько во темномъ лѣсу
Пролежала въ полѣ дороженька, она непробойная,

Непробойная она дороженька, она неторная:
Никто по ней не ходилъ, не ѣзживалъ;
Одинъ тамъ шелъ прошелъ старый старикъ,
Что старый старикъ Илья Муромецъ;
На немъ была шубочка вся худая излатаная;
Лѣвая полочка, она была во пятьсотъ рублей,
А правая полочка была она во всю тысячу,
По всему хребту шубеночка ей и смѣты нѣтъ.
Наѣзжаютъ на этого старинушку три разбойника *)
Да хотять они его убить или зарѣзати,
А шубочку съ него свять, между собой подуванити.
На ту пору старинушка онъ присторожился:
Натягиваетъ онъ свой тугой лукъ,
Онъ натягиваетъ туго-на-туго,
Закладываетъ свою грозовую стрѣлу:
Пустилъ онъ ее во разбойничковъ,
Попалъ онъ въ сырокрѣпчатый дубъ
И разбилъ его на двѣнадцать частей.
И тогда разбойнички перепужались
И всѣ врозь они разбѣжались.
Восходитъ старинушка онъ во царскій кабакъ,
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Цѣловальники вы, кабатчики, вставайте поскорѣ!
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,
А любимому моему товарищу
Ему вина на всю тысячу“.
Цѣловальники всѣ они перепужались,
Всѣ врозь-то они разбѣжались:
— „Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ такой?“

---

*) По другому варианту „два разбойника“.

Всего 34 стиха. Старину съ подобнымъ же сюжетомъ „Встрѣча Ильи Муромца съ разбойниками“ мы встрѣчаемъ у Кирши Данилова (стр. 347), у Кирѣвскаго (вып. I-й стр. 15—27) и громадное количество вариантовъ въ видѣ отдѣльныхъ коротенькихъ старинъ и въ видѣ отдѣльныхъ сюжетовъ въ большихъ старинахъ про Илью у Рыбникова и у Гильфердинга. Приведенная нами старина какъ въ своихъ главныхъ чертахъ, такъ и въ подробностяхъ, за самымъ малымъ исключеніемъ, почти ни въ чемъ не расходится съ аналогичными же старинами у К. Данилова и Кирѣвскаго. Но эта же старина „Встрѣча Ильи Муромца съ разбойниками“, какъ я уже сказалъ, встрѣчается въ другой, болѣе распространенной старинѣ про Илью—„Три поѣздки Ильи“ у Рыбникова т. 2, 3 [4 вар.], у Гильфердинга т. 3-й [7 вар.]; также въ былинѣ Илья и Соловей Разбойникъ т. 3 ст. 613 и др., напримѣръ—„1-я поѣздка Ильи въ Кіевъ“ у нихъ же. Является вопросъ, въ какомъ видѣ она явилась на Терекѣ—въ полномъ ли видѣ, какъ упомянутые выше два сюжета, и уже здѣсь, распавшись, сохранила только этотъ эпизодъ, или и явилась она сюда уже той коротенькой стариной (34 стиха), подобная которой мы находимъ уже у Кирши и у Кирѣвскаго. Если принять во вниманіе то, какъ говорить В. Миллеръ, что былина съ разбираемымъ сюжетомъ составляетъ нерѣдко содержаніе отдѣльной небольшой пѣсни, которая, войдя въ репертуаръ пѣсенъ разбойничьихъ и казацкихъ, далеко распространилась по Волгѣ, Тереку и Яику,—если это принять во вниманіе, то можно думать, что эта коротенькая старина въ такомъ же видѣ и пришла сюда. Но тутъ наводитъ на размышленіе слѣдующая небольшая подробность нашей старины; именно, тогда какъ старины съ аналогичнымъ сюжетомъ у Кирши, у Кирѣвскаго имъ однимъ и оканчиваются, въ нашей—Илья послѣ встрѣчи съ разбойниками заходитъ въ царскій кабакъ

и начинает шумѣть и кричать на цѣловальниковъ и требовать „зелена вина на пятьсотъ рублей“, а товарищу „на всю тысячу“. А этотъ конецъ нашей старины какъ разъ является отдѣльнымъ эпизодомъ въ другой болѣе обширной старинѣ „Первая поѣздка Ильи въ Кіевъ“ напр., у Гильфердинга т. 3 стр. 61, у Анчукова, „Печорскіе былины“ стр. 16, гдѣ Илья, разгнѣванный холоднымъ приѣмомъ кн. Владимира идетъ въ кабакъ и начинаетъ дебошничать. Такое окончаніе невольно наводитъ на мысль, что возможно, что эта старина появилась и образовалась уже здѣсь, на Терекѣ, изъ этой большой старины „Первая поѣздка Ильи въ Кіевъ“, утративъ цѣликомъ всю среднюю и сохранивъ только начало и конецъ. Такимъ образомъ, существованіе въ этой пѣснѣ такого окончанія даетъ основаніе думать, что уже на ряду съ вышеупомянутыми коротенькими вариантами „Встрѣчи Ильи съ разбойниками“, вѣроятно были и обширные варианты съ похождениями Ильи, вродѣ какъ у Гильфердинга и Рыбникова—„Первая поѣздка Ильи“. Таково, значитъ, происхожденіе нашей старины. Она могла образоваться или изъ большой старины „Первая поѣздка Ильи“, сохранивъ только сюжетъ встрѣчи Ильи съ разбойниками и пьянство въ кабакѣ; или еще раньше распалась уже на старомъ пепелищѣ, утративъ всю среднюю и пристегнувъ уже на Терекѣ окончаніе изъ другой старины съ тѣмъ же героемъ. Но какъ бы ни то было, самый сюжетъ сохранился неизмѣнно послѣ 350-лѣтняго пребыванія на чужбинѣ; вкратчѣ только маленькая разновидность въ подробности. Именно, въ то время какъ во всѣхъ аналогичныхъ вариантахъ Кириши, Киришевскаго и др. на Илью нападаетъ ватага разбойниковъ—то 40, то 400, то 40,000 разбойниковъ, въ нашихъ вариантахъ, какъ по уговору, нападаютъ на Илью 3, въ нѣкоторыхъ 2 разбойника. Такая подробность, по моему, не лишена интереса. Кавказъ тоже знаетъ разбойничество; это

то, что на Сѣверномъ Кавказѣ извѣстно подъ именемъ „абреки“ (что значить „черный“), „абречество“; но абреки рѣдко соединялись въ „артелл“, „ватаги“, и предпочитали вести жизнь волчью, изрѣдка соединяясь въ кучки въ 2—3 человѣка; эта особенность въ кавказской разбойничьей жизни и перешла, по-моему, въ эту старину; въ остальномъ старина ни въ чемъ не отличается отъ каноническихъ, кромѣ утраты нѣкоторыхъ незначительныхъ подробностей.

Перехожу къ другой старинѣ про этого же богатыря— „Илья Муромецъ на Червленномъ кораблѣ“. Эта старина имѣется у насъ въ двухъ вариантахъ; одинъ записанъ г. Карпинскимъ въ стан. Червленной, другой г. Панкратовымъ (станицы не указываетъ). Оба варианта очень близки; вся разница заключается въ томъ, что вариантъ г. Панкратова нѣсколько полнѣе и законченнѣе, запись г. Карпинскаго нѣсколько сокращена въ концѣ. Привожу эту старину въ записи Панкратова:

Что ни по морю, по морюшку,
По синю морю по Хвалынскому
Тамъ плыветъ на *) соколигъ корабль.
Двадцать лѣтъ корабль на якорѣ не станвалъ,
Къ бережку бруту не причаливалъ
И онъ желтаго песку въ глаза не видывалъ.
Что бока-то его сведены по туриному,
А носъ да корма они по змѣнному.
Атаманомъ былъ на немъ Стенька Разинъ онъ сынъ,
Есауломъ былъ Илья Муровичъ душа;
На Ильюшинькѣ кафтанъ бѣлый-бархатный,
На кафтанѣ пуговики онъ злаченныя,
А на каждой то пуговкѣ по лютому льву.

---

*) Частица „на“ часто встрѣчается въ терскихъ старинахъ для замѣны недостающаго слога въ стихѣ и играетъ ту же роль, что въ сѣверныхъ „старинахъ“ „ай“, „эй“, „да“ и пр.

Напали на корабль они разбойнички,
Что и тѣ-то татары они съ персіанами;
Какъ хотять то они этотъ корабль
Все разбить его разграбить,
Илью Муровича во полонъ его взять.
Какъ нашъ Муровичъ по кораблю похаживаетъ,
Свои пуговики значены поглаживаетъ:
Его пуговики значены разгорѣлися,
Его лютые-то львы разревѣлися;
Ужъ злые-то татары испугалися,
Во сине море они побросалися.

Наша старина вполне аналогична старинѣ съ подобнымъ же сюжетомъ у Кирѣвскаго стр. 22—23, вып. 1-й, и не отличается отъ нея ничѣмъ существеннымъ ни въ количественномъ ни въ качественномъ отношеніяхъ. „Пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ, записанная въ губ. Саратовской, на Уралѣ и въ Сибири“, говоритъ профессоръ В. Ф. Миллеръ: „есть продуктъ творчества волжскихъ разбойниковъ. Имя Ильи внесено въ нее лишь въ нѣкоторыхъ версіяхъ, какъ въ другихъ имя Стеньки Разина“ *). Наша терская старина представляетъ собой ту особенность, что въ ней на ряду со Стенькой Разинымъ фигурируетъ „Илья Муровичъ“ въ качествѣ есаула. Но въ другой записи этой же старины, записанной въ станицѣ Червленной г. Карпінскимъ (вып. 22 Сборника мат. для описанія мѣстн. и племень Кавказа), Стенька Разинъ совсѣмъ отсутствуетъ; атаманомъ въ ней является вмѣсто этого послѣдняго Илья Муромецъ, а есауломъ Алеша Поповичъ. Роль Ильи съ его необычными пуговицами разыгрываетъ Алеша, такъ какъ онъ, а не Илья, является одѣтымъ въ такой удивительный кафтанъ. Но судить о многомъ по этому варианту нельзя, такъ какъ въ

---

*) Журналъ Мин. Нар. Просв. за 1894 г. май стр. 69—70.

немъ всего на всего 14 стиховъ, и онъ представляетъ собою не больше какъ скомбанный и жалкій остатокъ когда-то вѣроятно стройнаго и большого цѣлаго. Вотъ все, что можно сказать относительно этой небольшой старины. Ничѣмъ другимъ, никакими мѣстными особенностями отъ вышеупомянутыхъ пѣсень Кирѣевского она не отличается. Есть и еще одинъ вариантъ про „Чирвень Борабль“, описаніе котораго совершенно тождественно съ вышеупомянутымъ, но обладателями его являются не Илья и Алеша, а „купцы торговые-распроклятые армяне вмѣстѣ съ кизилбашцами“... а атаманомъ одинъ изъ купцовъ, похищающій для себя въ жены царицу-дѣвицу Маринушку, дочь Кайсарову. Эта старина-пѣсня, по словамъ г. Карпинскаго, записавшаго эту старину, распѣвается въ станицѣ Новогладковской въ то время, когда гости переходятъ отъ отца невесты къ роднымъ жениха. Тщательно пересмотрѣвъ какъ каноническіе сборники, такъ и сборники нашихъ новѣйшихъ собирателей, я наконецъ нашелъ ей прототипъ въ печорскихъ былинахъ Анчукова, стр. 45; это старина про Соловья Будимировича. Но въ этой единственной старинѣ роль Соловья нѣсколько иная, нежели въ другихъ вариантахъ; онъ не сватаетъ, а просто похищаетъ насильно племянницу короля земли политовской, Явнушку Путятишну. Вотъ, вѣроятно, первоначальная редакція этой старины; но въ нашей старинѣ-пѣснѣ забыты имена богатыря похитителя и патрона похищенной дѣвицы; она превратилась изъ старины въ обрядовую на извѣстный случай пѣсню съ символическимъ значеніемъ.

Перехожу къ третьему сюжету старинѣ, гдѣ упоминается имя богатыря Ильи. Но на ряду съ именемъ „Ильи Муровича“ фигурируетъ и Александрюшка Македонскій. Вариантовъ на этотъ сюжетъ три. Всѣ они записаны въ станицѣ Червленой, одинъ г. Карпинскимъ (вып. 24 Сборника матеріаловъ), другой г. Пангратовымъ и третій г. Бурсевичемъ. Основа во

всѣхъ 3-хъ записяхъ одна и та же, но въ подробностяхъ, количествѣ и качествѣ содержимаго онѣ расходятся. Привожу здѣсь одинъ изъ лучшихъ вариантовъ въ записи г. Павратова:

Не въ славномъ городѣ Вавилонѣ
Тамъ жила красна дѣвица,
Она дочь отецкая.
Прожила она красна дѣвица
Ровно она тридцать лѣтъ.
Пріѣзжали къ ея родиму батюшкѣ
Вотъ изъ горъ они князья;
Пріѣзжалъ къ ея родимому батюшкѣ
Самъ паша, турецкій султанъ;
Какъ въ его-то красу красна дѣвица
Вотъ она перельстилася,
Во его-то лицо красная дѣвица
Вотъ она влюблася;
Совершила она красна дѣвица
Богу тяжкій грѣхъ—
Воспородила она на красна дѣвица
На младого юношу Александрюшку
Все того ли сына Македонскаго;
Дозвался ея родимый батюшка:
Онъ и сталъ ее журить-бранить,
Что журить-бранить, красную дѣвицу,
Со двора ее долой гонить:
„Ты сойди ли со двора долой,
Ты снеси съ меня худу славушку“.
Какъ взяла-то, взяла она младого юношу
Александрюшку, сына Македонскаго,
Прижала его красна дѣвица
Къ своему ретивому сердцу
И пошла-то, пошла красна дѣвица

Она все изъ граду вонъ;
Пошла-то она тропиною все звѣриною...
Вдругъ навстрѣчу ей, красной дѣвицѣ,
Идетъ на старой казакъ,
На старой казакъ идетъ,
Идетъ Илья Муровичъ:
„Что Богъ помощь тебѣ, красная дѣвица!
Куда тебя Господь Богъ несетъ?“
— „Я иду, иду, красная дѣвица,
Что по край моря синяго;
Я хочу то, хочу, красная дѣвица,
Построить теплое гвѣздышко;
Я воротичками его во чисто поле,
Окошечками во сине море;
Да тамъ будутъ ходить на младые охотнички,
Признавать въ младомъ юношѣ
Они князя Македонскаго...
Я хочу, хочу, красна дѣвица,
Я тебя еще просить буду:
Не топи намладого юношу,
Сына его Македонскаго“.

Этотъ странный и запутанный вариантъ, однако, по моему, изъ имѣющихся 3-хъ тождественныхъ наиболѣе сохранившейся. Запись г. Карпинскаго короче—36 стиховъ, но зато въ его записи есть, противъ записи г. Панкратова, слѣдующіе 2 стиха первой строкой:

Ни у славнаго то князя Владимира,
Ни у солнышка, у сына Сниславича...

Все остальное приблизительно одинаково, но конецъ, излагающій встрѣчу Ильи съ дѣвицей, скомканъ. Эти упомянутые двѣ строки, на мой взглядъ, очень цѣнны по слѣдующей причинѣ. Дѣло въ томъ, что въ статьѣ о старинахъ про Илью Муромца въ своей книгѣ „Очерки по Русской

народной словесности“ стр. 410—411, В. Ф. Миллеръ разбираетъ эту же старинку-пѣсню про Илью и Александрушку въ записи г. Борусевича (къ слову сказать, изъ имѣющихся 3-хъ записей самая слабая). И какъ самъ Борусевичъ, такъ и В. Ф. Миллеръ сочли ее за простую пѣсню, и послѣдній, разбирая ее подробно и сожалѣя о спутанномъ и неясномъ концѣ ея, все же находить въ ней нѣкоторые признаки былиннаго склада. „Мнѣ“, говоритъ онъ: „представляется она былиннымъ отрывкомъ, перешедшимъ въ разрядъ женскихъ пѣсенъ“... Чутье нашего ученаго не обмануло его: наличие 2-хъ вышеупомянутыхъ стиховъ про „солнышку Владимира, сына Сниславича“ дѣлаютъ несомнѣннымъ, что пѣсня г. Борусевича, а слѣдовательно и весь разбираемый нами сюжетъ, есть подлинно остатокъ бывшей когда-то старины. Въ этомъ насъ утверждаетъ еще и тотъ фактъ, что съ подобнымъ же сюжетомъ—„Встрѣча Ильи Муромца съ дѣвицей“ имѣется совершенно сомнѣнная и разрушенная старинка у Кирѣвскаго (вып. 1-й стр. 4-я). Можно думать, что наша старина и старина Кирѣвскаго есть остатки одной и той же, должно быть, когда-то большой и толковой старины. Только тамъ, у Кирѣвскаго, дѣвица на вопросъ Ильи: „зачѣмъ она одна въ полѣ“, отвѣчаетъ, что она бѣжала „бѣжала, красна дѣвица со новыхъ сѣней отъ того Алеши Поповича, отъ насмѣшника пересмѣшника“... Въ этой же старинѣ (нашей, то есть) вся бѣда надъ дѣвицей стряслась отъ горскаго князя. Эту маленькую особенность я считаю чисто мѣстнымъ привнесениемъ. По моему, это отголосокъ того отдаленнаго прошлаго „гребенскаго казачества“, когда у этихъ первыхъ русскихъ поселенцевъ на Терекѣ были не только боевыя, торговыя, но и родственныя связи съ туземными горскими племенами. Объ этомъ упоминаетъ и Л. Н. Толстой въ своей повѣсти „Казакъ“. Этотъ періодъ родственнаго общенія, т. е., когда гѣрцы женились на ка-

зачкахъ и наоборотъ, продолжался лѣтъ полтора, приблизительно до начала 18-го вѣка *), когда между горцами окончательно утверждается мусульманство и они начинаютъ недоброжелательно и даже враждебно относиться къ христіанамъ-гюрамъ. . . .

Остается сказать, какими путями проникло въ эту старину имя Александрюшки Македонскаго—имя, которое фигурируетъ въ старинкахъ гг. Панкратова и Карпинскаго. Явилось ли оно отголоскомъ какого-либо русскаго письменнаго сказанія про этого героя **), или — отголоскомъ устныхъ бродячихъ преданій, распространенныхъ про Александра Македонскаго на востокъ, — признаюсь, отвѣтить на этотъ вопросъ за отсутствіемъ у меня какого-либо матерьяла я рѣшительно затрудняюсь; однако замѣчу, что едва ли это имя въ нашей пѣснѣ является отголоскомъ восточныхъ сказаній, потому что тамъ этотъ герой извѣстенъ подъ именемъ „Искандеръ-Зульгарни“, что значитъ—двурогій ***); поэтому нужно быть хоть отчасти знакомымъ съ исторіей, чтобы узнать, что эти два имени тождественны, слѣдовательно, остается допустить первое, т. е. что оно проникло въ эту пѣсню изъ русскихъ письменныхъ сказаній про Александра Македонскаго. Что же касается самого „Ильи Муровича“, то появленіе его такъ мимолетно, роль такъ незначительна, что

---

*) Последній и почти окончательный ударъ христіанству на Сѣверномъ Кавказѣ былъ нанесенъ въ 1717 г. По приказанію турецкаго султана, крымскіе ханы Девлетъ-Гирей и Хазъ-Гирей распространяли магометанскую вѣру огнемъ и мечомъ. Въ эту эпоху многіе священники были убиты, книги ихъ сожжены, пастырскіе жезлы ихъ расхищены и брошены съ презрѣніемъ. Памятникомъ этого разгрома осталась такая поговорка у адыгейцевъ (кабардинцевъ): „пусть твое имущество будетъ такъ расхищено, какъ были расхищены шогенскіе (священническіе) жезлы“. См. интересную и рѣдкую книгу—„Исторія Адыгейскаго народа“—Ерустанъ-Шора-Бекмурзинъ Ногмова.

**) Напр. русской „Александріи“.

***) Отъ двурогаго шлема, въ которомъ изображаютъ иногда Александра Македонскаго.

сказать о немъ многого нельзя, хотя замѣчу мимоходомъ, что характеръ Ильи сердобольный и мягкій и даже здѣсь, совершенно въ необычайной для него обстановкѣ, выдержанъ удовлетворительно. . . .

Перехожу теперь къ четвертой старинѣ про Илью Муромца. Въ этой пѣснѣ нашъ „старой казакъ“ почему-то награждается страннымъ для него и необычнымъ эпитетомъ— „малютка“. Сохранилась эта „старинка“ у насъ въ двухъ записяхъ, одна у г. Панкратова, другая у г. Карпинскаго (см. вып. 27), записанная имъ въ станицѣ Червленной. Привожу здѣсь вариантъ г. Карпинскаго, какъ наиболѣе полный:

Ты, малютка, ты, малютка, Илья Муровичъ душа!
Выизжаетъ онъ, малютка, изъ таво ли горада изъ
Кѣева,

Што малютка на канѣ, какъ саколигъ на рукѣ,
Падъ малюткою конь, ровна лютый звѣрь;
Подъизжаетъ онъ, малютка, на сырому ка дубу;
На сыромъ дубу сидитъ младъ черной воранъ,
Младъ черной воранъ сидитъ, да самъ докучничигъ
Какъ хатитъ йиво малюточка застрѣлити:
„Да какъ застрѣлишь ты мня, ни угѣшишь самъ сябя;
Я скажу тибѣ, малютка, всю правду:
Абладали васъ татары сваей силаю,
Ай сваей силаю, силаю нивѣрнаю, багатырскаю,
Пакапали, сабаки, шанцы глубокіи“
Какъ на перваю та яму конь пирипрядывалъ,
Какъ на другуя яму конь абрушился.
Какъ паймали малютку сила нивѣрная,
Какъ свизали малютки назадъ руки бѣлыи,
Какъ скавали малютки ноги рѣзвыи. . .
Гдѣ паверница малютка, такъ и улица,
Гдѣ паваротица малютка, тамъ широка плошадъ“.

Запись г. Панкратова еще короче — всего одиннадцать стиховъ, но отъ стиха перваго и до послѣдняго совпадаетъ съ приведеннымъ текстомъ. Такія пмена—какъ Кіевъ, Илья Муровичъ, а также и само содержаніе пѣсни, хотя спутанное и скомканное, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ ея происхожденія; эта пѣсня есть остатокъ старины или даже нѣсколькихъ, въ чемъ мы сейчасъ и убѣдимся. Если мы исключимъ изъ этой старины пмя Ильи, которое здѣсь фигурируетъ какъ бы напрокатъ, то безъ труда увидимъ въ началѣ этой пѣсни (до встрѣчи Ильи съ ворономъ) въ описаніи героя и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ начало же другой старины—про „Михайлу Казариновича“ (Кирша Даниловъ стр. 163). Нашъ вариантъ:

Што малютка на конѣ, какъ соколикъ на рукѣ,
Подъ малюткою конь, ровно лютый звѣрь....

Вариантъ Кирши:

Какъ конь подъ нимъ, какъ бы лютый звѣрь;
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ....

Опять нашъ вариантъ:

Падъизжааетъ онъ, малютка, ка сырому ка дубу.
На сыромъ дубу сидитъ младъ черной воранъ....

У Кирши:

Наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ,
На дубу сидитъ тутъ черный воронъ....

Вотъ какую старину больше всего напоминаетъ намъ нашъ отрывокъ своимъ началомъ. Что же касается второй половины,—начиная отъ разговора Ильи съ ворономъ и до конца, то этой половинѣ можно найти много параллелей въ нашихъ старинахъ. Такъ, мы можемъ указать старины съ подобнымъ же сюжетомъ „Про Илью и Калина-царя“, у Кирши (стр. 195), у Гильфердинга (т. 2-й стр. 19), у Рыбникова—„Добрыня и сила невѣрная“ (т. 2-й стр. 33); но еще большими частями эта старина совпадаетъ съ былинной про

„Ивана Даниловича“ (т. 3-й ст. 698, Гильфердингъ). Вся разница въ томъ, что тамъ богатыря извѣщаетъ объ опасности конь, а у насъ воронъ съ дуба; въ остальномъ имѣющимися частями вторая половина очень близко подходитъ къ этой упомянутой старинѣ про Ивана Даниловича. Такимъ образомъ, проведенная параллель не оставляетъ сомнѣнй насчетъ происхожденія этой старины. Она есть крайне скромный остатокъ или, вѣрнѣе сказать, довольно слабое соединеніе двухъ, а, можетъ-быть, даже и трехъ старинъ. Отдѣльные моменты въ ней и выраженія (въ первой половинѣ) намъ сильно напоминаютъ аналогичныя же мѣста въ старинѣ про „Михаила Казариновича“ у Кириши Данилова. Паденіе въ ровъ, плѣнь Ильи и избіеніе имъ силы вражьей напоминаютъ намъ сцену изъ старины про „Илью и Калина-царя“, а также про „Добрыню и сплу невѣрную“, а еще больше старину про „Ивана Даниловича“.

Вотъ изъ какихъ источниковъ образовалась разобранная нами пѣсня про „Малютку Илью Муровича“. Ничѣмъ новымъ, мѣстнымъ, за свое долготѣнее пребываніе на чужбинѣ, этотъ отрывокъ не обогатился. Вотъ что можно сказать про эту старину!

Перехожу теперь къ пятому сюжету пѣсень про Илью — къ старинѣ извѣстной подъ названіемъ: „Илья Муровичъ, сынъ Амелфы Тимофевны“; она имѣется у насъ въ двухъ вариантахъ, записанныхъ г. Карпинскимъ въ ст. Червленой. Они довольно близки по содержанію, но только одинъ изъ нихъ болѣе скромный, и имя Ильи въ немъ замѣнено „чадушкой“, „Авксентьюшкой“. Въ остальномъ существенной разницы не наблюдается. Привожу здѣсь лучшій изъ нихъ:

Пристарѣлая старушка пашню пахивала,
Она пашенку пахала, пшонку сѣяла,
И прастую то пшнничку бѣлояравую...

Какъ брасала стара баба пашню пахивати,
Пашла ана, стара баба, на полюшку паказакавати;
Увидала та стара баба ни ва даличи,
Ни ва даличи, ва чистамъ поли,
Увидала та ана двухъ удалыхъ добрыхъ моладцавъ....
Примагучихъ, сильныхъ богатыревъ.
Бижала ана къ нимъ паскареханька,
Дабижавши да нихъ, да добрыхъ моладцавъ, стана-
виласа,

Кричала та, зычала сванмъ громкимъ голасомъ:
„Раздобрыйи моладцы, примагучиі богатыри!
Пристановьте сванхъ дабрѣхъ каней,
Да скажити мнѣ правду-истину,
Што я буду у васъ спрашивати:
Да на гдѣ вы были, добрыйи моладцы, гдѣ гуливали?
Да на гдѣ училиса, гдѣ абучалиса,
На сваею силаю абручалнса?
На какомъ таку, добры моладцы, вы цагуливали?...“
— „Пристарѣлая старушка, Амельфа Тимафейвна!
На таку мы были на Алимавамъ,
Что таво та змѣя йиво Тугарина;
Пивушку мы пили, ни пьяную,
Ни пьяную пивушку—много сильную“.—
„Ни видали, добры моладцы, маво сына Иванавича?“
— „Ужъ мы скажимъ тибѣ, старушка, правду-истину:
Ты бижн-ка, на старая бабушка, на полюшку Ша-
линскую *);
Дабижавши, старая бабушка, да мѣстичка Шалин-
скава,

Да тава ли маста да калинава,
Повирни дабрѣ коня въ праву сторону—

*) Вариантъ „Куликовскую“.

Лижить та тамъ твая дѣтатка убитая.
Права ручивька йиво прастрилена,
А на лѣвай та ручивьки залатой перстинь
Са тѣмъ та са камушкамъ са мрамарнымъ....
Противъ солнышка та ровна жаръ горить,
А противъ ночиньки, какъ маланья блистить“.
На ефта старая старушка ужахнуласа:
„Раздобрийи вы маи моладцы,
Примагучии вы сильныи бѣгатыри!
Скажити вы маво тѣ сына примѣтушки!“
— „На буйная та галовушка у тваво та сына Иванавича
Са большой пивной батель,
А носъ та у тваво дитятки съ калину стрилу“.
На ефту правду на истинную
Старушка сильна ужахнуласа.
На ефти часы съ ними, добрыми моладцами, ни пра-
стиласа —

Направляла сваиво дабрá каня
Ва ту-та полюшку Шалинскую,
Ка таму-та ка масту ка калинаву.
Дабижавши, старая бабушка, да маста калинава,
Вынимала залатую трубочку надзорную;
Сматрѣла старая бабушка въ праву сторону,
Увидала сваиво-та сына трупъ военный.
Пушшала та ана сваиво дабрá каня,
Дабижала да йиво тѣла бѣлава;
На ефта старая бабушка ужахнуласа,
Тѣла бѣлая йиѣ стрипнуласа,
Тѣла бѣлая, сердца нѣжная,
На роднай та матушки сильна кравѣвая;
Взила-та ана сваиво сына на блы́ руки,
Прижимала йиво ка сваймъ билимъ грудямъ;
Накладала йиво на дабра каня,

Дабру сваіму каню приказывала:

„Ужъ ты, душичка, душаня, душа, добрый конь.

Ты иди-ка душа-добрый конь, патихоханьку, пали-
гоханьку!

Ты визи-ка маво сына, Ивановича, патихоханьку, поли-
гоханьку,

Штобы тѣла бѣлая йиво ни стрипинуласа,

Чорныйи йиво кудирцы ни шилахнуліса,

Темныйи лѣсушки штобъ въ глаза ни видать,

А высокіи горы ни прихватывати“.

Дабижала ана, старая бабушка, да дому сваиво,

Кричала ана сванмъ громкимъ голасамъ:

„Ужъ вы, слуги маи, слуги вѣрныи,

Вояси маи княжинецкіи!

Вы возьмити-ка званчатыйи гусли,

Завадити ефти гуслицы ни на гульбишу ни на игришу,

Завадити ефти гуслицы на баю, на батальицу,

Што визу-та сваиво сына Иванавича,

Са баю та визу йиво са батальицы“.

Заиграли та кагда званчатыйи гусли:

Ни устаявши на родная матушка на сванхъ рѣзвыхъ нагахъ.

Тутъ сказалъ ей раздобрый молодець,

Раздобрый молодець, Илья Муровичъ:

„Што ета за дѣла хитрая, за дѣла мудрая?

Для каво ты биригла зброю ратную, капье булатную?...

Для каво диржала ты пивушку сильную, пивушку
пьяную?

Какъ у миня-та была родная матушка,

Кѣкъ папла-та миня пиваю пьянаю, пиваю сильнаю,

И давала мнѣ зброю ратную, капье булатную“.

Ва тѣ-та часы старая-та старушка ужахнуласа:

— „Раздобрый ты молодець, Илья Муровичъ!

Ты вазьми-ка, вазьми зброю ратную, капье булатную,

Капье булатную ва правую ва ручиньку,
Ва лѣвую ва ручиньку залату саблю!
Ай свиси-ка, свиси съ мивя буйную голува дадой!
Наткни йие на вастрю на капье,
Паниси-ка разудалую галовушку ка синю морю,
Ка синю морю, ка Хвалынскому,
Залажи-ка йие на бѣлый камушекъ,
Обала морюшка синява-кѣянскава!“....

Итого, ровно сто стиховъ. Г. Карпинскій, собиратель старинъ ва Терекѣ, по поводу этой пѣсни говоритъ слѣдующее: „хорошо сохранившійся стихъ, законченность и оригинальность содержанія дѣлають эту пѣсню наиболее интересной изъ числа записанныхъ былинъ на Терекѣ“.... (см. вып. 24, стр. 101). И дѣйствительно, она интересна во всѣхъ отношеніяхъ. По величинѣ и количеству стиховъ—она самая большая; что же касается ея содержанія, то здѣсь я замѣчу, что ни у Кирши, ни у Кирѣевского, ни у Гильфердинга, ни у другого автора-собиравателя не оказалось аналогичнаго сюжета. Такимъ образомъ, оказывается, что эта старина—единственная въ своемъ родѣ.

По крайней мѣрѣ я лично среди законическихъ сборниковъ никакъ не могу указать ей пѣсни, близкой по содержанію. Однако, хотя намъ и не съ чѣмъ сравнить нашей старины, чтобы больше уяснить себѣ ея особенности, тѣмъ не менѣе эти особенности такъ сильны, что бросаются въ глаза и безъ всякаго сравненія. Это новое есть безусловно мѣстный колоритъ, который мы легко замѣчаемъ въ слѣдующихъ начальныхъ стихахъ:

Пристарѣлая старушка пашню пахивала,
Она пашенку пахала, пшонку сѣяла—
Ни прастую та пшиничку—бѣлу-яраваю;
Какъ брасала стара баба пашню пахивати,
Пашла ава, стара-баба, ва полюшку показавати....

Мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что въ этихъ стихахъ, какъ въ зеркалѣ отразилась суровая дѣйствительность гребенской казачки, которой за отсутствіемъ мужа-воина долгое время приходилось самой исполнять работы—и пахать, и косить, и сѣять.... Характеревъ также для нашей старины эпитетъ „пшеничка-бѣлояровая“; этотъ видъ злаковъ принадлежность исключительно южной Россіи, а на Терекѣ и Кубани вы и совѣмъ почти не увидите „жита“ ржи, которая занимаетъ такую роль въ средней и сѣверной полосѣ Россіи. Но этимъ роль казачки не исчерпывалась. При случаѣ ей приходилось и верхомъ ѣздить и „въ полѣ казаковать“....

Этому послѣднему искусству кавказскія казачки и до сихъ поръ еще не разучились. И теперь еще терская и кубанская казачка и ѣздитъ верхомъ и управляетъ лошадыю не хуже много казака. Вотъ эта-то особенность терцевъ, по моему, и отразилась въ разбираемой мною старинѣ. Остальные подробности, какъ не заслуживающія особеннаго вниманія, я опускаю и перехожу къ послѣдней „старинкѣ“, гдѣ фигурируетъ имя нашего богатыря; однако оговорюсь и добавлю, что въ этой старинѣ наравнѣ съ Ильей упоминаются и другіе наши богатыри. Пѣсня эта имѣется у насъ въ двухъ записяхъ—одна у г. Карпинскаго (вып. 24 стр. 108), другая у г. Панкратова въ его сборникѣ пѣсней (стр. 6). Привожу здѣсь лучшую изъ нихъ, въ записи г. Карпинскаго.

Ни ва матушки была ва Расеюшки,
Ни ва матушки была ва каминной Масквѣ.
Какъ стаяла тамъ русская заставушка
Ни малинькая, ни большинькая,
На всѣ та была на чытыри стараны.
А на всѣхъ та ихъ бѣла семира:

Какъ первый былъ Илья Муравичъ,
А второй былъ Дюкъ Стипанавичъ,
А третій былъ сынъ Иванавичъ,
А четвертый былъ Алеша, сынъ паповъ,
А пятый былъ Дабрынюшка,
А съ нимъ тамъ были два бояршичка,
Ва пиру-бисѣди ани люди первыйи,
А на баю, на драки все послѣдніи.
„Ну, каму-то, братцы, на часахъ стоять?
— „Какъ стоять-та, стоять Ильи Муравичу—
„Илья Муравичъ онъ старой старикъ;
Стаять-та ни стаять Дабрынюшки?
— „На Дабрынюшку мы ни надѣимся!“
Са палу-та ночи ва первымъ часу
Ни ясѣнь саколь ва пралеть пралитѣлѣ.
Добрый моладецъ на конѣ праскакалъ:
„Каму-та изъ насъ во пагонъ за нимъ гнать?“
— „А гнать-та ни гнать Ильи Муравичу:
Илья Муравичъ онъ старой старикъ“;
А гнать-та ни гнать двумъ бояршичкамъ?
Ани ва пиру-бисѣди люди первыйи,
Ва баю, ва драки все послѣдніи.

Всего 28 стиховъ. Въ этомъ отрывкѣ нельзя не признать начала большой старины и известной въ нашихъ каноническихъ сборникахъ подъ названіемъ „Богатыри на часахъ“, варианты которой имѣются у Гильфердинга и Рыбникова. Но я не буду здѣсь приводить полного содержанія этой старины, такъ какъ совсѣмъ не вижу въ этомъ особой надобности, ибо таковая, на мой взглядъ, нужна только въ томъ случаѣ, если и у насъ имѣется если не вся старина, то хоть остовъ ея, каковой мы и старались сравнить съ первоначальной редакціей, отмѣчая попутно въ нашей записи ея особенности. Но у насъ подъ руками только крат-

кое начало въ нѣскольکو стиховъ: это начало мы и сравнимъ съ началомъ же основной редакціи. Проведя эту параллель, мы видимъ, что нашъ отрывокъ-начало очень близокъ къ началу же соответственныхъ старинъ въ каноническихкихъ сборникахъ. Приблизительно тотъ же разговоръ и тѣ же богатыри. Впрочемъ, у Анчукова въ его „Печорскихъ былинахъ“, въ былинѣ съ подобнымъ же содержаніемъ упоминаются даже 40 богатырей, но сказательница, начавъ перечислять имена ихъ, еле припоминала и половину. Ничѣмъ новымъ, мѣстнымъ нашъ отрывокъ не обогатился. Этимъ шестымъ по счету сюжетомъ я заканчиваю мою старину про Илью. Сдѣлаю краткое резюме сказанному.

Прежде всего разсмотрю самый эпитетъ „Илья Муромца“. Изъ 14 имѣющихся вариантовъ въ 12 случаяхъ онъ называется „Муровець“ и только въ двухъ пѣсняхъ, одна у г. Панкратова (неполный вариантъ про малютку Илью) и одна, записанная въ станицѣ Слѣпцовской— „Илья и Разбойники“—онъ какъ бы случайно называется „Моромцемъ“. Такимъ образомъ, распространенность перваго имени на Терекѣ гораздо шире и находится въ несравненно большемъ количествѣ вариантовъ. Что же касается до самаго облика этого богатыря, то въ немъ, несмотря на самую отрывочную о немъ характеристику, все же нельзя не узнать нашего любимаго русскаго богатыря. Это все тотъ же могучій, увѣренный въ себя и въ своей силѣ богатырь, не охотникъ до кровопролитія; все тотъ же выносливый, отважный, участливый къ людскому горю и сострадательный. Этимъ я заканчиваю мою разсужденія про старину объ Ильѣ Муровичѣ.

Перехожу теперь къ пѣснямъ, гдѣ фигурируетъ другой, не менѣ популярный русскій богатырь—Добрыня Никитичъ. Старинъ съ именемъ этого втораго народнаго любимца сохранилось на Терекѣ гораздо меньше, всего два сюжета,

въ четырехъ записяхъ; но старины эти дошли до насъ въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ только-что разобранныя мною. Беру первую старину съ именемъ этого богатыря; она известна въ нашихъ краяхъ подъ названіемъ Добрыня и Маринка. Этотъ сюжетъ сохранился здѣсь всего на всего въ одной записи г. Карпинскаго (вып. 24), которую мы здѣсь и приводимъ.

Ай, Дунай, Дунай, Дунанай....

Вотъ ни на неби радился младъ и юнъ-ать мѣсяць,

Ни на зимлѣ христился сильный русскій богатырь;

Па имиви завуть йиво Добрынюшка,

Именемъ, очиствамъ завуть сынъ-Микитъевичъ.

Ужъ онъ три та года былъ приѣмшичкамъ,

А на три та года былъ приваротничкамъ,

Ужъ онъ три та года залаты ключи насиль;

Всиво та отъ роду Добрынюшки девять лѣтъ.

На девятымъ гадочку пагулять онъ захатѣлъ.

Прасиль, малиль сваю родную матушку,

Родную матушку Амелфу Тимафеивну:

„Родная мая матушка, Амельфа Тимафеивна,

Пусти миня па чисту полю пагулять, паказакавать“.

Атвичала сваму сыну родная матушка,

Родная матушка—Амельфа Тимафеивна:

—„Младыйи твай лѣта, дитятка, въ поли паказакавать,

Ни паднимишь, мая дитятка, збрую ратную,

Збрую ратную, капе булатную!—“

Атвичайтъ Дабрынюшка сваей роднай матушки:

„Ни пушшаишь, родна матушка, сваей волю,

А иду я сваею ахотаю“.

Вынималъ та Дабрынюшка свой на тугій лукъ.

Натигалъ онъ йиво туга-натуга,

Станавлялъ та Дабрынюшка калину стрилу,

Калину стрилу на тетивачку.

Пашолъ та Дабрынюшка на Кіянъ-море,
На Кіянъ-море, на Буянъ-остравъ,
Примичалъ та Дабрынюшка, гдѣ Маришкинъ домъ стайтъ.
Дахадивши да падворья, ужахнулъ онъ:
Кругомъ та йнѣ падворья на жилѣзный тынъ стайтъ,
На важнай на тыннички все па ма́кавачки,
Багатырскіи магучіи все галовушки.
Ширины йне падворья на двинацати вистахъ,
Вышины йне падворья на двинацати сталбахъ.
Вотъ пушшалъ та Дабрынюшка онъ на первую
стрилу.

„На первая мая стрѣлочка па путю пашла:
Што сабила у Маришки вярхи-ма́кавачки,
Вярхи-ма́кавачки па самыи па акошички“.
Навладаль Дабрыня другу йне стрилу на тетничку.
„На втарая мая стрѣлочка па путю пашла:
Апустила у Маришки всю падворьяцу“.
Накладаль та Дабрынюшка на третію стрилу на те-
тиничку.

„На третія мая стрѣлочка па путю пашла,
Какъ разбила у Маришки печь муравчитую,
Какъ убила у Маришки друга милава, змѣя лютава“.
На ту-та пору Маришки йне дома ни случилася,
Была та Маришка на Кіянъ-мори,
На Кіянъ-та мори, на Буянъ-острави.
У сваво-та друга милава—втарова палюбовнава;
Ана бѣлаю биллаю билилася,
Ана чорнаю шурмилаю шурмилася;
Брала та Маришка сваю падзорную трубу,
Глядѣла ана въ сваю сторану:
Увидала та Маришка, што невсчастыца,
Да здѣлалась Маришка скапцомъ-маладцомъ,
А извилась на чорнымъ воранамъ,

Литѣла ана, Маришка, на свой широкай дворъ:

„Да што это за разсукниъ сынъ, за ябидникъ хадилъ?,

Паходочка была будта Дабрынюшки,

А палеточка—сына Микитъивича.

Вотъ насміюсь я насмѣшичку ни хитрую,

Ни хитрую насмѣшичку, ни мудрую;

Ужъ я здѣлаю тибя, Дабрынюшка, папалзучіимъ туромъ,

Прикую тибѣ, Дабрыня, залатыи-та рага,

Пустю та тибя, Дабрыня, ва свой куминай лугъ,

Ва томъ та лугу есть семь туриць,

Есть семь туриць—семь красныхъ дивиць“.

День хадилъ Дабрыня папалзучіимъ туромъ,

Да другова та дня да палудня.

Услыхала та йиво родная тетушка,

Хитрѣй та мудрѣй была Маришки, шельмы-ябидницы.

Въ тѣ часы атвичала родная тетушка:

„Насміюсь та я насмѣшичку

Ишо хитрѣй та мудрѣй тибя,

Маришки, шельмы-ябидницы:

Ужъ я здѣлаю тибя сукаю папалзучаю,

Папалзучаю сукаю, палижучаю,

На ту та тибѣ чуду явную, чуду дивную,

Пустю за тобой, Маришка, да барзыхъ кабилей,

Пустю та тибя при горади при ярманки,

Ва матушку въ каминну Маскву,

Всѣмъ князьямъ-баярамъ на диковишу.

На диковишу и на чудовишшу“.

Ни дохадявши до горада да ярманки,

Стричали йие князья-бояри пасриди путя,

Ефтай чудѣ сильна удивлялися.

Эта одна изъ лучшихъ и сохранившихся старинъ въ нашемъ репертуарѣ. И мы безъ труда можемъ указать ей въ каноническихъ сборникахъ цѣлую массу аналогичныхъ ва-

риантовъ. У Кирѣвскаго 1 (т. 2-й стр. 41—54), у Рыбникова 2 (т. 2-й № 4—19). Былины старой и новой записи №№ 25 и 27.

У Гильфердинга цѣлыхъ 12 вариантовъ и наконецъ одинъ вариантъ у Кирши Данилова и одинъ у Анчукова „Печорскія былины“, итого около 20 различныхъ записей. Всѣ онѣ представляютъ одно и то же событіе: убійство Добрыней Змѣя и превращеніе Маринкой нашего богатыря то въ волка (Гильфердингъ т. I-й), то въ соболя, (т. III, его же), то въ оленя (Рыбниковъ т. 3), но главнымъ образомъ въ тура, и такихъ былинь, гдѣ Добрыня превращается въ тура,— наибольшее количество, изъ 20 вариантовъ—16 старинъ.

Во всѣхъ этихъ старинахъ фигурируютъ одни и тѣ же лица: Добрыня, Маринка, мать Добрыни, тетушка и любовникъ Маринки, по однимъ записямъ Змѣй Горынычъ (Кирша Даниловъ, стр. 57), по другимъ—то тугъ Змѣевичъ, то Змѣй Притугальникъ, Идолище Некрешенное (у Рыбникова, у Кирѣвскаго, у Гильфердинга), но роль его во всякомъ случаѣ одна и та же. Въ нашемъ вариантѣ имя этого второго любовника совсѣмъ утрачено, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ тоже носилъ одно изъ этихъ именъ и скорѣе всего, какъ я думаю, Змѣя Угарина, такъ какъ имя это не чуждо терскимъ старинамъ; онъ упоминается въ старинѣ, извѣстной подъ именемъ „Алешенька Догрубникъ“, гдѣ онъ играетъ ту же роль любовника.

Но возвращаюсь къ разбираемой старинѣ и попробую по тѣмъ многочисленнымъ записямъ, которыя у насъ имѣются, возстановить первоначальную редакцію нашей старины, чтобы такимъ образомъ, при сравненіи нашей старины съ основною редакціей, отчетливѣе и яснѣе можно было представить, что въ нашей старинѣ новаго. Самыми близкими на мой взглядъ вариантами для нашей старины можно безъ ошибки считать варианты Кирѣвскаго (т. 2-й) и проф. Тихонравова и Милле-

ра *).... А самой старой и самой сохранившейся записью и поэтому наиболее надежной можно, пожалуй, без ошибки назвать запись Кириши Данилова (стр. 56). Если мы возьмем их за образец, то нам нетрудно будетъ возстановить основную редакцію для нашей старины. Она будетъ, по моему, такова. Послѣ десятилѣтней службы у кн. Владимира Добрыня вздумалъ прогуляться по Киеву. Гуляя, онъ замѣтилъ на крышѣ Маришкина дома цѣлющихся голубей. Добрыня принялъ это за насмѣшку надъ собой (очевидно, онъ былъ холостъ) и ударилъ въ нихъ изъ лука, но промахнулся и попалъ въ окно Маринкина терема. Маринка въ это время снаряжалася (была за туалетомъ). Войдя въ покои, она тотчасъ же замѣтила беспорядокъ и поломку, произведенную стрѣлой. Въ гнѣвѣ она хватается слѣды богатыря и бросаетъ ихъ въ горящую печь со злобнымъ заговоромъ. Колдовство дѣйствуетъ, и Добрыня чуть-свѣтъ приходитъ къ дому Маринки, у которой въ это время веселые гости. Увидавъ его, Маринка начинаетъ его бранить; въ гнѣвѣ богатырь разбиваетъ двери терема. За такой поступокъ Маринка еще больше ругается, а къ ней еще присоединяется и Змѣй, который грозитъ уничтожить Добрыню. Богатырь достаетъ саблю и обращаетъ чудовище въ бѣгство. Маринка удерживаетъ его и общаетъ превратить Добрыню въ лошадь или тура и исполняетъ свое общаніе. Богатырь превращается въ тура и живетъ въ полѣ. Черезъ нѣкоторое время у кн. Владимира происходитъ пиръ; на немъ присутствуютъ мать Добрыни—Амельфа Тимофеевна и ея кума, крестная мать Добрыни. Въ срединѣ пира вваливается въ покои съ ватагой княжатъ пьяная Маринка и хвастаетъ своимъ волшебствомъ и тѣмъ, что она

---

*) Довольно также близкими къ нашему варианту будутъ записи Рыбникова (т. 2-й часть 1-я стр. 11), а также у Гильфердинга (т. 1 и 3); только въ нихъ отсутствуетъ сцена на пиру у князя Владимира.

обратила въ туровъ десять богатырей, между которыми и Добрынь Никитича. Мать послѣдняго въ горести наливаетъ своей кумѣ чару вина и проситъ ее помянуть своего крестника. Кума отвѣчаетъ, что она слышитъ эти дерзкія рѣчи и, выпивъ вино, кума наноситъ Маринкѣ ударъ за ударомъ, сбиваетъ ее съ ногъ, топчетъ и называетъ ее позорными именами, угрожая обратить въ суку. Маринка быстро превращается въ касаточку и вылетаетъ въ поле. Здѣсь она садится Добрынь на правый рогъ и сватаетъ за себя богатыря; послѣдній изъявляетъ свое согласіе и Маринка вновь придаетъ ему прежній видъ. . . . Здѣсь же, въ полѣ, они и женятся. Возвратившись къ Маринкѣ въ теремъ, Добрыня высказываетъ ей свое неудовольствіе на отсутствіе образа въ покояхъ и казнить ее медленной и мучительной казнью за ея еретическія дѣла.

Такова, по моему, первоначальная редакція нашей старины. Въ ней мы замѣчаемъ слѣдующіе тезисы:

- 1) Десятилѣтнее служеніе Добрыни у кн. Владимира.
- 2) Желаніе прогуляться по Кіеву.
- 3) Неудачная стрѣльба по голубямъ, сидящимъ на теремѣ Маринки.
- 4) Туалетъ Маринки.
- 5) Злоба Маринки и колдовство ея надъ слѣдами Добрыни.
- 6) Вторичное посѣщеніе Добрыней терема Маринки.
- 7) Брань Маринки и буйство Добрыни.
- 8) Угрозы Змѣя и отвага нашего богатыря.
- 9) Позорное бѣгство Змѣя (или его убійство).
- 10) Угроза Маринки и обращеніе ею Добрыни въ тура.
- 11) Пиръ у кн. Владимира.
- 12) Появленіе пьяной Маринки и ея хвастовство.
- 13) Разговоръ матери Добрыни со своей кумой.
- 14) Избіеніе Маринки крестной матерью Добрыни.

- 15) Превращеніе Маринки въ касаточку.
- 16) Ея разговоръ съ Добрыней.
- 17) Женитьба Добрыни на Маринкѣ.
- 18) Возвращеніе обоихъ въ теремъ и неудовольствіе богатыря на отсутствіе образа.
- 19) Мучительная казнь Маринки, произведенная Добрыней.

Итого, девятнадцать тезисовъ. Въ нашей же терской старинѣ мы замѣчаемъ слѣдующіе тезисы:

- 1) Рожденіе и крещеніе Добрыни *).
- 2) Девятилѣтнее пребываніе на службѣ у кн. Владимира.
- 3) Желаніе прогуляться.
- 4) Испрашиваніе разрѣшенія у матери.
- 5) Отказъ и его причины.
- 6) Самовольный уходъ Добрыни.
- 7) Прибытіе на Кіянъ-море.
- 8) Описаніе Маринкина терема.
- 9) Троекратная стрѣльба Добрыни изъ лука.
- 10) Убійство второго любовника — Змѣя.
- 11) Туалетъ Маринки.
- 12) Превращеніе Маринки въ ворона и потомъ въ скопца.
- 13) Злоба Маринки и ея месть (превращеніе Добрыни въ тура).
- 14) Узнаніе матерью случившагося съ сыномъ несчастья.
- 15) Угроза ея по адресу Маринки и превращеніе въ суку.
- 16) Удивленіе князей и бояръ.

Такимъ образомъ, разбираемая нами терская старина, имѣющимися 16 тезисами съ тезисами основной редакціи совпа-

---

*) Здѣсь она подходитъ къ старинѣ Анчукова того же названія.

даетъ только 5—6, да и то не вполне; остальные забыты и утеряны; тезисы эти (совпадающіе) слѣдующіе.

- 1) Десятилѣтнее служеніе Добрыни у кн. Владимира.
- 2) Желаніе прогуляться (у насъ—показаковать).
- 3) Неудачная стрѣльба изъ лука по голубямъ, сидящимъ на теремъ (у насъ просто стрѣльба по терему).
- 4) Туалетъ Маринки.
- 5) Злоба Маринки и обращеніе ею Добрыни въ тура.
- 6) Наказаніе Маринки (у насъ—обращеніе въ суку; въ основной—мучительная казнь отъ руки Добрыни).

Остальные 12—13 тезисовъ нашей пѣсней утрачены. Но зато, на мѣсто ихъ, у насъ имѣются 8 тезисовъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ основной редакціи, и они являются принадлежностью только нашей старины. Вотъ это новое мы и попребуемъ разсмотрѣть здѣсь.

Оставимъ въ сторонѣ зачинъ „Ай Дунай“, такъ какъ онъ не является принадлежностью одной нашей старины, а, судя по каноническимъ сборникамъ, является принадлежностью почти каждой болѣе или менѣе сохранившейся старины про Добрыню. Разсмотримъ первые тезисы нашей старины, не имѣющіеся въ основной редакціи: испрашиваніе Добрыней разрѣшенія на прогулку у своей матери Амелфы Тимофеевны и отвѣтъ ей. По моему, мѣсто это цѣлкомъ взято изъ родственныхъ по сюжету старинъ, напримѣръ, хотя бы той старины, гдѣ Добрыня послѣ женитьбы на богатыршѣ-поленицѣ идетъ на 12 лѣтъ въ поле „казаковать“. Тамъ этотъ разговоръ и это испрашиваніе богатыремъ разрѣшенія у матери вполне у мѣста: дорога дальняя, опасная—Богъ знаетъ, что можетъ приключиться.... Но едва ли логично это испрашиваніе богатыремъ разрѣшенія для прогулки по городу: именно въ большинствѣ вариантовъ Добрыня идетъ гулять по городу, такъ какъ теремъ Маринки, около котораго завязывается драма, стоитъ, именно въ томъ же го-

родѣ—Кіевѣ. Явно—эта сцена прощанія и испрашиваніе богатиремъ благословенія занесена сюда изъ старины, имѣющей подобную же сцену. Аргументы валицо.... Въ нашемъ же терскомъ репертуарѣ, но только въ другой старинѣ, извѣстной подъ названіемъ „Добрыня и Алеша“ (записана въ той же станицѣ Червленной, что и первая), есть такіе стихи. Добрыня просится у матери въ поле показывать:

„Ты пусти-ка миня, матушка, въ поле показывать,
Што испробовать то сваю радимава батюшки збрую ратную,
Збрую ратную, капые булатную“....

Атвѣтъ-та держала родная матушка Дабрынюшки:

— „Ишшо ты, мая чадушка, малышъ та малешиникъ,
Малешиникъ, мая чадушка, и глупешиникъ,
Ни падвимишь, мая чадушка, збрую ратную,
Збрую ратную, капые булатную“.

Атвѣтъ держитъ Дабрынюшка сваей родной матушки:

„Ни пускаишь миня, радимая матушка, сваей волю,
То иду я, родная матушка, своей ахотаю“....

Такимъ образомъ, изъ самаго поверхностнаго сравненія нетрудно замѣтить почти полное тождество этихъ мѣстъ въ обѣихъ старинахъ. Вотъ почему я и думаю, что эти строки изъ этой старины, гдѣ онѣ вполнѣ на мѣстѣ, по сходству дѣйствія были перенесены въ старину про „Добрыню и Маринку“: подобными общими мѣстами наши пѣвцы и сказители и пользуются въ своемъ поэтическомъ творествѣ, какъ готовымъ матеріаломъ. Итакъ, попавъ сюда, т. е. въ нашу старину изъ другой пѣсни, эта сцена совершенно затерла и вытѣснила въ разбираемой старинѣ первоначальную и болѣе соответствовавшую содержанию сцену, прочно укрѣпившись на новомъ мѣстѣ. Однако и эта коротенькая сцена осталась не безъ мѣстной окраски... Это представленіе себѣ богатыря-воина въ образѣ девятилѣтняго мальчика, и эта рѣчь матери очень характерна для терской старины и для исто-

рическаго прошлаго терскаго казачества, такъ какъ нигдѣ на Руси въ старыя годы недостатковъ въ взрослыхъ защитникахъ-вопвахъ не сказывался такъ ощутительно, какъ здѣсь на Терекѣ, и нигдѣ эта же кровная нужда не заставляла такъ часто сажать на коня почти малолѣтнихъ дѣтей для защиты родного очага, какъ опять-таки на Терекѣ.... Эта, на мой взглядъ, характерная мѣстная особенность и отразилась въ нашей старинѣ.

Пожалуй, не погрѣшу я и въ томъ случаѣ, если скажу, что обращеніе Маринки въ „скопца-молодца“—есть тоже мѣстное понятіе, усвоенное отъ сосѣдей мусульманъ; сколько мнѣ помнится, въ каноническихъ сборникахъ ни разу не попадалось имя „скопца-молодца“. Интересна также подробность въ нашей старинѣ, совершенно отсутствующая въ записяхъ даже наиболѣе полныхъ и сохранившихся—это описаніе дворца Маринки. Ни въ одномъ аналогичномъ вариантѣ ни у Рыбникова, ни у Кирѣевского, ни у другихъ я не встрѣчалъ такого описанія дворца Маринки. Очевидно, такая подробность сюда зашла изъ какой-нибудь другой старины. Такъ, напримѣръ, нѣчто подобное можно найти въ описаніи двора у Соловья разбойникъ, у Рыбникова и у Гильфердинга.... Вотъ то новое, что можно замѣтить въ нашей старинѣ; оно не слишкомъ богато, но все же не лишено нѣботораго интереса, который мы уже и подчеркнули выше. Что же касается до общаго впечатлѣнія, то разсмотрѣнная нами пѣсня, несмотря на то что въ нашемъ репертуарѣ она одна изъ лучшихъ, все же, въ сравненіи съ аналогичными же старинами каноническихъ сборниковъ, производитъ слабое впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, въ ней совершенно отсутствуетъ мѣсто и время дѣйствія—Кіевъ и кн. Владимиръ; совершенно скомкана и сведена на нѣтъ роль второго любовника Маринки—Змѣя Горыныща.... Нѣтъ никакого упоминанія про пиръ кн. Владимира и происшедшій на немъ

скандалъ у Маринки съ крестной матерью Добрыни. Отсутствуетъ обратное обращеніе Добрыни въ прежній видъ и пр.; вотъ сколько растеряла важныхъ мѣстъ и подробностей разбираемая нами старина. Перехожу теперь къ другой пѣснѣ про Добрыню, гдѣ на ряду съ этимъ героемъ фигурируетъ также и Алеша Поповичъ.... Эта старина—неудачная женитьба Алеши на женѣ Добрыни въ его отсутствіе. Эта пѣсня имѣется у насъ въ четырехъ вариантахъ, записанныхъ г. Карпинскимъ отъ четырехъ различныхъ лицъ въ ст. Червленной. (См. вып. 24 и 27-й). Всѣ они довольно близки другъ къ другу. Привожу здѣсь лучшей изъ нихъ опять съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора, какъ онъ схваченъ г. Карпинскимъ:

Ни буйныйи та витирочки ани возбушивалиса,
Ни сырыйи та дубочки ани къ зимлѣ клонюца,
Раскланилса Дабрынюшка сваей роднай матушки,
На старой ли старушки Амельфы Тамафевны:
„Атпусти ка мине (родная) маминька, въ поля па-
гуляти,

Да ва ту же была ва полюшку йие Буликоваю,
Да ва тѣ ва урочушки была ва атцовскія“.

Багъ атвѣтъ держитъ Дабрынюшки ана сваиму-та сыну:
— „Ты малешинекъ, мая дитятка, да ты все глупешинекъ!.
Ни сумѣишь, мая дитятка, ефтимъ все капьемъ владѣть,
Ни спаднимишь, мая дитятка, атцовскую збрунцу,
Атцовскую збрую ратную, мечь-капье-булатную....“

Атвѣтъ держитъ Дабрынюшка своей роднай матушки,
На роднай та матушки, Амельфи Тимафевны:

„Ты ни пустишь миня, маминька, уйду сваей волю,
Сваей волю я, младешиниѣгъ, сваею ахотаю.

Дажидай-ка мине, маминька, да ты чиризъ три года,
Чиризъ три года ни буду я, жди миня ва шесть
гадовъ;

Въ шесть гадовъ ни буду, жди миня ва девить лѣтъ.

Да на десятиымъ гадочку, да ты паминай миня....“

Да приказывалъ Дабрынюшка сваей маладой жинѣ:

— Ни хади ты, малада жина, замужь за Алешиньку,
За Алешиньку за сына за Паповича—

Да онъ насмѣшничикъ маладой да дивичій-бабій пи-
рилесничикъ“.

Да праходють три года, праходють и шесть га-
довъ.

Праходють и шесть гадовъ, прашло и девить лѣтъ—

На десятиымъ гадочку поминать стали.

Да выхадила малада жина замужь за Алешиньку,

За Алешиньку, малада жина, за сына Паповича!

Да йиво жа Дабрынюшки, добрай конь васуракинулса:

„Ты, хазяинъ ли мой, ты хазяинъ маладой!

Да паѣдимъ мы, хазяинъ мой, дамой!

У насъ въ доми все нисчастьица—

Малада жина вышла замужь за Алешиньку,

За Алешиньку, малада жина, за сына Паповича“.

Да пріѣхалъ мой Дибрыня са чистава поля:

Да на старая старушка сидить на завалинки:

„Ты здарова, мая маминька, на старая старушка,

Старая старушичка Амельфа Тимафейвна.

Какъ отвѣтъ та держить старая старушка сваиму
та сыну:

„Вы варишки, вы, варишки кабацѣи,

Вы давно мнѣ надаѣли надаскучили,

Мая дитятка была ни етаба:

У маво та у Дабрынюшки галава съ пивной катель,

Лицо йиво бѣлая, какъ румяная заря,

Какъ пухавая ли шляпа, какъ батюшка свѣтелъ
мѣсяць“—

„Да атдай ты мнѣ, маминька, залаты влючи,

Атамкнѹ я, маминька, сваю комнату,
Ужъ вазьму я, Дабрынюшка, сваи званчатыйи гусли,
Я найду-та къ Алешиньки на свадьбицу,
Да на больши таво, пайду къ маладой жинѣ!“
Да приходить Дабрынюшка на свадьбицу;
Пасадили Дабрынюшку йиво все у коничка,
Да зачалъ ли Дабрынюшка ужъ онъ все выигрывать:
„Да на гдѣ же была выдава,
Да на гдѣ же была слыхана —
Атъ живова мужа жина ана замужъ пашла“.
Да вставала малада жина да все са мѣстичка:
— „Ужъ вы, люди, люди добрыйи, вы люди хорошии.
Да приѣхалъ мой Дабрыня са чистава поля!“
Ужъ какъ взялъ Дабрынюшка маладу жину,
Ужъ онъ взялъ йие за праву руку,
Какъ павелъ йие къ сваей родной матушки,
На старой ли старушки, Амельфи Тимафейвны.
Онъ вричить та зычитъ сванимъ громкимъ голасамъ:
„Атваряй ты, мая маминька, широкии варата,
Ты стричай-ка, миня, маминька, съ маладой жиной!“
Ужъ п старая старушка атваряла широкии варата,
Принимала йиво маминька ва высокии тирима,
Да скричала йиво маминька громкимъ голасамъ:
— „Ужъ вы, люди, люди добрыйи, вы люди хорошии,
Да сасѣдушки май, вы приближоныйи!
Вы идите да придите на радость на маю;
Да приѣхалъ ли Дабрыня са чистова поля,
Ужъ онъ взялъ та сваю маладу жину
Атъ Алешеньки, отъ сыва атъ Паповича“.

Въ каноническихъ сборникахъ *) можно указать немало сюжетовъ, аналогичныхъ нашему. Тамъ этотъ сюжетъ — не-

*) У Рыбникова, Кирѣевского, Гизьфердинга и Кирши Данилова.

удачная женитьба Алеши Поповича на женѣ Добрыни Никитича встрѣчается двояко. Или вся наша старина является только отдѣльнымъ эпизодомъ, какъ, напримѣръ, въ сборныхъ старинахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Добрыня-свать“; или же этотъ эпизодъ является какъ самостоятельное цѣлое въ видѣ небольшой, но вполне цѣльной и законченной старины, какъ, напр., наша пѣсня. Не буду передавать содержаніе первой сборной старины, во-первыхъ, какъ достаточно уже извѣстной, во-вторыхъ, какъ не относящейся къ дѣлу, и прямо перехожу къ нашему сюжету.

„Добрыня и Алеша“. Старинъ съ этимъ эпизодомъ имѣется въ нашемъ былевомъ эпосѣ значительное количество: у Рыбникова во 2 и 3-мъ томахъ 6 вариантовъ, а у Гильфердинга на пространствѣ 3-хъ томовъ я отмѣтилъ 20 слишкомъ записей, одна очень близкая къ нашей у Кирѣевского (т. 2 стр. 49) и одна у Кирши Данилова подъ названіемъ „Добрыня Чудь покорилъ“ (стр. 157) итого около 30 старинъ.

Теперь попробуемъ возстановить основную и первоначальную редакцію старины съ разбираемымъ сюжетомъ. Здѣсь я напомнимъ слѣдующее: изъ цѣлыхъ трехъ десятковъ вариантовъ я замѣтилъ только 4 записи—у Кирши Данилова (стр. 154), у Гильфердинга т. III (стр. 11, 35, 104), что Добрыня уѣзжаетъ въ походъ не по своей волѣ, а по волѣ кн. Владимира; въ остальныхъ вариантахъ, числомъ около 25, нашъ богатырь отправляется въ походъ единственно по одному непреодолимому влеченію къ приключеніямъ и подвигамъ; это важная черта въ его характерѣ и, повидиму, порой бываетъ въ тягость и ему самому, на что онъ даже жалуется своей матери (См. Гильфердингъ, т. I, стр. 224).

Если эту черту мы примемъ во вниманіе, то тогда, пожалуй, мы безъ особаго труда можемъ указать для нашей

пѣсни „Добрыня и Алеша“ и сходственныхъ съ ней по содержанию первоначальную редакцію: именно, группа самая распространенная, т. е. 2 группа есть въ то же время и самая архаическая, такъ какъ въ нихъ Добрыня отправляется въ походъ исключительно по влеченію къ подвигамъ. Тогда эта редакція представляется намъ въ такомъ видѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы съ Настасьей Никулишной, Добрыня соскучившись бездѣятельностью, собирается вновь на ратные подвиги и проситъ у своей матери, честной вдовы Амельфы Тимофеевны напутственнаго благословенія. Мать хотя неохотно, но отпускаетъ. Тогда Добрыня обращается къ своей женѣ и говоритъ, чтобы она ждала его 12 лѣтъ (по другимъ записямъ 18 лѣтъ, по нашимъ 10 лѣтъ), послѣ чего она можетъ выйти замужъ за кого пожелаетъ, лишь бы не вышла за его названнаго брата Алешу Поповича. Проходитъ незначительный срокъ, и вотъ „съ поля“ возвращается Алеша Поповичъ и объявляетъ честной вдовѣ Амельфѣ Тимофеевнѣ, что сынъ ея Добрыня погибъ. Волей-неволей Настасья Никулишна, побуждаемая назойливымъ сватовствомъ кн. Владимира, соглашается сдѣлаться женой Алешы Поповича. Конь Добрыни извѣщаетъ своего хозяина о случившемся у него дома несчастьѣ. Добрыня спячетъ домой и узнаетъ отъ матери, что дѣйствительно его жена выходитъ замужъ за Алешу и теперь пируетъ у кн. Владимира. Добрыня беретъ свои гусли, одѣвается скоморохомъ и заходитъ на пиръ; его сажаютъ за печкой. Добрыня заводитъ пѣсню, но съ такимъ искусствомъ, что всѣ догадываются, что это не простой скоморохъ, и его сажаютъ на почетное мѣсто. Добрыня садится напротивъ жены и, бросивъ въ чару съ виномъ свой обручальный перстень, проситъ выпить вино до дна; жена выпиваетъ чару и, увидѣвъ перстень, догадывается, кто этотъ скоморохъ.... Тогда Добрыня сбрасываетъ съ себя личину и явно уже начинаетъ укорять кн. Владимира за некраси-

вый поступокъ. Алеша проситъ прощенія. Добрыня за себя прощаетъ, но за мать и ея слезы, которыя она пролила благодаря ложному извѣстію Алешы, онъ не прощаетъ и, схвативъ его за вудри, сильно избиваетъ, а жену уводитъ съ собой.

Вотъ приблизительно основная редакція старинъ съ этимъ сюжетомъ, въ томъ числѣ, значить, и нашей старины. Исключая небольшихъ подробностей или совсѣмъ утеранныхъ или порядочно скомканныхъ, мы видимъ, что редакція нашей старины довольно близка къ только-что упомянутой первоначальной. Такъ же какъ и въ основной, въ редакціи нашей пѣсни мы находимъ и прощаніе съ матерью и наказъ женѣ не выходить замужъ за Алешу и извѣщеніе конемъ о несчастьѣ дома; такъ же какъ и въ основной, въ нашей редакціи мы находимъ и разговоръ съ матерью и присутствіе на пиру въ скоморошечьемъ платьѣ и даже случай съ перстнемъ. Въ одномъ же изъ нашихъ вариантовъ (я его не привожу здѣсь, какъ почти совершенно разрушенный) сохранилось даже извѣстіе, что у Добрыни съ Алешей была стычка, и Добрыня по поясъ вбилъ въ землю Алешу.

Такъ отчетливо сумѣла сохранить наша старина на прострaнствѣ 70—80 стиховъ всѣ подробности основной редакціи. Но, сумѣвъ такъ хорошо сохранить почти всѣ детали, разбираемая нами наша терская старина кое-гдѣ обогатилась и мѣстными штрихами, которые при внимательномъ сравненіи нашей старины съ основной редакціей не могутъ не броситься въ глаза. Такъ, напримѣръ, уже разобранныя нами сцена прощанія Добрыни съ матерью въ предыдущей старинѣ („Добрыня и Маринка“), и о которой я уже сказалъ, что она заимствована изъ настоящей пѣсни. Эта же сцена прощанія почти слово въ слово повторяется и въ нашей послѣдней старинѣ (см. стр. 19). Въ своемъ взглядѣ па суть этихъ строкъ я придерживаюсь и здѣсь того же мнѣ-

нія, что только крайняя нужда во взрослыхъ защитникахъ и частая суровая необходимость сажать на коня подростковъ и чуть ли ни малолѣтнихъ вложила въ уста Амельфы Тимофеевны такія слова. Ни въ одномъ аналогичномъ вариантѣ этой старины въ каноническихъ сборникахъ я не встрѣтилъ такого обращенія.

Второе интересное мѣсто въ записяхъ нашей старины— мѣсто, подобнаго которому я не нашелъ ни въ одной сѣверной старинѣ съ разбираемымъ сюжетомъ,—это подробное описаніе радости Амельфы Тимофеевны по случаю благополучнаго возвращенія ея сына Добрыни. Приведу еще разъ эти строки:

Да скричала его маминька громкимъ голосамъ:

„Ужъ вы, люди, люди добрыйи, вы люди харошіи,

Да сасѣдушки маи, вы приближенныйи!

Вы идити, да придити на радость на маю:

Да пріѣхалъ ли Добрыня со чистова поля“.

Достаточно припомнить намъ боевую кровавую жизнь казака-гребенца, и намъ понятны станутъ эти строки, вложенныя гребенцами въ уста Амельфы Тимофеевны; въ нихъ столько реального и субъективнаго, что думается, что эти слова говоритъ не мать Добрыни, честная вдова Амельфа Тимофеевна, а бѣдная изстрадавшаяся по своему сынѣ казачка, которой особенно хорошо извѣстны и горестъ разлуки и радость свиданія со своимъ кровными. Эти строки, по-моему, могли возникнуть именно только на Терекѣ.

Вотъ тѣ интересныя мѣстныя особенности, которыми обогатилась старина „Добрыня и Алеша“ у насъ на Терекѣ. Въ этому могу еще прибавить, что изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ на Терекѣ и имѣющихъ аналогичные варианты старинъ въ каноническихъ сборникахъ она является самой лучшей и самой сохранившейся. Сказать многое о типѣ нашего Добрыни по этой одинокой старинѣ мы едва ли можемъ; однако,

судя по той роли, которую онъ играетъ въ нашей старинѣ, мы можемъ допустить, что и на Терекѣ онъ извѣстенъ въ тѣхъ же чертахъ, съ тѣмъ же обликомъ, который такъ хорошо извѣстенъ нашимъ каноническимъ старинамъ, записаннымъ на Сѣверѣ Россіи и въ Сибири—по крайней мѣрѣ, его любовь къ подвигамъ и артистическій пошибъ здѣсь говорятъ сами за себя. Таковъ Добрыня на Терекѣ.

Перехожу теперь къ 3-му богатырю нашего эпоса—къ славному Алешѣ Поповичу. Старинъ, гдѣ центральной фигурой является этотъ богатырь, у насъ всего одна и сохранилась она въ единственномъ вариантѣ, записанномъ въ станицѣ Ищерской (Грозненскаго отдѣла Терской области). Бличка Алеши въ этой старинѣ не „Поповичъ“, а „Догрубничевъ“, что значитъ „Грубый“, „Грубіанъ“, каковое прозвище онъ получилъ въ старинѣ, очевидно, за свою дерзость и смѣлость, потерявъ старое—Поповичъ. Но привожу эту пѣсню:

Солнце было, братцы, на вечерь,
А князя бояре навесель:
Они пили, гуляли, прохлаждалися,
Между собой сами похвалялися:
Сильный хвалится силою,
Богатые хвалятся богатствомъ,
А убогіе хвалятся убожествомъ.
Алешенька Догрубникъ онъ за дверью стоитъ....
Одна княгинюшка не плетъ и не ѣсть;
По палатушкѣ она похаживаетъ,
Крутыми бедрами скоро поворачивала,
Часто въ окошечко сама поглядывала.
Не темная туча изъ-за горъ восходила,
Не частыя молвыи и онъ просіяли,
Не страшные громы съ трескомъ ударили—
Летитъ собака-Змѣй-Угаринъ въ княженецкій дворъ;

И ударился онъ о дубовый крылецъ:
Восходить онъ во комнатушку—Богу не молится,
А князьямъ, боярамъ не кланяется,
Княгинямъ, графинямъ онъ имъ чести не воздасть....
Садится онъ въ свое мѣсто непоказанное
Между князей бояръ со княгиней;
Онъ пилъ пошло въ полъ осьмью ведра,
А закусывалъ въ полъ пята быка;
Всѣ князья, бояри съ ужасомъ они глядятъ на него;
Одинъ Алеша Догрубникъ рѣчь возговорилъ:
„У моего у батюшки была коровушка все прожорливая,
Поѣдала скирдъ соломы со мякиною,
А воды выпивала она три бочки!“
Показалось, собакѣ, ему во досадушку,
Вынималъ онъ свой острый кинжалъ,
Пустилъ онъ его да въ Алешиньку:
Алеша Догрубничикъ онъ на лету поймалъ,
И тогда князьямъ рѣчь возговорилъ:
— „Что этотъ кинжалъ у себя придержишь,
Иль назадъ пустить. Кинжалъ я себѣ возьму,
А его свяжу, собаку, въ кабакъ пропью....“

Старинка, какъ видно, небольшая, всего 37 стиховъ, и слабая; стихъ не важный, и вся она производитъ такое впечатлѣніе, что какъ будто по ней прошла рука „исправителя“.... Но все же пѣсня эта довольно интересна, и интересна въ томъ отношеніи, что она намъ даетъ въ руку извѣстныя данныя, по которымъ мы можемъ судить, что имя Алеша на Терекѣ въ свое время (да даже отчасти и теперь) было извѣстно не только какъ имя бабьяго прелестника и неудачнаго жениха, но что его звали здѣсь и какъ могучаго богатыря, не побоявшагося задѣть и вызвать на единоборство страшное чудовище, извѣстное въ нашей терской старинѣ подъ именемъ „Угарина“ (очевидно Туга-

рина). Старинны съ этимъ сюжетомъ отсутствуютъ въ европейскиххъ записяхъ, и чтобы возстановить основную редакцію для нашей старины, намъ придется обратиться къ сибирскимъ записямъ—Кирши Данилова, Богораза и Гуляева, записи которыхъ несравненно лучше сохранили намъ образъ этого богатыря, нежели записи въ европейскиххъ сборникахъ.

Лучшими вариантами старины про Алешу Поповича и Змѣя Угарина можно считать варианты—Кирши (стр. 144) и Богораза, которая записана въ Нижне-Колымскѣ. Обратимся къ первому варианту. Это довольно распространенный рассказъ, цѣлыхъ 341 стихъ, и по своей величинѣ и подробностямъ онъ почти въ три раза больше ниже-колымскаго, въ которомъ всего 115 стиховъ. Однако стройность и законченность этого большого варианта не соотвѣтствуетъ его величинѣ: въ немъ много лишняго и ненужнаго, занесеннаго, по всемъ признакамъ, изъ другихъ пѣсень. Такъ, напримѣръ, непонятной и лишней является первая встрѣча Алеши со Змѣемъ Тугаринымъ (Горынычемъ) и его убійство; лишней и не на мѣстѣ можно считать пари и закладъ кв. Владимира насчетъ превосходства противниковъ, что уже и прежде замѣчено покойнымъ изслѣдователемъ и знатокомъ русскаго эпоса В. Ф. Миллеромъ въ его Очеркахъ по русской словесности (стр. 432—434). Но на ряду съ этими недостатками этотъ вариантъ сохранилъ и нѣкоторыя очень цѣнныя подробности; такъ, напримѣръ, выѣздъ Алеши изъ Ростова (откуда его выводятъ и наши лѣтописи), порѣзъ книгиней Апраксой за столомъ руки, по случаю присутствія рядомъ съ нею ея сердечнаго друга, Змѣя Тугарина. Этихъ цѣнныхъ подробностей не сохранила намъ ниже-колымская запись; но зато по своему содержанію она цѣльнѣе и дѣйствию въ ней развивается послѣдовательнѣе и она очень близка къ той части даниловской старины, которая

идеть, начиная стиха 155-го, т. е. съ приѣзда 2-хъ богатырей (Алеши и Екима) въ Кіевъ. Такимъ образомъ, если мы выкинемъ средину въ старинѣ Ърши, именно—встрѣчу со старцемъ-пилигриномъ и дорожную встрѣчу со змѣемъ, то мы получимъ изъ этихъ двухъ старинъ—даниловской и богоразовской—двѣ довольно близкія другъ-другу записи, по которымъ не трудно возстановить первоначальную редакцію старины про Алешу Поповича. Она приблизительно такова:

- 1) Выѣздъ Алеши со слугою Екимомъ изъ Ростова.
- 2) Приѣздъ въ Кіевъ ко князю Владимиру и приглашеніе на пиръ.
- 3) Присутствіе на пиру Змѣя и его обжорство.
- 4) Поведеніе княгини Апраксы.
- 5) Насмѣшки Алеши надъ невѣжествомъ Змѣя.
- 6) Запальчивость Змѣя и его намѣреніе убить Алешу.
- 7) Увертливость Алеши и ловкость парубка Екима.
- 8) Вызовъ Алеши на бой Змѣя Горыныча.
- 9) Брань княгини Апраксы по адресу Алеши.
- 10) Молитва Алеши о помощи.
- 11) Рѣшительная встрѣча Алеши съ противникомъ.
- 12) Хитрость Алеши и смерть Змѣя Тугарина.
- 13) Замѣчаніе княгини Апраксы на приближавшагося Алешу.
- 14) Прибытіе Алеши и сбрасываніе съ копья головы Змѣя.
- 15) Брань Алеши по адресу княгини Апраксы.

Вотъ, приблизительно, та редакція, которую можно назвать основною для старинъ про Алешу и Змѣя Тугарина. Теперь обратимся къ нашему терскому варианту и, отиѣтивъ и подчеркнувъ въ немъ сохранившіяся части, сравнимъ его съ вышеназванной первоначальной редакціей. Тезисы нашей старины.

- 1) Пиръ князей и ихъ хвастовство.
- 2) Скромность Алеши.

- 3) Нетерпѣніе княгини и ея безпокойство.
- 4) Прилетъ Змѣя Угарина.
- 5) Его невѣжество и обжорство.
- 6) Насмѣшка Алеши надъ Угаринымъ.
- 7) Покушеніе Змѣя на убійство Алеши Догрубничка.
- 8) Увертка Алеши и поимка имъ ножа.
- 9) Угроза Алеши по адресу Змѣя.

Такимъ образомъ, изъ сравненія наличныхъ пунктовъ въ обѣихъ редакціяхъ мы видимъ, что въ нашемъ вариантѣ забыты имена: Кіевъ, кн. Владимиръ, Екимъ-царубокъ; совершенно утеряны тезисы: выѣздъ Алеши изъ Ростова, приѣздъ въ Кіевъ, ко кн. Владимиру; утеряны также и забыты: бой Алеши со Змѣемъ и побѣда Алеши, трофей богатыря и разговоръ Екима и княгини Апраксы, брань Алеши по адресу княгини. Наша старинка есть только небольшая сцена Алеши со Змѣемъ за столомъ (у кого—не сказано, очевидно у кн. Владимира)—это скорѣе отрывокъ довольно сохранившійся основной редакціи про этого богатыря. Вотъ что представляетъ намъ терскій вариантъ про Алешеньку въ сравненіи съ основной редакціей.

Ничѣмъ особеннымъ яркимъ мѣстнымъ наша старина не обогатилась, если не считать такихъ мелочей, какъ замѣна имени „Поповичъ“ именемъ „Догрубничекъ“ и „Угаринъ“, вмѣсто „Тугаринъ“; вотъ только, пожалуй, стихъ: „Не темная туча изъ за горъ восходила“.... и т. д. Возможно, что онъ чисто туземнаго происхожденія, такъ какъ сравненіе полета змѣя съ выходомъ тучи изъ-за горъ могло сложиться только у жителя, наблюдавшаго горы (Кавказскій хребетъ) и горную природу.... Вотъ то новое, что можно замѣтить въ нашей старинѣ; больше къ этому прибавить нечего.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго про нашихъ богатырей Илью, Алешу и Добрыню можно вывести, что всѣ

три народныхъ любимца и здѣсь сумѣли сохранить и удержать свои основныя и типичныя для каждаго черты.

Перехожу теперь къ старинамъ, въ общемъ менѣе популярнымъ и распространеннымъ у насъ на Терекѣ, нежели старины-пѣсни про главныхъ эпическихъ любимцевъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Что не въ славномъ было градѣ Киевѣ,
Что у славнаго князя Владимира,
У Солнышка-Браснаго, сына Всеславича;
Какъ собиралася она тамъ пиръ-бесѣдушка,
Честохвальная да почетная.
Ужъ какъ пьютъ та они гуляють
Князья-бояре проглаждаются,
Промежь собой они похваляются.
Какъ и сильный-то хвалится своей силою,
Богатый хвалится своимъ богатствомъ,
А убогій все божьей милостью.
Лишь Владимиръ князь одинъ не хвалится
И какъ солнышко онъ улыбается.
Ужъ онъ молвить бесѣдѣ таковы слова:
„Всѣ друзья мои, братья, поженилися,
Вся голутьба моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодець холостъ хожу,
Ужъ я холостъ хожу, не засватанный“.

Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что этотъ отрывокъ есть хорошо сохранившееся начало большой старины, известной въ нашемъ эпосѣ подъ названіемъ „Женитьба кн. Владимира“ или „Добрыня-сватъ“, главными лицами которой являются Добрыня или Дунай... Что же касается до самой сущности старины—добычи невѣсты для Владимира Добрыней или Дунаемъ, то она утрачена и, судя по имѣющемуся матеріалу, утрачена безвозвратно. По крайней мѣрѣ, пересмотрѣвъ весь имѣющійся у меня репертуаръ сохранив-

шихся, полусохранившихся и почти совсѣмъ разрушенныхъ старинъ, я ни въ одной изъ нихъ не нашель указаній или даже намека на это добываніе Добрыней или Дунаемъ невѣсты для Владимира. Правда, есть у насъ еще одна полу-разрушенная старина, въ которой имѣется тоже сюжетъ добыванія невѣсты для кн. Владимира, но этотъ сюжетъ, очевидно, составляетъ содержаніе другой старины, извѣстной въ нашемъ эпосѣ подъ именемъ „Кн. Владимиръ и Данилушка Ловчанинъ“ (у насъ Данилушка Беззчастный), но объ этой старинѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ; теперь же пока возвращусь къ отрывку, текстъ котораго я только-что привелъ. Здѣсь мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть одно мѣсто, которое, по моему, не лишено нѣкотораго интереса; это послѣдніе четыре стиха нашего отрывка, которые составляютъ обращеніе кн. Владимира къ пирующимъ:

„Всѣ друзья мои, братья (говоритъ Владимиръ) по-
жилися,

Вся голутьба моя пересватана,
Одинъ, я добрый молодець, холостъ хожу,
Ужъ я холостъ хожу, незасватанный“.

Это представленіе себѣ князя въ обществѣ „голытьбы“ является на мой взглядъ замѣчательной бытовой чертой. Она—эта черта показываетъ, какъ глубоко засѣлъ въ это сословіе казацкій, демократическій духъ настолько глубоко, что въ свое время, а именно въ періодъ процвѣтанія и образованія этихъ старинъ (первая половина 17-го вѣка, и особенно Смутное время—„Золотой вѣкъ голытьбы“)—казацкіе пѣвцы не могли себѣ представить даже пышный дворъ кн. Владимира безъ „голытьбы (въ старинѣ „голутьба“). Вотъ та интересная мѣстная черта, которую мнѣ бы хотѣлось подчеркнуть въ моемъ отрывкѣ. Перехожу теперь къ другому сюжету старины, гдѣ также трактуется о женитьбѣ князя (имя утрачено: по всей вѣроятности, Владимира).

По словамъ г. Карпинскаго, записавшаго эту старину въ станицѣ Червленной, она пзвѣства тамъ подь именемъ пѣсни про „Данилушку Безсчастнаго“. Вотъ ея текстъ:

Какъ сидятъ та князья-бояри,
Ави пьютъ, гуляютъ, праклаждаюца,
Да мижду сабой бояри выхваляюца.
Какъ адивъ та пзъ нихъ ни хвалица—
Затужилса князь, запичалилса:
„Или нѣтъ у тибя залатой базны?
Или нѣтъ у тибя маладой жины?
Мы найдемъ та тибѣ маладую жину,
Па твамѹ ли пличу княжинецѹ,
Па твамѹ ли пличу маладецѹ!
Есть у Данилушки Бисчаснава малада жина—
Лучши, краше йие въ свѣти нѣтъ“.
Атвѣтъ та держитъ дсбрый моладець:
— „Да на гдѣ жи въ свѣти видано,
Да на гдѣ жи въ свѣти слыхана—
Атъ живова мужа жину атбитъ....?“
Атвѣтъ держуть йиму князья-бояри:
„Мы найдемъ та йиму службицу,
Службу дальнюю, невозвратную:
Пашлемъ та, пашлемъ йиво на Кіянъ-море,
Пашлемъ та пашлемъ на Буянъ-остравъ.
Дастать та, дастать сива бабра,
Сива бабра сивалобава.
Привисти йиво мижн абѣдній и заутриній“.
Што призвали князья-бояри Данилушку,
Пасадили йиво на первую мѣстичка,
Приказали йиму всю службу исполнити.
Пришелъ та Данилушка къ маладой жинѣ—
Притужилса онъ, причечалилса.
Што выпрашиваетъ Данилушку малада жина:

— „Што ты, Данилушка, запичалися.
Или мѣстичкамъ тибѣ абнизили,
Или тибя чарачкай абносили?“
Атвѣтъ держитъ Данилушка маладой жинѣ:
„Мѣстичкамъ миня ни абнизили,
Чарачкай миня ни абносили;
Назначили миня въ службу дальнюю,
Въ службу дальнюю, невозвратную“ —
— „Ета тибѣ ни служба, а службица;
Ты лажись-ба, лажись, Данилушка,
На сваю билу постель.
Спи, Данилушка, багатырскимъ сномъ:
Утра вечера-мудренѣя:
Я пайду, та пайду къ сваей родной тетушки —
Привиду тибѣ сучишу-багранишу“.
Какъ садился Данилушка на сучишу-багранишу,
Атправлялся Данилушка въ службу дальнюю,
Паймалъ та Данилушка сива бабра сивалобава,
Приставлялъ йиво мижѣ абѣдни и заутрини.
Услыхали князья-бояри,
Што визеть та, визеть Данилушка
Сива бабра сивалобава —
Высылали ани йиму навстрѣчу двенадцать богатырей,
Двенадцать богатырей, двенадцать магучихъ....
Чтобы ани убили Данилушку *). Данилушка всѣхъ ихъ
перебилъ, но и они его смертельно ранили. Князья-бояре со-
бпраются женить князя на женѣ Данилушки. Когда по-
слѣдняя узнала о смерти своего мужа, она проситъ князей
и бояръ: „Вы пустити, вы пустити миня
Са мертвынимъ тѣламъ простица“.

*) Здѣсь разказчикъ-пѣвецъ передаетъ содержаніе пѣсни своими
словами, такъ какъ забылъ пѣсенный ладъ.

Отправляясь къ тому мѣсту, гдѣ убить ея мужъ, жена Данилушки беретъ съ собою ножъ. Прибывъ къ „Данилушкину кладбищу“, молодая жена прощается съ могилой мужа и закалываетъ себя ножомъ. Когда молодой князь собиравшійся жениться на женѣ Данилушки, подъѣзжаетъ къ мѣсту битвы, онъ видитъ, что всѣ мертвы лежать:

Затушилса молодой князь, запечалилса,
Ни жалка мнѣ двинадцать богатырей,
Двинадцать богатырей, двинадцать магучіихъ;
Только жалка мнѣ три души,
Три души, да три напрасныхихъ....
Обазывается, жена Данилушки была беременна.

Вотъ это полуразрушенная, но рѣдкая старина — рѣдкая потому, что до самаго послѣдняго времени эта старина была извѣстна всего-на-всего въ двухъ вариантахъ, записанныхъ на востокѣ Европейской Россіи Кирѣевскимъ (вып. III, стр. 28—38), одинъ въ Нижегородской, другой въ Симбирской губ. Наша терская запись, такимъ образомъ, по счету является 3-й, хотя и несомнѣно удачной.... Теперь по имѣющимся у меня въ рукахъ всѣмъ тремъ вариантамъ попробую возстановить ихъ основную редакцію. Она, по-моему, будетъ такова.

У князя Владимира пиръ. Всѣ хвастаютъ, кто чѣмъ можетъ. Владимиръ печалится, что онъ всѣмъ богатъ, но не имѣетъ жены. Одинъ изъ застольниковъ (по Нижегородской записи Путята, по Симбирской — Мшатка Путятичъ) говоритъ, что у него есть такая на примѣтѣ и указываетъ на жену Данилы Ловчанина. Князь высказываетъ неудовольствіе и порицаніе за совѣтъ отбить у живого мужа жену, но княжескій льстецъ быстро изворачивается и предлагаетъ дать Данилѣ какое-либо невозможное порученіе, безъ котораго ему не возвращаться на глаза князю, и тутъ же предлагаетъ это порученіе: убить Данилушкѣ звѣря-лихошерстнаго и съ его печенью возвратиться домой.... Присутствующій здѣсь же

Илья протестуетъ противъ такой пехорошей затѣи, но его заставили замолчать. Немедленно пишется указъ Давилушѣ и отсылается гонцомъ. Данило, ободряемый своей женой Настасьей Нивгулишвой, отправляется на охоту и исполняетъ порученіе.... Но Владимиръ во слѣдъ за богатыремъ посылаетъ еще цѣлый отрядъ богатырей (донскихъ казаковъ) съ порученіемъ во-чтобы-то-ни-стало убить Давилушку. Послѣдній всѣхъ ихъ уничтожаетъ. Но вотъ показываются еще двое — Добрыня Нивгитичъ и его, Данилы, родной братъ, Никита Денисьевичъ. Данило, не желая проливать братскую кровь — убиваетъ себя. Владимиръ завладѣваетъ Настасьей. Эта соглашается и проситъ проститься съ тѣломъ мужа. Князь разрѣшаетъ; она прибываетъ на могилу мужа и убиваетъ себя ножомъ. Владимиръ раскаивается въ своей опрометчивости и выпускаетъ Илью изъ погреба, куда онъ заперъ его за протестъ по поводу возней, направленныхъ противъ Данилы. Такова помоему основная редакція всѣхъ трехъ старинъ про Давилу-Ловчанина. Въ ней мы замѣчаемъ слѣдующіе пункты.

- 1) Пиръ у кн. Владимира.
- 2) Хвостовство гостей.
- 3) Печаль кн. Владимира и ея причина.
- 4) Преступное предложеніе Путяты относительно жены Давилы.
- 5) Недовольство Владимира.
- 6) Находчивость и изворотливость Путяты.
- 7) Протестъ Ильи Муромца.
- 8) Поступокъ съ нимъ.
- 9) Указъ о службѣ Данилѣ Ловчанину.
- 10) Одобреніе женой Данилы и ея напутствіе.
- 11) Удачное исполненіе Данилой указа, т. е. убійство рѣдкаго звѣря.
- 12) Порученіе кн. Владимиромъ донскимъ казакамъ убить Давилу.

- 13) Гибель ихъ отъ руки Данилы.
- 14) Боевая встрѣча съ Добрыней и со своимъ роднымъ братомъ.
- 15) Самоубійство Данилы.
- 16) Насильственное завладѣніе кн. Владимиромъ вдовой Данилы Ловчанина.
- 17) Испрашиваніе ею позволенія проститься съ могилой мужа.
- 18) Ея самоубійство.
- 19) Печаль и раскаяніе кн. Владимира.
- 20) Снятіе опалы съ Ильи.
- 21) Наказаніе Путяты.

Въ нашей же редакціи мы замѣчаемъ слѣдующіе пункты:

- 1) Пиръ (у кого—неизвѣстно).
- 2) Хвостовство бояръ.
- 3) Печаль князя (какого—неизвѣстно).
- 4) Предложеніе бояръ найти князю жену.
- 5) Предложеніе воспользоваться женой Данилушки Безсчастнаго.
- 6) Недовольство князя.
- 7) Изворотливосгь бояръ и ихъ совѣтъ найти Данилушкѣ неисполнимую службу.
- 8) Приглашеніе на пиръ Данилы.
- 9) Объявленіе ему княжеской воли.
- 10) Возвращеніе Данилы домой и его печаль.
- 11) Разспросы жены.
- 12) Отвѣтъ Данилы.
- 13) Совѣтъ и помощь жены.
- 14) Поѣздка на „багряной сучищѣ“ и поимка звѣря (бобра).
- 15) Высылка навстрѣчу Данилѣ богатырей и ихъ цѣль.
- 16) Бой Данилы съ ними и его смерть отъ раны.

17) Завладаніе княземъ женой Данилы.

18) Прощаніе вдовы надъ тѣломъ мужа и ея самоубійство.

19) Раскаваніе князя и его причины.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что количество тезисовъ въ обѣихъ редакціяхъ почти одинаково, но они далеко не совпадаютъ; изъ 20 имѣющихся налицо въ обѣихъ редакціяхъ пунктовъ совпадающихъ мы найдемъ 13—14; совершенно отсутствуютъ въ нашей редакціи слѣдующія имена и тезисы: имена Настасья Никулишна, жены Данилы, гор. Черниговъ, гдѣ проживаетъ Данило, кн. „Владимиръ“, приспѣшникъ „Путята“, „Илья Муромецъ“; тезисы:

7) Протестъ Ильи противъ неблагогоднаго намѣренія.

8) Поступокъ князя съ Ильей.

9) Указъ о службѣ Данилѣ.

14) Боевая встрѣча съ Добрыней и роднымъ братомъ.

15) Самоубійство Данилы и причины.

20) Снятіе опалы съ Ильи.

21) Наказаніе Путяты.

Но вмѣсто этихъ недостающихъ у насъ имѣются такіе тезисы:

1) Приглашеніе на пиръ Данилы.

2) Объявленіе ему лично княжеской воли.

3) Возвращеніе Данилы домой и его печаль.

4) Разспросы жены.

5) Совѣты жены не беспокоиться.

6) Поѣздка на сучищѣ-баграницѣ и поимка звѣря (бобра).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что недостающіе тезисы въ нашей редакціи, исключая двухъ про Илью и одного про самоубійство Данилы, замѣнены новыми, но довольно близкими къ нимъ по содержанію. Отсюда мы можемъ вывести заключеніе, что дойди эта старина до собирателя въ болѣе сохранившемся видѣ, она мало чѣмъ отличалась бы отъ за-

писей Кирѣевскаго, не исключая и прозвища Данилы „Безсчастливымъ“, которое, по всей вѣроятности, зашло въ нашу старину изъ сказки про Василя Безсчастливаго.

Ничѣмъ мѣстнымъ наша старина не обогатилась. Сохранила также досужая память гребенскихъ казаковъ и имя Дюка Степановича. Кромѣ уже однажды мимоходомъ упомянутаго (старина „Богатыри на часахъ“), это имя у насъ фигурируетъ и въ отдѣльной пѣснѣ-старинкѣ, которая имѣется у насъ въ двухъ вариантахъ — запись г. Карпинскаго (вып. 22, станица Червленая) и запись г. Панкратава въ его уже не разъ упоминаемой книгѣ — „Гребенцы въ пѣсняхъ“.... Оба варианта очень близки; вся разница въ томъ, что вариантъ Карпинскаго записанъ съ соблюденіемъ и сохраненіемъ фонетическихъ особенностей въ говорѣ. Запись г. Панкратава этого придерживается слабо, но она нѣсколько полнѣе, и я привожу ее здѣсь цѣликомъ. Вотъ ея текстъ:

Изъ села было все изъ селочка,
Изъ села было все изъ малаго
Что изъ малаго Карачаева:
Тутъ вылетывалъ младъ ясенъ соколъ,
Тутъ выпархивалъ младъ сизой вичеть,
Тутъ выѣзживалъ добрый молодець,
Добрый молодець Дюкъ Степановичъ,
Дюкъ Степановичъ, сынъ Ивановичъ,
Подъ нимъ добрый конь, ровно лютый звѣрь,
Да кунцомъ копыто, шея болесомъ *),
Да и гривушка все на лѣво;
Подъ капытцами все змѣи сопятъ,
Змѣи сопятъ, змѣи лютыя,
Змѣи лютыя, двухголовыя,
Двухголовыя, одношерстныя.

---

*) „Кунцовое копыто“ — старинное выраженіе: стаканчиковое, торцовое капыто.

На немъ лукъ-сайдакъ, ровно жаръ горить,
Ровно жаръ горить, красно солнышко;
Во комчяхъ *) лежатъ ровно тридцать стрѣлъ,
Еще три стрѣлы;
Тридцати стрѣламъ цѣна сказана,
Какъ тремъ стрѣлочкамъ цѣны вѣту-га:
У нихъ ушечки подзлаченныя,
У нихъ перушки все орловыя,—
Какъ того орла, орла сизаго,
Орла сизаго, сизокрылаго;
Ужъ двумъ стрѣляя, ночью собиралъ....
Да тутъ ѣхали купцы торговые:
Они собирали перушки орловыя,
Какъ того орла, орла сизаго,
Орла сизаго, сизокрылаго **)...

Такимъ образомъ, въ нашей старинкѣ безъ труда можно узнать начало старины съ тѣмъ же героемъ, имя котораго довольно часто пестритъ на страницахъ нашихъ каноническихъ сборниковъ; такъ у Гильфердинга въ томѣ 1-мъ стр. 109, 171; въ томѣ 2-мъ стр. 129, 277, 325, 488, 549, 647; въ томѣ 3-мъ стр. 125, 171. У Рыбникова 2 вып. стр. 135, 137, 152, 158, 4 вып. стр. 47; Кирѣевскій—вып. 3-й стр. 100—101; у Кирши Данилова стр. 19. Но старинъ, совпадающихъ своимъ началомъ съ нашимъ отрывкомъ, оказалось не такъ много; таковыми оказались въ помѣченныхъ мною выше сборникахъ только старины у Гильфердинга т. 3-й стр. 171. У Кирѣевского вып. 3-й стр. 100—101; у Кирши Данилова стр.

---

*) Камчи—калчанъ (слово татарское).

**) Изъ этого отрывка мы видимъ, что онъ представляетъ собою только краткое вступленіе, какъ бы прологъ къ настоящей старинѣ, самая же старина—главный ея остовъ нашимъ репертуаромъ утрачена, и поэтому въ моей работѣ я и не буду говорить о немъ.

19. Начало этой послѣдней старины ближе всего подходит къ нашему отрывку; ее мы и возьмемъ за основную редакцію и, сравнивъ ее начало съ нашимъ отрывкомъ, посмотримъ, чѣмъ совпадаетъ и чѣмъ отличается нашъ отрывокъ отъ этой старѣйшей записи про этого удалца и фата. Для наглядности и удобства сравненія выпишемъ тезисы изъ обѣихъ старинъ и сравнимъ ихъ. Тезисы Даниловской редакціи:

- 1) Выѣздъ Дюка изъ Волынца-красна Галичья.
- 2) Описаніе красоть коня.
- 3) Описаніе воинскаго одѣянія.
- 4) Почему конь такъ дорого стоитъ.
- 5) Подробное описаніе лука и его стоимость.
- 6) Количество стрѣлъ въ колчанѣ и ихъ описаніе.
- 7) Борабельщики, собирающіе перья и продающіе на святой Руси.
- 8) Почему перья такъ дороги? (Ихъ описаніе).
- 9) Почему Дюкъ охотится днемъ, а собираетъ стрѣлы ночью?

Вотъ приблизительно тѣ тезисы, которые замѣчаются въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ основоой редакціи; а вотъ тезисы и нашего отрывка:

- 1) Выѣздъ Дюка Степановича изъ села Карачарова.
- 2) Описаніе коня.
- 3) Описаніе лука.
- 4) Количество стрѣлъ и ихъ описаніе.
- 5) Время охоты и время собиранія стрѣлъ.
- 6) Купцы, собирающіе перья отъ стрѣлъ.

Итого въ нашемъ отрывкѣ всего 6 тезисовъ. Три интересныхъ тезиса—описаніе воинскаго одѣянія, объясненіе дороговизны коня и описаніе чудесныхъ перьевъ со стрѣлъ Дюка и ихъ цѣнность, эти тезисы въ нашемъ отрывкѣ совершенно отсутствуютъ. Мѣсто, откуда выѣзжаетъ эпическій Дюкъ, его родина—Волынецъ Галичь—забыты и вмѣсто

этого города поставлено село Карачаево, очевидно, перенесенное сюда по отдаленной аналогіи изъ былины про Илью Муромца (еще фактъ, свидѣтельствующій о широкомъ распространеніи старинъ про этого богатыря). Причина, почему Дюкъ стрѣлялъ днемъ, а собиралъ стрѣлы ночью—не указана, между тѣмъ какъ въ основной редакціи это мѣсто развито очень ясно; тамъ прямо сказано, что днемъ онѣ не видны были; ночью же сіяли и горѣли отъ имѣющихся на нихъ самоцвѣтныхъ камней. Остальные тезисы въ нашемъ отрывкѣ аналогичны по своему содержанію съ тезисами первоначальной редакціи, однако короче и бѣднѣе красками, нежели тѣ же тезисы этой послѣдней редакціи.

Ни однимъ штрихомъ, ни одной черточкой изъ мѣстнаго быта наша старина не обогатилась, если не считать мѣстныхъ словъ татарскаго происхожденія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Это все, что можно сказать относительно этой старины.

Не забылъ Терекъ и эпическаго Ставра; но сохранился онъ здѣсь въ единственной пѣснѣ, которая его величаетъ не просто Ставръ, а Ставръ-Лавръ Тимофеевичъ. Сохранилась эта старинка въ единственной записи у г. Карпинскаго (вып. 22, сборникъ Матер. д. о. мѣст. и пл. Кавказа). Вотъ ея текстъ, который почтенный собиратель передаетъ по возможности съ соблюденіемъ діалектическихъ особенностей въ говорѣ:

Ни ва матушки была ва Расеюшки,
Ва Расеюшки была, ва каминной Масквѣ,
Што у ласкава у князя у Владимира,
У солнышка, у сына Сниславича.
Тамъ сидѣла пиръ-бисѣдушка пачетная,
Што чесная, хвальная, больна радашная.
Ани пьютъ та гуляютъ, проблаждаюца,
Да мижду сабою баяри выхваляюца:
Сильный хвалица свѣей силаю,
А багатый хвалица багачиствамъ;

А убогій Божей милостью.
А адинъ изъ нихъ не хвалица,
Ни хвалица Ставерь—улыбаица.
И вазговарилъ Ставерь такавыйи слависа:
„Ахъ вы, вояси, князья, бояри,
Сильныйи, магучіи вы богатыри.
Да нашли вы чѣмъ, бояри, величатиса.
Кабы хто изъ васъ какой горадъ взялъ,
Каку силу атагналъ, силу нивѣрную;
Онъ Скурлаву бы сабаку ва дикую степь загналъ,
Да сымалъ бы онъ сабаки буйну голуу дадой,
Надивалъ йие на ваструю на капье,
Привазилъ йие въ славный Кіевъ-градъ.
Да фсиму бы міру на диковинку,
А князьямъ-баярамъ на чудовишшу“.
Вотъ б..ди Анютки за биду стала,
За виликую дасаду наказаласа;
Фставала Анютка са мѣстичка,
Са таво ли мѣста са куминава,
Са таво ли мѣста са вдавинава,
Брала Анютка залату чару,
Наливала ва чару зилинова вина,
Ва чарачку клала зелья лютава.
Па краямъ та ефтай чары змѣи лютыйи сапять,
Пасридины ефтай чары агонь-полымя гарить;
Паднасила ефту чару Ставру та Лавру,
Паднасила йие Тимафеичу:
„Эхъ ты выпій, Ставѣръ-та-Лавѣръ,
Да ты выкушай йие, Тимафеивичъ“.
Какъ вазговарилъ Ставерь такавыйи слависа:
„Эхъ вы, вояси-князья-бояри,
Сильныйи, магучіи вы богатыри!
Если ни питъ ефту чару, мнѣ ни честь ни хвала,

Если выпить ефту чару, мнѣ живому ни быть.
А знайти, братцы, што я жинилса,
А взялъ сибѣ маладу-та жину ни у васъ, ни у насъ,
Я взялъ та йне въ каминной Масквѣ
У ласкава у князя у Владимира,
У солнушки, у Сниславича;
А взялъ я йне са придаными,
Ва приданыйи взялъ трицать три жирища,
Трицать три жирища, да тридцать три маладца,
Ужъ какъ жерибець падъ жерища,
А моладець подъ молотца:
Наски востры, каблуки высаки,
Да патъ кажнымъ каблучкомъ ворабей пралитить,
А чорная варона ни паверница.
Ни тибѣ ли б...ь-Анютка ефту чару пить?«
Ни тибѣ ли б...ь-Анютка и живой ни быть.
Развирнулъ онъ праву руку,
Ударилъ изъ ефтай чары по бѣламу лицу,
Загорѣлась на Анютки цвѣтна платьнца йне....

Старина довольна спутанная и скомканная, однако начало ея настолько сохранилось, что въ ней безъ труда можно узнать начало же старины про боярина Ставра Тимофеевича, даже въ такомъ отдаленномъ вариантѣ, какъ у Кирши Данилова, текстъ и редакцію которой академикъ Веселовскій и считаетъ за самый архаичный и достовѣрный. Съ нимъ мы сравнимъ нашу запись. Не буду приводить здѣсь содержанія всего Даниловскаго варианта, въ чемъ намъ нѣтъ особой надобности, а возьму изъ него то, чтó имѣется и въ нашей записи—начало: ихъ мы и сравнимъ. Напомню же здѣсь это начало. Почти всѣ старины про этого „героя“ (въ ковычкахъ) открываются пиромъ у князя Владимира. Подвыпивъ, гости начинаютъ хвастаться, кто чѣмъ можетъ. Бояринъ Ставръ сидитъ тутъ же за столомъ, но изъ трусости ли

или изъ соображенія высшей политики почему-то не рѣшается похвалиться во всеуслышаніе своимъ добромъ, а только тихонько, что называется „на-ушко“, хвалится сосѣду своимъ добромъ-домомъ и богатствомъ, которое-де превосходитъ даже богатство и роскошь самаго князя Владимира. Досушіе слуги, шпіоны вмигъ подслушиваютъ хвастовство и передаютъ князю и Ставрѣ за свою неумѣренную похвальбу угодили въ глубокій погребъ. Не таковъ Ставеръ въ нашей старинѣ: въ немъ нѣтъ ни этого бахвальства пьяныхъ, хвастливыхъ бояръ, ни этой осторожности и трусости (иначе я это не могу назвать), какая наблюдается у Ставра каноническихъ записей. Нашъ Ставеръ настоящій казакъ среди этихъ хитрыхъ и пронырливыхъ царедворцевъ. Онъ не умѣетъ ни хвастать, какъ эти пьяные князья и бояре, ни трусить и хитрить, какъ этотъ эпическій Ставеръ, а прямо и безъ оглядки высказываетъ вслухъ, что онъ думаетъ, прямо рѣжетъ въ глаза правду-матку, не боясь своей рѣзкостью бога задѣть и оскорбить. А думаетъ онъ вполне по-богатырски, что хвастать имъ боярамъ, вечѣмъ, такъ какъ, по его мнѣнію, хвалиться можетъ только тотъ, кто совершилъ хоть одинъ изъ слѣдующихъ подвиговъ—или городъ взялъ, или силу разогналъ невѣрную или Скурлакѣ голову срубилъ. Вотъ каковъ нашъ Ставръ: это настоящій рубака-казакъ, это демократъ-плебей, случайно попавшій въ общество изнѣженныхъ и обжорливыхъ завсегдатаевъ княжескаго стола. Это надѣленіе эпическаго Ставра несвойственными для него чертами по моему непростая случайность. Это продуктъ глубоко демократической казацкой среды, которая даже не можетъ себѣ представить богатыря и воспѣваемаго героя иначе, какъ въ образѣ казака, или, по крайней мѣрѣ, не надѣливъ его казацкими чертами и ухватками, что мы и наблюдаемъ въ нашемъ терскомъ Ставрѣ. Такимъ образомъ эта особенность въ характерѣ нашего Ставра есть чисто

мѣстная, казачья черта, которая измѣнила образъ эпического Ставра до неузнаваемости, еще разъ подтвердивъ мнѣніе заслуженнаго ученаго, что всѣ наши имена въ нашихъ старинахъ гораздо старѣе и архаичнѣе ихъ характеровъ. Что же касается до второй половины этой старины про Ставра, самаго остова ея, то онъ совершенно утерянъ и вмѣсто него къ зачѣну неуклюже прикрѣплена логически необусловленная сцена столкновенія Ставра-Лавра съ безбожницей и еретицей Аюткой, которая почему-то оскорбленная рѣзкой рѣчью Ставра хочетъ отравить его ядомъ, подсыпавшимъ въ чару съ виномъ. Ея коварный замыселъ не удается: Ставръ хотя и принимаетъ чару, но не пьетъ ея, а говоритъ коротенькую рѣчь, во время которой объявляетъ, что онъ женился и потомъ, закончивъ эту рѣчь, вмѣсто того чтобы выпить чару, бьетъ ея по лицу еретицу Аютку, чѣмъ старина и заканчивается.

Уже не говоря о томъ, что подобнаго финала не имѣеть ни одинъ вариантъ про Ставра въ каноническихъ сборникахъ, я не могъ подыскать подходящей сцены и въ другихъ старинахъ какъ нашего терскаго репертуара, такъ и въ сборникахъ каноническихъ. Такая сцена еще бы допустима была въ старинѣ про Добрыню и Маринку, но и тамъ еретица Маринка никому не предлагаетъ чаровъ. Правда, предлагаетъ чару зелена-вина мать Добрыни своей любимой кумушкѣ (у Кирши), но тамъ эта чара доброжелательная и дружеская между двумя задушевными подругами. Остается допустить, что сцена эта съ чарой отравленнаго вина есть остатокъ какой-нибудь уже разрушившейся старины, забытой и исчезнувшей изъ памяти славныхъ гребенцовъ. Однако, забывъ почти цѣлкомъ всю средину и конецъ, наша старина, повторяю еще разъ, отлично упомянула имена Ставра (пробавивъ къ нему въ видѣ послѣсловія, вѣроятно, для рѣимы — Лавръ) запомнила князя Владимира и его отчество—

Сниславича, но только дѣйствіе изъ Кіева перенесено въ каменну Москву (и Ставрѣ въ нашей пѣснѣ величается не Годиновичѣ, а Тимофеевичѣ).

Перехожу теперѣ къ послѣднему сюжету старинѣ, имѣющихся въ нашемъ терскомъ репертуарѣ. Эта старинка про Ивана Гардѣвича; сохранилась она въ двухъ записяхъ: одинъ у г. Панкратова, а другой въ записи г. Карпинскаго (вып. 27), который я и привожу здѣсь.

Ни ва даличи была ва чистомъ поли,
Ни два сокала вмѣсти ани салнталиса,
Ни два богатыря ани вмѣсти соизжалиса,
Ни Иванушка са царемъ ани крѣпка пазаспорили,
Ишшо сынъ Гардѣвичъ крѣпка параздорили,
А павздорили ишшо ни абъ сто рублей,
Ишшо пазаспорили ни абъ тысячи.
Пазаспорили ани абъ сваихъ буйныхъ галовушкахъ.
Ишшо они билиса, вотъ ани рублиса,
Съ утра день да вечеру,
Какъ въ асеняю та была темну ночиньку,
Въ темну ночиньку да биллой зарі.
Ни па божискай была па миласти,
Та па младенчискаму была па счастьяцу,
Сбилъ Иванушка царя вонъ йиво паганава.
Ишшо сбилъ Гардѣвичъ царя вонъ йиво нивѣрнава.
Ишшо какъ садился Иванушка царю на бѣлыи груди,
Бакъ садился Гардѣвичъ на йиво груди царскіи.
Ишшо вынимаитъ Иванушка востраю кинжалишшу,
Ишшо вынимаитъ Гардѣвичъ востраю булатнаю,
Какъ хатитъ та Иванушка пароть груди бѣлыи,
Какъ хатитъ Гардѣвичъ пароть груди царскіи.
Ишшо какъ паганый царь крѣпка испугалса,
Ишшо какъ паганый царь вазмаляица:
Онъ кричитъ та зычитъ сваимъ громкимъ голасамъ;

Ишо ка Настасьюшки ка дочки Митривнѣ:

„Да ты сварати Иванушку са маихъ бѣлыхъ грудей,
Сварати Гардѣвича съ маихъ царекіихъ:

Ишо ты сваротишь Иванушку, будишь царицаю,
А ни сваротишь Гардѣвича будишь пастелицаю“ (ва-
ріантъ: „а за Иванушкой будешь халопкою“, что,
по-моему, болѣе правильно)

Ишо сваратила Иванушку са бѣлыхъ грудей,

Ишо сваратила Гардѣвича съ йиво царекіихъ.

Ишо привизали Иванушку йиво ка сырому дубу,

Накладантъ онъ, паганый царь, сваю калину стрилу,

Ишо какъ хатитъ йиво паганый царь застрѣлити

Ишо какъ хатитъ Гардѣвича анъ йиво застрѣлити,

Да ни па божискай была па миласти,

Да па младенчискаму была па счастьецу,

Ишо варатиласа она, калпа стрила,

Ишо да убила ана вотъ йиво паганава царя.

Если мы поищемъ нашему отрывку аналогичныхъ ста-
ринъ въ каноническихъ сборникахъ, то найдемъ немало
близкихъ ему по содержанію; такъ, напр., у Рыбникова т.
2-й стр. 52; т. 3-й стр. 113; у Гильфердинга т. 1-й
стр. 268, т. 2-й стр. 116, 643, 679, томъ 3-й стр. 3;
у Кириши Данилова стр. 110. А также одинъ варіантъ въ
„Былинахъ старой и новой записи“ Тихонравова и Миллера
стр. 85. Только небольшая разница въ именахъ: отчество
каноническаго Иванушки—Годиновичъ (большинство), Горди-
новичъ—у Тихонравова и Миллера, а нашего—Гордѣвичъ.
Имя Иванушкина соперника забыто, и онъ фигурируетъ
просто подъ именемъ царя невѣрнаго. Что же касается до
самаго содержанія нашей старины—встрѣча и единоборство
Иванушки съ неизвѣстнымъ царемъ, то мы безъ труда ука-
жемъ аналогичныя мѣста въ каноническихъ варіантахъ: это
именно—борьба Ивана Гординовича съ царемъ соперникомъ,

имя котораго-то Кошей Трипетовичъ (Рыбниковъ), то Ахромѣй Ахромеевичъ (Кирша). Не забыты также нашей старинной и имя женщины-предательницы Настасья Митривны и ея роль по отношенію къ Иванушкѣ. И въ каноническихъ и въ нашей старинкѣ царь, повергнутый Иванушкой, кричитъ, чтобы она спасла его отъ Иванушки, обѣщая взять ее за себя замужъ. Настасья Митревна соблазняется обѣщаніемъ царя и стаскиваетъ Иванушку: Иванушка побѣжденъ, его привязываютъ къ дереву и собираются разстрѣлять. Съ этого мѣста дѣйствіе расходится; въ то время какъ въ каноническихъ сборникахъ Иванушка, въ ожиданіи своей казни, остается привязаннымъ къ дереву, а царь, упоенный побѣдой, отправляется позабавиться съ Настасьей Митривной, въ нашей старинкѣ царь приступаетъ сейчасъ къ казни злосчастнаго Иванушки; онъ пускаетъ въ Иванушку стрѣлу (въ нашемъ отрывкѣ), но стрѣла почему-то отскакиваетъ и убиваетъ невѣрнаго царя; этимъ наша пѣсня и заканчивается. Начало старины и мотивъ борьбы нашей старинной утрачены, утрачены также и конецъ старины—казнь Иванушкой Настасьи Никулишны (по нашему отрывку—Настасьи Митривны) и пріѣздъ Ивана Годиновича къ князю Владимиру. Никакими мѣстными особенностями наша старина не обогатилась, а также и ничего новаго въ развитіи хода дѣйствія въ нашей пѣснѣ не прибавилось. Вотъ все, что мржно сказать относительно этого отрывка. Этой послѣдней старинкой я заканчиваю мою работу по изученію и изслѣдованію терскихъ „старинъ“ или „былинъ“, какъ онѣ называются по старой, хотя и неправильной терминологіи, такъ какъ самъ народъ и на сѣверѣ, въ самой Скандинавіи русскаго эпоса, и на Теребѣ, какъ я уже и говорилъ выше, называетъ эти пѣсни „старинками“, почему я и избѣгалъ въ моей работѣ называть ихъ „быльнами“.

Однако, чтобы быть полнымъ и точнымъ, я приведу

здѣсь еще два отрывка, двѣ пѣсни, которыя хотя по своему содержанию и ничего не имѣютъ былиннаго, но интересны тѣмъ, что въ нихъ упоминаются имена, столь популярныя въ нашемъ эпосѣ, именно—городъ Муромъ и честная вдова Амелфа Тимофеевна. (Сборн. мат., вып. XXIV, I, III, 106).

I.

Ни па итерской па славной была дарожиньки,
Тамъ пастроина была зладѣюшка,
Зладѣюшка на темная темница.
Бизъ двирей та ава бизъ акошичигъ,
Што съ одной та съ одной дымчатой трубой,
Тамъ засоденный былъ удалъ-добрый молодець.
Да никто та, никто мима ефтай зладѣюшки
На темнай та темницы, ни прайдетъ ни правѣзживаить;
Прахадила та мима ефтай зладѣюшки,
На темнай темницы гостя дарагая,
Матушка родная Амелфа Тимафеевна:
„Чада мая милая, чада мая вазлюблинная!
Да на чѣмъ я, мая дитятка, буду тибя выручати?
Да на чѣмъ я буду изъ ниволи тибя выкупати?
Залатой та маеи казны ни хватить.
А на паруки, мая дитятка, никто ни павѣритъ....“
Какъ атвѣтъ та держать добрый молодець,
Своеи роднай матушки Амелфи Тимафеевни:
— „Ни тирай-ка, родная матушка, залату казну—
Па утру та рава мнѣ будить ршениа—
Са билымъ та свѣтамъ прашшениа“.
Абнялъ та добрый молодець родну матушку,
Прижалъ та йнѣ къ свайму сердцу:
„Прасти ты, мая гостя дарагая, матушка радная.
Матушка радная, Амелфа Тимафеевна.....
И прасти ты, бѣлый свѣтъ съ друзьями,

Красна сонца са ручьями,
Цвитёнъ мѣсяць са звиздами,
Мать сыра-земля са травами.....“
Павили та раздобрава моладца ка релицы,
Ка высокой ка петильки, ка шалковой,
Какъ стали-та йиво, добра моладца, казнить-вѣшати,
Ни устаявши на родная матушка
На сваихъ рѣзвыхъ нагахъ:
Какъ ударилась на родная матушка о сыру землю!

II.

Ни ва даличи была ва чистамъ поли...
Тамъ хадилъ да гулялъ на молодой ахотничикъ,
На молодой ахотничикъ, гулебшичикъ.
Захватили йиво, маладца, жары жаркіи,
Жары жаркіи-питровскіи;
Захватили маладца даджи сильныйи,
Дажжи сильныйи, асенніи;
Захватили маладца свѣгушки глубокии,
Свѣгушки глубокии—ражествинскіи.
Захватили йиво, маладца, марозушки лютойи,
Марозушки лютойи—хришшенскія.
Призамокъ ты, младець, призаинилъ,
Ни больши таво младець примарозлиса;
Падхадилъ младець ка гораду ка Мураву,
А у горада у Мурава на трои воратавъ,
На трои воратавъ на трои широкіихъ,
Призамкнуты ети ворати, празаложины,
Залатыми ключами ани призатворины,
Желтымъ пискомъ призанесины.
Часавыйи та стаятъ, ани крѣпка спятъ,
Крѣпка спятъ ани ни проснуца,
Младець брикамъ кричалъ—ни дакричалса,

Маладецъ свистамъ свисталъ—ни дасвисталса,
А ритивымъ сердцамъ вздохнулъ—
Услыхала красная дѣвица,
Изъ високава изъ новава терима—
Княжинецкая прежнія палюбовница,
Вотъ будила ана побуживала свайхъ нянюшикъ,
Свайхъ сѣнныхъ красныхъ дѣвушикъ:
„Вы вставайти, маи нянюшки,
Вы вставайти, маи мамушки,
Вы вставайти, маи слуги вѣрныи!
Принимайти маиво дружка за билы руки,
Вы сажайти йиво за браный столъ!“
Та свити-ка заря пиридъ мѣсицамъ,
А стояла красная дѣвица пиридъ молацамъ,
На правой рукѣ диржала вина скляницу,
Ва левой та рукѣ залату чару.
Наливала красна дѣвица зилинова вина,
Паднасила сваиу дружку милами:
„Ты выпій-ка, выпій, дружокъ мой милинькай,
Да ты выгушай, мая зазвобушка!
Ты кагда та, кагда миня замужь вазьмешь?
Да кагда мы съ тобой савинчаимса?“
— „Кагда выхажу полюшку чистую,
Кагда выиздю лѣсушки дримучив?
Тогда я, красная дѣвица, тибѣ замужь вазьму,
Тогда я съ тобой савинчаюса“!

Какъ и сами мы можемъ убѣдиться изъ приведеннаго текста, въ этихъ двухъ пѣсняхъ, какъ въ 1-й, такъ и во 2-й ничего былевого, ничего эпического, кромѣ двухъ случаево цопавшихъ туда именъ, не имѣется. Первую изъ нихъ смѣло можно назвать мѣстною бытовою пѣснью. Пѣсни про злодѣйку-тюрьму, въ которой заключенъ добрый молодець то довской казакъ, то терскій (смотря по мѣсту распѣванія)

довольно распространены и воочию свидѣтельствуютъ о томъ, какъ обычно заканчивали свою карьеру эти неугомонныя мятежныя натуры.

Вторая пѣсня хотя по содержанію и довольно оригинальная и даже начинается какъ будто пошибомъ богатырскихъ словъ, но кончается какъ-то довольно неожиданно и прямо во вкусъ драматическихъ любовныхъ пѣсенъ. Что же касается именъ этихъ пѣсенъ „Амельфа Тимофеевна“ и „Муромъ“, то, по-моему, они прикрѣплены къ этимъ пѣснямъ чисто механически, взяты, что называется, „на прокатъ“ и являются показателемъ того, какъ въ свое время эти имена были популярны и распространены на Терекѣ.

До сихъ поръ, разсматривая всю наличность, весь репертуаръ старинъ, сохранившихся на Терекѣ, я шагъ за шагомъ выписывалъ здѣсь ихъ типичнѣйшіе варианты, насколько являлась надобность анализировалъ ихъ здѣсь болѣе или менѣе подробно, а затѣмъ, возстановивъ по аналогичнымъ вариантамъ, найденнымъ въ каноническихъ сборникахъ, основную редакцію даннаго сюжета, я сравнивалъ съ нею редакцію нашей „старинки“ и отмѣчалъ, что ею утрачено, что ею приобрѣтено новаго сравнительно съ основной редакціей. До сихъ поръ по ходу моей работы видно, что изъ новаго я отмѣчалъ только мѣстный колоритъ казачій и совершенно замалчивалъ неказачій, туземный элементъ, который я общалъ въ началѣ моей работы—приводить и подчеркивать параллельно съ мѣстнымъ колоритомъ. Но ходъ работы и качество разбираемаго матерьяла заставили меня нѣсколько отступить отъ преднамѣреннаго плана. Оказалось, что этотъ неказачій элементъ, туземный, въ нашихъ старинкахъ почти совершенно отсутствуетъ, или настолько малъ и незамѣтенъ, что говорить о немъ послѣ каждой разобранной пѣсни почти было нечего. Чѣмъ дальше подвигалась моя работа, тѣмъ болѣе эта увѣренность моя

рѣшила, и я поневолѣ рѣшилъ отступить отъ предполагаемаго плана и то, что я собирался говорить послѣ каждой разобранной пѣсни, рѣшилъ сказать почти въ концѣ работы и сразу въ одномъ мѣстѣ.

Оказалось, что все казацкое туземное вліяніе ограничилось всего-на-всего заимствованіемъ и внесеніемъ въ текстъ старинъ 4—5 татарско-нагайскихъ словъ, какъ-то „камчи“—колчанъ для стрѣлъ, „сайдакъ“—мѣшокъ для лука, „дуванить“—дѣлить добычу и еще нѣсколько; дальше этого туземное вліяніе не пошло, никакихъ другихъ элементовъ изъ быта инородцевъ не проникло въ наши старины, и казаки уберегли эти остатки священной старины отъ бытовой и военной атмосферы окружающихъ народцевъ, какъ степняковъ нагайцевъ, такъ и воинственныхъ горцевъ.

Такъ незначительно оказалось это туземное вліяніе въ русскихъ пѣсняхъ. Теперь я попробую подвести итогъ тому, что мною сказано о терскихъ старинахъ.

Итакъ, на Терекъ сохранились старины и не одинъ, не два, а цѣлыхъ 15 сюжетовъ въ 30 записяхъ, не считая послѣднихъ двухъ, въ среднемъ по два варианта на каждый сюжетъ. Мѣстонахожденіе ихъ охватываетъ довольно обширный районъ (10 станицъ), изъ которыхъ крайніе пункты находятся болѣе чѣмъ на 100 верстъ разстоянія другъ отъ друга.

Имя Ильи Муромца, любимѣйшаго и популярнѣйшаго русскаго богатыря, и здѣсь побилло рекордъ. Про него сохранилось цѣлыхъ 5 сюжетовъ въ 12—13 записяхъ. Послѣ него по распространенности идетъ Добрыня Никитичъ, про котораго сохранилось 2 сюжета, въ 5 вариантахъ: одинъ про Добрыню и Алешу Поповича. Сохранилась и отдѣльная старина (точнѣе отрывокъ) про Алешу въ одной отдѣльной записи, въ которой онъ завется Алешей Догрубничкомъ. Но остальные старины:

- 1) О Дюкѣ Степановичѣ.
- 2) О Ставрѣ Тимофеевичѣ.
- 3) О Данилушкѣ Безсчастномъ.
- 4) Объ Иванушкѣ Гордѣевичѣ.
- 5) Богатыри на часахъ и

6) Женитьба кн. Владимира—на эти пѣсни болѣе одной-двухъ записей не приходится. Что касается ихъ внѣшней стороны—величины старинъ, ихъ говора, а также качества и свойства ихъ стиха, то здѣсь можно сказать слѣдующее. Всѣ старины по своему размѣру и количеству стиховъ очень небольшія. Единственная старина, въ которой нашелся 101 стихъ, это рѣдкая и, можно сказать, единственная по содержанию старина въ нашемъ эпосѣ—про Илью Муровича и Амелѣфу Тимофеевну. Остальныя пѣсни 70, 60, 40 и даже менѣе стиховъ. Это не тѣ старины, къ которымъ мы привыкли по каноническимъ сборникамъ—500, 600, 700 и болѣе стиховъ, нѣтъ—наши старины это именно „старинки“, какъ ихъ называютъ терцы, по большей части коротенькія пѣсни про эпическихъ героевъ, то про славнаго князя Владимира, то про славныхъ русскихъ богатырей. Почти всѣ старины сложены хореемъ многостопнымъ, удобнымъ для акомпанимента, при чемъ почти въ каждомъ стихѣ замѣчается цезура, напр.:

Пристарѣлая старушка | пашню пахивала,
Ана нашиньку пахала | пшонку сѣяла,
Ни прастую та пшеничку | бѣлояровую,
Какъ брасала стара баба | пашню пахивати... и т. д.
Изъ былины про Илью и Амелѣфу Тимофеевну; или

еще стихи:

Ни ва матушки была | ва Расеюшки,
Ва Расеюшки была | ва каминной Масквѣ.

Но стихъ-хорей далеко не всегда выдержанъ: очень часто онъ прерывается другимъ размѣромъ—ямбомъ, какъ,

напримѣръ, вторая половина послѣдняго стиха; можно встрѣтить и анапестъ:

„Вотъ ни на нѣби радился младъ и юнъ ать мѣсяць“.

(Добрыня и Маринка).

Но все же надо прибавить, что хорей въ нашихъ старинахъ преобладаетъ. Въ общемъ стихъ старинъ довольно удовлетворителенъ, а мѣстами и прямо таки хорошъ, хотя бы вышеприведенныя 4 ст. или стихи:

Воздалеченько было воздалеченько

Во темномъ лѣсу, пролегала во полѣ дороженька

Она не торная и т. д. (Илья и разбойникъ).

А что наши старины такъ коротки, это вполнѣ понятно. Терскій казакъ съ перваго дня своего поселенія на Терекѣ никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такого удобнаго времени и въ такомъ количествѣ, какъ имѣлъ его далекій его сородичь-олончанинъ, по рассказамъ Гильфердинга.

„Сами крестьяне“, пишетъ онъ, не разъ объясняли мнѣ, что, сиди долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья и плетенія сѣтей, приходитъ охота пѣть старины, и онѣ тогда легко усваиваются“.... (Гильфердингъ томъ 1-й стр. 18-я).

Нѣтъ, гребенецъ жилъ въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ. У него не только ночи—рѣдкій день проходилъ безъ тревоги; не только обѣдать, но и спать порой случалось на конѣ; приходилось говорить шопотомъ, отрывками, жестами, знаками.... И нужно было всю слѣпую беззавѣтную привязанность гребенца къ старинѣ, чтобы сохранить хоть тѣ остатки поэтической старины, которые нашлись по терскимъ урочищамъ. Эта слѣпая привязанность къ старинѣ сказалась и въ другомъ случаѣ, именно въ говорѣ старинокъ; въ лучшихъ пѣсняхъ, т. е. пѣсняхъ, записанныхъ г. Карпинскимъ съ соблюденіемъ діалектическихъ особенностей, ярко бросается въ глаза „аканье“,

свойственное южно-великорусскому поднарѣчю. Эта особенность языка, унаслѣдованная отъ далекихъ предковъ-рязанцевъ, нерушимо сохранена ихъ потомками на протяженіи болѣе чѣмъ трехъ вѣковъ вплоть до нашего времени и удачно схвачена г. Карпинскимъ при записи старинокъ.

Перехожу теперь къ внутренней и болѣе скрытой отъ глазъ наблюдателя сторонѣ нашихъ старинъ, къ самому ихъ содержанію, къ тексту—къ тому, какъ хорошо сохранились эти старины въ сравненіи съ аналогичными же сюжетами въ канническихъ сборникахъ. Здѣсь, къ большому нашему сожалѣнію, мы должны признаться: какъ ни берегли гребенцы свое наслѣдье старины, всеразрушающее время сдѣлало свое дѣло. Только 4—5 „старинокъ“ дошли до насъ въ цѣльномъ удовлетворительномъ видѣ; эти пѣсни слѣдующія:

1) Встрѣча Ильи Муромца съ разбойниками.

2) Добрыня и Алеша Поповичъ.

3) Добрыня и Маринка.

4) Пожалуй, еще Илья Муравичъ и Амельфа Тимофеевна. Пожалуй, можно сюда же отнести, хотя съ большими оговорками, и пѣсню про Илью Муромца на Червленномъ кораблѣ, но при этомъ надо помнить, во-1-хъ, что эта старина довольно поздняго происхожденія, въ ней безъ труда можно видѣть продуктъ поэтическаго творчества понизовской вольницы, въ чемъ почти единогласно сходятся и наши компетентные ученые—В. Ф. Миллеръ („Географ. распространеніе былинъ“ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1894 г. май стр. 69, и Иловайскій (Энциклопедическій Словарь т. 4-й отдѣлъ „Былины“) и, во-2-хъ, то, что имена-то въ ней прикрѣплены непрочно къ содержанію: иногда на ряду со Стенькою въ ней, вмѣсто Ильи, стоитъ Алеша Поповичъ, а иногда—наоборотъ, такъ что производятъ впечатлѣніе, что какъ будто они взяты сюда на поддержаніе... Но какъ ни какъ, а все же Терекъ сохранилъ и ее и 4 вышеупомяну-

тыхъ былины въ довольно удовлетворительномъ видѣ. Менѣе посчастливилось остальнымъ сюжетамъ: 3 изъ нихъ сохранились въ очень скромномъ и неудовлетворительномъ видѣ, отчасти воспринявъ въ первоначальную редакцію много чуждаго и неизвѣстнаго былевому эпосу матерьяла; эти пѣсни слѣдующія:

- 1) О Данилушкѣ Безсчастномъ.
- 2) Объ Ильѣ М. и Александрюшкѣ Македонскомъ.
- 3) О Ставрѣ-Лаврѣ Тимофеевичѣ.

Изъ остальныхъ старинъ 2 представляютъ только средину; начало и конецъ утеряны,—это „старинки“ про Алешеньку Догрубничка (Поповича) и Иванушку Гордѣевича. Двѣ старинны представляютъ только начало аналогичныхъ же сюжетовъ, середина и конецъ—утрачены,—это старинны: 1) Женитьба кн. Владимира, 2) Дюкъ Степановичъ. Наконецъ, имѣется въ нашемъ репертуарѣ и такая былина, которая при тщательномъ анализѣ оказалась скроенной изъ 3-хъ старинъ—это старинка про „Малютку Илью Муромца“. Но надо сказать, что, растерявъ такъ много, наши старинны обогатились и кое-чѣмъ новымъ. Этотъ новый элементъ двойаго происхожденія—казацкаго и неказацкаго. Казацкое вліяніе оказалось гораздо сильнѣе и ярче неказацкаго. Оно выразилось въ томъ, что въ старинахъ, такъ долго находящихся въ своеобразной обстановкѣ и средѣ, отразился и укладъ и бытъ этой среды, бытъ домашній, земледѣльческій и военно-боевой. Этотъ мѣстный элементъ въ нашихъ пѣсняхъ довольно вѣрно рисуесть намъ положеніе и типъ женщины-казачки и кругъ ея дѣятельности въ былыя тревожныя времена терскаго казачества (см. старинку про Илью М. и Амелѣфу Тимофеевну—особенно стихи отъ 1-го до 7-го стр.

Отразили также наши старинны и положеніе мальчика-казака, вынужденнаго обстоятельствами времени чуть ли не ребенкомъ садиться на коня и браться за тяжелую отцовскую

„сбрую ратную, капье булатную“. (См. старину про Добрыню Никитича и Алешу Поповича стр. стихи 9—13).

Отразили также наши старины и типъ удалца-казака, не привыкшаго хитрить и прятаться за спины другихъ, а говорящаго прямо и безъ оболочностей правду-матку въ глаза. Таковъ, напр., нашъ Ставрѣ-Лаврѣ Тимофеевичъ, который по своему характеру совершенно противоположенъ былинному Ставру, трусливому и хвастливому боярину князя Владимира.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе этого мѣстнаго казачьяго колорита въ нашихъ старинахъ. Есть и еще кое-какіе штрихи, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ я уже говорилъ болѣе подробно, но они не такъ бросаются въ глаза, и я не буду здѣсь о нихъ распространяться. Отразилось это мѣстное вліяніе всего въ 7-ми сюжетахъ и въ 15 вариантахъ, ровно въ половинномъ числѣ сохранившихся записей. Несравненно въ меньшей степени оказался въ нашихъ старинахъ нерусскій элементъ; въ этомъ отношеніи все туземное вліяніе выразилось въ заимствованіи пѣснями нѣсколькихъ словъ турецко-татарскаго происхожденія. Этихъ словъ на все количество (30) записей однако очень немного, всего 4—5, не больше.... Вотъ они:

„Камчи“—колчанъ для стрѣлъ—старина о „Дюкѣ Степановичѣ стр.

„Дуванить“—дѣлить добычу—„Илья М. и разбойники“ стр. И, можетъ-быть, еще 2—3 слова; этимъ туземное вліяніе въ нашихъ пѣсняхъ ограничилось и дальше не пошло. Въ такомъ-то видѣ мы находимъ былевой эпосъ на Терекѣ.

Несмотря на довольно изрядное количество сюжетовъ и записей, мы все же видимъ, что онъ разрушается и отживаетъ свой вѣкъ. За это говорить намъ то значительное количество разрушенныхъ старинъ, о которыхъ я только-что упомянулъ. Но умираетъ онъ не-безслѣдно, но, можно ска-

зять, интересною и оригинальною смертью. Его остатки, его разрушенныя части идутъ на постройку новыхъ зданій, новыхъ поэтическихъ твореній. Отдѣльныя удачныя слова, образы и цѣлыя стихи изъ нашихъ старинъ вошли въ новыя казачьи пѣсни, пришедшія на смѣну старымъ. Это тѣмъ болѣе понуждало къ такому приему, что разговорный языкъ гребенскихъ казаковъ, какъ я уже и говорилъ выше (см. стр. 6), сдѣлался довольно неуклюжимъ и дубоватымъ отъ массы туземныхъ и вообще нерусскихъ словъ, словъ, вошедшихъ въ его обиходъ. А тутъ готовые образы, мысли и цѣлыя стихи, и они пользуются ими не стѣсняясь. Вотъ, на примѣръ, слова одной современной военной казацкой пѣсни въ сборникѣ г. Панкратова „Гребенцы въ пѣсняхъ“ стр.

Что ни травушка, ни кавылушка
Ка сырой землѣ она клонится:
Царя бѣлаго наша армеюшка
Стоить, Богу она молится.

Въ двухъ первыхъ стихахъ этого четверостишія нельзя не узвать прощанія и испрашиванія благословенія нашими богатырями, то Добрыней, то Ильей, благословенія на богатырскіе подвиги. Или еще тамъ же стр. 99 любовная пѣсня:

Не далече то было, было воздалече,
Тамъ стоялъ то онъ высокій теремъ,
Со окошечками теремъ со косячатыми,
Со стеклышками со хрустальными.
Въ терему то дѣвка Богу молилась
Помолившись Богу, спать ложилась.

И стихъ и ихъ пошибъ прямо былинный; первый стихъ этого отрывка цѣликомъ взять изъ нашей же старины про Илью и разбойниковъ, см. стр. 10.

Или вотъ еще въ томъ же сборникѣ г. Панкратова,

стр. 125-я, въ одной любовной пѣснѣ говорится про туалетъ одной дѣвицы такъ:

Еще что на бѣлыми она бѣлилами бѣлилася,

Что на алыми румянами она румянилася,

Что на черными шурмилами она шурмилася.

Стихи цѣликомъ взяты изъ описанія туалета Маринки-еретицы изъ старины про „Добрыню и Маринку“ стр. 26. Не довольствуясь этимъ, гребенцы цѣлыя былины, подправивъ ихъ и немного сокративъ, превратили въ обычныя пѣсни на разные случаи. Такая, напр., судьба постигла старину про Соловья Будимировича и похищеніе имъ Аннушки Путятишны (см. „Печерскія Былины“ Анчукова стр. 45). Утративъ собственныя имена, она превратилась въ обрядовую пѣсню съ символическимъ значеніемъ, которую распѣваютъ по гребенскимъ станицамъ на свадьбахъ при перевозѣ невѣсты изъ дома отца въ домъ жениха.

Таковъ процессъ исчезновенія былевого эпоса на Терекѣ. Это, пожалуй, можно сказать даже и не смерть, а претвореніе изъ стараго въ новое, переходъ изъ одного состоянія въ другое. Пришло новое время и новые люди, а новые люди требуютъ и новыхъ пѣсенъ. Такъ, древній римскій Колизей почти разрушился, но изъ его остатковъ, говоритъ молва въ Римѣ, новые патриціи создали для себя великолѣпные дворцы, которые и понынѣ еще стоятъ и радуютъ взоръ своей красотой и изяществомъ. Этимъ образнымъ сравненіемъ я и позволю себѣ закончить мою работу о старинахъ терскихъ казаковъ.

В. П. Пожидаевъ.

Кровавая месть у осетинъ.

Немного найдется такихъ народовъ, историческая жизнь которыхъ была бы такъ разнообразна, какъ жизнь осетинъ. Она носила ихъ на своихъ бурныхъ волнахъ то по степямъ Средней Азіи, то по берегамъ широкаго Дона и Понта, то, наконецъ, загоняла ихъ въ горныя тущобы. Жизнь осетинъ—это рядъ кровопролитныхъ сраженій, въ связи съ переменчивыми историческими судьбами. Будучи въ древности однимъ изъ сильнѣйшихъ племенъ, осетины славились не только своими побѣдами, но и своей культурностью. Неудивительно, что Осетія и осетины привлекаютъ къ себѣ вниманіе просвѣщенныхъ туристовъ и великихъ людей науки. Для нихъ Осетія, съ ея обитателями, является однимъ изъ тѣхъ интересныхъ уголковъ, гдѣ понынѣ можно найти широкое поле для изслѣдованій не только въ области этнографіи, археологіи, лингвистики, но и обычнаго права вообще и криминалистики въ частности. При изученіи Осетіи и осетинъ большинство изслѣдователей приходитъ къ тому заключенію, что прямыми предками осетинъ являются асы, осы, иначе аланы*). Исторія говоритъ, что это было многочисленное племя, занимавшее огромное пространство между Сѣвернымъ склономъ Кавказскаго хребта и рѣкою Кубанью до нижняго теченія рѣки Дона и побережья Крыма. Между прочимъ, докторъ Пфафъ **) говоритъ, что осетины въ

*) Названіе аланы у современныхъ осетинъ неизвѣстно. Л. Л.

**) В. Б. Пфафъ, Матеріалы для исторіи осетинъ. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, в. в. IV и V. Тифлисъ, 1871.

одно время были господствующимъ племенемъ въ Европѣ, отъ которыхъ получили свои названія главнѣйшія рѣки Средней и Восточной Европы—Дунай, Днѣпръ, Донъ и т. д. По другимъ историческимъ даннымъ, царство осетинъ простиралось отъ Уральскихъ до Балканскихъ горъ. Въ описаніяхъ же быта аланъ говорится, что они вели кочевой образъ жизни по широкимъ и вольнымъ степямъ Средней Азии. Они раздѣлялись на нѣсколько племенъ, каждое изъ которыхъ имѣло своего предводителя. Римскій историкъ IV вѣка Аммианъ Марцеллинъ (***) пишетъ: „У нихъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ; они не занимаются земледѣіемъ, питаются мясомъ и больше молокомъ; они живутъ въ кибиткахъ, покрытыхъ согнутыми въ сводъ кусками древесной коры, и тащутъ ихъ за собою по неизмѣримымъ степямъ. Когда они доходятъ до мѣстъ, поросшихъ травою, то располагаютъ свои повозки въ кругъ и питаются, какъ звѣри. Бакъ только кормъ въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожается, они отираются дальше на повозкахъ свое, такъ сказать, государство. На этихъ повозкахъ мужчины сходятся съ женщинами; тамъ рождаются и воспитываются дѣти; это ихъ постоянныя жилища и, гдѣ бы они ни кочевали, всегда они повозку считаютъ своей родиной. Они гонятъ передъ собою стада крупнаго и мелкаго скота и, такимъ образомъ, пасутъ его; но преимущественно они заботятся о лошадяхъ“.

Впослѣдствіи, тѣснимые болѣе или менѣе могущественными монголо-тюркскими племенами, осетины принуждены были покинуть свои равнинныя мѣста и удалиться въ центральныя ущелья Кавказа и въ предгорную лѣсную полосу. Спасаясь отъ сильныхъ сосѣднихъ племенъ, осетины укрылись въ недоступныхъ и легко защищаемыхъ горныхъ ущельяхъ Сѣвернаго склона горъ: Алагирскомъ ущельѣ по

***) Проф. Ю. А. Кулаковскій. Аммианъ Марцеллинъ. Исторія, в. III. Киевъ, 1908. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ.

рѣкѣ Ардову, Куртатинскомъ—по рѣкѣ Фыйагъ-дову, Дигорскомъ—по р. Урѣху и Дарьяльскомъ по р. Тереку. Въ послѣднемъ, защищаясь отъ нападенія аланъ или осовъ, Грузія выстроила спеціальныя укрѣпленія и ворота, получившія въ послѣдствіи поэтическое названіе: „Замокъ царицы Тамары“. Однако, осетины въ этихъ ущельяхъ долго не могли оставаться. Задыхаясь отъ крайняго малоземелья въ горахъ, осетины по временамъ спускались на Сѣверную предгорную равнину, съ которой у нихъ были связаны самыя лучшія воспоминанія, какъ о житницѣ, составлявшей ихъ достояніе. Въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Х., перейдя также Кавказскій хребетъ, осетины распространились и по южному склону Кавказскаго хребта, гдѣ по берегамъ рѣкъ—Большой Малой Лиахвы, Ксанги, Рехулы образовали поселенія южныхъ осетинъ. Послѣдніе, подпавъ подъ вліяніе Грузіи, до нѣкоторой степени обособились отъ своихъ сѣверныхъ собратьевъ. Тѣмъ временемъ осетины Сѣвернаго Кавказа, при своемъ стремленіи выдвинуться на плоскость, встрѣчали ярое сопротивленіе со стороны сильныхъ въ то время кабардинцевъ и чеченцевъ. Съ этими племенами осетины вступали въ кровопролитныя войны за обладаніе предгорной равниной. Войны эти продолжались цѣлыя десятки лѣтъ. Словомъ, гдѣ бы они ни жили, имъ вездѣ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою свободу. Такъ, война была профессіей осетина, который то сражался за свои права, то, тѣснимый сильными племенами, вновь запирался въ своихъ горныхъ тущобахъ, то, въ качествѣ наемнаго воина, сражался въ рядахъ войскъ Грузіи или Византіи.

Жизнь съ оружіемъ въ рукахъ,—вотъ основной принципъ, которымъ руководствовался осетинъ. Такая жизнь осетинъ продолжалась почти до 18-го вѣка, и только съ конца этого столѣтія, съ занятіемъ Россіей земель по берегамъ р. Терека, у осетинъ воскресла надежда на могу-

щественную, со стороны Россіи, защиту отъ нападенія дикихъ сосѣднихъ племенъ.

Изъ вышензложеннаго ясно видно то, какою жизнь вели осетины. Замкнутые въ кругу, такъ сказать, самихъ себя, будучи въ горахъ изолированы отъ облагораживающаго вліянія со стороны сосѣдей, осетины должны были въ своемъ культурномъ и экономическомъ развитіи отстать на цѣлые десятки лѣтъ. Мало того, эта своеобразная жизнь служила первымъ факторомъ въ развитіи бытовыхъ, правовыхъ нормъ, коими регулировались и нынѣ регулируются взаимныя отношенія между отдѣльными родами. Эта же жизнь способствовала развитію въ осетинахъ чувства кровавой мести, которая, въ свою очередь, при строго патріархальномъ бытѣ, ограничивающемъ силы единичнаго человѣка и отдѣльной семьи, способствовала развитію въ народѣ чувства солидарности, единенія, ставшаго достояніемъ не только отдѣльныхъ родовъ Осетин, но и цѣлыхъ обществъ. Для этой цѣли требовалось образованіе болѣе крупныхъ союзовъ, и естественно такими являлись союзы между лицами, физическое родство которыхъ хотя было и отдаленно, но все же сохраняло въ памяти происхожденіе отъ общаго родоначальника или предка. Объ этихъ родовыхъ союзахъ до сего времени у осетинъ сохранилось самое живое понятіе: мыкгагъ, фыды-фыртъ (родъ, племя, поколѣніе), гдѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова соединяются: восходящіе, нисходящіе, боковые родственники и вообще тѣ, которые носятъ даже только одну и ту же фамилію. Глава фамиліи представлялъ изъ себя патріарха, къ которому каждый сочленъ обращался за совѣтомъ въ житейскихъ и даже семейныхъ дѣлахъ.

Вспомнимъ про богатырскій народъ—нартовъ, который безъ Созырыко, Батрадза, Урызмага никогда ничего не предпринималъ (см. Осетинскіе этюды проф. Миллера). Рѣшеніе главы рода было безапелляціонно, и неисполненіе такового представля-

лось невозможнымъ. Въ лицѣ главы родъ наблюдалъ за поведеніемъ своихъ членовъ, удалялъ порочныхъ, что впрочемъ не освобождало родъ отъ отвѣтственности и обязанности отвѣчать за него и искать за его кровь.

Таковъ родовой бытъ горцевъ, гдѣ личность въполнѣ поглощается родомъ, гдѣ всѣ члены рода отвѣчаютъ за одного и одинъ за всѣхъ, гдѣ отдѣльная личность имѣетъ силу не сама по себѣ, а только до тѣхъ поръ, пока она принадлежитъ къ роду.

На кровавую мечь оказала свое вліяніе и суровая природа горъ, гдѣ пришлось жить осетинамъ. Горы—это природныя вѣрности, доставлявшія мало хлѣба на камняхъ, но зато много средствъ прятать добычу и укрываться отъ преслѣдованія,— всегда и вездѣ были гнѣздомъ племенъ разбойничихъ точно такъ же, какъ степи—жилемъ народовъ-пастырей, прибрежныя моря—буццовъ, прирѣчья—хлѣбопашцевъ и рыбаковъ. Кавказскія же горы, по дикости своей, въ особенности способствовали развитію склонности и даже влеченію къ разбою и насиліямъ. Если къ тому взять еще время феодализма въ Осетин, то легко можно видѣть, какъ взаимныя отношенія между феодалами и ненависть къ нимъ народа, воспитавшаго въ себѣ демократическія начала и не хотѣвшаго признавать никакого сословнаго дѣленія, вызывали жестокую кровавую борьбу феодаловъ между собою и народа съ феодалами *)

Каждая такая вражда разрѣшалась взаимнымъ истребленіемъ, сопровождавшимся крайнимъ озлобленіемъ, чувствомъ мести и ненависти другъ къ другу. Свою роль сыграло и появленіе магометанства въ Осетин, при которомъ участились взаимныя распри, проникшія даже въ семью. Въ результатъ религиозный антагонизмъ, пустившій глубокіе корни между родами и даже обществами, приводилъ къ открытому другъ къ другу мщенію, къ внутренней борьбѣ. Вслѣдствіе этого осетины, разобщенные съ внѣшнимъ міромъ, попали въ такія

*) См. Сб. свѣд. о Кавказск. горц. в. 4. изд. 75 г.

исключительно тяжелыя условія, обнищали и одичали страшно. Отсюда междоусобная война (особай-растагъ) внутри самой націи, приводившая къ кровомщенію. Такая жизнь заставляла отдѣльные роды спланиваться тѣснѣе, чтобы общими силами отражать всякія нападенія враговъ. Отсюда — цѣлыя столкновенія между жителями отдѣльныхъ ауловъ (см. прим. № 14.)

Вражда между родами, во всѣхъ видахъ повторяющіяся убійства, при отсутствіи всякой гражданственности въ Осетіи, нежеланіи родовъ признавать надъ собою чью бы то ни было власть способствовали развитію въ народѣ привычки равнодушнаго не только къ другимъ, но и къ себѣ отношенія. Каждый родъ считалъ себя сувереннымъ, не терпѣлъ вмѣшательства въ свои дѣла другихъ, да и самъ не вмѣшивался въ правосудіе остальныхъ суверенныхъ родовъ. Для каждаго рода то свято, что онъ признаетъ, и наоборотъ — дурно то, что ему кажется таковымъ. Здѣсь лежитъ основаніе развитія мести, которая съ теченіемъ времени стала не только требованіемъ, но и обязанностью каждаго осетина при защитѣ близкихъ и каждаго члена своего рода. Эти начала и повинѣ входятъ въ программу воспитанія молодежи, которымъ постоянно внушается — ненавидѣть врага, мститъ обидой за обиду, оскорбленіемъ за оскорбленіе и т. д. Такъ, убѣленной сѣдиною почтенный старецъ, въ своей импровизированной молитвѣ, преподавая молодежи основныя принципы правоученія, желаетъ своимъ, чтобы они ненавидѣли враговъ: „дай Аллахъ“, молится онъ: „счастія и благоденствія всѣмъ тѣмъ, которые намъ желаютъ добра; помоги, Великій Боже, тѣмъ, кто помогаетъ намъ; пусть обрушится твой гнѣвъъ на тѣхъ, кто ненавидитъ насъ“. Отсюда: сынъ во всемъ долженъ подражать отцу — подражать тому, что отецъ дѣлаетъ, по поговоркѣ: „вотъ сынъ, который весь въ отца“.

Кровавая месть понимается не только какъ мѣра возмездія, но и какъ необходимое послѣдствіе суверенитета ро-

Handwritten notes:
In what
the author
is
P. S. Gavril
K.

довъ. Соединяясь въ общества, осетины, чтобы охранить себя отъ насилія другихъ родовъ, имѣть порядокъ въ своей средѣ, создавали правила, коими регулировались ихъ жизнь, а также взаимныя отношенія не только между членами своего рода, но и другими родами. Эти правила, за неизмѣнимъ письменъ, передавались изъ устъ въ уста и сохранились по настоящее время. Правила эти называются адатами. Однако горецъ, боясь наложить на себя строгую мзду закона, не снабдилъ ихъ ни исполнительною властью, ни принудительными средствами, ни наказаніями, ни штрафами, почему рѣшенія по адатамъ крайне односторонни, хотя они, какъ освященные обычаемъ, исполняются до деталей всякимъ и каждымъ. Кровомщеніе особенно развилось въ первое дѣсятилѣтіе 19 в., когда многочисленные роды, десятки семействъ, находились въ постоянной кровавой враждѣ между собою. Народъ страдалъ подъ гнетемъ невыносимой анархіи. Цѣлыя семейства проводили свою жизнь взаперти.

Одинокую личность въ Осетіи можно убивать безнаказанно. Разбой, совершенный надъ постороннимъ, не считался преступленіемъ, а напротивъ—дѣяніемъ, достойнымъ похвалы. Кто больше совершилъ убійствъ и нападеній не только на отдѣльныя личности, но и на цѣлыя аулы, тотъ считался героемъ. Такихъ лицъ народъ возносилъ до небесъ, складывалъ про нихъ пѣсни, въ конхъ воспѣвалъ ихъ геройскую доблесть. Таковы, на примѣръ, осетинскіе герои—Черменъ, Хадзби, Дзыбырдтъ (последній, между прочимъ, свое «геройство» проявилъ тѣмъ, что зарѣзалъ священника изъ-за 5 коп. и за это попалъ на висѣлицу, восходя на которую, онъ первый запѣлъ пѣснь). Эти пѣсни про названныхъ богатырей поются съ увлеченіемъ всей Осетіей и по настоящее время, несмотря на то что администрація области не разъ запрещала ихъ своимъ циркулярами.

Существующія въ Осетіи общества: Алагирское, Дигорское и Куртатинское придерживаются своихъ адатовъ въ кровныхъ дѣлахъ, въ основаніи коихъ лежитъ сословное дѣленіе горцевъ.

У Алагирскаго общества кровная плата была: 486 коровъ (корова служила платежной единицей) по 5 руб. каждая, лошадь въ 70 руб., бонъ-ганъ (пахотный участокъ) въ 120 р., ружье—120 р. и угощеніе. У Дигорскаго общества—для рода бадилать (высшее сословіе)—15 есерей, или душъ рабовъ и рабынь*) на сумму 3,900 руб.; кромѣ сего, полагалось угощеніе. За рану безъ поврежденія костей—есерь въ 300 руб. раненому, за ударъ плетью—есерь въ 300 руб., палкою—лошадь въ 100 руб., за выбитый глазъ—половина кровной платы, а за убійство холона (гурдзіагъ), который приравнялся къ вещамъ и животнымъ, та цѣна, за которую онъ былъ купленъ, а если онъ рожденный, то за его кровь плата опредѣлялась медіаторами (См. Адаты). Для фарсагъ-лага **)—14000 руб. разнымъ имуществомъ: скотомъ, землею, а также и угощеніе. У Куртатинскаго общества—140 коровъ; расплата производилась разнымъ имуществомъ, какъ и у фарсагъ-лага. Сверхъ того, у алагирцевъ за каждую несмертельную рану полагалось извѣстное число коровъ, а за лишеніе ноги, руки, глаза—полная кровная плата.

Въ настоящее время все это переводится на деньги въ суммѣ отъ 1200—1800 руб., лошадь въ 100—150 руб. и угощеніе на 60 персонъ.

Кровавая месть понималась и понимается не только какъ первое средство удовлетворенія, но и какъ послѣднее и самое сильное по обычному праву. Оба начала одинаково

---

*) Бывшіе рабы, или холопы (гурдзіагъ) освобождены въ Осетіи въ 1867 г.

**) Изъ сословія вольныхъ людей.

существенны и во всѣхъ видахъ убійства необходимы. Вотъ почему осетина часто толкали и толкають на кровавую мечь не только крупныя, но и подчасъ самыя ничтожныя нарушенія его права (см. № 9). Мщеніе не только вообще, но и за кровь въ особенности, является не только дозволеннымъ дѣйствіемъ, но и прямою обязанностью каждаго свободнаго человѣка. Оно возможно при всякомъ убійствѣ въ запальчивости, раздраженіи, необходимой оборонѣ (№ 8) или же, если оно причиною животнымъ, принадлежащимъ другому лицу. Священная обязанность мстить за кровь лежитъ на всей фамиліи и даже на аулѣ, въ которомъ проживалъ убитый, если послѣдній не имѣетъ того, кто могъ бы отомстить за его кровь. Нерѣдки случаи, когда обиженная сторона бьетъ тревогу, шлетъ глашатаевъ къ родственникамъ по всѣмъ ауламъ и, вооруженная, осаждаетъ дворъ враждебнаго имъ рода. Не знающую себѣ предѣловъ страсть къ мести въ такихъ случаяхъ не останавливается предъ запертыми дверьми и внутри дома, не щадя даже дѣтей въ колыбели, устраиваетъ настоящую бойню нисколько не взирая на то, что, быть-можетъ, самъ убитый былъ виновенъ въ своей смерти. Часто такія столкновенія приводятъ къ открытымъ сраженіямъ. Раньше подобнаго рода междоусобія продолжались отъ 10 до 20 лѣтъ. Этимиъ объясняется обиліе башенъ въ Осетин, въ конхъ кровники безвыходно проводили свою жизнь. Тогда побѣдитель, по праву завоевателя, считалъ покоренныхъ своей добычей, отсюда: вѣчно-плѣнный (канамать-дугъ), о которомъ понынѣ сохранились въ Осетин самыя мрачныя воспоминанія. Судьба плѣнныхъ зависѣла отъ произвола побѣдителя, который рѣдко когда продавалъ ихъ, а большей частью убивалъ.

Выдача преступниковъ враждебной сторонѣ считается позорнымъ и совершенно недопустимымъ по обычаю. Мало того, личность его, какъ гостя, считается священной, почему

хозяинъ, у котораго преступникъ ищетъ спасенія, долженъ защищать его даже жизнью, если бы это потребовалось. Въ этомъ отношеніи авторитетъ гостя-преступника настолько поставленъ обычаемъ высоко, что если ему удастся спастись даже въ домъ кровника, обвить вокругъ талии надочажную цѣпь въ его сакль, или прикрыть себя полѣй одежды кровника-преслѣдователя, или же шалью матери убитаго, то онъ, какъ гость, ищущій покровительства, отдавшійся въ руки враговъ, считается неприкосновеннымъ.

Необходимо замѣтить, что естественная смерть преступника ни въ какомъ случаѣ не избавляетъ его фамиліи отъ платы за кровь или отъ преслѣдованія за кровь, равно и ссылка осужденнаго на каторгу, или отбытіе имъ наказанія. Главнымъ правиломъ кровомщенія служитъ библейское понятіе—око на око, зубъ за зубъ; что же касается побудительной причины и вообще преступнаго намѣренія, то на нихъ не обращается никакого вниманія, говоря иначе—на всѣ дѣйствія принято смотрѣть съ объективной точки зрѣнія, а на субъективную сторону дѣянія мало обращаютъ вниманія. Въ оцѣнку принимается вообще убійство, а не обстоятельства, причины, поводы, по которымъ оно могло быть учинено.

Право наказывать принадлежитъ, по праву обиженнаго, его родственникамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, которые такъ или иначе интересуются личностью убитаго. Словомъ, убійство наказывается кровомщеніемъ или же примиреніемъ по адатамъ на извѣстныхъ условіяхъ. Въ сказанной мысли находятъ оправданіе то убѣжденіе, по которому не только каждый близкій родственникъ, но и дальній и даже только однофамилецъ считаетъ своею обязанностью мстить за кровь или же получить за нее плату. Такова психологія родового быта осетинъ. «Онъ убилъ, и мы или я тоже должны убить», вотъ мораль, которая руководитъ кровомстителемъ, и это съ точ-

ки зрѣнія обычая совершенно не считается преступленіемъ. Отсюда и поговорка: «кровникъ могучъ».

Если при такихъ взглядахъ на кровавую месть вообще еще мирятся, то въ большинствѣ случаевъ не изъ сознанія вредности и пагубности этого обычая, а потому, чтобы подъ маскою примиренія совершить кровомщеніе во всей своей силѣ, невзирая на то что часто со времени примиренія, отбытія наказанія убійцей, или же со дня смерти послѣдняго, прошли десятки лѣтъ. Такимъ образомъ, обычай кровавой мести до сего времени продолжаетъ разрушающе вліять на нравственную и матеріальную сторону жизни горца. Разница въ мщеніи за кровь въ прежнее время и теперь состоитъ только въ томъ, что тогда мстили открыто, а теперь мстятъ тайкомъ. Причина лежитъ въ отсутствіи образованія, организаціи должнаго правопорядка, а также въ аномаліи, при которой въ существующемъ въ краѣ коронномъ судѣ вершителемъ дѣла часто является не самъ судъ, а недобросовѣстный переводчикъ. Неудивительно поэтому, что коронный судъ въ краѣ не пользуется авторитетомъ въ глазахъ народа, который идетъ къ нему не изъ сознанія его превосходства передъ судомъ по адатамъ, а просто потому, что его къ тому принуждаютъ.

Въ настоящее время въ народѣ живъ еще обычай, по которому обязанный мстить за кровь даетъ слово покойному, что онъ не сложитъ своего оружія до тѣхъ поръ, пока достойно не отомститъ за его кровь. Какъ только послѣднее удалось родственнику, то онъ чувствуетъ себя нравственно удовлетвореннымъ: „благодареніе Аллаху, помогшему намъ отомстить за кровь“,—онъ говоритъ онъ всякому и каждому. Онъ также идетъ на могилу убитаго родственника, продѣлываютъ въ ней отверстіе и, приложивъ лицо къ нему, произноситъ: „радуйся (такой-то), будь доволенъ: мы отомстили за твою кровь кровью“. Послѣ совершенія этого своеобразнаго обряда горцу кажется, что онъ исполнилъ при-

зывъ убитаго изъ могилы—отомстить за его кровь. Какъ крѣпка вѣра въ этотъ призывъ, можно видѣть изъ того, что часто приходится слышать, что покойникъ ночью въ сновидѣніяхъ является къ обязанному мстить за кровь и каждый разъ требуетъ отъ него то мщенія, то разрѣшаетъ ему замѣнить его примиреніемъ и помпками. Пока не отомстятъ кровью за кровь, родственники убитаго чувствуютъ себя приниженными въ обществѣ, въ глазахъ котораго неисполненіе этого отчаго обычая слыветъ за крайній позоръ. Такъ въ сказаніяхъ о нартахъ Батрадзъ, узнавъ объ убійствѣ своего отца, идетъ въ „ныхасъ“ (вѣче, гдѣ рѣшаются дѣла общественной важности), и говоритъ нартамъ: „вы убили отца моего и успокоились, будто не причинили мнѣ никакого вреда; я былъ тогда маленькимъ сиротой; теперь же я выросъ и въ состояніи понимать, что для меня служить позоромъ и что славой. Я долѣе не могу ходить съ испачканнымъ грязью лицомъ, но я смою эту грязь“. Послѣ этой рѣчи Батрадзъ тутъ же осуществляетъ кровавую расправу. (См. Осет. этюды проф. Миллера).

Свою готовность мстить за кровь, родственники убитаго выражаютъ символическимъ обрядомъ, заключающимся въ томъ, что они мажутъ себѣ лобъ кровью, истекающей изъ свѣжей раны убитаго, заклиная другъ друга въ то же время отомстить за его кровь. Находя оправданіе этого поступка въ народной морали, мстители за кровь сообщаютъ родственникамъ черезъ особыхъ гонцовъ: „радуйтесь, мы не посрамили честь и славу фамиліи, но взяли свою кровь“. Въ 3-мъ томѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ на 38 стр. находится указаніе на осуществленіе родомъ такого возмездія. Сана, сынъ Тотыка, убитаго куртатинцами, сдѣлавшись взрослымъ, задумалъ отомстить имъ за кровь своего отца. Съ этою цѣлью онъ, подъ предлогомъ примиренія съ ними, пригласилъ къ себѣ куртатинцевъ. Въ

то время когда онъ угощалъ ихъ въ саклѣ, снаружи окружили домъ вооруженные санаевцы и подожгли послѣдній. Куртатинцы, испугавшись, выбѣгали изъ сакли, а тѣ отрубали имъ головы. Спасся только одинъ куртатинецъ, который спрятался подъ мельницей. Въ это время возвратился изъ лѣсу родственникъ санаевцевъ—Белдырь, не участвовавшій въ избіеніи куртатинцевъ, и горько жаловался имъ на то, что ему не привелось убить ни одного изъ враговъ. Санаевцы указали ему на укрывающагося подъ мельницей куртатинца, котораго онъ приколочъ копьемъ, и съ гордостью заявилъ своимъ родственникамъ: „теперь и мнѣ болѣе не обидно называться Санаевымъ“. Словомъ въ мщеніи за кровь всѣ родственники обязаны взаимно защищать и поддерживать другъ друга, чтобы отомстить оружіемъ за смерть и оскорбленіе чести, домашняго очага, за варушеніе правъ собственности, личной неприкосновенности какъ одного, такъ и цѣлой фамиліи. Вотъ почему еще не такъ давно въ Осетіи мщеніе не имѣло себѣ границъ. Вслѣдствіе этого должныя за кровь принуждены были годами запирались въ своихъ галунахъ (трехъ и болѣе этажей каменные постройки, сложенные изъ дикаго плитняка), башняхъ, и превращаться въ профессиональныхъ узниковъ. Иные же кровники предпочитали этой жизни бѣгство въ другія страны, въ большинствѣ случаевъ въ Турцію, куда на почвѣ кроваго преслѣдованія эмигрировали такія знатныя фамиліи, какъ Камарзаевы, Караджовы и т. д.

Въ настоящее время, кромѣ убійцы, скрываются и всѣ ближайшіе его родственники мужескаго пола въ другомъ аулѣ у родственниковъ или же у какогонибудь вліятельнаго, знатной фамиліи, человека. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока посредники по примиренію кровавковъ, происходящемъ при „трапезѣ крови“ (тужды-фынгъ: тугъ значитъ кровь, фынгъ—столъ), не вручатъ кровникамъ назначенную медиаторами (тархоны лагта, т. е. судья по крови) плату. Плата

за кровь вывъ колеблется между 1.200—1.800 руб., каковая, какъ упомянуто выше, взыскивается за всѣ преступленія, кончившіяся смертию.

Самое главное изъ преступленій—это убійство, какъ изъ кровавой мести, такъ и происшедшее въ ссорахъ, дракахъ и иныхъ случаяхъ. Мстить по обычаю можно родственникамъ: восходящимъ, нисходящимъ, единоутробнымъ, единокровнымъ и даже однофамильцамъ съ убійцей; тѣ же и имѣютъ право искать за кровь, а также мстить смертию оскорбителямъ чести матери, сестеръ, женъ и т. д.

Наравнѣ съ послѣдними отвѣчаютъ и прелюбодѣи. Въ отношеніи послѣднихъ существуетъ такой обычай: если кого напрыли на мѣстѣ прелюбодѣянія, то съ него снимаютъ штаны и на утро вывѣшиваютъ напоказъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Если это сдѣлано съ прелюбодѣями, то потерпѣвшая отъ прелюбодѣянія сторона этимъ считаетъ себя не только удовлетворенной, но даже по обычаю и заслуживающею большой похвалы, какъ сумѣвшая подвергнуть прелюбодѣя и его фамилію вѣчному и неизгладимому позору въ глазахъ всего общества. Такого прелюбодѣя со времени выставленія его штановъ на позорный столбъ, а равно и всю его фамилію называютъ: „сыдзагъ-аргавствъ“, т. е. безштаные. Братъ же съ прелюбодѣевъ вознагражденіе, какъ съ осквернителей семейнаго очага, обычай воспрещаетъ строго,—это считается великимъ позоромъ въ обществѣ. Но чтобы на будущее время положить конецъ могущему быть между сторонами раздору, обычай требуетъ, чтобы прелюбодѣй, какъ дитя, взявъ въ ротъ обнаженную грудь виновной въ прелюбодѣянія женщины, назвалъ ее всенародно своею матерью, а себя ея сыномъ и поклялся впредь не питать къ ней болѣе порочныхъ чувствъ *).

*) „Кавказъ“ № 94, 1850 г.

Не менѣе грубо обходятся и съ женщиной-прелюбодѣйкой. Ее сажаютъ на осла лицомъ назадъ, даютъ въ руки хвостъ осла и, сопровождаемую многочисленной толпой, ведутъ по большимъ улцамъ аула. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы всѣ могли видѣть эту нарушительницу общественной нравственности. Такъ было поступлено въсколько лѣтъ тому назадъ съ женщиной Дѣха Глаевой, изъ аула Мизуръ, Терской области, за ея неодобрительное поведение.

Заслуживаетъ также преслѣдованія, какъ за кровь похититель дѣвицы съ цѣлью вступить съ нею въ бракъ, хотя бы это было съ ея согласія и вѣдома. Но, если онъ во-время попросить прощенія, уплатить калымъ, то ему прощаютъ это. Напротивъ, если похититель дѣвицы не сдѣлаетъ этого, то обычай даетъ право обиженной сторонѣ преслѣдовать его какъ кровника въ виду того, что это наноситъ безчестіе не только фамиліи дѣвицы, но и цѣлому роду.

Преслѣдуя за кровь, горцы избѣгаютъ стариковъ, а также женщинъ,—первыхъ потому, что по обычаю считается позорнымъ смывать кровь молодого человѣка кровью старика, а если убитый былъ старикъ, то должны убить за него молодого, чтобы этимъ нанести противной сторонѣ болѣе чувствительный уронъ, чѣмъ причинила та; женщинъ не убиваютъ потому, что онѣ ничтожныя созданія, рабы мужчинъ, покупныя (за нихъ платятъ калымъ), неравной съ мужчинами крови и т. д. Мщеніе за кровь не допускается обычаемъ между членами рода, такъ какъ тогда для рода получалась бы въ итогъ двойная потеря (убитаго и убійцы). Отсюда и поговорка: „никто же самому себѣ врагъ“.

Впрочемъ, такая свобода возмездія скорѣе является факкультативной, нежели обязательной, ибо отъ родственниковъ всецѣло зависитъ мстить или не мстить связанному съ нимъ единствомъ крови, общностью происхожденія. Было и такое время въ Осетіи, когда за убитаго раба получалъ вознагра-

жденіе, какъ за животное, его владѣлецъ; но если рабъ убивалъ уздан-лага (привилегированнаго), то рабъ не подвергался кровомщенію, какъ вещь, какъ существо низкое съ низкой кровью, преступное дѣйствіе котораго сравнивается съ дѣяніемъ животнаго. Но зато за раба могли убить его владѣльца, а равно взыскать съ него кровную плату.

Въ убійствѣ признается виновнымъ одинъ; нѣсколькихъ обвиняютъ только въ томъ случаѣ, когда убійство совершено въ дракъ, скопомъ, шайкою и т. д. Однако въ этомъ случаѣ обычай требуетъ, чтобы было обвиняемыхъ столько, сколько ранъ навесено убитому. Всѣ эти лица подвергаются (по обычаю) одинаковому преслѣдованію за кровь, равно и при примиреніи кровная плата распределяется пропорціонально, не принимая во вниманіе того, кѣмъ и какія раны были навесены убитому (см. № 15). При преслѣдованіяхъ же за кровь, обыкновенно стараются убить лучшаго мужчину въ цѣлой фамиліи; къ убійству же болѣе низкаго по достоинству, чѣмъ самъ убійца, прибѣгаютъ только въ томъ случаѣ, когда не представляется возможности убить лучшаго мужчину. Все же не преслѣдуютъ убійцу, если онъ полоумный или идіотъ и т. п. (См. № 12).

Выше я сказалъ, что убійца можетъ скрыться въ другомъ аулѣ у родственниковъ, у представителя какой-нибудь знатной и богатой фамиліи. Эти послѣдніе, когда самъ убійца не располагаетъ средствами, должны по обычаю позаботиться о примиреніи убійцы съ родственниками убитаго имъ, а равно принять на себя всѣ расходы, сопряженные съ этимъ. Если же скрывшіе у себя убійцу не имѣютъ на это средствъ, то обычай предоставляетъ имъ право собирать по міру добротныхъ, на уплату кровной суммы, подаянія. За это время убійца лишень возможности заниматься хозяйствомъ. Мало того, онъ долженъ избѣгать всякой встрѣчи съ кѣмъ бы то ни было, даже съ женщинами той фамиліи,

къ которой принадлежалъ убитый. Цѣль этого обычая заключается въ томъ, чтобы этимъ не выразить непочтительнаго къ фамиліи убитаго отношенія. То же самое дѣлають и всѣ родственники убійцы. По этимъ же соображеніямъ ко дню похоронъ убитаго, пригоняють самаго лучшаго быка, на шею котораго завязываютъ красную ленту изъ шелковой матеріи: это жертва покорныхъ, искупляющихъ свою вину; вообще же этимъ противная сторона признаетъ свою вину. Если этотъ даръ не отвергнуть потерпѣвшими, то примиреніе съ ними обезпечено, хотя и это не всегда имѣетъ мѣсто.

Лѣтъ десять-двадцать тому назадъ существовалъ обычай, въ силу котораго не допускалось хоронить убитаго до тѣхъ поръ, пока не будетъ отомщено за его смерть. Совершивъ же убійство за него, старшій изъ родственниковъ подходилъ къ лежащему въ гробу умершему и во всеуслышаніе произносилъ: „радуйся (такой-то), теперь будь спокоенъ и доволенъ нами; мы отомстили за твою кровь“. Или: когда одинъ въ единоборствѣ убивалъ соперника и самъ бывалъ смертельно раненъ, то приказывалъ сшить себѣ чевяки (азиатскія сапоги) изъ заячьей шкуры, въ коихъ, истекая кровью, бѣгалъ по саклѣ до тѣхъ поръ, пока не падалъ мертвымъ. Смыслъ этого обычая состоитъ въ желаніи въ загробной жизни доказать своему бывшему врагу, что, молъ, нанесенная имъ ему рана была настолько пустячна, что онъ послѣ того жилъ такъ долго, что сходилъ еще на охоту, убилъ зайца, изъ шкуры котораго не только сшилъ себѣ пару чевяковъ, но даже еще успѣлъ свосить ихъ.

Съ застигнутымъ на мѣстѣ убійцей поступаютъ двояко: или убиваютъ его тутъ же, или же отрѣзываютъ правое ухо, которые какъ побѣдную трофею, несутъ на могилу убитаго и здѣсь зарываютъ. Иногда же пойманнаго убійцу ведутъ на могилу, гдѣ его, поставивъ на колѣняхъ, посвящаютъ убитому, при чемъ, въ знакъ побѣдной трофеи, отрѣзають пра-

вое ухо. Подвергшійся такому обряду убійца обрекаетъ и себя и всю свою фамилію на вѣчный позоръ въ глазахъ общества, которое не иначе называетъ ихъ, какъ: „фалдысь“, т. е. опозоренные, посвященные, недостойные. Къ отрѣзыванію уха нынѣ почти не прибѣгаютъ, такъ какъ это обстоятельство даетъ право обиженной сторонѣ мстить вдвойнѣ: отрѣзаніе уха равно убійству. Но иногда случается, что къ совершенію этого обряда кровники прибѣгаютъ добровольно, чтобы этимъ положить конецъ кровной враждѣ. Обвиняемый для этого является на могилу убитаго имъ, гдѣ старшій въ родѣ послѣдняго, держа въ правой рукѣ ножъ, а въ лѣвой—ухо убійцы, или одного изъ его родственниковъ, во всеуслышаніе произноситъ: „Послушайте присутствующіе! Рукою этого человѣка пролита кровь нашего родственника (такого-то), который нынѣ лежитъ въ этой могилѣ и, въ отмщеніе за это, мы беремъ его тѣло, душу на служеніе въ загробномъ мірѣ нашему убитому родственнику, а также принадлежащее ему движимое и недвижимое имущество и соглашаемся на поминки. Итакъ, отнынѣ и до вѣка, ты, убійца, принадлежишь ему и да владѣть онъ тобою такъ, какъ ты до сихъ поръ владѣлъ приведенною тобою лошадью. Отнынѣ твоя голова, твои руки, твои ноги, твое сердце, твоя душа, словомъ—ды йынѣ фалдысть фау, т. е. всецѣло принадлежишь ему. Сверхъ сего, домъ, сѣнокосныя поля, нивы, бараны, козлы, быки, коровы, лошади, коней ты считалъ и будешь считать своею собственностью, отнынѣ да принадлежать убитому тобою. Когда же ты перейдешь (умрешь) въ загробный міръ, то съ тобою вмѣстѣ да принадлежать ему и поминки, которыя по тебѣ будутъ справляться родственниками“. Окончивъ это, кровомститель остриемъ ножа касается уха безмолвнаго убійцы, изъ котораго тотчасъ же капаетъ кровь. Захвативъ рукою на лету нѣсколько капель, онъ ими мажетъ могилу убитаго, приговаривая: „что дѣлать, родственникъ

*dedicat
of Hasan
Kashmir*

нашъ! Да не оскорбится твое сердце: лучшаго дѣла во славу твою мы совершить не могли! Тотъ, чья кровь эта, отнынѣ да принадлежитъ тебѣ, и ты владѣй имъ по лично-му усмотрѣнію. Местъ же за твою смерть отнынѣ по твоей и нашей волѣ прекращается навсегда и водворяется миръ между тобою и умершими нашихъ враговъ и между нами и послѣдними, чему ты споспѣшествуй со своей стороны“. Выпусканіе крови изъ уха убійцы налагаетъ на него и на его родъ новое пятно: „кусаргавстъ“, т. е. безухіе, съ отрѣзанными ушами. Мало того, убійца съ этого времени теряетъ свое человѣческое достоинство, свое личное „я“; онъ въ глазахъ общества болѣе не человѣкъ, что онъ выражаетъ тутъ же словами: „лучше умереть, чѣмъ налагать на себя и на свой родъ такой позоръ!“ Часто убійца, не выдержавъ этого укора, вырываетъ ножъ изъ рукъ кровомстителя и вонзаетъ ему въ грудь; послѣ такого случая враждебныя фамиліи истребляютъ другъ друга до тѣхъ поръ, пока къ тому представляется возможность. Здѣсь местъ безъ конца, переходящая изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Существуетъ и такой обычай, по которому кровникъ (послѣ примиренія) беретъ къ себѣ на 3—7 лѣтъ на воспитаніе сына, дочь или сестру убитаго имъ, которыхъ обязанъ одѣвать въ шелкъ и давать наилучшій столъ. По окончаніи же срока кормленія, онъ—кровникъ, снабдивъ ихъ богатымъ одѣяніемъ, а если это мальчикъ, то лучшею со сбруей верховою лошадыю, отправляетъ къ отцу. Обычай этотъ называется „канъ-хассынъ“ (т. е. вскармливаніе, вскармленный, взлелѣванный) и дѣлается для прочности мира между сторонами. Съ тою же цѣлью обычай предписываетъ связывать узами родства кровниковъ, для чего выдаютъ замужъ (№ 5) (но не наоборотъ) за сына, брата, или, если ихъ нѣтъ, то даже за любого молодого человѣка изъ это-

го рода дочь или сестру убитого или другую дѣвицу изъ его фамиліи.

Преслѣдованію за кровь подвергаются и случайные и неосторожные владѣльцы лошади, собаки и, вообще, всякаго животнаго. Отсюда, если чья-либо скотина спустить съ горы камень и этимъ причинить ушибъ или убѣть кого-нибудь, то преслѣдованію за кровь подвергается пастухъ, а если его нѣтъ, то владѣлецъ скотины (см. № 16). Такой же отвѣтственности подлежить владѣлецъ лошади или ешака, если они ударятъ проходящаго мимо нихъ, или сбросятъ кого-нибудь во время ѣзды на нихъ и тѣмъ причинятъ смерть послѣднему (см. № 16). Равно, если чье-либо заряженное ружье по какой-нибудь случайности, какъ, папримѣръ, при дотрогиваніи до него произведетъ выстрѣлъ, то владѣлецъ ружья отвѣчаетъ какъ кровникъ, если не уплатить за кровь (см. № 13). Нечего говорить уже о томъ, что часто къ убійству, вообще, и къ кровавой мести, въ частности, прибѣгаютъ изъ-за пустяковъ. Въ аулѣ Лоаръ, Владикавказскаго округа, нѣкто Бесаевъ несъ продавать курицу. На дорогѣ встрѣтился съ односельцемъ Черыко Цогоевымъ, который присталъ къ нему, чтобы зарѣзать курицу и поѣсть. На этой почвѣ между ними произошла ссора, перешедшая въ драку, во время которой Цогоевъ убилъ наповалъ Бесаева. За это Цогоевъ по приговору Владикавказскаго окружнаго суда въ 1899 г. отбылъ въ Харьковскомъ арест. отдѣл. четыре года. Тѣмъ временемъ и Бесаевы убили за кровь брата Цогоева, и оба убійства по примиренію были компенсированы (см. № 9).

Все это понятно при той мысли, что родъ обиженнаго желаетъ только соразмѣрно вознаградить свою потерю, уничтоженную, быть-можетъ, рабочую силу, безъ чего собственно ищеніе было бы лишено и здраваго смысла. Отсюда убійство посторонняго становится дѣяніемъ, достойнымъ наказанія только тогда, когда родственники убитаго могутъ мстить за

Account

него. Исходя изъ этой мысли, у осетинъ считается счастливымъ всякій, кто принадлежитъ къ многочисленному роду и, наоборотъ, несчастенъ тотъ, кто или совершенно одинокъ въ смыслѣ неимѣнія дѣтей мужскаго пола, или же принадлежитъ къ ограниченному по численности роду. Вотъ почему старикъ, произнося свою импровизованную молитву и, обращаясь съ ней къ молодежи, говоритъ о необычайномъ счастьи тѣхъ, кто имѣетъ мстителей (въ лицѣ многочисленнаго рода) за кровь. По этимъ именно соображеніямъ въ Осетіи рожденіе мальчиковъ обставляется съ особеннымъ торжествомъ и, напротивъ, мало цѣнится рожденіе дѣвочекъ, къ истребленію коихъ прибѣгаютъ изъ признанія безполезности въ этомъ отношеніи женскаго пола, а далеко не изъ-за голода или нищеты, какъ это утверждаетъ проф. М. Ковалевскій*), такъ какъ женскій полъ является лучшей рабочей силой въ хозяйствѣ, да и за него получаютъ калымъ въ 600—1000 руб.

Въ 1863 году для рѣшенія кровныхъ дѣлъ между осетинами, въ крѣпости Владикавказѣ, подъ предѣтельствомъ начальника военно-осетинскаго округа, была учреждена смѣшанная коммиссія для разбора кровныхъ и иныхъ, уголовнаго характера, преступленій и дѣлъ. Въ составъ этой коммиссіи входили выборные отъ всѣхъ осетинскихъ обществъ — Алагирскаго, Дигорскаго, Куртатинскаго и Наромамисонскаго. Эта коммиссія работала такъ продуктивно, что со времени ея открытія разнаго рода преслѣдованія за кровь сократились настолько, что изъ всѣхъ видовъ мщенія остались только самые главные. Къ сожалѣнію, эта коммиссія, взявшая на себя обязанности горскаго суда, просуществовала не болѣе 15-ти лѣтъ, будучи замѣнена короннымъ судомъ.

До введенія въ краѣ словеснаго суда функціи его отпращивала мѣстная администрація. По отношенію въ по-

*) См. „Зак. и обыч. на Кавказѣ“.

слѣдней горскій словесный судъ, изображая какъ бы общественный элементъ, представлялъ собою нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ. Итакъ, на обязанности словеснаго суда лежало: установить виновность или правоту даннаго лица въ инкриминируемомъ ему дѣяніи, постановить на основаніи обычнаго права размѣръ гражданскаго иска и припирить кровниковъ по обычаю. Въ случаѣ признанія виновнымъ лица, приговоръ о немъ передавался администраціи, которая тогда сама примѣняла къ виновному соответствующее по закону наказаніе. Насколько цѣлесообразна была такая постановка суда, можно судить по тому одному, что горцы питаютъ особенную привязанность къ словесному суду и по настоящее время, сохранивъ о немъ самое лучшее воспоминаніе. Это и понятно, ибо коронный судъ можетъ принести пользу только тамъ, гдѣ народъ уже пріобшился гражданственности, и гдѣ онъ стоитъ на извѣстной высотѣ культурнаго и интеллектуальнаго развитія. Объ осетинахъ пока этого сказать нельзя, ибо въ ихъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ то свято и то имѣетъ цѣну, что освящено общественной моралью, что, слѣдовательно, ближе всего стоитъ къ ихъ жизни и ея проявленіямъ, съ которыми они свыклись съ дѣтства и съ которыми они хорошо понимаютъ другъ друга. Все это можно сказать только про горскій словесный судъ. Напротивъ, для горца чуждо то, до понятія котораго онъ еще не возвысился; это относится къ коронному суду, какъ учрежденію новому и для него недоступному не только по своей организаціи, но и по языку. Неудивительно, что горецъ относится недовѣрчиво къ коронному суду и его рѣшеніямъ по кровнымъ дѣламъ. Въ этотъ случаѣ горцы во многихъ отношеніяхъ правы, ибо судъ и горецъ, являющійся къ нему, лишены возможности взаимно понимать другъ друга. Между ними стоитъ безграмотный переводчикъ, часто, если даже не всегда, не понимающій того, что отъ него требуютъ, и не имѣющій возможности со словъ

потерявшаго или обвиняемаго нарисовать передъ судомъ полную, цѣльную и живую картину всего процесса. Если потому выносятся неправильные приговоры, то въ нихъ всецѣло нужно винить не коронный судъ, а этихъ безграмотныхъ переводчиковъ. Не то было бы при словесномъ судѣ, на представителей котораго горецъ привыкъ смотрѣть, какъ на людей, вооруженныхъ жизненнымъ опытомъ, къ которымъ онъ съ дѣтства привыкъ относиться съ полнымъ уваженіемъ и признаніемъ ихъ высокаго авторитета, подчиняться рѣшенію коихъ его обязываетъ народный обычай, освященный вѣками, и кои одни способны сдерживать дикую страсть горца къ мщенію. Отсюда какъ бы безпристрастные, правдивы, цѣлесообразны, высоки ни были рѣшенія короннаго суда по кровнымъ дѣламъ, они не достигаютъ цѣли, какъ лишенныя самаго главнаго признака дѣйствительнаго суда—довѣрія народа. Горецъ на эти рѣшенія суда смотритъ такъ: «осудятъ на 1, 3, 20 лѣтъ, а потомъ преступникъ все же вернется», или: «убійца все равно, приговорятъ ли его въ тюрьму или каторгу; онъ все же живъ, а убитый имъ гниетъ въ могилѣ, возмездіемъ за что должна быть смерть, а не каторга». А что это именно такъ, это видно изъ того, что горцы никогда не ограничиваются тѣмъ приговоромъ, который по кровнымъ дѣламъ выносить коронный судъ, а непременно мирятъ кровниковъ по обычному праву, обязывая приговоромъ словеснаго суда убійцу или его родственниковъ уплатить родственникамъ убитаго кровную плату въ 1200—2000 руб.; хотя бы въ это время убійца умеръ или же томился гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ или на каторгѣ (№ 6). Въ этомъ случаѣ горецъ думаетъ такъ: необходимо не только примирить кровниковъ, но и свести ихъ лицомъ къ лицу, заставить ихъ всенародно признаться въ ненарушимости съ ихъ стороны состоявшагося между ними примиренія, получающаго съ этого момента широкую гласность. Бывшій горскій словесный

судъ работаль именно въ этомъ направленіи, почему, благодаря ему, дѣла по кровомщенію сократились настолько, что изъ нихъ остались только самыя главныя—по убійству. Коронный судъ въ краѣ будетъ пользоваться довѣріемъ со стороны горцевъ только тогда, когда рядомъ съ нимъ будетъ возсѣдать судъ присяжныхъ изъ тѣхъ же горцевъ, которые нынѣ выносятъ самыя здравые, сознательные и вполне умѣстные приговоры не только по убійствамъ, но и по многимъ другимъ дѣламъ уголовного характера; когда ряды этихъ судовъ (коронныхъ) будутъ занимать люди съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, знающіе осетинскій языкъ. Только при выполненіи одного изъ этихъ двухъ условій можно быть увѣреннымъ въ томъ, что населеніе горъ будетъ съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ относиться не только къ представителямъ кореннаго суда въ краѣ, но и къ ихъ приговорамъ, въ чемъ бы таковыя ни выражались и по какому бы дѣлу они ни выносились.

Для примиренія кровниковъ выбираются почетные старики въ количествѣ не менѣе 8-ми и не болѣе 7-ми человекъ, при чемъ лицо нейтральное бываетъ за предсѣдателя, и его голосъ является рѣшающимъ. Въ выборѣ этихъ посредниковъ, называемыхъ — тархоны лагта (т. е. люди суда или судилища) руководствуются тѣмъ соображеніемъ, чтобы они были не только безукоризненной честности и безпристрастные, но и хорошіе знатоки адатнаго права. Первымъ долгомъ эти люди вырабатываютъ тѣ временныя правила, которыми должны руководствоваться кровники во взаимныхъ отношеніяхъ. Сюда относится опредѣленіе улицъ, дорогъ въ аулѣ, по которымъ изъ нихъ каждая изъ сторонъ имѣеть свободный проходъ и проѣздъ по своимъ дѣламъ и по которымъ совершенно воспрещается это.

Примиреніе возможно только тогда, когда на это изъявили согласіе всѣ взрослые въ родѣ мужчины. Требуется

на это также и согласие матери убитого, если она жива. Обряд примирения всегда обставляется торжественно, о чем особенно стараются посредники. Такой судъ медиаторовъ, примѣнявшійся въ продолженіе многихъ вѣковъ въ дѣлахъ кровныхъ, въ настоящее время единственный между сторонами третейскій судъ, который пользуется особеннымъ довѣріемъ народа.

Во время примирения кровниковъ убійцу подводятъ къ матери убитого, передъ которой онъ становится на колѣни, и та, поднявъ его, даетъ ему въ ротъ свою грудь. Смыслъ этого обряда заключается въ томъ, что она съ этого времени болѣе не питаетъ къ убійцѣ никакихъ злобныхъ чувствъ и что съ этого дня онъ замѣняетъ ей убитого имъ сына. Плата же за кровь предсѣдателемъ медиаторовъ вручается старшему въ родѣ убитого.

Неизлишне будетъ привести циркуляръ бывшего начальника военно-осетинскаго округа, полковника Бундухова, относительно кровавой мести и нѣкоторыхъ другихъ вредныхъ обычаевъ:

„Любезные подвѣдомственные мнѣ народы! Поступая въ управленіе вами, я посвятилъ себя постоянной заботливости и попеченію о благоустройствѣ вашемъ; будучи одноземецъ вамъ и зная хорошо всѣ ваши народные обычаи, я нахожу ихъ несоотвѣтствующими духу настоящаго времени, очевидно для васъ же самихъ обременительными и разоряющими домашнее благосостояніе, а также поддерживающими вражду, вмѣсто добраго и Богомъ любимаго согласія, какъ самаго основнаго начала благоденствія народовъ, вѣрующихъ въ единаго Бога. Предположивъ ко благу вашему сдѣлать измѣненіе въ народныхъ обычаяхъ, доннынѣ существующихъ, я лично выставлялъ вамъ ихъ нелѣпость, ихъ зло, происходящее отъ исполненія ихъ; всякое кровомщеніе, происходящее вслѣдствіе различныхъ случаевъ, раждаетъ постоянный раздоръ и ссоры, передавая мечь потомству, черезъ что

не только дѣти, но и внуки и правнуки беспощадно проливали кровь. Эта самоуправная расправа между враждующими сторонами была неизбѣжна только во времена безначалія, глубокаго невѣжества и хищничества и производилась по праву сильнаго, по праву войны, представлялась каждому свободному человѣку и встрѣчала препятствіе въ силѣ оружія противника. Человѣкъ, причинившій другому, равному себѣ, какой-либо вредъ, подвергался возмездію отъ силы оружія противника, но не имѣлъ судьи, передъ которымъ бы онъ долженъ былъ стать, какъ отвѣтчикъ, считая себя въ правѣ, подвергаясь обвиненію въ пезаконности, поддерживать свое насиліе оружіемъ, пока не былъ вынужденъ для собственнаго спокойствія примириться съ противникомъ. При такомъ порядкѣ вещей, всѣ лица, принадлежащія къ одной фамиліи, обязаны были, по народнымъ обычаямъ, открывать между собою взаимную защиту, мстить оружіемъ за смерть, за оскорбленіе чести, нарушеннаго права личной неприкосновенности и собственности, отчего кровомщенія не имѣли границъ, уничтожая цѣлыя фамиліи, и эта безпредѣльная месть, какъ чума, препятствовала развитію всякой гражданственности и благоустройства въ народѣ. Во избѣжаніе этого зла, отнынѣ всякое убійство какъ умышленное, такъ и неумышленное, вы, при общемъ народномъ сборѣ, признали необходимымъ и полезнымъ, безъ междоусобной мести, подвергать законному разслѣдованію и, если окажется, что убійство совершено съ явнымъ намѣреніемъ, то виновный будетъ наказываться по опредѣленію русскихъ законовъ, равныхъ для сильнаго и слабаго, неумышленное же убійство предоставится разбирательству народнаго суда, а кровомщеніе въ томъ и другомъ случаѣ строжайше воспрещается, подвергая наказанію какъ убійцу, такъ и принимавшихъ въ этомъ участіе. Пріятно мнѣ было слышать, что вы признали также несправедливымъ между мухамеданами

остающихся послѣ умершихъ мужей вдовѣ насильственно удерживать братьями покойниковъ и принуждать къ выходу за одного изъ нихъ замужъ противъ желанія вдовы. Въ этомъ случаѣ вы сами на опытъ убѣдились, что въ подобно соединенномъ семействѣ никогда не можетъ существовать согласія, отъ котораго зависитъ семейное счастье. Вы убѣдились въ нецѣлости и безсмыслии разныхъ народныхъ клятвъ, на могиллахъ покойниковъ убивать собакъ и кошекъ, что введено во время глубокаго невѣжества и сохранилось понынѣ въ народѣ, и что присяга, въ случаѣ судебной въ ней надобности, должна приниматься только установленная религіей и утвержденная закономъ правительства. Предки ваши, установивъ обычай брать калымъ за дочерей отъ жениховъ ихъ, имѣли благую цѣль, чтобы часть калыма этого была употребляема на нарядъ невѣсты, а остальная часть калыма этого должна была остаться въ полномъ ея распоряженіи; но послѣдователи установившихъ это правило употребили это во зло, такъ что отецъ дочерей, выдаваемыхъ замужъ, беретъ за нихъ условленную плату въ свою пользу, насколько не заботясь о будущемъ ея счастья, отчего и произошло, что нѣкоторые мужья, къ стыду ихъ, смотрятъ на жену свою, какъ на купленную, и таковая женщина, видя стѣсненное свое положеніе, груститъ и забываетъ чувство благодарности къ своимъ родителямъ. Понявши всю важность этого дѣла, вы поставили за правило съ настоящаго времени употреблять калымъ въ пользу невѣсты, отдавая собственно ей третью часть калыма, кромѣ платья, и въ скоромъ времени вы сами увидите существенную пользу отъ этого“. Далѣе въ циркулярѣ перечисляются и другіе вредные обычаи, какъ-то: устройство поминковъ по умершимъ, разваго рода праздники, обычай царапанія женами при смерти мужей своихъ щекъ, сооруженіе памятниковъ по умершимъ. Относительно этихъ обычаевъ осетины дали названному началь-

нику обѣщаніе совершенно не прибѣгать къ нимъ. Циркуляръ заканчивается словами: „хотя я не сомнѣваюсь въ исполненіи вашихъ обѣщаній, но чтобы они остались священными и для дальнѣйшаго потомства, вы должны теперь подписать измѣняемые народные обычаи, которые за подписью вашею и утвержденіемъ начальства, храниться будутъ, какъ документы по экземпляру въ моему управленіи, у каждаго пристава, и, во всякомъ случаѣ, у старшины, въ обязанность котораго поставляется строго наблюдать за исполненіемъ этого новаго порядка, — о нарушителяхъ же такового онъ обязанъ доносить своему начальству для взысканія съ виновныхъ опредѣленнаго вами на первый разъ штрафа 100 руб. сер., исключая изъ этого убійства и кровомщенія, которыя будутъ наказываться по законамъ. Начальникъ военно-осетинскаго округа полковникъ Бундуховъ*.

С. Каргиновъ.

Приложеніе 1-е.

Адаты по кровнымъ дѣламъ.

1) При какихъ бы обстоятельствахъ ни совершилось убійство, какія бы къ тому побудительныя причины и мотивы ни были, оно всегда влечетъ за собою кровомщеніе.

2) Отъ мести за кровь не освобождается никакой убійца, хотя бы это онъ совершилъ при необходимой оборонѣ, въ состояніи крайней необходимости, запальчивости или раздраженія, будь онъ несовершеннолѣтній, мальчикъ или сумасшедшій.

---

*) См. „Сбор. о кавк. гор.“ т. 2, 1876 г.

3) Не подлежат кровомщению: отецъ, убившій сына, брата, дочь, сестру и наоборотъ; также и убившій сумасшедшаго или слабоумнаго.

4) Если родной братъ убьетъ брата, то дѣло должно остаться въ семьѣ, но на такого надо смотрѣть и относиться къ нему съ презрѣніемъ.

5) Если убійца и убитый единокровные братья, то родные братья убитаго имѣютъ право преслѣдовать убійцу за кровь, равно и получить съ него кровную плату.

6) Убійство женщины непозволительно и недостойно человека потому, что она существо низкой крови, по сравненію съ мужчинами, и ничтожное по своему значенію.

7) Какъ убійца, такъ равно и всѣ его родственники должны скрываться и избѣгать всякой встрѣчи съ фамиліей убитаго, пока не послѣдуетъ примиреніе кровниковъ.

8) Въ составъ посредниковъ по примиренію кровниковъ со стороны потерпѣвшей должно быть однимъ лицомъ больше.

9) Медіаторами могутъ быть только люди нейтральные или же родственники обѣихъ сторонъ, но только въ равномъ числѣ; нечетное же лицо должно быть нейтральнымъ.

10) Выработанная медіаторами плата за кровь должна храниться ими въ тайнѣ до дня окончательнаго примиренія кровниковъ.

11) Примиреніе должно состоять въ томъ, что убійца и всѣ его родственники, сколько бы ихъ ни было, въ условленное время собираются во дворъ убитаго и здѣсь, ставъ на колѣни, плача, просятъ прощенія у родственниковъ послѣдняго, которые также должны быть въ сборѣ.

12) По испрошеніи прощенія, кровникъ приглашаетъ къ себѣ всѣхъ родственниковъ убитаго и предлагаетъ имъ угощеніе, на которомъ поминаютъ только убитаго; засимъ

вручаетъ потерпѣвшимъ, черезъ одного изъ медиаторовъ, назначенную послѣдними за кровь плату.

13) Плата передается самому старшему въ родѣ убитаго, а лошадь въ честь покойника передается самому младшему изъ тѣхъ же родственниковъ убитаго.

14) Родственникамъ предоставляется право подарить обратно матери или дѣтямъ убійцы пахотный участокъ (бонъганъ), лошадь, или сдѣлать денежные, по своему усмотрѣнію, подарки.

15) Въ назначеніи платы за кровь медиаторы не имѣютъ права принимать въ соображеніе общественное положеніе убитаго, а должны руководствоваться исключительно тѣми данными, которыя на каждый случай предусмотрѣны адатами, какъ о томъ сказано выше.

16) При взаимномъ убійствѣ кровь зачитывается за кровь, и стороны не имѣютъ права преслѣдовать другъ друга, а должны примириться на условіи угощенія другъ друга въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это выработано медиаторами по примиренію кровниковъ.

17) При убійствѣ одного нѣсколькими, всѣ участники обвиняются одинаково, хотя бы многіе даже и не наносили ударовъ; равно плата за кровь взыскивается со всѣхъ пропорціонально.

18) При легкихъ пораненіяхъ виновная сторона должна устроить угощеніе въ пользу раненаго, уплатить ту сумму, которая будетъ назначена медиаторами на основаніи существующихъ на такіе случаи адатовъ, и уплатить лѣкарю за его лѣченіе.

19) Плата должна быть: полная—за выбитые глаза, отсѣченіе руки; за пораненіе же руки, ноги, съ потерей только трудоспособности въ нихъ, кровная плата—въ половинномъ размѣрѣ. За отсѣченіе пальца, рану въ голову—вознагражденіе по усмотрѣнію медиаторовъ.

20) Если при дракѣ двухъ лицъ будетъ убитъ посторонній, то оба эти лица подлежатъ преслѣдованію за кровь и обязаны уплатить полную кровную плату въ равныхъ доляхъ.

21) За убійство матери виновный платитъ за кровь родственникамъ убитой матери, которые въ то же время имѣютъ право мстить ему, какъ кровнику.

22) За убійство жены виновный отвѣчаетъ передъ ея родственниками, какъ кровникъ, если не примирится съ мужемъ на обычныхъ началахъ по адатамъ (№ 4).

23) За убійство беременной женщины, убійца преслѣдуется какъ кровникъ, какъ ея мужемъ, такъ равно и ея родственниками, если не примирится съ послѣдними и не уплатитъ за кровь не только самой женщины, но и за плодъ, если онъ будетъ мужескаго пола, притомъ, какъ за взрослого мужчину.

24) Лѣкарь за смерть больного раненаго не отвѣчаетъ, какъ лицо, которому на все дали согласіе обѣ стороны.

25) Убить кровника позорно и недостойно, если онъ, ища спасенія, свроется даже въ домъ его противника, или же въ оградѣ молельни какого-нибудь дзуара (святого).

26) Кровникъ, дотронувшійся губами до обнаженной груди матери убитаго, дѣлается молочнымъ братомъ покойника и его живыхъ братьевъ, почему, какъ родственникъ, не подлежитъ болѣе мщенію за кровь.

27) Если кто съ очага сниметъ цѣпь и выброситъ ее на улицу, или же повѣситъ на шею какого-нибудь свернаго животнаго: кошки, собаки, осла, то онъ подлежитъ преслѣдованію, какъ кровникъ, если не уплатитъ обиженной стороной выработанную медиаторами на сей случай плату.

28) Всякое неуважительное отношеніе къ предметамъ семейнаго культа, какъ то: разрытіе могилъ, оскорбленіе ихъ какими-нибудь символическими дѣйствіями, въ родѣ по-

священія имъ кошекъ, собакъ и ословъ, влечь за собою кровомщение, почему виновный въ этомъ долженъ примириться съ обиженной имъ стороной.

29) Преслѣдованію, какъ кровники, подвергаются и неосторожные владѣльцы лошади, собаки, ружья, кои такъ или иначе причиняютъ кому-либо смерть: они обязаны уплатить полную кровную плату.

30) Нанесшіи оскорбленіе замужней женщинѣ или дѣвицѣ подлежатъ мщенію, если не примирится съ ихъ родственниками и не уплатятъ имъ за это.

Приложеніе 2-е.

Рѣшенія изъ практики осетинскихъ (народныхъ) словесныхъ судовъ.

№ 1. Убийство. Абрекъ Калоевъ потребовалъ отъ своего родственника Тасолтана Калоева 15 руб., которые ему судомъ были присуждены съ него до взятія въ плѣнъ. За это они поссорились, и первый убилъ послѣдвдаго. Послѣ этого мать убитаго черезъ старшаго своего сына Пору обратилась въ суду, съ просьбою допустить шестерыхъ родственниковъ убитаго въ качествѣ посредниковъ въ засѣданіе суда. Судъ, согласившись на просьбу, при совмѣстномъ засѣданіи рѣшилъ: разбойникъ Калоевъ долженъ уплатить за пролитіе крови родственникамъ убитаго 150 коровъ и 190 р., всего 827 руб. 50 к.; изъ этой суммы 275 руб. уплатить тотъ часъ же, 275 р. черезъ годъ и остальные 277 руб. 50 к. въ теченіе двухъ лѣтъ. Къ заключенію мира убійца долженъ задать пиръ родственникамъ убитаго. Двѣ личности поручились за точное исполненіе приговора.

№ 2. Убийство. Въ августѣ 1864 г. два брата Мухаммедъ и Табэ Дзугаевы изъ Ардона были въ гостяхъ у

Умать Кубалова въ с. Эльхотовѣ, гдѣ за ужиномъ, поспорили о чемъ-то, и Мухаммедъ убилъ кинжаломъ своего брата Табѣ, а самъ бѣжалъ въ с. Батако-юртъ, гдѣ его нашли въ 1866 году у родственниковъ. Въ это время явился его отецъ съ просьбою освободить его сына Мухаммеда, который совершенно и откровенно сознался въ преступленіи, отъ грозящей ему ссылки въ Сибирь, единственно только потому, что онъ единственная опора его въ старости и, что убитый братъ его дурнымъ поведеніемъ подалъ поводъ къ убійству. Напротивъ, другой братъ (Мухаммеда) Гиссо просилъ сослать послѣдняго въ Сибирь, какъ братоубійцу. Народный судъ призналъ: такъ какъ по народному обычаю преимущественное право наказывать или миловать сыновей своихъ принадлежитъ отцу и Мухаммедъ убѣжалъ не потому, что избѣгалъ наказанія, но только потому, что совѣсть его мучила, то народный судъ считаетъ себя въ правѣ ходатайствовать о смягченіи наказанія братоубійцы. Мухаммедъ былъ приговоренъ къ ваторжной работѣ на одинъ годъ въ Георгіевской крѣпости.

№ 3. Убійство и кровомщеніе. Житель аула Замакнугль Исламъ Арчековъ въ іюнь 1866 г. праздновалъ свою свадьбу и просилъ своего друга Сабѣ Джибилова быть у него шаферомъ. Свадебное торжество уже было покончено, и Джибиловъ, какъ шаферъ, по обычаю провожалъ своего мнимаго друга въ комнату невѣсты. Дойдя до ея порога, Джибиловъ выхватилъ кинжалъ у своего друга и убилъ Арчекова наповалъ. Затѣмъ Джибиловъ спрятался въ домѣ Кучука Шанаева, откуда его подъ конвоемъ отправили во Владикавказъ для передачи суду, въ предупрежденіе же побѣга его везли на арбѣ. Около Владикавказа ихъ нагнали четыре всадника братья убитаго—Дзабе, Газе и Джена Арчевы и Кавдинъ Калмановъ и, напавъ на Джибилова, изрубили его кинжалами и шашками. Передъ судомъ Дзабе Ар-

чековъ показаль: когда я услышалъ объ убійствѣ нашего родственника и узналъ, что Джибилова провезутъ во Владикавказъ, то я и рѣшилъ самъ отомстить ему. Я и братъ мой Дзабе подскочили къ арбѣ и хотѣли изъ пистолета застрѣлить его, но у обоихъ у насъ оказалась осѣчка. Тогда взялся я за ружье, пустилъ пулю въ животъ и шашкою добилъ его. Въ убійствѣ, кромѣ меня, никто не принималъ участія. Калмановъ совершенно не виновенъ. Вызванные въ качествѣ свидѣтелей проводники Джибилова отказывались явиться въ судъ, и только наказаніе могло принудить ихъ къ тому. Потомъ дѣло было рѣшено административнымъ порядкомъ.

№ 4. Убійство жены. Ответственность передъ ея родственниками. Жеоръ Гагіевъ изъ аула Наръ заявилъ: сестра моя Дзаутханъ была замужемъ за Эра Хурумовымъ изъ Тоба и прижила съ нимъ сына и дочь. Въ декабрѣ 1863 г. она была ранена мужемъ бивжаломъ и умерла. Эра убѣжалъ. Гагіевъ проситъ удовлетворенія по народному обычаю. Допрошенные родственники убійцы показали: когда Эра вечеромъ въ не трезвомъ видѣ, рубя сосновую лучину, не смогъ справиться съ нею, то жена посмѣялась надъ нимъ, за что онъ въ сердцахъ бросилъ свой кинжалъ съ лучинами въ сторону, но кинжалъ вонзился въ грудь жены его, и она умерла отъ нанесенной раны. Эра жилъ до тѣхъ поръ съ женою въ хорошихъ отношеніяхъ. Судъ рѣшилъ: Эра долженъ съ шестью своими родственниками, которые могутъ быть избраны родственниками убитой, присягнуть, что убійство было неумышленное. Эту присягу они должны принять 10-го октября 1865 г. Къ этому сроку явились всѣ участники и показали, что между ними состоялась мировая сдѣлка: Эра за смертоубійство своей жены заплатитъ родственникамъ ея 80 коровъ, а именно: 18 коровъ въ натурѣ или деньгами, участокъ земли, стоящій 18 коровъ, мѣдную и желѣзную

посуду цѣною въ 44 коровы. Кромѣ того, въ закрѣпленіе мира, долженъ задать пирושку, состоящую: изъ 1 котла пива, 1 быка, 2-хъ барановъ и 10 котловъ араки. Эта сдѣлка утверждена судомъ.

№ 5. Кровоущепіе. Въ 1851 г. осетинскій народный судъ во Владикавказѣ приговорилъ вѣкоого Цедзъ Караева за убіеніе Барсіева къ уплатѣ за пролитую кровь брату послѣдняго, Хамурзѣ 27 быковъ и выдать сестру свою за него замужъ. Въ 1866 г. Хамурза явился въ судъ съ просьбой—понудить Караева уплатить ему Хамурзѣ остальную часть за пролитую кровь. Но Караевъ показалъ, что онъ до брака своей сестры съ Борсіевымъ торжественно по обычаю съ нимъ помирился и ему ничего не долженъ. Принявъ во вниманіе послѣднее обстоятельство и давность, судъ запретилъ Барсіеву подъ строгимъ наказаніемъ приступать къ кровной мести.

№ 6. Похищеніе дѣвицы. Въ 1907 житель с. Салугарданъ Батчери Толпаровъ похитилъ односельницу свою Гуасса Баракову. За похитителями погнался вооруженный братъ дѣвицы, Тотрадзъ Бараковъ, который и нагналъ ихъ на 6 верстѣ отъ названнаго аула. Здѣсь между похитителями невѣсты и ея братомъ, произошла перестрѣлка, въ результатъ которой Бараковъ тутъ же былъ убитъ наповаль. За это Толпаровъ приговоромъ Владикавказскаго окружнаго суда былъ приговоренъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, гдѣ и умеръ; кромѣ того, его родственники уплатили Бараковымъ 1800 руб. кровной платы и за обезпеченіе дѣвицы, такъ какъ Толпаровъ похитилъ ее помимо ея воли, 300 рублей.

№ 7. Прелюбодѣяніе и пораненіе. 30 марта 1865 г. житель аула Владикавказъ Тего Цараховъ возвратился домой изъ поѣздки. Не заставъ жены дома, онъ пошелъ отыскивать ее и нашелъ въ домѣ сосѣда своего Левана Замоева, котораго онъ и раньше подозрѣвалъ въ преступной свя-

зи со своей женой. Въ пылу раздраженія Цараховъ нанесъ Замоеву двѣ неопасныя раны и отправился домой, но за нимъ бросился братъ раненаго Левана, Николозь; Цараховъ во-время успѣлъ схватить свое ружье и нанесъ имъ Николозу рану въ лѣвую руку. Когда народный судъ при словесномъ разборѣ освѣдомился объ объективномъ положеніи дѣла, то постановилъ: 1) такъ какъ по вародному обычаю мужъ, заподозрившій основательно кого-либо въ нарушеніи своей семейной жизни имѣеть право не только поранить, но и убить преступника, 2) и такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ оскорбленный мужъ не долженъ и не смѣеть брать отъ осквернителя семейной жизни удовлетворенія деньгами, ибо брать подобное удовлетвореніе считается въ родѣ позорнымъ, то ни Цараховы отъ братьевъ Зимоевыхъ ни послѣдніе отъ Царахова за нанесеніе имъ ранъ не должны требовать удовлетворенія. Дѣло тѣмъ и покончено.

№ 8. Убийство въ состояніи необходимой обороны.
Въ 1890 г., въ іюнь мѣсяцъ, житель аула Джими, Савкудзь Бекузаровъ черезъ аулъ Уналь возвращался съ плоскости домой. Вблизи послѣдняго аула жители онаго — Индрись и Инусъ Габановы (братья) косили сѣно. Увидѣвъ Бекузарова, съ фамиліей котораго имѣли старую вражду, они, ставъ поперекъ дороги, схватили Бекузарова, повалили на землю и начали бить. Тотъ просилъ ихъ отпустить его, но они не внимали его просьбѣ. Улучивъ минуту, Бекузаровъ выхватилъ кинжалъ и одному за другимъ нанесъ Габановымъ смертельныя раны, отчего они тутъ же скончались. По приговору Владикавказскаго окружнаго суда, Бекузаровъ былъ сосланъ на 4 года въ каторгу, а родственники его по рѣшенію народнаго суда уплатили родственникамъ Габановыхъ 4,000 руб. за двѣ крови. Бекузаровъ умеръ на каторгѣ.

1350

№ 9. *Кровомищеніе цѣлымъ родомъ.* Въ 1905 году житель аула Назгинъ Евджинъ Басіевъ, ѣхавшій по Военно-Осетинской дорогѣ, нечаянно задѣлъ лошадь жителя селенія Бизъ, Индрисъ Бутаева. На мѣстѣ пзъ-за этого произошла между ними драка, во время которой Басіевъ нанесъ легкую рану кинжаломъ Бутаеву, избившему Басіева палкою. Спустя два мѣсяца послѣ этого Басіевъ проѣзжалъ по той же дорогѣ мимо аула Бизъ. Бутаевы, увидя Басіева, числомъ около ста семидесяти человѣкъ, вышли навстрѣчу Басіеву, съ намѣреніемъ отрубить ему руку за то, что тотъ поранилъ Бутаева въ руку. Первымъ набросился на Басіева Индрисъ, которому онъ всадилъ кинжалъ въ животъ, отчего тотъ скончался тамъ же. Разъяренные Бутаевы одинъ наперерывъ предъ другимъ начали кидаться на Басіева, стрѣлять въ него изъ ружей. Басіевъ, спасаясь отъ нихъ бѣгствомъ, еще успѣлъ убить двоихъ, а засимъ толпа изъ Бутаевыхъ растерзала его на мелкіе куски и разбросала во всѣ стороны. Состоялось примиреніе, въ силу котораго родственники Басіева уплатили родственникамъ убитыхъ имъ Бутаевыхъ двѣ платы за двѣ крови въ размѣрѣ 3,600 руб., а смерть третьяго Бутаева и самаго Басіева была компенсирована.

№ 10. *Кровомищеніе.* Въ 1887 г. житель сел. Хума-лагъ, Барекъ Торчыновъ, въ взаимной дракѣ убилъ кинжаломъ наповаль жителя сел. Ногкау, Дзамболата Есіева. По приговору суда Торчыновъ былъ сосланъ на 12 лѣтъ въ каторгу. Родственники убійцы примирились съ родственниками убитаго и уплатили имъ за кровь 1,200 руб. Отбывъ наказаніе, Торчыновъ черезъ 22 года вернулся на родину. Въ 1909 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Торчыновъ по дѣламъ поѣхалъ въ сел. Ногкау. Здѣсь, увидя Торчынова, нѣкоторые старики дали о томъ знать его кровникамъ Есіевымъ, а именно сыновьямъ убитаго имъ Есіева, которые во время убійства ихъ отца Торчыновымъ были грудными ребенками

и потому хотя должны мстить за кровь отца, но не знали, кто его убійца. Теперь, узнавъ Торчынова, они прослѣдовали за нимъ и на дорогѣ изъ засады произвели въ него рядъ выстрѣловъ изъ берданокъ и тѣмъ убили Торчынова наповаль. По приговору словеснаго суда, Есіевы уплатили родственникамъ Торчынова 800 руб. за кровь.

№ 11. Убійство и кровомщеніе. Въ 1908 году, въ іюлѣ, жители аула Цамадъ-Дзика, Черчесовъ и Дзакго Бицоевъ поссорились за что-то. Черчесовъ однимъ ударомъ кинжала уложилъ Бицоева на мѣстѣ. Видя это, братъ убитаго, Мурту Бицоевъ, захвативъ берданку, направился въ отселокъ Зынцаръ, гдѣ въ это время находился братъ убійцы, Дули Черчесовъ, въ своей лавкѣ. Бицоевъ постучался къ нему въ окно, а тотъ ничего не зная, о происшедшемъ вышелъ къ Бицоеву и предложилъ ему зайти къ нему. Въ это время Бицоевъ пустилъ Черчесову пулю въ грудь. Рана оказалась несмертельною, и Черчесовъ, проболевъ свыше года, поправился. Убійцу Черчесова Владикавказскій окружный судъ приговорилъ въ арестантскія отдѣленія на три года, а брата убитаго Бицоева, Мурту, за покушеніе на жизнь брата убійцы, приговорилъ тоже въ арестантскія отдѣленія на одинъ годъ. Между кровниками состоялось примиреніе, въ силу котораго Черчесовы уплатили Бицоевымъ полную кровную плату въ 1,800 руб.

№ 12. Убійство и кровомщеніе. Въ 1906 году, въ апрѣлѣ, житель аула Назгинъ, идіотъ Поро Агнаевъ, нанесъ камнемъ ушибъ въ голову мальчику Хачаша Купееву за то, что послѣдній дразнилъ его, называя козломъ. Проболевъ около мѣсяца, Купеевъ отъ раны скончался. Когда народъ собрался на похороны послѣдняго, то одинъ изъ старшихъ братьевъ убитаго, Царай Купеевъ, взявъ кинжалъ, направился вечеромъ въ домъ кровниковъ, гдѣ, предварительно устроивъ засаду, подкараулилъ самаго лучшаго во всей фами-

Назгинъ

ліи Агнаевыхъ челоѣка—Цига Агнаева (несмотря на то что у убійцы идіота были отецъ и братья) и навесъ ему кинжаломъ смертельную рану, отчего тогъ на третій же день скончался. По приговору Владив. окружнаго суда Купеевъ былъ приговоренъ въ Харьковскія арестантскія отдѣленія на три года. Между сторонами состоялось примиреніе, по которому Купеевы уплатили полную кровную плату въ 1,400 рублей.

№ 13. Убійство выстрѣломъ изъ заряженнаго ружья. Въ 1907 году, въ августѣ, жители аула Урсдонъ, Алыга Челохсаевъ и Сосламбекъ Дзалаевъ, поѣхали въ лѣсъ за дровами. Снявъ заряженное ружье, Челохсаевъ положилъ его въ повозку на сѣнѣ. Лошадь Челохсаева какъ-то задѣла бурою берданки, отчего раздакъ выстрѣлъ. Пуля попала Дзалаеву въ сердце, отчего онъ тутъ же скончался. Между сторонами состоялось примиреніе, въ силу котораго словесный судъ постановилъ: Челохсаевъ уплачиваетъ родственникамъ убитаго Дзалаева за кровь 1,800 руб. и, кромѣ того, долженъ устроить имъ угощеніе. Рѣшеніе было выполнено.

№ 14. Схватка между аулами. По Алагирскому ущелью, въ долину рѣки Ардонъ, на скатахъ горъ, расположены аулы: Архонъ, Дейкау, Цусъ и Бадъ. Первые два аула происходятъ изъ рода Царадзонъ, а вторые—изъ рода Сидамонъ. Въ 1862 г. царадзонцы увидѣли, что двое сидамонцевъ косятъ на полянѣ, которую они считали своею собственностью. Царадзонцы отправились къ этимъ косарямъ, забрали ихъ сѣно, а также взяли съ собою одного челоѣка изъ сидамонцевъ въ заложники. Въ слѣдующемъ 1863 г., 12-го іюля, на той же полянѣ появилось 70 чел. сидамонцевъ съ тою же цѣлю. Царадзонцы послали къ нимъ 60 челоѣкъ. Между сторонами произошла рукопашная схватка, послѣ которой царадзонцы отступили, захвативъ съ собою двухъ заложниковъ изъ сидамонцевъ, изъ коихъ еще трое оказа-

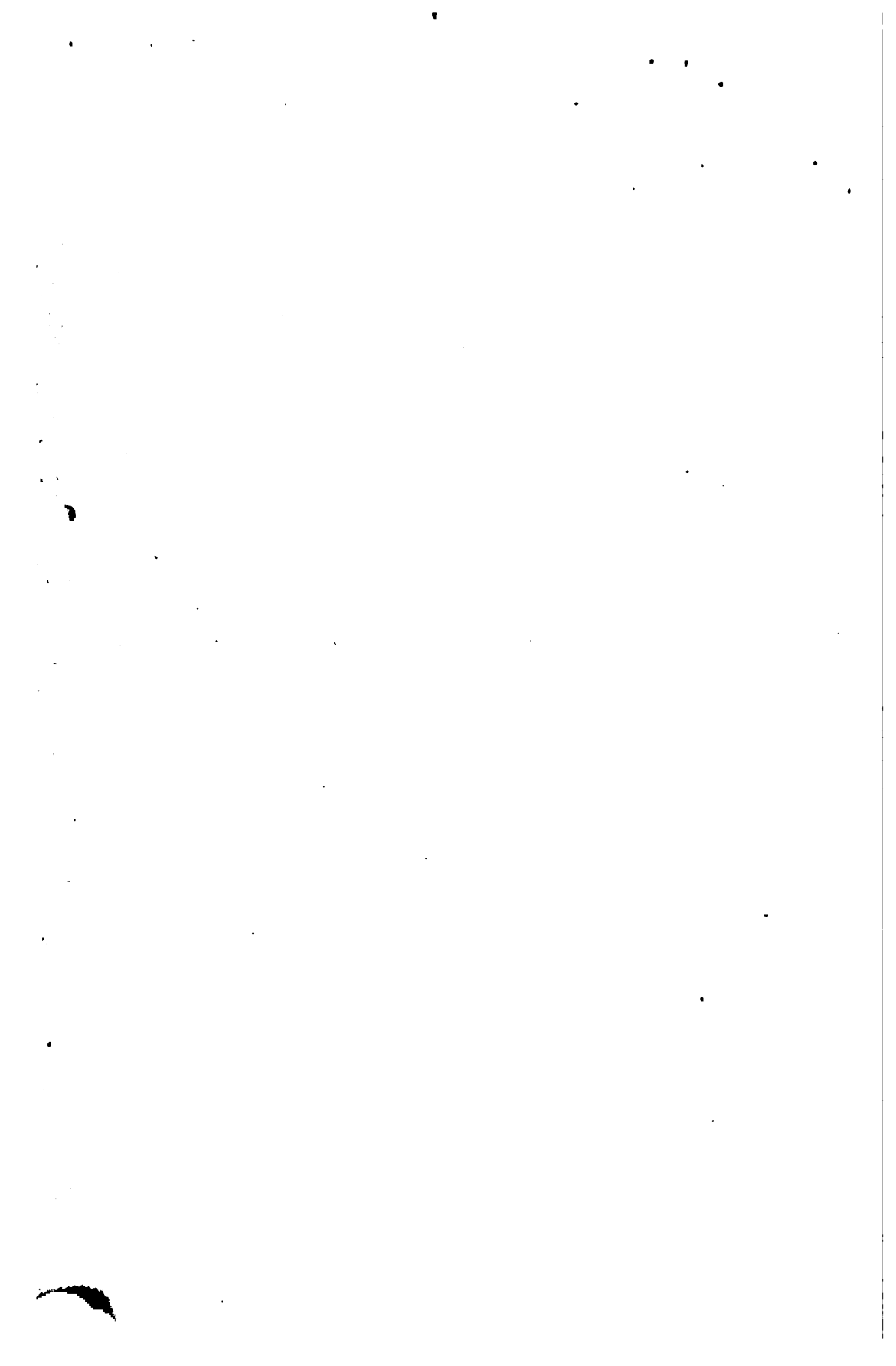
лись тяжело ранеными. На слѣдующій годъ вновь произошла такая же схватка, въ результатъ которой оказались тяжело ранеными 16 человекъ. Народный судъ постановилъ: 1) что касается до спорнаго участка, то двое изъ жителей аула Бадъ, которыхъ выберутъ и назначать сидамонцы, должны присягнуть, что онъ есть собственность аула Бадъ; если же жители аула Бадъ откажутся отъ присяги, то ее должны выполнить сидамонцы; 2) жители аула должны пользоваться лѣсомъ на участкѣ сообща, какъ это было до сихъ поръ; 3) что касается дороги въ лѣсъ, то двое изъ сидамонцевъ, которыхъ выберутъ цардзонцы, должны пойти по тому направленію, по которому они укажутъ подъ присягою; 4) что же касается до раненыхъ, то стороны покончатъ дѣло между собою по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, они должны дать присягу въ томъ, что спорить болѣе не будутъ. Засимъ, такъ какъ обѣ стороны не желаютъ выдать своихъ зачинщиковъ, то дѣло это остается безъ разсмотрѣнія, что и гораздо лучше, такъ какъ выдача зачинщиковъ безъ сомнѣнія повела бы къ дальнѣйшимъ спорамъ и враждѣ между этими аулами.

№ 15. Убийство скопомъ. Въ 1908 г., въ іюль мѣсяцѣ, въ аулѣ Мизурь, житель аула Бизь, Хадзыметъ Дудіевъ хотѣлъ похитить дочь жителя перваго аула, Газа Бугудова. Съ этою цѣлью Дудіевъ, захвативъ съ собою около 20-ти парней, напалъ на домъ дѣвицы Бугуловой. Такъ какъ отца послѣдней не было дома, то дѣвица и мать подняли тревогу, прося о помощи. На крики выбѣжалъ ихъ сосѣдъ Кундзе Елоевъ, который уговаривалъ молодежь не творить насилія. Задѣтые этимъ, парни дали по немъ залпъ и убили Елоева наповалъ. Народный судъ присудилъ со всѣхъ участниковъ похищенія невѣсты кровную плату въ пользу жены и дѣтей Елоева (убитаго) въ размѣръ 2,000 руб., что всѣ участники уплатили пропорціонально.

№ 16. Убийство животнымъ. Въ 1897 году, въ аулѣ Мизурь, мальчикъ Дзако Зангіевъ катался на ешакѣ Дзаххотда Бекузарова, случайно гостившаго въ названномъ аулѣ. Ешакъ повесъ мальчика, сбросилъ его съ горы, отъ чего онъ получилъ ушибы и скоро умеръ. Народный судъ постановилъ взыскать съ владѣльца ешака, Бекузарова въ пользу родителей убитаго мальчика Зангіева плату за кровь въ 1,200 руб.; кромѣ того, Бекузаровъ долженъ былъ дать угощеніе родственникамъ Зангіева.

Отдѣлъ III.

Археологическія путешествія, разысканія и замѣтки.

Кутаисская губернія. Шоропанскій уѣздъ.

У б е ¹⁾.

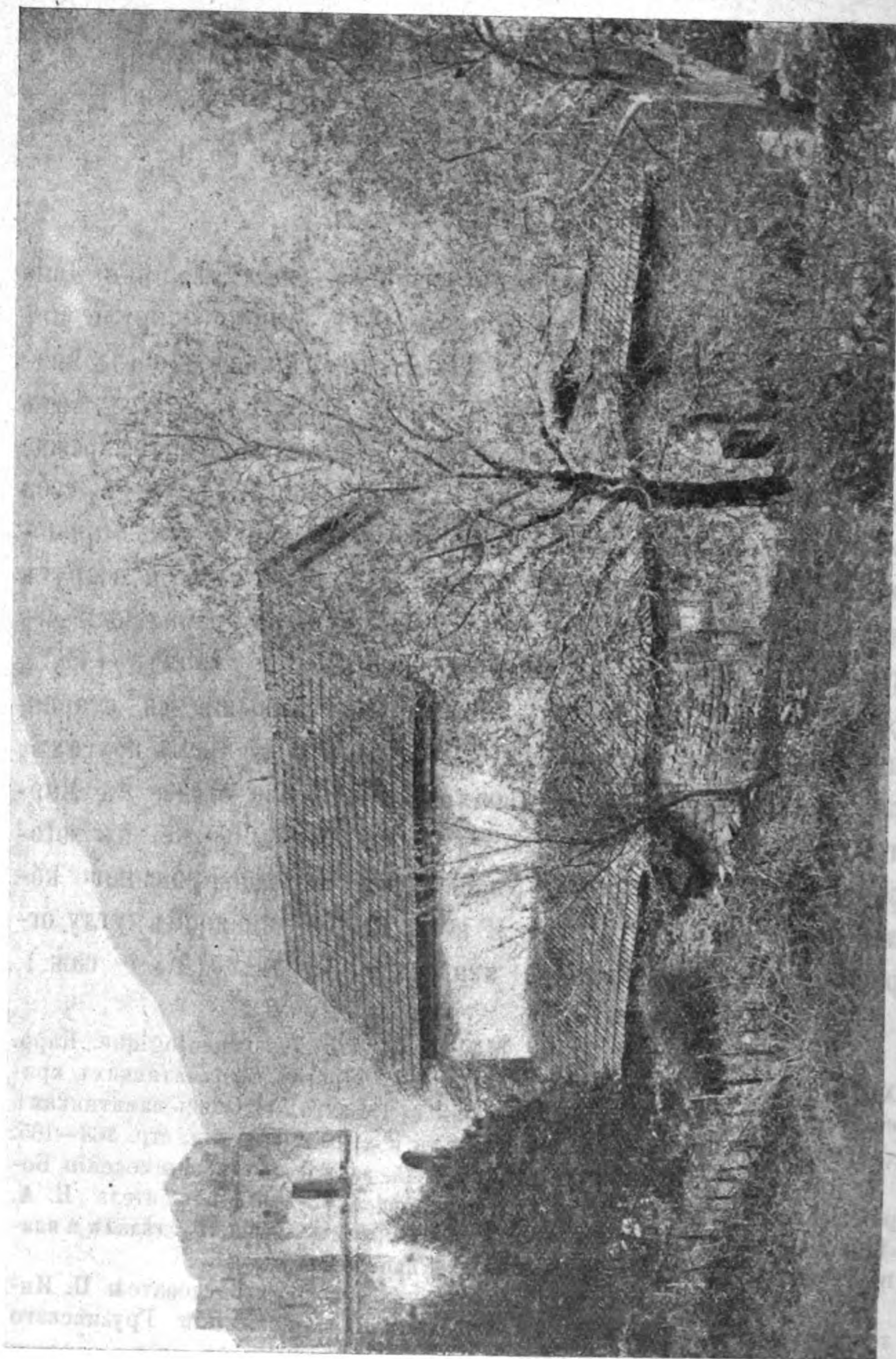
Убе или Убиси большое селеніе въ бассейнѣ рѣки Дзирули въ Имеретин, въ 12 верстахъ отъ станціи Дзирули Закавказской желѣзной дороги. Для мѣстныхъ помѣщиковъ, князей Абашидзевыхъ, убійскій храмъ служилъ и служить усыпальницею. Старый базиличный храмъ въ Убисѣ прежде былъ монастыремъ (см. рис. 1) и сохранилъ вокругъ себя остатки монастырскихъ построекъ. Какъ видно изъ приложеннаго плана построекъ (см. рис. 2), храмъ имѣетъ вокругъ каменную ограду, стѣны которой образуютъ правильный четырехугольникъ, удлиненный съ востока на западъ ($18\frac{1}{2} \times 11\frac{1}{2}$, саж.). Къ востоку отъ храма возвышается старинная, четырехугольная башня ($4 \times 3\frac{2}{3}$, саж.), о трехъ ярусахъ, служившая столпомъ для монаховъ, наподобіе столба въ Мартвили (см. рис. 3). Къ западу отъ храма, ближе къ юго-западному углу ограды, расположена полуразрушенная колокольня ($4\frac{3}{4} \times 3\frac{3}{8}$, саж.), а въ сѣверо-западномъ углу ограды имѣются развалины квадратной формы (4×4 саж.),

¹⁾ Литература предмета: М. Brosse, Voyage archéologique. Carr. XII, p. 98—105. Д. Бакрадзе. Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 150—151. Н. Кондаковъ и Д. Бакрадзе. Опись памятникамъ древности въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и храмахъ Грузин, стр. 163—165.

Я былъ въ Убисѣ весною 1908 года, затѣхавъ туда изъ селенія Бори. Со мною были лингвистъ М. Церетели и фотографъ-любитель Н. А. Лабенскій. Послѣдній, кромѣ фотографическихъ снимковъ, сдѣлалъ и планы построекъ, которые приложены къ настоящей статьѣ.

Въ прошломъ 1913 году ѣздилъ туда молодой исследователь П. Ингорюкка, который доложилъ о своей поѣздкѣ на засѣданіи Грузинскаго общества исторіи и этнографіи.

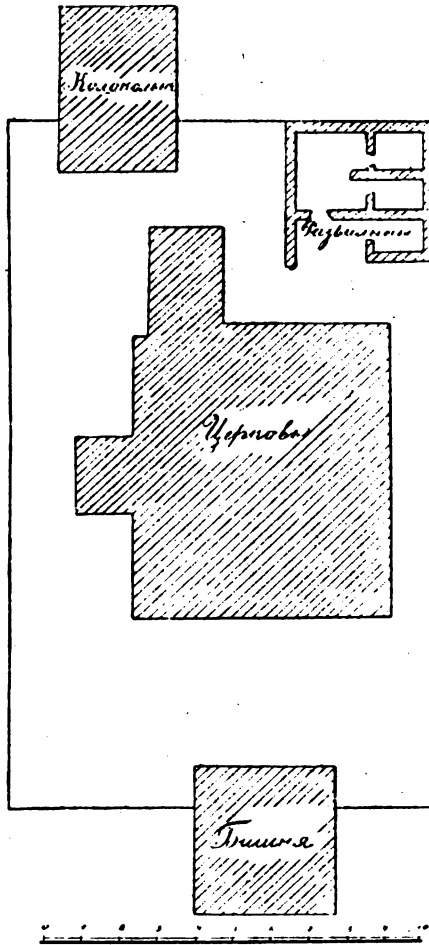

(Рис. 1).

повидимому, остатки трапезной или помѣщенія для настоятеля. Остатки другихъ жилыхъ помѣщеній примыкаютъ къ вѣшнимъ стѣнамъ ограды. Постройки всѣ возведены изъ про-

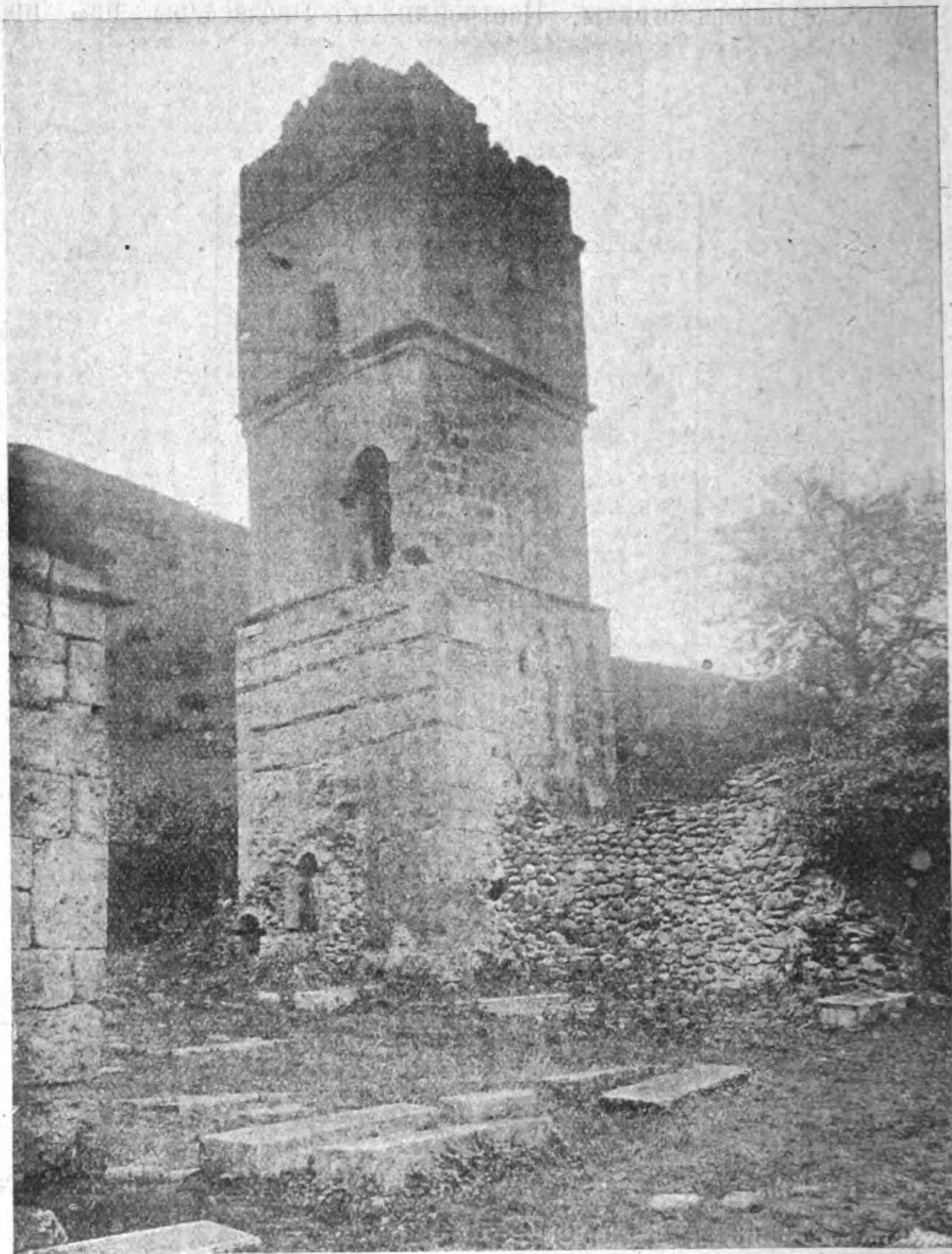
(Рис. 2).

стыхъ камней, но главный храмъ облицованъ снаружи тесаными пористыми камнями.

Храмъ, какъ сказано, базиличный, безъ купола. Главный средній нефъ высоко поднимается надъ боковыми нефами или придѣлами, равно какъ и надъ притворомъ (см.

рис. 4). Послѣдній служитъ женскимъ отдѣленіемъ, гинеемъ (საქსეობა); имѣеть входъ съ запада и сообщается

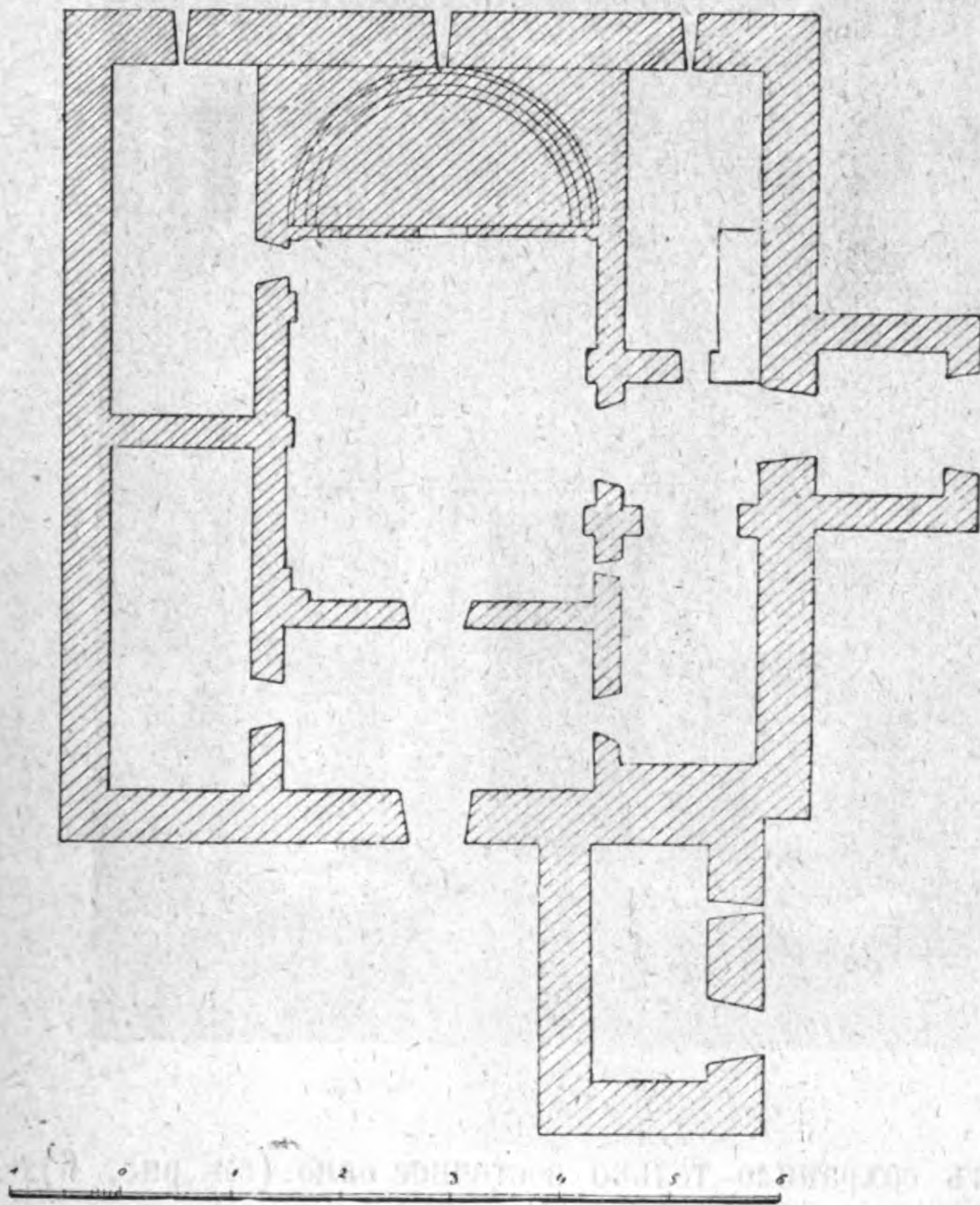

(Рис. 3).

открытыми арками съ главнымъ храмомъ и южнымъ придѣломъ и дверью съ сѣвернымъ придѣломъ. Сѣверный придѣлъ

дѣлится глухою стѣною на двѣ части, восточную и западную; первая имѣетъ входъ только съ главнаго храма, а послѣдняя съ гинекея. Съ юга къ храму примыкаетъ портикъ съ особымъ фронтономъ (см. планъ рис. 4). Съ юго-запада къ храму придѣлана продолговатая комната со входомъ съ юга и съ двумя окнами (5×3 арш.). Это постройка поздняя и служитъ усыпальницею Абашидзевыхъ, какъ о томъ гласитъ

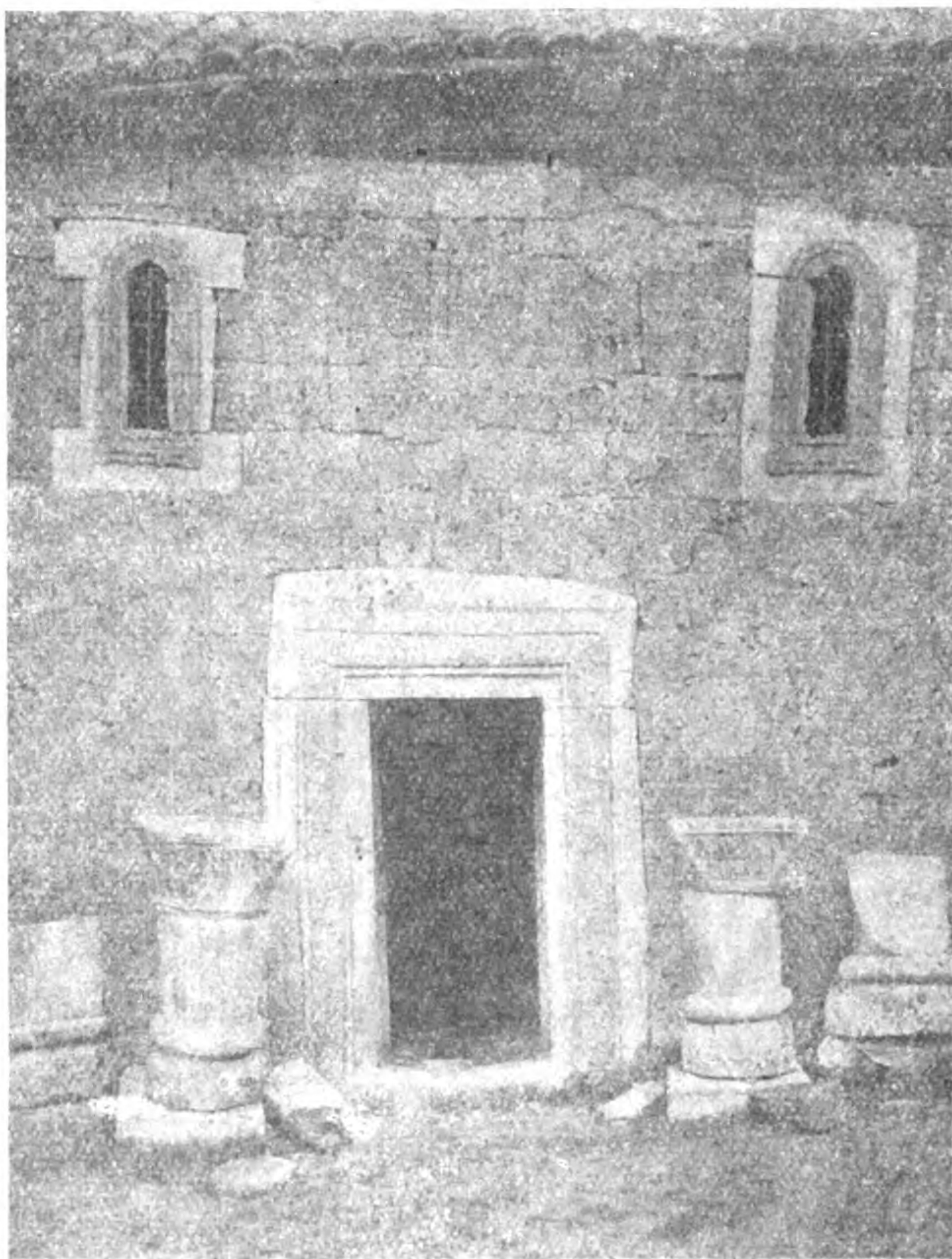

(Рис. 4).

надпись на дверяхъ (рис. 5). Передъ этою постройкою валяются колонки съ рѣзными базами и капителями красивой работы (см. рис. 5). Назначеніе ихъ трудно опредѣлить. Длина церкви 19 аршинъ, 8 вершковъ; ширина 7 ар. 12 верш.;

ширина придѣловъ 3 аршина. Входы имѣются съ юга и запада. Окно четыре, два съ юга, небольшія и узкія, и по одному съ востока и запада, большія. Придѣлы имѣють узкіе просвѣты съ трехъ сторонъ. Треугольный оригинальный

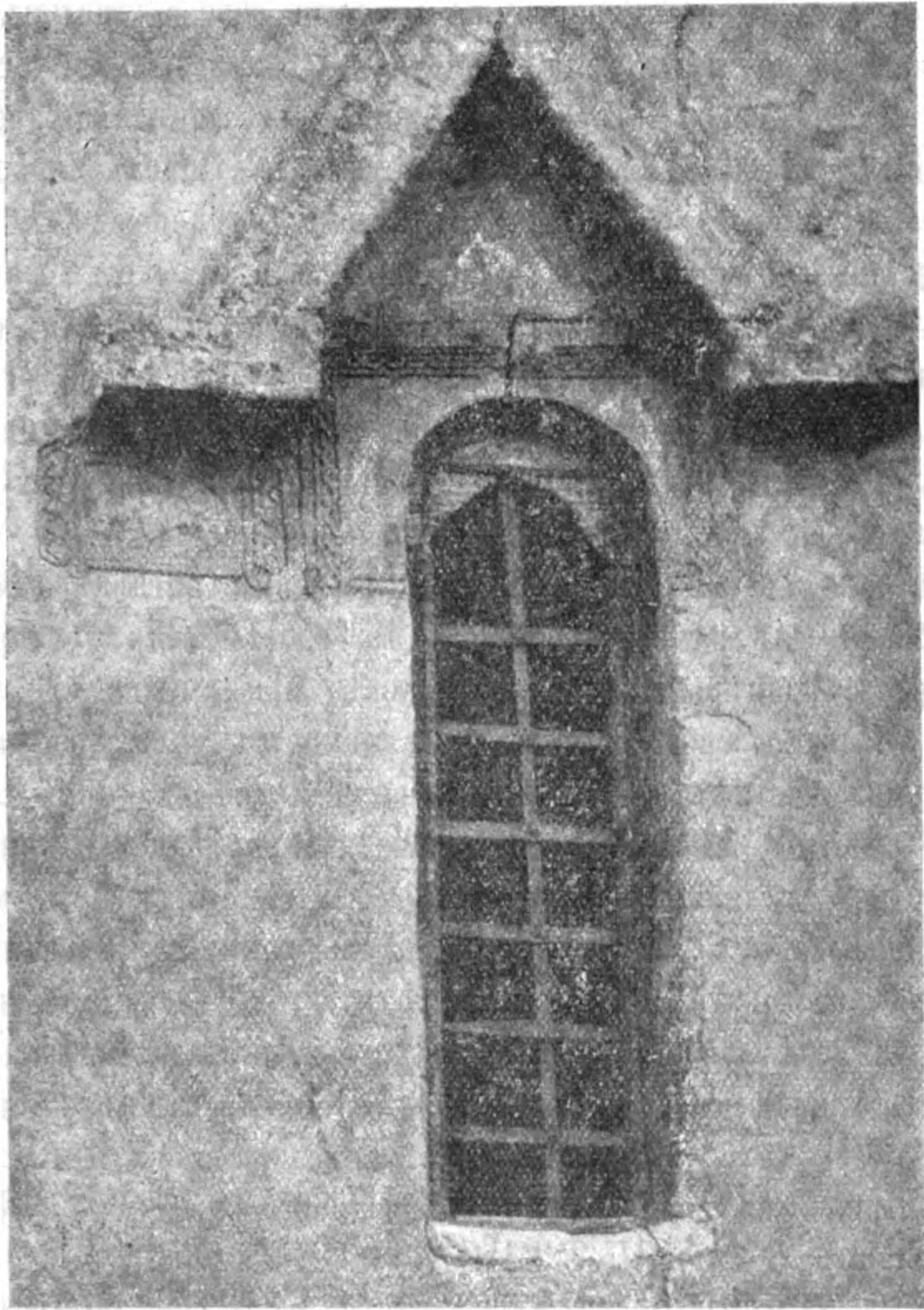

(Рис. 5).

наличникъ сохранило только восточное окно (см. рис. 6); западное окно было такого же мотива, но потомъ оно было передѣлано и попорчено. Крыша въ былое время, вѣроятно, была каменная. Теперь церковь покрыта дранью. Внутри церковь имѣетъ каменный полъ. Солея приподнята надъ поломъ только на два вершка. Двѣ выдающіяся пилл-

стры поддерживают полукруглый сводъ. Иконостасъ каменный, но не современный храму; онъ на высотѣ 2 вершковъ дѣлится шестью колонками съ базами и капителями на пять

(Рис. 6).

пролетовъ, въ которые вставлены образа. Колонки иконостаса украшены рѣзьбою, крайнія винтообразно, а среднія (по сторонамъ царскихъ вратъ) въ видѣ треугольниковъ, верши-

нами внизъ. Иконостасъ вѣнчается сверху деревянною балкою, которая со стороны храма обработана была красками въ видѣ карниза, но краски уже выцвѣли. Надъ этою балкою поставлены вертикально живописные образа числомъ 9, рисованные на отдѣльныхъ дощечкахъ: Божья Матерь; Иисусъ Христосъ; Іоаннъ Креститель; Іоаннъ Богословъ; архангелъ Михаилъ; архангелъ Гавріилъ; апостоль Павелъ; пророкъ Моисей и пророкъ Ілья. Надписи именъ на первыхъ двухъ греческія, на остальныхъ грузинскія хуцурі. Эти образа, какъ увидимъ ниже, заказаны Баблакомъ Ласхишвили, время жизни котораго неизвѣстно, но не должно быть ранѣе XIV—XV вѣка. Въ алтарѣ кругомъ—сидѣнія изъ трехъ ступеней, а въ серединѣ, подъ окномъ, сидѣніе для епископа или настоятеля. По обѣ стороны отъ окна—по небольшой, но глубокой нишѣ. Престоль стоитъ въ серединѣ алтаря на 4-хъ столбахъ. Онъ каменный, такой же работы, какъ алтарная преграда; размѣры 25×18 вершковъ, при высотѣ 21 вер.

Стѣны и своды алтаря и храма, въ особенности въ верхнихъ частяхъ, сохранили старинныя фрески очень хорошей работы, вѣроятно, XII вѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ попорчены, главнымъ образомъ въ нижнихъ частяхъ, гдѣ наблюдаются отчасти и позднія подновленія. Въ зенитѣ алтаря виденъ Христосъ на престолѣ (эта фреска повреждена). Далѣе Божія Матерь съ архангелами. Надъ восточнымъ окномъ Тайная вечеря съ надписью: **ԵՉԺՕՎԷՅ ԿՎ ՔՎԲԿ**.

Ниже указанной фрески попорченная надпись: **ՅՅԻՕ: Բ՝ՅԻՕ: ՅԷ ՅՈՔՅԻՅԻՕ: ԲԿԷԾՕՎԷ: ԻԷ: Ք՝Ի: Յ՝ՅԿԵԵԷ ԲԿՅԷԵԷ: ԵԷԻ(?)... [ԿԲԷՕ]-ԻՎԲ: ՅԻՅՕՎԷ: ՅԷՅԿԷԻԿԻԲԲՎԷ: Ժ՛Ե: ԲԻԷԷԷ ԵԵԿ... Эта надпись испрашиваетъ прощенія для нѣкаго Даміана, вѣроятно, живописца...**

Ниже приобщеніе апостоловъ подъ обими видами. Въ сводѣ

обна по краямъ архангелы Михаилъ и Гавриилъ — **አፕላፕ**:
አፕላፕ: **ላላላፕ**: **አፕላፕ**: Въ нижнемъ ярусѣ первомученикъ
Стефанъ — **ሆላፕ**: **አዕዩኛአዋ** **ፊዩዋዩኛዩዋ**; Василий Вели-
кий — **ዌነዌነ ሂኔነላፕ**; на хартіи его надпись: **አነ-**
ፊፍኛ: **ዮዌፍኛ**: **አዕገነቀሌፍኛ**: **ዌኛ**: **አዕዩኛ**...
Далѣ направо отъ обна Іоаннъ Златоустъ — **ነዩዋ**:
ዕቀቀዕህነታነ; на его хартіи: **በፍዕ**: **በፍዕ**:
ዮዋዩዕ: **ሐዩ ነዋገነፊኛ ሆ**; Кириллъ Александрий-
ский — **ካቀታነዋዋ ኔሂዋቀፊኔዩዌቀነዋላፕ**; на его хартіи:
ዕ: **በፍዕ**: **ዮዋዩዕ**: **ሐላነፊኛ**: **ፊነአዩኛነገዋ**:
ሂኔሂላላፕ... Далѣ святитель, имя котораго не читается,
но на его хартіи написано: **ዕአዋዩሃፊኔዌ**: **ሂዌ**: **ዩአነ-**
ዌነፊኛ: **ሃዋሌፊዌ ካቀቀፍኛ**... Далѣ Іоаннъ Милости-
вый — **ነዕኔዩዋ**: **አዕዩሃላፕ**: на его хартіи: **ዕ**: **በ-**
ፍዕ: **ዮዋዩዕ** **ኔገኔዕላዩዋዋ ሃታነ**. Далѣ св. Романъ
— **ዮኔ ሐዕአኔዩዋ**: Надъ южною дверью представленъ
грузинъ Иларіонъ — **ነሌቀነዕዩዎ ቀቀፍኛላፕ**. Въ другихъ
частяхъ храма различаются еще: Входъ въ Іерусалимъ, Рас-
пятіе, Вознесеніе въ миндалеобразномъ ореолѣ, поддержи-
ваемомъ двумя ангелами; медальонные святые въ поясахъ и
проч. Болѣе подробно я не могъ рассмотретьъ фрески, такъ
какъ во все время моего пребыванія въ Убисѣ шелъ дождь,
въ церкви было темно, да кромѣ того, у меня не было съ
собою бинокля. Плохая погода отразилась и на фотографиче-
скихъ снимкахъ.

На стѣнахъ построекъ и отдѣльныхъ камняхъ въ Уби-
сѣ сохранилось нѣсколько надписей.

1.

Въ южной стѣнѣ башни на значительной высотѣ виденъ
камень съ надписью заглавными хуцури (рис. 7):

1. **ሄ. አዋ ፊዩዩሃላላፕ ኔላፕነፍኛ ኔዩ: ዮነኛ:**
አዕ

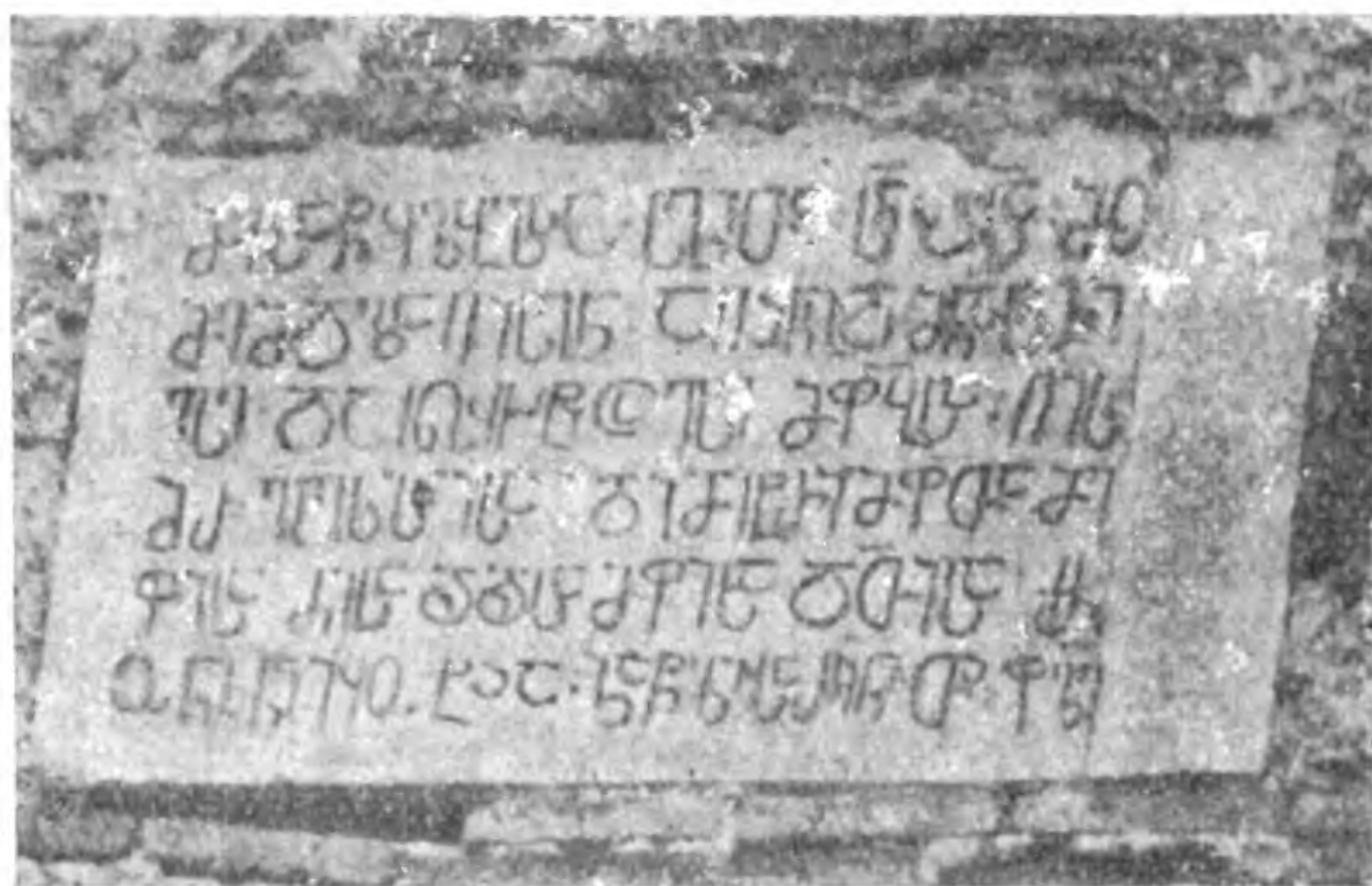
2. **አዋአዌሃላፕ በነላላዩ: ኔበሃዩሃዌ: አዩፊዩዋላነ.**

3. ԿՆԿ: ՅՆ ԵՕՎԻԲԻՆԵՆ ԿՆԿ: ԿՓՎՆԸ:
ՈՂՆԸ

4. ԿՂ ԿՂՎԻԵԻՆԸ: ՅՆԿՆԻՆ ԿՓՒԸ ԿԿ

5. ՓՆԸ: ԿՆԸ ՅՆՅՆԸ ԿՓՆԸ ՅՒԸՆԸ:
ՓՂ

6. ՕՐԿԻՆ ԿԿՕ: ԲՆԸ: ՆԸ ԲՆԿ ԵՆԿԻՐՆ-
ԸՆ: ՓՆՎ.

(Рис. 7).

Եւ սա՛րկաւո՞քէս սղտոտ սղմոն շղոնձո՞քէս մոմքձձա-
լմրտոտսգան ձմքնո՞քձ մոնստղոն յս ձ սղճոն յս մղոնս
լմրտոտ մղոն գղոնոնոնոնոն ձմոնոն մղոնս, ձմոն ձ-
մոն մղոնս ձմոնոն, շղոնոնոն ողոն ձմ, ճղոն շղոն՝ սղոն-
նոնոնոն ողոն.

„Я убогій душою Свимонъ Чкондидели сподобился отъ
Бога построить сей монастырь и столбъ сей въ царствованіе
Богомъ вѣнчаннаго Димитрія, царя царей, сына великаго ца-
ря Давида. Корониконъ былъ 361, лѣтосчисленіе сарацин-
ское 535“:

Корониконъ надписи соотвѣтствуетъ 1141 году; тому же
году соотвѣтствуетъ и 535-ый годъ магометанскаго лѣто-
счисленія, который начался 17 августа 1140 года и кончил-
ся 6 августа 1141 года ¹⁾). Значить, монастырь и столбъ

¹⁾ Brosset. Voyage arch. Rapp. XII, p. 104.

были построены, судя по этой надписи, до 6-го августа 1141-го года.

Упоминаемый надписью царь Димитрій есть Димитрій I, сынъ Давида Возобновителя, царствовавший въ 1125—1155 годахъ. Строитель башни Свимонъ Чкондидели, или Чкондидскій епископъ, жилъ и при Давидѣ Возобновителѣ. Имъ окована и украшена эмалевая икона Спаса въ Гелатѣ ¹⁾.

2.

На западной стѣнѣ башни, въ сѣверо-западномъ углу, надпись заглавными хуцури:

1. ႠႣႠႣႠ: ႠႣ: ႠႠ: ႠႣႠႣႠ:

2. ႠႠႣႠႠႠ: ႠႠႠ ႠႣ ႠႠႠ ႠႠႠႠႠ

მუუუუუ ქრისტე ღმერთა წყალობით მოიკესხე მონად უნი მიქელ (მ)თავარ ეპისკოპოსო (?)

„Господи Христе Боже, милостью помяни раба твоего архіепископа Микеля“.

Въ чтеніи этой надписи сомнѣніе возбуждаетъ слово ႠႠႠႠႠ, которое я гадательно читаю какъ მთავარეპისკოპოსო, — архіепископъ. По настоящему слѣдуетъ читать თავარსო — «Таврази», и тогда послѣднія два слова будутъ означать: „Микеля Тавраза“. Надпись, повидимому, одного времени съ предыдущей надписью.

3.

Надъ входомъ полуразрушенной колокольни буквами заглавнаго хуцури (рис. 8):

Ⴀ: ႠႠ: ႠႣ ႠႠႠႠႠ: ႠႠႠ

ႠႠႠႠႠႠ: ႠႠႠ

ႠႠႠ: ႠႠႠႠႠ:

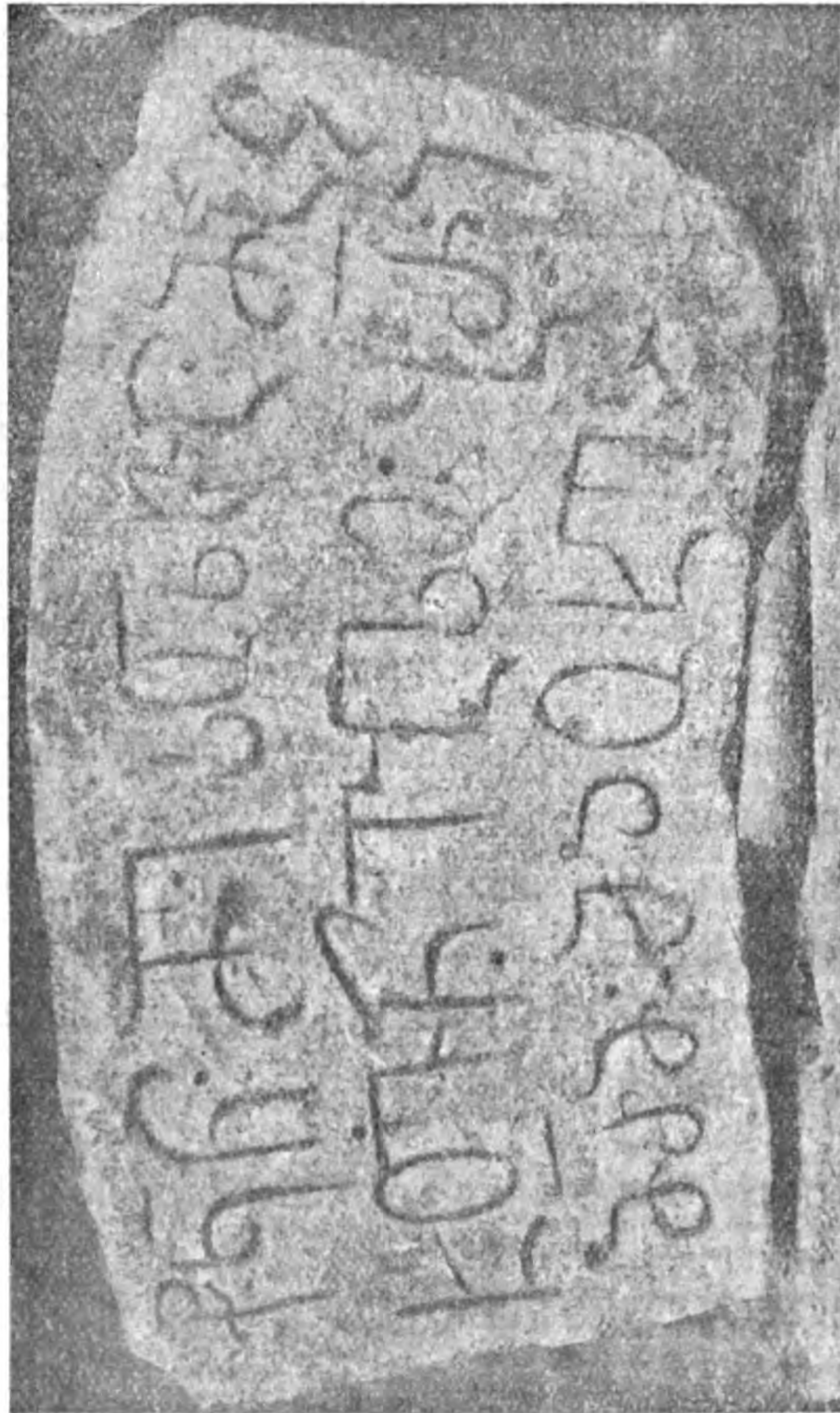
ქ. კარეჯესონ. მე, სულთა მაცხოვრებელ, ბერი მარამბიოსე. Въ словѣ მახე полугласное *ე* употреблено за *ო*.

¹⁾ Кондаковъ. Опись памят. древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, стр. 25—26.

«Кириелейсонъ! Спаситель душъ, будь утѣшителемъ мнѣ, старицѣ Маріамѣ (Марьѣ)».

Броссе при передачѣ этой надписи не понялъ значенія перваго слова и слово $\delta\gamma\omega\varsigma$ передалъ черезъ слово *religieuse*.

(Рис. 8).

4.

На отдѣльномъ гладкомъ камнѣ восточнаго фасада одна строчка заглавнымъ хуцури (рис. 9):

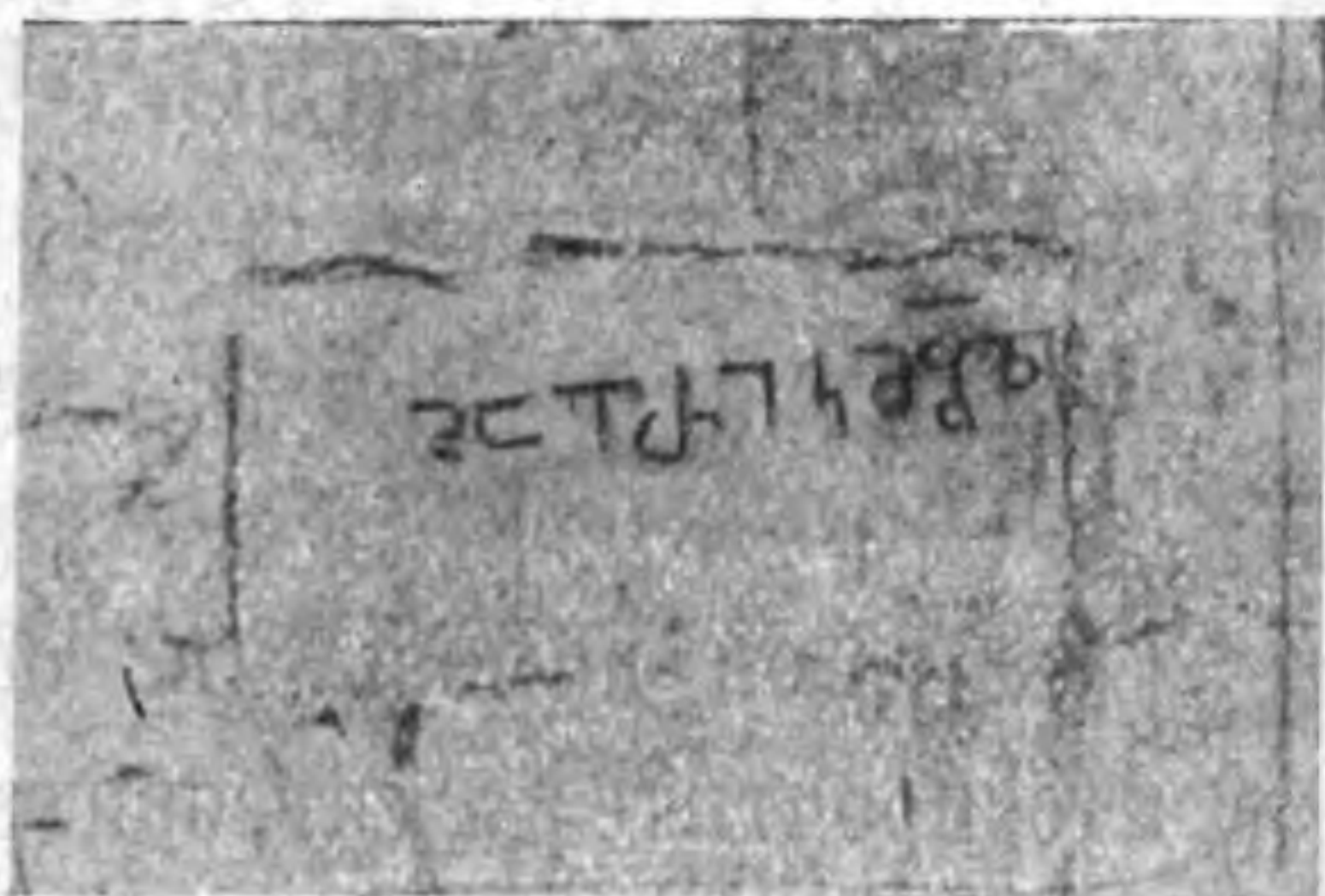

ჰეფტინი: ჰეფტინი

მკობი მკობი

„Маврикъ строитель“.

5.

(Рис. 9).

ჟ ვტტინი: რე მუნი
 მკობი რტინი
 ზტინი მკობი
 რ მკობი მუნი
 ჰე მუნი: მკობი
 რტინი: მკობი მუნი
 მკობი მკობი
 მუნი მკობი მკობი
 მკობი მკობი მკობი

Между этой надписью и наличником восточного окна четырехугольный камень с веревчатою рѣзью по краямъ и съ надписью заглавными буквами хуцури, среди которыхъ попадаются и строчныя буквы (рис. 10).

ჟ. ბეძინის წმიდა გიორგისა
 შემოსწორი (sic).
 კეთილი შემოსწორი
 სტეფანე და მე დღე
 უბოძე წმიდასა სტეფანესი. კ
 ინცა მამასხლისი ბრძანდუ-
 ბოდეთ, გარდოკდოდეთ,
 თუარა ღმერთმან მოგკადოს,

«Стефанъ пожертвовалъ доброе приношеніе святому Георгію греческому, и я опредѣлилъ ему день св. Стефана. Кто будете мамасахлисомъ (настоятелемъ), справляйте ему *агани*: иначе Богъ пусть взыщетъ съ *васъ*, аминь“.

6.

Направо отъ восточного окна, подъ наличникомъ, на цѣльномъ камнѣ съ веревчатою каймою представленъ барельефъ льва или барса незатѣйливой работы съ надписью хуцури, похожею на предыдущую надпись (рис. 11):

მუნი ჰე მკობი რტინი მკობი	ჟსე მე მამსე წინე სამოქელ	„Сіе я пожертво- валъ Самовель“
---------------------------------	---------------------------------	---------------------------------------

7.

Между этою надписью и окномъ:

ԿԵՄ ՔԻՇ ԿԿ ԿՕ-
ԿԿԿԿ ԿԿԿԿ
[ԿԿԿԿ] ԿՕԿԿԿ ԿԿ-
ԿԿԿ

„Сей камень я обрѣлъ,
кто [прочтите], сотворите мо-
литву“.

8.

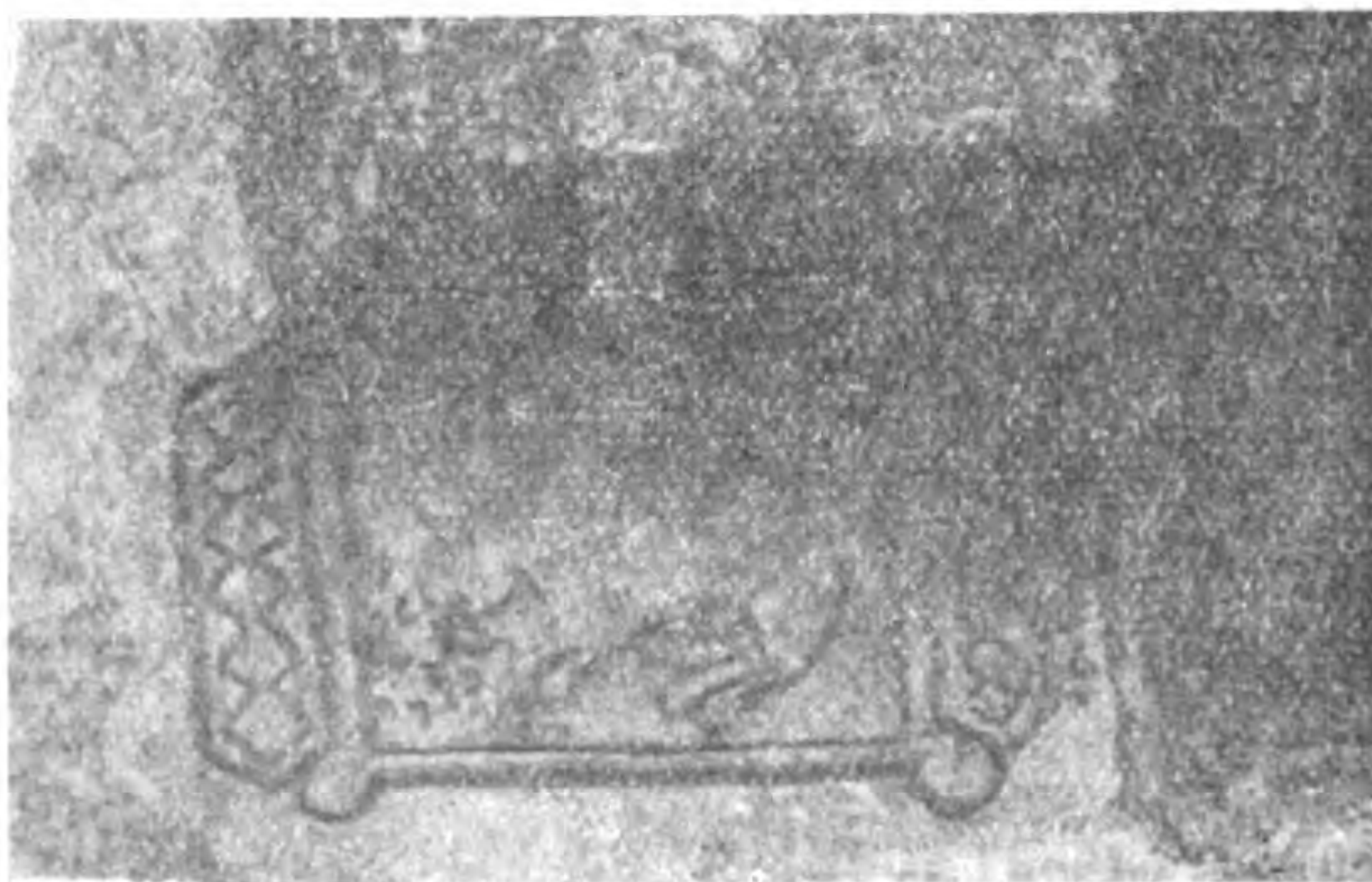
(Рис. 10).

Вокругъ входа въ юго-за-

падный придѣлъ красивая рѣзьба (рис. 5) и надпись за-
главными хуцури. Налѣво:

Բ. ԿԿ. ԵԿԿԿՕԿԿԿԿԿ. ԵՕԿԿԿԿԿ. ԿԿ.
ԿԿ.... ԿԿԿԿԿ. Сверху:

ԵԿԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿԿԿԿ. ԿԿ. ԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿԿ.
ԿԿԿԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿԿ. Направо.

(Рис. 11).

ՕԿԿԿԿԿ. ԿԿԿ ԵՕԿԿԿԿԿ. ԿԿԿ ԿԿԿԿԿ ԿԿԿ
ԿԿԿԿԿԿ ԿԿ. ԿԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿԿԿԿԿ.
ԿԿԿԿԿԿԿԿ. ԿԿԿԿ. ԵԿԿԿԿԿԿԿ.

მე საწყალოდუმან სულთა [ახაში]მემან [ევსტრატო] აღვაშენ(ე) სასაფლავო ჩემთვის და თანა მეცხედრისა ჩემისა ჰატრონისა ნარიალისა. ამას სოფლით ამის მეტი არა წამყვას რა. თქვენის ღვთისათვის, ნურავინ გაკსნით ამას საფლავსა.

„Я убогій душою [Абаши]дзе [Евстратій] построилъ усыпальницу для себя и для супруги моеї патронессы Наріобы. Изъ этого міра, кромѣ сего, ничего меня не сопровождаетъ. Ради вашего Бога, никто пусть не раскрываетъ сей склепъ“.

9.

На стѣнѣ южнаго придѣла на отдѣльномъ камнѣ опракинута надпись заглавными хуцури (рис. 12):

1. R. ႠႦႦႦ-
ႦႦ: ႠႦႦႦႦ:
2. ႠႦႦႦႦႦႦ:
ႦႦႦႦ.

კატრონისა იმედას
შეუხდოსა ღმერთმა.

„Каменщику
Имедѣ да простить
Богъ“.

(Рис. 12).

10.

Надъ притворомъ съ запада прежде былъ камень, который теперь хранится въ южномъ придѣлѣ. На немъ заглавными буквами написано (рис. 13):

ႦႦႦႦ: ႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦ: ႦႦ
ႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦ
: ႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦႦႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦ: ႦႦႦႦ
ႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦႦ: ႦႦ
... ႦႦႦႦ: ႦႦႦႦ: ႦႦႦႦႦႦႦ:

სახელითა ღმერთისათა მე სულთა საყურადუმან ესტატე აღვაშენ-
ჩე საფლავი ჩემისა და მეცხედრისა და ჩემი თქვენის ქრისტეს
სიყურადუმისა, ჩ[უ] შეე]ნით ამას, ძმანო.

„Во имя Бога я, любящий душою Эстате, построилъ усыпальницы брата моего Димитрія и свою. Ради любви вашей къ Христу, в[е прикасай]тесь къ этому, братья!“

Склепы Эстате и Димитрія Абашидзе устроены, пови-

(Рис. 13).

димому, въ сѣверо-западной части гинекея, и надъ ними возвышается подобіе купола съ просвѣтами.

11.

На южной двери храма была надпись красивою вязью заглавными хуцури, но уцѣлѣла только незначительная часть:

В-О, П-О, ზ-ე, В-О, უ-ყ-ყ, ჰ-ყ-ე, ზ-ე
ჰ-ყ-ბ-ბ, ჟ-ფ-ჰ-ნ. . . .

„Святой Боже и святой Георгій, будьте утѣшителями и защитниками“. . .

минаетъ надпись Баблака Лашхишвили. Этотъ образъ тоже пострадалъ. На самой иконѣ представлены: Успеніе, св. Варвара, Еватерина, Оекла и Марина. На створкахъ: архангелы Михайлъ и Гавріилъ, Іоаннъ Богословъ, апостолы Петръ и Павелъ, евангелисты Матѳей и Іоаннъ и св. Николай, всѣ съ надписями хуцури именъ. Другихъ надписей не видно.

7. Образъ Божьей Матери съ младенцемъ, въ 38×30 сант., и съ надписью: **ᲘᲠᲚᲗ ᲠᲚᲗᲗ**. Кругомъ травяной орнаментъ (рис. 14). Сверху поясныя изображенія ангеловъ въ медалионахъ съ надписями:

ᲕᲚᲠᲚ   **ᲘᲠᲚᲗ**   Архангелъ Михайлъ.
ᲕᲠᲚᲗ   **ᲕᲠᲚᲗ**   Архангелъ Гавріилъ.

Внизу надпись въ двѣ строки.

1. **ᲠᲚᲗ: ᲠᲚᲗ: ᲠᲗ ᲕᲠᲚᲗ: ᲕᲠᲚᲗ ᲚᲗ ᲕᲠᲚᲗ.**
ᲚᲗ. ᲠᲚᲗᲗ: ᲕᲠᲗᲗᲗ: ᲠᲚᲗᲗᲗ: ᲘᲠᲚᲗᲗ

2. **ᲕᲠᲚᲗᲗ. ᲚᲗ: ᲕᲠᲗ ᲕᲠᲗᲗᲗᲗᲗᲗ ᲕᲠᲗ:**
ᲠᲚᲗᲗᲗᲗᲗ: ᲕᲗᲚᲗᲗ. ᲠᲚᲗᲗᲗᲗᲗ.

უკუდად წმიდას დებრთის მშობელს, მეობ და მფარველად კქმენ მონსსა შესსა გუდონს სასშობეს და თანა-მეცხედრეს მათს ჩოლოკუაშვილის ასუელსა ეგენეს.

„Пресвятая Богородица, будь ходатайницею и защитницею рабу твоему Гедеону Абашидзе и супругъ ихъ урожденной Чолокашвили Еленѣ“.

8. Серебряный образъ Божьей Матери съ младенцемъ, въ 14×12 сант., изображенія поясныя, грубой работы; украшенъ лалами и бирюзами. На оборотѣ надпись мхედრული (рис. 15):

ქ: მე სულოთა საწუალობელ
შა: სასშობემა: გოორგო: მოკვა:
ჰედინე: ხატო: ესე: უკუ
დად: წმინდისა: ოქრო
თა: ერთი: კანდელო: მო
უკითლელო: ერთი: კ

Рис. 14.

კერცხი: სირაქლეძის: შუ
კსწირუ: წმედას: გი(ორ)გი: უბისა
ს: კინტ: მოშალოს: ჩუძა ცოდო
ს: ნუქბად: გაიკითხვის:
მეორედ: მოსკლას:

„Я, убогий душою Георгій Абашидзе, велѣлъ оковать-
сей образъ Богородицы золотомъ(?). Пожертвовалъ одинъ по-

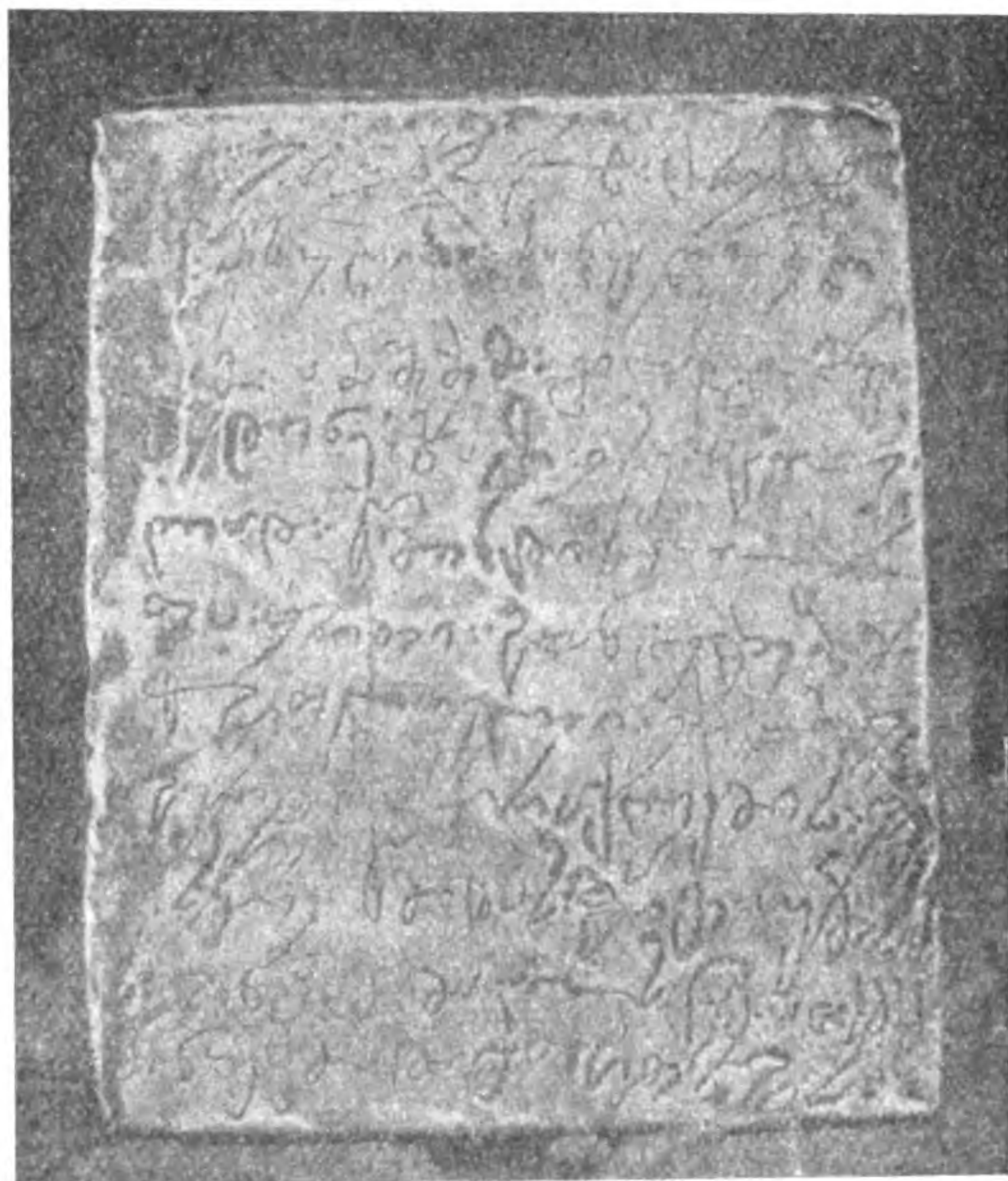

Рис. 15.

золоченный канделябрь и одно страусовое яйцо святому Ге-
оргію Убійскому. Кто измѣнитъ, да будетъ судимъ за мои
грѣхи при второмъ пришествіи“.

9. Образъ-складень Божьей Матери, въ 40×35 сан., со
створками, поздней плохой работы; нижняя часть Богоматери
разрушена.

10. Образъ Божьей Матери сребропозолоченный, болѣе
старой работы, но совершенно разрушенный и испорченный.

11. Икона Божьей Матери разрушенная, чебанная (рис. 16). Она составляет часть складня, отъ котораго сохранилось среднее тѣбло со ставленною въ немъ иконою Бо-

Рис. 16.

жьей Матери. Богоматерь представлена въ ростъ съ младенцемъ, по краямъ надпись МР ΘΥ. Икона украшена пятью камнями; на одномъ изъ нихъ слѣва изображеніе античной фигуры, повидимому, побѣды. Кайма съ травянымъ орнаментомъ сильно пострадала. Сверху на крестѣ Деисусъ съ греческими надписями именъ. По сторонамъ Деисуса архан-

гелы. По бокамъ кіота св. Николай (слѣва) и св. Іоаннъ Златоустъ (справа) съ надписями: **ԲՆ ԲՆ, ԲՆ ԻԲԿ**
ՕՓԺՕՆԻԺԻ. Эти фигуры поясныя. Ниже во весь ростъ св. Василій, **ԲՆ ՎԵՆԻ** (слѣва) и св. Григорій Богословъ (справа) **ԲՆ ՎՎՆԻ ՈՒԲԵ ԶԵՄԵՆԻ**. Въ нижней части кіота сохранились клочки отъ серебряной каймы съ буквами хуцури.

На оборотѣ вставленной въ кіотъ иконы Божьей Матери на серебряной обшивкѣ съ травянымъ орнаментомъ надпись хуцури (рис. 17):

1. **Բ ԵԿԿՆԷ. ՈՒԲԷ. ՍԻԵԲԺԳ. ԵՈՍԾ. ԿԺԲԷ**

2. **ՆԵԷ. ՔԷԲԷ. ԶԿԵԿՅԵԷ. ԻՊԶԻԵԷ. ԲԺՕՎ**

Рис. 17.

3. **ԵՒԵ. ԵԶԻ. ԿԶՆԻ. ԿՕԺԷԺԳ. ՊԺԾԷ. Յ ԶԻԵ**

4. **ԲԻ. ՍՆԻ. ԶԻԲԷ Ն ԲՒԷ. ԷԶՈՆՎ**

5. ԵՆ.: ԷՈՍՆԷ.: ՎՄԻՄՄԻ.: ԿԻԷ.: ԿՄ-
ԿԵ.: ԷՅՂԵ.:

6. ՆՕՄԵ: ՕՎԿԾ.: ՄՈՐԿ.: ՄՕՆԿՄՄՎԿԵ.:
Մ ԿՆ.: ՆՕԻ

7. Ն.: ՆԲԻԵ.: ԲԷ.: ՄՆԻՎԵ.: ԻԿՂԷ.: ՎԺ-
ԿՎԵ ԿՆ ԵԿԵԷ.:

8. ԷՂԵ.:

სახელითა ღმერთისათა შეკისრივ სასლამუდ გურთხუელისა თანა-
მეცხედრისა ჩემისა ნარიობისათჳს სამი კომლი კურამე კრდაი და
მისნი შეიღნი მათითა ზვარნითა(?). ამდლებასა აღაშსა გარდაიხდიდენ.
კინა მოშალას, აწისამე სულსა უჟამოდ დღენი დაუმოკლდების და
მას საუგუნოს სატანასთანა დაისჯების. ნემცა რა ეურკების მას სა-
უგუნოს, ამიან.

«Во имя Бога пожертвовалъ на «агапи» для блаженной супруги моей Наріобы три дыма Курадзе Ердая и ихъ сыновей съ ихъ виноградниками. Въ день Вознесенія да справляютъ «агапи». Кто отмѣнитъ, душѣ его да сокрутятся дни преждевременно, а въ той жизни да будетъ наказанъ на равнѣ съ сатанюю и не будетъ ему никакого успѣха въ той жизни, аминь».

12. Сложный складень Спаса и господскихъ праздниковъ, въ 22×16 сант., плохой работы, съ едва замѣтными тисненіями рисунковъ на серебряныхъ пластинкахъ. Внутри обрза и на створкахъ представлены: Христось на престолѣ съ ангелами, Благовѣщеніе Елисаветъ, входъ въ Іерусалимъ, Вознесеніе, Распятіе, Срѣтеніе, св. Николой, св. Аѳанасій, Рождество, Преображеніе, Крещеніе, св. Григорій, св. Василій, Успеніе, Благовѣщеніе Маріи. Надписи именъ и пѣснопѣнія сверху писавы буквами заглавнаго хуцури. Образъ имветъ шесть створокъ.

13. Складень Спаса, чеканный, въ 38×32,5 сант., попорченъ (рис. 18). На лицевой сторонѣ на дверцахъ представлены: вальво Петръ — ԻՂ ԾԿ; корпусъ разрушенъ; направо

Павелъ—ВѢ УЪЧ. Нижняя часть корпуса разрушена. Надъ каждымъ изъ нихъ поясныя изображенія ангеловъ. Сверху по краямъ арки поясныя изображенія архангеловъ,

Рис. 18.

налѣво—Михаиль—В ѡФЪ ѡЪН, направо Гавріилъ—
В ѡЧЧЪ ѡЪН. По обѣ стороны изображенія Петра над-
пись:

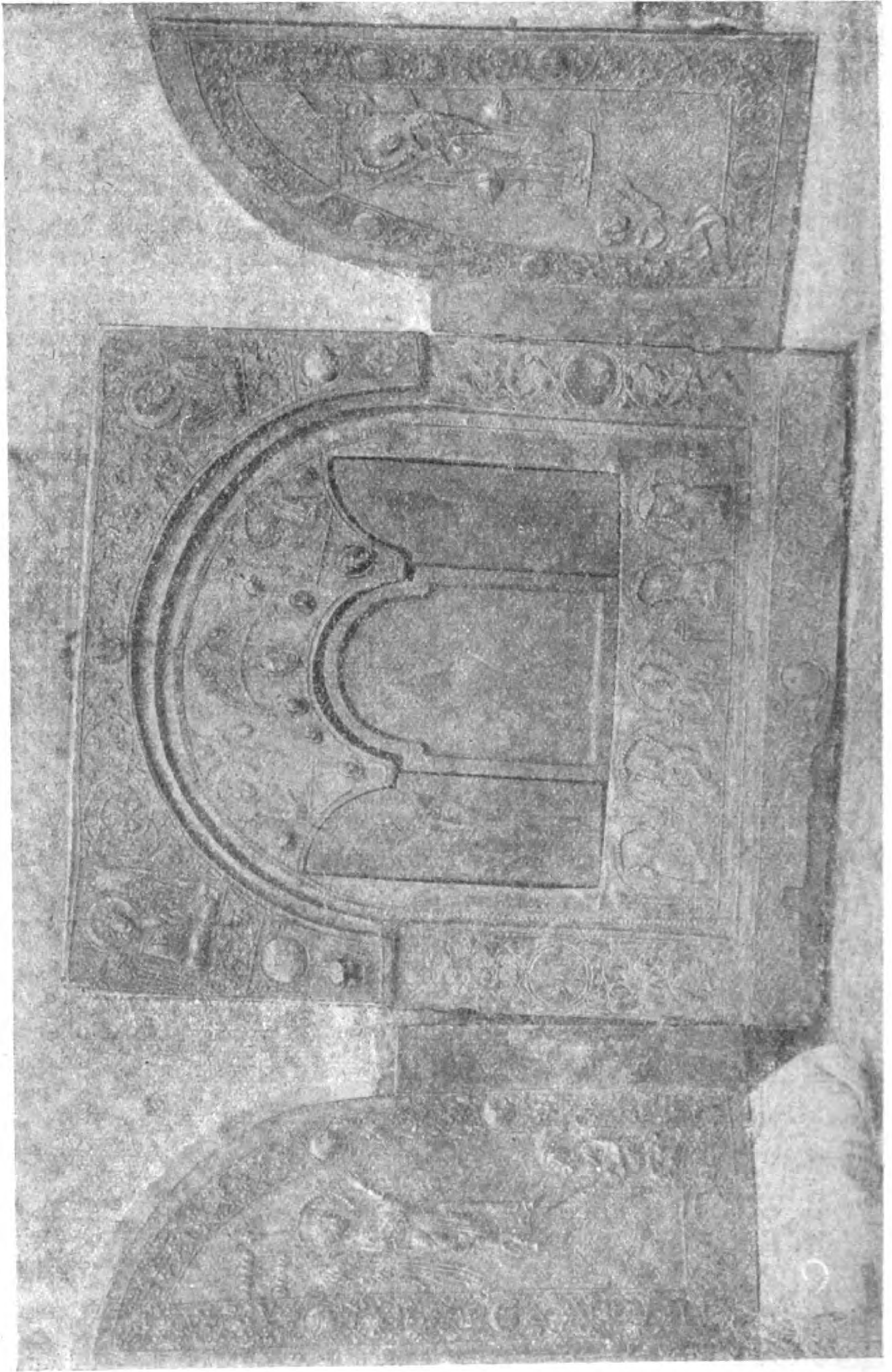

Рис. 19.

<p> ჰყოჲ ჳღ: ჰყოჲ: ყოჲ ჰბოჲოხ: ბოჲღღ: ჳბღღღღ: </p>	<p> მეოხ და მოჲარკელ ეჳმენ[ით] მას სჲუგუნოს სულთა ესტატეს. </p>
---	---

„Великіе архангелы, будьте ходатаями и защитниками въ томъ вѣкѣ душъ Эстате“.

Подъ Богоматерью колѣнопреклоненная Наріоба и надпись:

1. Р ЧѢѢ: К'О: П:	უკლად წმიდა ღვთის
2. ჰყოჲ: ჳღ: ჰყოჲ	[მშობელო] მეოხ და
3. ყოჲ ჰბ ჰყოჲ ჳღ *	მოჲარკელ ეჳმენ მას (მეოხ
4. ოჲოხ: ბღღ: ყჲჲ	და ¹⁾ [ს]უგუნოს სუ-
5. ბ: ჰბოჲღ:	ღითა გლახკეს ნარობს.

„Пресвятая Богородица, будь ходатайницею и защитницею въ той жизни убогой душою Наріобѣ“.

Среднее тѣло внутри содержитъ живописное изображеніе Христа (въ серединѣ) во весь ростъ, съ благословляющею десницею, и апостоловъ Петра и Павла по краямъ. Рисунки очень блѣдны и грубоваты. Сверху надъ ними Деисусъ, причемъ въ серединѣ представлена только голова Христа, а изображенія Богоматери и Іоанна Крестителя поясныя. Внизу пять поясныхъ изображеній. Нимбы святыхъ украшены мелкими жемчужинами. Орнаментъ на образѣ и внутри и снаружи травяной.

14. Образъ Распятія, въ 26,8×20,5 сант. На лицевой сторонѣ представлено Распятіе съ предстоящими во весь ростъ. Сверху два летающихъ ангела. Надъ крестомъ надпись: „**Ἰσθῆ**“ — „Распятіе“. Внизу голова Адама. Изъ прободеннаго ребра сочится кровь въ сосудъ. Края иконы были украшены травянымъ орнаментомъ, но сверху и снизу украшенія не сохранились и удержались только направо и налѣво (рис. 20). На оборотѣ образа надпись заглавными хуцурн (рис. 21):

¹⁾ Эти два слова лишни и, навѣрно, ошибочно повторены.

1. Գ. Բ. ԻԿԻ.: ԵՕՒԵԹԷ.: ԵՆԲԿՆՕՒՎ
2. ԹԷ.: ԷՎԷՍԺԻԳԹԷ.: ՓՆԻՎՆ
3. :. ՅԷ.: ՅՆԻԿԻԺ.: ԷՆԿԿԿԿԻԹ
4. :. ՅԷ.: ԿՕՒԿԵՄԳԾ
5. Թ.: ԷՆԷՆ.: ԳԵ.: ԿԿՆԾ.: ՆՆԸ

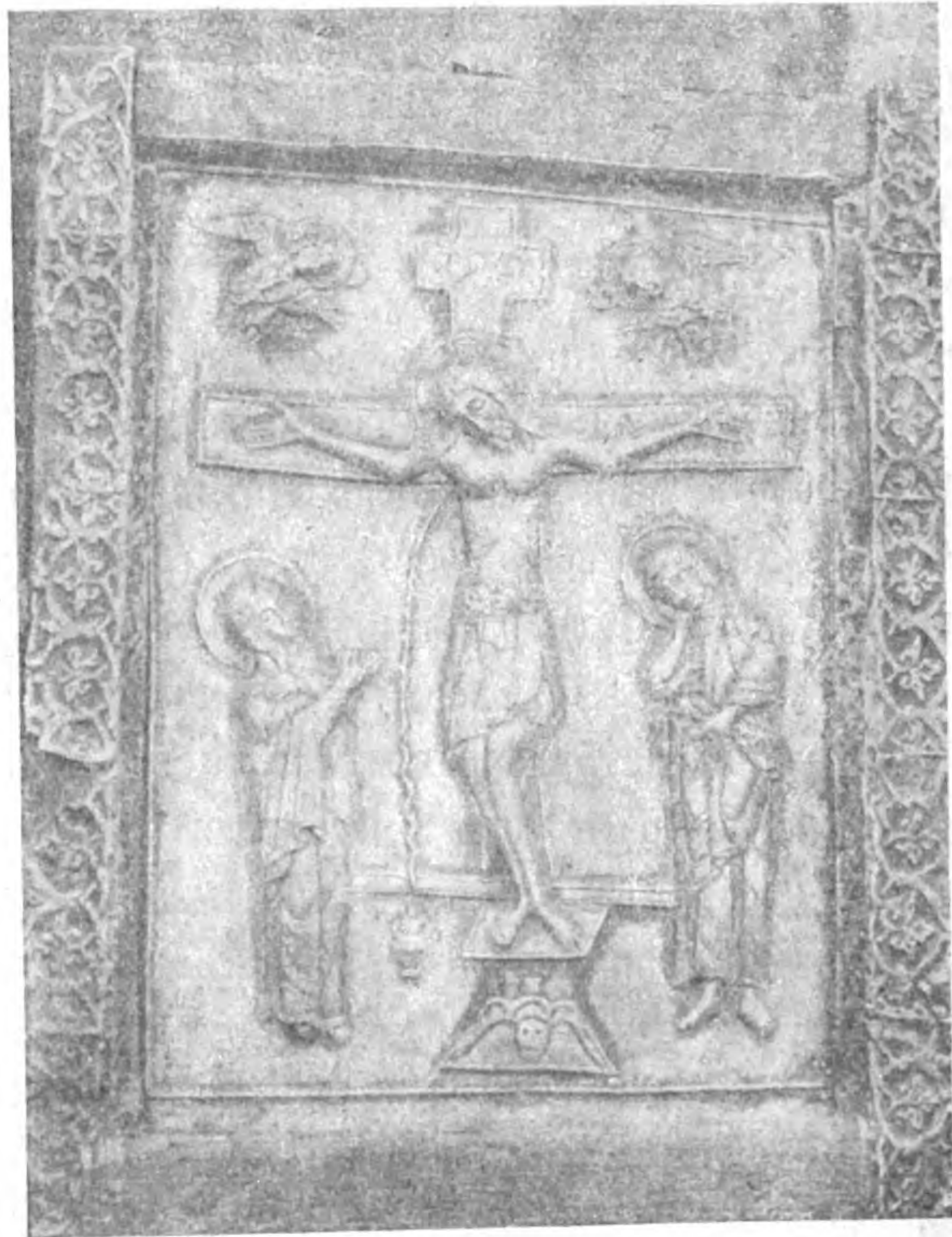

Рис. 20.

6. ԵՆԻՆԵ.: ԽԿԻԺԻԿԻՆԵ.: ԿՆԸ
7. Յ.: ՅԷ.: ԵՆԵԲԿՎՆԾ.: ԵՕՒԵԵ.:
8. ԻԿԻ ԳԵ.:
9. ԿՆԻԵԹԷ.: ՆՆԸՆՕՒԵԲԵԷ.: Է
10. [ԿԷ] ԷՆԵ: ԿՕՒԿԹԷԿԿԿԹ.:
11. [ՅԳԻԿԾՕ.]ՎԷ.: ԿԿԹ.:

ჩვენ სულთა საწყალობელთა აბაშიძეთა ფინეზ და დიმიტრი ხელუკით და მოკვდეთ ხატი ეს ყოვლად ჰატიოსანის ჯვარცმის მიტეკებად და სახსენებლად სულისა ჩვენისათჳს. ვინცა ჰატიოსანსა ამა ხატს მოემთხვიონთ, შენდობა იურვეთ (ილი ითხრვეთ).

Рис. 21.

„Мы, убогіе душою Абашидзеы, Фивезъ и Димитрій, приступили и обовали образъ сей Пречистаго Распятія въ помилованіе и въ поминовеніе души нашей. Кто приложитесь къ чистой сей иконѣ, скажите прости“.

15. Деревянный образъ Распятія рѣзной, грубой работы, въ 25,7 × 16,2 сант. (рис. 22). Сверху представлено Рас-

пяти съ предстоящими и съ надписью заглавными хуцури:
ԻՃԵԻՆԷ. ՓԺԲԳԵԿ. — „Распятіе Христа“. Подъ Рас-
пятиемъ три фигуры, повидимому, Деисусъ и по брямъ
надпись:

1. ԻՃԵԻՆԷՕ, ՓԺԵ
2. ԲԵՕ. ՃԳԷ.

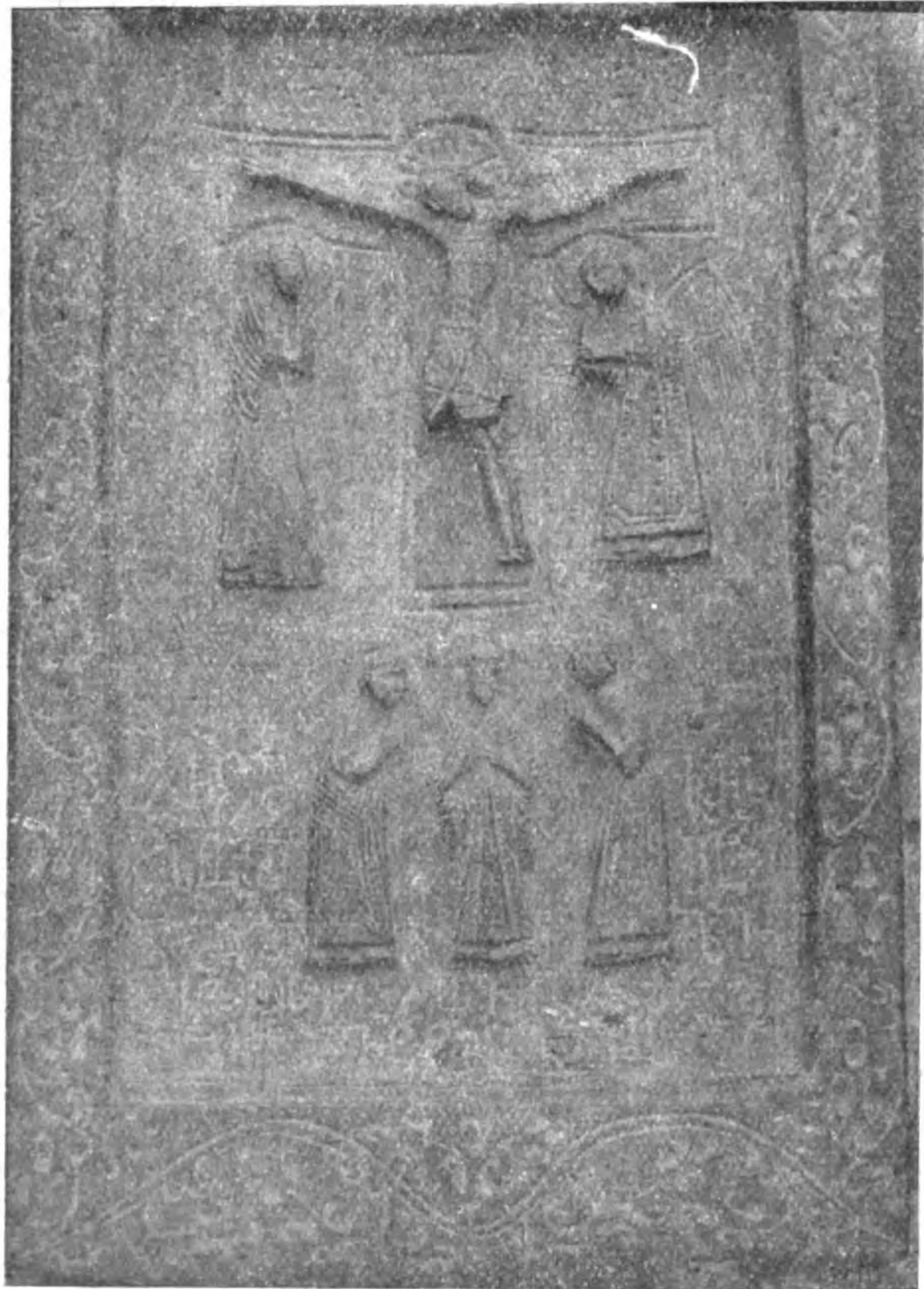

Рис. 22.

3. Յ. ՃԳԳԳԵ: ԳԳ
4. ՃԳԷ. ՕԵԳԳ: ԵՕԳԳԵԵ. ՄԷԷ. ՃԷ
5. [ՃԳՕ]ԵԵ. ԳԳԲԲԵԵ. ԷԵՄԵԵԵ [Է]ՃԷ.

ჟვარცმაო ქრისტესო, მეოხ და მოვარულე კქმენ ორსავე ცხოვრებასა შინა მამკობსა ეკსტატის აბაშიძესა, ამინ.

„Распятіе Христово, будь утѣшителемъ и защитникомъ въ обѣ жизни украсившему тебя Евстаѳію Абашидзе, аминь“.

По краямъ травяной орнаментъ.

16. Крестъ серебряный и на немъ Распятіе съ предстоящими, 29×19 сант., украшенъ лалами и бирюзой. На оборотѣ надпись хуцури:

1. R ႠOႦႠႠႠႠ ႠႦ: ႠႠႠ: ႠႦႠႠႠႠ
2. Ⴀ: ႠႠႠႠႠႠ: ႠOႦႠႠႠ: ႠႦႠႠႠ: ႠႠ:
3. ႠOႦႠႠ: ႠႦႠႠႠႠႠႠႠႠ: ႠႠႠႠႠႠႠ:
4. ႠႠႠႠႠ: ႠႠ ႠႠ: ႠႠႠႠႠႠႠႠႠ ႠႠႠႠႠ
5. ႠႠႠႠ: ႠႠႠႠ: ႠႠႠ: ႠႠႠႠ ႠႠႠႠ ႠႠ
6. ႠႠႠႠ
7. ႠႠႠႠႠ.

მოკვდებიანო ჟვარცი ესე ჟვარცმისა მსახლად (sic) სულისა ჩვენისა მე სულთა საწყალობელმან აბაშიძემან გედეონ და თანა მცხედრემან ჭილაძის ასულმან გულქან. მეოხ მექმენ დღეს მას განკითხვისა.

„Распорядились оковать крестъ сей Распятія въ утѣшеніе души нашей я, убогій душою Абашидзе Гедеонъ, и супруга наша урожденная Чиладзе Гулканъ. Будь утѣшителемъ мнѣ въ день оный Суда“.

17. Большой деревянный предалтарный крестъ, въ 145×87 сант., обитый серебряными пластинками, на которыхъ представлены изображенія святыхъ въ медаліонахъ съ орнаментами, неважной работы.

18. Такой же крестъ, въ 140×65 сант., съ изображеніями Георгія Побѣдоносца и другихъ святыхъ.

19. Такой же крестъ, въ 83×43 сант., со многими медальонными изображеніями и камнями.

20. Двѣ рипиды сребро-позолоченныя, чеканныя, укра-

шены камнями. На одной изъ нихъ съ одной стороны имѣется изображеніе Распятія съ поясными изображеніями предстоящихъ; сверху такія же изображенія ангеловъ; надъ Распятіемъ надпись: **Ϟϣ ϣϣ** — „Иисусъ Христосъ“. Кругомъ надпись заглавными хуцури (рис. 23):

**Ϟϣϣ: ϣϣϣ: Ϟϣϣ: ϣϣϣ: Ϟϣϣ: [ϣϣ].
ϣϣϣ: ϣϣϣ: ϣϣϣ: ϣϣϣ: ϣϣϣ: ϣϣϣ: ϣϣϣ:
ϣϣϣ: ϣϣϣϣϣ: ϣϣϣ: „Святъ, святъ“ и т. д.**

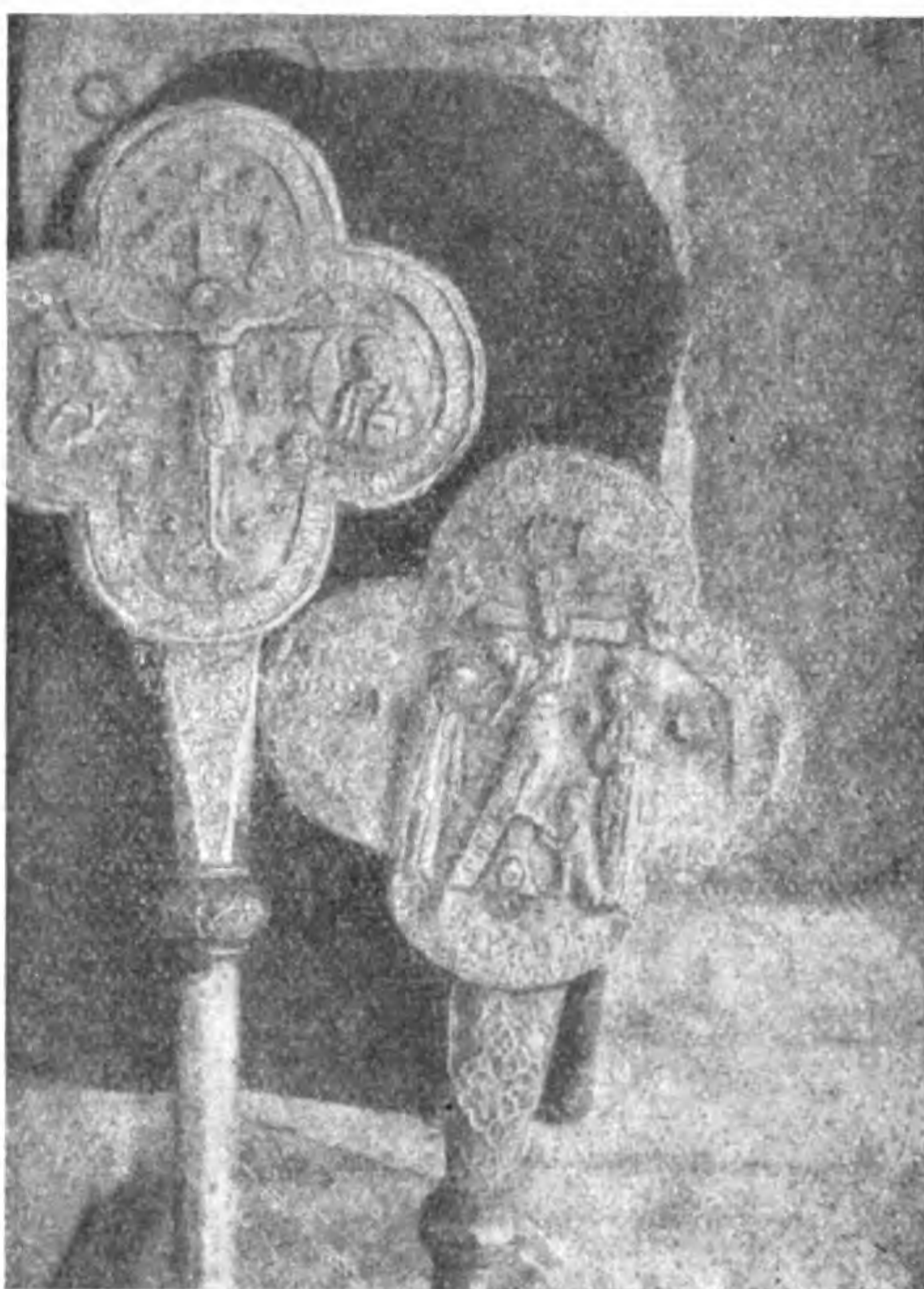

Рис. 23.

На оборотѣ изображеніе херувима и попорченая мѣстами надпись, идентичная съ надписью другой рипиды (рис. 24).

На другой рипидѣ, болѣе грубой, работы, на лицевой сторонѣ представлено снятіе со креста и кругомъ небрасивая надпись заглавными хуцури (рис. 23):

ԲԲՕ: ԵԿԺՕՎՆԻՐՕ: ՄԸ ՓԿԺՎՆԻՐՕ: ՄԸ:
ՕՒԻՆԻՄՕ: ՎՆ¹⁾ ԿԸ: ՄԸ: ԿՓԺԻ: ԿՎ ԻՐՆԸ:
ԲՎ: ԳՆ: ՈՆԸ: ԸՎՄՆ: ԺԿԸ: ՆԶԺՕՐՆԸ:
ԿԻՆԶԺԿՆ: ՄԸ: ԲԸ: ԿԿԸԿԿՄԿ: ԿՕՓՆՆԸ
ԿԲԸ. ԿԸՆԸ: ԻԺՆՕԵ: ՄՈՆԸ: ԿՆ ՄՆՄԸ.

წმიდანնա სერობინნა და ქერობინნა და უძლეველა გიორგი,
მუხს და ძვიარველ ეუკენით წინაშე ქრისტეს ღმრთისა აბაშიძესა ჰატ-
რონსა ეკსტრატის და თანამეცხედრე უოფილსა მათსა კურთხეულსა
ნარობს დღესა მას დიდსა.

Рис. 24.

„Святые серафимы и херувимы и непобѣдимый Георгій, будьте утѣшителями и защитниками предъ Христомъ Богомъ патрону Евстратію Абашидзе и бывшей ихъ супругѣ блаженной Наріобѣ въ день оный великій“.

¹⁾ Въ оригиналѣ ԾՎ

На оборотѣ рипиды изображеніе серафима и кругомъ та же надпись, но болѣе красивыми заглавными хуцурп (рис. 24).

21. Изъ рукописей въ Убисѣ сохранилось только одно евангеліе, писанное на пергаментѣ, малаго формата, въ 13×10 сант. Евангеліе имѣло переплеть старинный, чеканной работы, по лицевая сторона не сохранилась, на оборотной сторонѣ представлено Распятіе съ двумя ангелами (поясными) сверху и съ предстоящими внизу (во весь ростъ); на вѣстѣ надпись **ԻԵՄ ԷՓԵ**—, „Сей есть“. Бока и края переплета изъ филиграни тонкой работы лучшей поры грузинскаго искусства (см. рис. 25). Въ началѣ каждаго евангелія имѣются раскрашенныя заставки. Въ началѣ рукописи помѣщены каноны съ камарами хорошей работы, ихъ всего 8. Въ концѣ имѣется такъ называемое завѣщаніе Георгія Мтацминдели, сличителя грузинскаго евангелія съ греческимъ текстомъ. Оно отличается отъ обычнаго тѣмъ, что сказано: *յև Նահանջն օղջն յօրջլտա, հանդոյ յև Գձօզս օտեօտջօ ան օղ սեղաջ մօտահճմօս...* „Да будетъ это вѣдомо всѣмъ, что сей святой четвероглавъ не вновь я перевелъ“ и т. д. Большинство рукописей даютъ чтеніе: „вновь я перевелъ“.

Изъ другихъ записей рукою текста важны (рис. 26):

դիւի ատըտդիւ Յգրտդիւի լիւրիօտիւրիւ լիւրի
 քիւիւր րտդիւիւր. Կտուր ԿԳՕուր ԿԳԳուր
 Յգ տ դիւ Յգ քիւիւրօ իւրիւրիւ Կտուր րիւիւ.
 ր լիւր Կ դիւ իւրիւ րիւիւ Յու.

«Сей четвероглавъ написанъ въ Цкароставѣ передъ образомъ Спаса рукою Саввы. Камары, заставки и переплеть сдѣланы моею же рукою. Сотворите молитву для меня, ради Бога».

Выше (рис. 26).

իւի րիւ Յգրտ քիւիւ քիւիւ Յգ ՅՅուի յիւիւր
 տիւիւ քիւիւիւ լիւր դիւի ատըտդիւ ՅՅուիւիւ քիւ

Ճըց մուկ: Յէ ծոյրը սհ ծոյ մոյ և քորու բփու Յէ սպժողրի
և բախիսիդու: Ունեմ և հալ յրի Յէ ծրպրոտ բժու-
նէ ծրոյնու և բըբն: յրի ոհ Յոճի ցոսի ծոյնը-
րի բժուկ ցընի[ստոյցընէ] սհ.

„Христе Боже, обладатель всего, и благодать евангели-
стовъ, дай пользоваться этимъ четвероглавомъ отцу-владѣтелю
Георгію Мтбевари и дай твое блаженство въ этой жизни и бо-
лѣе всего въ той жизни. Ради самого Бога, пусть никто изъ

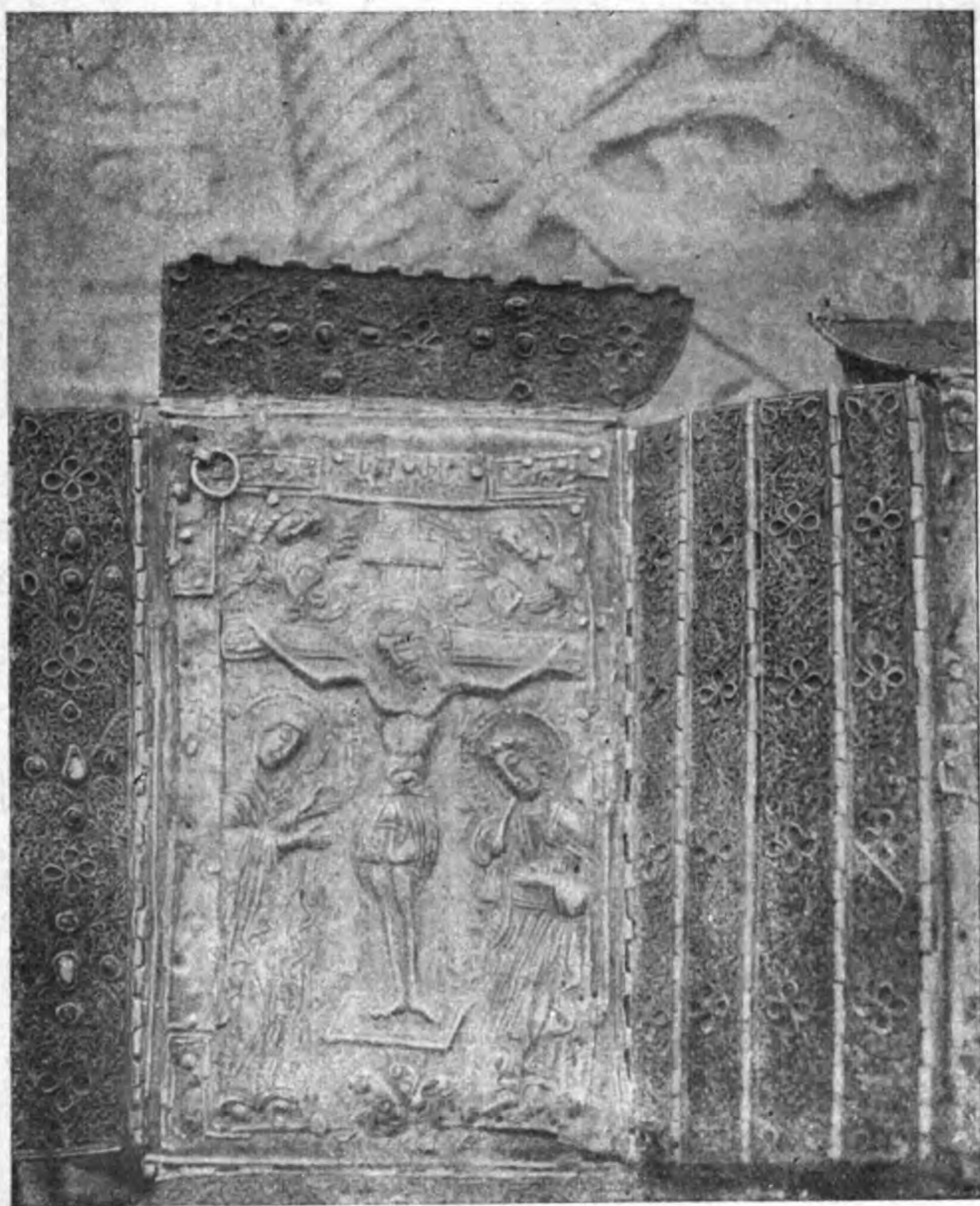

Рис. 25.

васъ не проклиняетъ писца этой книги Савву. Знаеть Богъ,
что много невзгодъ встрѣтилъ я въ исполненіи сего“.

Рукою же текста помѣщено въ концѣ ямбическое сти-

хотвореніе амбкоа писца Саввы въ честь Георгія Мтбевари, которое доказываетъ поэтическій талантъ автора и его виртуозность въ умѣнн пользоваться игрою словъ (рис. 26):

ბობრძნით მპურობულმან უამთამან რა უამს იგი ათასეულთა შუდეგულნი აარკნეს:-

ჭკად ბრძანოს აგარაკი, ლუარძლნი განჩეკვად, მთესუარნი ბისნი შრისხსნებით აარკნეს:

ჩოლო მართალნი აღტაცებად, ღრუბელთა შემთხვევად, მვისჭკენი აარკნეს:-

შაჯდეს საუდართა კითხვად, სცეს მატანე, უწოდოს ღირსთა მარჯუნით ნიჭნი აარკნეს:-

ჩინახ კასსოკე, დავითის მწიკველო გიორგი, თქუჭნებერ სთბონი მათ სანატრელთა შორის შეჭბად აარკნეს:-

Въ приведенномъ ямбическомъ стихотвореніи Георгій Мтбевари названъ служителемъ обѣдни Давида, по всей вѣроятности, царя, но неизвѣстно какого. Рукопись по письму не можетъ быть ранѣе XIII вѣка, а въ XIII вѣкѣ царствовали три Давида: Давидъ IV (1243—1293), Давидъ V (1243—1269) и Давидъ VI (1292—1310).

Другою позднею рукою имѣется въ концѣ такая запись (рис. 26):

ყუიჩუნიძე ბუაშიუჭ უსიჩუნიყუითუ ჩუყუისიძილუ
უჩილთუ ჩუმიძლუ ჩილი ჩინუო ბილი ჳე ძილთუ ბი-
თუო:.

ჩუითთუ ჩუჭ უაჭუითილუ რიჩუბუაშილუ ყა-
იშიატილუ ყუიითილუ უჩილთუ. ყჩი იჩი ჳჩი.

„Во второй разъ переплетено по повелѣнію Георгія Абашидзе (да будетъ благословена память ихъ и ихъ дѣтей) рукою многогрѣшнаго настоятеля Георгія Журулишвили. Его да помилуетъ Богъ, аминь“.

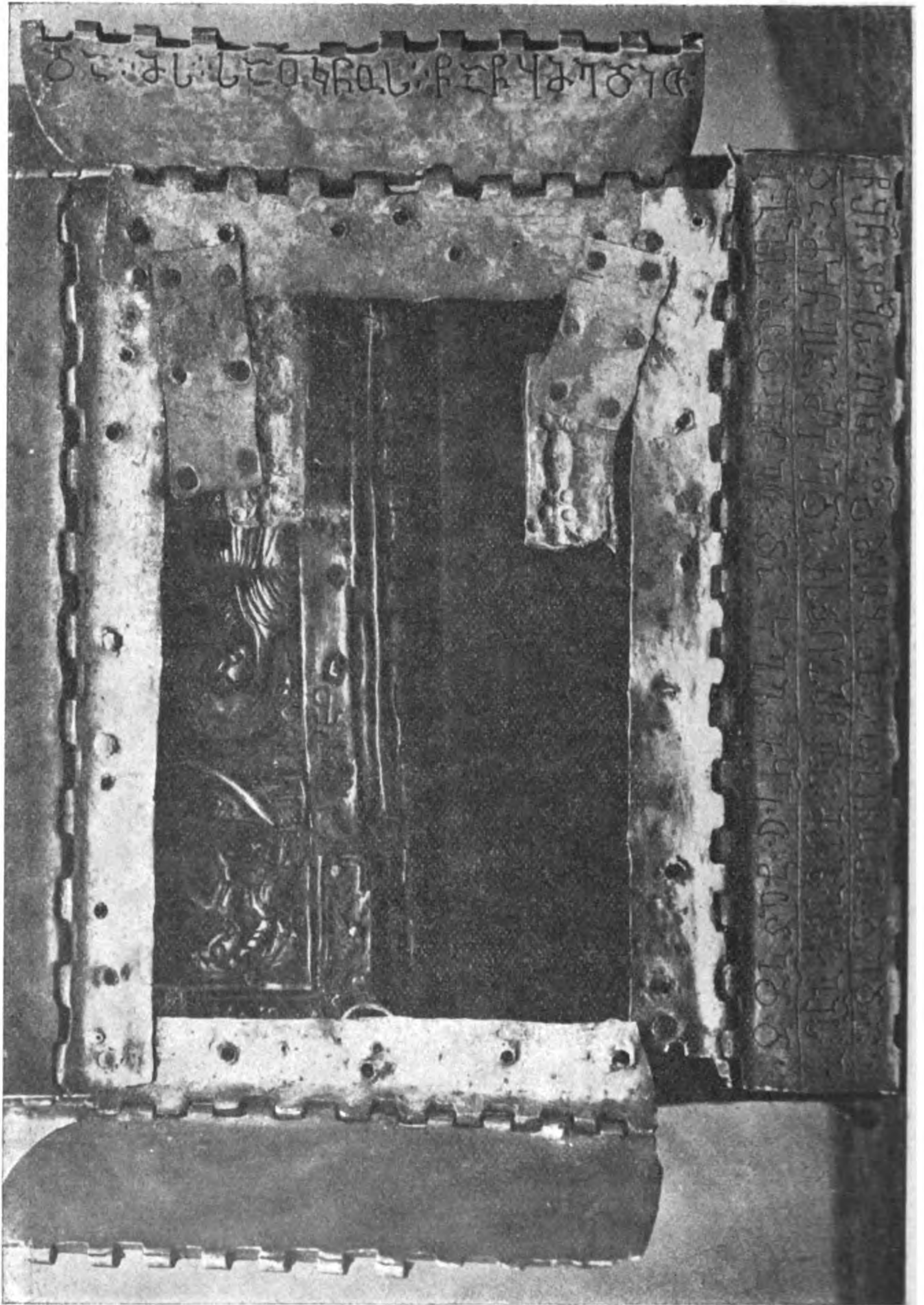
Евангеліе имѣеть серебряный кіотъ и на створкахъ кіота заглавными хуцური имѣется надпись (рис. 27, 28):

Рис. 26.

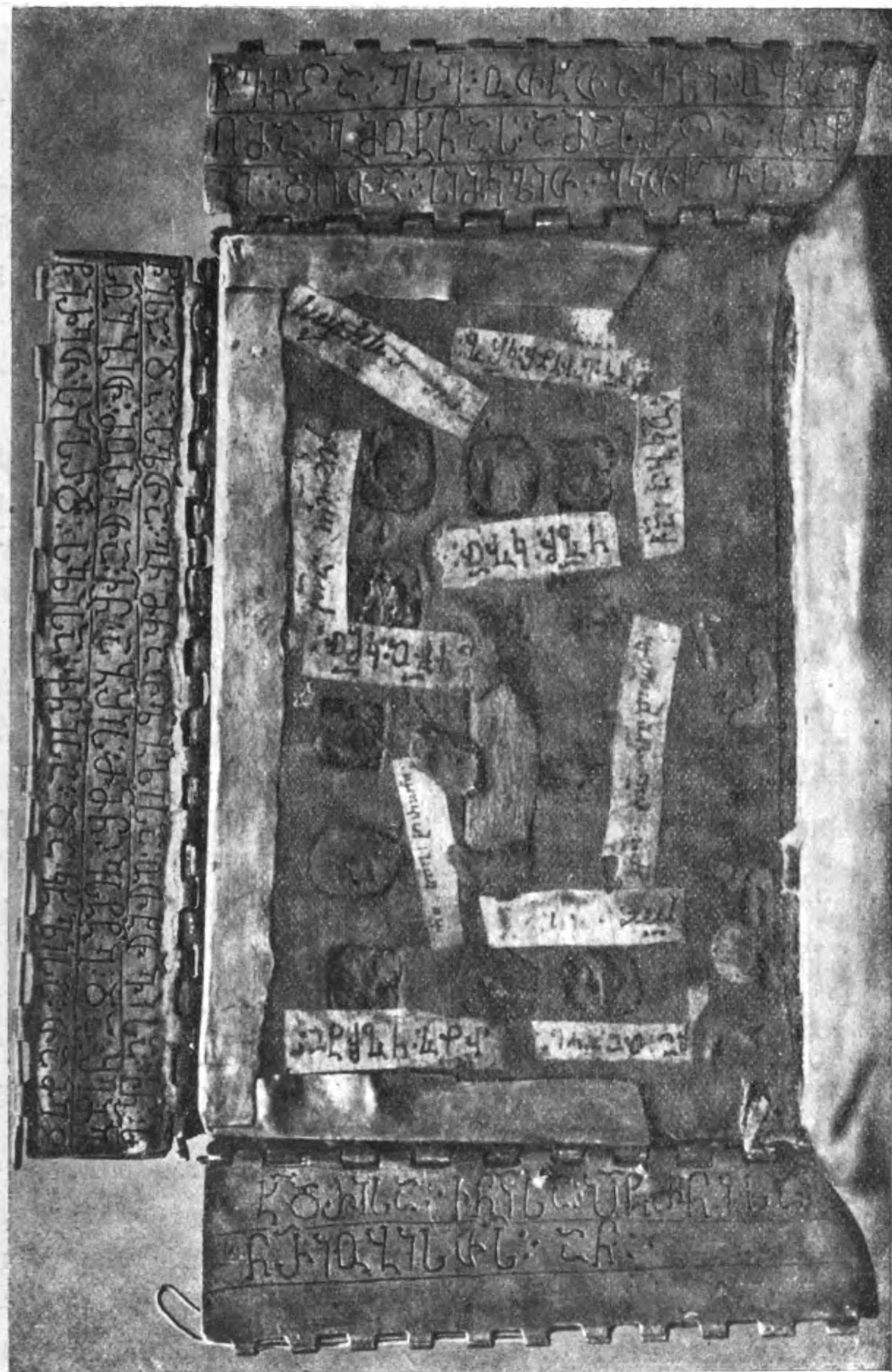

Рис. 28.

„Кто сей четвероглавъ изыметъ изъ Убиси, съ него пусть взыщется сокращеніемъ дней *сего* міра, а въ той жизни—гибелью“.

Кончая съ убисской церковью, мы должны отмѣтить, что всѣ подписи ея, упоминающія лицъ изъ фамиліи Абашидзе, не древнѣе XVII—XVIII вѣковъ.

Икона Спаса Сазанской церкви.

Сазанская церковь находится въ селеніи Сазани Шорпанскаго уѣзда Кутаисской губерніи. Года четыре тому назадъ названная церковь была ограблена. Главная икона унесена, разломана и ободрана. Остатки иконы-складня, среднее тябло, наличникъ надъ тябломъ изъ двухъ кусковъ и четыре створки были найдены полиціею и представлены въ судъ въ качествѣ вещественнаго доказательства. Я видѣлъ эти обломки въ судебной палатѣ въ Тифлисѣ, куда былъ вызванъ въ качествѣ эксперта вмѣстѣ съ Ѳ. Жорданія для опредѣленія стоимости иконы. Съ разрѣшенія суда я сфотографировалъ эти обломки, предварительно расположивъ ихъ, насколько возможно было, въ порядкѣ, чтобы можно было имѣть хоть приблизительное понятіе о цѣльной иконѣ, некогда красивой и богатой. Къ сожалѣнію, послѣднія створки иконы не вышли на фотографіи вслѣдствіе оплошности фотографа. Остальная часть представлена на рис. 29.

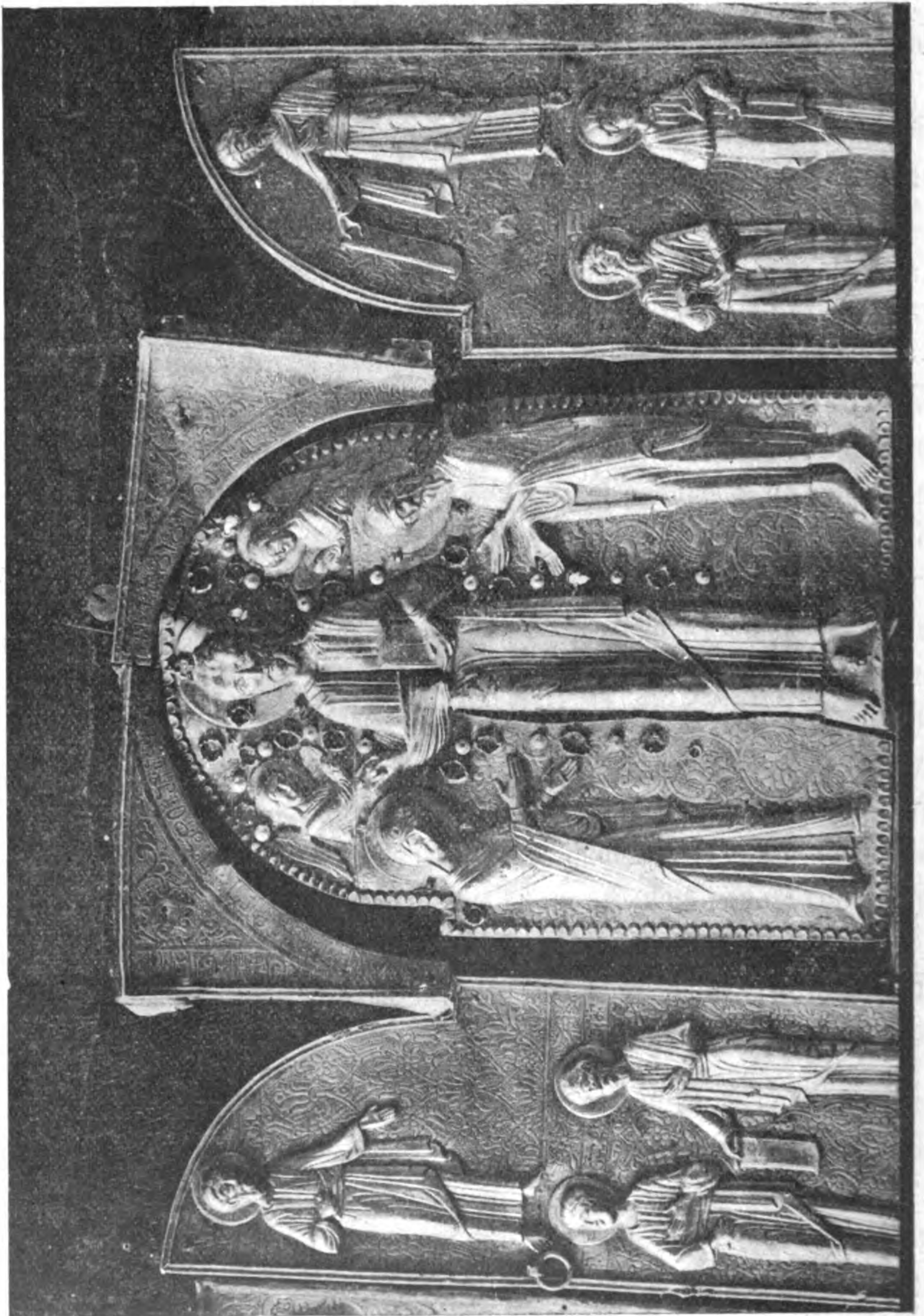

Рис. 29.

Икона-складень средняго размѣра, чебанная, серебро-позолоченная. На среднемъ тѣлѣ представленъ Деисусъ: въ срединѣ Христосъ во весь ростъ; десницею благословляетъ, въ шуйцѣ держитъ евангеліе съ крестомъ на переплетѣ. Сверху надпись хуцури: **ᠬᠤᠰᠢᠰᠢᠰᠢᠰᠢ** — „Спаситель“. По сторонамъ Спасителя Богоматерь и Іоаннъ Предтеча въ молитвенныхъ позахъ, во весь ростъ, съ надписями: **ᠶᠤᠨᠢᠰᠢᠰᠢᠰᠢ** — „Пречистая“; **ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ** — „Іоаннъ Креститель“. Сверху надъ головами послѣднихъ и по обѣ стороны головы Спасителя поясныя изображенія ангеловъ съ надписями на каждомъ: **ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ** — „ангелъ“. Внизу подъ Спасителемъ между ногъ—голова Адама. На створкахъ представлены 12 апостоловъ во весь ростъ, по три на каждой створкѣ, въ такомъ порядкѣ: на большей створкѣ съ права отъ зрителя сверху: апостоль Андрей съ хартіею и надписью: **ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, внизу Варѳоломей и Филиппъ—**ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, **ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**. На лѣвой большой сторонѣ: сверху Яковъ—**ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, внизу Ѳома и Свимонъ—**ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, **ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, послѣдній съ хартіею. На лѣвой малой створкѣ сверху Петръ—**ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, ниже Маркъ и Матѳей—**ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, **ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ** съ евангеліями. На правой малой створкѣ сверху Павелъ—**ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, внизу Іоаннъ и Лука—**ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**, **ᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢᠶᠤᠨᠢ**. Среднее тѣло и створки украшены красивыми разводами. Драгоценныя камни, украшавшіе среднее тѣло, выкрадены. Сохранились только мелкія жемчужины.

Надъ наличникомъ Деисуса и подъ нимъ тянется надпись заглавными хуцури (рис. 30):

Рис. 30.

Կ.: Կ՛Կ.: ԷՅԻՅԿ.: Օ՛ԺԿ.: ՄԻՆ Ե՛ՎԷ.:
ԶԶԿ՛ՎԻ.: Ծ.: ԶՅԻՅ՛ՎԻ.: Մ՛Ի.: ԿՆԵՐԵՆԵԿ՛Կ.

Бодорна¹⁾.

Бодорнская церковь Рождества Богородицы находится на

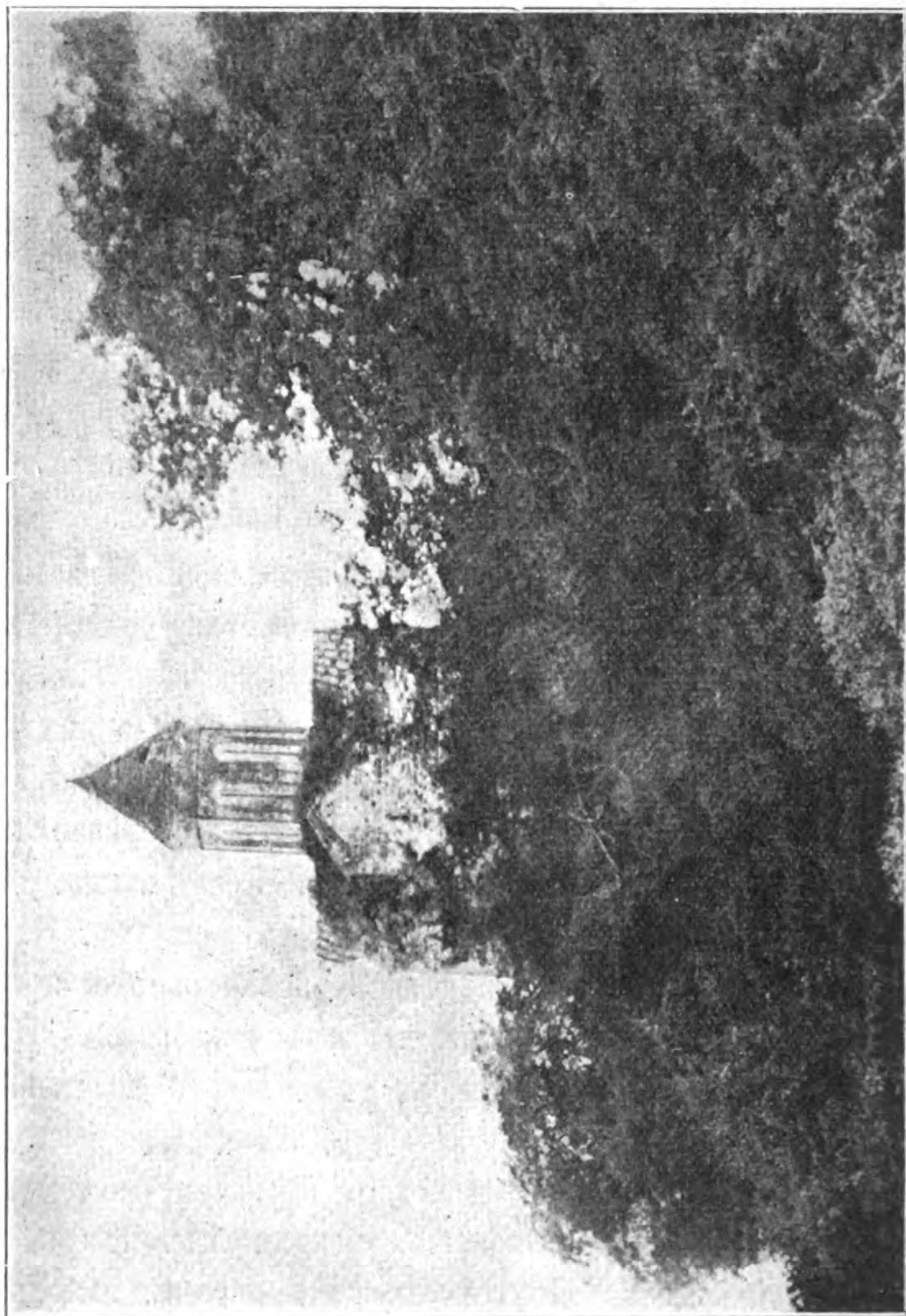

Рис. 31.

¹⁾ Литературу предмета см. у Бакрадзе: „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 41—42“. Въ „Матеріалахъ по археологіи Кавказа“ вып. VII, стр. 60—61 имѣется еще замѣтка А. Хаханова, въ которой приводится только одна надпись надъ входомъ да и то наполовину съ пропусками. Остальныя надписи и образа въ литературѣ не извѣстны.

правомъ берегу р. Арагвы, въ 9 верстахъ отъ Душета, при деревнѣ того же имени (см. рис. 31). Высокій и крутой берегъ Арагвы слегка выпланированъ для церкви и ея двора. Церковь небольшого размѣра, но съ куполомъ и четырьмя фронтонами (см. планъ, рис. 32); построена изъ гольшей и кирпича, имѣетъ съ юга небольшой придѣлъ поздняго дѣла. Куполъ цѣликомъ изъ кирпича, перестроенъ при возобновеніи и довольно высокъ сравнительно съ небольшими размѣрами церкви (см. рис. 33). Дверь одна съ юга; окна небольшія, по одному въ каждомъ фронтонѣ. Крыша церкви изъ черепицы, а купола изъ кирпичей, поставленныхъ въ тычку. Надъ южнымъ

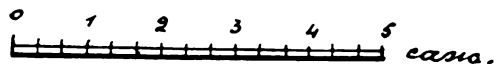
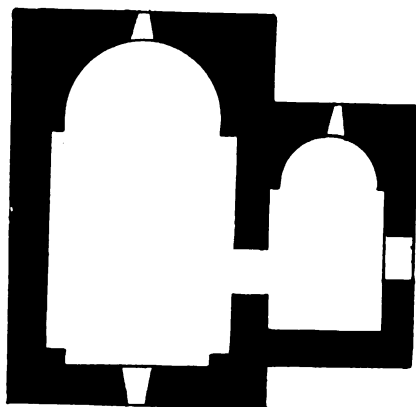

Рис. 32.

входомъ имѣется надпись мхедрули, изъ которой видно, что церковь возобновлена въ 1772 г. епископомъ нинциндскимъ изъ арагвскихъ эриставовъ Митрафономъ и сахлтъ-ухуцесомъ (министромъ двора) Кайкубатомъ Кобіашвили, при чемъ Митрафонъ не дожидъ до окончанія возобновенія. Надпись гласитъ:

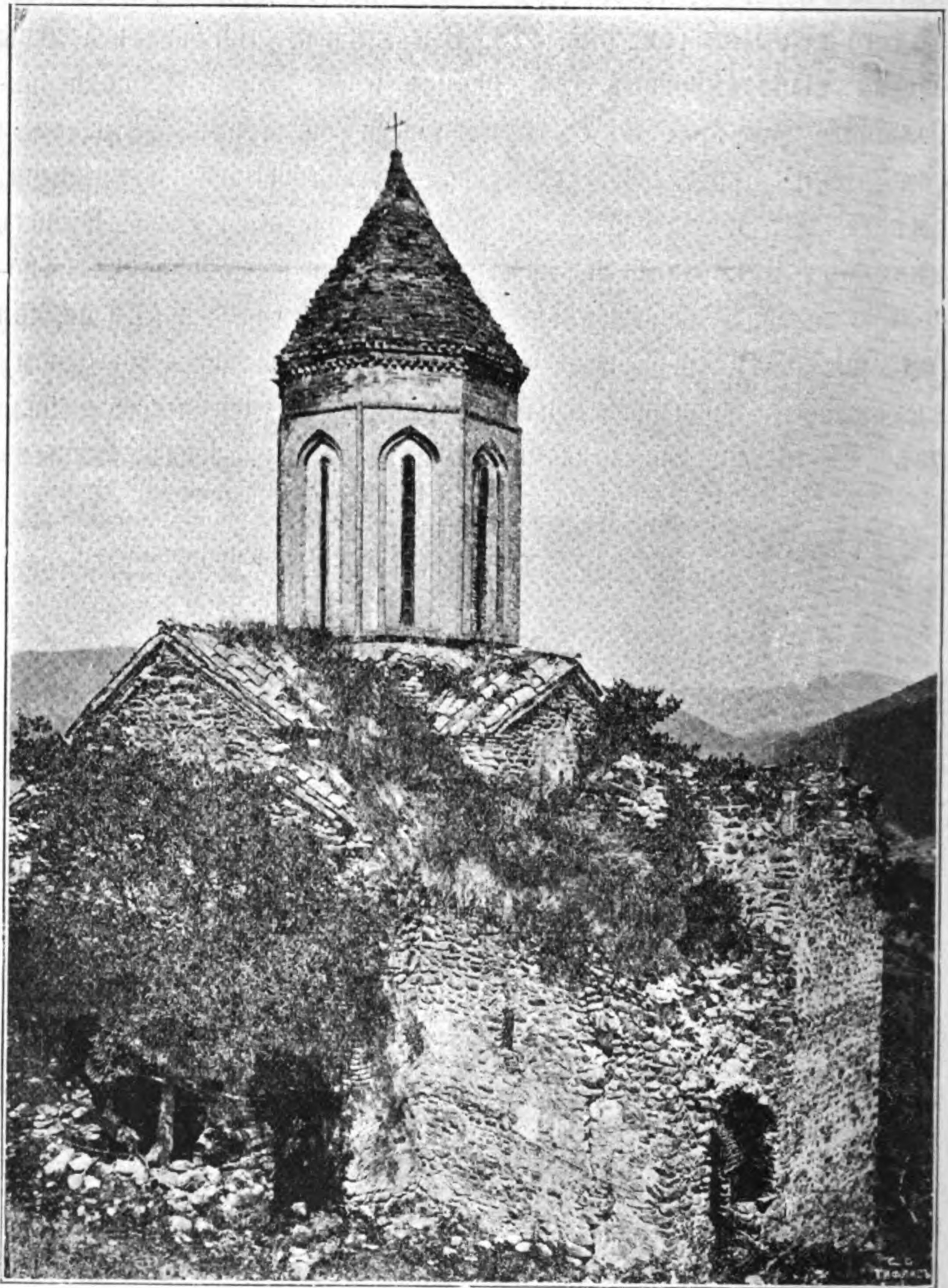

Рис. 33.

1. ქ. დედაო ქრისტეს ქალწულთა მარიაშ მეორე მეჭმენ ბე
2. არაგვის ერისთვის შვილს ნინოწმინდელს მ
3. იტრაფონეს (sic) და ხეშ თანამშრომელსა კობიაშვილს სა

4. ხლთუხუცეს ქაიუებათს რამელთა განკახლეთ ტა
5. ძარი შენი ბოდორნის რამელი დარღვეულ იყო ყაძთა სი
6. გრძეთაგან ს' მე გარდავიტყალე ამიერ სოფლათ და ქაიუება
7. თ სხლთუხუცესმა სრულ ყო დადის შრომითა და წარსაგებ
8. ღითა აღდგოს ღთნ რისავე შინა ცხოვრებასა ქვს უ'ფ.

„Матерь Божія, Приснодѣва Марія! будь утѣшительницей мнѣ, сыну арагвскаго аристава, ниноцминдскому епископу Митрафону и сотруднику моему, сахлть-ухуцесу Кайкубату Кобіашвили, которые возобновили разрушенную течениемъ времени церковь твою въ Бодорнѣ. Но я представился отъ міра сего, и Кайкубадъ сахлть-ухуцесъ докончилъ съ большимъ трудомъ и иждивениемъ: да возвеличитъ его Богъ въ обѣ жизни, въ корониконѣ 460“ (=1772 г.).

На порогѣ двери камень съ надписью мхедрули, которая показываетъ, что южный придѣлъ построенъ сыномъ Кейкубата Залию Кобіашвили, повидимому, въ концѣ XVIII вѣка:

1. ქ. აღვაშენე: მცირე: ესე: აკურდ
2. კრი: წმინდათა მოციქულთ
3. ა: მე: ყოველთა: კაცთა უნარჩ
4. კვესმა: კობიაშვილმა: უხლო
5. ა: შვილმა: ქაიუებათ: ცოდვ
6. აკათა: ჩემთა: მოსატყვებელად
7. და გუამთა ჩემთა სამარხით.

„Построилъ малый сей придѣлъ святыхъ апостоловъ я, послѣдній между всѣми людьми Кобіашвили, Залия, сынъ Кейкубата, въ прощеніе грѣховъ моихъ и для погребенія тѣла моего“.

Въ придѣлѣ могила протоіерея Бодорны Луки, сына Матѳея, съ датою 1809 года:

1. სოფლავსა აძასა შინა მდებარე ვარ მე მათეს[ძე]
2. ლუკა ბოდორნის ღვთის მშობლის ტაძარის დეკან
3. რწი მხილველნო გვედრებით შენდობა ბრძანეთ. ჩუთ.

„Въ могилѣ сей лежу я, Лука, сынъ Матѳея, протоіерей Бодорнской церкви Божьей Матери. Прошу зрителей сказать мнѣ прости. 1809 года“.

Изъ образовъ и церковной утвари обращаютъ вниманіе:
1. Поясной живописный образъ Спаса, въ 54×40 сант., въ серебряномъ чеканномъ окладѣ съ разводами; кругомъ нимба расположены 27 драгоценныхъ камней (см. рис. 34).

Рис. 34.

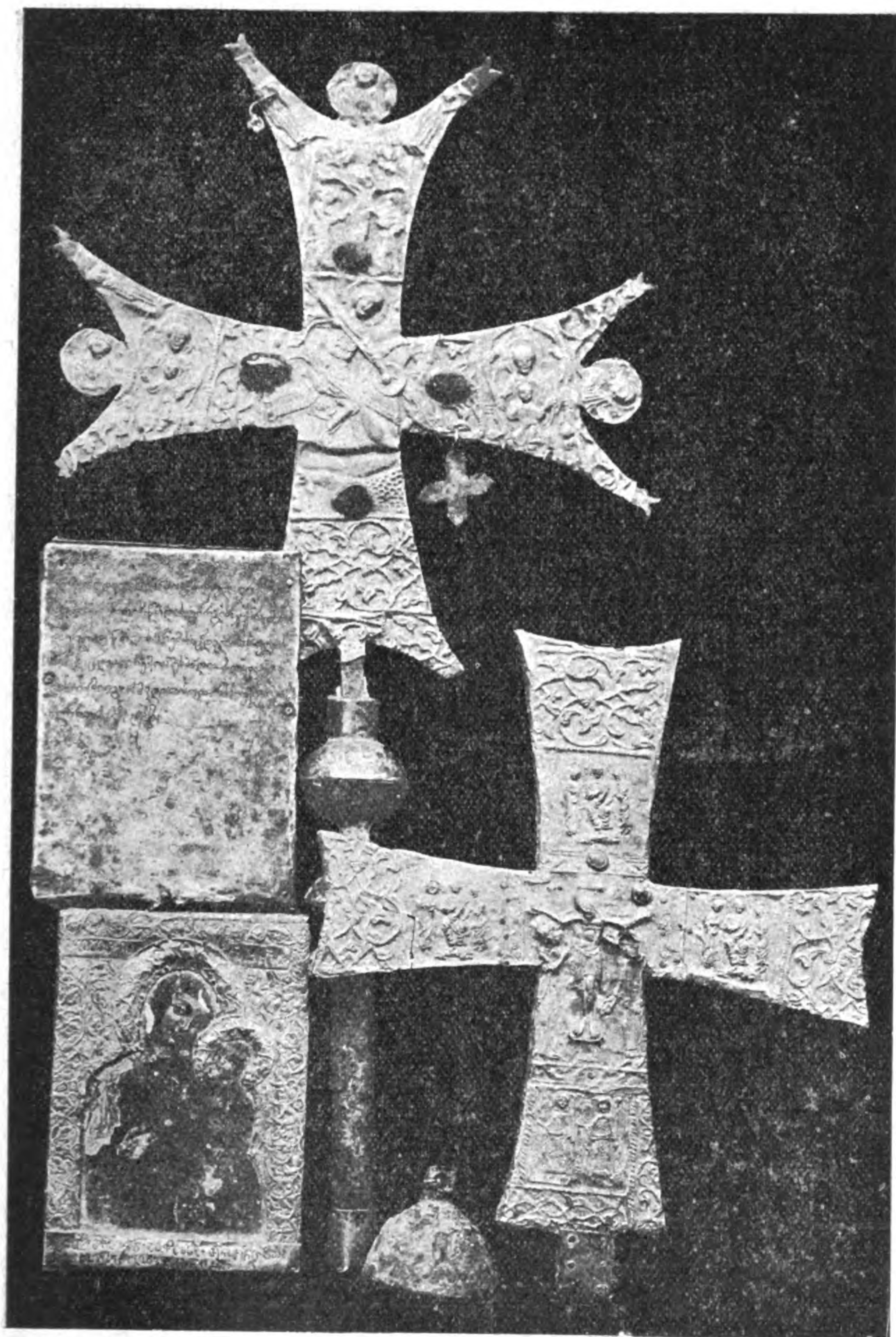

Рис. 35.

Спаситель правою рукою благословляетъ, въ лѣвой держитъ раскрытое евангеліе съ грузинскимъ текстомъ: „Я свѣтъ міру“. и. т. д. На нижней каймѣ сохранилась часть надписи вязью заглавными буквами хуцური:

... ზც ჰგჳბო: ნუზნბო: შჳ: სზ: სჳბ-
ნუზ: ყჳბნუზ: ჰგჳბჳბნუზ: ჰნუზნუზ:
ჳბჳბნუზ: ზც ბჳნუ ჰნუზნუ ბბჳბნუ ჰნუზნუ

... „и Спасъ Цилканскій, помилуй душу патрона Баграта, супруги его Елены, и сыновей его сдѣлай сильными!“

Въ этой надписи, вѣроятно, рѣчь идетъ о первомъ мухранскомъ владѣтель Баграта, который сдѣлался владѣтелемъ Мухрани въ 1512 г., а въ 1539 постригся въ монахи подъ именемъ Барнабы (Варнавы). Жена его и въ другихъ источникахъ названа Еленою, хотя у Броссе въ генеалогической таблицѣ не указана (Н. Г. II, 1, р. 626).

2. Живописный поясной образъ Божьей Матери съ Младенцемъ, въ 53×38 сант., въ серебро-позолоченномъ окладѣ, украшенъ драгоценными камнями. Надпись хуцური, вѣроятно, XVII вѣка, отчасти сохранилась и потому неизвестно, кѣмъ онъ окованъ или пожертвованъ:

ნ: უნ: ყზ: ნო: ან... ჰნუზნუ

„Помилуй, Пресвятая Богородица“...

3. Небольшой поясной живописный образъ Божьей Матери съ Младенцемъ, въ 18,5×12,5 сант., въ серебро-позолоченномъ чеканномъ окладѣ, украшенномъ разводами травяного орнамента (см. рис. 35); имѣетъ надпись заглавными хуцური въ три строки, изъ которыхъ одна въ верхней части, а двѣ внизу на каймѣ:

1. ნ. ჳბბბნუზ ან ჰგბჳბო:

2. ჰგბჳ: ჰჳბჳნ: ჳბბჳბბბბ: ბნუზ-

ბნუზ: ზც ბც

3. სცგ ჳნბბჳბჳბჳბ: ჰნუზჰნუზ: ჳნ:

წ. ბოდორისა ღმრთის მშობელა, მეოხ მექმენ დედოფალსა
თინათინს, და ჩასაგ ვისკეწებოდუ, მისმინე ამინ.

„Бодорская Божья Матерь, будь утѣшительницей мнѣ,
царицѣ Тинатинѣ, и то, что я прошу, услышь!“

Рис. 36.

Въ этой надписи рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, о
Тинатинѣ, супругѣ кахетинскаго царя Левана II (1520 — 1574),
дочери Гуріели Маміи II-го, съ которой Леванъ II развелся
въ 1529 г. и которая умерла въ 1591 (Н. Г. II, 1, р. 634).

4. Живописный поясной образъ Божьей Матери съ Младенцемъ, въ 18×13 сант., въ серебряномъ окладѣ съ травянымъ орнаментомъ, украшенъ драгоценными камнями во-кругъ нимбовъ. Лицо Богоматери выразительное, грузинское (рис. 36). На оборотѣ имѣеть надпись мхедрули (рис. 35):

1. ჭ: ნებიათა: ღთისა: გაუკუთებინე: მე ფრიად: ცოდ
2. კილმა: ძღველ: მონაზონმა: გაბრეულ: ფრეზის: ხა
3. ტუბი: მაცხოვრისა: წმიდისა: გიორგისა: ჟუარცმისა:
4. და: უოკლად: წმიდისა: ჩემის: ცოდვილას: სულის:
5. საონად: ცოდუათა: ჩემთა: შესანდობლად: ჭკსა:
6. დასაბამითგან შვიდი ათასი: ორას: თექვსმეტს.
7. ხოლო: ჩვენს: ჭკსა ტუზ:

„Волею Бога я, многогрѣшный іеромонахъ Гавріилъ, распорядился сдѣлать сѣи фрезскіе образа: Спаса, Св. Георгія, Распятія и Божьей Матери, въ утѣшеніе грѣшной души моей и въ прощеніе грѣховъ моихъ, въ корониконъ отъ сотворенія міра семь тысячъ двѣсти шестнадцать, а въ нашъ корониконъ 397“.

Грузинскій корониконъ соотвѣтствуетъ 1709 г., а годы отъ сотворенія міра равняются 1708 г. Фрези или Фрезети, которому нашъ образъ, судя по надписи, принадлежалъ прежде, — деревня близъ Цилванъ Душетскаго уѣзда.

5. Образъ Божьей Матери съ Младенцемъ, въ 53×41 сант. Обитъ серебро-позолоченными пластинками съ пзображеніями разныхъ святыхъ и уграшенъ однимъ камнемъ. Внизу надпись мхедрули, повидимому, XVIII вѣка:

ჭ: მე სახილ ჟუარისა წინამძღვარმა: გერმანე: შეკვედეთ: ხატა: ესე: უოლ: წდისა: (ღ)მრთის მშობლის ჩემი აღალითა ნაშოუნიოთა შენდობით მომხსენეთ.

„Я именемъ *только* настоятель *монастыря* Креста Германъ оковалъ образъ сей Пречистой Божьей Матери мною честно пріобрѣтенными средствами. Помяните меня съ прощеніемъ“.

6. Крестъ выносной, обитый серебромъ позолоченными пластинками, въ 36×30 сант., грубой работы (рис. 35). Въ серединѣ представленъ на пластинкѣ Св. Георгій, поражающій дракона, сверху Распятіе, по сторонамъ Божья Матерь съ Сыномъ; украшенъ тремя камнями, изъ которыхъ два сердоллика и одинъ жаль.

7. Крестъ выносной, такой же работы, въ 33×26 сант., съ двумя бирюзами; въ серединѣ представлено Распятіе, сверху и по краямъ три депсуса, внизу архангелы (рис. 35). На оборотѣ надпись хуцური:

1. R O, B K H C O. G K O ЧИ წმინდა სამებაო, ცოლიე
2. Ч У Ч В Ч Ч.: Ч К Ч О Ч О შეწყალო, გაიზო
3. Ч Ф Р В У Ч Ч Ч.: У Ч Ч Ч რთხისშვილი შალო,
4. Ч К Ч В В Ч К Ч Ч В Ч Ч Ч. მისნი ნათესავნი.

„Св. Троица, помилуй Цролика, Гайоза¹⁾, Ортанишвили Шалию и его родственниковъ“.

Оба креста позднего дѣла, вѣроятно, XVIII вѣка.

8. Пл. Юсселиани видѣлъ рукописное бодорнское евангеліе, бажеться XV вѣка, въ которомъ онъ прочиталъ приписку: წმინდა გრიგორი ღმრთის მეტყუელა, არავსა განმანათლებლო, მეოხ მეუკ წიგნისა ამის მწერალსა ცოდვლსა მღუდელსა იონხ ბოდ(ორხ)ელსა. ბატონის ათხისი ქორეპისკოპოსისათჳს დაესწერე.

„Святой Григорій Богословъ, просвѣтитель Арагвы, будь утѣшителемъ переписчику сей книги, грѣшному священнику Іоанну бодорнскому. Написалъ для владыки хорепископа Аванасія“.

Такимъ образомъ, св. Григорій названъ просвѣтителемъ Арагвы, т. е. Арагвской области. По этому поводу Пл. Юсселиани замѣчаетъ: Св. Григорій Назіанзинъ, укрьілявшій вѣру въ Понтѣ, могъ быть въ предѣлахъ Арагвской области, столь близкой къ мѣсту его предсмертныхъ подвиговъ.

¹⁾ Въ грузинскомъ текстѣ написано ბაიოზ—Байозъ.

Бодорна входила въ составъ Цилканской епархіи. Святитель цилканскій титуловался, по словамъ историка царевича Вахушта, епископомъ мухранскимъ, обѣихъ Арагвъ и базалетскимъ; онъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи двухъ „хорепископовъ“ (т. е. викарныхъ епископовъ), одного въ Сіонѣ Кавказскомъ для ближайшаго надзора за церквами до Дарьяльскаго прохода, гдѣ окончивалось грузинское населеніе, а другого въ Бодорнѣ¹⁾. Однако, кромѣ Аванасія, имена бодорнскихъ хорепископовъ пока намъ неизвѣстны.

Изъ пещеръ, когда-то во множествѣ висѣвшихъ надъ Бодорнскою церковью, немногія сохранились, большинство смыто. П. Юсселиани въ цитованномъ нами трудѣ (стр. 30) пишетъ объ этихъ пещерахъ: „Въ защиту отъ полчищъ Чингиса и въ эпоху Тимура, грозную для Грузіи, явились и здѣсь пещеры, на высотахъ недоступныхъ. Многія изъ этихъ пещеръ обрушились, другія еще существуютъ и переносятъ насъ во времена повсемѣстнаго разоренія и опустошенія края. Въ исторіи Тимура мы читаемъ, какъ трудно было для него приступить къ этимъ пещерамъ и выводить оттуда спасавшихся отъ меча. На длинныхъ веревкахъ спускались въ корзинахъ воины Тимура съ высоты горы и, когда становились противъ пещеръ, бросали тысячи стрѣлъ на укрывающихся, или же, если не могли, по отвѣсному положенію горы, подойти близко къ пещерѣ, бросали туда горячія вещества и выжигали ихъ (Chereffedin, lib. 1, chap. 5, pag. 220). Этотъ способъ преслѣдованія грузинъ употребленъ былъ Тимуромъ еще и въ Индіи“.

По словамъ того же автора, въ полуверстѣ отъ надгорной Бодорны, на плоскости по правому теченію рѣчки и противъ Арагвы, указывается мѣстечко того городка, который

¹⁾ П. Юсселиани. Описаніе города Душета, стр. 23, примѣчаніе, стр. 17—18. Географія царевича Вахушта, изданіе Броссе, стр. 214.

былъ поселенъ евреями и о которомъ пишетъ Вахуштъ. Батакомбы ихъ по мѣстамъ разрываются плугомъ или дождевымъ потокомъ и видны донныѣ. Городокъ изчезъ со времени опустошительнаго нашествія на Грузію Тимура.

Бодорна въ старину была женскимъ монастыремъ и въ 1800 г. имѣла 10 дворовъ крестьянъ и одинъ виноградный садъ. Бодорна первоначально построена Шабуридзе, хотя неизвѣстно когда. Родъ Шабуридзе, по мнѣнію Пл. Юсселіани, ведетъ свое происхожденіе отъ Сапоровъ или грузинскихъ Шабуровъ изъ сассанидской династіи, царствовавшей въ Персіи между 241—420 гг. по Р. Х. „Персидскій царь Сапоръ, говоритъ Пл. Юсселіани, въ господство свое надъ Грузією, составлявшею по Геродоту девятнадцатую сатрапію Персіи, поставилъ правителемъ здѣшняго горнаго населенія одного изъ членовъ своего дома“. Но фактическихъ данныхъ для такого утвержденія у насъ нѣтъ и, кажется, все сводится къ созвучію именъ Сапоръ и Шабуръ. Одно только вѣрно, что Шабуридзе были издревле арагвскими эриставами, но въ XV вѣкѣ при царѣ Александрѣ (1415—1443) утратили эриставство, которое потомъ перешло къ двумъ родамъ Турманидзе и Чармеули. Затѣмъ при царѣ Свимонѣ (1558—1600), во время его плѣна въ Персіи, какой-то дворянинъ ванатскій, соединившись съ ксанскимъ эриставомъ, напалъ на Душетъ, овладѣлъ имъ вмѣстѣ съ Базалети, полонилъ его владѣтелей, пстремилъ ихъ родъ и самъ укрѣпился въ родовомъ ихъ достояніи. Царь Свимонъ по возвращеніи изъ Персіи утвердилъ за нимъ новое приобрѣтеніе и даровалъ ему въ 1578 г. титулъ эристава. Потомки рода Шабуридзе уцѣлѣли до сихъ поръ въ Сашабуро, составляющемъ и нынѣ большую группу населенія и подъ различными наименованіями лежащемъ въ 3-хъ верстахъ отъ Душета. Отъ Шабуридзе до насъ дошли два акта. Изъ нихъ первый 1465 г. данъ на имя мцхетскаго католикоса Маркоза эриста-

вомъ Вамекомъ Шабуридзе и Саро и сыновьями ихъ Георгіемъ, Омаромъ, Микією, Варамомъ и Нугзаромъ. Изъ акта видно, что царь Георгій выдалъ замужъ за сына Вамека свою дочь, поводимому, ту, которая была равьше помолвлена за послѣднимъ византійскимъ императоромъ Константиномъ XI. Второй актъ отъ 1474 г. сохранилъ намъ портреты Вамека Шабуридзе и жены его патронессы Дулардухтъ, которыхъ благословляетъ Спаситель съ ангелами. Этимъ актомъ эриставъ лишь по имени Вамекъ Шабуридзе и супруга его, бывшая Дулардухтъ, инокиня Домне, жалуются на превратности судьбы, удручавшія дни ихъ жизни бѣдствіями и ввергшія ихъ во многія преступленія, и предпочитая душевно и тѣлесно сей жизни вѣчную жизнь, возобновляютъ устроенную предвами ихъ небольшую усыпальницу и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвуютъ Бодорнской Богоматери Тетросанской наслѣдственное ихъ достояніе, селеніе Хандаки, при чемъ населеніе ихъ совершенно освобождаютъ отъ всѣхъ родовъ повинностей, за исключеніемъ службы Бодорнскому образу, обстоятельно указанной въ актѣ, а надзоръ за исправнымъ отправленіемъ поминокъ или агапи и сборомъ повинностей въ пользу церкви возлагаютъ на такъ называемыхъ *деканозовъ*. Выраженіе „эриставъ лишь по имени“ указываетъ, по справедливому замѣчанію Д. Бакрадзе, на то, что въ это время званіе эристава въ родѣ Шабуридзе было утрачено¹⁾.

Въ поминальныхъ записяхъ гергетской рукописи, переписанной въ 1439 г., упоминаются эриставы изъ рода Шабуридзе: эриставъ эриставовъ Чучай (ჭუჭუა); эриставъ эриставовъ Варамъ и супруга его Дабда; эриставъ эриставовъ Вахтангъ; эриставъ эриставовъ Мибай и сестра его Еле-

¹⁾ Д. Бакрадзе. Кавказъ въ древнихъ пам. христ., стр. 41—42. Brosset. Voyage arch. Rapp. VI. p. 6—22. თ. ვიზიტების, ქობულაძის, II, 284, 291. Рисунки акта изданы Гагариннымъ въ его Caucase Pittoresque.

на; эриставъ эриставовъ Нугзаръ и супруга его Дедисъ-Име-
ди и дѣти ихъ: Ломи и Шабуръ; эриставъ эриставовъ Ва-
микъ, сынъ его Омаръ. Эриставъ Шабурисдзе Микай являет-
ся свидѣтелемъ акта, написаннаго въ 1398 г. ¹⁾).

Ксанское ущелье.

Икоти.

Въ Икотахъ на лѣвомъ берегу р. Ксави находится не-
большая церковь безъ купола. Она построена изъ голышей
на цементъ, съ колокольнею-башенкою съ запада. Длина
церкви 14 ар. 11 верш., ширина 9 ар. 2 вер. Внутри она
отштукатурена и росписана. Въ алтарной абсидѣ предста-
вленъ Богъ Отецъ. Двери имѣются съ З и Ю. Оконъ 4 по од-
ному съ каждой стороны. Въ западной части церковь имѣетъ
хоры; въ алтарѣ двѣ ниши, столько же и въ западной стѣнѣ
и по одной въ сѣверной и южной. Арки оконъ и дверей
стрѣльчатые. Полъ каменный. Иконостасъ новый деревянный.
Надъ южною дверью имѣется надпись мхедрули, изъ которой
видво, что церковь возобновлена царскою невѣсткою Кетева-
ною, урожденной Церетели, въ 1797 году:

1. ქალწულთა მარტაჲ. წა ესე მარტა.
2. მეოხი ჩვენდა. განმახლო ეკლესიის
3. მეფისა სძალი. წერეთლისა ასული.
4. ქეთევან გედუჩი (sic) მწე მეუკე ძეგლელითურთ
5. და აღსაწმინდელად ძის ჩვენის გრიგოლისა ქკს უ. ზ. ე.

„Дѣва мученица святая сія Марина, утѣшительница на-
ша, возобновительница сей церкви, царская невѣстка Кете-
вана, урожденная Церетели, умоляю быть мнѣ съ супругомъ
помощницей въ воспитаніи сына нашего Григола, въ корони-
конъ 485“ (=1797).

¹⁾ ჟორდანი. ქრონიკები, II, 23. 202—203.

Упомянутая въ этой надписи Кетевана — жена царевича Иоанна, сына царя Георгія XII-го. У нихъ былъ сынъ Григоль, о которомъ говоритъ надпись.

Изъ образовъ и церковной утвари Икоти слѣдуетъ отмѣтить:

Рис. 37.

1. Образъ св. Георгія, въ 20×16 сант.; святой изображенъ рельефомъ на конѣ, поражающимъ дракона, изъ серебра, съ 4 камнями; сверху благословляющая десница; внизу надпись мхедрули, изъ которой видно, что образъ сдѣланъ нѣкимъ Акопомъ. Образъ не древнѣе XVIII вѣка (рис. 37).

ქ. მე სკოფას: წმიდის გიორგის: ხატის: გ(ა)მკეთის: ესკეს: ხეობი: ხელის:.

„Я Акопъ сдѣлалъ образъ св. Георгія; эта моя рука“. Выше упоминаются другія лица:

ქ. ნიაური. ბერი. იკოტის	„Ніаури, монахъ Икоти“.
ქ. ბასი. ბაშ(ა)რული.	„Баси Башарули“ ¹⁾ .
ქ. გედია გრითის. შკილი.	„Гедія Гритисшвили“.
წმიდის გიორგისის.	„Принадлежитъ св. Георгію“.

Акопъ, вѣроятно, мастеръ, а другіе заказчики образа.

¹⁾ Въ текстѣ написано Башрули, но въ Икотахъ и теперь существуетъ фамилія Башарули.

2. Образъ Св. Георгія, въ $22,5 \times 16,5$ сант., рельефомъ на конѣ; святой поражаетъ дракона; кайма украшена орнаментомъ изъ виноградныхъ лозъ безъ надписи. Образъ не древнѣе XVIII вѣка (рис. 38).

3. Сереб. крестъ, въ 28×14 сант., съ тремя камнями и рельефнымъ изображеніемъ св. Георгія въ серединѣ и съ надписью мхедрули на оборотѣ 1799 года:

ქ. ესე ჯვარი აკეთის წმიდას გიორგის ჯის ჯეზ.

„Сей крестъ принадлежитъ святому Георгію Икотскому. Корониконъ 487“ (=1799).

4. Серебр. крестъ, въ 22×8 сант., съ 4 камнями. Надпись мхедрули на оборотѣ показываетъ, что онъ принадлежалъ теперь упраздненной Ахшадской церкви св. Георгія, что выше Икоти въ лѣсу. Храмовой праздникъ упраздненной церкви до сихъ поръ справляютъ 23-го апрѣля.

Рис. 38.

ესე ჯვარი გაკეთებინე დავითშვილმა გიორგის და შვილმა ჩემს ჭაქარამს ჩემს შვილებს სადღეგრძელოთ. ახშადის წმიდას (sic) გიორგის.

„Сей крестъ распорядился сдѣлать я, Двалишвили Георгій, и сынъ мой Захарій въ долгоденствіе дѣтей моихъ. Принадлежитъ Святому Георгію Ахшадскому“.

5. Небольшой серебряный образъ нерукотвореннаго Спаса, въ $9 \times 7,5$ сант., повидимому, начала XIX вѣка, съ надписью мхедрули. Даръ Нины Гугунашвили, жены Давида:

ქ. გუგუნაშვილი ღვთის (sic) მეუღლემ შემოგწირე ნინომ ხატო ესე ღვთების ძეთა მღსტეპელათ და სულთა ჩემთა...

„Я, Нина Гугунашвили, жена Давида, пожертвовала образъ сей Спаса въ дарованіе мнѣ дѣтей и во (спасеніе) души моеѣ“.

6. Образъ Бож. Матери съ Младенцемъ, въ 31×24 савт., русской работы. Даръ Ниники Гигаური 1830 г.:

შემოგწირე ღვთის მშობლის ხატო ესე წმინდა მარინეს ნინიკა გიგაურმა მეოხად სულთა ჩემთა. წელსა. ხელ. ღვინობისთჳი (sic). ი.

„Пожертвовалъ сей образъ Божьей Матери Святой Маринѣ я, Ниника Гигаური, въ утѣшеніе души моеѣ, 1830 г., ноябрь 10-го“.

7. Образъ Бож. Матери съ Младенцемъ таковаго же характера, въ 22,5×18 савт., безъ подписи, но начала XIX вѣка.

8. Образъ св. Марины, въ 24×19 савт., съ надписью: წა მარინა—„Святая Марина“. Даръ Свимона Гигаური отъ 1828 г.:

წელსა ჩემმე შემოგწირე ხატო ესე წის მარინას კელესას სჳიმონმა გიგაურმა სულთა ჩემთა საოხად.

„1828-го года пожертвовалъ образъ сей церкви св. Марини я, Свимонъ Гигаური, въ утѣшеніе души моеѣ“.

9. Образъ Іоанна Крестителя, въ 24,5×4,5 савт., представляет изъ себя голову, нарисованную на деревѣ съ надписями хуцури не историческаго содержания: **რ-ღ: იოანე:**
რინდნრეტაჲრყყყუნ: რინდ ჯოტყყფ: ფდრდრ-
უნ. ჯგჲჲყუნ: ჟ-ყუნ: ვიკუ: რ: ყბყრყყდ
ჯდტრუნდ ჟყყრ დნტო.უნყყუნ ჟ-ყყრფდ....
ღ. დტბ... რინდ ჯოტყყფო, ჟ-ფ-ფ. ყდჯობ-
რრფი ოფნიფყო.უნ რ-რყუნდ ჟდ ჟ-ჟდ
ფდყყყო.უნდ ჯდნ ყყრ ჯიყტ რყნო.ყდდ ჟ-
რდ ინიტბ იჟჲყრ რტუნს ჯგჲჲყუნდ ჟდ რდ.
ჲჲ ჟყყჲდტინრყყუნდტყბ ჟდ დინტო.უნდ

Пицхелаури. У него же имѣется другой образъ-складень св. Георгія, въ 6,5×4,5 сант., внутри деревянная икона аѳонской работы, съ изображеніями Срѣтенія и Успенія Божьей Матери.

Рис. 39.

Кромѣ того, у матери Вахтанга Пицхелаури оказалось 35 грузинскихъ актовъ и между ними свитокъ въ нѣсколько

саженей, содержащей въ себѣ статистическое описаніе деревень Ксанскаго ущелья, составленное по приказанію царя Ираклія II въ 1781 г. Этотъ важный документъ уступленъ мною для изданія доценту петроградскаго университета И. А. Джавахову¹⁾.

Коринта²⁾.

Деревня Коринта находится на лѣвомъ берегу р. Ксани, при впаденіи въ ней Алевись-цвали. Церковь безъ купола, небольшая, съ колокольнею-башенкою съ запада, почти на-противъ вѣрности Цирвлись-цихе (წირველის ციხე), видъ кото-рый нами снятъ. Иконостасъ церкви деревянный. Рисунокъ иконостаса на полотнѣ заказаны, судя по надписи, Маріей Эростовой, какъ видно, въ началѣ XIX вѣка.

ქ. შემოგწირე კარისა ჩემის კვლესას კორინთას წმინდას მარია-ნასას. ენებან მარამ კრისტოვისამ განკელი ესე სულთა და ხორცთა ჩემთა სოხსად და ბეთა ჩემთა სადღეგრძელოდ და გარდაცვალებ ულისა მუღლასა ჩემისა დაკით კრისტოვის მონასხსუნებულად.

„Пожертвовала сей иконостасъ своей дворцовой коринтской церкви св. Марины я, княгиня Марія Эростова, въ утѣшеніе души и тѣла моего и въ долгоденствіе сыновей моихъ и въ поминовеніе усопшаго супруга моего Давида Эростова“.

Въ Коринтской церкви теперь хранятся остатки церковной утвари Алевской церкви, или Цминда-Самеба, что выше Коринты на горѣ, еще извѣстной подъ названіемъ Окрось-гаріани (златовратная). Церковь получила такое названіе отъ того, что царскія врата ея были обиты золотомъ. Алевская церковь имѣла необыкновенно богатую утварь, состоящую изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, иконъ и крестовъ, но была ограблена лѣтъ 18 тому назадъ. Алевская церковь теперь совершенно запущена, но храмовой праздникъ ея все же при-

¹⁾ Другіе акты изданы мною на грузинскомъ языкѣ во II томѣ „Древностей грузинскихъ“.

²⁾ Сравни. Матеріалы по арх. Кавк. VII, стр. 53—54.

влекаетъ большое количество народа и приношенія въ видѣ серебряныхъ крестовъ, чашъ, люлекъ и т. д. Изъ алевскихъ вещей, хранящихся въ Коринтской церкви, отмѣчу:

1. Серебр. баранъ, въ 26×16 сан., весьма художественной старинной работы (рис. 30), массивный (одинъ рогъ отбитъ), съ придѣланнымъ на спинѣ подсвѣчникомъ для двухъ свѣчей и съ крестомъ. Подсвѣчникъ, видимо, поздняго дѣла, съ надписью мхедрули, изъ которой видно, что онъ пожертвованъ въ 1806 г. царицею Анною, вѣроятно, женою имеретинскаго царя Давида II-го (1782—1792).

Рис. 30.

ქ: წმინდას სამებას ცოდვილმან დედაკაცმან ჰემოგწირუ სსსან-
თელუ ესე სულისა ჩემისა სარხად დედოფალმან ანნამ აღუეს წელსა ჩუ.
„Святая Троица, пожертвовала Алеву подсвѣчникъ сей
я, грѣшная женщина, царица Анна, въ утѣху души моей,
въ 1806 г.“.

2. Образъ Успенія Божьей Матери წმინდის დეის მშობლის
დაბობება, въ 78×59 сант., московской, работы, въ серебрян-
каймѣ, недурного письма, нимбы изъ серебра. Нимбъ Богома-

тери украшенъ пятью камнями. Внизу надпись мхедрули, которая указываетъ, что образъ украшенъ царевичемъ Іоанномъ Георгіевичемъ въ 1800 г.

1. ჭ. ჩვენ მეფის გიორგის ძემან იოანემ შუკამკობინეთ ხატო ესე ღთის მშობლის მიცვალებისა ალექსის ეკლესიისა ისევე ეკლესიის შუწორულის ნიკ

2. თუბით იმისთვის კინადგანვე წა კლესას უნდ წის ღთის მშობლის არის და გლუხნი წა სამებას ეძახან ორნი ხატნი შუკამკობით. ერთი ესე და მეორე წის სამების სახსად ჩვენდა და მეუღლისა და ძისა ჩვენისა. წელსა ჩუ.

„Мы, сынъ царя Георгія Іоаннъ, распорядились украсить образъ сей Успенія Божьей Матери Алевской церкви самой церкви пожертвованными вещами. Привнима во вниманіе, что сама святая церковь въ честь Пресвятой Богородицы, а крестьяне называютъ ее Святой Троицей (Цминда Самеба), мы украсили два образа, одинъ сей, а второй Святой Троицы, въ утѣшеніе наше, супруги и сына нашего, въ 1800 г.“

3. Такого же размѣра и работы образъ св. Троицы. Голубь въ кругу и нимбы изъ серебра, украшены драгоценными камнями. Надпись такая, какъ на предыдущей иконѣ.

4. Крестъ выносной серебро-позолоченный (рис. 31). Распятіе рельефомъ съ предстоящими по сторонамъ и со скорбящими у ногъ, украшенъ 15 камнями; кромѣ того, четыре камня пропали; кругомъ головы жемчужины. Крестъ работы не позднѣе XVIII вѣка. На ручкѣ вульгарная надпись мхедрули.

ჭ. ღთო აცხოვნე ოქრუტა ბეკორს გასჯა: შვილი უდგებრქელე.

„Боже, спаси Окуту, Бекора, Гасджу(?), сыну его дай долголетствіе“.

5. Крестъ серебр. для ношенія на древкѣ съ 3 камнями, XIX вѣка. Даръ Нини Гунашвили.

1. ნინას ღუნაშვილი. მეორე ნინას ღუნაშვილი.

2. თინიკასშვილს გლახას შემოგწირავ ხუთი.

3. მინდთუნი (sic).

„Нивія Гунашвили. Другой Нивія Гунашвили. Глаха Тиникашвили пожертвовалъ пять миналтуни“.

Рис. 31.

6. Чаша серебрян. съ надписью мхедрули:

შემოგწირე ფეშხუმი ესე ალექვის წმიდა სამებას მე თამარ დედოფალმა.

„Пожертвовала сію чашу Алевской св. Троиць я, царица Тамара“.

Тамара этой надписи, по всей вѣроятности, супруга

царя Теймураза II, дочь царя Вахтанга VI. Она вышла замужъ въ 1712 г., умерла въ 1746, апрѣля 12-го, похоронена въ Мцхетѣ.

7. Серебрян. чаша (თასი), даръ Реваза Луарсабовича Эристова, XIX вѣка:

შეწირე თა რევაზ ლუარსაბის ძე ერისთავის წმინდა სამების. მისხალი აბ.

„Пожертвовалъ св. Троицѣ я, князь Ревазъ Луарсабовичъ Эристовъ. Золотниковъ 62“.

8. Серебрян. канделябръ, даръ царевича Вахтанга Ираклиевича 1787 г., съ надписью мхедрули:

რომელი სამკვამოვნებსა შინა დიდებულ ხარ ერთითა არსებითა დრო დმერთათა და უფალა უფლებათა უძღვნი წმინდასა შენსა ტაძარსა აღევის ეკლესიასა გომლსა ამას კუცხლისსა შენიერ განკაზმულსა მე უოკლისა შემოაჲს საქართველოაჲსა მშერობელისა მეფის ირაკლი მეორისა ძე კახტანგ არაკვისა სამთავროაჲსა უფლის წულაბით მშერობელი რათა შეიწირე სარწმუნებითა სასოებითა და სიუკარულათა მორთმული კინი ესე ძღვენი და დამიცვა მე საფარკულსა ქვეშე შენსა უღელგოდ მრჩობლსაჲ შინა ცხორებებსა ჩემსა იულისსა კვ წელსა ჩღვზ. მისხალი ტაძრ.-

„Тебѣ, который въ троичности лица великъ единымъ существомъ, Богъ боговъ и господинъ властей, дарю и святому твоему храму, Алевской церкви, *подношу* канделябръ сей серебряный, превосходно украшенный, я, сынъ обладателя всей Верхней Карталинии царя Ираклія II-го, Вахтангъ, владѣтель Арагвской провинціи въ качествѣ царевича, дабы Ты принялъ съ вѣрою, упованіемъ и любовью поднесенный малый сей даръ и сохранилъ меня подъ покровомъ твоимъ безъ волненія въ послѣдующей жизни моей. Іюля 23-го, 1787-го года. Золотниковъ 368“.

9. Серебр. кувшинъ XIX вѣка, даръ Гавріила Херумова, съ надписью мхедрули:

შემოგწირე წმინდის სამების ოქროკარანის კვლეხას გაბრეულ
ხერმუკმა.

„Пожертвовалъ церкви св. Троицы Златовратной я, Га-
врилъ Херумовъ“.

10. Серебр. стаканъ XIX вѣка, даръ Маріа Эристой,
урожденной Чавчавадзе, съ надписью мхедрули:

სამების კვლეხას შემოგწირე შალვა ერისთვის ასულმა გენია
მარიამ ჭავჭავაძისაძე.

„Пожертвовала церкви св. Троицы я, дочь Шалвы
Эристова, княгиня Марія Чавчавадзе“.

11. Серебр. кувшинъ, даръ Реваза Луарсабовича Эристо-
ва, съ надписью мхедрули IX вѣка:

შემოგწირეთ რევაზ ლუარსაბისძე ერისთავმა წმინდა სამების.
მისხლო ზბ.

„Пожертвовалъ св. Троицѣ я, Ревазъ Луарсабовичъ
Эристовъ, золотниковъ 82“.

12. Серебр. кувшинъ, даръ Мананы Эристой, съ над-
писью мхедруლი XIX вѣка:

წაო სამებისა და ერთ არსებულ შემწედ და მფარველ ექმენ შო-
ლებითურთ ქსნის ერისთვის ასულს გენიას მანანა ერისთვისა. დაღე
დვუტიშიე: ადგეს კახლავ საღთხუცის ასულსა სალომეს კთილ
დაცულს.

„Святая Троица и Единое Бытіе, будь помощникомъ и
защитникомъ дочери ксанскаго эристава, княгинѣ Мананѣ
Эристовой, съ дѣтьми“.

„Сопровождаю въ Алевъ дочь сахлтухуцеса (министра
двора) въ добрѣ сохраненную Саломею“.

13. Ковшъ (азарпеша) серебр., даръ протіерея Тавдги-
ридзе 1870 г. съ надписью мхедрули:

შეგწირე ესე აზარტუმა ოქროს კარან კვლეხას ბლაღონობა
ბესარიონ თავდგირიძემ 1870. На оборотѣ: მისხლო ღთ.

„Пожертвовалъ сей ковшъ Златовратной церкви я, про-
тiерей Виссаріонъ Тавдгиридзе. Золотниковъ 69“.

14. Серебр. тарелка, даръ Анастасіи Баратовой 1862 г., съ надписью мхедрули:

შემოგწირე წმინდის სამების ოქრო კარებთანს კველესას გენისა
ანსტასიას ბარათოვისამ წელს 1862, მაისი 15.

„Пожертвовала Златовратной церкви св. Троицы я, княгиня Анастасія Баратова, 1862 года, мая 15-го“.

15. Серебр. чаша 1865 г., даръ Георгія Натадзе съ надписью мхедрули:

ეს შეწირე ალკის წდის კველესას გიორგი მოსეს შემ ნათა-
დემ ცოდვისა ჩემის მოსატყუებლად აკვისტოს იე. დღეს ჩუჟე წელს.

„Сіе пожертвовалъ святой Алевской церкви я, Георгій Моисеевичъ Натадзе, въ прощеніе грѣховъ моихъ, августа 15-го дня, 1865-го года“.

16. Серебрян. чаша, даръ Еватерини Муать, урожденной Каранкозовой, 1887 г., что видно изъ надписи мхедрули:

1887 წელს აკვისტოს 15 დღეს შეწირე გერცხლის თასი
ალკის წმინდის სამების კველესას კატერინე ადამის ურანგოზოვის
ასუღმა მუატისამ ჩემი შვილების სადღეგრძელოთ და სამოწულოთ.
წთ. ჩუჟე.

17. Серебрян. подсвѣчникъ для двухъ свѣчей, высокій, безъ надписи.

18. Серебр. подсвѣчникъ, даръ Александра Авалова 1873 г. съ надписью мхедрули:

შეწირე წმ. სამებას საღვინოდ ალექსანდრე ავალოვი 1873.

19. Серебряный подсвѣчникъ малый, безъ надписи, работы XIX в.

20. Серебряный подносъ XIX в.

21. Тарелочка серебрян. XIX в., даръ Давида Бедіашვი-
ლი, съ надписью мхедруლი:

დავით ბედაშვილი ეს თასი შემოგწირე სამებას.

22. Такая же тарелочка серебрян. XIX вѣка, даръ Да-
тики Мируашвили, съ надписью мхедрули: დათიკა მირუაშვილმა
შესწირა სამებას.

23. Такая же тарелочка, даръ Марты, супруги Симена Макишвили, 1888 г., съ надписью мхедрули:

სიძონს ძაჟისშვილის მეუღლეჲ მართამ შვეწორე სამ მანეთიანსი თასი წმინდას სამების ეკლესიას 1888.

24. Серебрян. небольшая чаша XIX вѣка, даръ Гегелы Гегелидзе, Датики и Васо, съ надписью мхедрули:

შვეწორეთ სამების ეკლესიას გაგელა გაგელიძე, დათიკო და ვასო.

25. Звѣздича серебрян., при которой были еще, судя по надписи мхедрули, потиръ и чаша, даръ княгини Елизаветы Эристовой, 1854 г.: წმინდა სამებას შემოგწორე ეს ბარძიმ-თეშხუბო თავის გაწუობილებითაჲ მე მხეკადმან შენმან ელისაბედ კნებანს ერისთავისამ ჩემის მუხლების სიმთელისთვის ჩუნდ წელს აგვისტოს იე.

26. Серебрян. канделябрь XIX вѣка безъ надписи.

27. Корова съ теленкомъ на подставкѣ изъ серебра, XIX вѣка, безъ надписи.

28. Серебрян. люлька, даръ княгини Маріи Джамбакуръ-Орбелиანი 1876 г.:

შემოგწორე ალკის სამების ეკლესიას კნებანს მართამ ჟამბაკურთან ორბელიანისამ წელს 1876 აგვისტოს 15.

29. Серебрян. люлька, даръ Елизаветы Бурджанидзе: ელისაბედ ბურჯანიძემ (შემოგწორე). მისხლო რე.

30. Ложка большая, серебрян., даръ Варвары Мухранской, половины XVIII вѣка, съ надписью мхедрули:

წმინდა სამებას შემოგწორე მუსრან ბატონის დედამ ბარბარემ მისხლო 30.

Варвара, жена Мухранскаго владѣтеля, упоминается ниже въ надписи на окладѣ евангелія 1751 г.

Имѣются еще много другихъ мелкихъ ложечъ.

31. Ставаны серебряные, пять штукъ, работы XIX вѣка, безъ надписей.

32. Ковшъ для теплоты (განსაზიკებელი), серебрян., безъ надписи, XIX вѣка.

33. Ковшъ для теплоты, серебрян., даръ Ладика Зура-
бовича Мачарова, XIX вѣка:

შემოგწირე წმინდას სამებას ლადიკო ზურაბისძე მაჭაროვა.

34. Ковшъ для теплоты, небольшой, изъ серебра, даръ
деревни Уферебли 1906 г.:

შემოწირული სოფელ უფერებლისაგან. 1906 წელს.

35. Брестъ серебро-позолоченный съ надписью хуцури на
оборотѣ:

წყვინიცხ რ-ც სწკჷყცხსც ზჷ ყიყრცო. ა.
ბ. ცხსნიცხ ყჷკო. ყრნიცხ რ-ც ყბჷ ზ-ნი სც.
ყნი. ცხსნიცხ სო. ყნიცხ რჷკნიცხ სწსსც. ზც სწ.
ო. ყცსც ჷყ-სც რიყჷ.

აღვეისა წმინდას სამებასა მე ქმტაურმა ბასილმა შემოგწირე
წმიდა ესე ჭური პატროსანი სულასა ჩემისა სახსრად და სარხად ქო-
რონიკონსა ჩღნუ.

„Пожегъ св. Алевской Троицѣ сей святой честный
крестъ я, Киштаури Василий, во спасеніе и утѣшеніе души
моей, въ корониконѣ 1756 г.“.

36. Масса серебро-позолоченныхъ обломковъ отъ обла-
довъ образовъ. На одномъ остатокѣ начала надписи хуцури
О: ყბო. ცხსნიცხსც. წყვინიცხსც. .. „Боже Единое
Алевское“...

37. Печатное евангеліе 1709 г. въ серебрян. окладѣ съ
изображеніемъ на лицевой сторонѣ св. Троицы, на оборотѣ
Божьей Матери, съ попорченною надписью мхедრული, изъ ко-
торой видно, что окладъ сдѣланъ по заказу княгини Варва-
ры Мухранской въ 1751 г., апрѣля 5-го.

... სამხელა ღთაუბაო წმინდაო სამებაო არსებოთ მიუწდომელო
და ძლიერებოთ... ბეგრნი ბეგრთანი და ათასნი ათასთანი ანგელოზნი და
თავარ ანგელოზნი მთავრობანი და კულმწითანი ქებაბინნი და სერო-
ბინნი და ჩემო აღვეის წმინდაჲ სამებაო მეცა... სასოებოთ შენდამი
ძღვროლელო და მთხოველო... მეხრანის ბატონის მეუღლე ბარბარე

მკადრ ვიქმენ და მოგიჰედინე წმიდა ესე სახარება მცირე ესე შესწო-
რავი რათა მარადის მუდრობული.., ტლისა წულობისა შენისას არა
გარე მოაქციო სათ... ნყოფი მუცლის... დაიცი მე რა უჩქ... და-
დუბას... წარვიდეთ ამინ. გაკეთა წმინდა ესე სახარება აზრილისა ე.
ქესა ულთ. მისხლო ჰე.

Алевскія древности, которыя пропали послѣ 1870 г.

Пл. Иосселиани¹⁾ видѣлъ въ 1870 г. въ Алевской церкви
образа и кресты, которыхъ теперь уже нѣтъ.

1. Пять крестовъ деревянныхъ съ изображеніями свя-
тыхъ и преимущественно ангеловъ и архангеловъ на серебря-
ныхъ, позолоченныхъ пластинкахъ выдутыхъ. Больше сохра-
нившійся изъ нихъ, имѣющій въ длину $\frac{3}{4}$ аршина, былъ
украшенъ восточными камнями. На немъ видны были обси-
діанъ, черный камень, агать, сердоликъ и др. Подъ вѣнкомъ
этихъ украшеній, правильно и изящно разставленныхъ, на-
ходилась часть отъ древа животворящаго креста. Надписей на
крестѣ не было.

2. Образъ архангела Гавріила съ греческою надписью,
въ $1\frac{1}{4}$ аршина. Грузинская надпись читалась:

სამებაო წმინდაო :დადებ... კრისტავთა კრისტავი ივანე აბე-
სალომიძე.

„Св. Троица, прославъ.... эристава эриставовъ Ивана,
сына Абесалома (или Абесаломидзе)“.

Пл. Иосселиани замѣчаетъ, что эристовъ подъ этимъ
именемъ является въ лѣтописи грузинской въ 1373 году изъ
династии Виршійской (კორმული—Виршелл).

Обветшавшій окладъ этой иконы вторично былъ восста-
новленъ въ 1772 г., какъ видно изъ слѣдующей надписи:

¹⁾ См. его брошюру „Алевская святыня“, стр. 15—24. Привожу эти
свѣдѣнія изъ означенной брошюры, которая составляетъ библиографиче-
скую рѣдкость.

მკორედი შეკამკვი კრისტავან დაკით. წელს 1772 ქორენიკონს-ჟა.

„Вторично украсилъ эриставъ Давидъ въ годъ 1772, въ корениконъ 460“.

Этотъ Давидъ есть братъ эристава Шанше и умеръ, какъ видно изъ частныхъ актовъ, въ 1774 году, т. е. черезъ 6 лѣтъ уже по уничтоженіи эриставства Ксанскаго въ 1768 году царемъ Иракліемъ II. Ученый Гюльденштедтъ въ 1772 году засталъ его въ Ахалгори, какъ бывшей резиденціи ксанскихъ эриставовъ. Онъ сопровождалъ его до Тифлиса, подъ прикрытіемъ 100 человекъ.

3. Икона архангела Михаила. На выдутыхъ пластинкахъ серебряныхъ былъ остатокъ надписи церковными буквами: ულუ გზაი... სზს შენტა მსუნებულთა... „дорогу... твоихъ строителей“.

4. На дверцахъ царскихъ вратъ была икона архангела изъ выдутыхъ серебро-позолоченныхъ пластинокъ съ надписью церковными буквами:

სამებაო წმინდაო... უულარს... კრისტავთ კრისტავი... სს-
მებაო წმინდაო... რასაკ ცხოვრებას კრისტავთ კრისტავი... და-
იგვი... ც... დაუტევენდამს ქრისტემან ღმერთმან ჩუენნან, რომელთა
მეოხად შენ გჯვი... მეუთა გამტვიცება მისთა.

„Троице святая... куларагасу... эриставовъ эриставу... сохрани... не вмѣстимаго Христа Бога, предъ Которымъ имѣть тебя ходатаемъ... царей въ утверженіе ихъ“....

5. На иконѣ архангела Гавріила изъ выпуклаго позолоченнаго серебра была надпись церковными буквами:

მთავარ ანგელოზო გაბრიელ მეოხ და მეარეული... შენტა მს-
შუნებულთა... შეიწულე გ... ხ... ული ლუარსაბ ქორენიკონს
ტზ. განმანსლებული არავჯს კრისტავი... .

„Архангелъ Гавріилъ, будь утѣшителемъ и хранителемъ... твоихъ строителей, помилуй К... Луарсаба, въ корениконъ 307(=1619). Обновителя арагвскаго эристава“....

6. На двухъ большихъ кубкахъ (თასი) серебряныхъ и на одной изъ амфоръ было упомянуто имя Ашота, владѣтеля Мухрани, родителя царицы мученицы, св. Бетеваны.

Вещи, видѣнныя мною въ продажѣ въ Тифлисѣ.

Пять лѣтъ тому назадъ въ Тифлисѣ появились въ азіатскихъ магазинахъ серебряныя вещи, привезенныя изъ Ксанскаго ущелья. Судя по попорченнымъ надписямъ, онѣ, вѣроятно, принадлежали Самебской Алевской церкви. Вещи эти были:

1. Глубокая серебрян. чаша, въ 10 сан. вышины и 11 сан. въ діаметрѣ, съ двумя ручками, на которыхъ были рельефныя изображенія барсовъ, смотрящихъ другъ на друга. Чаша имѣла серебрян. цѣпочку для ношенія, но отъ нея осталось только одно кольцо. Кругомъ была надпись мхедрули, судя по палеографическимъ признакамъ, не позднѣе XVII вѣка:

ქ. წმელ სმებო.. სწულად... (туть буквы были прикрыты ручкою) მეს სულთა...
Ниже: მე მენმურს ოქრო მკვდელს შემქნა.

„Святая Троица, помоги и будь утѣшительницею душамъ... Я Менмуръ(?) золотыхъ дѣлъ мастеръ сдѣлалъ“.

2. Глубокая серебрян. чаша, въ 17 сан. вышины и столько же сант. въ діаметрѣ, съ ручкою; украшенъ былъ листованнымъ орнаментомъ въ верхней части. Кругомъ имѣла надпись хуцури:

:ჟ: სჩ... ჰჟო: უჩრუჩ: ზ.. იუჩრ: ჟჩრ: ჰ... ირ: უჩრ: ჰჩრ:..

სამებ[თას] მადლო, შეიწვალე და აღაშენე ქვეყანა მ... დისა შენი მისაჟი.

„Благодать св. Троицы, помилуй и устрой страну М.. гиси, уповающую на тебя“.

3. Серебряная чаша довольно глубокая, въ 20 сант. въ

діаметръ; на двѣ видѣлась трудно разбираемая сложная монограмма изъ грузинскихъ буквъ мхедрули.

4. Серебряная чаша въ 19 сант., въ діаметръ, безъ надписи.

5. Серебряная чаша въ 18 сант. въ діаметръ безъ надписи.

6. Серебряная чаша, внутри позолоченная, съ листовнымъ орнаментомъ, въ 14 сант. въ діаметръ, съ надписью мхедрули на оборотѣ; надпись по палеографическимъ признакамъ XVII вѣка:

ქ. ზუთ ჯადბრს. ასნს შუბნეს ღმერთმა. Кажется, нужно читать: ზუთათ ჯადბრს ასნს შუბნეს ღმერთმა.

„Старуху Бежьи Асану да помируетъ Богъ“.

7. Серебрян. чаша, въ 12 сант. въ діаметръ, съ надписью мхедрули въ видѣ нарисованнаго: ქ. შუწორ მთშის. Последняя группа не даетъ смысла, первая означаетъ „пожертвовалъ“.

8. Труба серебряная для созыванія народа (სუკორა) изъ семи колѣвъ, которыя вставлялись въ другъ въ друга, безъ надписи.

Ларгвиси¹⁾.

Ларгвиси—древній монастырь лежитъ на мысу, образуемомъ слияніемъ Цхрадзмишь-хеви (ცხრადამის ხევი) и Дчуртись-цаали (ჭურტის წყალი), двухъ составныхъ частей Ксани (рис. 32). Мѣстность эта укрѣплена природою и искусствомъ. Тутъ сохранились остатки замка одной болѣе извѣстной и

¹⁾ Литература предмета: Brosset, Voyage archéol. Rapp. VI. p. 73—81; его же Addit. et éclaircis. à l'histoire de la Géorgie, p. 372—385. Вахушты, Географическое описаніе Грузин, изданіе Броссе, стр. 31, 45. 231—233. Бакрадзе. Кавказъ въ древн. памят. христ., стр. 87—88. А. Хахановъ. Матеріалы по археологін Кавказа, вып. VII, стр. 49—53. თ. ყორღანი, ქრონიკები, II, გვ. 1—30. Мои изданія, საქართველოს სიძველენი, ტ. I, გვ. 3—7; ტ. II, გვ. 10—12, ტ. III, გვ. 555—563; ძველი საქართველო, ტ. I, განყოფილება III, გვ. 64—65.

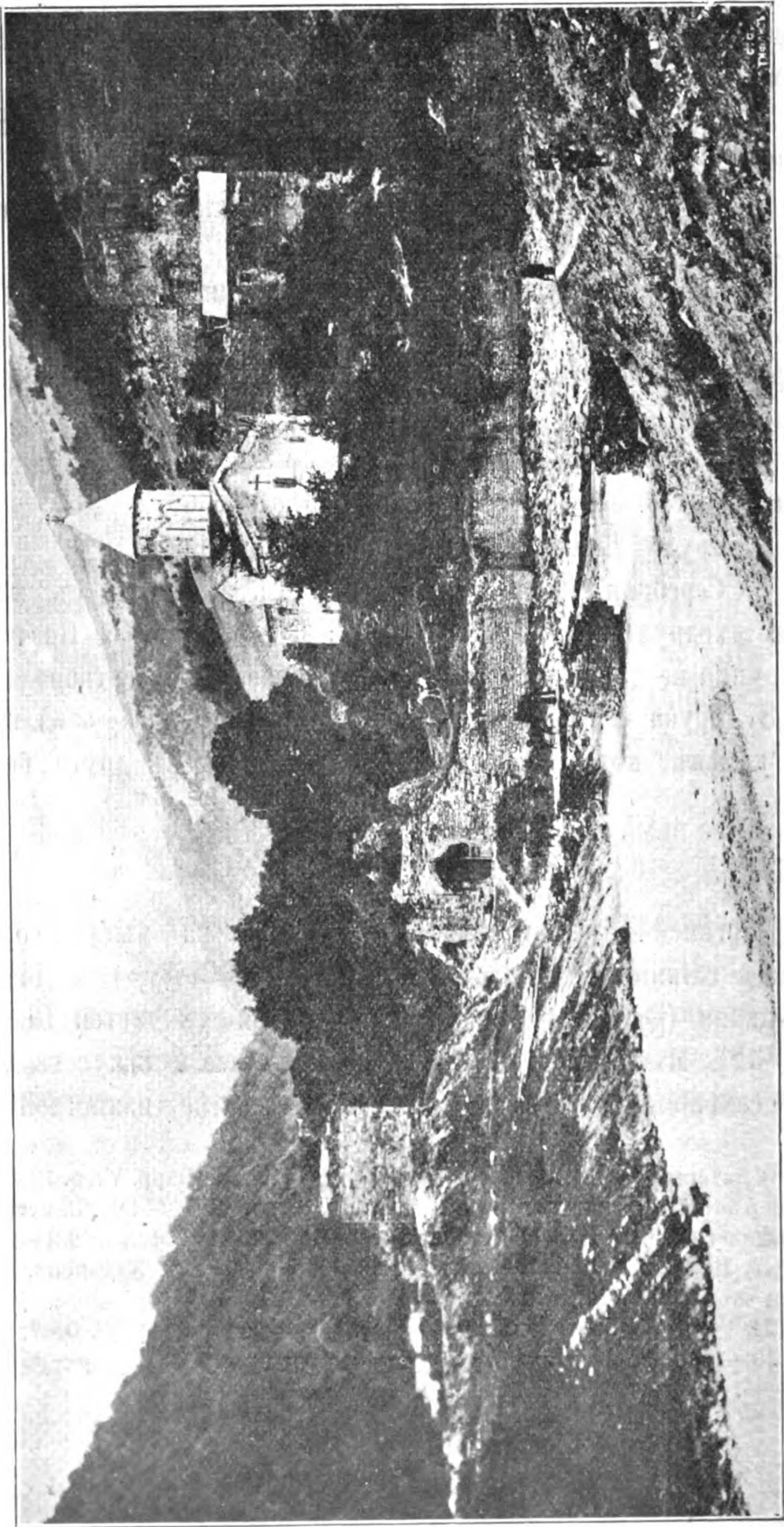

Рис. 32.

сильной вѣтви Ксанскихъ эриставовъ, носившихъ отъ мѣстности названіе ларгвелей. Другая вѣтвь носила названіе Квенпавели отъ мѣстности Квемо-Ипневи, что ниже Ларгвиси,

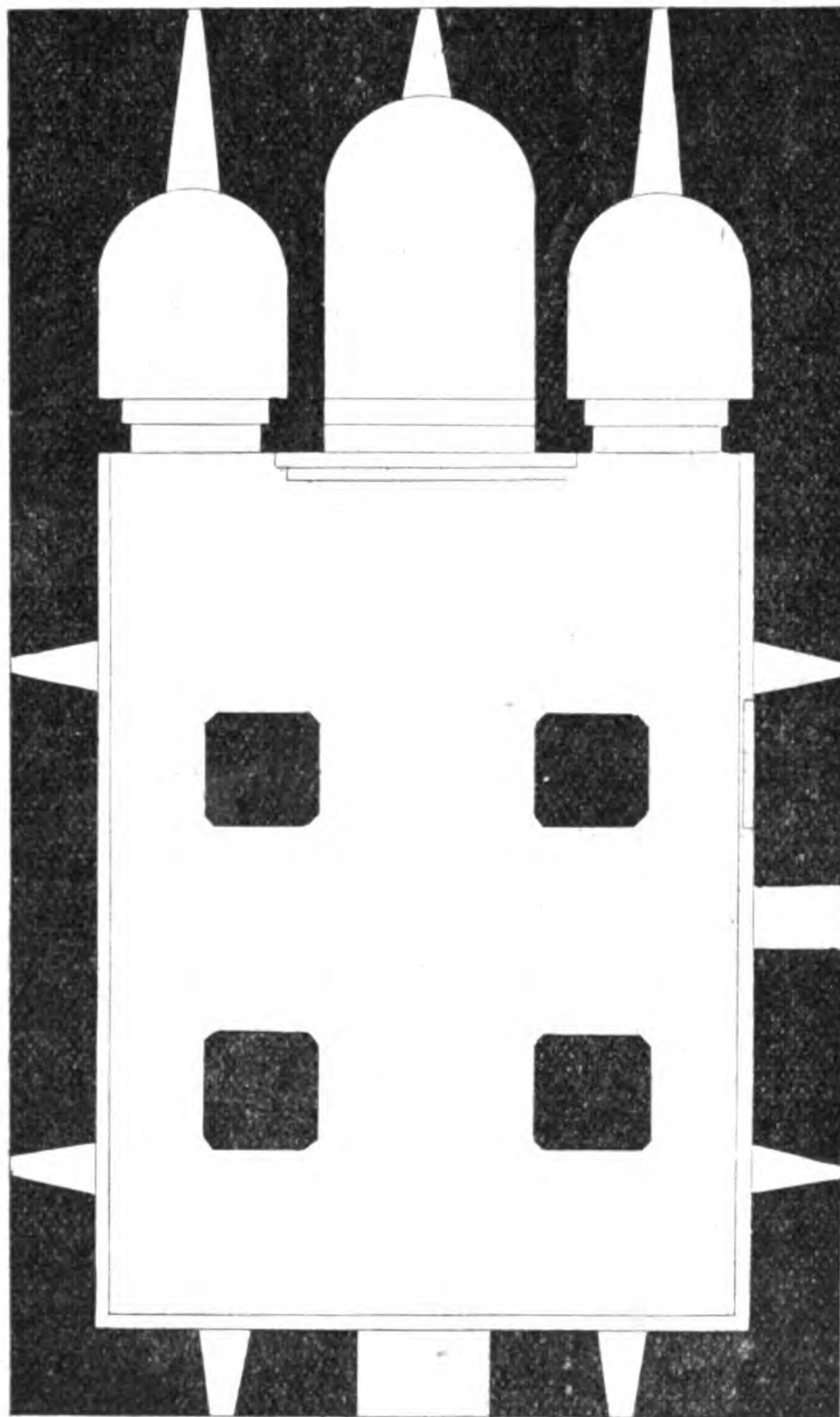

Рис. 33.

на правомъ берегу Ксани, почти противъ селенія Садзегури. Третья вѣтвь называлась виршели. Судя по записямъ и актамъ, Вирша была крѣпость съ монастыремъ, но мѣсто-

положеніе ея до сихъ поръ не выяснено. Пл. Иоссеіани полагаетъ, что Виршей называлась Икорта, гдѣ имѣется великолѣпная церковь, бывший монастырь, съ крѣпостью (см. Описаніе Икортскаго монастыря П. Иоссеіани), но это едва ли вѣрно, ибо Икорта упоминается въ исторіи ксанскаихъ эриставовъ и въ актахъ совершенно отдѣльно отъ Вирши. По преданію ксанскіе эриставы происходятъ отъ осетинскаго царскаго рода, и Ксанское эриставство пожаловано предку ихъ Ростому императоромъ Юстиніаномъ, при чемъ усыпальницею назначенъ былъ ему имъ же, императоромъ, построенный Ларгвисскій монастырь. Ларгвиси служили въ старину центромъ политической и умственной жизни всего Ксанскаго эриставства, а потому объ немъ сохранилось больше свѣдѣній, чѣмъ о другихъ церквахъ и монастыряхъ этого живописнаго ущелья. Свѣдѣнія о Ларгвиси мы почерпаемъ изъ исторіи ксанскихъ эриставовъ, составленной въ XIV вѣкѣ въ самомъ Ларгвисскомъ монастырѣ и помѣщенной въ концѣ пергаментнаго синаксарія. Этотъ синаксарій былъ пожертвованъ Ларгвисскому монастырю эриставомъ Виршели около половины XIV вѣка и потому исторія, записанная въ концѣ на свободныхъ листахъ означенной рукописи, не могла появиться раньше этого времени. Немало матеріала о ксанскихъ эриставахъ и Ларгвисскомъ монастырѣ даютъ также приписки другихъ рукописей, которыя принадлежали означенному монастырю, равно какъ старинные акты, изъ которыхъ наиболѣе интересные и важные уже изданы¹⁾. Съ упраздненіемъ ксанскаго эриставства съ 1768 г. при Иракліи II, Ларгвисскій монастырь пришелъ въ упадокъ, потерялъ имѣнія и до 1811 года служилъ архамандріею, имѣя всего три двора крестьянъ, а въ означенномъ году обращенъ въ приходскую церковь. Ви-

¹⁾ См. мои изданія, საქართველოს სიძველენი, ტ. I, გვ. 3—7; II, გვ. 10—12, III, გვ. 555—563.

сячій мостъ изъ бревенъ, перекинутый черезъ Цхрадзмисъ-хеви, ведетъ къ воротамъ бывшаго монастыря, который былъ окруженъ каменною оградою, сложенною изъ песчаника и голышей. Ворота расположены съ юга. Надъ воротами была колокольня, которая теперь обрушилась. Мысь, на которомъ возведены всѣ постройки, съ юга на сѣверъ все болѣе и болѣе повышается; южную часть занимаетъ бывший монастырь, сѣверную замокъ эриставовъ ларгвелей, который въ свою очередь отдѣляется отъ монастырскихъ построекъ высокою стѣною. Отъ замка сохранились центральная высокая башня и высокія каменные стѣны съ двумя другими башнями со стороны рѣки Ксани. Дворъ замка четырехугольный, ворота его украшены крестомъ. Рѣка постоянно размывала берега мыса: приходилось укрѣплять ихъ каменными стѣнами, что и было сдѣлано въ XIV вѣкѣ. До второй половины этого вѣка монастырскія постройки и церковь были расположены ниже, на берегу рѣки, южнѣе сохранившихся воротъ ограды. Тутъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ уцѣлѣла старинная башня, но церковь и другія постройки были снесены бурными потоками рѣки Ксани, хотя остатки ихъ еще замѣтны. О первомъ большомъ наводненіи упоминается въ первой половинѣ XIV вѣка, когда вода разрушила одну часть ограды съ восточной стороны и снесла большія и красивыя колокольни. Затѣмъ при эриставѣ Іоаннѣ во второй послювинѣ XIV вѣка случилось еще большее наводненіе. „Въ то время“, читаемъ мы въ исторіи ксанскихъ эриставовъ: „былъ сильный дождь, и рѣка Ксанъ вышла изъ береговъ, подступила къ сему монастырю, снесла стѣны ограды, колокольни и подрыла фундаментъ церкви. Тогда эриставѣ Іоаннѣ въ ту же недѣлю приступилъ къ постройкѣ верхней сей церкви, которую окончилъ въ три года, снабдивъ ее воротами и колокольнею, и приступилъ къ возведенію ограды и къ росписи церкви“. Во время нашествія Тимура на Грузію, около 1391 г., Ларгвисскій монастырь,

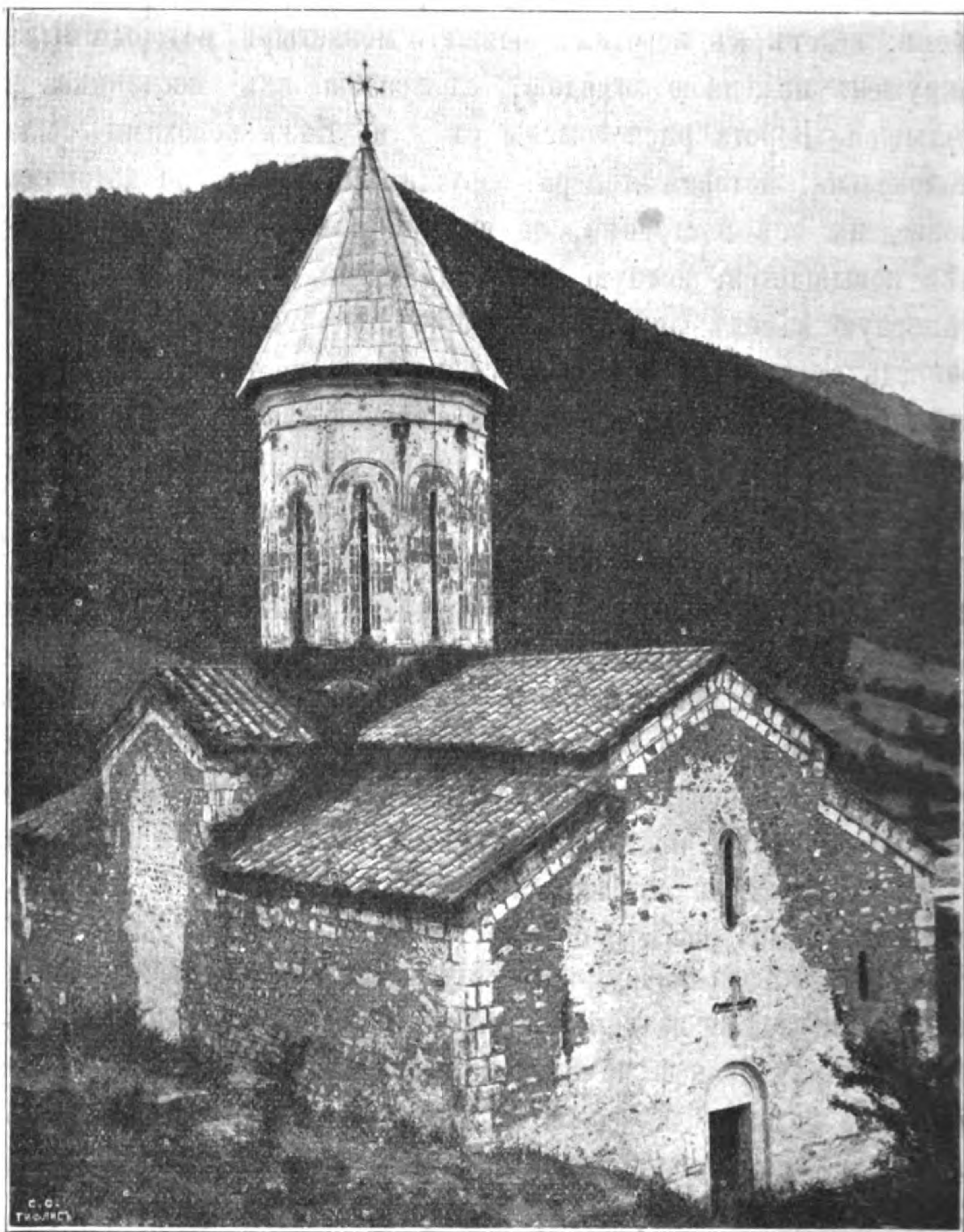

Рис. 34.

построенный Иоанномъ, сильно пострадалъ, но послѣ 1400 г. монахъ Григорій Шиндадзе, сынъ Авгароза, какъ онъ самъ сообщаетъ въ пространной и обстоятельной припискѣ пергаментнаго параклитона, обновилъ внутри монастырь, росписалъ его, укра-

силъ и возобновилъ попорченныя иконы, прибавилъ новыя; построилъ притворъ къ монастырю для своей усыпальницы, росписалъ его, пожертвовалъ двѣ кадила и лампы; построилъ колокольню, хлѣвъ и погребъ, въ которомъ закопалъ 20 кувшиновъ для вина, и перекрылъ всѣ постройки камнями. Во второй половинѣ XV вѣка монастырь снова нуждался въ обновленіи, которое совершилъ эриставъ Шалва Квенипнавели. Отъ послѣдняго до насъ дошелъ обстоятельный пергаментный актъ, данный Ларгвисскому монастырю въ 1470 г. Въ этомъ актѣ эриставъ Шалва послѣ длиннаго обычнаго вступленія сообщаетъ, что Ларгвисскій монастырь, построенный вначалѣ греческимъ царемъ-самодержцемъ Юстиніаномъ, былъ пожалованъ его предкамъ въ качествѣ усыпальницы, а затѣмъ былъ расширенъ, украшенъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ, росписью, образами, книгами и всякаго рода приспособленіями его дѣдами, отцами и предшественниками. Дѣятельность его самого въ пользу монастыря выразилась въ слѣдующемъ: онъ росписалъ своды западной части главнаго храма св. Феодора; поставилъ крестъ надъ царскими вратами, снабженный образами и мощами; заставилъ переписать новыя псалмы и пророковъ въ одну книгу; переплелъ книги—метафрасы; пожертвовалъ большой серебряный подносъ и полный комплектъ облаченія; построилъ церковь въ честь Іоанна Крестителя, которую росписалъ и снабдилъ иконами, книгами и облаченіемъ; окружилъ монастырь стѣнами, построилъ трапезныя для монаховъ и устроилъ надъ ними чердаки (ἑσῶςῶ) и покрылъ ихъ камнемъ; построилъ погребъ передъ чердаками и снабдилъ его кувшинами для вина; оковалъ двери башни и ограды; надъ воротами ограды воздвигъ крестъ изъ мѣди; построилъ амбары и подъ ними закопалъ въ землѣ кувшины для вина. На берегу рѣчки Меджуды эриставъ Шалва устроилъ селеніе Ахаль-убани на такомъ мѣстѣ, гдѣ, начиная съ Адама, ни одинъ человѣкъ ни селился; снабдилъ это се-

леніе землею и опредѣлилъ для него безспорныя границы, разбилъ тамъ виноградникъ и намѣтилъ еще другія мѣста для той же цѣли; построилъ село Иврети, гдѣ со времени

Рис. 35.

Мурвана *Глухого* (арабскаго нашествія на Грузію) люди уже не селились, а также возстановилъ на берегу Ксани опустошенное селеніе Герeday; виноградникъ *селенія* Курты и другіе виноградники, которые были пожертвованы его предками монастырю, оставилъ безъ прикосновенія. Жители этихъ новыхъ

селеній взяты имъ не изъ собственныхъ помѣстій, а извнѣ, изъ другихъ мѣстностей; такимъ образомъ имъ заселены пустоши и устроены деревни, но и въ собственныхъ его селеніяхъ умножились люди и построены церкви какъ имъ, такъ и его подданными. Всѣ имъ построенныя селенія, освобожденныя отъ всѣхъ повинностей и претензій царей, эриставовъ, карталинскаго эристава, патроновъ и должностныхъ лицъ, эриставъ Шалва пожертвовалъ своей усыпальницѣ— Ларгвисскому монастырю для поминовенія его души и устройства агапи въ честь его, при чемъ настоятелемъ монастыря опредѣлили Георгія Журулишвили. Далѣе актъ опредѣляетъ наказанія для тѣхъ, которые бы допустили какіе-нибудь испристойные поступки въ районѣ монастыря или совершили преступленія. Если кто, сказано въ актѣ, заведетъ ссору и обнажитъ остріе въ монастырѣ, или поранитъ человѣка, или прольетъ кровь, его оружіе должны взять въ церковь, а его самого избить и прогнать кулаками, и какъ бы онъ правъ ни былъ, онъ долженъ быть лишенъ закона. Если въ монастырѣ встрѣтятся кровники (т. е. лица, которыя ищутъ другъ у друга крови по обычаю кровавой мести), они должны безмолвно стать вдали другъ отъ друга, а если одинъ рѣшится убить другого, но случайно не убьетъ, ему половина крови прощается, но онъ долженъ дать быка и одинъ вьюкъ вина и хлѣба въ пользу церкви, вступить въ церковь и подвергнуться ей суду. За оскорбленіе церкви взыщется съ него по опредѣленію суда, потому что здѣсь не подобало обнажать меча. Если же онъ убьетъ противника, то онъ не получаетъ отъ него за кровь, а самъ долженъ уплатить въ пользу убитаго за полную кровь. Это должно исполняться до тѣхъ поръ, прибавляетъ актъ, пока слышны звуки била и колокола. Если кто совершитъ въ монастырѣ прелюбодѣяніе, его съ безчестіемъ должны выпроводить изъ монастыря, а наказаніе ему опредѣляется духовникомъ. Если

кто украдетъ, съ него взыщется семь разъ больше краденнаго, и онъ особо будетъ судимъ за оскорбленіе монастыря. Если кто незаконно оскорбитъ священника, или побьетъ, его нака-

Рис. 36.

заніе должно усилиться еще на одну половину положеннаго. За оскорбленіе старухъ, монахинь и настоятельницъ (ἀββάτισσας) по опредѣленію патрона (эристава или царя) подвергаются суду настоятеля и братьи, и они опредѣляютъ наказаніе: за дурное дѣяніе, пусть накажутъ, за хорошее пусть окажутъ уваженіе. Все это, сказано въ актѣ, опредѣлено и пожертвовано съ согласія и повелѣнія Боговѣнчаннаго царя царей Баг-

рата (II имеретинскато, который тогда владѣлъ Карталинію), въ корониконъ 158(=1470).

На оборотъ этого акта приведенъ другой актъ, какъ видно, XVI вѣка. Этимъ актомъ эриставъ Іасе и супруга его Родамъ и сыновья его Ларгвели и Квенипнавели жертвуютъ Ларгвисскому монастырю селенія Курту и Цихію Ксанскаго ущелья.

Болѣе древній актъ упоминаетъ еще о Ларгвели въ 1348 г. Этимъ актомъ малоизвѣстный царь Грузіи Багратидъ Андроникъ утверждаетъ за Квенипнавели Цитлосаномъ, сыномъ Ларгвели, карталинскія селенія Карбай и Гареджаръ-Бакурисъ-убани¹⁾. Настоятель Ларгвисскаго монастыря Георгій Журулишвили извѣстенъ еще изъ другого пергаментнаго акта 1460 года. Онъ данъ царемъ Георгіемъ VIII (по другому счету IX) съ вѣдома эристава Шалвы и Ларгвели священнику Георгію Журулишвили. Актъ опредѣляетъ подробно цѣну крови рода Журулишвили²⁾. Въ записи царя Баграта на этомъ же актѣ Георгій Журулишвили уже значится, какъ и въ Ларгвисскомъ актѣ, настоятелемъ монастыря.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что сохранившаяся до нашего времени главная Ларгвисская церковь св. Феодора въ общихъ своихъ чертахъ возникла въ концѣ XIV вѣка и въ слѣдующіе вѣка не разъ подвергалась реставраціи и обновленію. Въ 1759 году, по словамъ царевича Вахушта, ее возобновилъ эриставъ Давидъ. Это извѣстіе подтверждается приведенною ниже надписью на иконѣ Спаса 1762 года, вставленномъ въ иконостасъ. Надпись, впрочемъ, эристава Давида прямо называетъ строителемъ церкви Ларгвисскаго монастыря. Ларгвисская церковь реставрировалась и въ XIX

¹⁾ Актъ изданъ мною, см. საქარ. სიძგ. II, 33. 11.

²⁾ Грузинскій текстъ акта см. საქარ. სიძგ. ო. I, 33. 3—7; франц. переводъ см. у Brosset. Introduction, XCV—XCIX. Актъ этотъ сохранилъ въ началѣ нѣсколько пострадавшіе портреты царя Георгія и Георгія Журулишвили.

вѣкѣ, но теперь она постепенно приходитъ въ запустѣніе и близка къ совершенному разрушенію. Южное окно уже упало, стѣна съ этой стороны дала трещину и грозитъ паденіемъ, приходъ бѣденъ, а синодальная контора не принимаетъ никакихъ мѣръ.

Рис. 37

Планъ сохранившейся Ларгвисской церкви четырехугольный (рис 33); она построена изъ песчаника, имѣетъ высокій барабанъ и остроконечный куполь (рис. 34). Барабанъ, двери и окна облицованы желтоватыми чисто тесаными камнями, карнизъ изъ бѣлыхъ камней. Внутри церковь дѣлится че-

ՕՆԵՆՈՒՈՅ ՍՄԻՆՈՆԵ. ԿԸՆ ԸՈՒԴԻՆԺՊՎԹ
ԿՂԵՕՒԻՈՒՅՑ ԵՆԴՎԻԴԹ ՄԸ ԵՇՓԿԻԹ;

2. ՄԸՆՈՒԻԿՔԵԴԹ ՄԸ ԴԿՈՒԴՊՎԹ; ՄԸ
ԷԸՔԵՆ ԿՐԵՆ ԲԵՆ ԹՎԴՐԵՆԵՊԿԹ: — ՕՄՊԵ
ՊԿՄՍԵՆԸ ՎԵՊ ՄԸՉՎԻՆ ԿՈՒԸՆԵՉՈՒՆԸ ԸՈՊՍ-
ԻՆ; ԿՊԹՆՆԵՆԸՕՉՈՒՆ ՊՉՆԹԸԴՆ ՄԸԴՆԹՆ;
ՄԸ ԿՊԹՆ ԿՈՉԲԿՈՒԻՆԸ ՄՊՄՆԸ ԿՆՆԸ
ՓՊԹՎԸՐՆ ԿՉ; ՉՆԸ ԿՈՒՆԸ ՍԸՄԴԸՆ..

Рис. 38.

Остальную часть надписи я не замѣтилъ: внизу ея нѣтъ
(рис. 38), но она сохранилась у Броссе, который, въ свою

очередь, не приводит первой части. Безъ обращеній и съ прибавкою послѣдней части по Броссе надпись читается такъ:

გარე შემოუწერელი სიტუა მამისა, ქალწულა, შენგან კარდთ შესხმით გარეშეწერილ იქმნა და განსწინილი ხატი თუსი განასხლას და საღმრთო სიკეთე უსაზღვროდ შეიმოს. მას აღვიარებთ მაცხოვრად სიტუით და საქმით გამოუხატავთ და ემონებთ, და ხატსა შესაწმიდას თაჟიანის ვსტემთ. ოდეს კვლესია ესე ლარკვის მონასტრისა აღუშენს კეთილმსახურის ერისთავის დაჟითის და კეთილ მორწმუნის დედისა მისისა ქეთიანის მიერ, ძისა მათის შალვას

კეთილად¹⁾ აღსაზრდელად, მას უამსა მე უღირსმან არქიმანდრიტმან ამის მონასტრისამან დაკახატებუ ხატი ესე უკვლად წმიდას მცველად და მფარველად ერისთავსა დაჟითის და სხოსად სულისა ჩემისა. ქკს. ჩლახ. მსატყარი იოანე.

Историческая часть надписи въ переводѣ гласитъ:

... „Когда церковь сія Ларгвисскаго монастыря была построена благочестивымъ эриставомъ Давидомъ и благовѣрной матерью его Кетеваною, въ доброе воспитаніе сына ихъ Шалвы, въ то время я, недостойный архимандритъ сего монастыря, распорядился написать сію икону Пречистой *Божьей Матери* для охраны и защиты эристава Давида и въ утѣху души моей, въ корониконѣ 1762 г. Живописецъ Іоаннъ“.

Надѣво отъ образа Божьей Матери находится образъ Іоанна Богослова съ его эмблемами и надписью имени: **ԹՅ ԻՕՆՆԻ ԶԷԿԵԼՈՒԿԻՆԻ**. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ раскрытое евангеліе, а въ правой гусиное перо; на раскрытой страницѣ уже написаны начальныя слова евангелія отъ Іоанна: **პირველი გვ: იუოს: სიტუა: და: სიტუა. იგი: იუო: ღვის: თნს: ი თ. დ. (რის. 39).**

Всѣ четыре образа одной кисти, художника Іоанна, недурного исполненія и сдѣланы въ 1762 г.

1. Къ царскимъ дверямъ прибита небольшая икона

¹⁾ Отсюда привожу по Броссе.

Христа Спасителя, повидимому, XIX вѣка, даръ Тамары Эристовой, урожденной Амилахвари, о чемъ упоминаетъ надпись мхедрули:

Рис. 39.

ივანე ამილახვარის ასულმა თამარმა ვენის ერისთავისამ შემოგწირე მაცხოვრის ხატა წმინდა თეოდორის კელესიას ჩუმი ქმრის და შვილების სადღეგრძელოთა.

Я, дочь Ивана Амилахвари, Тамара, княгиня Эристова, пожертвовала образъ Спаса церкви св. Θεодора въ долгоденствіе супруга моего и дѣтей моихъ“.

2. Большая серебро-позолоченная икона св. Θεодора Ти-

საქართველო

Рис. 40.

рона (рис. 40), чеканная, нѣсколько пострадавшая, перевезена сю-
да изъ дер. Садзегури, въ 73×56 сант., извѣстна подъ назва-
ніемъ образа Кобауровыхъ (კობაურების სურათი). Θεодоръ на
конѣ, поражаетъ дракона копьемъ; изображеніе рельефное. На
каймѣ грубыя изображенія, сверху Спаса на престолѣ, по

бокамъ, святыхъ съ крестами. Сверху надпись имени **ԲՅԹ ՇԿ**—, „Святой Феодоръ“. Напрасно этотъ образъ принимаютъ за образъ св. Георгія.

11
1732
Handwritten notes and numbers on the left margin.

3. Образъ св. Георгія безъ коня (рис. 41), въ 49×37 сант., въ серебро-позолочен. окладѣ; нимбъ украшенъ жемчугомъ и пятью камнями: одинъ изумрудъ, два жала, двѣ бирюзы. Сверху надпись имени святого хуцури: **ԲԷ ՎԿ**. Ниже надпись мхедрули 1732 года упоминаетъ эристава Шанше:

1. Գ. Յ: Թաճաթոս: Թոսարո: Ըճճոթլո: Գորգո: Թոս: Գճճն ճճճս ձս Գճճոտճոսսս: Գրստոտ: Գրստոտ:

2. Մնճոս: Թոս: ճ: ճսլոտ: Գոնց: Ինճոտ: Մոնճոս: Թճնոտ: Գրստոտ: Գրստոտ: Գրստոտ:

3. Ըճճ: Թճճոտ: ճրոտ: Գճճ: Մճճ: Գս: Գճճ: Մ: Թոտոտ: Գրստոտ: Գրստ: ճս: ճսճոտ: ճո: Ըճճոտ:

„О глава мучениковъ, великій Георгій! будь утѣшителемъ въ день оный великаго суда эриставу эриставовъ Шанше съ сыномъ и дочерью. Кто увидите, ради Христа, скажите прости: сильно въ этомъ нуждаюсь. Исполненъ святой сей образъ въ корониконъ 420 (=1732 г.). Господинъ эриставъ, мое дѣло не забудь!“

Послѣдняя фраза, вѣроятно, принадлежитъ золотыхъ дѣлъ мастеру.

4. Большая храмовая икона Феодора Тирона (рис. 42), въ 81,5×48,5 сант. Изображеніе рельефное, чеканное. Феодоръ представленъ во весь ростъ, лѣвою рукою опирается на копье, правою держитъ крестъ; онъ въ одѣяніи римскаго война, Надпись хуцури внизу указываетъ, что икона окована эриставомъ Шанше въ 1750 году:

1. Բ: ԲԿԿԿ. Գճճնճճճճ. Գճճնճճճճճճ. ՄԿՄԿ: ՄԿԿճճԿԿԿ. ԿԿԿ. ԿԿԿ. ՄճճԿԿԿԿ. ճճճճճճճճճ. ԿԿԿ. ԿԿԿճճճճճճ.

Handwritten notes and numbers on the left margin.

2) ԲՆԺՕՔԻՆԷ. ԺԾԷ. ՆՊՕԷ. ՆՄՖՆՔԳՆ.
ԲՆԲՄԳ. ՈԹՆԷ. ԳՆԲԸ. ԿԷՖԵՆՑԳԹ. ՄԳԲՑՕ-
ՎԷՆ. ՎԺԺԷՔԳՎՑԳԹ. ՓՆԷՆ. ՕԿՆԻ:

Безъ сокращеній:

Handwritten notes in Armenian script, possibly indicating a reference or location: *ՏՎ Երջ*

Рис. 41.

Իշքն քրստաշտ քրստաշտ Մանթը Սեքսմեքքը ՆաԹը քքը Լարգոյս
Ձոնաստրոկս Վժինճոյս տքլճոքը Թիրճոնոյս, Կատա յոքն թեքթնոյս Վոնոյս

ლთას. კანც ინკლუდუთ შენდობას ბრძანებდეთ. ქარაბაგონს უკობ.

„Мы, эриставовъ эриставъ Шанше, украсили сей образъ св. Феодора Тирона въ Ларгвисскомъ монастырѣ, дабы онъ былъ миѣ утѣшителемъ предъ Богомъ. Кто увидите, скажите прости, въ корониковъ 438“ (=1750 г.).

Обозначеніе короникона буквами უკობ^ს вмѣсто ულ^ს довольно необычное явленіе.

Handwritten: Theodor Tiron
X

5. Другая большая икона Феодора Тирона (рис. 43), въ 44,5×33,5 сант., на конѣ съ юношею позади, писана на деревѣ и отдѣлана серебромъ съ чернью. Нимбъ украшенъ пятью камнями. Очень оригинальная и красивая икона. Надпись имени святого хуцури: **ԹՎ ՌՆԻԺՕՒԿՆ**.

6. Образъ Божьей Матери съ Младенцемъ (рис. 44), съ надписью сверху: **Մ ր Թ ս**, въ серебро-позолоченномъ окладѣ, въ 33×25,5 сант. Даръ отъ общества Шурты:

**Փ. ԿԿՆՅ: ԲՅԾՕ: ՈԹԵ: ՀՄՎՆ: ՀԿՕԷ: Յ
ՀՆ: ԿԿՀԿ: ՀԾԾԵ: ՄԻԵ: ՄՆԵ: ՍԻԹԵ: ԹՀԹ:**

უკლად წმინდას ღმრთის მშობელ(ს), კონს დ(ს) მთარკველ კქმენ მომჭედს შეს უკლას (და) შურთის თემთ.

„Пресвятая Богородица, будь утѣшительницею и защитницею оковавшему тебя Шалвѣ(?) и обществамъ Шурты“. Ущелье и общество Шурта находится выше Ларгвиси.

7. Образъ-сладень Петра и Павла (рис. 45), серебропозолоченный, на дверцахъ рельефное изображеніе Петра и Павла во весь ростъ. Внутри мощи; въ серединѣ восьмиконечный крестъ и 22 частицы мощей, и надъ мощами рельефныя изображенія святыхъ, къ которымъ мощи относятся; оборотъ обложенъ листовнымъ серебромъ безъ надписи.

8. Образъ Божьей Матери съ Младенцемъ въ поясъ, изъ серебра, съ сильнымъ рельефомъ, даръ Торнике Эристова 1853 г.

1. ქე თარაბაგე კრასთუის ქემ შუკამეკე ხატო ესე საოხად მუკლ-
ლთას ჩემის და მამის

S. Thomas the Apostle

Рис. 42

2. და დედისა ჩემისა სახსად და ასულთა ჩემთა და შდ (მეო. რედ) ასულისა ჩემისა.

3. მეთა და ასულთა სადღეგრძელოდ. მაისის. ივ. წელს ჩუნი:

9. Серебр. врьсть выносной, въ 38,5×19,5 савт., 1798 г., даръ „местумре“ (гостинника) Китеса Чукіани. На оборотѣ надпись мхедрули:

ქ. მე: მესტუმრე: ქიტესამ: გაგაგეტუბნე: წმინდის გიორგის: მათ: ჟვარი: წმნდა მოსხსსებლდ: სულთა ჩუნთა ჩუნთათვის შესწუნებლთ და: ჩემისა: შვილებისა: სადღეგრძელოთ გათათვის. ბ. ქეს: უაგგ+

Я, „местумре“ (гостинникъ) Китеса, распорядился сдѣлать святой сей врьсть святого Георгія въ поминовение душъ нашихъ Чукіановыхъ, въ поминовение и въ долгоденствіе дѣтей моихъ, іюля 2, въ корониконъ 486“ (=1798 г.).

Чукіановы (ჩუკიანობა)—фамилія въ селеніи Курта, что выше Ларгвиси. Обозначеніе короникона черезъ უაგგ (= 460 + 20 + 6) совершенно необычное и неправильное, слѣдовало უშგ.

10. Крестъ выносной изъ серебра, въ 33×15 савт., съ 4 камнями, 1855 года, съ надписью мхедрули на оборотѣ:

საქორეთის გამონებულის წმინდის გიორგის ფულთ გაგაგეტუბნე ესე ჟვარი გაბრიელ (sic) ბერაშვილმა ჩემის მეზობლების მომხრეობითა შერქანდებნითა მე სოსია შავერდოვს გამაგეტუბან ჩუნი წელს მარტის ა.

„Сей крестъ распорядился сдѣлать деньгами Сакоретскаго виднаго Святого Георгія я, Гавріилъ Беріашвили, съ помощью моихъ сосѣдей Шермандиновыхъ. Сдѣлалъ я Соси Шавердовъ въ 1855 г., марта 1-го“.

Сакорети—деревня Ксанскаго ущелья.

11. Крестъ вын. изъ дерева, обить съ лицевой стороны позолоченными серебряными пластинками съ изображеніями святыхъ, въ 37×25 савт., безъ надписи, повидимому, XVIII вѣка.

12. Крестъ серебряный, выносной, пожертвованный гавазцами, украшенъ двумя лалами; внизу на яблокѣ надпись мхедрули, повидимому, XIX вѣка.

ქ. ეს ჯვარი წმიდის გიორგისა გაკვეთილზეთ ჩვენ ბუთსუჭებმა და ფაქიურებსა მე მითხნია ბერსა ვახიკასშვილსა.

P. T. Lend

Рис. 43.

„Сей крестъ святого Георгія распорядились сдѣлать мы Бутхузовы и Качіурувы и я монахъ Митвія Вахибасшвили“.

13. Крестъ серебро-позолоченный, въ 49×27,5 сант., съ надписью мхедрули, заказанъ царевичемъ Георгіемъ, впослѣдствіи царемъ Георгіемъ XII, въ 1781 г.

1. ჭ. ეს ჯვარი ღარგვის მონასტრისა

2. ტრისა არის თავისის შემოსულობადმ გავაკეთებნე მეფის ძემ გიორგიმ.

3. ანკრის ზ ჭკს უფთ მისხლო ზდ. ვინც გამოსწიროს მის რისხვიდეს.

„Сей крестъ принадлежит Ларгвисскому св. Теодора монастырю; распорядился сдѣлать изъ его же доходовъ я, царевичъ Георгій, января 7-го, въ коронниконъ 469 (=1781 г.); золотниковъ 84. Кто изыметъ, на того пусть онъ и гнѣвается“.

14. Печатное евангеліе in 4 въ серебряномъ окладѣ, заказанномъ тѣмъ же Георгіемъ въ 1781 году. Русская работа. На оборотѣ надпись мхедрули:

ჭ: ეს: წ: სახარება: ღარგვისის: წის: თეოდორეს მონასტრისა არის თავისის შემოსულობადმ გავაკეთებნე მეფის ძემ გიორგიმ ანკრის ზ. ჭკს უფთ. მისხლო რჳ (должно быть რს).

„Сіе святое евангеліе принадлежит Ларгвисскому св. Теодора монастырю, распорядился сдѣлать изъ его же доходовъ я, царевичъ Георгій, января 7-го, въ коронниконъ 469 (—1781 г.); золотниковъ 108“.

15. Чаша серебр. съ надписью хуцური, которая упоминаетъ Эристава Шалву Квенипневели.

ჩ.: ЧАУБԵՆԿԻՆԷ.: ԳՕ.ԻԿԿԲԿԿԿԿԿԵ.: ՄԾԿԷՆ.: ՄԿ.: ՈԿ.:

ერისთავსა ქუშნითენეკელსა შალვას შეუნდვენ ღმერთმან.

„Эристава Квенипневели Шалву да помируетъ Богъ“.

Судя по надписи, это тотъ Шалва Квенипневели, отъ котораго до насъ дошелъ актъ 1470 года.

16. Серебрян. чаша (ბარძიმი), съ надписью мхедрули 1720 г.:

ჭ: ეს ბარძიმი: ღარგვის მონასტრის: წმინდის: თეოდორე

Рис. 44.

სია: კინც: გამოსწიროს: ისიმც: რისხვას (sic): წუეულომც: და: შეჩვენებულ: იქნება: უკუხისამდი: მისხალი რ'ლბ. ქკს ტუტ.

„Сія чаша принадлежит Ларгвисскому св. Феодора монастырю. Кто изыметъ, на того пусть будетъ его гнѣвъ,

да будетъ онъ проклятъ и преданъ анаѳемѣ до скончанія вѣ-
ковъ; золотниковъ 132, въ корониконъ 398“ (=1710 г.).

17. Сереб. чаша, даръ Эристова Георгія и супруги его
Тамары.

ძონხნი ღწხნი ერისთავი გიორგი და მუჯღუ მწნი თამარი,

„Рабы Божіе Эристовъ Георгій и супруга его Тамара“.

Надпись XIX вѣка.

18. Серебряная тарелочка съ такою же надписью, какъ
предыдущая.

19. Копье съ серебряною ручкою и съ такою же надпи-
сью, какъ предыдущая.

20. Серебряное кадило съ надписью мхедрули XIX вѣка:

არის ეს საცუცხლური მისხალი ასოცდა თხუთმეტი ქსანჯღ
ჯარგვისის წმინდას თეოდორეს ძონსტრისა.

„Сіе кадило въ 135 золотниковъ принадлежитъ Ларгвис-
скому св. Θεодора монастырю на р. Ксани“.

21. Серебр. чаша, даръ Сосика Тусишвили, XIX вѣка.

Надпись не древнѣе XIX вѣка,

ქ. ესე თასი შემოგწირას საქართვეთს წმინდა გიორგისა ტუსი-
შვილმა სოსიკამ.

„Сію чашу пожертвовалъ святому Георгію Сакоретскому
я, Тусишвили Сосика“.

22. Пряжка серебрян. отъ шелковаго пояса съ надписью
мхедрули:

ქ: ძონსეხე: უფალა: ბატონიშვილი: ლეკან: და თანა: მუცხდ-
რე: ჩუენი: სულ: კურთხეული: გურიელის: ასული: ბატონიშვილი:
თუთა: რომელმან: შემოგწირეთ: სამარხსა ჩუენსა.

„Помяни, Господи, меня, царевича Левана, и супругу
нашу, дочь блаженныя души Гуріели, владѣтельница Туту,
которые пожертвовали сіе усыпальницѣ нашей“.

Леванъ или Шахъ-Були-Ханъ былъ сынъ царя Вахтанга.
Онъ женился на Тутѣ, дочери Гуріели Кайхосро I, въ 1662 г.,
но Тута умерла въ 1678 г. Черезъ два года Леванъ

вторично женился на Тиватинѣ Авалишвили. Наша надпись начертана, конечно, послѣ смерти Туты и, вѣроятно, до второй женитьбы Левана, стало быть, въ 1678—1780 гг.

Рис. 45.

23. Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ царемъ Бакаромъ въ 1739 г., в 4° малаго формата, въ серебряномъ окладѣ.
24. Такое же евангеліе безъ облада.

съ Младенцемъ; направо евангелистъ Лука. Поле украшено листовнымъ орнаментомъ. Ниже яблоко тоже изъ золота съ красивымъ орнаментомъ и съ головками ангеловъ среди нихъ. На оборотѣ, на серебряномъ листѣ, надпись мхедрули XIV—XV вѣка (рис. 47), въ которой неизвѣстный эриставъ Кве-

Рис. 46.

чипневели Ризія рассказываетъ, что попалъ въ плѣнь въ Басіанѣ, въ провинціи у верховьевъ Аракса, и былъ выкупленъ на средства Цховатской церкви. Онъ жертвуетъ поэтому Цховатской Божьей Матери въ Зенубанѣ имѣніе двухъ дымовъ крестьянъ.

ქ. მაცხოვარი ცხავატისა ქვენიფეველს: რიზია ერისთავს: შე-
მიწირავს:.. რრი საკომო მამული ზენუბანს: მამული:.. მთითა:.. და
ბარითა:.. ცხავატის:.. ელად:.. წმინდისათვის:.. ბასიანში:.. დაკუთ-
დი:.. და:.. შენის:.. საქონლითა:.. თავი დავიხსენ:.. არა მებატონემ:..
არ:.. ძეშაღას:

Рис. 47.

„Спасъ Цховатскій, я, Квенипневели эриставъ Ризія, пожертвовалъ Цховатской Пречистой Богоматери имѣніе двухъ дымовъ въ Зенубанѣ съ его горами и равнинами. Попалъ въ плѣнъ въ Басіанѣ и выкупился твоими вещами. Пусть никакой владѣтель не измѣнитъ!“

Другой крестъ безъ надписи, изъ позолоченнаго серебра, въ 24×19 сант. (рис. 48). На лицевой сторонѣ изображена Богородица съ Сыномъ во весь ростъ, внизу подъ ногами на

Рис. 48.

особой пластинкѣ Распятіе (рис. 49). По сторонамъ ангелы. На оборотѣ представленъ во весь ростъ св. Георгій съ надписью хуцури Вѣ Цѣ І—, „Святой Георгій“, съ копьемъ въ правой рукѣ и съ крестомъ въ лѣвой. Работа грубоватая, не древнѣе XVII вѣка.

Кабенскій монастырь¹⁾.

Бывшій Кабенскій или Каберскій монастырь въ честь Божьей Матери, теперь совершенно запущенный, лежитъ на возвышенности на правомъ берегу р. Ксани, близъ селенія

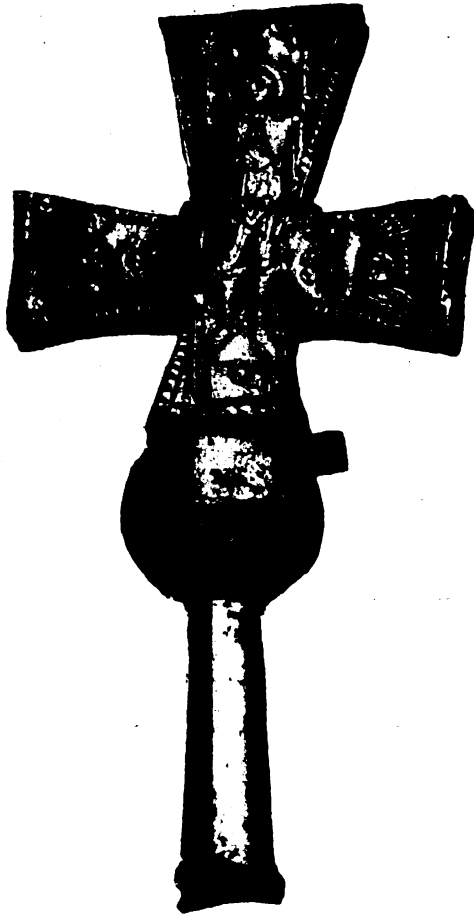

Рис. 49.

---

¹⁾ Литература предмета: Вахуштъ. Географическое описаніе Грузіи, изданіе Брозе, стр. 173. Brosset. Voyage arch. Rapp. VI, p. 72—73. Д. Бакрадзе: Кавк. въ древн. пам. христ., стр. 77.

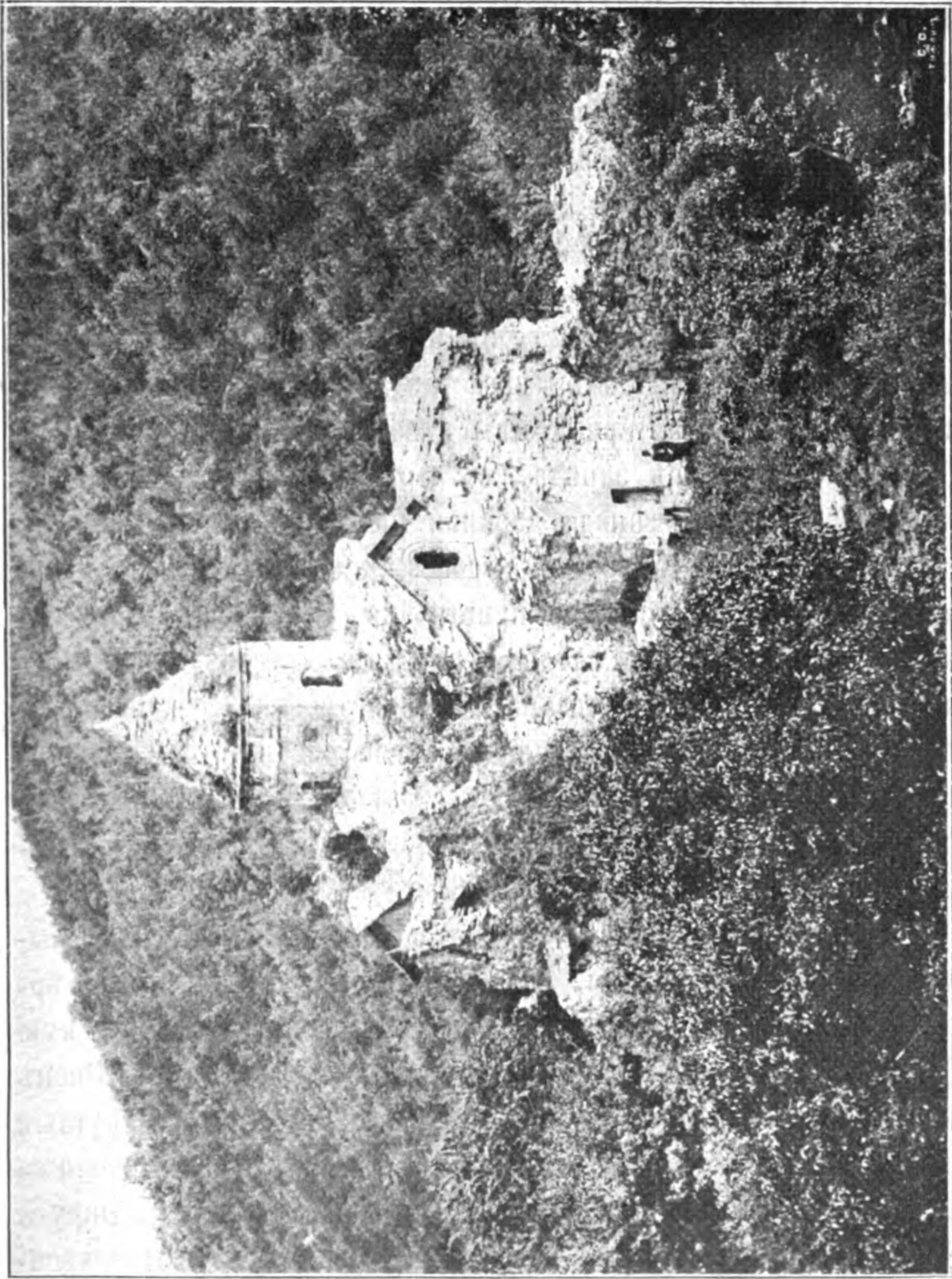

Рис. 50.

Канчаети, почему обыкновенно его называют Канчаетским монастырем (общий вид памятника съ сѣверо-запада мы воспроизводимъ на рис. 50). Мѣстность здѣсь въ высшей

степени живописная, и правъ Вахуштъ, когда говорить, что монастырь имѣеть прекрасное мѣстоположеніе и прочно построены. Но уже при Вахуштѣ, въ половинѣ XVIII вѣка, онъ находился въ завѣдываніи священника. Теперь онъ приписанъ къ приходской церкви Канчаети, остается безъ пристра и приходитъ въ разрушеніе. Между тѣмъ это самый лучшій памятникъ Ксанскаго ущелья и по красотѣ не уступаетъ лучшимъ церквамъ Грузіи. Планъ его теперь обезображенъ позднѣйшими пристройками и передѣлками, но, какъ видно, первоначально онъ представлялъ четырехугольникъ съ четырехугольнымъ алтарнымъ выступомъ съ востока (рис. 51). Всѣ пристройки, съ запада, съ юга и съ сѣверо-запада — позднія. Съ сѣверо-запада двойная пристройка, при чемъ послѣдняя служила погребомъ и надъ нимъ имѣются еще жилища комнаты. Для южной пристройки продѣлали арку въ южной стѣнѣ. Внутри слѣды передѣлки особенно замѣтны въ западной части, гдѣ югозападная пристройка соединена съ главною частью храма; главная стѣна снята и тѣмъ нарушенъ первоначальный планъ. Сѣверо-западная часть раздѣлена на двѣ половины, и каждая половина сообщается съ двойною пристройкою, возведенною съ этой стороны.

Барабанъ невысокій, восьмигранный, украшенъ простыми арками безъ рѣзьбы. Куполъ тоже невысокій, соразмѣрный съ барабаномъ; онъ внутри имѣеть сферическую форму и украшенъ рѣзнымъ крестомъ въ серединѣ. Оконъ въ барабанѣ четыре. Внутри столбовъ нѣтъ. Полукруглыя арки, поддерживающія барабанъ, опираются на прочныя угловые устои или пилястры изъ тесаныхъ камней. Паруса имѣють арочки, которыя опираются на полукруглыя кронштейны.

Извнѣ храмъ облицованъ желтоватыми, чисто тесаными камнями. Цоколь съ восточной стороны изъ четырехъ ступеней. Входъ имѣется теперь только съ запада. Главныхъ

Окно четыре, по одному въ каждомъ фасадѣ. Двери и окна украшены изящною рѣзбою изъ грузинскихъ плетений. Ботатое украшеніе восточнаго фасада напоминаетъ такое же украшеніе церковей Гударехской, Самтависской, Икортской, Ахтальской и многихъ другихъ храмовъ Грузіи XI—XIII вѣковъ (рис. 52). Здѣсь посрединѣ помѣщено богато орнаментированное окно, надъ нимъ рѣзной крестъ, подъ окномъ рѣзные ромбы. Сѣверный фасадъ въ нижней части не имѣетъ облицовки, въ верхней онъ облицованъ, и окно его тоже укра-

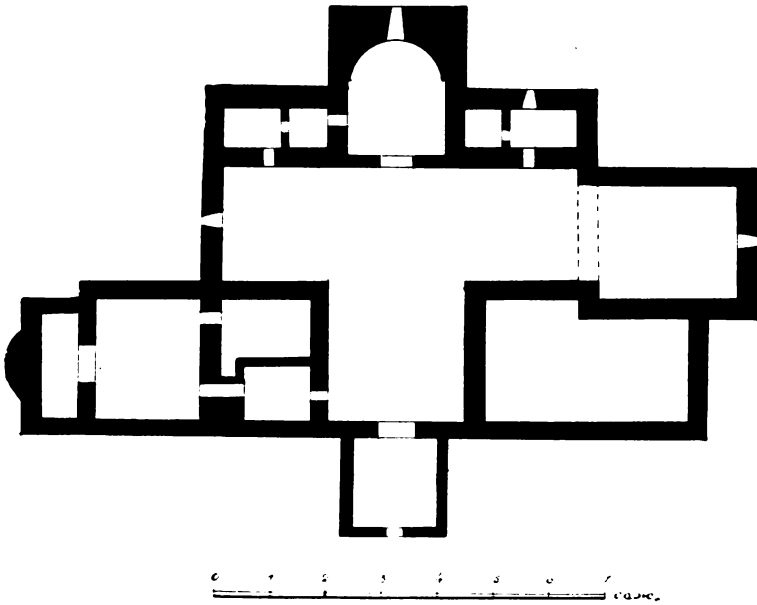

Рис. 51

шено рѣзбою (рис. 53). Западный фасадъ весь облицованъ, подъ конькомъ съ этой стороны рѣзной крестъ, ниже окно такого же мотива, какъ сѣверное. Подъ окномъ придѣлъ поздняго дѣла. Арки всѣхъ придѣловъ стрѣлчатые, тогда какъ главнаго храма полукруглая. Придѣлы, конечно, разныхъ временъ, нѣкоторые сложены изъ голышей. Карнизъ мѣстами опалъ. Мотивъ его виденъ на рис. 52 и 53.

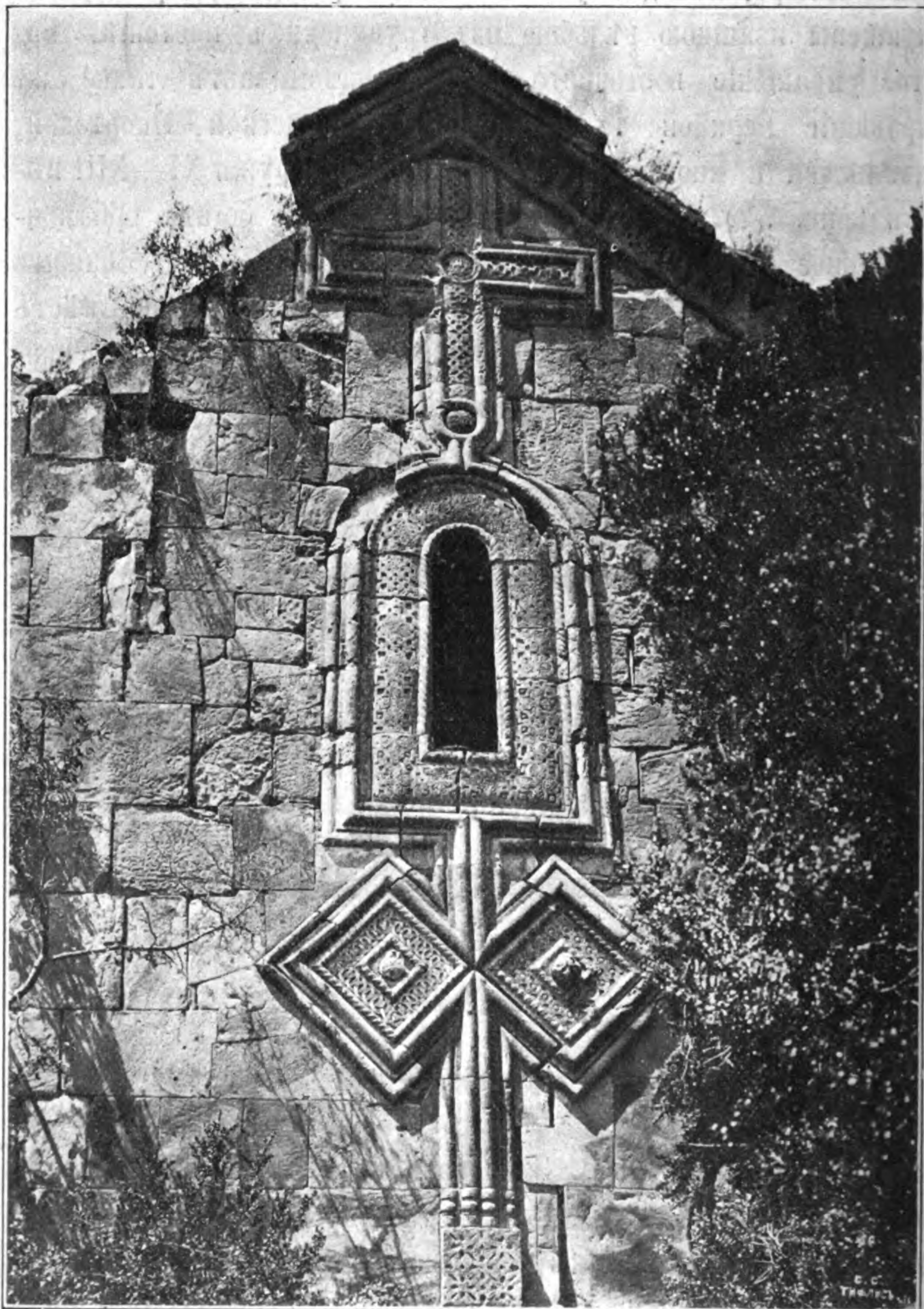

Рис. 52.

Внутри храма, въ алтарѣ, по сторонамъ главнаго окна видны два воронкообразныхъ просвѣта, а ниже двѣ высокія и глубокія ниши. Кругомъ алтаря сидѣніе изъ одной ступе-

ни. Подъ главнымъ окномъ устроено сидѣніе для епископа. Жертвенникъ и діаконникъ прежде открывались только въ церковь, какъ это мы видимъ въ церквахъ Урты и Чалы Чалдырскаго участка Ардаганскаго округа¹⁾, но потомъ весьма неискусно проломали стѣну и устроили кривой входъ изъ

Рис. 53.

¹⁾ Такайшвили. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. XII, стр. 52—53, 57—59.

алтаря въ жертвенникъ. Какъ жертвенникъ, такъ и діаконникъ дѣлится поперечными стѣнами на двѣ части. Въ меньшей части діаконника находится теперь склепъ монаха, Василія Ритишвили, котораго мѣстные жители считаютъ за святого.

Судя по остаткамъ, нашъ храмъ имѣлъ низкую каменную алтарную преграду, сплошь покрытую тончайшею изящною рѣзбой, но эта преграда была разрушена и попорчена. Впослѣдствіи изъ старыхъ обломковъ и голышей была сложена новая преграда, выштукатурена и выбѣлена, т. е. попорчена окончательно, какъ нельзя больше. На рис. 54 и 55 мы воспроизводимъ остатки старой преграды, по которымъ можно судить объ ея былой красотѣ. Въ алтарь можно было входить только черезъ царскія двери; другихъ дверей не было.

Престолъ стоитъ посреди алтаря. Онъ былъ сложенъ изъ рѣзныхъ камней, но, видимо, не разъ подвергался разрушенію и теперь неумѣло перестроенъ.

Подъ церкви состоитъ изъ мелкихъ камней съ известковою заливкою. Солея приподнята надъ поломъ на двѣ ступени.

Храмъ былъ росписанъ и слѣды росписи сохранились въ алтарѣ, въ барабанѣ, на аркахъ и во многихъ другихъ частяхъ. Надписи на фрескахъ грузинскія, но на хартіяхъ святыхъ греческія. Лучше сохранились фрески херувимовъ въ алтарной нишѣ, Божьей Матери съ младенцемъ въ утробѣ налѣво отъ южнаго окна, головы Іоанна Крестителя на блюдѣ подъ аркою южнаго придѣла и т. д. При Броссе въ 1848 г. больше видѣлось фресокъ и онъ въкоторыя изъ нихъ отмѣтилъ въ своемъ трудѣ (Varr. VI, p. 72—73). Старинный шкафъ или, лучше, ковчегъ, въ которомъ при Броссе безъ всякаго пристрастія гнили остатки пергаментныхъ книгъ, теперь стоитъ совершенно пустой. „Не грустно ли“, восклицаетъ Броссе, „что эта беззаботность оставляетъ гибнуть

„Понемногу древніе памятники литературы, которую находятъ бѣдною, потому что ея не знаютъ“. Я не нашелъ также той замѣчательной модели церкви изъ самшитоваго дерева, которая по своей искусной работѣ и выполненію привела въ восхищеніе Броссе.

Рис. 54.

Одинъ надгробный камень въ церкви имѣетъ епитафію буквами мхедрули, и изъ нея видно, что здѣсь похороненъ Фазія Ратишвили, умершій въ 1756 году, 26-го октября:

ქ: ქსა. ბრძანებოთა. უფლისათა. წინასწარ. განხილებულმან. კმა-

მან. მიწა. ხარისმან. გარეშეშინება. და უჩინო, მუო. მოკუდაობითა.
ამან. კამან. დღეს. უნდოსა. სათლასა. შინა. მიწად. გარდამაქცია.
და შეიდას. ტერფისა. საზომსა. უქმისა. ადგილსა. შეკრეთ. მამამ-
დუბარა. მთხრებლად საუკუნოდ. ჩვენ. რატიშვილი. ფაზია. აწ. ბნულსა
და დამარღველსა. სათლასა. შინა. უჩინო. კაქმენ. კითარ. კუალი.
ხავისა. რლ. მიწით. შობილი. მიწადკე. მივიქცე. აწ. გაკადრუბი. უთა.
მხილველთა. და აღმოკითხველთა. შენდობის. ყოფისათვის. აღვეს-
რულე. თვესა. ოკდომბერსა. კვ. ქკს. უმი:

Къ западу отъ храма находится большое четырехуголь-
ное каменное зданіе, въ 16 арш. длины и 11 ширины, ко-
торое служило трапезною монаховъ. Обширный дворъ храма
былъ окруженъ каменною оградою, которая въ былое время
превращала монастырь въ укрѣпленіе.

Никакихъ надписей и извѣстій о времени постройки
Кабенскаго храма не сохранилось. Мы знаемъ только изъ
исторіи ксанскихъ эриставовъ, что Кабенскій монастырь Бо-
жьей Матери былъ возобновленъ во второй половинѣ XIV вѣ-
ка эриставомъ Іоанномъ, тѣмъ самымъ, который построилъ
новый Ларгвисскій монастырь. Исторія ксанскихъ эриставовъ
называетъ Іоанна вторымъ строителемъ Кабенскаго монасты-
ря. Первоначальную его постройку, вѣроятно, нужно отнести,
судя по стилю и украшеніямъ, къ XII или XIII вѣку.

Канчаети.

Селеніе Канчаети имѣетъ небольшую новую приходскую
церковь, которую не стоитъ описывать, но въ ней сохранились
образа и манускрипты, которые раньше принадлежали Кабен-
скому монастырю:

1) Живописный образъ Божьей Матери съ Младенцемъ,
въ 49×39 савт., въ серебряной каймѣ (рис. 56). Нимбы
украшены тоже серебромъ съ позолотою и драгоценными кам-

нями, бирюзами и лалами. Надпись мхедрули внизу сообщает, что образъ пожертвованъ майоромъ Гавриломъ Ратіевымъ въ 1821 г.:

ყანჩუთის გესამნიის. ღის მშობელა. მიიღუ. კინი. ესე. ნა-
შრომი მონისა. შენისა სოკუტნივის და მაიარის. თავადის გაბრიელ
რატევის ძეგრი. რომლისა ვიშრომე სავსითავე შენითა რათა მუხს
მეურ მეუღლითურთ ჩემით ჯიბითის მოურავის ასული თამარით და
მწე. ექმნე. მეთა. ჩემთა. ჩუკა.

2) Такой же образъ Божьей Матери съ Младенцемъ, рисованный на орѣховомъ деревѣ, окованъ серебромъ, въ 48×39 сант. (рис. 57). Какъ видно изъ надписи мхедрули, образъ украшенъ Соломономъ Ратіевымъ въ 1830 г.:

ქ. შუკავე. ხატო. ესე. უდ წისა. ღის მშობელისა. ყანჩუთისა
კახუნისა. ტაზრისა (sic). მოსასოებელმან. მონამან. დიდმის მოურავ-
მან სოლომან რატეუმან სახად სულისა. ჩემისა. და დასაცაველად
მეთა და ასულთა და მეუღლისა ჩემისათა წელსა. ჩულ. იანჯრის. ა-სა.

3) Образъ св. Георгія, въ 37×30,5 сант., такой же кисти и работы, какъ предыдущій (рис. 58). Святой предста-
вленъ верхомъ на конѣ поражающимъ дракона; образъ изго-

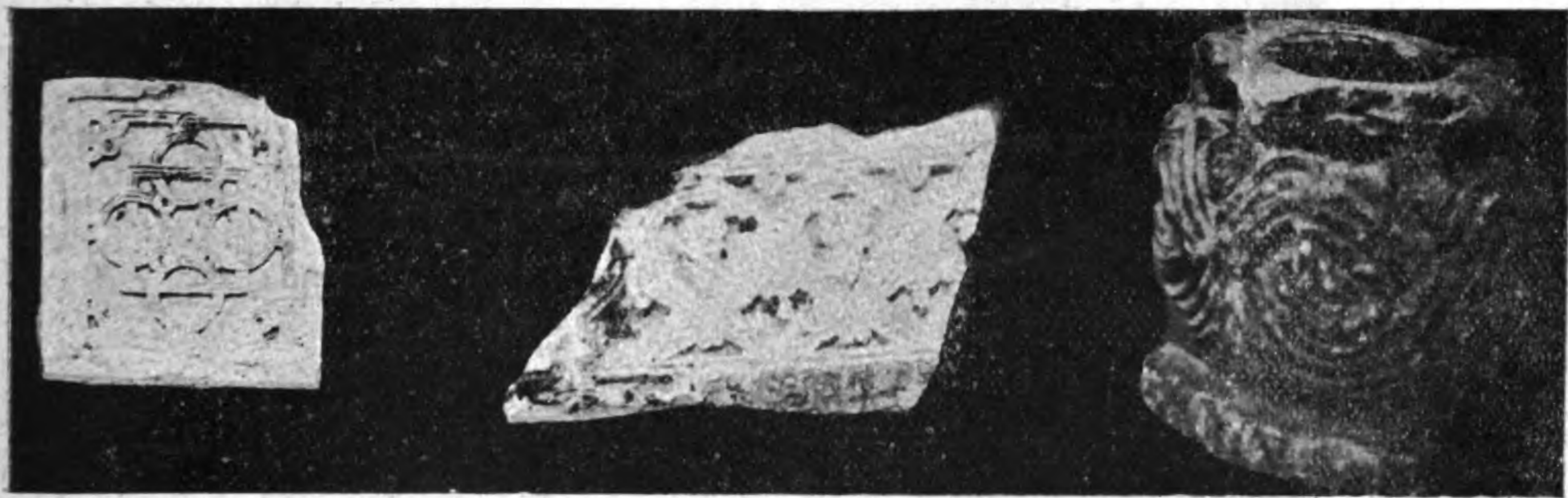

Рис. 55.

товленъ въ 1821 году совѣтникомъ Гавриломъ Ратіевымъ на средства Кабенской церкви. Объ этомъ повѣствуетъ над-
пись мхедрули:

ქ. ყანჩუთის. გესამნიის. ღთის. მშობელა. შენის. მთავარ.
მოწამის. გიორგის. ხატო. შენის თუთრით. და. ჩემის. შრომით. გა-

კაკუთუ. სოკუტნიკმა. თა. გაბრიელ. რატეკმა. რათა. მუხ. მუჟ-
მონაძითურთ. უნათ. წელსა. ჩუგა.

4) Крестъ выносной (рис. 59), серебряный, въ 37×15,5

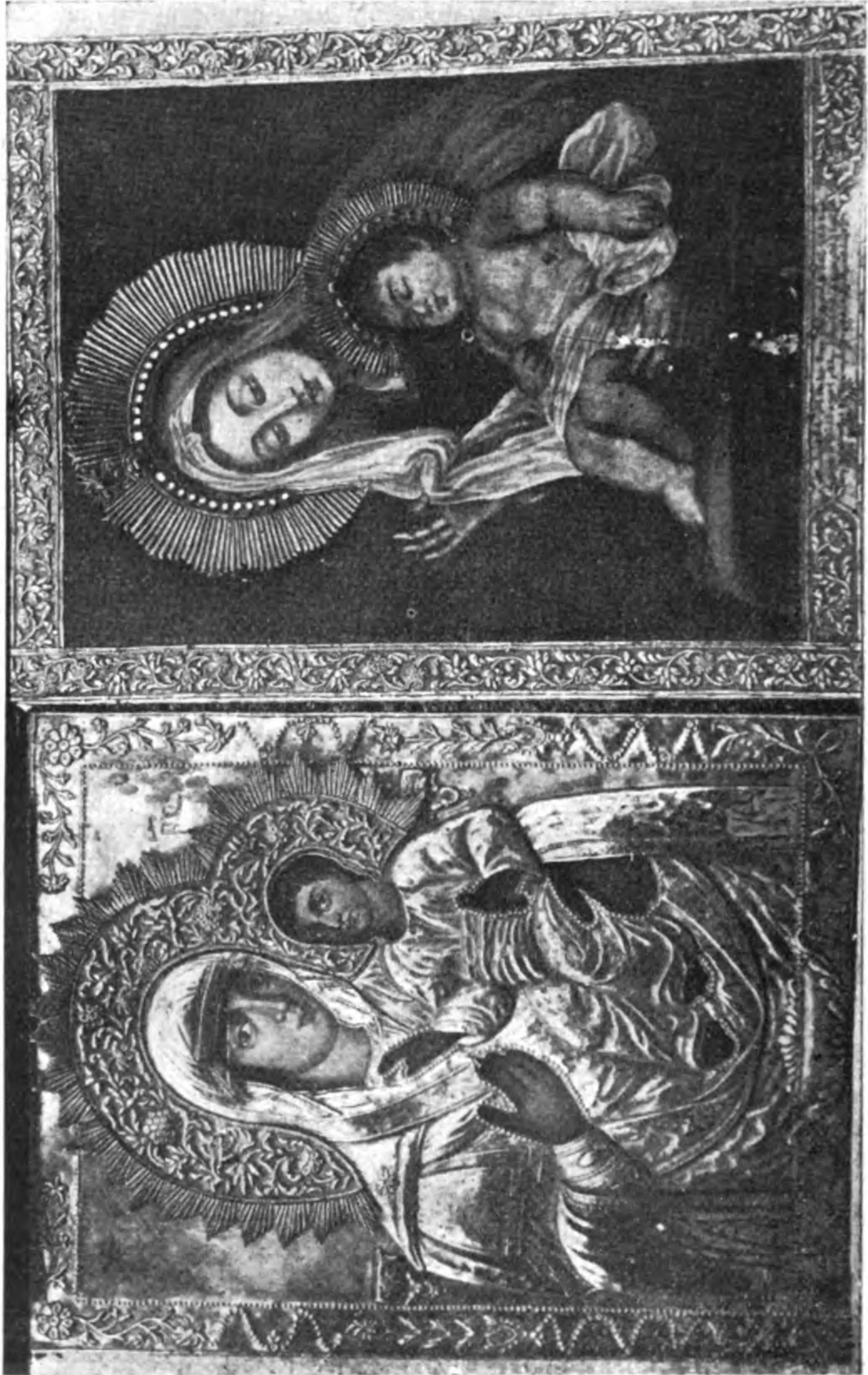

Рис. 56.

Рис. 57.

саит. На лицевой сторонѣ представлено Распятіе, на оборотѣ св. Георгій, украшенъ тремя камнями и имѣетъ надпись мхед-

рули, изъ которой видно, что крестъ сдѣланъ въ 1813 году Матѳеемъ Цивамдзгврисшвили, Гогіей и Давидомъ Джармелишвили на средства самого образа (т. е. церкви), при чемъ сказано, что выносной крестъ служилъ знаменемъ (ბორაყო, теперь ბორაყო):

ქ. უახეთის გესამანის მღთის შობლისა ბორაყო ხატის ფულისთ გაკაკეთებინე ბე წინამძღვრისშვილმა მათემა და ჯარმელიშვილმა გოგამა ჩუენი სულის საცხონებლათ და შვილისა სადღეგებლათ კიდუკ ჯარმელისშვილმა დაკითამა შეკვეცი ბორაყის მინთული (sic) სული საცხონებლათ და ჩემს სადღეგებლათ. წელსა კ'ს ფა.

Рис. 58.

по 23 строки. Оглавленія писаны киноварью, текстъ черными чернилами. Переплетъ досчатый, перекрытый кожей. Поверхъ кожаного переплета раньше были прибиты серебряныя пластинки, вѣроятно, съ обычными чеканными изображеніями распятія и сошествія въ адъ въ родѣ того, какъ это мы замѣчаемъ на окладѣ Тбетскаго евангелія¹⁾, но теперь серебряныя пластин-

¹⁾ Такайшвили. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. XII, стр. 151—162.

5) Крестъ выносной, серебряный, въ 40×23 сант., такой же работы и съ такими же рисунками, какъ предыдущій (рис. 59).

6) Крестъ небольшой серебряный съ Распятіемъ и святымъ Георгіемъ безъ надписи, такой же работы, какъ предыдущій (рис. 59).

7) Евангеліе, въ 24×17 сант., писанное на пергаментѣ строчнымъ хуцури въ два столбца; въ каждомъ столбцѣ

ки сняты и видны только частые слѣды гвоздей и въ восьми мѣстахъ и самые серебряные гвоздики, которыми пластинки были прибиты къ переплету. Одна древняя записка удостовѣряетъ, что евангеліе имѣло чеканный окладъ. Пагинація обозначена заглавными буквами хуцури на тетрадахъ. Всего 31 тетрадь; въ каждой тетрадѣ по 8 листовъ, а во всей рукописи 259. Евангеліе снабжено раскрашенными рисунками четырехъ евангелистовъ хорошаго исполненія. Надписи именъ на рисункахъ греческія. Порядокъ чередованія евангелистовъ обычный. Сначала идетъ Матей (рис. 60), потомъ Маркъ (рис. 62),

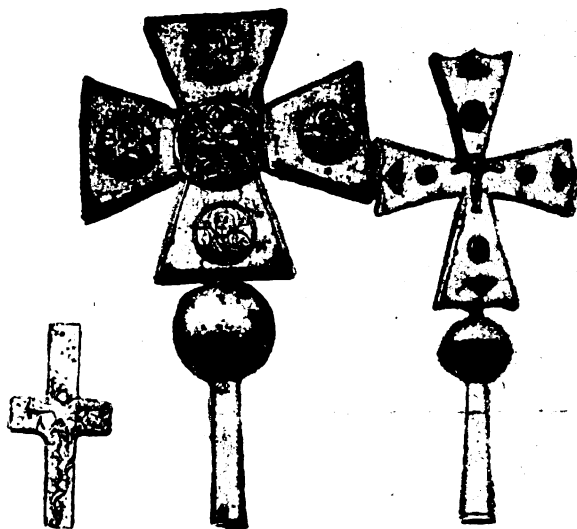

Рис. 59.

затѣмъ Лука (рис. 64); подъ конецъ Іоаннъ (рис. 66). Начало евангелія Матеея мы воспроизводимъ на рис. 61, Марка на рис. 63, Луки на рис. 65 и Іоанна на рис. 67. Евангеліе начинается письмомъ Евсевія къ Кипріану. Предъ каждымъ евангеліемъ есть указатель главъ даннаго евангелія. Въ концѣ рукописи помѣщенъ весьма подробный указатель дневныхъ чтеній, писанный иною рукою, чѣмъ текстъ (л. 243—259). Писецъ и время переписки не указаны, но, судя по почерку, матеріалу и рисункамъ, евангеліе не древнѣе XII вѣка и не

позднѣ XIII. Въ концѣ дневныхъ чтеній (л. 259 recto) сохранилась древняя запись мхедрули, сдѣланная, судя по почерку, если не въ концѣ XII, то во всякомъ случаѣ не позднѣ XIII вѣка. Скорѣе всего запись современна появленію самой рукописи (см. рис. 68). Она гласитъ:

ქ: ოთხოვა: ესე წდაი განმანთლებული: ადამის ტომთა: მე
ბასილი: ა: მსმან: შუკმოსე და მოკვედვი: ღვთა შვთ ჩემთს:
ღისთუბ:-

„Сей святой четвероглавъ, просвѣщающій родъ Адама, я Василій, абхазскій архіепископъ, переплелъ и оковаль (т. е. сдѣлалъ окладъ). Ради Бога, сотворите для меня молитву“.

Сокращенно переданныя слова подъ титлами: ა: მსმან: я читаю: აფხაზეთის მთავარეპისკოპოსისაბ — „абхазскій архіепископъ“, хотя могутъ быть предложены и другія толкованія¹⁾.

Всѣ свободные листы и мѣста нашего евангелія, а иногда и поля испещрены записями лицъ, дѣлавшими вклады въ Кабенскій монастырь. Записи эти представляютъ изъ себя подлинныя акты, иногда съ подписями и печатами вкладчиковъ. Всѣхъ такихъ записей-актовъ въ рукописи 14, изъ нихъ послѣдняя запись 1814 года перечисляетъ всѣ пожертвованныя имѣнія, которыя принадлежали Кабенскому монастырю. По времени записи принадлежатъ XV—XIX вѣкамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ датированы. Записи уже изданы мною и потому ихъ здѣсь не привожу²⁾.

8. Жамъ-гулани, рукопись на бумагѣ, переписана въ 1674 году по приказанію урбнійскаго архіепископа Евдемоза Ратишвили. Рукопись снабжена многочисленными и хорошими рисунками, исполненными въ разныхъ краскахъ. Нѣкоторые рисунки вырѣзаны. Осталось ихъ 60. Послѣдній рисунокъ представляетъ нѣсколько пострадавшій портретъ самого Евдемоза Ратишвили въ архіепископскомъ облаченіи (рис. 69). Онъ лѣвою

¹⁾ Такъ же читаетъ и Θ. Жорданія, ქრონიკები გვ. 71—72.

²⁾ ძველი საქართველო, ტ. I, გვ. 61—74.

рукою подаетъ описываемый манускриптъ Богоматери, которая протягиваетъ ему правую руку изъ сферы. Богоматерь сидитъ на тронѣ, на колѣняхъ у ней Христосъ-Отрокъ. Лѣвою рукою она поддерживаетъ Христа, правую принимаетъ

Рис. 60.

книгу отъ Евдемоза. Христосъ-Отрокъ благословяетъ даръ. Полное описаніе этой рукописи со всѣми ея записями и историческими приписками бивблоса, или пасхальнаго цикла, уже

дано мною, а потому о ней больше распространяться не буду¹⁾).

Ахаль-гори.

Мѣстечко Ахаль-гори— административный и торговый

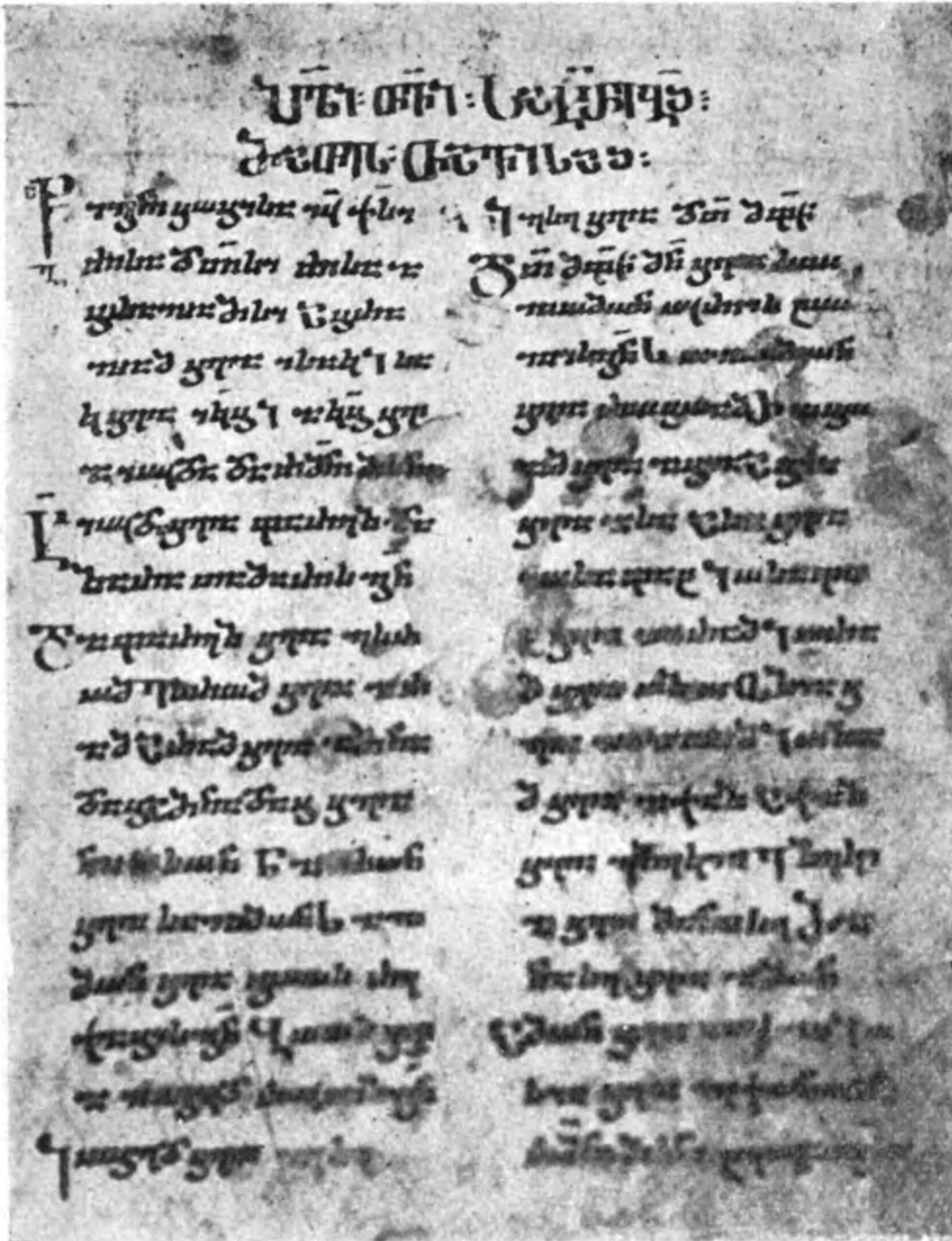

Рис. 61.

центръ Ксанскаго ущелья, мѣстопребываніе пристава Ксанскаго участка, мирового судьи и мирового посредника. Старинная каменная приходская церковь мѣстечка небольшая и

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и племень Кавказа, вып. XXIX, стр. 115—137.

представляет изъ себя обыкновенный типъ малыхъ грузинскихъ церквей. Она посвящена св. Георгію и возобновлена въ 1881 г. Храмовой образъ св. Георгія серебро-позолоченный, средняго размѣра, чеканный, украшенъ 12 камнями, обыкновенной грузинской работы не древнѣе XVII вѣка. Выносной

Рис. 62.
крестъ, въ 46×24 сант., серебряный новый, пожертвованъ Морбедадзевыми въ 1858 г., бабъ показываетъ надпись мхедрули:

ხენს. ქ. ესე ჰვარო შეკვირეთ მორბედაძე გაბრიელ იოსების ძემს და გიორგი ალდგომელის ძემ ყოველს (sic) მორბედაძეების ფულისა და ჰსპუნაშვილის შეკვირვას და გიორგი ელიაშის ძეს შეკვირვას, გკითახნა (это слово написано сверху).

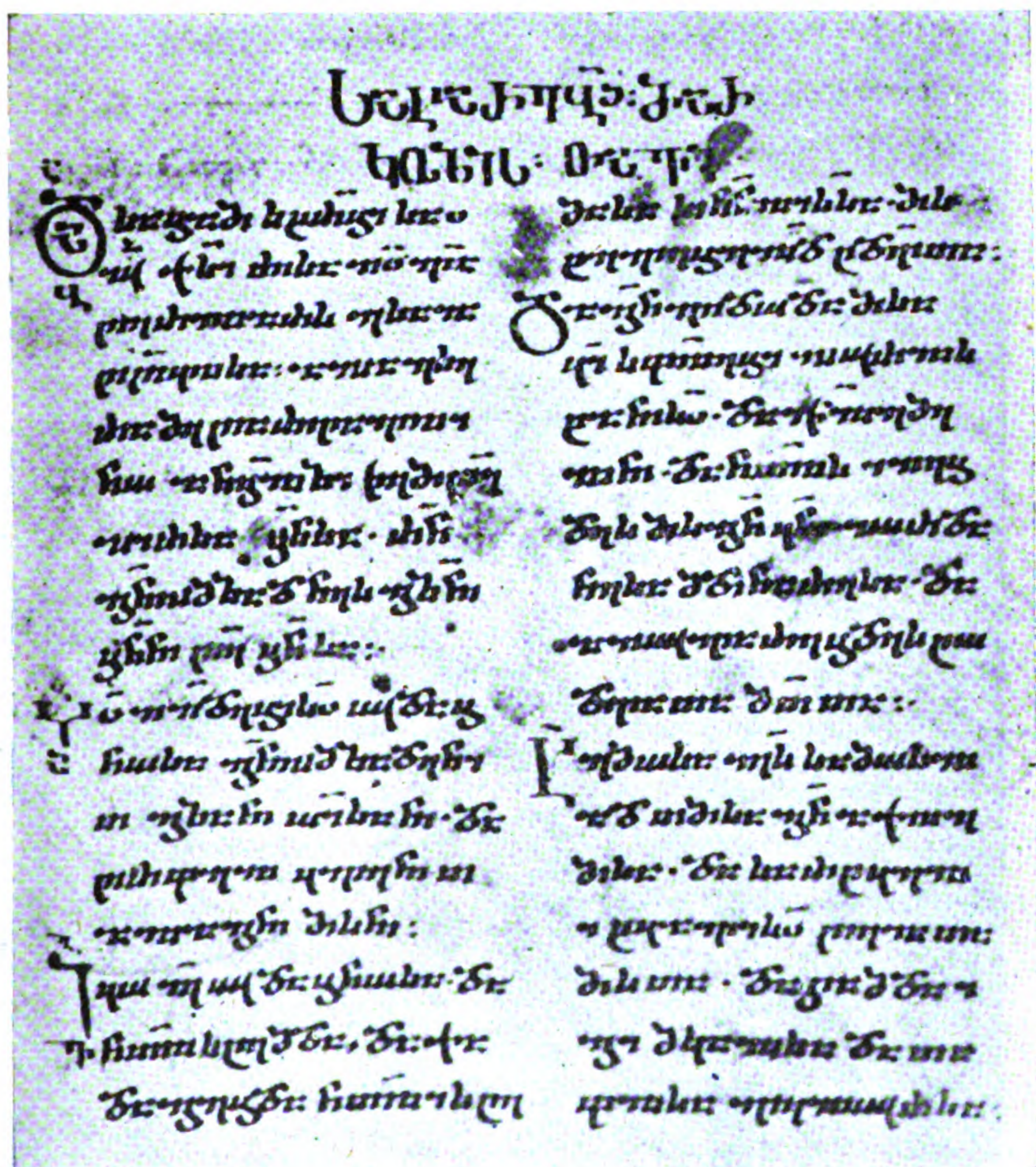

Рис. 63.

Рядомъ съ этою церковью находится такая же маленькая, но еще болѣе старая церковь св. Марины.

Въ Ахаль-горахъ болѣе интереса представляетъ домъ князей Эристовыхъ, Николая и Георгія Давидовичей, передній фасадъ котораго мы воспроизводимъ на рис. 70. Онъ построенъ въ общемъ въ старинномъ стилѣ дворцовъ грузин-

скихъ феодаловъ. Внутренняя отдѣлка его начата въ европейскомъ стилѣ, но не докончена. Теперь онъ изрядно запущенъ. Домъ возведенъ въ бывшей крѣпости ксанскихъ эрис-

Рис. 64.

тавовъ. Крѣпость представляетъ изъ себя продолговатый четырехугольникъ, окруженный высокими каменными стѣнами.

Въ концахъ продольныхъ стѣнъ съ востока и запада возвышаются высокія башни о четырехъ ярусахъ. Между этими башнями былъ возведенъ старый дворецъ, перестроенный и передѣланный Давидомъ Эрстовымъ во второй половинѣ XIX вѣка. О дворцѣ ксанскаго эристава въ Ахаль-горахъ упоминаетъ и царевичъ Вахуштъ.

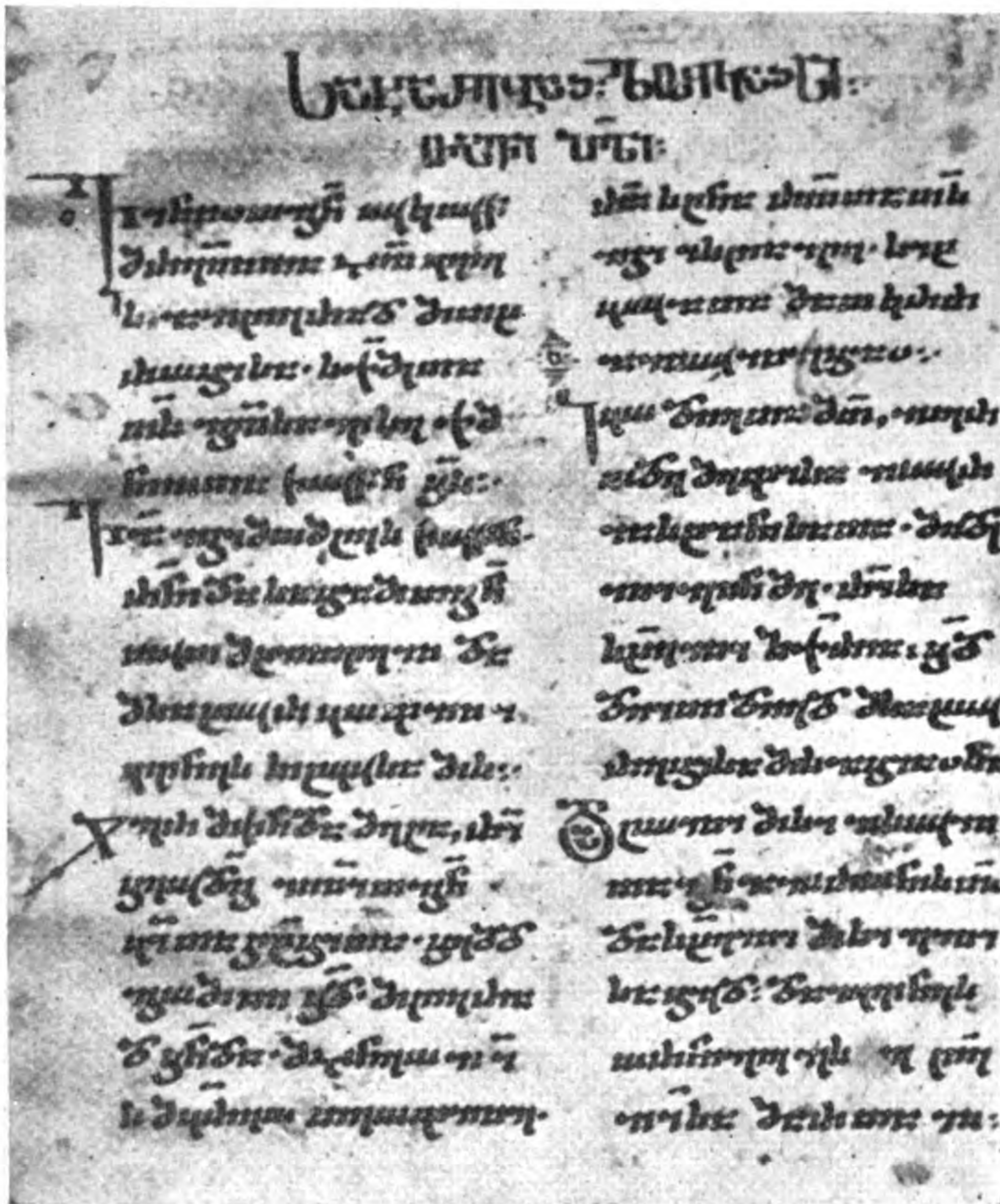

Рис. 65.

Двѣнадцать большихъ круглыхъ столбовъ, возведенныхъ изъ кирпича, поддерживаютъ широкій балконъ верхняго этажа. Съ сѣверо-запада къ дворцу примыкаетъ еще особая

башня. За крѣпостною оградою обширный дворъ въ 7 десятинъ, обведенный, въ свою очередь, старинною каменною оградою. Эта ограда служила внѣшнею частью общей крѣпости.

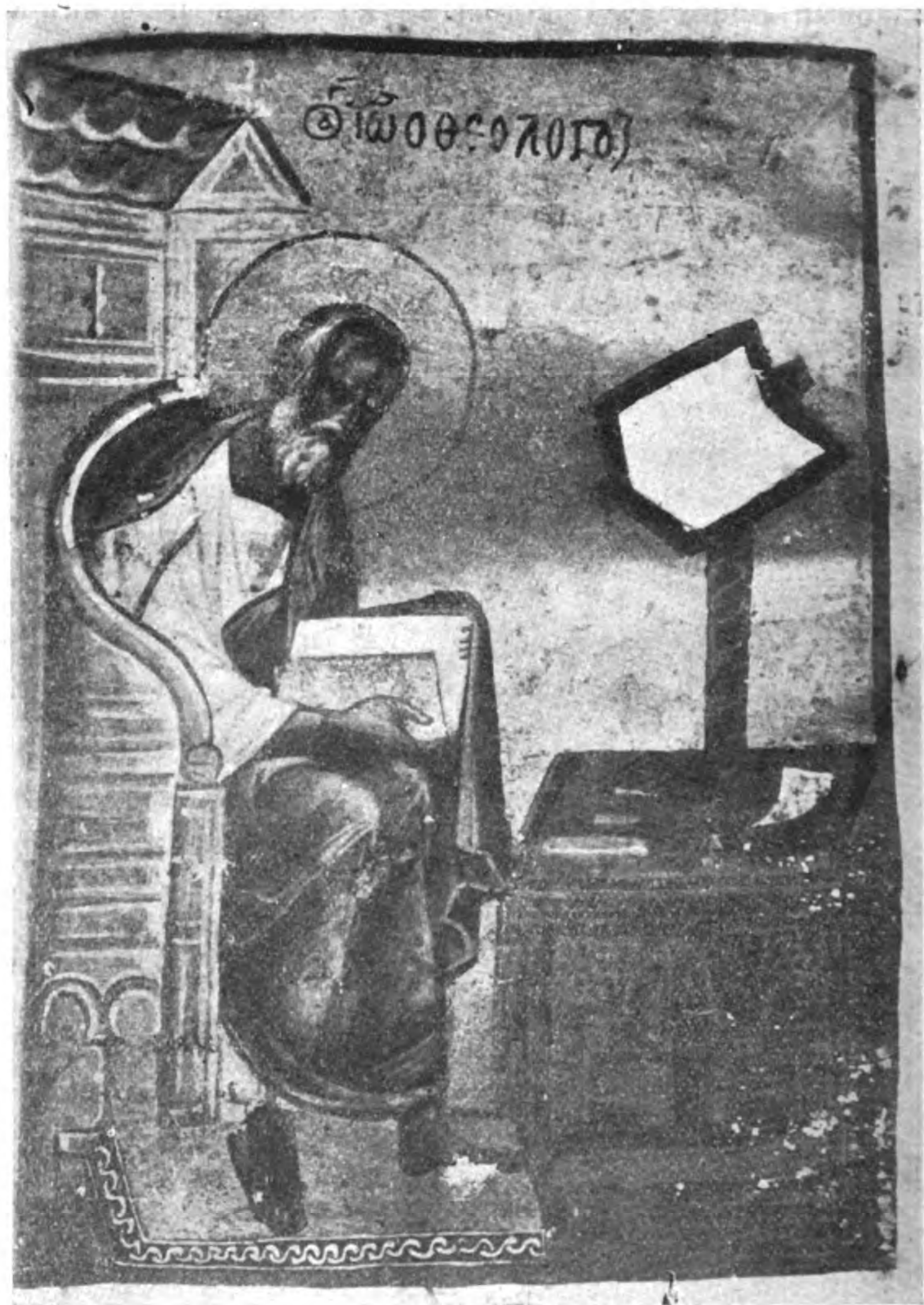

Рис. 66.

Здѣсь теперь разбитъ садъ и имѣются погребъ и службы. Позади дома, вдоль горы, надъ крѣпостными стѣнами прохо-

дить теперь улица. Съ улицы можно попасть въ домъ по всякому мосту, состоящему изъ досокъ, которыя въ любое время можно снять. Этотъ подъемный мостъ, четырехярусныя башни и высокія стѣны ограды поневолѣ переносятъ васъ въ средніе вѣка и въ нѣкоторомъ родѣ рисуютъ общій обликъ дворца грузинскаго феодала.

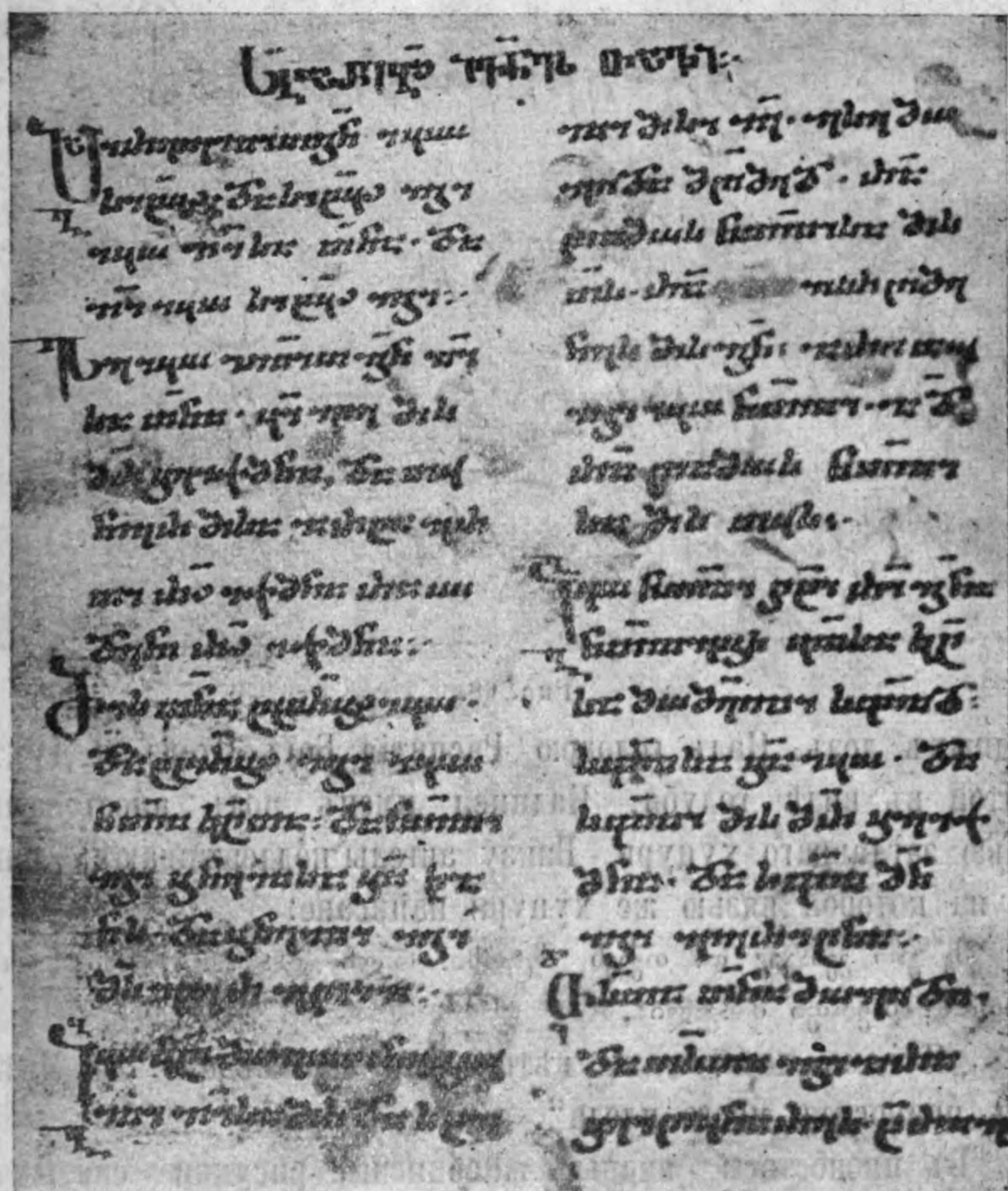

Рис. 67.

Къ югу отъ дома стоитъ небольшая церковь съ куполомъ изъ каштановаго дерева. Церковь построена изъ кирпичей.

Иконостасъ церкви деревянный въ стилѣ рококо и замѣчательнѣе тѣмъ, что надъ царскими вратами, на рѣзной доскѣ въ видѣ виноградной лозы съ вѣтвями и виноградными листьями представлено живописное Распятіе съ 12-ью апостолами (рис. 71). Сама доска, какъ говорятъ, составлена изъ вино-

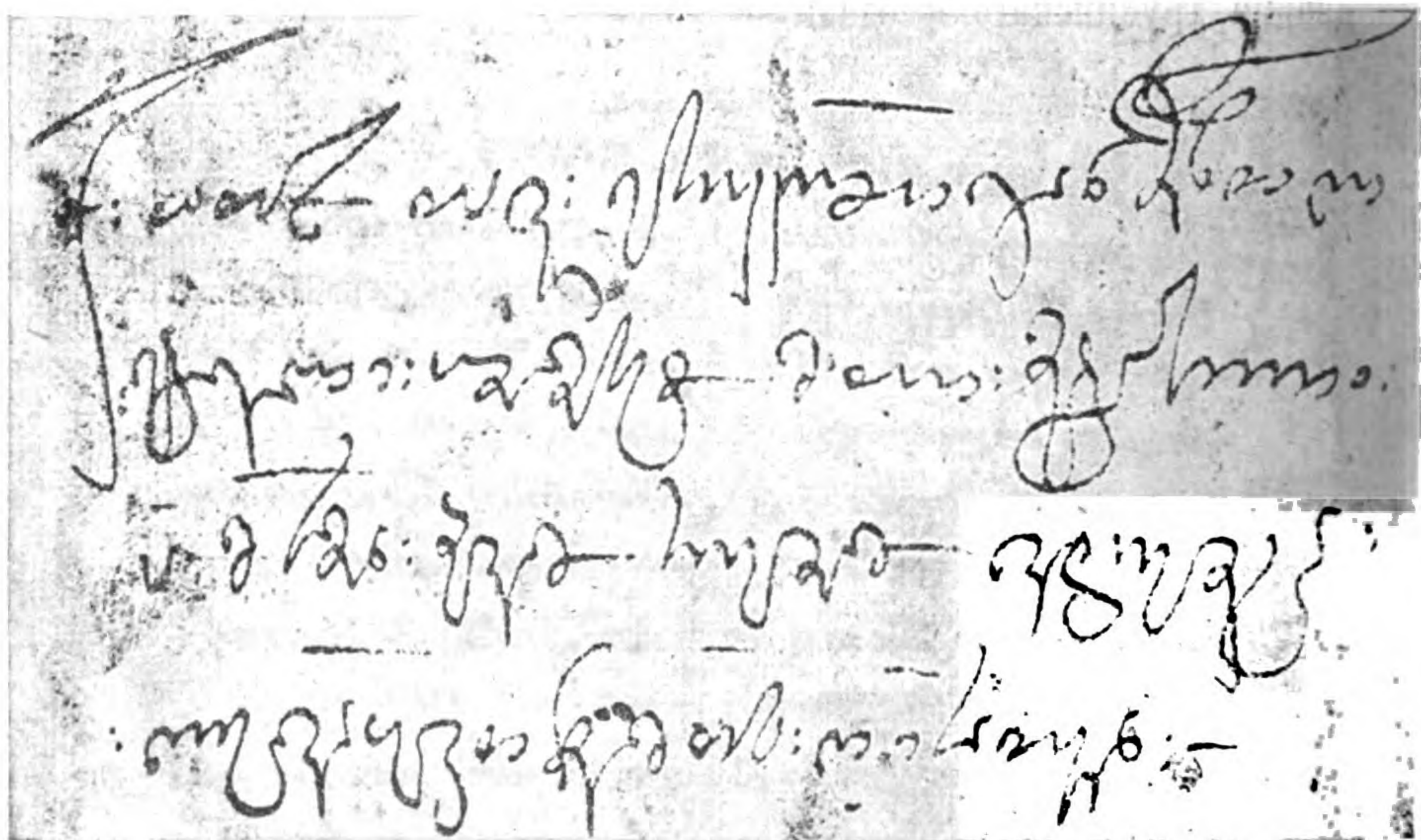

Рис. 68.

градныхъ лозъ. Надъ головою Распятія Богъ Отецъ и Духъ Святой въ видѣ голубя. Надписи именъ подъ апостолами вязью заглавнаго хуцури. Внизу ангелы поддерживаютъ ленту, на которой вязью же хуцури написано:

მე ვარ ვენახი: და თქვენ უტახნი: რწი დაადარეს ჩემთა: მან
მოადრეს: ნაყოფი მრავალი:.

„Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, тотъ приноситъ много плода“.

Въ иконостасѣ видны живописные рисунки святыхъ Елизбара (წა კლიზბარ) и Шалвы, всанскаго эристава (წა შალვა ქსნის ერისთავი), которыхъ благословляетъ Христосъ. Налѣво Животворящій Мцхетскій Столпъ (სვეტი ცხელქვა),

Рис. 69.

внизу Сидонія съ хитонѣмъ Господнимъ (სიდიონის, კკროთი ქვისა). Изъ Столпа течетъ миро въ цилиндрической сосудъ. За Столпомъ св. Нина (წა ნინა).

Древней утвари въ церкви не оказалось. Одна серебряная лампада пожертвована Давидомъ Луарсабовичемъ Эристовымъ въ 1855 году, о чемъ свидѣтельствуесть надпись мхедрули:

1855 წელსა შუქწირუ ლამბადა ესე კერტხლისა თაკაძმა დავით-
ლუარსაბის ქემ ერისთავმა სულისა ჩუმისა სარხსად და ასულისა ჩუმისა
სადღეგრძელოდ.

Самъ Давидъ Луарсабовичъ Эристовъ похороненъ въ этой церкви, и епитафія указываетъ, что онъ родился въ 1818 и умеръ въ 1889 году.

Хопскій монастырь.

Хопскій монастырь, теперь запущенный, расположенъ ниже мѣстечка Ахалъ-горн, въ имѣніи князей Эристовыхъ, на лѣвомъ берегу Ксани, въ горахъ. По словамъ царевича Вахушта онъ былъ посвященъ имени Іоанна Крестителя. Постройка базиличная, безъ купола; облицована чисто тесаными, большими желтоватыми камнями. Покрытъ каменною лещадью на два ската. Плавъ храма (рис. 72) представляетъ изъ себя продолговатый четырехугольникъ съ тремя низкими придѣлами: съ запада, съ юга и съ сѣвера. Всѣ придѣлы поздняго дѣла. Позже всѣхъ былъ построенъ сѣверный придѣлъ. Съ этой стороны храмъ примыкалъ къ косогору, и въ этой скалистой горѣ выдолбили впоследствии придѣлъ и задѣлали съ востока и запада стѣнами изъ голышей, что очень портитъ общій красивый видъ старинной постройки. Южный и западный придѣлы возникли раньше сѣвернаго, и они облицованы тесаными камнями, но въ болѣе позднее время надъ южнымъ придѣломъ построили колокольню изъ кирпичей и тогда за-

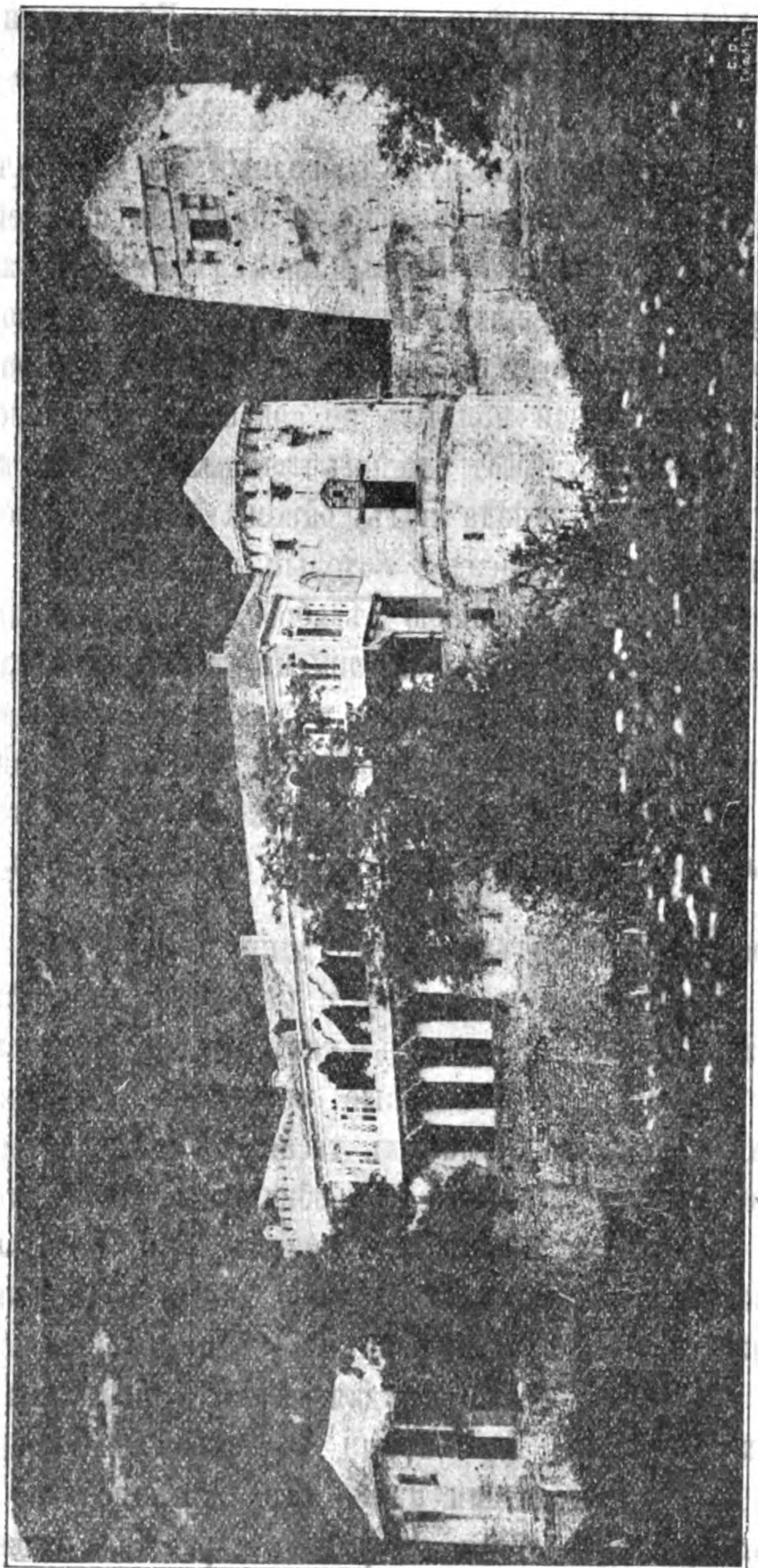

Рис. 70.

крыли входъ изъ придѣла въ церковь. Колокольня теперь обрушилась. Въ самый придѣлъ входъ имѣется съ юга, и окна съ востока и запада.

Сводъ этого придѣла куполообразный изъ рѣзныхъ камней и напоминаетъ въ этомъ отношеніи придѣлы церквей Сафарской и Тимотисъ-убанской. Южный придѣлъ закрылъ южный фасадъ церкви, украшенный рѣзнымъ крестомъ и рѣзною шишкою. Облицовка храма съ юга выше придѣла ободрана.

Что и западный придѣлъ не современенъ главному храму, это видно изъ того, что онъ закрылъ часть красиваго рѣзного креста съ запада подъ окномъ и вообще испортилъ красивый западный фасадъ, который по сторонамъ широкой двери съ богато украшенною рѣзбою имѣетъ красивыя треугольныя ниши, покрытыя изящными грузинскими плетеніями сверху и снабженныя колонками и базами по сторонамъ. Сводъ придѣла провалился. Надъ западнымъ окномъ рѣзная шишка, и надъ нимъ рѣзной крестъ въ видѣ креста святого Георгія. Западный фасадъ съ придѣломъ мы воспроизводимъ на рис. 73.

Восточный фасадъ поверхъ длиннаго окна въ богатой рѣзбѣ имѣетъ рѣзную шишку и рѣзной крестъ. Рама окна съ кружками для просвѣтовъ какъ будто выѣвлена изъ глины. Такую раму я впервые встрѣчаю въ грузинскихъ церквахъ. Карнизъ храма изъ тесаныхъ жолобчатыхъ камней безъ рѣзбы. Мѣстами онъ обвалился. Оконъ четыре, по одному съ востока и запада и два съ юга. Внутри коробовый сводъ церкви держится крѣпко двумя подпружными арками изъ тесаныхъ камней на вѣсу. Продольныя стѣны состоятъ изъ трехъ арокъ каждая. Арки и пилястры всѣ изъ тесаныхъ камней. Изъ храма въ сѣверный придѣлъ два входа. Входъ изъ алтаря криво проломанъ недавно и не обдѣланъ. Престолъ стоитъ посреди алтаря. Онъ сложенъ изъ жирпичей и перекрытъ сверху плоскимъ камнемъ. Полъ изъ

известковой заливки. Солей вѣтъ, только предъ царскою дверью одна ступень. Алтарная преграда сложена изъ простыхъ камней (рис. 74). Она отштукатурена и росписана по-

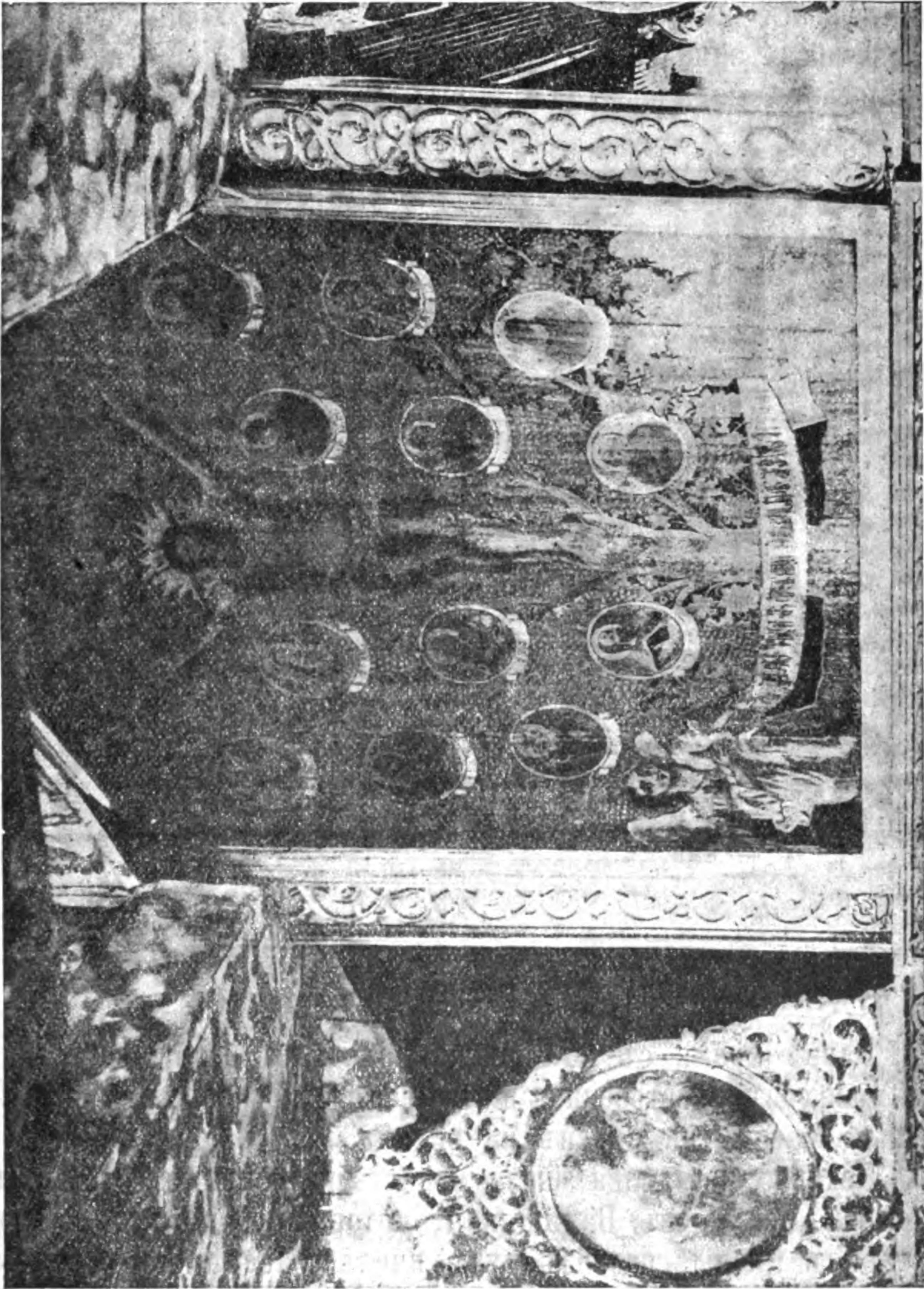

Рис. 71.

верхъ царскихъ вратъ. По обѣ стороны царскихъ дверей по два пролета для постановки иконъ. Надъ преградой возведены пять четырехугольныхъ столбиковъ съ фресковыми изображеніями Распятія въ серединѣ и святыхъ по краямъ. Кромѣ царскихъ вратъ, другихъ входовъ въ алтарь не имѣется. Храмъ былъ росписанъ, но слѣдовъ этого сохранилось мало. Только надъ западною дверью хорошо виденъ еще архангелъ Михаилъ съ надписью хуцури: $\text{X}^{\prime}\text{P}^{\prime}\text{B}$ — „Михаилъ“.

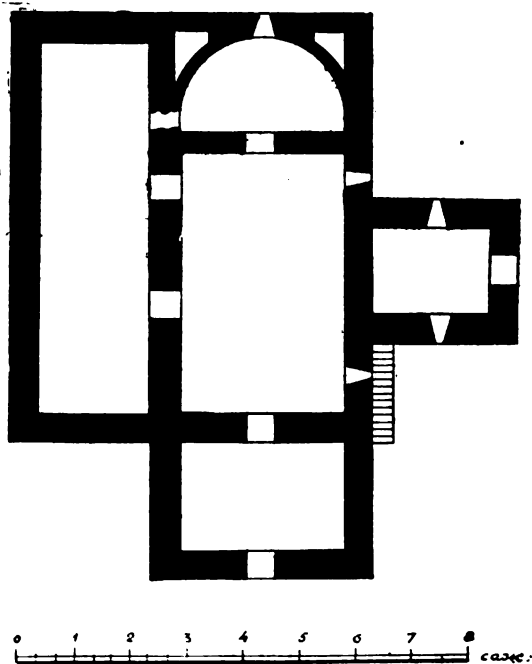

Рис. 72.

Близъ храма съ юго-запада находится большая трапезная монаховъ, построенная изъ простыхъ рваныхъ камней. Южный фасадъ ея виденъ на рис. 73.

Недавно поселился около монастыря одинъ благочестивый человекъ, Бессаріонъ Валишвили, который обчистилъ храмъ, поставилъ иконы, развелъ тутъ пчель, завелъ огородъ и собирается имѣть заботу о заброшенномъ монастырѣ. Дай Богъ ему успѣха!

Никакихъ свѣдѣній о Хопскомъ монастырѣ въ Ксанскомъ ущельѣ въ исторіи Грузіи не сохранилось. Изъ одного акта католикоса Антонія II отъ 18 февраля 1797 года мы

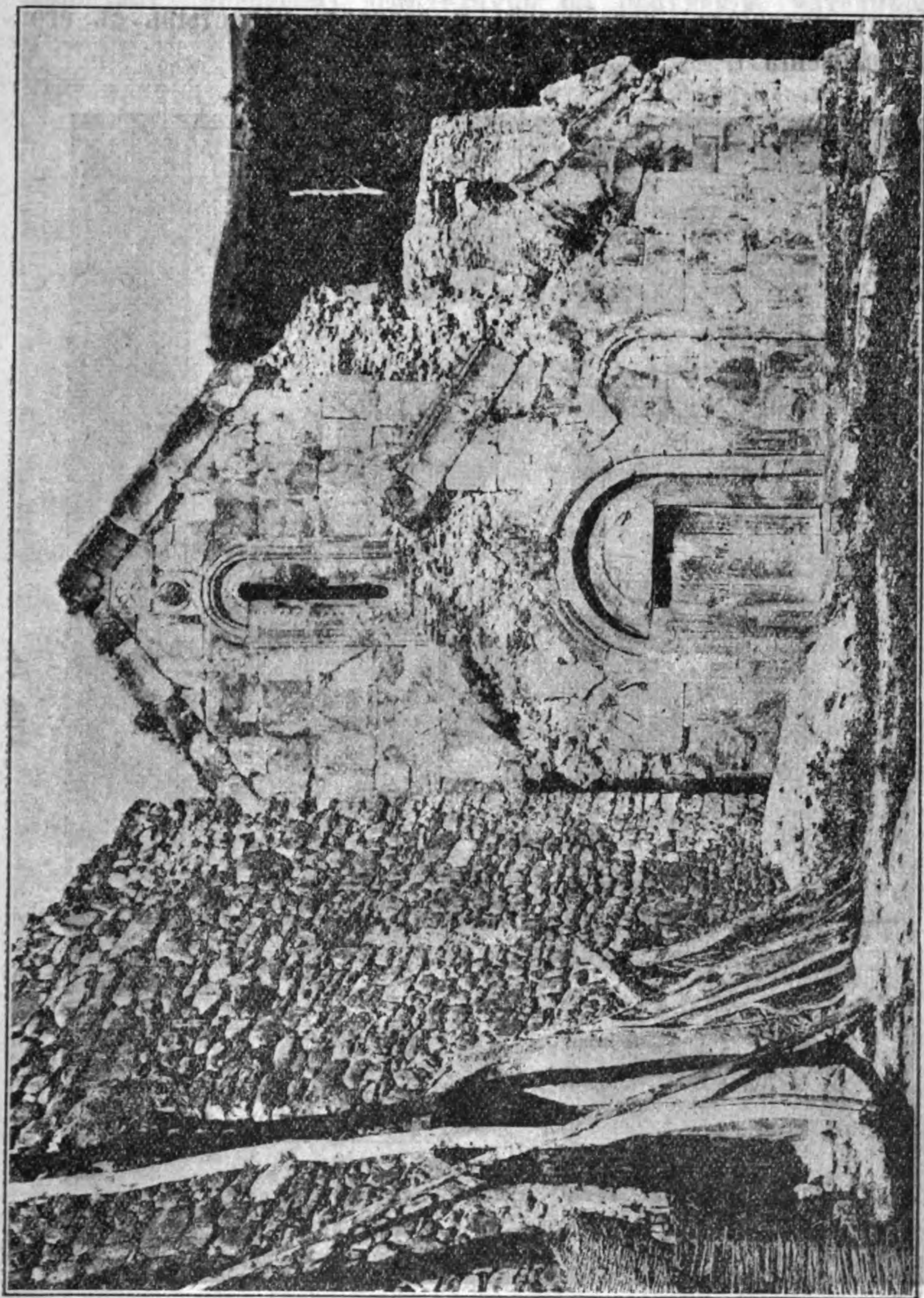

Рис. 73.

знаемъ только, что архимандритомъ этого монастыря былъ назначенъ Досифей Пицхелаури и подъ его вѣдѣніе поступили крестьяне и земли монастыря. Антоній поручаетъ ему собрать матеріалъ, возобновить и освятить монастырь съ его благословенія¹⁾).

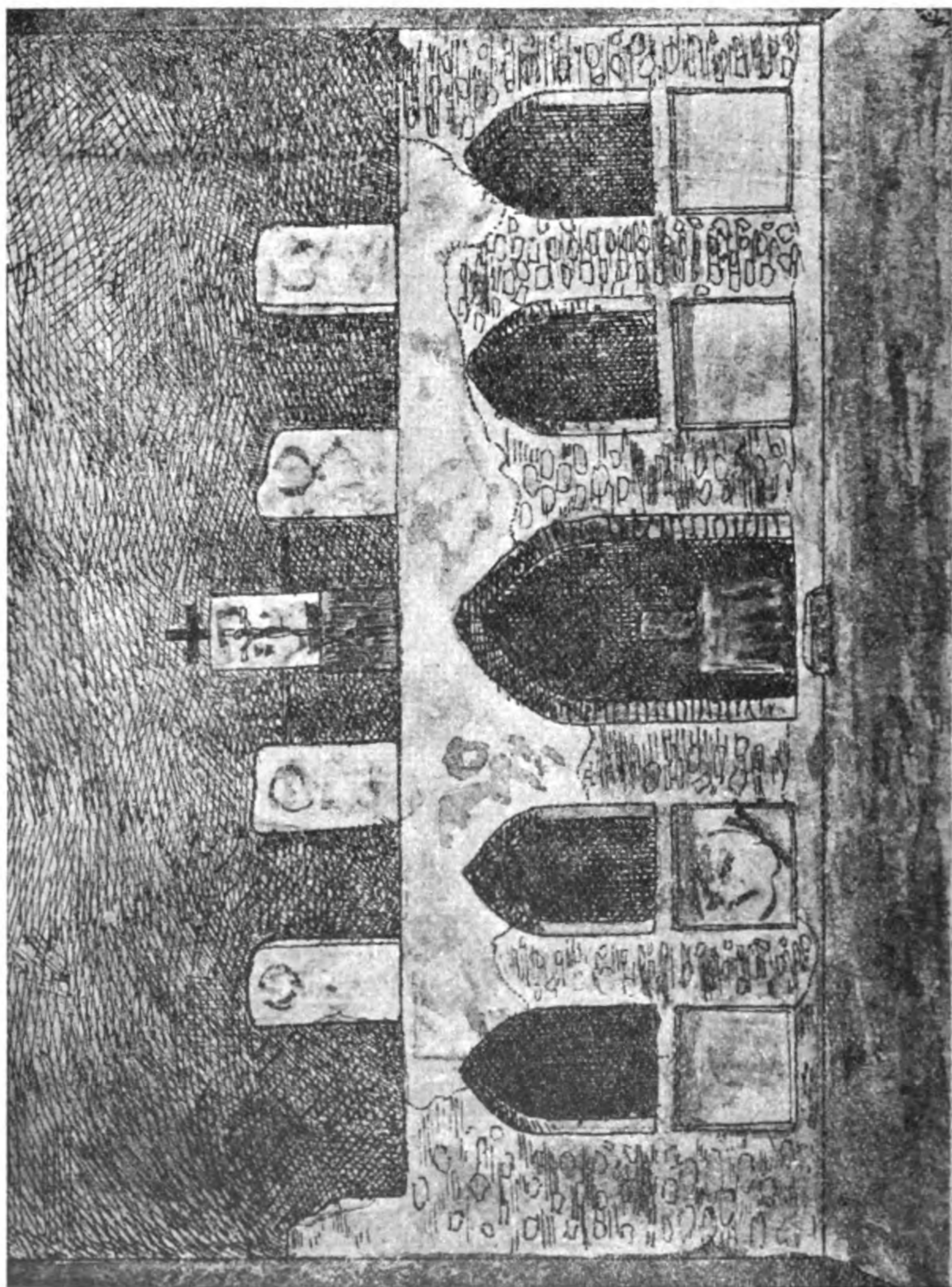

Рис. 74.

¹⁾ Актъ изданъ мною во II томѣ Древностей грузинскихъ, 603. год. II, 33. 465.

Изъ этого можно заключить, что Хопскій монастырь былъ запущенъ еще въ XVIII вѣкѣ и въ концѣ этого вѣка былъ возобновленъ Досиеемъ Пицхелаури по порученію католикоса Антонія II. Колоколья надъ южнымъ придѣломъ и сѣверный придѣлъ, вѣроятно, появились при Досиееѣ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Хопскаго монастыря на сѣверо-западѣ Броссе отмѣчаетъ еще небольшую церковь²⁾, которой я не видѣлъ.

Ксанскій, или садзегурскій кладъ.

Описанные выше христіанскіе памятники Ксанскаго ущелья я посѣтилъ лѣтомъ 1908 года. Но главною цѣлью моею поѣздки было не посѣщеніе этихъ памятниковъ, а разысканіе и приобрѣтеніе ксанскаго клада золотыхъ и серебряныхъ вещей, немногіе образцы котораго появились въ продажѣ на базарѣ Тифлиса еще въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года и были приобрѣтены торговцемъ азіатскими вещами Беручевымъ, а отъ послѣдняго при моемъ содѣйствіи куплены Кавказскимъ музеемъ. Золотая бляха съ изображеніями лотосовъ и птицъ, пронизи и привѣски въ видѣ лягушекъ отъ золотого ожерелья не оставляли для меня сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ весьма цѣннымъ въ научномъ и художественномъ отношеніи кладомъ. Поэтому въ качествѣ секретаря Кавказск. Отд. Имп. Моск. Арх. Общества я рѣшилъ самымъ энергичнымъ образомъ заняться разысканіемъ и приобрѣтеніемъ для Кавказскаго музея всего клада. Съ этою цѣлью я отправилъ письма своимъ знакомымъ и питомцамъ въ Душетъ и Ахалгори съ просьбою собрать и сообщить мнѣ свѣдѣнія, гдѣ и гдѣ найдены были вещи и кому проданы. Изъ полученныхъ отвѣтовъ выяснилось, что вещи были найдены крестья-

²⁾ Карр. VI, р. 83. Свѣдѣнія Броссе о Хопскомъ монастырѣ повторены у Баградзе. Кавк. въ др. пам. христ. стр. 158--159.

нами въ селеніи Садзегури и проданы въ Ахаль-гори торговцу В. Е. Мзареулову. Нѣкоторые сообщали, что по мнѣнію мѣстнаго общества найденныя вещи должны принадлежать Златовратной Алевской церкви, которая была ограблена 15 лѣтъ тому назадъ. При этомъ дѣлалось предположеніе, что грабители не могли тогда сбыть вещей и спрятали ихъ въ землѣ. Такое мнѣніе составилъ и помощникъ ксанскаго пристава Паніевъ, который до выясненія обстоятельствъ дѣла отобралъ вещи у В. Мзареулова и передалъ ихъ на храненіе въ Душетское уѣздное правленіе. Одновременно онъ далъ мнѣ знать объ этомъ черезъ свою сестру и просилъ пріѣхать и выяснить, церковныя ли эти вещи или иного происхожденія. Взявъ командировку отъ Кавказск. Отд. Моск. Арх. Общества, я выѣхалъ въ Душетъ. Въ качествѣ фотографа по приглашенію Отдѣленія любезно согласился поѣхать со мною превосходный фотографъ-любитель, капитанъ Анат. Аполл. Калиновскій.

По пріѣздѣ въ Душетъ мы немедленно явились къ уѣздному начальнику, предъявили ему открытый листъ и сообщили о цѣли нашего пріѣзда. Уѣздный начальникъ оказался любителемъ, если не археологій, то во всякомъ случаѣ старинныхъ вещей. Сразу стало ясно, что нашъ пріѣздъ и интересъ къ ксанскому кладу ему были не особенно пріятны. Онъ сначала заявилъ, что о ксанскомъ кладѣ ровно ничего не знаетъ, что у него никакихъ вещей нѣтъ. Но когда я въ категорической формѣ замѣтилъ, что лично у него, можетъ-быть, ничего нѣтъ и онъ не знаетъ о найденномъ кладѣ, но въ уѣздномъ управленіи должны быть вещи, переданныя туда на храненіе помощникомъ пристава Ал. Спирид. Паніевымъ, и попросилъ позвать и спросить при мнѣ самого Паніева, то начальникъ понизилъ тонъ и сказалъ; „да, да, я помню, что-то было, но вѣдь это такіе пустяки, что не стоитъ и говорить“. Въ это время пришелъ Паніевъ. Достали и распе-

чатали „эти пустяки“, и въ нихъ оказалось золотыхъ вещей болѣе одного фунта и 79 золотниковъ, а серебряныхъ 2 фунта 37 золотниковъ. Противъ того, что по вѣсу сдалъ В. Мзареуловъ, золота оказалось меньше на 17 золотниковъ, что могло случиться или отъ невѣрныхъ вѣсовъ, или отъ удаленія нѣкотораго муссора послѣ нашего осмотра. Золотыя вещи состояли: изъ четырехъ большихъ золотыхъ бляхъ, двѣ съ украшеніями въ видѣ лотосовъ и птицъ, одна съ украшеніемъ въ видѣ пары грифоновъ; шейной гривны; трехъ ожерелій или, лучше, частей отъ ожерелій; двухъ паръ массивныхъ серегъ; пары ушныхъ привѣсокъ въ видѣ парныхъ коней съ постаментами и привѣсками постаментовъ; перстней, браслетовъ, пуговокъ, нашивокъ, провизей и т. д. Серебряныя вещи состояли: изъ двухъ массивныхъ чашъ съ грушевидными выпуклыми украшеніями; кувшинчика; оленя и другихъ мелочей. Бронзовыя—изъ бронзоваго зеркала, удила, колокольчиковъ и другихъ мелкихъ вещей.

Осмотрѣвъ и зарегистриравъ всѣ вещи, мы снова запечатали ихъ и сдали на храненіе уѣздному начальнику, заявивъ ему, что онѣ должны быть пріобрѣтены Кавказскимъ музеемъ. При этомъ я указалъ, что вещи не церковныя, а погребальнаго инвентаря, поэтому намъ нужно поѣхать въ Ксанское ущелье, посмотрѣть мѣсто находки и принять мѣры охраны, если дальнѣйшія изысканія дадутъ надежду на подобную добычу, равно какъ поговорить о покупкѣ съ Мзареуловымъ. Прямая дорога изъ Душета въ Ксанское ущелье лежитъ черезъ лѣсистый водораздѣльный хребетъ между бассейнами Арагвы и Ксави. Тогда въ Ксанскомъ ущельѣ происходили разбои, и уѣздный начальникъ объявилъ намъ, что не ручается за нашу жизнь, если мы поѣдемъ безъ стражниковъ, а стражниковъ и лошадей обѣщалъ дать черезъ день. Мы согласились. Но на нашу бѣду начальникъ при насъ получилъ телеграмму съ извѣщеніемъ, что къ нему ѣдетъ гу-

бернаторъ на ревизію на три дня. Тогда онъ намъ объявилъ, что до отъѣзда губернатора стражники будутъ заняты, и онъ насъ отправить не можетъ. Мы согласились подождать и за это время достали частнымъ образомъ лошадей и поѣхали для осмотра Бодорняской церкви. Оттуда поѣхали въ селеніе Аранаси, изъ Аранаси въ Живвань, гдѣ осмотрѣли живванское городище и некрополь; потомъ вернулись въ Аранаси и изъ Аранаси въ Душетъ. Губернаторъ уже уѣхалъ, но уѣздный начальникъ не давалъ намъ ни лошадей ни стражниковъ, все отговариваясь новыми и новыми обстоятельствами. Тогда я написалъ письмо директору Кавказскаго музея А. Н. Казнакову, изложилъ ему суть дѣла, просилъ приготовить деньги для покупки вещей и пріѣхать въ Ахалъ-гори, а самъ рѣшилъ поѣхать туда окольнымъ путемъ, т. е. пріѣхать на фаэтонѣ въ Мцхетъ и оттуда черезъ станцію Ксанку, Мухранъ, селенія Ксовриси и Одзиси въ Ахалъ-гори. Эта дорога была безопасна. Мы такъ и сдѣлали. Въ Ахалъ-горахъ мы остановились у кн. Георгія Давидовича Эристова въ описанномъ выше домѣ. Здѣсь собрали болѣе подробныя свѣдѣнія относительно крестьянъ, нашедшихъ вещи, и потомъ, посѣтивъ селенія Икоти и Корияту, пріѣхали въ Садзегури.

Селеніе Садзегури небольшое. Оно расположено на лѣвомъ берегу р. Ксани, при впаденіи въ нее рѣчки Садзегурисъ-цкали. Узкое Ксанское ущелье въ данномъ мѣстѣ нѣсколько расширяется. Сабли жителей расположены на правомъ низменномъ берегу рѣчки Садзегурисъ-цкали; лѣвый берегъ рѣчки очень крутой. На этомъ крутомъ берегу, выше селенія, приблизительно въ 40 саженихъ отъ берега рѣчки, оказался кладъ. Собственно это не кладъ, а богатое погребеніе съ лошадыю и съ цѣнными придатками изъ золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ вещей. Обнаружено погребеніе дождевыми потоками, которые съ двухъ сторонъ образовали балки въ глинистомъ грунтѣ откоса, направо (если стать лицомъ

въ рѣчкѣ) очень глубокую, нагѣво незначительной глубины. Между этими двумя балками оказалось погребеніе прямо въ глинистомъ грунтѣ, безъ всякихъ каменныхъ ящиковъ, столь обычныхъ на Кавказѣ. Крестьяне перекопали и обчистили все пространство между двумя балками и землю спустили въ крутую глубокую балку, и она частью осѣла у берега рѣчки, частью унесена водою. Ширина перекопаннаго мѣста между балками въ верхней части не болѣе сажени, ниже доходить до трехъ сажени, а какое пространство занимало само погребеніе теперь нѣтъ никакой возможности опредѣлить. По словамъ крестьянъ всѣ вещи оказались въ верхней части по ширинѣ не болѣе двухъ аршинъ. Глубина погребенія отъ нынѣшней поверхности земли не могла превышать одного аршина. Вода, постоянно смывая крутой берегъ, должна была первоначальную глубину уменьшить. На мѣстѣ раскопокъ мы могли собрать только обломки глиняной посуды изъ бѣлой и красной глины мѣстнаго производства, кости коня и немного бусъ. Кромѣ того, мелочи отъ ожерелій куплены были у крестьянъ. Никакихъ слѣдовъ другихъ погребеній въ крутыхъ откосахъ балки не замѣтно. Раскопокъ мы не производили. Посѣтивъ въ слѣдующіе дни Ларгвисы и Цховати, мы вернулись въ Ахалъ-гори. Слѣдующая наша поѣздка была въ Хопи, затѣмъ въ Кабени и Канчаети. Вернувшись оттуда, мы застали уже въ Ахалъ-горахъ А. Н. Казнакова. Пріѣхалъ и В. Мзареуловъ, котораго раньше не было въ Ахалъ-горахъ. Начались переговоры о покупкѣ вещей, но въ дѣло вмѣшались крестьяне, доказывая, что деньги имъ нужно уплатить, что Мзареуловъ ихъ обманулъ, что они ему пока вещей не продавали и т. д. Ничего опредѣленнаго у нихъ мы не добились и, наконецъ, сказали, чтобы они покончили споръ между собою и явились въ Тифлисъ для переговоровъ, а до того времени найденныя вещи будутъ переданы въ Кавказскій музей на храненіе. На этомъ сначала мы всѣ покончили.

Затѣмъ мы съ А. Н. Казнаковымъ поѣхали по прямому пути въ Душетъ, забрали вещи у уѣзднаго начальника и вернулись въ Тифлисъ. Спустя нѣкоторое время, В. Мзареуловъ принесъ бумаги, удостовѣряющія, что вещи имъ приобрѣтены отъ крестьянъ. Началась торговля. Въ цѣнѣ не сошлись. А. Н. Казнаковъ уѣхалъ за границу и оставилъ нѣкоторую сумму въ моемъ распоряженіи для покупки означенныхъ вещей. Послѣ долгихъ переговоровъ, черезъ четыре мѣсяца, я покончилъ дѣло съ В. Мзареуловымъ. Вещи, наконецъ, были куплены для Кавказскаго музея.

Наступило лѣто слѣдующаго 1909 года. Опять пошли слухи, что въ Садзегурахъ вновь найдены золотыя вещи. Я снова поѣхалъ въ Бсанское ущелье. На этотъ разъ я получилъ командировку отъ Кавказскаго музея. Снова посѣтилъ Садзегури. Оказалось, что слухи были невѣрны. Никакихъ новыхъ находокъ не было. Мѣста раскопокъ остались въ прежнемъ видѣ, но зато удалось собрать детальныя справки о прошлогодней находкѣ. Крестьяне сознались, что нѣкоторыя одиночныя вещи были проданы другимъ лицамъ въ Ахалъ-горахъ, равно указали, у какихъ крестьянскихъ женщинъ имѣются мелочи отъ прошлогоднихъ находокъ. Я обошелъ всѣ двory, собралъ и купилъ все, что оказалось у женщинъ, дѣтей и крестьянъ. По указанію крестьянъ побывалъ затѣмъ у всѣхъ торговцевъ въ Ахалъ-горахъ, собралъ всѣ вещи и передалъ ихъ В. Мзареулову, поручивъ ему привезти ихъ въ Тифлисъ. Къ чести В. Мзареулова я долженъ сказать, что на этотъ разъ онъ очень помогъ мнѣ. Самъ повелъ ко всѣмъ, у кого вещи оказались. Они ему довѣрили свои вещи, и онъ привезъ ихъ въ Тифлисъ ко мнѣ, и мы съ А. Н. Казнаковымъ купили и эту вторую партію для Кавказскаго музея.

Результатомъ этой второй моей поѣздки въ Бсанское ущелье было приобрѣтеніе очень цѣнныхъ вещей, между которыми обращали вниманіе: большая массивная золотая шей-

ная гривва (въ 33 золотника); золотой гладкій поясъ; золотыя бляхи художественной работы съ изображеніями грифоновъ; золотыя привѣски и нашивки въ большомъ количествѣ; двѣ серебряныя чаши, изъ нихъ одна художественной работы съ грушевидными украшеніями; бронзовыя колокольчики и привѣски въ большомъ количествѣ; остатки ведра изъ лиственной мѣди, бусы и другія вещи. Такова краткая исторія разысканія и приобрѣтенія вещей ксанскаго, или садзегурскаго клада. Я не буду ни описывать ни перечислять детально всѣ предметы означеннаго клада. Изданіе и описаніе ихъ поручено знатоку дѣла, хранителю Императорскаго Эрмитажа, Якову Ивановичу Смирнову. Рисунки уже готовы, и изданіе, вѣроятно, скоро появится въ свѣтъ. Отмѣчу только, что ни среди вещей ни на мѣстѣ раскопокъ не замѣчено никакого присутствія желѣзныхъ вещей, и крестьяне удостовѣрили, что и ржавчины отъ желѣза нигдѣ не замѣтили. Видимо, желѣза тамъ совсѣмъ не было. Далѣе не найдено никакого боевого орудія: ни топоровъ, ни меча, ни стрѣлъ, ни копья, ни даже ножей и кинжаловъ. Возможно, что погребеніе было исключительно женское. Присутствіе коня въ погребальномъ ритуалѣ удостовѣрено костями, оставленными на мѣстѣ раскопокъ въ достаточномъ количествѣ, и присутствіемъ удила въ найденныхъ вещахъ. Монеты совершенно отсутствуютъ.

Въ заключеніе я долженъ выразить свою глубокую благодарность капитану Ан. Аполл. Калиновскому, который сдѣлалъ планы церкви Бодориской, Ларгвисской и Канчаетской, равно какъ всѣ фотографическіе снимки, клише которыхъ приложены къ описанію давняго путешествія по Душетскому уѣзду, и который вообще раздѣлялъ со мною всѣ труды путешествія; далѣе Александру Николаевичу Казнакову, который сдѣлалъ планъ Хопской церкви и зарисовалъ отъ руки иконостасъ названной церкви; князю Георгію Давидовичу

Эристову за гостеприимство; завѣдующему казеннымъ имѣніемъ Одзиси, князю Солом. Мих. Челокаеву за содѣйствіе въ доставленіи передвижныхъ средствъ по Ксанскому ущелью; В. Е. Мзареулову за содѣйствіе въ собираніи вещей цѣннаго клада; особенно Ал. Спирид. Паніеву, который своевременно далъ мнѣ знать о кладѣ и задержалъ самый кладъ до моего прибытія, и всѣмъ тѣмъ, которые способствовали осуществленію цѣли моей поѣздки.

Долженъ еще замѣтить, что планы церквей, приложенныя къ этой статьѣ, не могутъ претендовать на особую точность, такъ какъ обмѣры сдѣланы второпяхъ. Главнымъ образомъ это нужно сказать относительно плана Кабенскаго монастыря, детальный обмѣръ котораго долженъ составить предметъ спеціальной поѣздки.

Е. Такайшвили.

Исправленія и добавленія.

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
1	11 снизу	Brosse	Brosset
13	14 сверху	შებოწირა	შაპოსწირა
14	6—5 снизу	ბოზნტა:-	ბოზნტა:....
15	3 —	საუკარგობა	საწყალობობა
—	8 —	ბზტა	ბზტა
16	1 сверху	любящій	убогій

Рисунокъ 58-ой долженъ быть на мѣсто 38 го, а 38-ой на мѣсто 58-го. Кромѣ того, подѣ рисункомъ, слѣдующимъ за 39, слѣдуетъ поставить цифру 40 и такъ продолжать счетъ до конца.

На стр. 41 сказано, что „всѣ надписи убиской церкви, упоминающія лицъ изъ фамиліи Абашидзе, не древнѣе XVII—XVIII вѣковъ“. Нужно прибавить: исключеніе составляетъ записъ евангелія на стр. 36, которая упоминаетъ Георгія Абашидзе. По его повелѣнію во второй разъ переплетено евангеліе рукою настоятеля Георгія Журулишвили. Я полагаю, что это тотъ самый Георгій Журулишвили, который получилъ актъ, опредѣляющій цѣну крови его рода, отъ царя Георгія VIII въ 1460 г., и который упоминается какъ настоятель Ларгвисскаго монастыря въ актѣ Шалвы Квенишвели 1470 г. (см. выше, стр. 85, 87). Фамилія Абашидзе извѣстна изъ одной записи и въ XV вѣкѣ (თ. ულრდახას, ქრონიკები, II, 83. 281). Д. Бакрадзе, по нашему мнѣнію, напрасно считаетъ этого Георгія Абашидзе лицомъ XVIII вѣка (Опись пам. древн... Н. Кондакова и Д. Бакрадзе, стр. 165).

REPORTS

1910	100
1911	100
1912	100
1913	100
1914	100
1915	100
1916	100
1917	100
1918	100
1919	100
1920	100
1921	100
1922	100
1923	100
1924	100
1925	100
1926	100
1927	100
1928	100
1929	100
1930	100
1931	100
1932	100
1933	100
1934	100
1935	100
1936	100
1937	100
1938	100
1939	100
1940	100
1941	100
1942	100
1943	100
1944	100
1945	100
1946	100
1947	100
1948	100
1949	100
1950	100
1951	100
1952	100
1953	100
1954	100
1955	100
1956	100
1957	100
1958	100
1959	100
1960	100
1961	100
1962	100
1963	100
1964	100
1965	100
1966	100
1967	100
1968	100
1969	100
1970	100
1971	100
1972	100
1973	100
1974	100
1975	100
1976	100
1977	100
1978	100
1979	100
1980	100
1981	100
1982	100
1983	100
1984	100
1985	100
1986	100
1987	100
1988	100
1989	100
1990	100
1991	100
1992	100
1993	100
1994	100
1995	100
1996	100
1997	100
1998	100
1999	100
2000	100
2001	100
2002	100
2003	100
2004	100
2005	100
2006	100
2007	100
2008	100
2009	100
2010	100
2011	100
2012	100
2013	100
2014	100
2015	100
2016	100
2017	100
2018	100
2019	100
2020	100
2021	100
2022	100
2023	100
2024	100
2025	100
2026	100
2027	100
2028	100
2029	100
2030	100
2031	100
2032	100
2033	100
2034	100
2035	100
2036	100
2037	100
2038	100
2039	100
2040	100
2041	100
2042	100
2043	100
2044	100
2045	100
2046	100
2047	100
2048	100
2049	100
2050	100

REPORTS

REPORTS

( )

Tatar Tomb

The white gravestones
over a food.

Курганы въ окрестностях станицы Змѣйской (Терскаго казачьяго войска).

(Отчетъ объ археологическихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ 1912 году).

Вся притеречная береговая полоса отъ старой Николаевской станицы до „Минарета“ полна глубокаго историческаго интереса и достойна полнаго вниманія со стороны археологовъ. Здѣсь побывали не одни только многочисленные азіатскіе и кавказскіе народы, но и древнѣйшіе обыватели Брыма—кimmerійцы и скины, а ихъ поочередно смѣняли то греки-милетцы, то венеціанцы, генуэзцы и др. Слѣдовательно, здѣсь должна запечатлѣться жизнь цѣлыхъ эпохъ, цѣлыхъ поколѣній, и она дѣйствительно запечатлѣлась въ разныхъ видахъ.

Окрестности станицы Змѣйской, Сунженскаго отдѣла Терской области, расположенной отъ „Минарета“ въ 2—3-хъ верстахъ, сыгравшія огромную роль въ судьбахъ Сѣвернаго Кавказа и служившія ареной, гдѣ исподоволь разыгрывались кровавыя историческія событія, до сихъ поръ сохраняютъ массу самыхъ разнообразныхъ памятниковъ старины, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ не тронуты рукой хищника, причемъ всѣ цѣнныя реликвіи при внимательномъ и добросовѣстномъ изученіи ихъ и при отпускѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ, безъ сомнѣнія, много откроютъ невѣдомаго современному человѣку, который и не подозреваетъ, что скрываютъ въ себѣ всѣ эти раскинувшіеся возлѣ станицы Змѣйской и у „Минарета“ (Татарь-тобъ, или тупъ) курганы и разные другіе могильники.

3-1
2-1
1-1

Мы склонны думать, что первоначально Татарь-тобъ былъ основанъ греками, которыхъ колоніи въ значительномъ числѣ были разбросаны всюду по этимъ мѣстамъ, и остатки пребыванія конхъ мы сейчасъ находимъ возлѣ сл. Нальчибъ и „Минарета“.

Нѣтъ сомнѣнія, что отсюда и христіанство распространилось среди кабардинцевъ, къ которымъ проникло оно впервые при восточно-римскомъ императорѣ Юстиніанѣ Великомъ *).

9
9
Это доказывается находимыми въ Кабардѣ въ началѣ XVIII ст. развалинами древнихъ церквей, греческими надписями на надгробныхъ камняхъ, которые были сдѣланы на подобіе крестовъ. По кабардинскимъ преданіямъ въ мѣстности Татарь-тобъ былъ прежде и храмъ Божій, который, какъ говоритъ Дебу, въ началѣ XVIII ст. представлялъ только однѣ развалины. И лишь колокольня этого храма, сохранившаяся до нашего времени въ видѣ огромнаго столба, называемая нынѣ „Минаретомъ“, свидѣтельствуетъ о томъ далекомъ прошломъ, когда въ тущобахъ Кавказа процвѣтало Христіанство. Даже до сего времени осетины сосѣднихъ ауловъ и кабардинцы питаютъ какое-то благоговѣніе къ этому святилищу и въ важныхъ случаяхъ клянутся Татарь-тобомъ, не нарушая затѣмъ уже никогда этой клятвы. Говимый и обижаемый искалъ убѣжища у Татарь-тоба и, добѣжавъ до онаго, оставался невремымъ: его никто не могъ тронуть или что-либо ему сдѣлать. Такъ велико было обаяніе этого святилища, съ такимъ восторгомъ и благоговѣніемъ относилось населеніе къ этому многовѣковому христіанскому памятнику. Такъ или иначе, но Татарь-тобу суждено было играть первенствующую роль въ исторіи Кавказа въ ту отдаленную и смутную эпоху, когда полчища варваровъ то-и-дѣло наводняли и разоряли эту богатѣйшую страну. Съ

*) „О Кавказской линіи“ Юсефа Дебу, стр. 107, С.-П.-Б. 1829 г.

Татарь-тобомъ тѣсно связана исторія почти всѣхъ кавказскихъ народовъ, легіоны коихъ проходили здѣсь. Легенды и преданія кабардинцевъ, осетинъ, кумыковъ и гребенскихъ казаковъ тѣсно связаны съ Татарь-тобомъ, который служилъ какъ бы путеводной звѣздой въ исторіи всѣхъ этихъ народовъ, здѣсь проходившихъ, селившихся и жившихъ въ этихъ мѣстахъ. Изъ имѣющей у насъ выписки изъ архива Султанъ-Казы-Гирея мы имѣемъ ниже приводимыя, далеко не безынтересныя, свѣдѣнія, которыя еще лишній разъ указываютъ на то, какъ давно существовалъ этотъ городъ, служившій яблокомъ раздора какъ между греками и генуэзцами, такъ и азіатскими народами *).

Выписку изъ архива Султанъ-Кизи-Гирея мы приводимъ въ томъ порядкѣ, какъ она у насъ есть:

1) Ханъ Узбекъ (1319 г.) проходилъ съ ордою, исправилъ галу (городъ) Татарь-тупъ.

---

*) Покойный генералъ П. Г. Бѣликъ, который много занимался отысканіемъ историческихъ свѣдѣній о гребенскихъ казакахъ, воздастъ должную справедливость князю М. С. Воронцову, который по своему вступленію въ управленіе краемъ въ 1845 г. много заботился чрезъ правителей туземныхъ народовъ о собираніи среди нихъ историческихъ документовъ. Для этой цѣли въ его распоряженіе изъ Петрограда былъ командированъ чиновникъ Макаровъ, владѣвшій восточными языками, который былъ прикомандированъ на службу къ главному приставу кумыкского народа въ 1848 г. Здѣсь онъ занимался разработкой архивовъ кумыкскихъ князей Косаевыхъ, Казанъ-Алиповыхъ, Гамзаевыхъ, Аджиевыхъ и др., а загѣмъ архивовъ Султанъ-Казы-Гирея, командовавшаго въ тѣ годы Моздокскимъ полкомъ, штабъ-квартира котораго была въ станицѣ Наурской. Въ этомъ же полку былъ офицеръ Золотаревъ Иванъ Петровичъ, который въ 1876 г. командовалъ 3 Моздокскимъ полкомъ. Вотъ этотъ Золотаревъ, будучи хорошо знакомъ съ чиновникомъ Макаровымъ, при работкѣ этимъ послѣднимъ архива Султанъ-Казы-Гирея, получилъ отъ него выписку съ цѣнными историческими свѣдѣніями, относящимися до появленія и существованія на Кавказѣ русскаго населенія вообще и казачества въ частности. Покойный генералъ П. Л. Бѣликъ воспользовался отъ Золотарева этой выпиской, а отъ него уже имѣли и мы возможность получить эти свѣдѣнія, которыя и приводимъ въ освѣщеніе вопроса о давности Татарь-тупа.

2) Въ 763 г. Гиджры (1365 г.) при ханѣ Берды-бекѣ Ламрой Кересты убили Мамакаю, напали на Татарь-тупъ, долго бились, но не взяли и ушли на Куму, гдѣ много вреда сдѣлали Канкаламъ (ногайцамъ) и Аройтамъ (калмыкамъ).

3) Въ 802 г. Гиджры (1395 г.) Аксакъ-Темуръ (Тамерланъ) разбилъ хана Тохтамыша у Берды Мулку *) и гналъ его до Кубъ-топа; у хана Тахтамыша въ Ордѣ находились Джай **), Адыге, Руссы, Ногаи, Гурджы (грузины), Осы (осетины), Эрмине (армяне) и Куманы (половцы или теперешніе кумыки).

Въ 802 году Гиджры Аксакъ-Темуръ разорилъ Татарь-тупъ, Урусъ-Эски-Шахаръ (русскій старый городъ), Багоръ, Чигаръ, Урусъ-Янги-Шахаръ (русскій новый городъ), Отгузь-Газакъ-Гала (крѣпость 30 казаковъ), много Казыевъ и Адыге, взялъ Азовъ и пошелъ на Донь ***). Такимъ образомъ, исторія Татарь-тоба, это—исторія всего Сѣвернаго Кавказа. Татарь-тобъ издавна служилъ станомъ для хановъ Золотой орды, ихъ столицей, откуда они и владычествовали надъ покоренной имъ Руссией и тѣми безчисленными варварскими племенами, которыя населяли южную часть Руси, Крыма и Кавказа. Съ Татарь-тупомъ русскіе были знакомы и гребенскіе казаки, первые русскіе поселенцы на Кавказѣ, бо-

*) Въ исторіи „Чигисъ-Ханъ и Тамерланъ“ Генер. Штаба генерала Иванова на стр. 214 примѣч. 3 говорится, что въ 1301 году, когда разбитъ былъ Тамерланъ Тохтамышомъ на р. Кундрючи, впадающей въ р. Самару, въ ордѣ Тохтамыша состояли—татары Золотой и Синей орды, Нагаи, Аланы, Черкесы, Болгары и Русскіе; число войскъ простиралось до полумилліона.

**) Подъ этимъ названіемъ были извѣстны народы, жившіе по горамъ—хевсурь, кисты, карубалаки, арстинцы, чеченцы и шатоевцы. Всѣ они говорятъ почти однимъ языкомъ. Нынѣ же „джаями“ чеченцы называютъ только однихъ аварь.

***) Гдѣ находились одноко жъ всѣ упомянутые города, объ этомъ въ рукописи не говорится, хотя изъ одной записки видно, что отъ Отгузь-Газакъ-Гала до Азова было пять дней верховой ѣзды.

Johnson

торые, если вѣрить Ригельману, первоначально обосновались у Татаръ-тупа и недалеко отъ него, а потомъ уже передвинулись къ Тереку. Въ 1839 году у служившаго въ Гребенскомъ полку офицера Иванова (ст. Новогладковской) былъ документъ, написанный церковнымъ шрифтомъ еще въ 1604 году. Выписка изъ этого документа какими-то судьбами попала къ покойному генералу Бѣлигу, а отъ этого послѣдняго получили ее и мы, причемъ, въ данномъ случаѣ мы опять приводимъ ее лишь для того, чтобы еще лишній разъ подчеркнуть то значеніе, которое въ свое время игралъ Татаръ-тупъ, пережившій цѣлыя столѣтія и въ стѣнахъ своихъ видѣвшій несмѣтное число самыхъ разнообразныхъ народовъ:

1) Въ 1605 г. пріѣзжали/пришли/ съ похода наши казаки и рассказываютъ, что въ Россіи идетъ большая смута чрезъ царевича Дмитрія. Нашъ „Илейка“ *) тоже творить смуты на Волгѣ. Говорятъ, что кабардинцы ходили въ Татаръ-тупъ воевать казакѡвъ, пришедшихъ съ Дону и усѣвшихъ по Тереку хуторами и станицами.

2) Въ 1607 году пріѣзжали съ Дону съ атаманами Захаръ Ляпуновъ, Антопъ Шмаръ и татарскій царевичъ Арпачай. Они наняли войско изъ терскихъ казакѡвъ въ Татаръ-тупъ и на Айбулакъ (?) числомъ разныхъ татаръ и казакѡвъ до восьмисотъ и на третьей недѣлѣ Великаго поста отправился чрезъ Маджары на Волгу. Въ этомъ году былъ моръ на людей и скотину. Татары вернулись изъ Россіи и рассказываютъ, что царевича Дмитрія убили, а нашего Илейку повѣсили. Изъ этихъ послѣднихъ свѣдѣній мы вновь и еще лишній разъ усматриваемъ, что Татаръ-тупу суждено было въ свое время играть огромную роль въ судьбахъ Сѣвернаго Кавказа.

*) Илейка—казакъ ст. Червленной, по фамиліи Коровинъ, объявившій въ свое время себя искателемъ престола.

используя
ср. рис. 1/2

Серіозныя изысканія и раскопки какъ на самомъ городищѣ Татарь-тупь, такъ и на окрестныхъ прилегающихъ къ нему мѣстахъ, дадутъ намъ, безъ сомнѣнія, несмѣтное число весьма цѣнныхъ историческихъ свѣдѣній, которыя освѣтятъ то далекое прошлое, ту загадочную, полуполегендарную эпоху, которая до сихъ поръ не освѣщена или освѣщена съ недостаточною точностью нашей осторіей.

Не слѣдуетъ пренебрегать легендами и преданіями мѣстныхъ аборигеновъ, такъ какъ наукой уже давно доказано съ достовѣрностью, что пѣсни народа, легенды и преданія— это голосъ души его и изъ этихъ-то, повидимому, вымышленныхъ, безыскусственныхъ памятниковъ народнаго творчества создается потомъ уже цѣлая исторія.

Углубленіе

На мѣстѣ теперешняго городища Татарь-тупь, а равно вверхъ отъ него по теченію рѣки Терека, по той узкой береговой полосѣ, что тянется по правому берегу его и тому хребту, что красивой лентой протянулся отъ Татарь-тупа до старой Николаевской станицы, а также и въ юго-западномъ направленіи отъ Татарь-тупа по равнинѣ, гдѣ въ настоящее время расположена ст. Змѣйская, вы всюду и вездѣ встрѣчаете слѣды когда-то бывшихъ здѣсь строеній въ видѣ остатковъ кирпича, тесаныхъ известковыхъ плитъ, массы битой посуды, черепковъ и многихъ другихъ предметовъ домашняго обихода. На всемъ этомъ пространствѣ въ громадномъ количествѣ разбросаны всевозможной величины кураганы, то отдѣльные, то группами, сплошь и рядомъ отъ 200-300 штукъ. Восьмидесятилѣтній старикъ-ветеранъ ст. Змѣйской Тимофей Поборчій, который шестилѣтнимъ ребенкомъ былъ водворенъ въ теперешней ст. Змѣйской, когда она только-что селилась, клятвенно подтверждаетъ, что въ этихъ мѣстахъ нигдѣ и никогда не было никакихъ поселеній, а существующіе здѣсь въ массѣ кураганы въ такомъ видѣ и неприкосновенности существовали и тогда. Хату-анзорскіе старики бабардинцы

подтверждаютъ это и, указывая на Татарь-тупь, съ какимъ-со особеннымъ благоговѣніемъ, говорятъ про этотъ городъ, называя его „святымъ мѣстомъ“. Что сто лѣтъ тому назадъ въ этихъ мѣстахъ не было никакихъ поселеній, на это указываетъ, какъ мы уже раньше говорили, и Иосифъ Дебу, а находимыя во всѣхъ могильникахъ и курганахъ воинскіе доспѣхи—турецкіе ятаганы, остатки луковъ, колчановъ, копья и стрѣлы съ достовѣрностью говорятъ за то, что всѣ эти нѣмые свидѣтели минувшихъ событій, всѣ эти курганы и др. могильники относятся къ тому далекому времени, когда о существованіи пороха и, вообще, огнестрѣльнаго оружія на Кавказѣ не было и помнну.

30-го сентября и 1-го октября 1912 года нами были произведены раскопки въ окрестностяхъ городища Татарь-тупь, въ верстѣ отъ него, за такъ называемой Глубокой балкой на общественной землѣ ст. Николаевской, въ юго-восточномъ отъ него направленіи, на той узкой береговой площадке, которая, начинаясь, какъ мы уже сказали, отъ Татарь-тупа, тянется по всему ущелью вплоть до старой Николаевской станицы. На узкой береговой полосѣ шириной въ $1\frac{1}{2}$ —2 версты, почти противъ „Глубокой балки“, въ сажняхъ ста отъ берега Терека, къ которому полоса эта спускается довольно глубокимъ обрывомъ, раскинулось сто семьдесятъ хорошо замѣтныхъ кургановъ высотой отъ 2 до 3 арш. Нѣтъ сомнѣнія, что курганы эти были значительно выше, но подъ вліяніемъ времени, благодаря обильнымъ дождямъ, а вслѣдствіе этого прорѣзывающимъ всю эту мѣстность горнымъ потокомъ, они значительно размыты. Мы не упоминаемъ ужъ про ту массу мелкихъ кургановъ, которыхъ нѣтъ возможности перечестъ: одни изъ нихъ едва замѣтными возвышеніями выступаютъ на складкахъ мѣстности, и о существованіи другихъ говорятъ только кучи булыжника, тамъ и сямъ разбросаннаго группами въ незначительныхъ

углубленіяхъ. Всѣ эти курганы, сравнительно хорошо видимые въ настоящее время, совершенно скрываются лѣтомъ, когда обильная растительность покрываетъ ихъ неприходимыми зарослями бурьяна. Большинство изъ нихъ покрыто густымъ кустарникомъ „караганомъ“, сильно затрудняющимъ работы при раскопкахъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти курганы изображаютъ изъ себя старинное монгольское кладбище. Во всякомъ случаѣ сомнѣваться въ древности всѣхъ этихъ кургановъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ находимые въ нихъ предметы украшеній, клавшіеся обыкновенно съ покойникомъ, особенно съ женщинами, свидѣтельствуютъ о той отдаленной эпохѣ, когда здѣсь одно время жили первобытные пастушескіе обитатели этихъ загадочныхъ мѣстъ. Немного въ сторонѣ отъ этихъ кургановъ и ближе къ дорогѣ, идущей изъ станицы Николаевской въ ст. Змѣйскую, почти и надъ самымъ горнымъ кряжемъ возвышается, рѣзко выдѣляясь изъ всей этой массы, значительныхъ размѣровъ курганъ высотой не менѣе 7-8 аршинъ, который, какъ одинокій нѣмой стражъ, быть-можетъ цѣлые вѣка безмолвно царить надъ всей этой мѣстностью. Въ полувёрстѣ отъ этихъ кургановъ въ юго-восточномъ направленіи возлѣ такъ называемаго „Тамерланова вала“ *) всюду и вездѣ вы встрѣчаете въ большомъ количествѣ известковыя плиты, засыпанныя на $\frac{1}{2}$ арш. черноземомъ, остатки бытой посуды, угля, кости домашнихъ животныхъ и мн. др. Это, безъ сомнѣнія, остатки когда-то бывшаго здѣсь поселенія, которому и принадлежало кладбище.

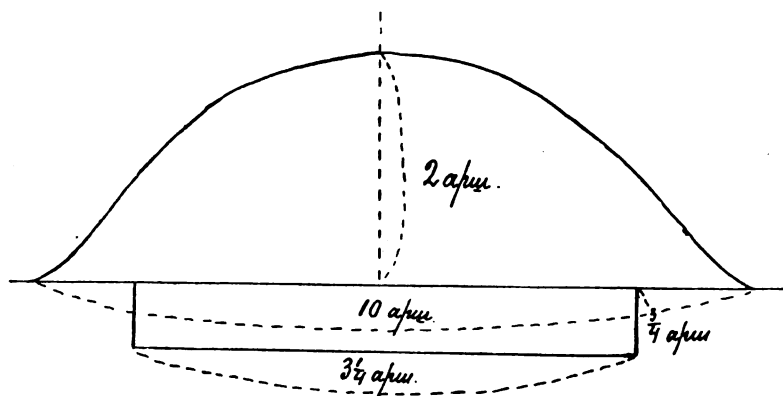
* Такъ мѣстные казаки называютъ влищные остатки когда-то бывшаго здѣсь огромнаго вала, пересекающаго все ущелье и хорошо виднаго на правой сторонѣ Терека, гдѣ онъ теряется въ горномъ хребтѣ.

Курганы за „Глубокой балкой“ у городища Татарь-тупь.

Курганъ № 1.

Раскопка этого кургана производилась при помощи сквозной траншеи отъ основанія и съ боку чрезъ весь курганъ, шириной $2\frac{1}{2}$ арш. Курганъ обильно заросъ кустарникомъ, почему, несмотря на назначительную сравнительно высоту его, приходилось употреблять много усилій для того, чтобы вырубить чрезвычайно далеко проникшіе корни кустарника. Разрывали курганъ 6 рабочихъ по три человѣка въ смѣнѣ, причеъ двое изъ нихъ рыли, а одинъ отчищаль землю. Направленіе траншеи было взято по компасу съ запада на востокъ, такъ какъ при такой раскопкѣ во всѣхъ замѣчепныхъ нами случаяхъ всегда легко обнаруживался костягъ, ибо погребенія христіанское и магометанское производятся по этому направленію съ той лишь незначительной разницей, что у покойниковъ магометанъ всегда голова обыкновенно нѣсколько бываетъ повернута лицомъ къ югу.

Вертикальный разрѣзъ.

Грунтъ кургана рыхлый черноземъ, почему если бы не корни кустарниковъ, то рытье кургана не встрѣтило бы ни малѣйшихъ затрудненій. Высота кургана 2 арш., діаметръ 10 арш. Самая могила, вырытая ниже поверхности земли на $1\frac{1}{4}$ арш., имѣла въ длину $3\frac{1}{4}$ арш. и въ ширину $1\frac{1}{4}$ арш.

По открытіи могилы далѣе на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. стали обнаруживаться краснобурые дубовые осколки гроба, причемъ, когда самый гробъ былъ совершенно очищенъ отъ земли, то онъ представлялся въ видѣ огромной колоды. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого гроба—колоды легко можно было убѣдиться въ томъ, что срубленный стволъ огромнаго дуба, выдолбленный тщательно, служилъ гробницей, куда покойникъ былъ попросту задвинутъ головой. А то отверстіе, гдѣ приходились въ колодѣ ноги, забивалось вновь такимъ же дубовымъ чурбакомъ. Гробница довольно хорошо сохранилась какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ разрытыхъ нами курганахъ. По вскрытіи верхней части гроба-колоды прежде всего были обнаружены жалкіе остатки костяка, и хотя онъ истлѣлъ почти совсѣмъ, тѣмъ не менѣе положеніе его относительно странъ свѣта опредѣлилось совершенно свободно. При измѣреніи костякъ оказался длиной въ $2\frac{1}{2}$ арш. Лицомъ онъ направленъ на югъ и головою обращенъ на западъ. Кости черепа при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи рассыпались совершенно, образуя бѣлую известковую массу. Сфотографировать костякъ не пришлось въ виду того, что всѣ кости на воздухѣ при одуваніи ихъ ручнымъ мѣхомъ рассыпались.

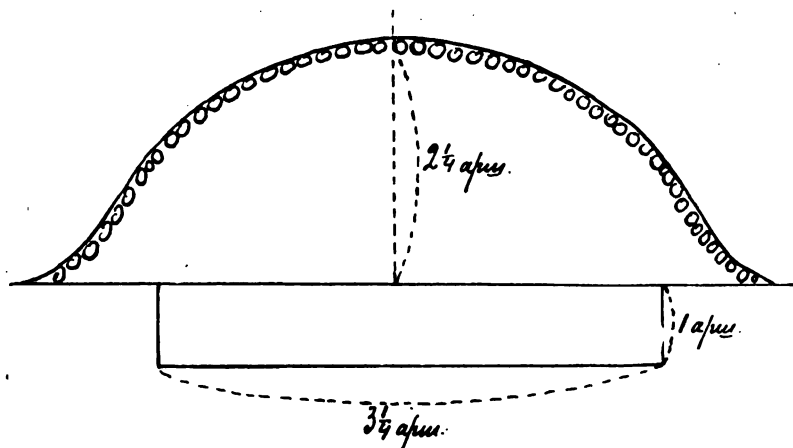
На высотѣ поясицы ниже лѣвой подвздошной кости обнаруженъ перержавѣлый кусокъ желѣза, по всей вѣроятности, конецъ кинжала. У пятки правой ноги обнаружены куски березовой бересты, остатки отъ колчана и четыре перержавѣлыхъ желѣзныхъ наконечника стрѣлъ. Болѣе ничего

въ могильникѣ найдено не было. Какъ въ этой могилѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, подъ черепами костяковъ, было обнаружено большое количество дубовыхъ углей, которые находились также въ ногахъ покойника.

Б у р г а н ь № 2.

Раскопка кургана этого произведена была тѣмъ же способомъ, какъ и перваго—поперечной траншеей чрезъ весь курганъ при ширинѣ въ $2\frac{1}{2}$ арш. Грунтъ земли—рыхлый черноземъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того слежавшійся, что не было возможности рыть его лопатой и даже острый ломъ отскакивалъ съ гуломъ, ударяясь о необыкновенно плотную поверхность. Работы отчасти затруднялись массой корней кустарника во всѣхъ направленіяхъ проросшаго кургана.

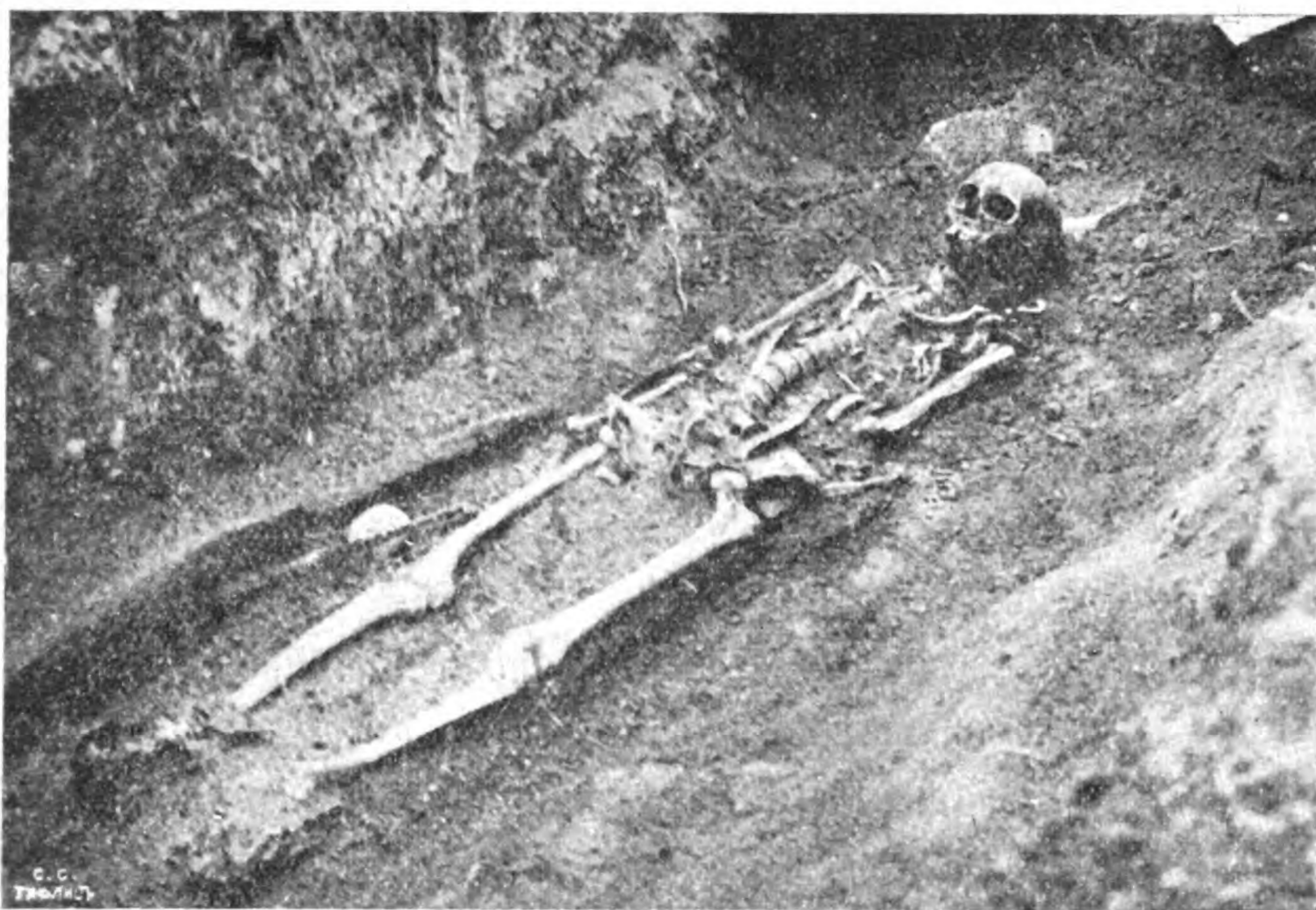
На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., когда окончилась насыпь кургана, обнаружена была могила, засыпанная слежавшимся зерноземомъ и сухой глиной. Могила, выкопанная такимъ образомъ, ниже поверхности земли подъ курганомъ на 1 арш., имѣла въ длину $3\frac{1}{4}$ арш. и въ ширину $1\frac{1}{4}$ арш. Въ

очищенной и освобожденной от земли могила на дне обнаружена дубовая колода съ погребеніемъ покойника, причемъ колода, принявъ краснобурый цвѣтъ, удивительно хорошо сохранилась отъ вліянія времени. Покойникъ лежалъ прямо подъ серединой кургана, имѣя направленіе съ запада на востокъ.

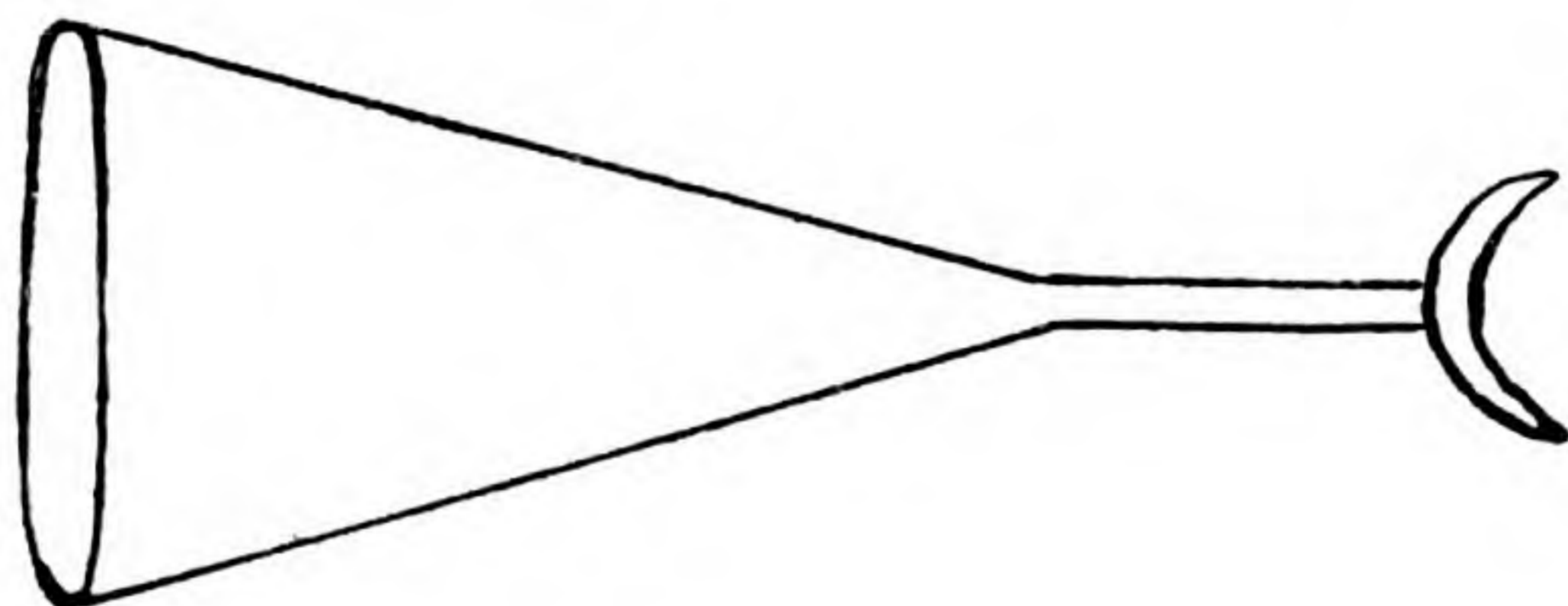
При внимательномъ осмотрѣ гробницы были обнаружено, что покойникъ былъ заключенъ въ дубовый ящикъ, состоявшій изъ шести массивныхъ пластинъ толщиной не менѣе 4—5 вершковъ каждая, при чемъ одна пластина, къ которой былъ привязанъ покойникъ въ разныхъ направленіяхъ шелковыми шнурами, была положена на самомъ днѣ могилы, а четыре пластины поставлены перпендикулярно къ ней, образуя, такимъ образомъ, ящикъ; пятой пластиной ящикъ былъ накрытъ сверху и скрѣпленъ желѣзными скобами, одна изъ которыхъ въ довольно хорошо сохранившемся видѣ была нами найдена при раскопкѣ. По снятіи верхней пластины, служившей какъ бы крышкой гроба, части ея легко отдѣлялись кусками длиною въ 8—9 вершковъ и шириной въ 3—5 верш., что даетъ возможность судить о томъ, что пластина эта была не цѣльная, а составлена изъ двухъ частей, плотно скрѣпленныхъ на срединѣ при помощи скобъ. По снятіи верхней пластины и по счисткѣ ея отъ осколковъ дерева въ гробу обнаружено много сухого мягкаго чернозему, который осторожно былъ обметенъ и обдутъ ручнымъ мѣхомъ, и только послѣ этого былъ обнаруженъ хорошо сохранившійся костякъ.

По измѣреніи костякъ имѣлъ въ длину $2\frac{1}{2}$ арш.; онъ лицомъ обращенъ на востокъ, а головой на западъ. Надъ черепомъ много углей. При внимательномъ осмотрѣ костяка на немъ можно было видѣть кое-какія сохранившіяся украшенія. Такъ въ 3 вер. выше головы найдено изъ тонкой серебряной пластинки ажурной работы конусообразное укра-

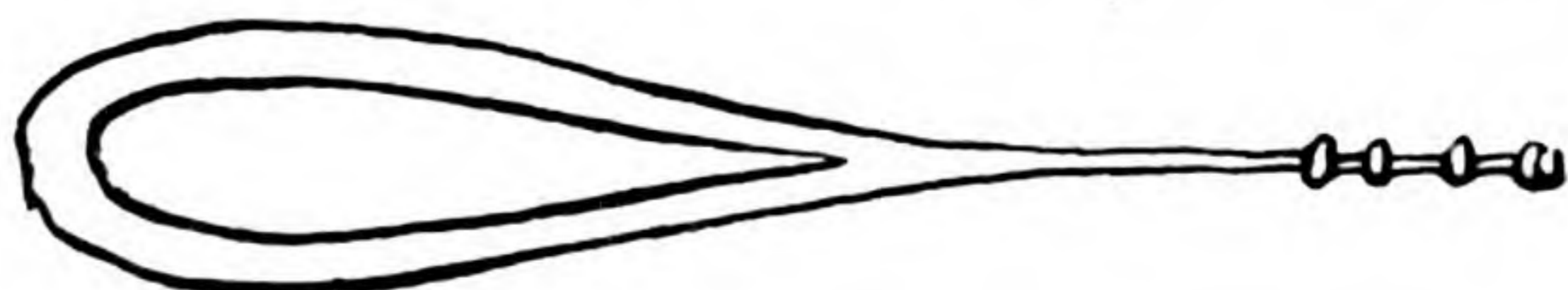

шение въ формѣ наконечника отъ стариннаго знамени съ полу-мѣсяцемъ на концѣ, при чемъ украшеніе это имѣетъ такую форму.

Полумѣсяцъ въ верхней части его разломался. Длина всего украшения 5 вер. Между черепомъ и этимъ украшеніемъ обнаружено масса темнобурой земли; то перегнившіе остатки головного убора, наверху котораго вышеупомянутое украшеніе было помѣщено.

На высотѣ ушей съ обѣихъ сторонъ черепа найдено двѣ золотыя массивныя серьги въ изображенной здѣсь формѣ, длиной въ $1\frac{1}{2}$ вершка. Серьги безъ всякихъ украше-

ній — работа, очевидно, мѣстнаго мастера. Съ правой стороны костяка немного выше костей запястья найдены небольшія желѣзныя ножицы, а между ногами на высотѣ колѣвъ найдены два серебряныхъ перстня, изъ которыхъ одинъ со стекляннымъ украшеніемъ въ формѣ и другой въ такой формѣ:

На высотѣ грудной кости и по обѣ стороны ея обнаружено прекрасно шесть сохранившихся бусъ изъ сплава серебра съ кампемъ - то неизвѣстнымъ металломъ, имѣющихъ форму:

Бусы надѣты на довольно хорошо сохранившейся шелковинкѣ. Тутъ же возлѣ грудной кости по обѣ ея стороны найдены 4 серебряныя петли, служившія, безъ сомнѣнія, для застегиванія верхней одежды.

На поясицѣ найденъ, длиной въ 1¹/₂ арш., вышитый шелковый футлярнкъ, служившій, очевидно, для храненія иголокъ. Никакихъ другихъ украшеній, кромѣ перечисленныхъ, не найдено. Погребеніе въ данномъ случаѣ женское, причемъ, судя по украшеніямъ, принадлежитъ лво калмыкамъ или ногайцамъ и во всякомъ случаѣ пастушескимъ народамъ монгольской расы, въ чемъ не трудно убѣдиться и по черепу на основаніи антрометрическихъ измѣреній *). Последнія шайки калмыковъ (тургутовъ) хозяйничали здѣсь въ третьей четверти XVIII столѣтія. А въ 12 в. отъ Татартупа, недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Муртазово, до сихъ поръ мощно возвышается колоссальный курганъ, такъ называемый между мѣстными кабардинцами „камыцкимъ“. Кабардинское преданіе говоритъ, что на этомъ курганѣ была ставка одного изъ калмыцкихъ хановъ. Во всякомъ случаѣ настоящее погребеніе слѣдуетъ отнести ко времени владычества монголовъ въ этихъ мѣстахъ. Ко всему изложенному слѣдуетъ доба-

*) Черепъ этотъ сохраненъ.

вить, что на ступняхъ костяка сохранились полустлѣвшіе чевяки, принявшіе красно-бурый цвѣтъ, очевидно, вслѣдствіе вліянія дубовыхъ пластинъ, въ которые костякъ былъ заключенъ. Чевяки эти взяты.

Курганы № 3, 5, 6 и 7

При дальнѣйшей раскопкѣ кургановъ за вышеупомянутыми № № не обнаружено какихъ-либо особенностей въ погребеніи, а равно и не обнаружено цѣнныхъ вещей, почему, не останавливаясь подробно въ отдѣльности на каждомъ изъ этихъ кургановъ, приведемъ только тѣ числовыя данныя, которыя добыты нами въ отношеніи каждаго изъ погребенныхъ. Всѣ эти курганы сходны во всемъ съ только-что описанными.

Грунтъ земли во всѣхъ этихъ курганахъ черноземъ, причемъ могилы приходящіяся какъ разъ противъ середины кургана, устроены вездѣ ниже поверхности земли на глубинѣ отъ $\frac{3}{4}$ арш. до 1 арш.

Въ отдѣльности въ отношеніи числовыхъ данныхъ курганы эти таковы:

	№ 3	№ 5	№ 6	№ 7
Высота кургана	$1\frac{1}{4}$ арш.	2 арш.	$1\frac{1}{2}$ арш.	$1\frac{1}{2}$ ар.
Діаметръ кур.	$6\frac{1}{2}$ "	9 "	8 "	9 "
Длина могилы	3 "	3 "	$3\frac{1}{2}$ "	$3\frac{3}{4}$ "
Ширина могилы	1 "	$1\frac{1}{2}$ "	$1\frac{1}{2}$ "	$1\frac{1}{4}$ "
Глубина мог.	$\frac{3}{4}$ "	$1\frac{1}{2}$ "	1 "	$1\frac{1}{2}$ "
Длина костяка	2 ар. 5 вер.	2 ар. 8 вер.	2 ар. 10 вер.	2 ар. 8 вер.
Направ. лица	Югъ	Югъ	Востокъ	Сѣверъ
Костякъ лежитъ головой на	Западъ	Западъ	Западъ	Западъ

Во всѣхъ четырехъ курганахъ найдены мужскія погребенія. Кромѣ заржавѣлыхъ желѣзныхъ ножей, обнаружен-

ныхъ съ лѣвой стороны костяговъ немного выше подвздошной кости, не найдено болѣе никакихъ предметовъ вооруженія. Покойники были погребены въ дубовыхъ колодахъ, подобно тому, какъ объ нихъ сказано при описаніи кургана № 1. Въ курганѣ № 6 обращаетъ на вниманіе необыкновенно широкое положеніе ногъ особенно на себя высотъ колѣнъ, при чемъ самыя ноги приняла какъ бы форму ромба. Черепъ у этого покойника со сквозной дырой на затылкѣ, какъ бы отъ колющаго окружія, отдѣленъ отъ туловища и лежитъ нѣсколько въ сторонѣ; онъ обращенъ лицомъ къ землѣ. Во второмъ шейномъ позвонкѣ сзади найденъ наконечникъ стрѣлы. Во всѣхъ курганахъ въ головахъ каждаго покойника видны дубовые угли. Раскопки производились сквозными черезъ курганы траншеями шириной въ $2\frac{1}{2}$ арш. Въ курганѣ № 5, съ лѣвой стороны костяка, на высотѣ поясицы, найденъ расшитый шелкомъ кусокъ кожи, очень похожій на остатки кобуры или кисета для табака. Затѣмъ у каждаго костяка съ лѣвой стороны на высотѣ бедра найдены кресало, остатки трута и кремль.

Курганъ № 4.

Курганъ этотъ, съ жевскимъ погребеніемъ, сходенъ во всѣхъ отношеніяхъ съ курганомъ № 2. Грунтъ земли— черноземъ, смѣшанный съ глинной. Высота кургана $1\frac{1}{2}$ арш., а діаметръ 8 арш. Могила устроена ниже поверхности земли на $1\frac{1}{2}$ арш. и имѣетъ въ длину 4 арш. и въ ширину $1\frac{1}{2}$ арш. Костякъ заключенъ какъ бы въ дубовую колоду такъ же, какъ и въ курганѣ № 2. Длина костяка 2 арш. 8 верш. Направленіе лица на востокъ, головой же костякъ обращенъ на западъ. Кости скелета за исключеніемъ пястья и запястья сохранились довольно хорошо, принявъ красную окраску. Въ могильникѣ найдено подъ головой точно такое же укра-

шеніе изъ серебра ажурной работы, крайне ненадежное въ смыслѣ сохранности; на высотѣ ушей серебряныя массивныя серьги въ формѣ а между ногъ огромныхъ размѣровъ почти въ $\frac{1}{2}$ арш.

железныя перержавѣлыя ножницы—символъ женскаго труда одного изъ пастушескихъ народовъ. На высотѣ поясицы съ лѣвой стороны найдено также конусообразное серебряное ажурной работы украшеніе, безъ сомнѣнія, бывшее на поясѣ, совершенно не сохранившееся. На ступняхъ сохранились полуистлѣвшіе чевяки, а около пятокъ обѣихъ ногъ найдены кожаныя ладонки, расшитыя зеленымъ шелкомъ.

Курганы возлѣ ст. Змѣйской.

Затѣмъ въ окрестностяхъ самой станицы Змѣйской, въ югозападномъ отъ нея направленіи, по большой трактовой дорогѣ въ сел. Коголкино, находящееся при входѣ въ Уруховское ущелье, по обѣ отъ нея стороны, попадаются тамъ и сямъ разбросанныя въ большомъ количествѣ отдѣльныя курганы. По этой же дорогѣ въ 2-хъ верстахъ отъ станицы возлѣ самой дороги раскинулась группа кургановъ въ числѣ 180 экземпляровъ высотой отъ 2 до 8 аршинъ. Такое же точно кладбище, но съ курганами гораздо большей величины, находится въ 6 верстахъ отъ перваго на границѣ юртовыхъ надѣловъ ст. Змѣйской и сел. Коголкино. 8 и 9 Октября мнѣ пришлось работать надъ изслѣдованіемъ перваго изъ этихъ кладбищъ, а также произвести раскопку четырехъ кургановъ, изъ которыхъ одинъ высотой въ $4\frac{1}{2}$ арш., другой 3 арш. и, два малыхъ кургана при одинаковыхъ высотахъ въ $1\frac{1}{2}$ арш.

Вся группа этихъ кургановъ состоитъ изъ 180 экземпляровъ, сплошь поросшихъ обильнымъ кустарникомъ; другъ

отъ друга курганы находятся на разстояніи отъ 3 до 5 арш., и большіе изъ нихъ окружены ясно видными остатками рововъ шириной въ 2—3 арш., причемъ рвы эти отъ времени въ большинствѣ случаевъ сравнялись съ поверхностью земли. Присутствіе этихъ рововъ указываетъ на то, что образовались они отъ выбиравшейся вокругъ земли, которая шла на возведеніе кургановъ. Ни мѣстные старожилы казаки, ни кабардинцы-старика сосѣднихъ селеній появленія этихъ кургановъ не помнятъ и относятъ ихъ къ далекому прошлому и во всякомъ случаѣ насчитываютъ имъ не менѣе 300-400 лѣтъ. По нашему мнѣнію, курганы эти во всякомъ случаѣ появились здѣсь до того момента, какъ здѣсь извѣстно огнестрѣльное оружіе.

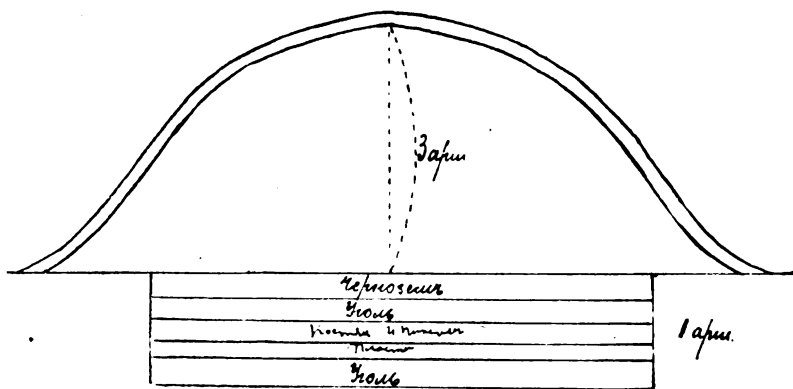
Изъ всей этой группы выдѣляются 5 значительныхъ кургановъ при высотѣ отъ 4 до 8 аршинъ, одинъ изъ коихъ нами былъ разрытъ. Въ сторонѣ отъ всего этого кладбища, въ саженихъ 100 отъ него, отдѣльно высится еще одинъ курганъ, который не входитъ въ общую черту расположенія вышеупомянутыхъ кургановъ. Нѣкоторые изъ кургановъ обложены снизу, у основанія поверхности земли, по окружности, камнями—булыжникомъ, при чемъ меньшіе курганы до 2 арш. и менѣе покрыты цѣлымъ слоемъ этихъ камней въ одинъ рядъ. Кругомъ всего этого кладбища замѣтны какъ бы канавы, отъ времени сравнявшіяся съ землей, надъ которыми, особенно малыми, съ западной стороны растутъ одинокія деревья дикихъ яблонь и грушъ. Признаковъ бывшаго здѣсь гдѣ-либо поселенія нигдѣ не видно, несмотря на самыя тщательныя поиски и изслѣдованія. Изъ четырехъ разрытыхъ нами кургановъ не было ни одного съ жевскимъ погребеніемъ, каковое обстоятельство также говоритъ за то, что курганы эти образовались только на полѣ брани послѣ какого-либо столкновенія между враждующими сторонами. Есть много основаній думать, что кладбище это кабардин-

скаго происхожденія, о чемъ можно судить по находимымъ здѣсь вещамъ и особенно по найденной мною великолѣпно сохранившейся передней части бешмета, которая отъ шеи до пояса была нами извлечена изъ кургана № 2.

Курганъ 1.

Раскопка этого кургана въ виду его малой величины при высотѣ 3 арш. и не обширной сравнительно окружности, была произведена боковою траншеей; двигались одновременно сбоку и сверху, далѣе центра на западъ на $1\frac{1}{2}$ арш., причемъ ширина траншеи была взята въ 3-хъ арш., а направление—съ запада на востокъ, какъ это дѣлалось мною во всѣхъ случаяхъ при производствѣ раскопокъ. По снятіи верхняго дернового слоя былъ обнаруженъ насыпной слой чернозема, обильно перемѣшаннаго съ глиной, но безъ какихъ-либо другихъ постороннихъ примѣсей. Грунтъ земли до самой поверхности настолько былъ твердъ, что представлялъ значительныя затрудненія при производствѣ работъ. На глубинѣ 3 арш. отъ вершины кургана грунтъ былъ значительно рыхлѣе и при оцупываніи шупъ легко погружался вглубь на цѣлый аршинъ.

Могила была устроена подъ курганомъ, ниже поверхности земли, на глубинѣ 1 аршина, и имѣла въ длину 3 арш. и въ ширину $1\frac{1}{2}$ арш.

По обнаруженіи могилы и по огражденіи ея видимыми знаками съ восточной выходной стороны траншеи по всему направленію отъ основанія вглубь ниже кургана, былъ еще снятъ слой земли на глубинѣ въ одинъ аршинъ, а также и это было сдѣлано съ западной стороны до обрѣза, при чемъ первый грунтовой слой въ 6 вершковъ состоялъ изъ чернозема, а далѣе шла глина. По очищеніи могилы отъ земли была обнаружена массивная дубовая пластина толщиной въ 3-4 вер. краснобураго цвѣта, отъ времени разрыхлѣвшая и обращающаяся въ мелкія щепки при соприкосновеніи. Въ головахъ и ногахъ покойника поставлены такіе же обрѣзки пластинъ, какъ бы служившіе боками гроба. По снятіи верхней пластины, служившей крышкой, найдено значительное количество чернозему въ комьяхъ и, кромѣ того, по всему протяженію гроба было разбросано большое количество крупнаго дубоваго угля, который въ ногахъ и головѣ особенно поражалъ своимъ значительнымъ количествомъ. При внимательномъ и осторожномъ извлеченіи изъ гроба земли, а также и осколковъ истлѣвшей пластины показались остатки костька, изъ котораго сравнительно недурно сохранился черепъ, плечевыя кости, локтевыя и лучевыя кости обѣихъ рукъ и на половину бедренныя кости обѣихъ ногъ. Нижняя челюсть отнесена нѣсколько вправо отъ черепа, а равно значительно отдѣлена отъ костька и вся правая рука. Накакихъ другихъ костей отъ покойника не сохранилось, и только бѣлыя известковыя полосы въ тѣхъ или иныхъ направленіяхъ указываютъ на нихъ первоначальное положеніе при погребеніи. На ступняхъ ногъ, на которыхъ сохранились куски костей предплюсны и плюсны, замѣтны перегнившіе желтые куски какой-то кожи, которая по изслѣдованіи оказалась чевяками.

Восток

Затѣмъ на всемъ протяженіи костяка отъ шеи до поя-
нцы въ строгомъ порядкѣ найдено 11 бронзовыхъ, но уже
позеленѣвшихъ отъ времени застежекъ наподобіе бусъ, замѣ-
нявшихъ пуговицы у бешмета, который былъ надѣтъ на по-
койникѣ, о чемъ можно было судить по найденнымъ кусоч-
камъ шелковой матеріи, которая при малѣйшемъ соприкос-

новениі разсыпалась. Какъ разъ на самой поясицѣ на лѣвой подвздошной кости въ наклонномъ положеніи найдены остатки кинжала въ видѣ перержавѣлаго куска желѣза. Подъ лѣвой подвздошной костью обнаружено желѣзное кресало въ формѣ $\triangle$ полумѣсяца, подъ нимъ остатки трута и въ немъ время.

Наконецъ по длинѣ костяка съ лѣвой стороны его, подъ лѣвой рукой, и прикрытый разсыпавшимися костями лѣвой подвздошной кости обнаруженъ древне-турецкій или персидскій желѣзный ятаганъ, который подъ разрушившимися костями былъ едва замѣтенъ. Рукоятка его была въ рукѣ покойника и ковецъ ея выходилъ далеко за черепъ. Длина ятагана равна 2 арш. Онъ хорошо сохранился. На нѣкоторыхъ костяхъ его видны остатки ноженъ. Рукоятка ятагана имѣетъ форму четырехконечнаго креста. Подъ самой рукояткой на ятаганѣ уцѣлѣли двѣ пряжки съ кольцами, служившими для прикрѣпленія ремня, на которыхъ ятаганъ носился, а на поясицѣ найдено нѣсколько желѣзныхъ перержавѣлыхъ пряжекъ, которыя ясно говорятъ за то, что ятаганъ носился на поясицѣ, а не на плечевой портупецѣ.

Въ затылочной части хорошо сохранившася черепа, на лѣвой теменной кости видна дыра какъ бы отъ колющаго оружія, въ трехспинномъ позвонкѣ былъ воткнутъ набочечникъ стрѣлы.

На основаніи имѣющихся данныхъ является возможнымъ судить, что похороненъ въ этомъ курганѣ былъ, видимо, одинъ изъ знатныхъ иачальниковъ, принадлежавшій къ одной изъ кавказскихъ народностей, на что указываютъ оставшіеся остатки шелковаго бешмета съ 11 бронзовыми застежками въ видѣ бусъ. Надъ черепомъ, перемѣшанные съ углями, найдены черныя клочки какъ будто бы кожи съ кусочками волосъ или шерсти, показывающіе, что на покойникѣ была надѣта обыкновенная кавказская папаха.

Судя по остаткамъ костяка и кускамъ обуви, длину костяка слѣдуетъ опредѣлить въ 2 арш. 8 верш. Голова костяка обращена на западъ, а направленіе лица на востокъ. Могила была обнаружена такимъ образомъ ниже уровня поверхности земли на глубинѣ 1 арш. и какъ разъ противъ середины кургана, такъ что центръ кургана приходился противъ пояса покойника. Диаметръ кургана 16 аршинъ.

Курганъ № 2.

Затѣмъ во всей этой группѣ кургановъ мною былъ разрытъ второй, болѣе значительный по величинѣ курганъ, который, судя по найденному въ немъ погребенію, принадлежалъ или какому-либо знатному военачальнику или князю, такъ какъ похороны покойника въ данномъ случаѣ значительно разнятся отъ всѣхъ другихъ, обнаруженныхъ нами въ четырехъ разрытыхъ курганахъ. Общая картина погребенія въ настоящемъ курганѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Покойникъ былъ шелковыми шнурами прикрѣпленъ къ толстой дубовой пластинѣ толщиной въ 2-3 верш., а затѣмъ положенъ въ вырытую ниже поверхности земли могилу длиной въ $2\frac{1}{4}$ арш. и шириной въ $1\frac{1}{2}$ арш. причемъ, предварительно на низъ могилы былъ насыпанъ слой угля въ 4 верш., на который и была положена пластина съ покойникомъ. Затѣмъ съ 4-хъ сторонъ покойника были поставлены такія же точно дубовыя пластины перпендикулярно къ нижней доскѣ и скрѣплены уже они затѣмъ были желѣзными скобами, изъ которыхъ двѣ мною были найдены.

Сверху была положена, какъ крышка, также дубовая пластина, а затѣмъ уже до самаго верха вырытой ниже поверхности земли могилы, на высотѣ $1\frac{1}{2}$ арш., былъ насыпанъ слой дубовыхъ угольевъ. Надъ покойнымъ сначала

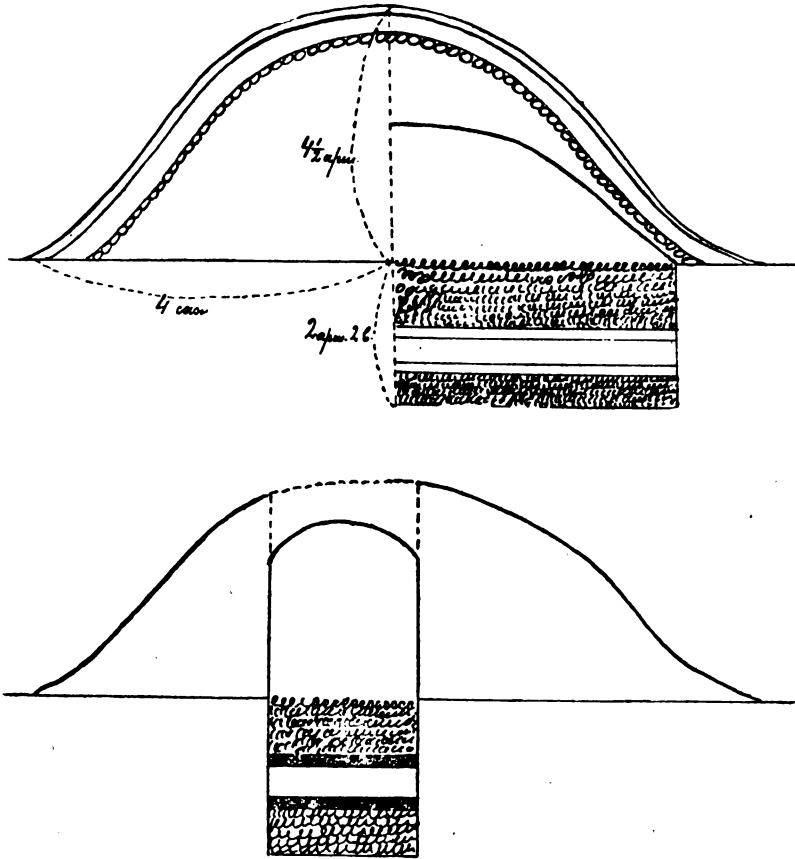

былъ выведенъ значительный сводъ, широкой стороной обращенный къ востоку, при высотѣ въ 2 аршина въ самой широкой его части, причемъ верхъ свода, потолокъ, старательно былъ смазанъ, но не отштукатуренъ.

Покойникъ, такимъ образомъ, былъ похороненъ въ западной части кургана; ноги его приходились какъ разъ у центра кургана, а вся могила, какъ я уже сказалъ, была расположена на западъ отъ центра въ другой половинѣ кургана, который былъ насыпанъ изъ выбираемой тутъ же земли, состоявшей изъ смѣси чернозема и глины. Когда курганъ былъ возведенъ, то вся поверхность его была обложена крупнымъ булыжникомъ и затѣмъ сверху вновь засыпана на 5 вершковъ черноземомъ. Страннымъ является то обстоятельство, что въ окрестности ближе 11 вер. ни какихъ камней нѣтъ нигдѣ, почему, надо полагать, булыжникъ привозился сюда изъ рѣки Уруха, находящейся отъ кургановъ на растояніи 11 вер. по прямому направленію. Такая картина погребенія представляется при внимательной раскопкѣ и обнаруженіи покойника.

Поперечный разръзъ со стороны раскопа.

Раскопка кургана была произведена при помощи траншеи въ 3 аршина, сбоку отъ основанія кургана, съ восточной его стороны чрезъ центръ его; она оканчивалась въ самомъ центрѣ. Направленіе траншеи было взято строго по компасу съ востока на западъ. По снятіи дернового слоя слѣдовалъ черно земный слой на 4 верш., за нимъ слой булыжника, а затѣмъ черноземъ, смѣшанный съ глиной, причемъ преобладала глина. Работа необыкновенно затруднялась сильно слежавшимся грунтомъ, почему приходилось работать острымъ

ломомъ и киркой. На глубинѣ $4\frac{1}{2}$ арш. по очисткѣ траншеи отъ излишней земли ясно обнаружился грунтовой слой, черноземный, что указывало на то, что погребенія ниже не должно быть, а слѣдовательно оно осталось гдѣ-либо въ сторонѣ.

Приходилось пустить въ ходъ шуцъ, который, къ сожалѣнію, не обнаруживалъ нигдѣ признаковъ могилы. Наконецъ, одинъ изъ рабочихъ, забравшись въ траншею, сталъ постукивать ломомъ по стѣнамъ траншеи и тотъ глухой звукъ, отдававшійся словно въ пустотѣ, который мы услышали, навелъ меня на мысль о присутствіи склепа. Осторожно при помощи острой лопаты пришлось отбивать небольшие слои земли съ западнаго обрѣза, и когда земли было снято такимъ образомъ не болѣе какъ на вершокъ, въ самомъ низу траншеи, у западнаго обрѣза, обнаружилось круглое отверстіе радіусомъ въ 5 верш., которое и привело меня уже къ самой могилѣ. Когда вся западная стѣна траншеи, такимъ образомъ, была аккуратно снята до самой высокой точки свода, намъ представилось подобіе сводчатой пещеры, искусственно выведенной.

Склепъ имѣлъ въ высоту 2 арш. у центра кургана, постепенно повышаясь къ западной сторонѣ кургана къ его основанію. Ширина свода равнялась ширинѣ могилы въ $2\frac{1}{2}$ верш. Первое, что поразило меня, это масса дубоваго угля, которымъ была заполнена могила до краевъ, равняясь съ нижнимъ обрѣзомъ траншеи съ поверхностью земли. Открытый склепъ настолько былъ высокъ, что давалъ возможность двумъ рабочимъ свободно въ немъ помѣщать ся, при чемъ она могла выбрасывать уголь. Уголь заполнял могилу на глубинѣ 1 арш. 2 верш., а затѣмъ по освобожденіи отъ него могилы обнаружился гробъ, по первому впечатлѣнію напоминавшій огромную колоду въ видѣ краснобурой массы, потрескавшейся и кое-гдѣ развалившейся; состоялъ гробъ этотъ, какъ я сказалъ ранѣе, изъ дубовыхъ пластинъ.

Гробница въ склепѣ.

По снятіи верхней пластины, замѣнявшей собой крышку гроба, мнѣ представилась какая-то черная масса какъ бы навозу, обильно перемѣшаннаго съ мелкими бѣлыми крупинками, а по снятіи боковыхъ пластинъ предо мною уже ясно обнаружилось и самое погребеніе. Покойникъ, безъ сомнѣнія,

былъ заключенъ въ бѣлый шелковый саванъ, превратившійся въ кучу мусора, о чемъ судить можно по мелкимъ кусочкамъ бѣлой шелковой матеріи.

Костякъ совершенно истлѣлъ и послѣ него образовались тамъ и сямъ бѣлыя известковыя полосы, обозначающія положеніе костей. Отъ черепа остался кусокъ нижней челюсти съ хорошо сохранившимися зубами, перемѣшавшимися съ истлѣвшими жалкими остатками черепа. Попадалось много кусочковъ желтой шелковой матеріи. Во всякомъ случаѣ по положенію остатковъ черепа и по найденнымъ ногвидамъ положеніе костяка опредѣлялось безошибочно: костякъ, вмѣвшій въ длину 2 арш. 8 верш., головой обращенъ былъ на западъ, имѣя направленіе лица на востокъ. Когда при помощи ручного мѣха былъ вѣсколько обметенъ мусоръ и щепки отъ гробницы, тогда предо мною ясно обнаружилось все погребеніе. На всемъ протяженіи отъ шеи до поясицы прекрасно сохранилась передняя часть груди бешмета съ шелковыми петельками, замѣняющими и до сихъ поръ у казаковъ и туземцевъ Кавказа крючки. Остатокъ шелковой матеріи обнаруженъ также немного выше колѣня, а затѣмъ обнаружались и хорошо сохранившіяся сафьяновыя козловыя голенища тонкой работы и остатки такихъ же чевякъ, въ которыхъ найдены пяточные кости. Тутъ ясно можно было видѣть, что ноги были привязаны шелковыми, въ палецъ ширины, лентами къ нижней пластинѣ, причемъ ленты эти, хотя по первому впечатлѣнію представлялись довольно хорошо сохранившимися, при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи превращались въ пепель. На высотѣ поясицы надены истлѣвшій шелковый шнурокъ, служившій очкуркомъ для штановъ. Какъ разъ на самой поясицѣ обнаружены куски бересты, имѣвшіе форму лука. У правой ноги костяка найдены истлѣвшій колчанъ такъ же изъ бересты съ 6 наконечниками стрѣлъ. Колчанъ былъ сдѣланъ также изъ бере-

зовыхъ пластинокъ и обшить кожей. Одна изъ стѣнокъ колчана довольно хорошо сохранилась и мною извлечена. Наконечъ съ лѣвой стороны костья найденъ такой же точно ятаганъ, который былъ обнаруженъ въ первомъ курганѣ, не уступавшій первому ни въ длинѣ ни въ формѣ.

Ятаганъ, очевидно, вложенный рукояткой въ руку, въ ножнахъ, а конецъ его приходился нѣсколько выше головы. Подъ лѣвой подвздошной костью положено было кресало съ трупомъ и кремнемъ, а также найдены остатки перержавѣлаго кинжала на высотѣ поясицы. Къ сожалѣнію, мелкій, но сильный пролизывающий дождь не позволилъ мнѣ сдѣлать фотографическихъ снимковъ этого интереснаго погребенія.

По измѣреніи діаметръ разрытаго кургана оказался равнымъ въ 8 саж.

Курганы № 3 и 4.

Наконецъ, на этомъ же кладбищѣ мною была разрыты еще два малыхъ кургана, высота коихъ не превышала 2 арш. Я не останавливаюсь особенно на описаніи этихъ кургановъ, такъ какъ писать о нихъ болѣе, значитъ повторять все то, что писалось, когда вопросъ касался кургановъ № 1-й и 2-й.

Привожу числовыя данныя объ этихъ курганъ, добытыя на основаніи произведенныхъ измѣреній.

	Курганъ № 3	Курганъ № 4
Высота кургановъ	1 ³ / ₄ арш.	2 арш.
Діаметръ кургановъ	9 ³ / ₄ ”	10 ”
Длина могилы	2 ³ / ₄ ”	3 ”
Ширина могилы	1 ”	1 ¹ / ₄ ”
Глубина	1 ³ / ₄ ”	1 ¹ / ₂ ”
Длина костья	2 арш. 7 вер.	2 арш. 8 вер.

Направленіе лица	Востокъ	внизъ
Костякъ лежитъ головой. .	Западъ	Западъ

Оба курганы покрыты дерновымъ слоемъ на 2 в., а далѣе идетъ черноземъ, стѣшанный съ глиной, сильно слежавшейся, при чемъ величина этого слоя равно $\frac{1}{4}$ арш. Далѣе слѣдуютъ два слоя камней (булыжника) въ $\frac{1}{4}$ арш., а еще далѣе смѣшанный грунтъ изъ чернозема и глины.

Въ обоихъ курганахъ могилы съ покойниками были помѣщены подъ курганами ниже поверхности земли такимъ образомъ, что поясицы погребенныхъ приходились противъ самыхъ вершинъ кургановъ. Покойники положены въ дубовыхъ колодахъ, отъ времени значительно истаившихъ. Костяки почти не сохранились и только найденныя здѣсь отдѣльныя кости давали возможность опредѣлить положеніе костяка въ отношеніи странъ свѣта. Въ курганѣ № 4 сохранился черепъ, дающій возможность судить, что голова отъ костяка была отдѣлена и лежала въ разстояніи 2 верш. отъ того мѣста, гдѣ она бы должна лежать, причемъ лицомъ черепъ былъ обращенъ внизъ, имѣя на самомъ темени двѣ дыры, нанесенныя, видимо, колючимъ окружіемъ. Бромъ находящихся у правыхъ пятокъ наконечниковъ нерржавѣлыхъ стрѣлъ (ихъ по 4 въ каждой могилѣ) и такихъ же кусковъ желѣза, напоминающихъ собой кинжалы, а также кресаль, трута и кремней, никакихъ болѣе вещей не найдено.

Ф. С. Гребенецъ.

A. W. T. W. W. W.

Письмо, посланное съ Востока отцомъ Луи Гранжіэ его преподобію отцу Клодъ Аквавива, генералу іезуитскаго ордена.

Написанное въ Москви (Моqui), въ Мингреліи, 2-го марта 1615 года.

Вы, Ваше преподобіе, узнали, по всей вѣроятности, изъ писемъ, которыя наши отцы константинопольскіе Вамъ написали въ прошломъ году, при какихъ обстоятельствахъ его превосходительство господинъ французскій посланникъ изъ любви къ намъ и изъ желанія распространить нашу вѣру велъ частые переговоры съ посланцомъ мингрельскаго князя, чтобы тотъ соизволилъ взять насъ съ собою на обратномъ пути домой, на что и было дано ему охотно согласіе.

Въ началѣ весны насъ извѣстили, что посланецъ собирается выѣхать въ Трапезунтъ и даже въ Мингрелію съ Омеръпашою (Opeze), который долженъ былъ выяснить нѣкоторыя дѣла по порученію великаго султана съ князьями Дадіани (Dadran) и Гуріели (Gorel) (такъ называются князья мин-

---

Отъ Редакціи. Письмо г. Луи Гранжіэ, напечатанное въ 1616 г., передано редакціи тай. сов. Е. Г. Вейденбаумомъ, которому и принадлежитъ часть цѣнныхъ примѣчаній; остальные принадлежатъ Е. С. Такайшвили и мнѣ. Письмо это доложено въ засѣданіи Кавк. отд. Моск. Арх. общ. какъ разъ въ 300-лѣтіе совершенія путешествія, оно переведено съ древняго французскаго языка В. Л. Бабэ. Л. Л.

грельцевъ и грузинъ, народовъ страны Колхосъ—Колхиды). Его превосходительство посланникъ, не жалѣя ничего для нашего предпріятія, для котораго онъ уже назначилъ 500 эки, устроилъ это дѣло съ пашой, которому онъ поднесъ по этому поводу великолѣпный подарокъ. Но такъ какъ судно было перегружено товарами и солдатами, то онъ послалъ насъ съ двумя преданными ему янычарами на другомъ товарномъ суднѣ, которое шло въ Варну для покупки хлѣба, а оттуда въ Трапезунтъ; сверхъ того, онъ имъ приказалъ заботиться о томъ, чтобы намъ не причинили никакой непріятности на пути. Насъ было только три священника въ Перѣ, въ числѣ которыхъ я, хотя и очень недостойный и наименѣе нужный, былъ посланъ съ этой миссіей съ однимъ изъ нашихъ братьевъ коадьюторовъ, по имени Этіенъ Віа, и съ однимъ армяниномъ, котораго мы взяли переводчикомъ.

Приготовившись къ этому путешествію, благодаря щедрости его превосходительства господина посланника, въ четвергъ, 26-го мая, на слѣдующій день послѣ Пресв. Троицы, попросившись съ нашими, мы сѣли въ лодку, чтобы доѣхать до нашего судна, которое въ числѣ болѣе ста галеръ, было въ Восфорѣ Фракійскомъ, или проливѣ Константинопольскомъ; они ждали благоприятнаго вѣтра, чтобы преодолѣть силу теченія Понта Евксинскаго, или Чернаго моря, которое изливается съ громадной силой въ этотъ проливъ. Мы оставались тамъ восемь дней, въ продолженіе которыхъ мы имѣли полную возможность видѣть древніе и знаменитые замки Леандра и Геро (Leandre et Hero) и море, которое онъ переплывалъ каждую ночь, а также колонну Помпея или скорѣе Данила Стилпты—Столпника, который возвелъ ее около устья этого моря, какъ говорить намъ церковная исторія. Въ третій день іюня, при южномъ вѣтрѣ всѣ галеры двинулись вмѣстѣ въ открытое море, затѣмъ раздѣлились, направляясь однѣ къ восточнымъ

берегамъ Чернаго моря, большая же часть къ сѣвернымъ, а другія съ нами къ западу. Черезъ 3 дня мы приплыли благополучно въ Варну, еракійскій городъ, о которомъ стоить говорить не столько благодаря пшеницѣ и вину, которыя находятся здѣсь въ большомъ изобиліи, но также благодаря замѣчательной красотѣ его расположенія—что и было причиной того, что древніе императоры сдѣлали его мѣстомъ своего пребыванія; кромѣ того, здѣсь можно удобно построить большое количество галеръ. Надо замѣтить, что жители вообще испытываютъ страхъ передъ казаками, которые лѣтомъ устраиваютъ нѣсколько набѣговъ на эту страну*). Вотъ почему стоялъ тамъ гарнизономъ отрядъ французскихъ солдатъ, которые по необходимости принуждены были много лѣтъ тому назадъ оставить войска венгерскія, находившіяся на службѣ императора**), чтобы отдаться туркамъ. Однако они сохранили неприкосновенно католическую религію; они насъ приняли хорошо, благодаря взаимной дружбѣ и знакомству, и ихъ капитанъ, который насъ очень полюбилъ, принялъ насъ къ себѣ и доставилъ намъ съѣстные припасы и затѣмъ по его рекомендаціи и рекомендаціи митрополита мы нашли мѣсто на суднѣ, нагруженномъ пшеницей, которое возвращалось въ Трапезунтъ; но противоположный вѣтеръ вынудилъ насъ вернуться въ портъ, изъ котораго мы вышли. На слѣдующій день плаваніе было болѣе благопріятно, и мы продолжали плыть цѣлый день и также ночь, а вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ и ужасной тьмой, началъ бросать наше судно въ

*) Запорожскіе казаки въ первый разъ напали въ Варну въ 1606 г., при чемъ уничтожили турецкій флотъ изъ 10 кораблей; въ 1613 г. они опять уничтожили турецкій флотъ изъ 33 судовъ, а затѣмъ сожгли Трапезунтъ и Синопъ, угрожая даже самому Стамбулу. Здѣсь авторъ упоминаетъ о менѣ значительныхъ набѣгахъ на Варну, повторявшихся чуть ли не каждымъ лѣтомъ, но не занесенныхъ въ исторію.

**) Императоръ священной римской имперіи Матвѣй, царствовавшій отъ 1612—1619 года.

См. в. 1/5 ч. 11
Турки

разныя стороны въ продолженіе 24-хъ часовъ, изорвалъ наши паруса и, наконецъ, насъ забросилъ въ Константинопольскій проливъ; мы не знали, гдѣ мы находимся. Тамъ мы бросили якорь, чтобы исправить наши паруса и ждать въ надежномъ мѣстѣ благопріятной погоды, которой мы, болѣе или менѣе сносно, дождались. 15-го іюня мы поплыли къ Ираклію *), гор. Виоинія, гдѣ мы рассчитывали остановиться по причинѣ неблагопріятной погоды и противоположнаго вѣтра.

Вдругъ началъ дуть другой вѣтеръ, который заставилъ насъ измѣнить наше намѣреніе. Этотъ вѣтеръ вначалѣ былъ намъ благопріятенъ, но вскорѣ онъ усилился, пошелъ дождь и наступила густая тьма; мы чуть было не наскочили на подводные камни, находящіеся по сосѣдству. Мы бы не замѣтили этого, если бы Богъ, сжалившись надъ нами, не предупредилъ бы этой опасности, грозящей каждому изъ насъ, менѣе всего думавшему объ этомъ.

Наши матросы, предупрежденные объ опасности, опустили паруса, предпочитая вернуться назадъ, чѣмъ двигаться впередъ на вѣрную гибель. Такимъ образомъ, мы вернулись вновь въ Ираклію, отъ которой мы были уже на разстояніи приблизительно 100 миль. Этотъ городъ раньше былъ извѣстенъ укрѣпленнымъ портомъ (port du chateau) и стѣной, которую генуэзцы построили въ то время, когда все Черное море принадлежало имъ.

Въ настоящее время тамъ живутъ только греки и турки, и встрѣчаются только старенькія лачуги и избышки.

Намъ было непріятно, когда мы увидѣли, что на 21-й день нашего путешествія мы сдѣлали только 200 миль. Но я увѣренъ, что этимъ промедленіемъ Богъ хотѣлъ насъ расположить къ добродѣтели терпѣнія и кротости, такъ какъ

---

*) Нынѣ Эрегли.

Онъ зналъ, что намъ были необходимы эти качества. 22-го юня мы оставили Ираклію съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ раньше, и 26-го того же мѣсяца мы достигли Синаба (Sinabé), въ старину называемой Синопомъ (Sinope), лучшаго города Понта, замѣчательнаго какъ мѣсто рожденія Мнѳридата. Черезъ три дня мы прошли такой путь, какъ во весь предыдущій мѣсяць, а отъ Синопа до Трапезунта такое же разстояніе, какъ отъ Константинополя до Синопа: такъ какъ обыкновенно съ той и съ другой стороны считаютъ 500 миль итальянскихъ. Въ день св. Петра и Павла мы находились въ Кордулъ*), гдѣ наши матросы остановились, такъ какъ это было ихъ мѣсто жительства; затѣмъ на слѣдующій день въ маленькомъ галіонѣ мы направились къ Трапезунту, гдѣ епископъ-католикосъ, очень сочувствующій нашему ордену, насъ принялъ весьма радушно; зовутъ его Игнатій Шіоти (Scioti); онъ былъ воспитанъ въ Римѣ, въ греческой семинаріи, нашими отцами 14 лѣтъ тому назадъ.

Этотъ добрый прелать относился ко мнѣ съ большой любовью; онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что въ этомъ городѣ находится церковь св. Венедикта, которая свидѣтельствуетъ о вѣрѣ и благочестіи генуэзской синьоріи; что служба не велась по римскому уставу, а по греческому и что если мы найдемъ, что она можетъ послужить намъ для миссіи въ Мингреліи или Грузіи, то мы можемъ воспользоваться ею безпрепятственно.

Тамъ мы оставались цѣлый мѣсяць, проповѣдуя благочестіе и добрыя нравы всѣмъ, которые насъ посѣщали изъ вѣжливости, особенно молодежь: такъ что самые развращенные и враждебно настроенные къ римской церкви изъ жителей

---

*) По-гречески *Κορδύλη*, у Плинніа Chordule; портовый городъ въ древней Каппадокіи; англійскій путешественникъ Гамильтонъ полагаетъ, что К. находилась на мѣстѣ теперешней крѣпости Ахча-кала между Платаной и мысомъ Юросъ, недалеко отъ Трапезунта. Е. В.

всей Греціи оказались очень приверженными и радушными къ намъ и выказали желаніе присоединиться къ католической церкви. Но надо опасаться, что они изъ числа тѣхъ, у которыхъ легко зараждаются добрыя намѣренія, остающіяся однако, безъ исполненія. Хотя, быть-можетъ, Господь, сжалившись надъ ними, поможетъ имъ.

Нѣкоторые армянскіе купцы, которые возвращались изъ Шера (Cher*) и проходили черезъ Трапезунтъ, насъ весьма обрадовали, увѣривъ насъ, что они франки или французы (francs ou François)—такъ называютъ вообще латиновъ на Востокѣ, что ихъ страна на границѣ съ Персіей, гдѣ ихъ приблизительно 10,000 распределено въ двѣнадцать селлахъ, что имъ нашъ Святой отецъ посылаетъ якобы отцовъ ордена св. Доминика въ качествѣ епископовъ и священниковъ.

Трудно повѣрить той настойчивости, съ которой они уговаривали насъ послѣдовать за ними въ ихъ страну, находящуюся совсѣмъ недалеко. Они намъ обѣщали *предоставить* церковь, домъ, все для насъ необходимое и, самое главное, возможность воздѣлывать большой и прекрасный вертоградъ, такъ какъ находящихся тамъ священниковъ мало и ихъ не хватаетъ. Но такъ какъ мы предназначались для другихъ мѣстъ, то не въ нашей власти было согласиться на ихъ просьбу. Несмотря на это, я написалъ епископу, что если онъ нуждается въ такой слабой помощи, какъ наша, то пусть напишетъ или намъ, если захочетъ, въ Мингрелію, что будетъ для него очень легко, такъ какъ это близко, или же нашимъ отцамъ константинопольскимъ, и что тѣ или другіе постараются удовлетворить его просьбу.

---

*) Судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Пейсонелемъ, авторомъ книги *Essai sur les troubles actuels de Perse et de Géorgie*, Paris 1754 г., это городъ въ Нахичеванскомъ ханствѣ Chiaouk, по-армянски Джагукъ. Наименованіе Шеръ взято изъ персидскаго shehr=городъ. Е. В.

Въ это время паша вступилъ въ Трапезунтъ, который находится подъ его управленіемъ, и мы ему представились, какъ это онъ повелѣлъ въ Константинополѣ. Онъ насъ принялъ хорошо и спросилъ, не испытали ли мы въ дорогѣ какихъ-либо непріятностей. Кромѣ того, онъ приказалъ, чтобы никто не нарушалъ нашего покоя въ Трапезунтѣ, и предупредилъ насъ подумать объ оставшемся намъ путешествіи, чтобы или послѣдовать дальше въ Каффу *), или направиться въ Гонію (Gonea **) :

Съ этихъ поръ мы мало-по-малу пришли къ убѣжденію, чего мы не подозрѣвали даже въ Константинополѣ, а именно—что много труда будетъ стоять заключить миръ съ князьями Дадіани и Гуріели и что этого нельзя сдѣлать въ одинъ день. Съ тѣхъ поръ турки стали, какъ военноплѣнныхъ, держать ихъ посланниковъ. Такъ что мы нашли болѣе подходящимъ жить и путешествовать отдѣльно, чѣмъ впасть въ подозрѣніе, имѣя съ ними общеніе. 21-го іюля мы послѣдовали въ лодкѣ за пашой, который уѣхалъ изъ Трапезунта, но такъ какъ онъ рассчитывалъ остановиться на нѣсколько дней въ Сюрменѣ (Sargema ***) и въ Caliragaoli ****), мы отправились до мѣстечка Ризы (Erissé *****), при вѣтрѣ гораздо болѣе сильномъ, чѣмъ это требовалъ нашъ галіонъ, хотя довольно благопріятномъ; вѣтеръ былъ сильный настолько, что мы боялись погибнуть отъ волнъ и головной боли; надо сказать, что это продолжалось одинъ день. Мѣстечко Риза

---

*) Теперь Феодосія, въ Крыму.

***) Гонія въ 15-ти верстахъ къ югу-западу отъ Батума. Развалины крѣпости Гонія въ 5 верстахъ отъ р. Чороха.

****) Сюрменѣ (Чарты) недалеко (верстахъ 40) отъ Трапезунта, къ востоку.

*****) Caliragaoli, повидимому, около городка Офа, гдѣ по близости впадаетъ р. Калипотамосъ. Названіе рѣки напоминаетъ названіе города. Е. В.

*****) Риза въ турецкомъ Лазистанѣ.

есть мѣсто рожденія пашы, гдѣ у него домъ и семья, и находится въ странѣ Лазіи, которая простирается отъ Трапезунта до Грузіи. Но въ части, которая ближе къ Трапезунту, говорятъ по-гречески; въ той же, которая находится ближе къ Грузіи, говорятъ вообще на языкѣ Мингреліи, бывшей колоніей лазовъ или алановъ (Lazons ou Alains), народовъ Мингреліи. Они переходятъ мало-помалу въ магометанство; обыкновенно тѣ, которые уже въ лѣтахъ, перенося почти-что невыносимый гнетъ изъ-за того, что исповѣдуютъ христіанскую религію, желая избавиться отъ налоговъ, которыми изъ отягощаютъ, переходятъ на сторону турокъ; что касается дѣтей, то родители подвергаютъ ихъ обрѣзанію, чтобы они были освобождены отъ всѣхъ податей и налоговъ; они стараются, чтобы христіанскія дѣвушки выходили замужъ за янычаръ для сохраненія жизни отцовъ и матерей. Тѣ немногіе, которые остались отъ прежнихъ жителей, сохранили только христіанскіе имя и совершенный надъ ними обрядъ крещенія. Это въ самомъ дѣлѣ несчастье, тѣмъ болѣе достойное сожалѣнія, что отъ него нѣтъ избавленія; все же мы очень помогли нѣкоторымъ изъ жителей мѣстечка Ризы, насколько можно было помочь при слабомъ знаніи ихъ языка. Мы учили тамъ дѣтей катехизису и внушали нѣсколькимъ женщинамъ-христіанкамъ, вышедшимъ замужъ за турокъ, въ чемъ состоитъ ихъ христіанскій долгъ. Къ тому же мы позаботились о томъ, чтобы одна рабыня 18-ти лѣтъ приняла св. крещеніе, которое надъ ней не было совершено, такъ какъ родители воспротивились: и если бы у насъ было время, мы бы крестили одного маленькаго турченка, который имѣлъ мать и очень просилъ объ этомъ, точно такъ же, какъ одинъ турецкій рабъ, который жаждалъ той же благодати. Въ то время какъ мы творили эти добрыя дѣла и другія подобныя имъ, паша прибылъ въ Ризу, и черезъ нѣсколько дней другое товарное судно, которое присоединили къ его судну, чтобы от-

плыть въ Мингрелію, гдѣ долженъ быть заключенъ миръ. Мы предпочли это второе судно, а не первое, настолько же вслѣдствіе соизволенія паша, насколько потому, что у насъ было тамъ нѣсколько знакомыхъ латинцевъ, изъ которыхъ одинъ происходитъ изъ острова Теносъ (Tenos) или Тины (Tina) и теперь былъ гражданиномъ Перы, а другой изъ Каффы, который насъ очень любитъ и состоитъ въ близкомъ родствѣ съ о. Антоіемъ изъ Спинолы (Antoine de Spinola), выкупившимъ два года тому назадъ у татаръ въ Восфорѣ Киммерійскомъ, называемомъ теперь Кафѣскимъ проливомъ *), поляка, о. Франца Экводу (Aequoda).

Въ концѣ августа паша и два судна направились въ Гонію, въ крайнемъ углу Чернаго моря. Но такъ какъ этотъ портъ неудобенъ для стоянки, то мы остановились съ галерами въ мѣстѣ болѣе надежномъ, называемомъ Макріалъ (Macroualo)**), въ 9-ти миляхъ отъ Гоніи; но было это на наше и нашихъ матросовъ несчастье. Это, ваше преподобіе, можно узнать изъ того, что послѣдовало. Проходятъ безъ всякаго дѣла два мѣсяца, пока послы для переговоровъ о мирѣ приходятъ и уходятъ съ одной и другой сторонъ, а наши суда стоятъ на якорѣ, избиваемыя бурями, которыя господствуютъ обыкновенно въ Черномъ морѣ, начиная съ сентября мѣсяца. Паша не позволялъ никому высадиться, пока миръ не будетъ заключенъ, и не хотѣлъ также допустить, чтобы мы вернулись обратно, изъ опасенія, что князя Дадіани и Гуріели, лишеныя надежды имѣть соль и другіе товары, откажутся отъ предложенныхъ имъ условій. А въ это время намъ пришлось бороться съ вѣтромъ и съ непогодой, и мы рисковали въ концѣ длиннаго и труднаго путешествія погибнуть отъ ужасной бури, въ виду Мингреліи. При-

---

*) Керченскій проливъ.

***) Макріалъ къ юго-западу отъ Гоніи.

близительно въ серединѣ сентября, почти въ полночь, порывистый мистраль выбросилъ наши два судна на рифъ и подводные камни, которые находились недалеко отъ насъ. Наши матросы сопротивляются бурѣ съ мужествомъ, на которое только они способны, въ продолженіе 24-хъ часовъ, но не съ одинаковымъ успѣхомъ.

Наша галера, благодаря Бога, избѣгла на этотъ разъ гибели, чего не удалось другой, которая была менѣе прочна, такъ какъ служила дольше; она наполнилась настолько водой, что не было возможности ни вычерпать ее ни задѣлать щели: товаръ плавалъ, а судно шло ко дну со всѣми, кто находился на немъ.

Тогда каждый хватаетъ то, что было для него самого драгоценнаго и то, что у него было подъ рукой; бросается въ спасательную лодку нашего судна, какъ къ мѣсту убѣжища; все же нѣсколько матросовъ осталось на суднѣ, чтобы спасти что можно, и затѣмъ, бросившись вплавь, достичь берега; но они были застигнуты такимъ сильнымъ порывомъ вѣтра, что представили намъ собою жалкое зрѣлище: ударившись носовою частью два или три раза о берегъ, галера разбилась и перевернулась вверхъ дномъ. Тогда они бросаются на нее съ быстротой, на которое только они способны, и разбираютъ все по частямъ, чтобы достать съѣстные припасы. Они достигли этого только отчасти, остальное же было брошено на произволъ морскихъ волнъ.

Мы восхваляемъ Бога, во-первыхъ, за то, что никто не утонулъ и, во-вторыхъ, за то, что мы не сѣли на это несчастное судно ни въ Константинополь, ни въ Трапезунтъ, ни въ Ризѣ: тогда съ нами или съ нашимъ багажомъ случилось бы то же самое, и наше судно неминуемо пошло бы въ еще худшее положеніе. По мѣрѣ того какъ бури усиливались съ наступленіемъ зимы, судно качало во всѣ стороны: оно наполнялось настолько водой, что ее нельзя

было вычерпать; волны, подымаясь въ высоту горъ, наполнили его сразу; мы въ отчаяніи думали, что смерть неизбежна; наши канаты рвались, и у насъ былъ только одинъ якорь, такъ что намъ не оставалось ничего другого, какъ прибѣгать къ обѣтамъ и молитвамъ.

Въ это время нашъ хозяинъ умоляетъ смиренно пашу сжалиться надъ нашимъ судномъ и надъ тѣми, кто въ немъ, и позволить намъ или вернуться обратно или пройти дальше, чтобы быть въ безопасности.

Но онъ не былъ тронутъ ни случаемъ съ потонувшимъ судномъ ни угрожавшей намъ опасностью, какъ вдругъ 7-го полярнаго западный необыкновенно сильный вѣтеръ съ дождемъ и градомъ, поднявшійся въ полночь, сломалъ на нашихъ глазахъ якоря галеры, которая стояла близко около нашей и которая пришла изъ Каффы только восемь дней тому назадъ, и затѣмъ разбилъ ее о берегъ. То же самое случилось съ девятью другими товарными судами. Наше судно могло еще противостоять, такъ какъ было очень хорошо снабжено какъ матросами, такъ и якорями и канатами.

Но изумительны морскіе вѣтры, и чудень Господь—кто можетъ противостоять Ему. Ураганъ увеличивается къ полудню, и одинъ изъ нашихъ канатовъ рвется, затѣмъ два-три одинъ за другимъ; многіе изъ нашихъ матросовъ и путешественниковъ бросаются съ товарами кто въ море, кто въ челнокъ, ища спасенія и порта: кто бросается вплавь, кто на доскахъ.

Къ тому же, хотя судно имѣло еще два якоря, оно было унесено силой и стремительностью моря и вѣтра къ очень опаснымъ подводнымъ скаламъ; тамъ волна, нахлынувшая на него, выбросила двоихъ тамъ находившихся путешениковъ и тотчасъ же проглотила ихъ: одинъ изъ нихъ былъ христіанинъ, другой—турокъ. Было еще двое другихъ: арабъ и добрый старикъ мингрелецъ, которые пытались спа-

стись вплавь, но арабъ утонулъ, а мингрелецъ послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ ударовъ волнь и обломковъ судна, разбитаго въ этомъ мѣстѣ, достигъ выступа скалы, окруженной моремъ, гдѣ его почти всѣ бросили *на произволъ судьбы*, не позаботившись о немъ; но мы его снабжали пищей и милостыней до тѣхъ поръ, пока онъ не перешелъ въ лучшую жизнь, въ болѣе спокойную пристань, исповѣдовавшись у меня. Сверхъ того, наша галера, наткнувшись 3 или 4 раза о подводные камни, разбилась въ концѣ концовъ, а сломившаяся мачта упала по правую сторону на рифъ, но такъ удачно, что тѣ, которые остались на суднѣ, воспользовались ею, какъ мостомъ, и спаслись легко, исключая одного молодого человѣка, который, не раздѣвшись по примѣру другихъ, былъ подхваченъ съ такой силой водой, что такъ и не досталъ дна ногами. Что касается товара, то онъ съ нашей одеждой и частями разбитаго судна сдѣлался игрушкой волнь. Да будетъ благословенъ Господь, который не предалъ насъ ихъ ярости! Видя, что буря, не оставляя насъ въ покоѣ, безпрестанно съ нами боролась и что князя Дадіани и Гуріели тянули переговоры, мы, по совѣту многихъ, вышли на берегъ раньше этого несчастья и сняли маленькій домикъ въ сосѣдней деревнѣ. Мы взяли изъ судна только самое необходимое. Въ этомъ жилищѣ мы старались набраться силъ послѣ столь большихъ мученій, хотя бѣдность этого мѣста не легко позволяла это. Кромѣ того, мы обучали дѣтей катехизису иставляли духовныхъ лицъ (Paras)—такъ называются мѣстные священники—въ ихъ обязанностяхъ, съ которыми они были весьма плохо знакомы. Такъ, они никогда не исповѣдывались и никогда не исповѣдывали другихъ, хотя считали возможнымъ причащать Св. Таинамъ; невѣдѣніе и глупость ихъ были такъ велики и такъ серьезны, что они совершали обѣдню безъ теплоты и обращались непочтительно со священными сосудами. Кромѣ того, нѣкоторые христіане, которые го-

товы были сдѣлаться турками, чтобы не испытывать тягости налоговъ, получили помощь отъ насъ: мы давали имъ совѣты и милостыню то изъ принадлежащаго намъ, то изъ собраннаго для нихъ.

Трудно повѣрить тому, что мы въ этихъ мѣстахъ находили турокъ, которые не совѣтовали христіанамъ отказываться отъ своей религіи, ставя имъ на видъ или ихъ юный возрастъ или старость; они помогали имъ изъ своего имущества, по мѣрѣ средствъ. Я видѣлъ иногда нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые присутствовали на богослуженіи съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ если бы они были христіанами. Воспользовавшись этимъ благопріятнымъ случаемъ, я не могъ удержаться отъ того, чтобъ не сказать публично нѣсколькихъ словъ, съ цѣлью укрѣпить этотъ народъ въ вѣрѣ. И несомнѣнно, если бъ у нихъ было хоть нѣсколько греческихъ священниковъ, которые имѣли бы небольшія знанія, чтобы потрудиться для славы Божіей, знали бы турецкій языкъ или языкъ лавовъ и, что главное, которые рѣшились бы пожертвовать своей жизнью для прославленія Іисуса Христа, то тѣ обратили бы ихъ всѣхъ въ христіанскую вѣру, и было бы чудомъ, если бъ остался хоть одинъ невѣрующій.

Но чтобы вернуться къ нашей одеждѣ, которую я оставилъ въ морѣ, поглотившемъ наше судно и весь находившійся на немъ товаръ, а съ ними и четырехъ человекъ, я долженъ сказать, что матросы и купцы, наполовину голые, вошли въ воду, чтобъ выловить посредствомъ веревокъ и желѣзныхъ крючьевъ все оставшееся отъ кораблекрушенія, приносимое волнами къ берегу. А мы, которые подобно имъ, тоже пострадали, смотрѣли на нихъ съ берега, принося на алтарь Даятеля всѣхъ благъ то, что мы потеряли, и отрѣшаясь, насколько это было въ нашей власти, отъ всякой привязанности къ этимъ предметамъ, чтобы всецѣло слѣдовать Божественной волѣ, вознося благодареніе за то, что насъ не было на

суднѣ, когда оно утонуло. Если море поглотило четырехъ хорошихъ пловцовъ, то что сдѣлали бы мы, не умѣющіе плавать? Итакъ, мы начали вылавливать вмѣстѣ съ другими одежду, которую море возвращало намъ, и будь благословенъ Господь, Который послалъ намъ то, что Онъ нашелъ нужнымъ для защиты отъ холода. Но наша одежда была такъ попорчена и истрепана, что трудно будетъ ее починить. Мы потеряли всѣ наши книги, всѣ образа изъ бумаги, воска и бронзы, посредствомъ которыхъ мы могли пріобрѣсти расположеніе многихъ. Но потеря, которая насъ больше всего огорчаетъ, — это часовня и принадлежности алтаря; поэтому въ продолженіе нѣсколькихъ дней я не буду имѣть утѣшенія совершать богослуженіе, и хотя мнѣ нельзя будетъ приносить Господу Богу безкровную жертву, то у насъ все же будетъ возможность единенія съ Нимъ въ любви и, что всецѣло отъ насъ зависитъ при столькихъ случаяхъ къ самопожертвованію, доставляемыхъ церковью и общеніемъ между членами ордена, отдавать себя служенію Всемогущему Богу съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиренною душою.

Мы были доведены до этой крайности волею Божіею послѣ такого тяжелаго плаванія, длиннаго и труднаго, а такъ какъ и по нашему мнѣнію и сужденію многихъ не было надежды на заключеніе мира, то мы отправились къ пашѣ по совѣту нашихъ друзей, умоляя его, въ виду замедленія, доведшаго насъ до этой крайности, сжалятся надъ нами и, согласно обѣщанію, данному посланнику христоривѣйшаго короля (*tres chretien*), позволить намъ отправиться въ Мингрелію; если же нѣтъ, то пусть онъ соизволитъ выдать намъ паспорта для возвращенія въ Константинополь вмѣстѣ съ другими. Какъ только онъ выслушалъ нашу просьбу, то, сжалившись надъ нами, сказалъ намъ, что такъ какъ султанъ запретилъ ему не пропускать ни одной живой души въ

Мингрелію до заключенія мира, то дастъ намъ охотно паспорта для возвращенія назадъ. Но воля Божія судила иначе: такъ, въ то время какъ мы сѣдѣли въ маленькую барку, чтобы отправиться назадъ, явился гонецъ отъ князя Гуріели съ извѣстіемъ о мирѣ и привезъ дань, которую султанъ (Soudan) отъ него требовалъ, что и случилось въ день св. Луки. Паша и князь Гуріели съѣхались въ Батумъ (Batone), портъ Грузіи, и переговоры о дѣлахъ. Это заставило отнѣнить наше намѣреніе вернуться обратно, и мы обратились снова къ нашѣ, съ бѣльшимъ успѣхомъ на этотъ разъ. Онъ позволилъ намъ поѣхать, куда намъ угодно, и былъ съ нами любезенъ. Такимъ образомъ, въ день св. Фомы, архіепископа кантабрійскаго (de Cantorbie) *), черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ нашего отъѣзда, мы оставили наконецъ этотъ уголокъ Гонію (Gonea), которую мы выдали такъ часто съ той же самой галіоны, нанятой нами, чтобы вернуться въ Константинополь.

Cantorbie

Черезъ 20 дней мы прибыли въ Satrapella **), мѣстность въ Грузіи, безъ всякаго затрудненія. Во время прогулки нашей на берегу пришло нѣсколько грузинъ и, между прочимъ, визирь князя Гуріели, который состоитъ его главнокомандующимъ, и управляетъ всей страной.

Какъ только онъ насъ увидѣлъ, то сошелъ съ лошади и, преклонивъ колѣно по обычаю страны, привѣтствовалъ насъ весьма почтительно; мы тоже отдали ему поклонъ со смиреніемъ; затѣмъ онъ, усадивъ насъ на землю около себя, спросилъ насъ, кто мы, откуда пришли и куда направляемся. Узнавъ, что мы французы и что мы направляемся къ князю Дадіани, онъ насъ пригласилъ посѣтить сперва князя Гуріели и предложилъ намъ лошадей для этой цѣли. Мы по-

*) Кантабрія—провинція въ сѣверной Испаніи.

***) Это Шекветели въ устьѣ р. Нотанеби (портъ св. Николая) или Григолеті въ устьѣ р. Сулсы. Е. Т.

благодарили его за любезность, увѣривъ его, что мы сдѣлали бы съ удовольствіемъ то, что онъ намъ сказалъ при условіи, если князю это будетъ пріятно; что мы съ нетерпѣніемъ хотимъ видѣть архіепископа лазскаго, который жилъ въ Satrapella*).

Одобривъ это, онъ удалился, и мы провели эту ночь на берегу моря. На слѣдующій день мы пошли къ митрополиту, который насъ принялъ и помѣстилъ очень любезно въ своемъ домикѣ; и въ то время какъ мы были съ нимъ, князь Гуріели послалъ за нимъ, чтобы провести съ нимъ Рождественскіе праздники. Онъ отправился туда и обѣщалъ поговорить съ нимъ о нашемъ прибытіи: если онъ пожелаетъ насъ видѣть, то онъ дастъ намъ знать черезъ гонца. Онъ сдѣлалъ, какъ обѣщалъ, и насъ позвали къ князю; мы поѣхали къ нему на лошадяхъ, которыхъ для этой цѣли далъ намъ одинъ изъ визирей по особому распоряженію свыше. Дворъ и семья князя находились въ Байлети (Barlet)**), гдѣ имѣлъ онъ намѣреніе провести праздники Рождества Христова; но мы встрѣтили его по дорогѣ въ одномъ домѣ, куда онъ пріѣхалъ, чтобы предаться охотѣ. И тутъ онъ, лишь только узналъ о нашемъ прибытіи, позвалъ насъ въ залъ, гдѣ чинилъ судъ надъ своими вассалами; мы поклонились ему почтительно, и онъ, вставъ со своего сидѣнія, пошелъ намъ навстрѣчу съ непокрытой головой и привѣтствовалъ насъ, преклонивъ колѣно. И послѣ того какъ онъ и весь его дворъ поцѣловали намъ обоимъ руку, онъ пригласилъ насъ сѣсть около него, и послѣ нѣкоторыхъ предложенныхъ намъ вопросовъ, мы отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Байлети, благословивъ домъ по его приказанію. Онъ задержалъ насъ въ Байлети 15 дней, проявляя къ намъ большую дружбу. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ князь очень любезенъ, цѣнитъ очень французовъ, чрез-

*) Пребываніе лазскаго архіепископа въ предѣлахъ Гуріи въ началѣ XVII вѣка—это новость, неизвѣстная въ грузинской исторіи. Е. Т.

***) Байлети, на берегу р. Сулса, въ 10 верстахъ отъ Озургеть.

вычайно уважаетъ римскую церковь и нашего святого отца папу, заявляя открыто, что разрушеніе имперіи и взятіе Константинополя было послѣдствіемъ того, что отказались повиноваться верховенству первосвященника (Pontife); что Господь далъ св. Петру ключи Царства Небеснаго; что папа—отецъ всѣхъ христіанъ; что онъ полагаетъ, что всѣ настоящіе вѣрующіе христіане должны подчиниться ему. Когда мы его убѣдили на этотъ счетъ нашими бесѣдами и рѣчами, я спросилъ его, захочетъ ли онъ, чтобы нашъ святой отецъ зналъ, какую онъ вѣру исповѣдуетъ; отвѣтомъ было, что онъ этого желаетъ и даже просилъ меня написать отъ его имени, что онъ былъ бы радъ получить отъ него отпущеніе грѣховъ, въ силу той власти, которую Господь даровалъ ему, и что онъ письменно пошлетъ его святости свою исповѣдь и вложить въ мое письмо.

Но я ему далъ понять, что присутствіе кающагося необходимо для полученія отпущенія и что, поѣтому, папа далъ намъ власть отпускать всякаго рода грѣхи, какъ это онъ далъ и другимъ, которые посланы къ чужеземнымъ народамъ.

Когда онъ выслушалъ мой отвѣтъ, то сказалъ мнѣ почти то же, что сказалъ св. Филиппу добродѣтельный евнухъ царицы кандасской (Candace)*): „вотъ вода; отчего же меня не окрестили?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ, что если это такъ, то онъ хочетъ исповѣдаться у меня въ томъ, что вообще дѣлалъ почти во всю свою жизнь, пользуясь посредничествомъ нашего переводчика. Если кто меня спроситъ, откуда явилась такая добрая воля у князя, столь отдаленнаго отъ государствъ и странъ христіанскихъ, я отвѣчу какъ св. Павелъ, что то, что одинъ монахъ

---

*) Находится въ Астуріи, въ Испаніи.

грузинъ *), который жилъ въ Римѣ 12 лѣтъ, посѣялъ раньше, мы полили здѣсь соответственно нашимъ слабымъ силамъ словами и дѣлами. Но Господь, который вѣдряетъ корни, далъ и возможность вырасти имъ. Послѣ праздника трехъ царей онъ насъ отпустилъ, хотя и очень неохотно; но онъ не хотѣлъ оказать по отношенію къ намъ насиліе, тѣмъ болѣе что мы обѣщали ему видѣться съ нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней; притомъ, если онъ пожелаетъ, нѣкоторые изъ насъ могли бы въ его странѣ при первой возможности предаться служенію Богу. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ будетъ очень радъ и дастъ намъ домъ и церковь и все, что будетъ намъ необходимо; но, видя, что мы отказываемся отъ денегъ, которыя онъ предложилъ намъ къ нашему отъѣзду, онъ все-народно отзывался о нашемъ уставѣ и поведеніи до того хорошо, что слухъ объ этомъ достигъ до турокъ, которые восхваляли насъ громко въ этой странѣ Гуріи (здѣсь сказано Мингреліи). Такимъ образомъ, мы расстались съ княземъ Гуріели**), который насъ отпустилъ съ честью и дружелюбно въ Satrapella, поручивъ одному изъ своихъ людей провести насъ во фрегатѣ до Мингреліи, къ Кортугѣ (Cortuga), своему тестю, первому визирю князя Дадіани; но такъ какъ тотъ все откладывалъ свой отъѣздъ изо дня въ день, а время было подходящее для плаванія, то мы выѣхали изъ Сатрапеллы третьяго февраля съ турками, которые пріѣхали вести переговоры о мирѣ, и которые насъ очень полюбили. Въ тотъ же день мы достигли берега Fassi***), называемаго раньше Фасисомъ (Phaset), самой красивой рѣки страны колховъ, въ настоящее время называемый Мингреліей, и на слѣдующій день прибыли въ Анаглию (Negailcano)

*) Кто этотъ грузинъ, неизвѣстно.

***) Въ Гуріи, по нашимъ свѣдѣніямъ, тогда былъ владѣтелемъ Мамія II, вступившій во владѣніе въ 1618 г. и измѣнически убитый въ 1627. Е. Т.

***) Р. Ріонъ.

иначе Ираклію (Негасіе), куда дали знать кн. Дадіани и католикосу или митрополиту, что мы прибыли съ турками, которые пріѣхали вести переговоры о мирѣ; получивъ отъ нихъ отвѣтъ, мы были посланы изъ Иракліи въ Маргулы*), гдѣ кн. Дадіани пошелъ на соглашеніе.

Такъ закончилось наше приблизительно девятимѣсячное плаваніе, полное крушеній и тысячи неприятностей и трудностей. вмѣстѣ съ этимъ, мы нашли Дадіани**) очень занятымъ по причинѣ многочисленныхъ отвлекавшихъ его дѣлъ; кромѣ того, онъ каждый день отправлялся на охоту по случаю того, что Threbis Cham***) (это царь Грузіи, котораго Сефи (Sophi) лишилъ въ прошломъ году престола) какъ разъ въ это время пріѣхалъ къ нему погостить; къ тому же еще онъ собирался отправить въ Константинополь обѣщанную дань. Однако, хуже всего было то, что мы не нашли переводчика, такъ что много дней прошло раньше того, чѣмъ мы были въ состояніи поговорить съ нимъ. Во все это время турки намъ удѣляли отъ той порціи, которая давалась имъ каждый день, и безъ ихъ помощи мы не вмѣли бы возможности просуществовать. Но такъ какъ мы надѣялись видѣть впоследствии князя Дадіани свободнымъ отъ занятій, то мы сочли за благо поговорить съ Кортугой, тестемъ князя Гуріели, который въ письмахъ рекомендовалъ насъ ему. Онъ далъ намъ полную надежду и сказалъ, что онъ непременно поговоритъ о насъ съ княземъ Дадіани (въ вашу пользу), вполне достаточно зная объ услугахъ, которые его посланникъ оказалъ посланнику христіаннѣйшаго короля. Мы повидали также епископа мухурскаго (Mosaugi****), пле-

---

*) Теперь Меркулы, вблизи Илорскаго монастыря.

**) Князь Мингрелин, Манучаръ Дадіани.

***) Царь Грузіи Теймуразъ I. Е. Т.

****) Мухури Сухумскаго округа, Самурзаканскаго участка, въ 20 в. къ востоку отъ Очемчирь; но здѣсь авторъ письма смѣшиваетъ съ Москвы, въ 20 вер. къ сѣверу отъ Мухури.

мянника католикоса, или митрополита, и его племянника. Это человекъ очень осторожный, который вмѣстѣ съ Кортугой управляетъ свѣтскими и духовными дѣлами государства.

Я объявилъ ему нашъ уставъ черезъ нашего переводчика и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Теймуразъ-хану, котораго мы встрѣтили однажды въ церкви. То же самое объявилъ я и митрополиту этой мѣстности, который призвалъ насъ къ себѣ. Всѣ удивлялись тому обстоятельству, которое заставило насъ проѣхать изъ Европы, столь культурной страны, въ эти дикія пустыни, не надѣясь на выгоду, какъ это они узнали отъ турокъ. И это позволило имъ составить себѣ дурное мнѣніе о насъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я познакомилъ ихъ съ нашимъ намѣреніемъ, они рѣшили между собой раньше, чѣмъ мы поговоримъ съ княземъ Дадіани, принять насъ безъ промедленія, заключить договоръ съ посланникомъ Франціи и послать ему подарки въ Константинополь. Мухурскій епископъ пригласилъ насъ къ себѣ въ епископскій домъ, носящій наименованіе св. Маріи, куда мы отправились, отдавъ привѣтъ кн. Дадіани и Липартіану (Lipartia), его дядѣ, который какъ регентъ, управлялъ страной во все время несовершеннолѣтія племянника *). Онъ сказалъ намъ, что много слышалъ о насъ; что мы желанные гости; что онъ знаетъ, чего мы хотимъ; что въ другой разъ онъ поговоритъ съ нами подробнѣе о дѣлахъ на Западѣ, о королѣ французскомъ и его посланникѣ, который находится въ Константинополѣ, и что потому онъ согласится на все то, чего мы хотимъ; но чтобъ все же мы пошли къ епископу мухурскому, что мы и сдѣлали, простившись съ нимъ и Кортугой, который въ то время былъ съ нимъ. Въ домѣ епископа мы очутились на обѣдѣ,

---

*) Рѣчь идетъ о Дадіани Леванѣ II, сынѣ Манучара I-го († 1611), и его дядѣ Георгіи I-мъ Липиртіанѣ, управлявшемъ Мингрелією въ малолѣтство Левана II-го. Е. Т.

который онъ устраивалъ Теймуразу, своему митрополиту и всему двору. Сейчасъ я не скажу ничего о томъ, какъ они пируютъ и объ обычаяхъ и костюмахъ, такъ какъ я надѣюсь написать объ этомъ со временемъ болѣе подробно; только скажу, что Теймуразъ, митрополитъ и епископъ мухурскій раздѣляли съ нами блюда, которыя были приготовлены для нихъ, что считается здѣсь признакомъ большого благоволенія; что Теймуразъ заставилъ встать насъ съ мѣста, чтобъ имѣть насъ около себя, и долго разспрашивалъ насъ о многихъ вещахъ. И такъ какъ на этихъ пирахъ есть обычай пѣть, то онъ намъ приказалъ тоже спѣть что-либо. Мы извились и отказывались, но этого не принялъ ни онъ ни кн. Дадіани (здѣсь сказано Гуріели), который къ намъ тоже приставалъ, такъ что мы пропѣли гимнъ св. четверга, «Range lingua». А такъ какъ пѣніе имъ понравилось, то онъ позволилъ намъ удалиться.

Что касается ихъ, у нихъ въ обычаѣ проводить за столомъ большую часть ночи.

Итакъ, мы въ настоящее время находимся у епископа мухурскаго, который обѣщалъ дать намъ домъ и церковь, далъ намъ необходимую пищу и въ будущемъ будетъ давать. Мы рѣшили выучить языкъ мингрельскій и грузинскій. Итакъ, наши труды не пропадутъ даромъ, такъ какъ мы, съ Божіею помощью, будемъ трудиться сознательно. Пока же мы посылаемъ отъ епископа и отъ насъ нашего переводчика въ Константинополь къ г-ну посланнику съ его и нашими письмами и также къ нашимъ отцамъ, чтобы они знали, въ какой мы странѣ; чтобы помогали намъ, посылая нѣкоторыя вѣсти, которыя могутъ быть полезны намъ, вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ монетъ, которыя здѣсь не въ ходу, и, если возможно, труженниковъ на нашей нивѣ, такъ какъ урожай будетъ со временемъ хорошъ. Вотъ поэтому я прошу ваше преподобіе соблаговолить поминать насъ въ своихъ молитвахъ,

а также молиться весь Орденъ о виноградникѣ и виногра-
даряхъ, которые работаютъ на немъ, какъ бы они ни были
недостойны этого.

Вашего Преподобія
смирнѣйшій сынъ и слуга во Христѣ,
Lovys Grangier.

Изъ Мокви, въ Мингреліи.

2 марта 1615 г.

Замѣтка относительно Satrapella.

Выше (стр. 45, прим. 2) мы отмѣтили, что Satrapella или Шекветили (бывшій портъ св. Николая при устьѣ Натанеби или Григолети въ устьѣ р. Супсы. Но, кто знакомъ съ географіей Грузіи царевича Вахушта, можетъ спросить, почему мы не отождествляемъ Satrapella Луи Гранжію съ Саткепелой (სატყეპელა) царевича Вахушта. Дѣйствительно, названіе Саткепелла легко могло превратиться въ Satrapella у Луи Гранжію, который вообще коверкаетъ всѣ туземныя названія, но мы можемъ утвердительно сказать, что если даже эти названія идентичны, то мѣстоположеніе пунктовъ, ими означаемыхъ, различное. Саткепела, упоминаемая у царевича Вахушта, лежала въ Лазистанѣ, къ западу отъ Ризы, около Ркинись-пало, границы между Грузіей и Греціей¹⁾. Satrapella же Луи Гранжію лежала несомнѣнно въ Грузіи, въ предѣлахъ Гурійскаго княжества, ибо здѣсь встрѣтилъ его визирь князя Гуріели и пригласилъ его къ своему князю. Да и самъ Гранжію говоритъ, что, оставивъ Гонію, черезъ 20 дней прибылъ въ Satrapella, мѣстность Грузіи (см. выше, стр. 45). Резиденція Гуріели находилась въ Байлетахъ, куда Гранжію поѣхалъ изъ Сатрапеллы на лошадяхъ и пробылъ тамъ 15 дней. Разставшись съ Гуріели, онъ снова вернулся въ Satrapella и, выѣхавъ оттуда на фрегатъ (фелюгъ) третьяго февраля, въ тотъ же день достигъ устья Фасиса, т. е. Ріона, а на слѣдующій день прибылъ въ Анаклію (стр. 46, 48). Граница Гуріи тогда простиралась отъ Батума до устья Ріона, или Поти. Что Батумъ въ это время принадлежалъ еще Гуріи и вообще былъ въ рукахъ грузинъ, это видно и изъ

¹⁾ Географія Грузіи царевича Вахушта, изданіе Броссе, стр. 129—Джанашвили, стр. 190.

словъ Гранжію, который пишетъ: „Паша и князь Гуріели съѣхались въ Батумѣ, портъ Грузіи, и переговоры о дѣлахъ“ (стр. 45).

Стало быть, Satrapella Гранжію мы должны искать по берегу моря отъ Батума до Поти. Удобныхъ пунктовъ на этомъ протяженіи, къ которымъ могли подступать суда, и гдѣ было населеніе, три: Коблети, или Чуруксу около устья Кинтриши, Шекветили (бывшій портъ св. Николая) при устьѣ Натанеби и Григоleti при устьѣ Супсы. Есть еще четвертый пунктъ, близко отъ Григоleti и восточнѣе отъ него Сефа, въ имѣніи кн. Накашидзе. Въ виду того что Гранжію въ одинъ день пріѣхалъ изъ Сатрапеллы къ устью Ріона, нужно полагать, что Satrapella была ближе къ Поти, а такимъ пунктомъ могъ быть скорѣе всего Григоleti или Сефа. Изъ Григоleti идетъ прямая дорога по берегу Супсы въ Байлети.

Итакъ, Satrapella Гранжію находилась несомнѣнно на берегу моря въ предѣлахъ Гуріи.

Въ Сатрапеллѣ тогда имѣлъ мѣстопребываніе лазскій архіепископъ (стр. 46). Изъ письма Гранжію видно, въ какомъ печальномъ положеніи находились въ то время христіане въ Лазистанѣ. Магометанство постепенно вытѣснило христіанство; христіане принуждены были переходить въ исламъ, чтобы избавиться отъ невыносимаго гнета и обременительныхъ налоговъ (стр. 38). При такомъ положеніи лазскій архіепископъ не могъ, конечно, оставаться въ своей паствѣ и, какъ видно, выѣхалъ въ Гурію со своимъ дворомъ и людьми. Возможно, что новое свое мѣстопребываніе онъ назвалъ Саткепелой, названіемъ мѣстечка, откуда выселился.

Е. Такайшвили.

Могильники въ Куртатинскомъ ущельѣ.

Сѣверный Кавказъ съ его горными вершинами, дикими массивами, ущельями и живописными котловинами, сплошь прорѣзанными бурными горными потоками, съ его бѣлоснѣжными макушками, причудливо поднимающимися изъ фантастическаго хаоса горъ, еще издавна, на зарѣ человѣчества, служилъ приманкой для безчисленныхъ народностей, которыя въ отдаленномъ прошломъ бороздили его своими полчищами. И въ настоящее время Кавказъ не оставляется экскурсантами, тысячами являющимися сюда, чтобы отдохнуть на лонѣ дивной природы, посмотреть на многочисленныя остатки исторической древности и познакомиться съ первобытной культурой кавказскаго горца.

А сколько до сихъ поръ таинственнаго и неизслѣдованнаго скрывается въ медвѣжьихъ углахъ Кавказа, про которые даже коренные поселенцы Кавказа не знаютъ! Въ особенности въ окрестностяхъ Владикавказа скрывается много замѣчательныхъ горныхъ трущобъ, куда еще очень рѣдко ступала нога русскаго человѣка.

Въ югозападномъ направленіи отъ Владикавказа, нѣсколько правѣ сел. Гизель, хорошо замѣтный въ ясный солнечный день и невооруженнымъ глазомъ на темно-синемъ фонѣ листвы и зелени, огромной зіяющей щелью маячить входъ въ таинственное Куртатинское ущелье, съ селеніями мертвецовъ—Далакау, Дзавгисъ и др., гдѣ шумитъ бѣшеный Фіагъ-донъ, оглашая дикимъ своимъ ревомъ горныя трущобы, ущелья, долины и перелѣски.

nearby 9.4 hours

И вотъ въ 1912 году судьба привела насъ въ эти восхитительныя мѣста. Тамъ мы провели почти сутки и имѣли возможность до нѣкоторой степени познакомиться какъ съ самимъ ущельемъ, такъ и съ нѣкоторыми въ немъ лежащими осетинскими селеніями и хуторами, гдѣ до сихъ поръ въ полной неприкосновенности высятся грандіозныя сторожевыя башни, остатки былого владычества иранскихъ завоевателей.

Въ 10 часовъ утра, 4 августа, наша небольшая компанія на двухъ фургонахъ выѣзжала уже изъ станицы Архонской, направляясь къ ущелью, котораго въ 11^{1/2} часа дня мы уже достигли. Всюду кукурузныя поля, а бурлящіе горные потоки то-и-дѣло пересѣкаютъ нашъ путь, хотя и не препятствуютъ переѣзду, благо періодъ дождей почти окончился. Не доѣзжая трехъ-четырехъ верстъ до первыхъ горныхъ отроговъ, что красивыми темно-зелеными лентами протянулись тамъ и сямъ по разнымъ направленіямъ, мы вступаемъ въ небольшой довольно рѣдкій лѣсъ, оставивъ вправо отъ дороги старое пепелище сел. Кадгаронъ, этого гнѣзда разбойниковъ, продолжающихъ по сосѣдству со ст. Ардонской свою „рыцарскую“ дѣятельность, не хуже своихъ сосѣдей ингушей. Хотя и незамѣтный, но значительный подъемъ чувствуется въ теченіе всего пути до самыхъ предгорій. По временамъ подуваетъ изъ горъ прохладный вѣтерокъ, наноситъ запахъ горѣлыхъ кизяковъ, изобличающихъ присутствіе селенія; порывисто срывается изъ придорожныхъ кустовъ стадо куропатокъ и съ рѣзкимъ звономъ и криками летитъ далеко въ сторону. А въ слѣдъ за ними пулей мчится до сихъ поръ беззаботно дремавшій на сухой вербѣ ястребокъ. Конныя и воловыя арбы, конные и пѣшіе осетины то-и-дѣло попадаются по дорогѣ, пристально присматриваются къ намъ, заговариваютъ и слѣдуютъ далѣе, очевидно, удовлетворенные полученными отвѣтами. Отчетливо доносится рѣзкій шумъ рѣки, а вправо отъ дороги, поднявшись нѣсколько на косо-

горь, видишь и рѣку Фіагъ-донъ, вырвавшуюся изъ тѣснаго ущелья и неудержимо несущуюся по вѣковому руслу. Миновавъ пріютившееся возлѣ самой дороги, вправо отъ нея, небольшое магометанское кладбище, осыянное привѣтливо кивающими верхушками деревьевъ, мы какъ бы неожиданно вѣхали въ селеніе. Закрытыя до этого сильныхъ туманомъ, горы очистились отъ тучъ, и передъ нами во всей своей дивной красотѣ предсталъ входъ въ Куртатинское ущелье. Мы на краю сел. Новый Заркау, принадлежащаго къ Далакаускому приходу и теперь выселившагося изъ горъ на плоскость въ поискахъ за кускомъ земли. Двѣ ветхія лавчонки съ незатѣйливымъ мелкимъ скарбомъ, предметами первой необходимости въ горахъ, пріютились тутъ же на краю селенія; а такъ какъ посетители обыкновенно въ этихъ лавченкахъ отсутствуютъ, то хозяева ихъ съ дѣтскою беззаботностью предавались безмятежному сну, развалившись каждый на прилавкѣ въ своемъ „магазинѣ“. По обѣимъ сторонамъ ущелья со склонами горъ, покрытыми полудѣвственнымъ, мало тронутымъ рукой человѣка, лѣсомъ, тянется передовая цѣпь Главнаго Кавказскаго хребта. Внизу въ оврагѣ на островахъ, которые образовалъ прихотливо разливающійся здѣсь Фіагъ-донъ, виднѣются хорошенькіе бѣленькіе домики, европейски отдѣланные, а недалеко отъ нихъ тутъ же примостились водяныя мельницы здѣшнихъ осетинъ, старинныя, крайне примитивныя, будто избушки на курьихъ ножкахъ, и только разлетающіеся и блестящія на солнцѣ серебряныя брызги свидѣтельствуютъ о томъ, что мельницы въ работѣ. Сейчасъ же за селеніемъ, влево отъ него, видна уже работа дровосѣка, уничтожившаго вѣковые чинары. Не стало великановъ дубовъ, срубленныхъ переселенцами изъ горъ, которые употребили всю эту массу лѣса, какъ строительный матеріалъ. Большинство тепереш-

нихъ жителей этого селенія, какъ говорятъ, перешли въ мусульманство, вслѣдствіе того, что были лишены руководительства пастырей.

Заброшенные въ недоступныя тущобы, гдѣ цѣлые годы не видно ни одного интеллигентнаго человѣка, куда въ мѣсяць разъ и то неаккуратно доставляется почта, духовные пастыри, обремененные огромными семьями, всѣми силами стремятся перебраться въ плоскостныя селенія или, вообще, выбраться куда-нибудь изъ горъ, а благодаря этому десятки горныхъ селеній остаются безъ священниковъ. Намъ, между прочимъ, сказали, что въ селеніи Новый Заркау, въ сорока верстахъ, отъ своего прихода, живетъ и псаломщикъ сел. Даллакау, который въ виду того, что въ этомъ селеніи уже цѣлый годъ нѣтъ священника, принужденъ жить въ этихъ „выселкахъ“ и изыскивать способы, чтобы какъ-нибудь прокормиться. Такова, къ сожалѣнію, жизнь осетинскаго духовенства, обреченнаго прозябать въ этихъ захолустныхъ горныхъ закоулкахъ, изыскивая самые разнообразныя способы для борьбы съ голодомъ и нищетой. И намъ кажется, что въ этихъ-то тущобахъ какъ нельзя кстати умѣстными были бы монастыри, гдѣ роль монаховъ, ихъ дѣятельность и ихъ святыя обѣты вполне оправдали бы то назначеніе, которому они себя посвящаютъ и которому обязаны служить. И только здѣсь всѣ эти тысячи посвятившихъ жизнь свою Богу инокѣвъ нашли бы работу и свою жизнь могли бы съ несомнѣнной пользой употребить на благо ближнихъ, неся съ покорностью свой крестъ и исполняя тѣ тяжелыя обязанности, которыя связаны съ монашескимъ постригомъ.

Миновавъ селеніе Новый Заркау, мы вступили въ самое ущелье, теперь во всей красотѣ открывшееся нашимъ взорамъ. Дорога все время идетъ по правому берегу бѣшено бурлящаго Фіагъ-дона, сплошь покрытаго вѣковымъ лѣсомъ,

который по правой и лѣвой сторонѣ покрываетъ всѣ эти причудливыя балки и балочки, овраги и котловины.

То-и-дѣло дорогу пересѣкаютъ мелкія рѣчушки, съ шумомъ стремящіяся изъ притаившихся гдѣ-то въ сторонѣ родниковъ, и эти потоки, размывая дорогу въ разныхъ направленіяхъ, дѣлаютъ ее положительно невозможной для ѣзды. Кучи булыжника беспорядочными массами какъ бы нарочно разбросаны по всѣмъ направленіямъ по дорогѣ и возлѣ нея, а ухабы и глубокія рытвины еще болѣе затрудняютъ движеніе.

Мы двигаемся все время въ лѣсномъ тоннелѣ, скрытые вѣковыми деревьями. Гдѣ-то въ сторонѣ подчасъ слышится шумъ Фіагъ-дона, на мигъ онъ какъ бы замолкаетъ, а затѣмъ снова и еще съ большимъ ревомъ раздается уже съ правой стороны, приближаясь къ самой дорогѣ. Берегъ, правда, невысокій, почему мы и не особенно рискуемъ очутиться въ грязныхъ водахъ рѣки. Чуть замѣтный подъемъ особенно не даетъ себя чувствовать, и если бы не ужасная дорога, то поѣздка по этому ущелью доставила бы истинное наслажденіе всѣмъ тѣмъ, которые рѣшаются проникнуть въ эти мѣста, сплошь покрытыя непроходимыми лѣсами и прорѣзанныя лабиринтомъ причудливыхъ балокъ и овраговъ.

Приблизительно на 4-й верстѣ отъ Заркау начинается подъемъ на небольшой горный хребетъ, который, пересѣкая ущелье, упирается въ противоположную сторону его, образуя площадку; но она такъ незначительна, что подъемъ не представляетъ особенныхъ затрудненій ни для людей ни для животныхъ. На самомъ перевалѣ раскинулась прелестная, покрытая цвѣточнымъ ковромъ, поляна, которую освѣняетъ растущій по краямъ ея лѣсъ. Тутъ же подъ отдѣльно стоящимъ развѣсистымъ чинаромъ пріютилась арба, очевидно, нагруженная разными товарами для горныхъ селеній. Недалеко отъ арбы бродитъ заморившаяся лошадежка и съ жадностью щиплетъ сочную горную траву. Въ воз-

духъ носится запахъ жаренаго, который соблазнительно щекочетъ обоняніе, а тамъ подъ самымъ деревомъ двое какихъ-то людей—не то осетины, не то армяне, въ полуевропейскихъ пиджакахъ и кавказскихъ папахахъ, возятся у горящихъ угольевъ, то-и-дѣло поварачивая на шампурахъ жирные куски шипящаго мяса.

Перевалъ этотъ, спускающійся отдѣльнымъ отрогомъ къ рѣкѣ и пересѣкающій ее, совершенно перегораживаетъ ущелье, оставляя у лѣваго берега только для прохода бурной рѣки небольшое въ аршина три отверстіе, куда съ шумомъ стремится вся масса воды, образующей здѣсь живописный водопадъ.

Надъ тѣмъ самымъ отверстіемъ, гдѣ падаетъ Фіагъ-донъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ нависла краснобурая скала, а на ея мивіаторной площадкѣ примостились одинокія березки и великаны чинары.

Отъ перевала дорога все время слѣдуетъ возлѣ самаго берега рѣки, которая здѣсь не такъ шумна и бурлива: она мирно рокочетъ въ своемъ вѣковомъ ложѣ, и только отдаленный шумъ падающаго водопада доносится до насъ продолжительнымъ эхомъ. Проѣхавъ еще около двухъ верстъ, мы вступили на довольно обширную поляну, которую съ южной стороны замыкаетъ горный бряжъ, отвѣсной краснобурой стѣной опускающійся къ бурному потоку Тегеръ-донъ. На этой полянѣ когда-то была лѣсная бараулка, но въ годы лихолѣтія она была сожжена взбунтовавшимися осетинами, и только огромные булыжники на старомъ ея пепелищѣ напоминаютъ о ея быломъ существованіи. Кругомъ лѣсъ, куда доступъ съ такимъ стараніемъ охраняется лѣсной стражей. Но не слышно не шуму ни гаму лѣсного, только тихо рокочущій Фіагъ-донъ нарушаетъ очаровательную тишину этой идилліи. Не видно большинства пернатыхъ жильцовъ, покинувшихъ все это огромное лѣсное пространство. Лишь изрѣд-

ка провричатъ сойка или дроздъ, перелетающіе съ вѣтки на вѣтку, да провесется надъ нашими головами въ заоблачной выси, словно черная точка, горный орелъ.

Немного выше того мѣста, гдѣ Тегеръ-донъ впадаетъ въ Фіагъ-донъ, мы переѣзжаемъ на лѣвую сторону Фіагъ-дона, и здѣсь дорога круто поворачиваетъ влѣво, слѣдуя, какъ-бы въ юго-восточномъ направленіи. Здѣсь горы сразу сближаются, а самое ущелье, кажется, имѣетъ не болѣе 10—12 сажени. Надъ самой дорогой, съ правой стороны, нависла колоссальная сѣрая скала, образуя полутоннель, а изъ-подъ нея по всѣмъ направленіямъ на протяженіи 20 сажени топидѣло бьютъ родники, которые заливъ всю дорогу, заставляютъ васъ ѣхать въ теченіе 15—20 минутъ по хрустальному озеру. Прямо передъ нами по направленію ущелья мощно высится безлѣсная горная цѣпь, на уступахъ которой виднѣются силуэты какихъ-то живыхъ существъ, а ниже ея по склонамъ—чинаровый лѣсъ, заволакивающийся набѣгающими сѣро-свинцовыми тучами.

with 1
6/10

Отъ тегеръ-донской поляны до селенія Далакау мѣстные осетины считаютъ что-то около 15 верствъ, которыя однакожь въ виду необыкновенно дурной дороги кажутся вамъ за цѣлыхъ тридцать. По временамъ дорога выходитъ какъ бы на поляны, и тогда горы нѣсколько отступаютъ на задній планъ.

Проѣхавъ отъ тегеръ-донской караулки 3—4 версты, мы вступили въ живописную долину, на которой по теченію рѣчки Карца, впадающей въ Фіагъ-донъ, возлѣ самой дороги, расположилось отъ 15—20 осетинскихъ домиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ черепичной брышей. Это селеніе Гуцара.

Когда-то здѣсь было всего три сабли, и въ нихъ жили братья Хадарцевы, но съ теченіемъ времени сюда выселились цѣлыя семьи изъ дальнихъ селеній. Направо отъ дороги,

Карца
Д. О. К.

сплошь покрытое непроходимымъ лѣсомъ, въ Фіагъ-дону спускается величественное ущелье, по которому и течетъ рѣчка Карца. Вверхъ по ущелью на разстояніи отъ Гуцара въ 5—6 верстѣ находятся еще два горныхъ осетинскихъ хутора Верхній и Нижній Карца. Отъ селенія Гуцара ущелье опять суживается и на разстояніи 4—5 верстѣ слѣдуетъ подъ нависшими надъ самой дорогой скалами, на которыхъ съ поразительной отчетливостью видны самыя разнообразныя наслоенія.

Дорога становится положительно невыносимой. Сплошь и рядомъ она размыта Фіагъ-дономъ, и мы, рискуя ежеминутно свалиться въ бурлящій потокъ, съ большимъ трудомъ переѣзжаемъ почти по самому краю его. Сейчасъ же за селеніемъ Гуцары, влѣво отъ дороги, по правую сторону Фіагъ-дона нашимъ взорамъ представился значительный потокъ, который красивымъ водопадомъ падаетъ въ Фіагъ-донъ. Чѣмъ далѣе въ горы, тѣмъ природа становится живописнѣе, но зато лѣсъ постепенно рѣдѣетъ, и на разстояніи 3—4 верстѣ отъ Гуцары мы уже видимъ его значительно порѣдѣвшимъ. На смѣну лѣсу появляются огромныя площадки, покрытыя пестрымъ ковромъ горной травы и кое-гдѣ небольшими группами деревьевъ. Хорошо видимыя и простымъ глазомъ на недосыгаемой высотѣ, маячатъ копы скошеннаго или сжатаго сѣна, а возлѣ нихъ, едва-едва примѣтныя, двигаются какія-то фигуры, которыя можно рассмотреть только въ бинокль; то осетины, голодные и холодные пасынки своей родины, съ надѣтыми на ноги кошками убираютъ свѣжескошенную или серпами срѣзанную траву.

Недоумѣваешь положительно, какъ могутъ жить и работать люди въ этихъ горныхъ трущобахъ, гдѣ каждый невѣрный шагъ, каждое ошибочное движеніе можетъ стоить жизни. По временамъ на отдѣльно выступающихъ скалахъ видѣются чахлая одинокія ели, Богъ вѣсть какъ забравшіяся туда.

Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ цѣли, тѣмъ величественнѣе и живописнѣе становятся массивы горъ, на склонахъ которыхъ изрѣдка вы видите зеленую полоску и на ней копошащихся людей. На мигъ показываются отдѣльныя деревья, но они такъ же невидимо скрываются на красно-буромъ фонѣ этой дикой горной природы.

На 10 верстѣ отъ Гуцары дорога круто поворачиваетъ влѣво, и сразу представляется нашему взору подъемъ съ виднѣющимся еще издали зигзагообразными бѣлыми линиями дороги. Прямо передъ нами надъ самымъ Фіагъ-дономъ гордо красуется высокая гора, которая однимъ краемъ своимъ закрыла и самую рѣчку Фіагъ-донъ, образовавъ подъемъ съ Святому кусту (Кадаръ-гавань).

Сейчасъ же за площадкой на верху подъема—огромныя песчаныя осыпи въ видѣ глубокой пропасти, на днѣ которой четыре одинокихъ сосны придаютъ нѣкоторое разнообразіе этой массѣ песка и камней. Вотъ этотъ-то оврагъ съ четырьмя одинокими деревьями и является предметомъ почитанія мѣстныхъ осетинъ, которые называютъ ее Святымъ кустомъ (Кадаръ-гавань). Съ высоты подъема вамъ открывается видъ на ближайшія долины, а также на край котловины, на которой расположилось селеніе Дзивгисъ, но самого селенія еще не видно: оно прячется за скалами. На обрушающихся его террасахъ желтѣютъ поля жнивья, которыя то-пдѣло чередуются съ покосами. Лѣсъ пропалъ совсѣмъ, и только изрѣдка попадается чахлый кустарникъ, примостившійся гдѣ-либо въ расщелинѣ скалы. По временамъ проносятся красноносые горные грачи, которые-то въ одиночку, то группами бороздятъ по всѣмъ направленіямъ воздушное пространство, и ихъ пронзительный крикъ отчетливо раздается по всѣмъ этимъ невидимымъ горнымъ закоулкамъ.

За поворотомъ, при спускѣ прямо противъ насъ, однимъ краемъ своимъ показалось селеніе Дзивгисъ, а влѣво отъ

*Св. кустъ
Кадаръ-гавань*

Осетия

него на недосыгаемой площадѣ три старинныя сторожевыя башни, хотя селенія не видно совсѣмъ. Все чаще и чаще начинаютъ попадаться люди, то возвращающіеся съ работы, то взбирающіеся на отвѣсныя скалы на „кошкахъ“ съ серпами за поясомъ, чтобы сжать небольшую лужайку травы. Прямо надъ дорогой, не доѣзжая версты $1\frac{1}{2}$ до сел. Дзивгисъ, съ правой стороны, приютилась темно-сѣрая башня съ черными окнами-бойницами, а возлѣ нея что-то въ родѣ жилья, обращеннаго длинной стороной къ дорогѣ; оно покрыта черепицей и выбѣлено известью, отъ времени принявшею грязно-сѣрый цвѣтъ. Недоумѣваешь, какъ взбирались люди въ это ласточкино гнѣздо, такъ какъ въ окрестности нѣтъ нигдѣ никакихъ признаковъ, указывающихъ на присутствіе приспособленій для подъема въ это поднебесное жилище.

Чѣмъ-то таинственнымъ вѣетъ отъ этого нѣмого стража—древней башни, когда-то грозной и недоступной, но теперь потерявшей свое значеніе. Этой башней закрывался входъ въ ущелье, въ которомъ на небольшихъ площадкахъ и до сихъ поръ ютятся убогія осетинскія селенія.

На одномъ изъ крутыхъ поворотовъ, при спускѣ, наша подвода едва не наскочила на огромную скалу, покрытую кустарникомъ и яркою зеленью; дорога, раздѣлившись надвое, огибаетъ ее съ двухъ сторонъ, а затѣмъ, круто обрываясь къ Фіагъ-дону, проходитъ по ветхому трясущемуся мосту и, повертавъ за красно-бурую стѣну горнаго края, вступаетъ въ селеніе Дзивгисъ. Поразительно красивую картину представляетъ эта красно-бурая дикая котловина, окруженная почти со всѣхъ сторонъ высокими горами, которыя въ хаотическомъ безпорядкѣ, спускаются къ самому селенію Дзивгисъ, живописно расположившемуся на небольшой каменной площадкѣ, на берегу Фіагъ-дона. Хотя до селенія Далакау отсюда всего три версты, тѣмъ не менѣе въ Дзивгисѣ мы сдѣлали часовой привалъ, чтобы осмотрѣть его и позна-

комиться со всѣми находящимися въ немъ памятниками глубокой старины.

Селеніе небольшое, составляющее отселокъ сел. Далакау; въ немъ 32 двора и 412 человѣкъ жителей осетинъ. Котловина, среди которой расположилось селеніе, по направленію къ юго-востоку значительно расширяется.

Краснобурая отвѣсная скала, въ которую упираются сакли осетинъ, изрѣзана огромными зіяющими дырами-пещерами, которыя однакожь благодаря тому, что находятся высоко отъ поверхности земли, недоступны любопытному. Поразительно красивое зрѣлище представляютъ устроенныя на самомъ обрывѣ горы сторожевыя башни, у которыхъ всего только одна стѣна, обращенная къ ущелью, выведена изъ дикаго камня, а внутренность ея составляетъ огромная пещера, очевидно, искусно выдолбленная въ скалѣ. Все выше и выше, на невидимыхъ совершенно площадкахъ, видѣются такія башни въ видѣ крѣпостей, которыя, сливаясь почти съ обрывомъ, съ перваго раза не привлекаютъ къ себѣ вниманія, и только хорошо видимыя окна бойницы свидѣтельствуютъ, что это — сторожевыя башни, которыя когда-то были обитаемы. Никто изъ жителей селенія не знаетъ ни ходовъ ни выходовъ во всѣ эти недоступныя башни, которыхъ насчитывается всего пять. Положительно изумляешься, кто и какъ могъ возвести эти колоссальныя сооруженія и какихъ все это стоило баснословныхъ трудовъ, какой титанической работы. Въ одну изъ этихъ башенъ намъ удалось попасть; это самая нижняя и ближе всего спускающаяся къ селенію. А попасть въ нее пришлось только съ крыши дома одного сельчанина при помощи двухсаженной лѣстницы и затѣмъ уже по 15—20 вырубленнымъ въ скалѣ ступенькамъ, при чемъ каждую минуту приходилось рисковать своей головой въ ожиданіи, что сорвешься съ высоты 4—5 сажень. Это скорѣе, маленькая крѣпостца, чѣмъ башня.

Book

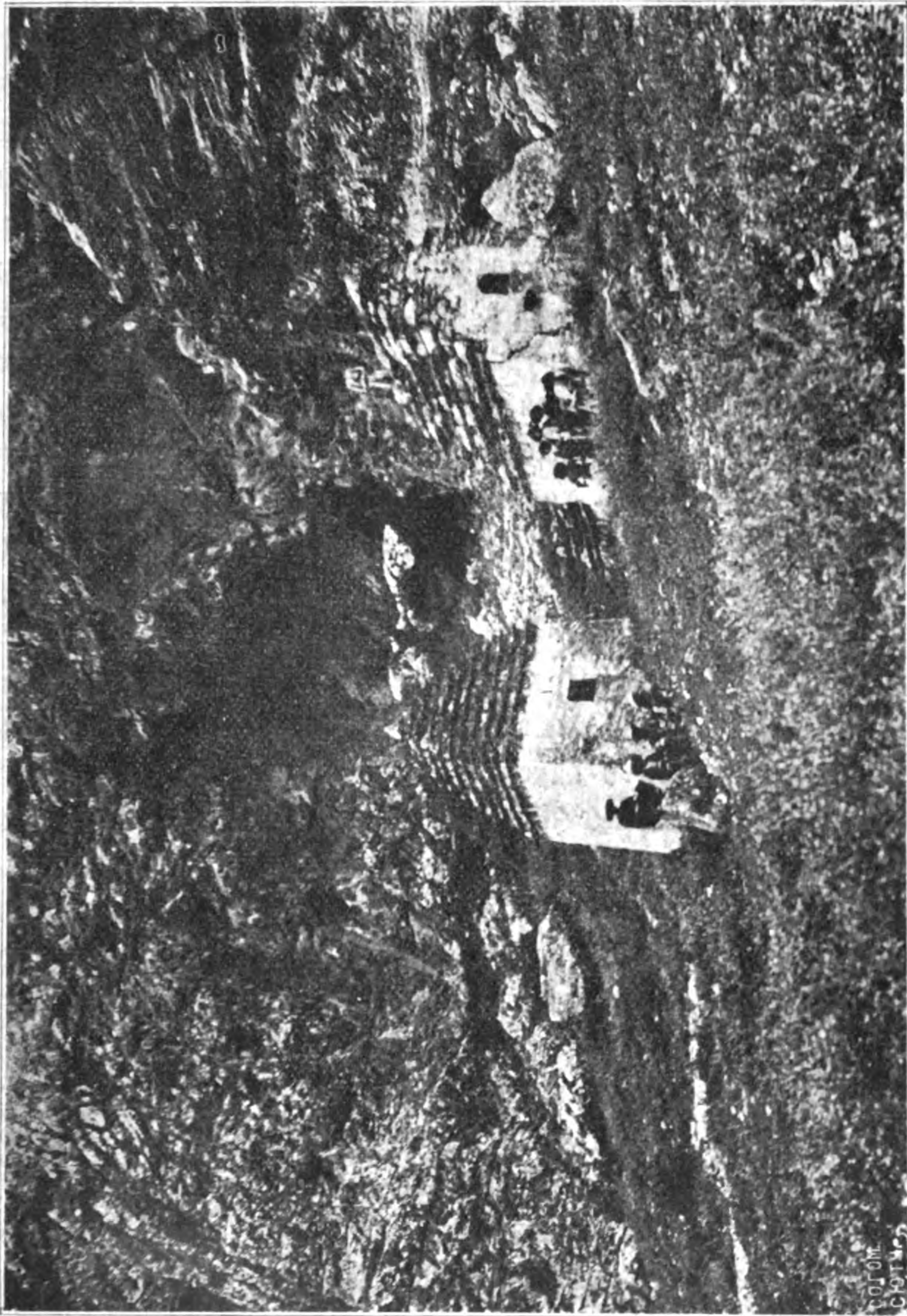
14
15
29

Въ скалѣ самой природой или искусственнымъ путемъ устроена огромная пещера подь гранитнымъ навѣсомъ, гдѣ съ успѣхомъ можетъ помѣститься до ста человекъ. Пещера эта тянется далеко въ глубину горы, но до конца ея никто никогда не доходилъ. За краткостью времени и отсутствіемъ фонаря намъ также пришлось отказаться отъ осмотра этой любопытной пещеры, про которую мѣстные осетины рассказываютъ много невѣроятнаго. Вся эта площадка и пещера, выдолбленная въ обрывистой горѣ, ограждена со стороны ущелья и рѣки грандіозной каменной стѣной до 20 арш. высоты и такой же длины при толщинѣ не менѣе 2¹/₂ арш. Нѣсколько пробитыхъ въ стѣнахъ окошекъ зіяютъ темными отверстіями, черезъ которыя влетаютъ и вылетаютъ цѣлыми стаями дикіе голуби, которые избрали эту маленькую крѣпостцу своимъ постояннымъ жилищемъ. До другихъ башенъ нѣтъ никакой возможности добраться, и изъ осетинъ никто не помнитъ случая, чтобы кто-либо изъ нихъ бывалъ въ этихъ недоступныхъ крѣпостцахъ. Поражаютъ своей капитальностью стѣны этихъ башенъ, скрѣпленные цементомъ и отъ времени почти не разрушившіяся.

Какъ на особенную достопримѣчательность сел. Дзвигисъ слѣдуетъ указать на надземные могильники, которыхъ возлѣ селенія всего шесть и о появленіи которыхъ изъ мѣстныхъ жителей никто ничего не знаетъ. Намъ подробно пришлось остановиться на осмотрѣ двухъ изъ нихъ, особенно хорошо сохранившихся, изъ которыхъ одинъ уже былъ ограбленъ ранѣе, но зато другой былъ совершенно не тронутъ и впервые открытъ былъ только нами. Необходимость хоронить покойниковъ въ этихъ надземныхъ могильникахъ, вѣроятно все, вызывались отсутствіемъ свободной земли, которой много пришлось бы отводить подь умершихъ, но, можетъ-быть, также и тѣми трудностями, съ которыми сопряжено рытье самыхъ могилъ въ сплошномъ камнѣ.

limestone
not granite

По вѣншему виду могильники эти, напоминающіе въ мивіатюрѣ индійскія пагоды представляются намъ въ видѣ

каменныхъ домиковъ съ двухскатной крышей, состоящей изъ тонкихъ плитъ шифера, на мѣстѣ скрѣпленія конхъ на ребро поставлены такія же плитки, высотой отъ 2 до 4 в. Могильники эти, высотой въ среднемъ отъ 3 до 4 арш., имѣютъ на высотѣ 2 арш. отъ земли окно, закрывающееся изнутри доской, въ свою очередь плотно придерживаемой двумя деревянными засовами, входящими въ выдолбленные дыры. На высотѣ этихъ засововъ съ наружной стороны пробиты дыры, куда только съ трудомъ можетъ пролѣзть рука взрослого человѣка; дыры эти служили для закрыванія оконъ. Никакихъ другихъ отверстій нигдѣ нѣтъ. Всѣ могильники по своему наружному устройству сдѣланы по одному шаблону, при чемъ внутри они оштукатурены и имѣютъ въ три ряда нары: однѣ надъ самымъ поломъ на высотѣ приблизительно $\frac{1}{2}$ арш., затѣмъ приблизительно по срединѣ постройки другія нары и подъ самой крышей третьи. Покойники укладывались сначала на самыхъ верхнихъ нарахъ въ одинъ рядъ, затѣмъ на нижнихъ и наконецъ на среднихъ. Въ одномъ изъ могильниковъ, впервые нами открытомъ, прекрасно была видна вся процедура погребенія, и намъ кажется, что каждый изъ такихъ могильниковъ служилъ мѣстомъ упокоенія для отдѣльныхъ семей или же родовъ. Въ открытомъ нами могильникѣ хотя въ среднихъ нарахъ и обвалились отъ ветхости нѣкоторыя доски, но оставшіяся все же два погребенія у самыхъ стѣнъ сохранились нетронутыми, почему мы имѣли возможность съ достаточною подробностью изучить весь способъ погребенія. По первому впечатлѣнію нашими взорамъ представляется какъ бы чучело, выше роста человѣка, завернутое съ большимъ стараніемъ въ когда-то, видимо, бывшее цвѣтное съ громадными цвѣтами одѣяло. Не безъ труда пришлось развязать этотъ довольно хорошо сохранившійся покровъ, изъ котораго по всѣмъ направленіямъ выпадали какіе-то сѣроватые жуки и буколки какихъ-то насѣкомыхъ, а затѣмъ

за одѣяломъ пришлось наткнуться на другое, желтоватое одѣяло въ родѣ савана, въ которое собственно былъ завернуть покойникъ, при чемъ матерія эта при ощупываніи оказалась пропитанной чѣмъ-то клейкимъ, а на всей поверхности ея, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя прилегали къ груди, животу и мягкимъ мѣстамъ на ногахъ покойника, видны были большія темныя, вѣрнѣе грязно-красныя пятна. Наконецъ, когда развернуть былъ и этотъ покровъ, то взорамъ нашимъ представился и самый покойникъ, въ рубахѣ, опоясанный шерстянымъ шнуркомъ, въ таковыхъ же штанахъ и горскихъ поршняхъ. Не видя головы и не разворачивая одежды, мы получаемъ впечатлѣніе, будто бы предъ нами только-что похороненный покойникъ, но при ближайшемъ осмотрѣ приходится убѣдиться, что отъ трупа остался одинъ только костякъ, при чемъ кости между собой удивительно прочно сцѣплены и не разрываются даже при попыткѣ растянуть ихъ или разорвать. На покойникѣ хорошо сохранились сѣрая тиковая рубаха и синіе нанковые штаны. Ни креста на груди ни какихъ-либо другихъ признаковъ христіанскаго погребальнаго ритуала нами не найдено; черно-красный глиняный кувшинъ находился въ головахъ покойника. Поражаетъ та характерная особенность, что отъ всего трупа сохранились мумифицированныя обѣ руки по локоть и ноги по колѣна. Ноги и руки совсѣмъ высохли, но сохранились поразительно хорошо, и даже ногти, принявъ бѣлесоватый оттѣнокъ, рельефно выдѣлялись на блѣдно-желтой кожѣ. Мы не стали нарушать болѣе покоя этихъ мертвецовъ, хотя никто изъ осетинъ въ этомъ намъ не препятствовалъ, почему ограничились разборкой только одного трупа мужчины. Не премину однакожъ упомянуть, что отъ тяжелого воздуха мы чуть не упали въ обморокъ: онъ напоминаетъ трупный запахъ. Мы не старались разсматривать и разворачивать другіе трупы и не искали предметовъ древно-

сти, а перешли къ другому, уже разграбленному могильнику, совершенно открытому, а потому и доступному для осмотра публики. Въ этомъ могильникѣ трудно разобрать что-либо, а на непривычнаго человѣка вся эта убійственная картина производитъ тяжелое впечатлѣніе. Бывшія здѣсь нары обвалились, и доски въ безпорядкѣ перемѣшаны то съ человѣческими скелетами, кое-гдѣ обтянутыми кожей, то съ завернутыми въ грязно-сѣрыя одѣяла чучелами, которыя въ безпорядкѣ разбросаны тамъ и сямъ по могильнику. Изъ всей груды наваленныхъ здѣсь труповъ виднѣются кое-гдѣ торчащія обтянутыя кожей ноги, одѣтыя или въ сафьяновые чувики или горскія безъ подошвъ поршни, середина которыхъ перетянута фаданомъ и заложена сѣномъ. Отдѣльные черепа, силошь и рядомъ обтянутые кожей, съ жалкими остатками волосъ на головѣ, съ дырами вмѣсто глазъ и носа, съ полуоткрытымъ ртомъ, какъ-то угрожающе встрѣчаютъ дерзкихъ нарушителей покоя мертваго царства. А вонъ въ углу кѣмъ-то старательно поставлена мумія женщины, которая на скорченныхъ возлѣ груди рукахъ придерживаетъ ребенка. Этотъ трупъ поразительно хорошо сохранился, и только предательскія впадины въ головѣ вмѣсто глазъ и носа и полуотвалившіяся большія и малыя берцовыя кости нарушаютъ цѣльность впечатлѣнія муміи. Только ребенокъ превратился въ кусокъ какого-то желтаго пергамента, и на немъ съ трудомъ можно разобрать отдѣльныя части тѣла. На этой женской муміи сохранились верхніе покровы мускуловъ, нервы и сухожилья въ формѣ безконечной массы черныхъ ленточекъ, переплетенныхъ между собой по всѣмъ направленіямъ. Въ этомъ могильникѣ изъ-подъ груды нагроможденныхъ въ безпорядкѣ труповъ извлеченъ нами кувшинъ изъ красной глины, почему-то не тронутый никѣмъ, старый мѣдный наперстокъ и такой же перстень.

жающій при видѣ часовни снимаетъ шапку и набожно крестится, а конные слѣзаютъ съ лошадей. Строго запрещается подпускать близко къ часовнѣ ешаговъ, которые, по понятіямъ осетинъ, почитаются нечистыми животными

Тутъ же въ Дзивгисѣ намъ пришлось увидѣть русскаго мальчика, по имени Филиппъ, лѣтъ 12, завезеннаго сюда въ качествѣ работника изъ Саратовской губерніи, гдѣ хозяинъ его служилъ стражникомъ. Сколько мы ни старались разговориться съ нимъ, чтобы выпытать отъ него подробности, откуда и кто онъ, однакожь сдѣлать это намъ не удалось: Филиппъ упорно молчалъ, не желая отвѣтять ни на одинъ изъ нашихъ вопросовъ, получивъ, очевидно, по этому поводу строгій наказъ отъ своего хозяина. Но, видимо, не сладкой показалось Филиппу жизнь въ этихъ трущобахъ, гдѣ каждый мало-мальски обработанный клочокъ земли цѣнится на вѣсь золота, такъ какъ онъ уже разъ отсюда бѣжалъ и благополучно даже добрался до Архонской станицы. Но здѣсь онъ былъ настигнутъ и схваченъ своимъ хозяиномъ, который категорически заявляетъ, что бѣдные родители Филиппа отдали ему сына на воспитаніе. Насколько это вѣрно, судить не беремся, но во всякомъ случаѣ этотъ полуодичавшій русскій парнишка, до сихъ поръ пребываетъ въ своемъ невольномъ плѣну и, какъ видно, теперь уже не старается бѣжать.

Только къ 6 часамъ пополудни мы, закончивъ свой бѣглый осмотръ селенія Дзивгисъ и его достопримѣчательностей, тронулись, далѣе къ селенію Далакау, цѣли нашей экскурсіи, гдѣ, къ сожалѣнію, однакожь мы не нашли того, о чемъ намъ говорилось и что мы думали найти. Сейчас же за селеніемъ дорога, слѣдующая съ правой стороны Фіагъ-дона, пройдя приблизительно около 150 сажень, груто поворачиваетъ влѣво и далѣе слѣдуетъ все время въ прямомъ направленіи къ сел. Далакау. Здѣсь уже Фіагъ-донъ мирно

течетъ въ своемъ вѣковомъ ложѣ, и не слышно болѣе того раскатистаго шума, который нарушалъ пустынное безмолвіе едва ли не отъ сел. Новый Заркау. Передъ нами, величественная котловина съ отошедшими на задній планъ краями исполиновъ горъ, то краснобурыхъ, голыхъ и безжизненныхъ, то покрытыхъ лѣсными рощами, а то и сплошными лѣсами. Влѣво отъ дороги пологіе скаты горы, въ видѣ отдѣльныхъ террасъ, обработаны старательной рукой горца. Сколько трудовъ стоило воздѣлать эти бесплодные клочки земли и очистить ихъ отъ камней и шиферныхъ осыпей. Такія же точно поля, крохотныя и огороженныя заботливо камнями, вы видите по лѣвую сторону рѣки, гдѣ узкой полосой они протянулись, слѣдуя отъ самаго Дзивгиса до сел. Далакау. Вправо отъ дороги, едва видимая простымъ глазомъ, бѣлой лентой извивается дорога, взбираясь все выше и выше по карнизу къ тѣмъ заоблачнымъ высотамъ, гдѣ на скалистой площадкѣ пріютилось селеніе Гули (сердце). Огромныя сторожевыя башни, мрачныя и угрюмыя, величественно поднимающіяся надъ этой маленькой группой осетинскихъ сакель, которыхъ тамъ всего 26, служатъ безмолвными свѣдѣтелями тѣхъ историческихъ событій, которыя совершались здѣсь въ отдаленное время. Здѣсь проходили персидскіе воины еще эпохи Ахеменидовъ, суда проникали грузины, здѣсь также плотно сидѣли и татарскія орды въ ту отдаленную и смутную эпоху, когда надъ Русью тяготѣло во всей силѣ татарское иго. И если вѣрить преданіямъ, здѣсь же гдѣ-то была и ставка ханская, гдѣ былъ убитъ князь Михаилъ Тверской. Влѣво на недосыгаемой высотѣ, едва выдѣляясь въ вечерней дымкѣ тумана, на мигъ показались сторожевыя башни села Ацонъ-Ага, но самаго селенія видѣть не приходится. А отойдя отъ Дзивгиса приблизительно съ версту, мы вступаемъ въ обширную долину, которую со всѣхъ сторонъ замѣнули самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ краснобу-

Can't trust one word from man writes

— 72 —

рыя горы, то безжизненные, то кое-гдѣ покрытые кучками деревьевъ. Высоко-высоко по разнымъ направленіямъ изви-ваются безчисленные „шахскія“ дороги, которыя ведутъ въ такія-то неизвѣстныя селенія или хутора въ 2—3 двора, приростившіеся гдѣ-либо на небольшой площадкѣ.

А. С.
120
А. С. /

Прямо передъ нами въ юго-восточномъ направленіи рельефоно выдѣляются, освѣщаемыя косыми лучами заходящаго солнца, безчисленные башни селенія Далакау. Каждый шагъ впередъ, каждое мгновеніе все новые и новые виды, одна въ причудливѣе другого, которые чередуясь одинъ съ другимъ, словно въ калейдоскопѣ, встаютъ и проходятъ передъ нашими взорами.

Не доѣзжая немного до сел. Далакау, влѣво отъ дороги, предъ нами открывается безжизненное красное ущелье, спускающееся въ Куртатинскую долину и отдѣляющееся отъ него огромной горной цѣпью, подходящей къ самому Далакау. По всему хребту этому видѣются развалины башенъ, а также и цѣлыя, до сихъ поръ сохранившіяся въ полной неприкосновенности, могильники, въ родѣ тѣхъ, какіе мы видѣли въ Дзивгисѣ. Солнце медленно склонялось къ горизонту и, косыми лучами обдавая башни и сакли сел. Далакау съ массой могильниковъ, играло на золотомъ крестѣ сельской церкви. Спустившись ниже, оно играло на противоположныхъ горныхъ макушкахъ, то скрываясь по временамъ за краснобурыми вершинами горъ, то снова показываясь на мигъ, чтобы послать прощальные лучи невѣдомымъ ущельямъ и оврагамъ, спускающимся къ сел. Далакау.

Нашимъ взорамъ представляются угрюмыя старинныя башни самой разнообразной величины и высоты, напоминающія собой по первому впечатлѣнію нефтяныя вышки на промыслахъ, и такіе же, но бѣлоснѣжные могильники, въ видѣ индійскихъ пагодъ со шилами на верхушкахъ крышъ. Небольшія каменные сакли, изъ которыхъ нѣкоторые покрыты чере-

ичными крышами, какъ бы теряются на общемъ фонѣ всѣхъ этихъ причудливыхъ памятниковъ старины; только небольшой куполъ мѣстной церкви, рельефно выдѣляющійся изъ всей этой массы башенъ и могильниковъ, возвращаетъ васъ къ дѣйствительности.

Около 7 час. вечера мы были уже у цѣли нашей поѣздки и послѣ цѣлаго ряда мытарствъ въ улицахъ селенія, гдѣ мы рисковали ежеминутно свалиться то въ оврагъ, то въ самую рѣчку Фіагъ-донъ, расположились, во дворѣ сельской школы и сейчасъ принялись за хлопоты у котла, приготовляя для сѣбя ужинъ.

Сел. Далакау, расположенное по обѣимъ сторонамъ рѣки Фіагъ-донъ, имѣетъ свыше 62 дворовъ и 658 человекъ жителей, которые хотя фактически считаются христіанами, но на самомъ дѣлѣ среди нихъ едва ли не $\frac{1}{3}$ часть уже перешла въ мусульманство, а другая треть совершенно безразлично относится къ христіанству, не посѣщая церкви и не исполняя тѣхъ христіанскихъ обрядовъ, которые требуются православною церковью. Объяснить это, конечно, можно только отсутствіемъ въ селеніи православнаго священника, котораго здѣсь нѣтъ уже въ теченіе цѣлаго года. Неудивительно, что пріѣзжающій сюда изъ селенія Хидикусъ священникъ, имѣющій свой приходъ, а слѣдовательно и свои обязанности по приходу, обыкновенно служитъ одинъ съ псаломщикомъ въ пустомъ храмѣ.

Въ этой мѣстности необходимо строить монастыри и населять ихъ людьми, ушедшими отъ міра сего. Здѣсь много работы для монашествующей братіи, которая несомнѣнно принесетъ болѣе пользы здѣсь, чѣмъ въ городахъ. Здѣсь на лонѣ дивной природы, въ общеніи съ грозными стихіями, монашество найдетъ подходящую почву для своей дѣятельности, съ покорностью неся свой тяжелый крестъ. Конечно, все это

дѣло будущаго, а пока-что въ куртатинскихъ селеніяхъ христіанство замѣтно уступаетъ мусульманству.

На краю селенія расположилась и приходская церковь, предназначенная обслуживать духовныя нужды не только сел. Далакау, но сосѣднихъ принадлежащихъ къ приходу селеній.

Осмотръ башенъ и могильниковъ нами былъ оставленъ до слѣдующаго дня, тѣмъ болѣе что вскорѣ наступили сумерки, а свѣтлая безоблачная ночь, съ мириадами звѣздъ и звѣздочекъ, окутала уже небесный сводъ. Кое-гдѣ въ окошкахъ мерцали огоньки, заливались въ ночномъ воздухѣ аульныя собаки и, какъ бы вторя имъ, на разныхъ концахъ селенія зловѣще перегибались совы, избравшія своимъ убѣжищемъ здѣшніе могильники. Особенно восхитительной намъ показалась эта ночь, когда мы послѣ плотнаго ужина, расположившись въ школьномъ дворѣ на душистомъ сѣнѣ на покой, старались вслушиваться въ звуки ночной жизни и уловить ея таинственные мотивы. Иногда слышался заунывный напѣвъ осетинской пѣсни, выводимой фальцетомъ, и съ замираніемъ сердца мы ловили чарующіе звуки родной пѣсни сыновъ горы, несшейся къ безоблачному небу. Временами волнуемая легкимъ юго-восточнымъ вѣтеркомъ, едва замѣтно шатаются длинноствольныя раины (*populus pyramidalis*) и, наклоняясь другъ къ другу, словно ведутъ между собой таинственный разговоръ.

Все тише и тише становится въ долинѣ, тушатся и въ селеніи огни; къ 10 час. ночи Далакау уже погружено въ безмятежный сонъ, и только далекій свѣтъ на припрютившемся на высотѣ аулѣ Гули то яркой звѣздочкой свѣтился въ ночномъ сумрачѣ, то вдругъ потухалъ.

На другой день, едва лишь восточный склонъ небеснаго свода началъ проясняться, а горные края стали освобождаться отъ налегшаго на нихъ ночного тумана, мы уже были на

ногахъ, закончивъ задолго до свѣта свой невзыскательный завтракъ.

Густой, пронизывающій туманъ, подымаясь все выше и выше въ заоблачную высь, а вскорѣ и лучезарное солнце однимъ краешкомъ своимъ показалось изъ-за покрытыхъ снѣгомъ горныхъ великановъ. Зардѣлся день въ горахъ, а вмѣстѣ съ нимъ начиналась рабочая страда мѣстнаго осетина.

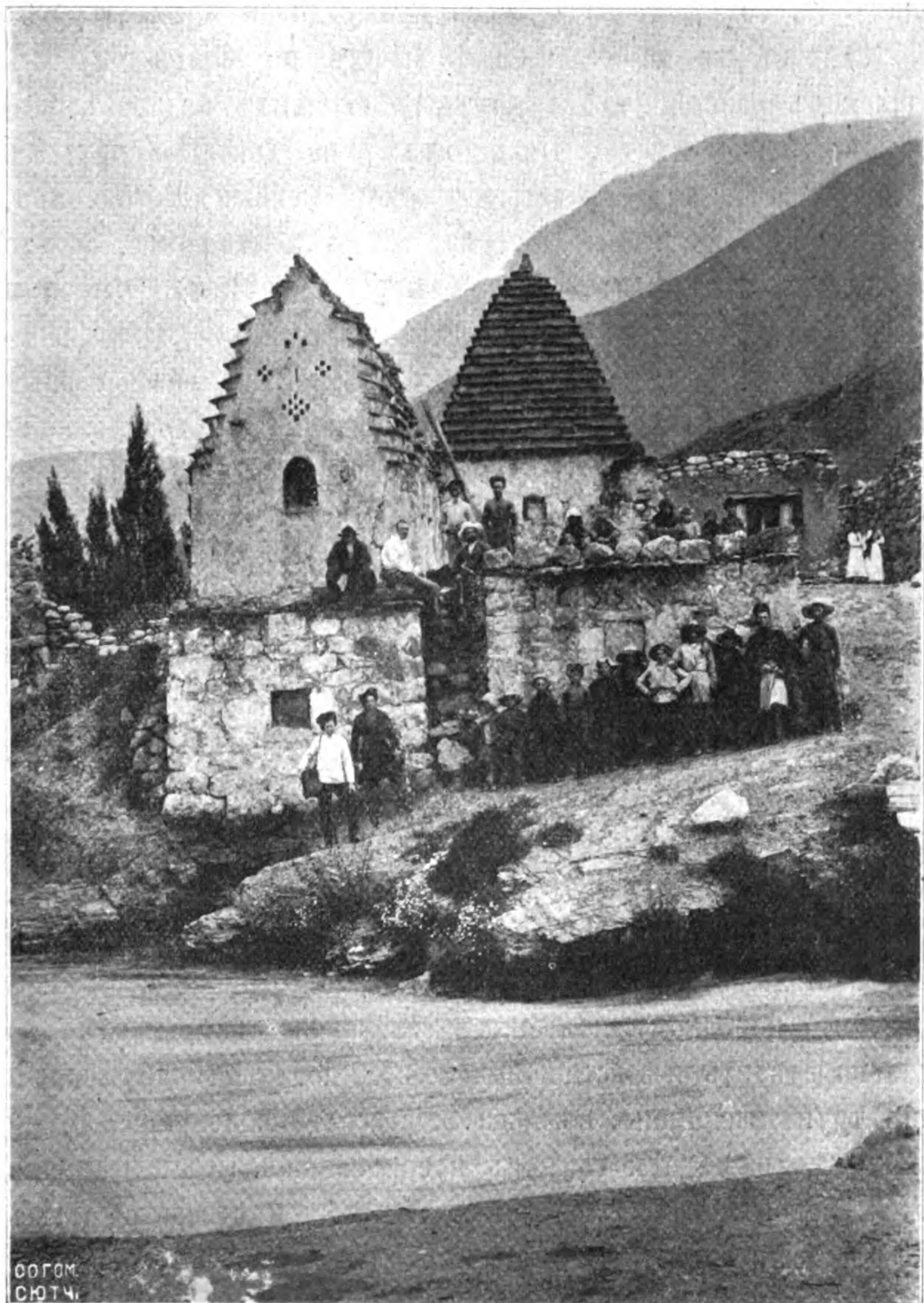
Утро въ горахъ настолько прохладно, что путешествующимъ впрочемъ не слѣдуетъ забывать о теплой одеждѣ. Мы торопились скорѣе закончить осмотръ могильниковъ, а потому, не засиживаясь долго въ сельской школѣ, принялись за свое дѣло. Селеніе Далакау, расположившееся по обоимъ берегамъ Фіагъ-дона, состоитъ изъ 62 дворовъ, настолько перемѣшанныхъ съ могильниками самаго разнообразнаго устройства и архитектуры, что затрудняешься опредѣлить, какіе изъ нихъ дома и какіе могильники. Около каждаго могильника находится сакля, при чемъ одну изъ стѣнъ сакли образуетъ обыкновенно стѣна могильника. Въ лѣвой половинѣ селенія около двѣнадцати большихъ сторожевыхъ башенъ, расположенныхъ почти по самому берегу рѣки; а далѣе по склону горы террасами разбросаны въ безпорядкѣ двory сельчанъ, имѣющіе каждый самостоятельный входъ и выходъ, такъ какъ улицы здѣсь не существуетъ. Почему-то осетины, построившіе сакли бокъ-о-бокъ съ могильниками, считают ихъ своими фамильными склепами и съ неохотой разрѣшаютъ или даже совсѣмъ не разрѣшаютъ ихъ осматривать проезжающимъ.

Намъ пришлось осмотрѣть только два открытыхъ домика-могильника, но, къ сожалѣнію, осмотръ этотъ не далъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ забраться во внутренность ихъ никто изъ насъ не рѣшался, вслѣдствіе невозможности перенести убійственно тяжелый трупный запахъ. Приходилось ограничиться бѣглымъ осмотромъ въ единственное окошко и, разумѣется, уходитъ разочарованнымъ отъ этихъ жилищъ

мертвецовъ. Въ одномъ изъ могильниковъ, напоминающихъ собой самую обыкновенную двускатную саклю, длиною 12 арш., шириною въ 5 арш. и высотой въ 3 арш., покрытую сѣрыми каменными плитами, мы видѣли безпорядочную кучу покойниковъ, старательно завернутыхъ въ разное тряпье и спеленатыхъ тесемками; большинство изъ нихъ были развернуты, и тогда мы отчетливо могли видѣть обтянутые кожей черепа съ темными глазными впадинами, съ приподнятой то одной, то другой судорожно сжатой рукой, какъ бы грозящей тѣмъ любопытнымъ, которыя рѣшаются нарушать ихъ покой. Что-то напоминающее гробъ въ формѣ правильного прямоугольника со слѣдами покрывавшей его когда-то желтой матеріи въ отвѣсномъ положеніи былъ прислоненъ къ углу могильника, давая возможность видѣть небольшое, повидимому, дѣтское погребеніе, а изъ развороченнаго тряпья въ нижней части гроба выглядывали двѣ дѣтскія ноги, обтянутыя желтой кожей. Ступни были облечены въ грубой работы чувяки, сшитыя не изъ козьей кожи, но изъ телячьей, плохо выдѣланной кустарнымъ способомъ. Какъ и въ Дзивгисѣ, всѣ найденныя нами здѣсь покойники были зашиты въ нѣсколько одѣялъ и по первому впечатлѣнію напоминали собой чучела. Определить цвѣтъ и достоинство матерій не представлялось возможнымъ, такъ какъ всѣ эти разбросанные въ безпорядкѣ мертвецы отъ времени представляли собой темно-сѣрые остовы, при чемъ нельзя было разобрать, какого они цвѣта. Только-что описанный могильникъ, расположенный на самомъ берегу рѣки, видимо, не имѣлъ своихъ хозяевъ, хотя и примыкалъ непосредственно къ саклѣ какого-то осетина, не признавашаго обитателей могильника за своихъ родственниковъ. Этимъ надо объяснить и то, что намъ никто не препятствовалъ сдѣлать поверхностный его осмотръ. На самомъ берегу Фіагъ-дона возлѣ примитивнаго мостика, совершенно отдѣльно отъ дворовъ, расположено шесть могильниковъ-пагодъ,

изъ которыхъ два достигаютъ 15—18 арш.; одни изъ нихъ въ родѣ тѣхъ, что мы видѣли въ Дзивгисѣ; это двускатные длинные домики со стрѣльчатой крышей, а другіе съ такою же крышей, но имѣютъ форму квадратныхъ башенъ, наверху увѣнчанныхъ шпилемъ.

БОГОМ.
СЮТЧ.

Впечатлѣніе, которое вы получаете, попадая въ это царство мертвыхъ, весьма сильное, но вы все же до конца остаетесь неудовлетвореннымъ, какъ бы въ какомъ-то невѣдѣніи относительно происхожденія этихъ памятниковъ, поражающихъ въ то время васъ своей причудливой архитектурой.

Сейчасъ же за селеніемъ, вверхъ по Фіагъ-дону, въ недалекомъ разстояніи отъ помѣстья бывшихъ алдаровъ или таубіевъ этихъ мѣсть, Цаликовыхъ, на довольно крутомъ склонѣ горы, находятся четыре уже ограбленныхъ могильника, куда открытъ свободный доступъ всѣмъ желающимъ. Эта-то свобода, надо полагать, имѣла въ результатъ то, что три могильника совершенно разграблены, и только нѣсколько череповъ и груды костей въ каждомъ изъ нихъ, разбросанные по полу, свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь хозяйничали экскурсанты, которые не пощадили даже мертвыхъ. Въ 4-мъ могильникѣ, болѣе значительныхъ размѣровъ, имѣющемъ форму также двускатнаго домика, у котораго южная стѣна съ частью прилегавшей къ ней крышей развалилась, сохранилась одностороннею одна огромная куча завернутыхъ въ одѣяло труповъ и разбросанныхъ отдѣльно, но уже освобожденныхъ отъ покрововъ, скелетовъ. Въ очень немногихъ погребеніяхъ сохранились мумифицированные отдѣльныя части, при чемъ, въ большинствѣ нами обнаруженныхъ труповъ руки, ноги и головы были обтянуты желтой кожей и остатками даже волосъ. Ни на одномъ изъ труповъ не сохранилось мускуловъ, но зато кожа настолько хорошо сохранилась въ большинствѣ изъ нихъ, что по одному изъ нихъ совершенно свободно можно было опредѣлить и возстановить по всей полнотѣ обнаруженный нами трупъ женщины. Къ сожалѣнію, сохранилась часть трупа только отъ шеи до колѣнъ съ превратившейся въ пергаментъ кожей, а образовавшееся у лобковыхъ костей отверстіе, діаметромъ приблизительно въ вершокъ, служило мѣстомъ, куда проваливались и выпадали куски истлѣвшихъ реберъ и поз-

the did he!

вонковъ. Мягкія мѣста рельефно обозначались большими темными линіями, при чемъ на грудяхъ до сихъ поръ отчет-

Disgusting but true!

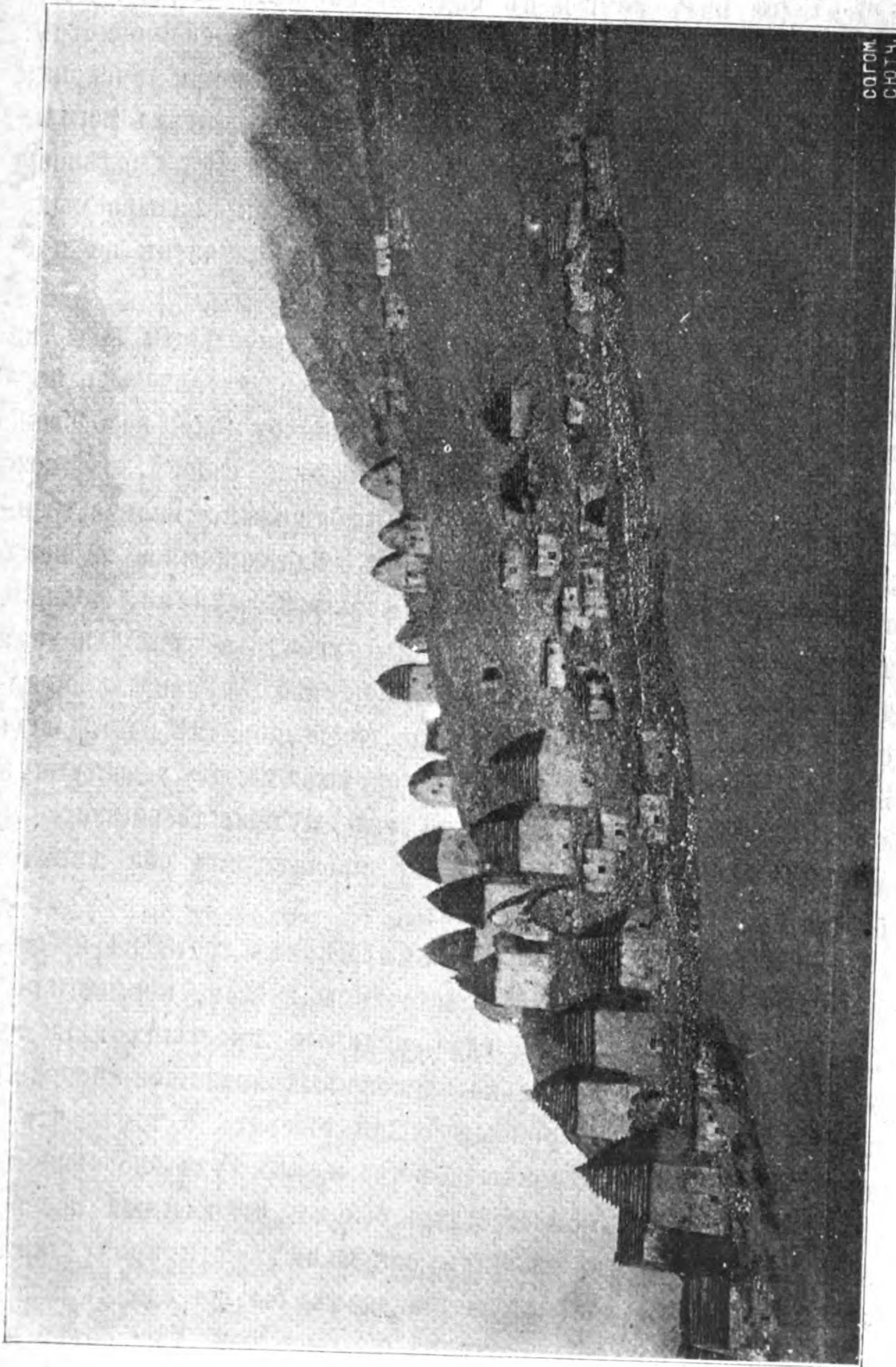

ливо сохранились соски. На указательномъ пальцѣ правой руки надѣтъ былъ бронзовый перстень съ сердоликомъ вмѣсто камня. Найденные въ могильникѣ покровы покойниковъ состояли изъ всевозможныхъ сортовъ ватныхъ одѣялъ изъ грубой шерстяной и бумажной матеріи со слѣдами выцвѣтшихъ рисунковъ въ формѣ цвѣтовъ и кувшиновъ, какіе и до сихъ поръ мы видимъ на персидскихъ матеріяхъ. Трупы мужчинъ, женщинъ и дѣтей перемѣшались въ одну беспорядочную массу, издавая отвратительное зловоніе, напоминавшее собой трупный запахъ, при чемъ, несмотря на холодное утро, изъ всей этой массы покойниковъ исходила какая-то неприятная теплота, быть-можетъ, являющаяся продуктомъ глѣнія. Во время переборки труповъ, изъ всей этой беспорядочной кучи вдругъ съ оглушительнымъ шумомъ сорвалась потревоженная дневнымъ свѣтомъ сова, которая, не разбирая ничего, машинально ударила въсьмъ корпусомъ въ одного изъ моихъ сотоварищей и, беспорядочно хлопая крыльями, ринулась въ оврагъ. Но благодаря обвалу одной стѣны могильника, дожди и ненастье оказали свое вліяніе на то, что сохранявшіеся еще нѣкоторые трупы рассыпались. При ближайшемъ осмотрѣ всего склона горы, гдѣ находились эти четыре могильника, оказалось, что весь этотъ склонъ представляетъ собой сплошное кладбище, при чемъ нами было обнаружено еще два могильника въ формѣ склеповъ, но въ нихъ, кромѣ костей, ничего не было найдено. всюду видны ясно обозначенныя шиферныя плиты, прикрывающія входъ въ нетронутыя могилы, которыя, распо-

Отъ Редакціи.

Для сравненія съ другими подобными могильниками редакція, воспользовавшись любезнымъ разрѣшеніемъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа Н. Ф. Рудольфа, отпечатада здѣсь снимокъ съ могильника въ Даргавскомъ ущельѣ, въ горной Осетіи; снимокъ сдѣланъ въ сентябрѣ 1897 года, когда Н. Ф. Рудольфъ совершалъ восхожденіе на гору Казбекъ по Кармадонскому леднику, со стороны Геналь-донскаго ущелья (по леднику, у подножія котораго имѣется 5 горячихъ сѣрныхъ источниковъ).

СОГОМ
СНОУ.

Dargans

гались одна надъ другой въ видѣ террасъ. На этихъ могильникахъ, къ сожалѣнію, приходилось закончить свой осмотръ. Нѣтъ сомнѣнія, что спеціальныя археологическія раскопки дадутъ возможность опредѣлить время появленія этихъ могильниковъ, а также и ихъ древнихъ хозяевъ. Всѣ видѣнные нами черепа должны быть отнесены къ типу такъ называемыхъ короткоголовыхъ, а ростъ въ большинствѣ случаевъ не превосходитъ роста взрослого человѣка.

Съ этого косогора открывается восхитительный видъ на всю Далакаускую долину, и вы съ поразительною отчетливостью видите селенія Борзыкау, Хидокусь и др., разбросанныя вверхъ по теченію рѣки, среди зелени садовъ, съ возвышающимися надъ ними сторожевыми башнями. Величественный бѣлый конусъ Джимара-хоха, съ виднѣющимися на немъ темными линіями, освѣщенный яркими лучами солнца, теряется въ безоблачной синевѣ неба, а юго-западная тѣневая сторона его покрыта дымкой тумана. Разнообразные хребты, нагроможденные въ безпорядкѣ одинъ надъ другимъ, въ нѣмомъ созерцаніи окружаютъ эту недоступную гору, гдѣ до сихъ поръ никто изъ путешественниковъ не могъ побывать, хотя по первому впечатлѣнію она кажется болѣе доступной, чѣмъ Казбекъ.

Тамъ и сямъ по окружнымъ цѣпямъ горъ, на небольшихъ площадкахъ, словно ласточкины гнѣзда, примостились на недосыгаемой высотѣ, едва видимые простымъ глазомъ, маленькіе отселки, и только одиноко выдѣляющіяся сѣро-желтыми очертаніями старинныя башни говорятъ о томъ, что и тамъ живутъ люди, неизвѣстно когда и какъ туда забравшіеся.

По временамъ бѣлесоватыя облака, проносимыя сѣверо-западнымъ вѣтромъ, на мигъ закрываютъ эти причудливыя очертанія горъ. Они кружатся какъ бы на одномъ мѣстѣ нѣсколько мгновеній, а затѣмъ подгоняемыя уже болѣе порывистымъ вѣтромъ, расползаются по невидимымъ оврагамъ

*Мозговачевъ дел.
сентябрь 1898.*

и балкамъ, куда до сихъ поръ не проникала нога человѣка. А солнце все выше и выше подымается на горизонтъ, но оно не жжетъ уже своими жаркими лучами, но, какъ бы невидимо забираясь подъ все складки одежды вашей, ласкаетъ нѣжно своимъ тепломъ. Вереницы черныхъ грачей съ красными носами и такими же лапами проносятся мимо насъ, вылетая изъ дыръ отверстій, что сотнями образовались въ скалѣ: это жилища этихъ рѣдкихъ пернатыхъ жильцовъ горъ. Не можетъ похвастаться Куртатинское ущелье разнообразіемъ своей фауны, что значительно уменьшаетъ его прелести. Извивающійся серебряной лентой по долину Фіагдонъ на нѣкоторое время пропадаетъ изъ нашихъ взоровъ, скрытый богатою сочною зеленью и крутыми овражистыми берегами. Куда ни глянешь, подымаются башни, угрюмо стерегущія это таинственное ущелье. Особенно красивый видъ представляетъ раскинувшееся у ногъ нашихъ сел. Далакау съ его башнями и могильниками то желтосѣрыми, то изумительно бѣлыми, съ желтоватыми отъ времени шиферными плитами, составляющими въ большинствѣ изъ нихъ крышу.

Недалеко отъ насъ по склону той горы, на которой расположены могильники, разбрелось стадо овецъ, отыскивающихъ скрытые между камнями пучки горныхъ цвѣтовъ, а на самой вершинѣ горы, облокотившись подбородкомъ на большой посохъ, въ нѣмомъ созерцаніи красуется фигура подростка пастуха, облеченнаго въ живописныя лохмотья. Временами онъ напѣвалъ сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче родную пѣсню, которая разносилась по окрестнымъ балкамъ и оврагамъ и которой вторило далекое и продолжительное эхо. И слушая эту мелодію осетинской пѣсни, выводимой юношей подросткомъ, невольно стараешься узнать, о чемъ поетъ этотъ голодный пасынокъ своихъ родныхъ горъ, о чемъ онъ просить или на что жалуется.

7
A common
chough?
on a hill
from the valley

Какъ зачарованные, мы прислушивались къ этимъ плачущимъ звукамъ. Только когда часть стада скрылась за ближайшей балкой, пѣвецъ на время прекратилъ пѣніе и съ ловкостью козы бросился собирать разбросавшуюся тамъ и сямъ отару.

Полуденное солнце немилосердно палило землю, когда мы вернулись къ своимъ подводамъ, чтобы начать сборы къ обратной поѣздѣ въ городъ. Несмотря на величественную природу, эти мѣста крайне бѣдны: мѣстами каждый маленький клочокъ обработанной земли достается съ большимъ трудомъ мѣстному жителю. Здѣсь намъ, между прочимъ, пришлось узнать, что женщины этого селенія, за исключеніемъ легкихъ домашнихъ работъ, совсѣмъ не работаютъ, чего нельзя сказать про плоскостныя осетинскія селенія, гдѣ женщина на своихъ плечахъ несетъ всю тяжесть работы. Далакаускія женщины называютъ себя „горными княгинями“ и работу для себя считаютъ чѣмъ-то позорнымъ, а мужчины хотя и называютъ себя таубіями (горными князьями) и, гордясь этимъ почетнымъ званіемъ, повторяютъ, что они никогда не знали крѣпостного права, но въ этомъ приходится усомниться: живя на землѣ помѣщиковъ Цаликовыхъ, они находились какъ бы въ зависимости отъ нихъ, какъ холопы отъ своихъ баръ.

Около часу дня мы уже оставили сел. Далакау, и хотя не получили всѣхъ тѣхъ свѣдѣній о могильникахъ, которыя мы имѣли въ виду получить, тѣмъ не менѣе до нѣкоторой степени ознакомилсъ съ бытомъ и укладомъ жизни этихъ заброшенныхъ въ горныхъ трущобахъ людей. Располагая болѣе временемъ, можно было бы подробнѣе осмотрѣть нѣкоторые изъ могильниковъ, которые до сихъ поръ еще никѣмъ не открывались; въ нихъ покоятся цѣлыя семейства покойниковъ, трупы коихъ сохранились настолько хорошо, что кажутся какъ бы спящими. Гдѣ-то за селеніемъ Хидикусъ въ горахъ, куда

доступъ сопряженъ съ неимовѣрными трудностями, какъ говорятъ мѣстные осетины, сохраняются вмѣстительныя пещеры, въ которыхъ до сихъ поръ на выбитыхъ въ скалахъ ступенькахъ (нарахъ) покоятся прекрасно сохранившіеся трупы, изъ которыхъ одни въ священническихъ парчевыхъ облаченіяхъ, а другіе въ обыкновенной одеждѣ. За этими пещерами, гдѣ-то тутъ же на перевалѣ, есть огромная пещера, въ которой яко бы до сихъ поръ видно до сотни труповъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ въ разнообразныхъ позахъ и положеніяхъ, при чемъ многія женщины съ дѣтьми на рукахъ. Про эту пещеру я слышалъ еще ранѣе, что это трупы бѣглецовъ, искавшихъ въ ней спасенія отъ свирѣпствовавшей въ то время чумы.

Съ грустью приходилось покидать эти дивныя мѣста, гдѣ сколько таинственнаго и еще не разгаданнаго. Въ этихъ мѣстахъ въ 1891 году, возлѣ селенія Дзивгисъ, было обнаружено покойнымъ В. В. Антоновичемъ великолѣпно сохранившееся погребеніе женщины въ древнемъ костюмѣ. Правда, кости совершенно истлѣли, но зато одежда сохранилась поразительно.

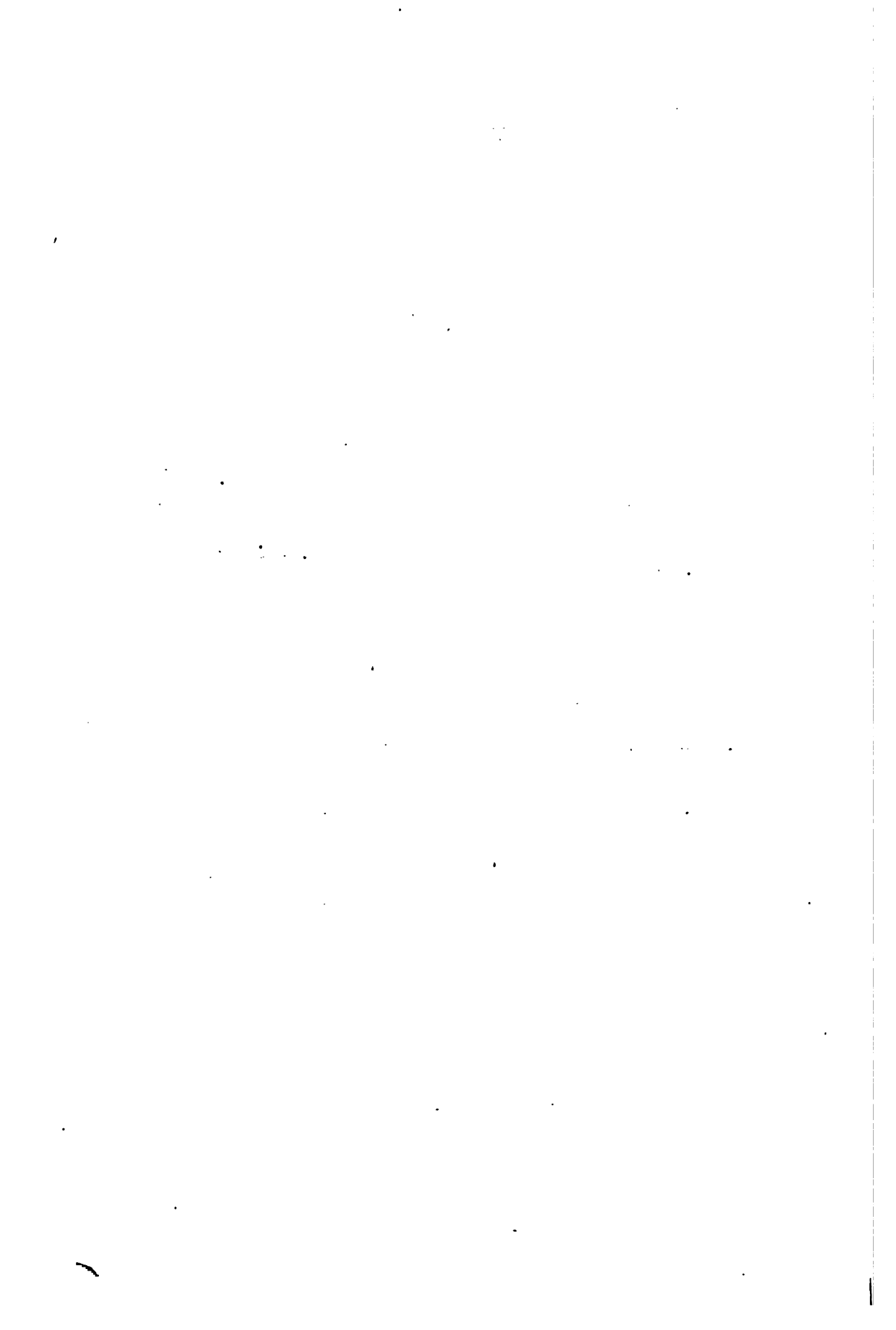
Безъ сомнѣнія, Куртатинское ущелье въ нѣдрахъ своихъ до сихъ поръ скрываетъ много таинственнаго, почему вниманіе ученыхъ археологовъ слѣдуетъ обратить на эти пока еще дѣвственныя мѣста. Къ сожалѣнію, невозможныя пути сообщенія дѣлаютъ доступъ туда очень труднымъ, почему проведеніе хорошихъ дорогъ должно стоять на первомъ планѣ.

Обратный путь до станицы Архонской мы совершили въ шесть часовъ и предъ вечеромъ около 7 часовъ усталые и измученные убойственной дорогой уже были въ станицѣ Архонской.

Ф. С. Гребенецъ.

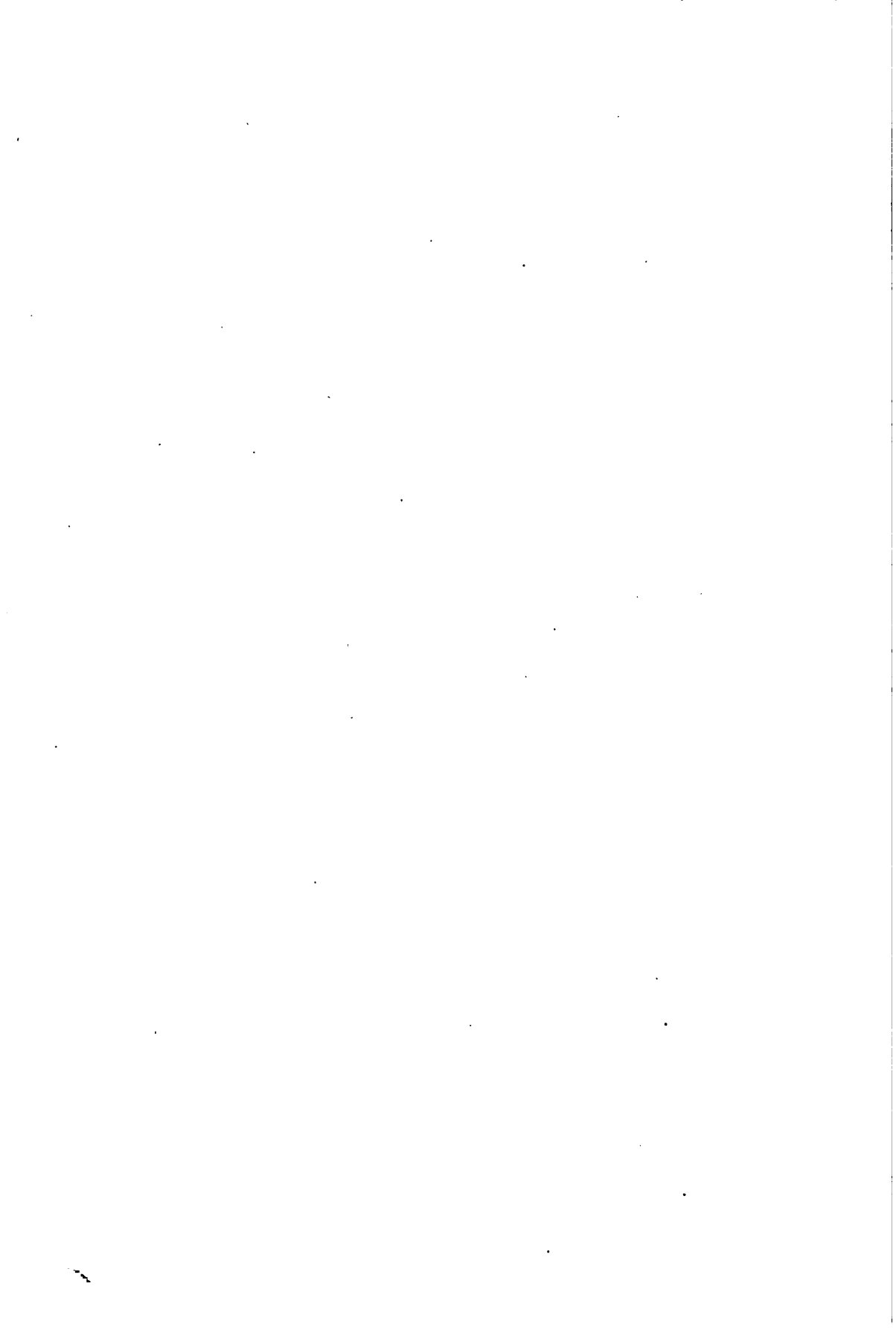

А. С. С.

ОТДѢЛЪ IV.

Божества охоты и охотничій языкъ у кавказцевъ.

Мы имѣемъ опредѣленные свѣдѣнія о томъ, что въ древней до-христіанской и до-мусульманской мѣологіи нѣкоторыхъ народовъ средняго и западнаго Кавказа существовало мѣологическое лицо, которое заботилось о благосостояніи дивихъ звѣрей. Въ этнологической литературѣ Кавказа мы встрѣчаемъ указанія на такіа божества у абхазцевъ, свановъ, осетинъ, черкесовъ, мингрельцевъ и другихъ. У абхазцевъ это божество называется Ажвешпа [Ажеѣша] ¹⁾, у свановъ есть и Ацсат ²⁾ и богиня Дал ³⁾, у осетинъ Аѡсати ⁴⁾, у черкесовъ Мазитх ⁵⁾.

Сообщу здѣсь краткіа свѣдѣнія объ этихъ покровителяхъ дивихъ звѣрей.

Ажвешпа, по мнѣнію абхазцевъ, поручено Богомъ пасти дичь. Безъ его, Ажвешпа, разрѣшенія, никто не можетъ убить дичь. Впрочемъ, онъ допускаетъ убіеніе только тѣхъ звѣрей, которыхъ онъ самъ уже съѣлъ и оживилъ послѣ. На бѣлыхъ звѣрей нельзя охотиться. Бѣлые

1) Званбаѣ Сол. Абхазская мѣологіа и религіозныя повѣрья и обряды между жителями Абхазіи. «Кавказъ». 1855. №№ 81—82.

2) Марръ Н. Я. Орако-армянскій (Sabadzios) и Aswat и сванское божество охоты (Изв. Им. Ак. Н. 1912. № 13). (Въ обонхъ именахъ d и s имѣютъ особое діакритич. знаки надъ собою. За неимѣніемъ такоу шрифта пишемъ просто Sabadzios и Aswat).

3) Д Маргіани: Сванеты (Нѣкоторыа черты быта). Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавк. X, I, 70, 71.

4) Миллеръ. Осет. этюды. II. 244.

5) Васильковъ В. В. Очеркъ быта темиргоевцевъ. Сб. мат. XXIX, II. 115; Любе Л. Я. Вѣрованія, религіозныа обряды и предразсудки у черкесовъ. Зап. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ. V, стр. 125.

звѣри—это пастухи Ажвешпа, которымъ поручено беречь другихъ звѣрей и пасти ихъ. Успѣхъ охоты всецѣло зависитъ отъ Ажвешпа. Охотники обращаются къ нему съ пѣснями, умоляя его отпустить имъ хорошую добычу изъ своего стада. Съ убитаго звѣря немедленно сдираютъ кожу, жарятъ сердце и легкія(?) и кушаютъ ихъ на мѣстѣ же. Старшій изъ охотниковъ беретъ упомянутыя части и говоритъ: О, Ажвешпа, чтобы тому, кто это убилъ, лучшее досталось въ другой разъ. Аминь! [По словамъ одного моего знакомаго, въ благодарственной молитвѣ встрѣчаются также слова: табу, табу! которыя извѣстны также осетинамъ¹⁾ и черкесамъ]. Потомъ старшій охотникъ долженъ отрѣзать кусочекъ и подать тому, кто убилъ звѣря; другіе охотники тоже кушаютъ²⁾. Званбай говоритъ слѣдующее объ Ажвешпа: „Богу этому дѣлаютъ жертвоприношеніе одни только охотники. Въ Абхазіи охота начинается послѣ уборки винограда, которая во время хорошаго урожая оканчивается къ новому году... Приготовляясь къ охотѣ, партія охотниковъ одной деревни или околотка дѣлаетъ складчину и, купивъ одного козла или барана, выбираетъ мѣсто въ лѣсу для жертвоприношенія. Обрядъ этого жертвоприношенія совершается такимъ же порядкомъ, какъ и Богу кузнецовъ, съ той только разницей, что тутъ каждый изъ охотниковъ бросаетъ ладанъ на уголья и проситъ лѣснаго бога, чтобы онъ удѣлилъ ему изъ своихъ стадъ то, чего охотникъ желаетъ“ ...

У свановъ „Дал, Дали“ покровительница охотниковъ, туровъ и дикихъ козъ³⁾. На охоту сванеты смотрятъ какъ

¹⁾ Хуцау табу дауан=Боже, тебѣ поклоняемся. (Шифнеръ. Осет. тексты. Сп. 1863, стр. 36 и примѣчаніе. Эггми воззваніями начинаются почти всѣ осетинскія молитвы (стр. 39)).

²⁾ Эти свѣдѣнія мною лично собраны въ Абхазіи.

³⁾ Вис. III. Нижерадзе. Сванетскія пословицы, загадки и пѣсни. Сб. мат. X, II, стр. 3.

на святое дѣло. Охотникъ-сванеть долженъ жить чисто, ни въ какомъ случаѣ не долженъ имѣть сношенія съ посторонней женщиной; даже со своей женою онъ не долженъ имѣть сношенія наканунѣ дня, въ который отправляется на охоту. Сванеть не можетъ также отправиться на охоту, когда въ его семьѣ или у близкаго сосѣда у женщины появились менструаціи. Женщины въ такомъ состояніи считаются въ высшей степени нечистыми. Въ это время и самъ сванеть считаетъ себя нечистымъ... Отправляясь на охоту, охотникъ беретъ воскъ, араку и немного муви; дойдя до мѣста, назначеннаго для принесенія жертвы, онъ печетъ лепешки, зажигаетъ свѣчку, прилѣпивъ ее къ дереву или къ камню, затѣмъ кладетъ на камень зажженные уголья и на нихъ бросаетъ кусочки воска, беретъ въ руки лепешку и араку и, смотря на востокъ, молится и проситъ Бога и, въ особенности, покровительницу дичи „Дал“, чтобы она послала ему дичи. Сванеты представляютъ ее себѣ женщиною, одаренной удивительной красотой и живущей на вершинахъ горъ. Она какъ будто пасетъ туровъ и дивихъ козъ, и безъ ея воли никакой охотникъ не можетъ убить дичь. Такимъ образомъ, охотникъ приноситъ маленькую жертву покровительницѣ туръ и козъ „Дал“ и при этомъ молится также покровителямъ горъ, въ которыхъ онъ охотится. Добычу охотникъ везетъ домой ночью, также тайкомъ, и не даетъ ѣсть тѣмъ, которые замѣнены въ прелюбодѣяніи, и тѣмъ, у кого появились менструаціи. Если съ охотникомъ на дорогѣ въ горахъ встрѣтится одинъ или нѣсколько человѣкъ, то обыкновенно половину добычи онъ удѣляетъ имъ, но внѣ горъ, т. е. по близости села, повстрѣчавшимся съ нимъ ничего не удѣляетъ¹⁾.

¹⁾ Д. Маргіани. Сванеты (Нѣкоторыя черты быта). Сб. мат. X, I, стр. 70, 71.

Но, у овановъ существуетъ также Богъ охоты Ацсат, о чемъ намъ сообщаетъ Марръ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что форма Ацсат восходитъ, какъ говоритъ Марръ къ *asfat, соотн. *aswat ²⁾. Въ Лентехахъ просятъ Ածցո՞ծ Յճցաշք (лѣснаго ангела) о хорошемъ путешествiи. Слово Ацсат сваны толкуютъ какъ „проворный, наиболѣе ловкій“, но употребляется только объ охотникахъ. Въ Бечо охотники обращаются къ ճը՛հօզ (цгуга), т. е. къ Св. Георгию, но знаютъ также Ацсата, котораго называютъ Ацхсаѳ’омъ. Въ верхней ингурской Сванетiи, въ Калѣ, его имя гласитъ օճսօ, въ Мулахъ օճսօ. Прибавлю еще, что Марръ сличаетъ сванск. Ацсат съ арако-армянскимъ Sabadzios (Տաճաճիօզ) и Aswat.

У осетинъ божество охоты называется Äвсаті, въ тагаурской Осетiи я слышалъ Äвсәті. „Властителемъ надъ дикими животными, особенно надъ турами, оленями, козами, кабанами, осетины называютъ Äвсаті. Ему, какъ патрону, молятся охотники. Отправляясь на охоту, осетинъ съ вечера велитъ своей женѣ спечь три маленькихъ круглыхъ сырника и беретъ ихъ съ собою. Дойдя до мѣста охоты, онъ обращается съ молитвой къ Äвсаті, проситъ его дать ему изъ своего стада одного *бѣднаго* оленя или козла и принять въ жертву сырники. Если охотнику удалось застрѣлить звѣря, онъ благодаритъ Äвсаті и обязательно угощаетъ встрѣчныхъ и бѣдныхъ одноульцевъ мясомъ сурд’а (дичины), дарованной Äвсаті. Кто не исполнитъ этого обряда, тому Äвсаті никогда уже не дастъ не только застрѣлить, но и издали видѣть тура“ ³⁾.

У черкесовъ мы встрѣчаемъ Мезитхъ (въ транскр. Л. Г. Лопатинскаго Мезитһа) „божество лѣсовъ, котораго

¹⁾ Въ вышепривед. мѣстѣ.

²⁾ Осет. Äвсәт—метатезъ этихъ древнихъ формъ.

³⁾ Миллеръ. Осет. этюды. II, 244, 245.

молят о счастливомъ успѣхѣ охоты. Горцы представляютъ себѣ его ѣдущимъ верхомъ на кабанѣ, у котораго золотая щетина. По его мановенію олени и лоси собираются въ лѣсахъ, и тогда дѣвушки доятъ самокъ ихъ¹⁾. Что это именно божественныя дѣвы, объ этомъ извѣщаетъ насъ Султанъ-Ханъ-Гирей²⁾.

У тушинъ я нашелъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ нѣкимъ *შოა ჩაგაიძე* (Шіо Чагоидзе) изъ сел. Чонтіо. За дичью смотрятъ ангелы (*ანგელოზი*); ихъ два, одинъ мужескаго, другой женскаго пола. Они смѣняются ежегодно. Ангель-мальчикъ глупъ; но женскій ангелъ хорошо исполняетъ свою должность. Между тѣмъ, какъ ангель-мальчикъ мало заботится о томъ, убиваютъ ли охотники дичь или нѣтъ, ангель-дѣвочка строго стережетъ и не допускаетъ охотниковъ къ дичи. Во время ея царствования случается, что ни одинъ охотникъ не можетъ убить дичи. Когда охотникъ собирается на охоту, онъ ставитъ ангелу свѣчу и проситъ его удѣлить ему своей дичи. Убивъ дичь, охотникъ провозглашаетъ имя ангела³⁾ и когда снимаетъ шкуру, то оставляетъ себѣ сердце, легкія и печень, остальные же внутренности онъ посвящаетъ ангелу, положивъ ихъ на чистый камень. Онъ долженъ обязательно отдать часть добычи своимъ сосѣдямъ. Если нѣсколько охотниковъ идутъ на охоту, то тотъ, который убиваетъ дичь, оставляетъ себѣ голову, шкуру и грудину, остальное же онъ дѣлитъ между товарищами поровну.

По словамъ моего информатора сосѣдніе съ тушинами хевсуры и кистины имѣютъ такія же вѣрованія; кистины называютъ покровителя дичи „ангело“.

Князь Р. Д. Эристовъ говоритъ въ своей статьѣ: „У

1) Люлье, Осет. этюды, стр. 125.

2) Мифологія черкесскихъ народовъ. „Кавказъ“, 1846. № 35.

3) Имена не имѣютъ, называютъ ихъ просто ангелами.

тушинъ Пшаво-Хевсурскаго округа¹⁾, что „у хевсуровъ швура убитаго тура цѣликомъ принадлежитъ тому, кто убилъ его, рога жертвуютъ въ капище, а мясо дѣлится между охотниками поровну“.

Въ другомъ мѣстѣ²⁾, кн. Эристовъ говоритъ о томъ, что охотники дѣлаютъ приношеніе въ хати (молельню) Тетри Санеба Цромисъ горисъ, а „мекробэ“, т. е. партія отправляющаяся для нападенія на враговъ, ради хищничества, доставляли тому же хати долю изъ отбитаго и награбленнаго у непріятеля.

У упомянутыхъ народовъ миѣ о покровителѣ дичи представляетъ собою довольно стройную систему: есть и миѣ, есть и обряды, есть и сказки, относящіяся къ этому миѣ. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ подробно говорить объ этихъ обрядахъ и связанныхъ съ ними и съ именемъ божества дичи фольклоромъ. Замѣьте, что это какъ разъ тѣ народы, которые сохранили значительную часть своихъ до-христіанскихъ, соотн. до-мусульманскихъ вѣрованій.

Но, подобныя же вѣрованія сохранились также у другихъ народовъ Кавказа въ такой формѣ, въ которой можно видѣть пережитки болѣе опредѣленныхъ и болѣе развитыхъ представленій религіознаго характера³⁾.

По словамъ Баширъ Далгата⁴⁾, чеченцы очень уважаютъ одноглазаго Элту. Онъ покровитель охотниковъ (!); успѣхъ охоты всецѣло зависитъ отъ него. Охотникъ приноситъ ему жертву послѣ охоты. Каждый звѣрь носитъ

¹⁾ Записки К. О. И. Р. Г. О. III, стр. 127.

²⁾ Извлеченія изъ этнографич. очерковъ г. Урбнели о хевсурахъ. Зап. К. О. И. Р. Г. О. XIV, стр. 184.

³⁾ Впрочемъ, весьма возможно, что болѣе подробное знакомство съ вѣрованіями кавказцевъ покажетъ намъ, что эти вѣрованія не только пережитки, но связываются еще съ невѣстнымъ культомъ.

⁴⁾ Древняя ролягія чеченцевъ. Терскій Сборникъ, 1898.

на ухъ тавро Элты. По другой легендѣ Элты можетъ превратиться въ животное; одинъ охотникъ видѣлъ его въ формѣ бѣлаго оленя, стерегущаго дикихъ звѣрей.

Въ прошломъ году мнѣ удалось констатировать существованіе покровителя дичи также у цахурцевъ (въ юго-восточномъ Дагестанѣ). У нихъ онъ называется Абдал'омъ; онъ заботится о дикихъ звѣряхъ, пасетъ и доитъ ихъ; иногда онъ показывается охотникамъ въ видѣ бѣлаго звѣря или бѣлаго человѣка; однако, это всегда предсказываетъ неудачу для охотника. Впрочемъ, слово Абдал обозначаетъ у нихъ всякаго богоугоднаго человѣка, всякаго, отвергнувшаго земныя блага ради Бога, и это позволяетъ намъ думать, что Абдал не что иное, какъ искаженное 'абд-уллаһи „рабъ Божій“. Абдалъ—покровитель дичи даетъ, однако, охотникамъ только то, что онъ предназначилъ на „заккетъ“, т. е. на долю бѣдныхъ.

Сарыбашцы (Сарыбашъ—селеніе на границѣ Закавказскаго округа и Дагестана; жители, по преданіямъ, выходцы изъ Цахура, говорятъ теперь уже исключительно на татарскомъ языкѣ) имѣютъ подобное повѣріе. Они рассказываютъ о томъ, что одинъ охотникъ видѣлъ, какъ какой-то человѣкъ гонялъ и пасъ туровъ, какъ стадо овецъ.

Въ Мингреліи мы встрѣчаемъ *ᲘᲗᲗᲗ ᲗᲗᲗᲗ* „тqаші маца“, т. е. лѣсную царицу. „Ее представляютъ красавицей, съ длинными распущенными волосами, голою и легкою на ходу. Она бродитъ по лѣсамъ, какъ духъ. Въ ея власти находится всякая дичь. Она можетъ посылать дичь охотнику и можетъ сдѣлать охоту вполнѣ неудачной. Она не имѣетъ мужа и, встрѣчаясь съ мужчиной, требуетъ, чтобы онъ раздѣлилъ съ нею ложе, обѣщая ему за это счастье во всемъ, и охотнику въ охотѣ особенно. О встрѣчѣ съ царицей лѣса осчастливленный не долженъ

никому говорить: открытіе этой тайны влечетъ за собою полную неудачу во всемъ, а иногда и страшную мечь тѣши-маца. Тѣло тѣши-маца ночью свѣтится блѣднымъ свѣтомъ, отчего она кажется бѣлой¹⁾.

Тамъ же, въ Мингрелии, есть такъ называемые „месеці“. О нихъ І. Т. Кобалія²⁾ говоритъ слѣдующее: Само это слово непонятно, а означаетъ божество, повелѣвающее всѣмъ царствомъ животныхъ, птицъ и пресмыкающихся. Отъ этого слова и промежутокъ времени отъ 26 октября по 3-ье ноябрю носятъ названіе „Месецоба“. Мѣстомъ постояннаго пребыванія „Месеці“ считается море или мѣстность за-моремъ... Божество это представляютъ въ видѣ человѣка, имѣющаго душу и тѣло, такъ же одѣвающееся и размножающееся, какъ и простые смертные; но ихъ никогда не бываетъ слишкомъ много—всегда не болѣе одной обыкновенной семьи. Кромѣ того, они никогда не бываютъ ни старыми ни молодыми. Они безсмертны. Къ концу октября (28.) они, оставивъ дома одного сторожемъ, берутъ посохъ, одну собаку попутчицу и расходятся попарно и больше въ разныя стороны. Цѣль ихъ путешествія—провѣрить вѣренное имъ царство относительно годичной прибыли или убыли, собрать съ него дань на зиму. „Месеці“ бываютъ и мужчины и женщины. Появленіе послѣднихъ сопровождается сильными дождями, въ отличіе отъ мужчинъ, при появленіи которыхъ можетъ быть.... хорошая погода въ знакъ того, что „Месеці“ прибылью доволенъ и не гнѣвается... Полагаютъ, что безъ помощи и разрѣшенія этого божества охотники не въ состояніи убить никакой дичи, и потому всякій неудачный выстрѣлъ приписываютъ нежеланію и даже противодѣйствию „Месеці“.

¹⁾ Я. Тепцовъ. Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ. Сб. мат. XVII, III, стр. 12.

²⁾ „Изъ мивчической Колхиды“. Сб. мат. XXXII, II, стр. 109—111.

Изъ числа мифологическихъ покровителей дичи, съ которыми мы познакомились въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, одни, какъ, напр. А́всаті, Ажвеша, Элта, не играютъ никакой другой роли, кромѣ той, на которую я обратилъ выше вниманіе; характеристика другихъ же, какъ, напр. *ᲘᲣᲗᲟ ᲑᲗᲟ* и Месеці позволяетъ намъ думать, что въ ихъ лицахъ воплотились нѣсколько мифологическихъ функций. Мингр. *ᲘᲣᲗᲟ ᲑᲗᲟ* напоминаетъ намъ о чеченскихъ женскихъ „алмаз“, удивительно красивыхъ существахъ, золотистые волосы которыхъ доходятъ до ихъ пятокъ и которыя тоже любятъ человѣческихъ мужчинъ, но требуютъ отъ нихъ строгаго сохраненія этой тайны подѣ страхомъ ужасной мести. Точно такъ же фактъ, что появленіе женскихъ Месеці въ Мингрелии сопровождается сильными дождями указываетъ на то, что эти женскія „Месеці“ играютъ также роль такъ называемыхъ „Wettergöttingen“. Болѣе подробное изученіе кавказской мифологіи покажетъ намъ, вѣроятно, общее на Кавказѣ распространеніе подобныхъ мифологическихъ вѣрованій.

* * *

Перейду теперь къ другому. Изучая лѣтомъ 1911 г. охотничья повѣрья абхазцевъ и осетинъ, я натолкнулся на слѣды охотничьяго языка. Дѣло въ томъ, что охотники обоихъ народовъ употребляютъ во время охоты особыя слова, чтобы обозначить извѣстные предметы, имѣющіе связь съ охотой. Это дѣлается, главнымъ образомъ, для того, чтобы обмануть дичь, какъ мнѣ объяснили мои информаторы, абхазецъ Захаръ Степан. Шакрбай въ Бакмаранѣ близъ Сухума и осетинъ священникъ Николай Тменовъ въ сел. Ходъ (близъ Сардона). О. Тменовъ прибавилъ еще, что А́всаті охотникамъ ничего не даетъ, если они на охотѣ употребляютъ обыкновенныя слова. Въ на-

шей кавказской этнографической литературѣ пока еще не упоминалось объ охотничьемъ языкѣ, насколько я знаю. Есть основаніе думать, что подобный тайный охотничій языкъ существуетъ или существовалъ также у другихъ кавказскихъ народовъ. Что касается, напр. черкесовъ, то Потоцкій (Voyages. II, стр. 168), ссылаясь на Клапрота ¹⁾ намекаетъ на существованіе у нихъ секретнаго воровскаго жаргона, употребляемаго князьями во время воровскихъ походовъ. Этотъ языкъ называется „чакобза“. Люлье ²⁾, въ свою очередь, говоритъ, что этотъ „чакобза“ просто охотничій языкъ.

Несомнѣнно, охотничій языкъ стоитъ въ связи съ другими словесными запретами, встрѣчающихся на Кавказѣ. Приведу здѣсь нѣсколько свѣдѣній относящихся къ нашему предмету.

У осетинъ „жена не смѣетъ назвать своего мужа по имени. Даже въ клятвахъ замужнихъ женщинъ, имя мужа никогда не упоминается ³⁾).

Осетинки, въ особенности старухи, считаютъ неприличнымъ для себя называть предметы, употребляемые въ смыслѣ ругательствъ; такъ, напр., вмѣсто слова „чортъ“ онѣ говорятъ „ѣнѣзѣѣінаг“; вмѣсто „осель“ — хѣссѣн = „на которомъ носятъ“, вмѣсто „свинья“ — бахѣг, т. е. „роющая“, волкъ „дѣрѣдѣм“, т. е. длиннохвостый и т. д. ⁴⁾).

Я не могу здѣсь указать на причины этихъ словесныхъ запретовъ: ихъ очень много, и о нихъ надо говорить съ общей этнографической точки зрѣнія. Мы пока должны удовлетвориться фактомъ, что на Кавказѣ существуетъ охотничій языкъ. Мои свѣдѣнія о немъ крайне

1) Voyages au mont Caucase. I, стр. 381.

2) Зап. К. О. Р. Г. О. IV.

3) М. Ковалевскій, Законъ и обычай, II, 97.

4) Кайтмазовъ. Скупой богачъ. Сб. маг., XIII, II, стр. 142, прим. **).

скудны, и поэтому я обращаюсь къ туземцамъ съ убѣдительной просьбой изучать этотъ вопросъ у своихъ земляковъ и сообщить намъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Материалы, сообщены абхазцемъ Шакрбай, слѣдующіе:

Огонь (амца)¹⁾—аџапш, бурка (ауапа)—ахуаџа (свинья кожа), медвѣдь (амцц)—шаџазк, лошадь (ачу)—шаџаџа, дикій кабанъ (абунѣа)—џуџуаџ (длинная морда), заяцъ (аџа)—ахџпшка лумнаџуаџ (тотъ съ длинными ушами и мягкой шерстью), косуля (ашабста)—амѣџа(џуа) сухая кровь, вода (аду)—амі, ружье (аџак)—азаџ, чевякъ (аџма)—ашербага²⁾.

У осетинъ: собака (џудз)—џоџнон, џуанон=охотникъ, олень (саг)—сѣџадзун (рогатый), сардзун (головастый), свинья (хој, хуј)—кахуџ, кахџег (роющая)³⁾, заяцъ (џарџус)—соџур (косой), лиса (рувас)—гаду рувас, ружье (џопп)—хотух.

Помимо того интереса, который изученіе охотничьяго быта представляетъ для ознакомленія съ древней миеологіей кавказцевъ вообще, оно, по моему, и крайне важно для изученія древней родовой организаціи кавказскихъ народовъ. Позволю себѣ указать вамъ на слѣдующія мои догадки, на которыя я васъ прошу смотрѣть, какъ на догадки. Кажется, что тохумъ, т. е. родъ былъ на извѣстной степени развитія кавказскихъ племенъ (по крайней мѣрѣ извѣстныхъ изъ нихъ) альфой и омегой всей умственной и даже матеріальной культуры. М. Ковалевскій указываетъ въ своей книгѣ „Законъ и обычай“⁴⁾ на то, что „его (дагестанца) охота на животныхъ и людей... не производятся особнякомъ, а при участіи и поддержкѣ со сто-

¹⁾ Въ скобкахъ слова обшд. языка.

²⁾ Есть еще нѣсколько другихъ выраженій, но я ихъ пропущу, потому что они мнѣ не совсемъ понятны.

³⁾ См. выше цитату изъ Кайтмазова.

⁴⁾ II, стр. 219.

роны его единокровных". Если мы можем констатировать, съ другой стороны, фактъ, что охотникъ, будь онъ сванъ, абхазецъ, осетинъ или хевсуръ, долженъ непременно дѣлить свою добычу съ другими участниками охоты¹⁾, то мы можемъ видѣть въ этомъ обычай только распространение на не-родныхъ, постороннихъ соучастниковъ охоты строгихъ правилъ, управляющихъ отношеніями родственниковъ—членовъ тохума между собою. А если это такъ, т. е. если охота дѣйствительно дѣло тохума, рода, то трудно отказаться отъ мысли, что охота вначалѣ, вообще, производилась только на звѣря-покровителя, или звѣря-предка, т. е. на тотэмъ, и въ такомъ случаѣ, можно было бы прийти къ заключенію, что роды-тохумы кавказцевъ тотемическаго происхожденія. А настоящій тотемизмъ имѣетъ тамъ, гдѣ онъ существуетъ, громадное социальное и религіозное значеніе; что касается Кавказа, то мы имѣемъ относительно его древняго религіознаго и социальнаго строя, насколько онъ тотемическаго характера, только крайне скудныя свѣдѣнія; постороннія вліянія, какъ, напр., вліяніе зороастризма, христіанства и ислама повели къ исчезновенію многихъ оригинальныхъ чертъ религіознаго и социальнаго быта; поэтому мы можемъ изучать древнѣйшій строй кавказцевъ только по слѣдамъ, пережиткамъ и намекамъ. Изученіе же охотничьяго быта, мнѣ кажется, крайне важно въ этомъ отношеніи, и по-

---

¹⁾ У хевсуровъ, напр., шеура и голова достается по общему лицу, убитому звѣря, мясо же дѣлится поровну между всѣми участниками охоты. Того же правила придерживаются и при рыбной ловлѣ: такъ, при ловлѣ лососины, голова достается тому, кто взял лосося, прочее же мясо дѣлится по ровну (Зак. и обич. II, 113). У осетинъ, „по приходѣ... домой, охотникъ велитъ сварить шею, голову, ноги и заднюю ляжку и потомъ ими угощаетъ приглашенныхъ сосѣдей, говоря: по милости Овсати (Авсати), отвѣдайте мяса смрда“ (т. е. дичи). (Гатіевъ. Суевѣрія и предрасудки у осетинъ. Сб. свѣд. о кавк. горц. IX, стр. 58).

этому, я повторяю здѣсь свою просьбу: сообщать мнѣ какъ можно больше свѣдѣній объ обычаяхъ и нравахъ охотниковъ. Пора ужъ давно; насталь тотъ злополучный двѣнадцатый часъ, котораго этнологи такъ боятся и подъ вліяніемъ русской и западной культуръ удивительно быстро исчезаютъ одна за другой черты древняго быта кавказцевъ.

Съ другой стороны, приведенные факты указываютъ на то, что тѣ же самыя міеологическія представленія существовали когда-то у многихъ народовъ Кавказа. Намъ удалось констатировать существованіе особыхъ покровителей дичи у абхазцевъ, свановъ, черкесовъ, осетинъ, мингрельцевъ, цахурцевъ, чеченцевъ, и у сарыбашскихъ лезгинъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что болѣе подробное ознакомленіе съ фольклоромъ кавказскихъ народовъ обнаружитъ намъ существованіе подобныхъ міеологическихъ существъ также у другихъ кавказцевъ. Вообще, при изученіи древнѣйшихъ міеологическихъ представленій и вѣрованій кавказцевъ нельзя отрѣшиться отъ мысли, что когда-то существовала на Кавказѣ одна религія, которая впоследствии была затмѣнена и отчасти вытѣснена историческими религіями; но она сохранилась еще у многихъ кавказскихъ народахъ, въ видѣ пережитковъ, суевѣрій и въ фольклорѣ. Любопытенъ также фактъ, что древнія міеологическія лица при водвореніи новой религіи отнюдь не сдѣлались врагами новаго божества, но покорными его служителями, что ясно выражено у осетовъ, напр., у цахурцевъ и у тушинъ. Осетинскому Авсати поручено Богомъ пасти дичь, точно такъ же и тушинскимъ ангелозамъ, и въ сознаніи цахурцевъ Абдалъ покорный слуга Аллаха. Между тѣмъ, мы видимъ у другихъ народовъ, что божественныя лица древней религіи превращаются часто подъ вліяніемъ новой въ злыхъ духовъ, враждебныхъ новымъ богамъ и народу, вѣровавшему въ нихъ.

Р. S. Во время моей поѣздки къ убыхамъ въ Малой Азїи (недалеко отъ Измида) я узналъ отъ старика Шбнаж слѣдующее: Цедш и хорошій охотникъ и хорошій кузнецъ. Онъ глава и тѣхъ и другихъ. Мезутха же поручено Богомъ смотрѣть за дичью. Онъ стережетъ дичь, онъ и даетъ ее. Безъ разрѣшенія Мезутха охотникъ ничего не убьетъ; онъ можетъ убить только то животное, которое М. назначаетъ ему.

Пѣсня Авсати (Авсати).

Записана мною въ сел. Даргавсъ (тагаурск. Осетїи) Авсати покровитель дичи; къ нему обращаются охотники съ просьбою удѣлить имъ часть своего богатства: jej Авсати, дæ хорзæх рат, рат махун сæрдзун сæг, бавсат мах дõуун кувуг адуми, да хорзæ дзінæдеj¹⁾—О Авсати, твое хорошее дай, дай намъ рогатаго оленя, насыти насъ, молящихся тебѣ, твоими благами.

Рақуц, рафалгус уалл
бæрзондл бадуг зæронд
Авсати; рақуц, рафалгус
нвлæгмæ нæ хорзæј бæ-
фадзæхæ!

Взгляни, посмотри съ
высоты, старикъ Авсати;
взгляни, посмотри съ вы-
соты на насъ, благослови
насъ!

Рајсомеј раджу алкејдæр
фæфæндл хуссун, уалæ ај
нуджу сæр, цах наууул стур
бæлæсв бун Авсати хуссв.

Утромъ рано каждому
хочется спать; вонъ надъ
скалой, на зеленой полянкѣ
подъ тѣнью большого дерева
Авсати почиваетъ (спитъ).

¹⁾ На счетъ своей транскрипциї я скажу слѣдующее: Я записалъ осетинскїе тексты такъ, какъ я ихъ слышалъ. ç и з обозначаютъ у меня звуки, среднїе между с и ш соотн. между з и ж, сопровождаемые палатализацией. Не вездѣ стоятъ у меня æ, гдѣ въ словаряхъ указанъ этотъ звукъ: дѣло въ томъ, что я ясно слышалъ или а или е.

Ja алуфарæ авд лалпуј
зълму сѳфту тлунц, бунз
(бундз) авъхæ нæўаъунц;
јинну авд лалпујæ јуфар-
сѳ'рдугеј аходун (аходæн)
фѳцунц.

Далу қому дүмæгмæ гæ-
рæхтв цаўв, Авсати рабати:
оф, оф, зæргæ-загтв, цхъ-
бар у лалпұтæ, цеј ўўнæр
у?

Цүрд лалпу аўаді ај нæ
дзу сereј, куху аўонеј ақас-
ти: далу дам қому дүмæгмæ
авд барæджү заргв æрба-
цаўв.

Бæх саулох бæх²⁾, топ
јæредзун³⁾, рахсантеј багт,
заргајв қүрунц:

Рақуæ рафалгвæ уалв зæ-
ронд Авсати, бæрзондеј нүл-
лæгмæ, хёрзејнæ бафудзахæ,
мах дæ ўаъæг Авсати, сѳур
сѳўон нүл рақгүр.

Вокругъ него семь мо-
лодыхъ людей¹⁾ машутъ
листьями лопуха, мухъ
близко не пускаютъ, семь
другихъ молодыхъ въ сто-
ронѣ.

Въ концѣ тѣснины слы-
шится стрѣльба. Авсати
сѣлъ (проснулся): охъ, охъ,
говорить, что за новость,
молодцы, что за шумъ?

Шустрый парень побѣ-
жалъ съ крутой скалы, дер-
жить руку у глазъ и наблю-
даетъ: въ концѣ тѣснины
семь всадниковъ распѣвая.

Лошади ихъ саулохскія,
ружья ерадзонскія, перевя-
занныя, распѣвая, просятъ:

Взгляни, посмотри, ей,
старивъ Авсати, съ высоты
внизъ! Благослови насъ, мы
твои гости, Авсати, пусти
на насъ большаго рогатаго
(т. е. оленя).

¹⁾ Вс. Миллеръ говоритъ въ своихъ „Осет. Этюдахъ“ (I, стр. 119 и 120. вын. 19), что „ўацїлла и ўастүрці являются въ нартевскихъ сказанїяхъ во множественномъ числѣ: обыкновенно тѣхъ и другихъ по семи“. Можетъ-быть, оба божества, какъ и Авсати, сопровождаются свитой, съ которой народъ сливается или отождествляетъ ихъ.

²⁾ Особая порода лошадей.

³⁾ Особая порода ружей.

A. Durr

Авсати бадзур: he, he,
лапцутæ, адон ств нæ ўаз-
джуту, сбўц сæ рæнун цаўу,
афквр сул ствр сїѳон, хорæ
сæ фен лæгау.

Авсати говоритъ: вотъ,
вотъ, ребята! это наши
гости. Надо ихъ наградить.
Пусти на нихъ большого
рогатаго, угости ихъ какъ
человѣкъ¹⁾.

Примѣчаніе. Я послѣ записи только узналъ, что пѣс-
ня не полная. Въ ней говорится сперва о плохихъ охот-
никахъ, которымъ А. ничего не даетъ, и потомъ только о
хорошихъ, которыхъ А. удостаиваетъ дичью. Я очень буду
обязанъ знатоку осетинскихъ пѣсенъ за дополненіе пробѣла.

Д-ръ А. М. Дурръ.

---

¹⁾ Т. е., какъ порядочный человѣкъ, хозяинъ.

Списокъ именъ, фамилій, названій народовъ и именъ животныхъ у абхазцевъ, мингрельцевъ и дагестанцевъ.

Извѣстно, что русская транскрипція туземныхъ именъ и названій Кавказа крайне сбивчива и что она часто совершенно ошибочно передаетъ звуки туземныхъ языковъ. Любая карта Кавказа показываетъ это наглядно, особенно карты Дагестана со своими искаженными иногда до неузнаваемости географическими названіями. Мало также въ нашей этнографической литературѣ сказано объ именахъ лицъ, и часто тѣ имена, которыя встрѣчаются въ ней, не точно переданы въ звуковомъ отношеніи. Еще меньше указаній встрѣчается насчетъ именъ животныхъ, а вѣдь этнографу очень важно знать, какими именами туземецъ называетъ своихъ любимцевъ. Въ виду всего этого слѣдующіе ниже списки могутъ имѣть извѣстный интересъ, тѣмъ болѣе что транскрипція у нихъ точная. Само собою разумѣется, что здѣсь приведены только имена нелитературныхъ языковъ ¹⁾.

1. Абхазскія имена и фамиліи ²⁾.

а) Фамиліи ³⁾: Шакрѹл, Агмаа (двор.), Хабѹла (двор.), Пуарцкіа (двор.), Манаа (двор.), Жѹанаа (двор.), Лакаа (двор.), Мѹанаа (двор.)—Іналіца (княж.), Дзѹншіпа (княж.), Маршана (княж.), Ачѹа (княж.), Чачаа (владѣт.)—Хана-

¹⁾ Я считаю пока нелитературными языками также абхазскій и мингрельскій, несмотря на попытку создать для этихъ языковъ литературу, хотя бы пока скромную.

²⁾ Этническія названія читатель найдетъ въ „моихъ матеріалахъ для словаря абхазскаго языка“.

³⁾ Все собрано мною въ окрестностяхъ Сухума.

гѹа (крест.), Куцініа (крест.), Ақабба (крест.), Ащба (крест.), Амчба (крест.), Аквтерба (крест.), Адмба, Андба (последнія семьи стоятъ выше обыкн. крестьянъ).

b) Имена мужскія: Лагустан, Шаһан, Твш, Ханаш, Баъ, Міқдәд, Цох, Баѳа, Гамұқ, Хугw, Хабұг, Хагoц, Гедлац, Кобзач, Мзоуц, Қоштұн, Джепика, Ноўка.

c) Имена женскія: Фатвш, Мусугта, Асидә, Кобсіна, Атқә, Шазіә, Назіә, Шаса, Фүрдос, Асіма, Чахұахұа, Кокуча, Шүгұа, Аша, Гаджә, Күнта, Ама, Калчүг, Джагұа, Асланкұаз, Пашқұр, Хүмсада, Сүлма, Сүлһә, Паридә, Фүдүг, Хіргог, Ёлса.

d) Княжескія имена: Мурад, Дадаш, Пајд, Сад, Пақұ.

Имена животныхъ: e) Имена собакъ: Дамщ, Хтвш, Уарбан (=гдѣ ты?), Цхул, Қуләј, Джүдүл, Мұра, Хрфә (такъ обыкновенно называютъ собакъ съ обрѣзанными ушами).

f) Имена коровъ: Хецш, Нанұ, Гдагw, Рқұ, Цақа; Тан (имя быка).

g) Имена лошадей: Қуз (встрѣчается также какъ муж. имя), Цугұна, Күнча, Ково, Рапка, Гугмаф, Бәпша (мингр.), Хұча.

h) Имена кошекъ: Мазлө, Дәодона, Дөчки, Неисән (тат.=что ты?), Мороріна.

2. Минрельскія имена¹⁾ и названія.

а) Этническія названія.

мәргалі мн. мәргалеці мин- грелець	’имереј мн. ’имереці ²⁾ имере- тинь
Самәргало } Одіші } Мингрелія	’имереці Имеретія қорту мн. қортуеці грузинь

¹⁾ Собранны мною въ сел. Сергіеты, главнымъ образомъ со словъ уч. V гимназіи въ Тифлисѣ Василія Чахава.

²⁾ Также: ’имерелі, ’имерелеці.

3. Дагестанскія имена.

а) Немагометанскія мужскія¹⁾. (Сел. Ахвахъ, Анд. Койсу): Кумаші, Бајракулау, 'Он'кочі, 'Омаші, Каралау, Қуанша, Малачі, 'Амачі, Тузлау, 'Аліто, 'Імато, Бако, Бо'чокілау, Коса'кі, Лу'ахер, Ашверді, Ц'енау, Імалат, Чані, Бекі, Ц'ебелау, Зума, Јбі, Гугачі, Камбај, Ав'ла, Ав'ато, Ч'ахі, Ва'ч'ито, Та'арула, За'а'кіла, Ан'дејхо, Ханто, Сума'һа'пі (حاجی?), Қам'ічоло, І'чіріла, Ц'ах'ала, Шан'ті, На'з'оші (=чоушъ, крикунъ по-аварски), Ма'чірі, Ц'е'но, 'Ав'уачу, Су'ті, Ба'тіхан, Ух'арау.

Сел. Куанада: Ангуто, Бу'ар, Қам'ічулоу, Занто, Зан'ці, Кіс'али, І'пан'қалау, Му'к'у, Ма'ко, Бас'кан, Кес'елі, Камачару, Қерт'ібахару, Гелега, Багалау, К'у'а'һач, Рі'г'у'а'ч, Кір'ду, 'Ач'ут, 'Ант'ул, Та'но, Ган'аду, Муч'ух, Гар'глау (=Герогій?).

Сел. Тинди: Қама'а, Му'кута, Ехун, Дінга, Та'һачо, Тал'ла'чі, Ту'ролау.

б) Немагометанскія женскія: Селеніе Ахвахъ: Ма'ғали. Ы'ало, За'да, За'біга, Ше'те, Кі'ңілај, Қ'ал'о, Кок'ола, Ц'еро, Мазу, 'Е'ј'чо, Му'қ'у'кура, Бар'і'чо, Здура, І'лах'о.

Сел. Куанада: Пу'бу (Побо), Ба'т'ат, Зал'м'у, Дуд'ук, 'Ач'у'ј, 'Ач'у'аруј, Хан'лару'ј, Қ'у'а'һалару'ј, Кіс'таман²⁾, Хан'і'қа³⁾, Канд'улај.

Сел. Тинди: Ы'убала, Шубала, Ат'ата, Ба'тічуј, Ц'а'хара.

---

¹⁾ Собраны мною изъ официальныхъ документовъ при мечетяхъ; прочтаны они мною тогдашнимъ помощникомъ Могамедомъ Могамедхановымъ изъ Арчи, который ихъ провѣрялъ съ туземцами.

²⁾ Встрѣчается, по словамъ М. М., также у лаковъ и агуловъ. Агулы видятъ въ немъ татарскія слова: *quz* таман—готово, кончено съ дѣвочками. Даютъ это имя предполагаемой послѣдней дочери въ семьяхъ, гдѣ есть уже много дочерей.

³⁾ Лаковое ханіча (М. М.).

Матеріалы къ изученію языка и быта абхазцевъ.

Въ 1911 году я поѣхалъ въ Абхазію, точнѣе въ окрестности Сухума и Гудаута, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ бытомъ и языкомъ абхазцевъ. Моей главной цѣлью было изученіе произношенія абхазскаго языка. Путно мнѣ удалось собрать матеріалъ, хотя скудный, для будущаго словаря этого языка, и нѣсколько свѣдѣній о древней мифологіи абхазцевъ, главнымъ образомъ, ея связи съ охотничьимъ бытомъ. Мой кунакъ въ Бакмаринѣ (близъ Сухума), старикъ Шакрбай, сообщилъ интересныя подробности о нравахъ и обычаяхъ абхазскихъ охотниковъ, а старшій сынъ его, Гриша, съ неутомимымъ терпѣніемъ ввелъ меня въ тайны абхазскаго произношенія и сообщилъ немало словъ, преимущественно названія растений, которыя онъ, будучи садовникомъ, очень хорошо знаетъ.

Читатели „Сборника“, конечно, знаютъ, что абхазскимъ языкомъ занимались только два изслѣдователя, Розенъ и Усларъ. Работа послѣдняго показала также въ нѣмецкой обработкѣ Шифнера. Но ни описаніе Услара, ни описаніе Шифнера не можетъ намъ дать ясное представленіе о звукахъ абхазскаго языка. То, что Усларъ говоритъ, напримѣръ, относительно τ , $\check{\tau}$ и ϕ , прямо не точно: τ и $\check{\tau}$ отнюдь не *media* и *tenuis* одного основнаго звука, а ϕ совсѣмъ не промежуточный звукъ между *e* во франц. словѣ *le* и франц. *u* (υ). Шифнеръ повторилъ просто указанія Услара; тамъ, гдѣ онъ даетъ собственныя наблюденія, они не точны. Такъ, напримѣръ, лабиализацію извѣстныхъ абхазскихъ звуковъ нельзя объяснить какъ при-

мѣсь *послѣдующаго* за основнымъ звукомъ элемента у или w (die Erscheinung eines nachtönenden u oder w).

Мнѣ удалось научиться правильному произношенію слѣдующихъ звуковъ абхазскаго языка (кромѣ тѣхъ, произношеніе которыхъ не представляетъ никакого затрудненія знатоку кавказскихъ языковъ): д, ж, ж̣, џ, һ, т, т̣, ц, ц̣, ґ, ґ̣, ш̣ (ш, ш̣); со звуками ґ, х̣, ҟ (т) (по Усларовской транскрипціи), принадлежащими исключительно бзыбскому нарѣчію, я еще не могъ познакомиться. Прибавлю, впрочемъ, что „Абхазская азбука“, изданная Кавказскимъ учебнымъ округомъ, не знаетъ Усларовскихъ звуковъ ґ, х̣, ҟ, ҟ̣¹⁾.

Перейду теперь къ описанію отдѣльныхъ звуковъ по очереди.

д. Языкъ устанавливается для произношенія буквы д. Въ то же самое время губы переходятъ въ положеніе, нужное для произношенія б, т. е. верхній край нижней губы прикасается къ заднему краю верхней губы. При произношеніи д *одновременно* языкъ произноситъ д, между тѣмъ какъ нижняя губа отбрасываетъ верхнюю и производитъ такимъ образомъ звукъ, который по своему акустическому эффекту подходитъ къ дрожательному б. Это дрожательное б подходитъ, впрочемъ, къ звуку, который часто производятъ туземцы, чтобы останавливать или успокаивать лошадей, и который производится губами; только въ буквѣ д онъ гораздо тоньше и нѣжнѣе.

жк. Для произношенія этого звука языкъ не принимаетъ положенія, нужнаго для произношенія звука ж, т. е. онъ не поднимается къ нѣбу, а его кончикъ прикасается къ нижнимъ зубамъ. Можетъ однако быть, что

---

¹⁾ Тамъ же, на стр. 13 въ образцахъ письма пропущена буква ҟ.

бока средней части языка немного приподняты. Нижняя губа высовывается немного. Щель между зубами довольно узкая. При такомъ положеніи губъ, языка и зубовъ выпускается воздухъ наружу, такъ что онъ направляется не горизонтально, а скорѣе къ кончику носа. Это и есть ж.

ж. При произношеніи этого звука, передняя часть спинки языка прикасается къ альвеоламъ (гдѣ она производитъ звукъ ж). Нижняя губа не высовывается, какъ при произношеніи ж, а расширяется скорѣе и прижимается довольно плотно и плоско къ нижнимъ зубамъ. Щель между зубами немного уже, чѣмъ при произношеніи ж. Воздухъ выходитъ наружу черезъ верхніе зубы горизонтально; онъ соприкасается у моего информатора только съ нижнимъ краемъ усовъ¹⁾.

з есть дз, которое сопровождается губнымъ элементомъ, т. е. передній край нижней губы суется подъ задній край верхней губы.

н. Губы принимаютъ слѣдующее положеніе: нижняя губа высовывается немного дальше верхней. При такомъ положеніи губъ произносится звукъ между европейск. (нѣмецкимъ) h и арабск. ح, но ближе къ послѣднему. Воздухъ выходитъ такимъ образомъ наружу, проходя черезъ край нижней губы, которая отбрасываетъ его и направляетъ немного наверхъ, къ кончику носа. Трение воздуха по губамъ производитъ тутъ, какъ и въ другихъ лабиализированныхъ звукахъ, губной элементъ, сопровождающій основной звукъ (не слѣдующій за нимъ).

т и ѣ. Оба звука „изображаются приблизительно черезъ

---

¹⁾ У самураканцевъ ж не отличается отъ ж. Они говорятъ, что „бзыбцы играютъ на губахъ“.

тп“... media и tenuis этого звука ощутительны для слуха; послѣдняя изображается черезъ *т̣*. Такъ говорить Усларъ. Но это не точно: *т* есть aspirata, между тѣмъ какъ губной элементъ *т̣* сопровождается твердою рекурсіей (Kehlkopfverschluss), такъ что можно изображать ихъ черезъ *тц* и *т̣ц̣*. Они производятся аналогично *д*. Языкъ устанавливается для произношенія *т*; верхній край нижней губы прилагается къ задней части верхней губы. Оба органа, т. е. губы и языкъ одновременно дѣйствуютъ, языкъ отбрасывается отъ десень, и нижняя губа отбрасываетъ верхнюю, придавая ей дрожательное движеніе. Но количество воздуха, explodingаго при произношеніи, не одинаково. При произношеніи *т* (*тц*!) сообщеніе между легкими и полостью рта не прервано, какъ вообще у аспирированныхъ, между тѣмъ какъ при произношеніи *т̣* (*т̣ц̣*) explodingуетъ только то незначительное количество воздуха, которое находится во рту. Простой опытъ доказываетъ это. Если поставить передъ ртомъ зажженную свѣчу, то она не потухнетъ отъ производимаго звукомъ *ц* придыханія, но только немного вздрогнетъ при произношеніи *ц̣*. Точно такъ же свѣча реагируетъ на звуки *т* и *т̣*.

Подобно *т* и *т̣*, также *ц* и *ц̣* отнюдь не media и tenuis, но элементъ *ц* въ первомъ звукѣ *ц* безъ прерванія дыхательной струи, а въ *ц̣* мы имѣемъ наше кавказское *ц̣* (груз. *ჭ*, арм. *ժ*), т. е. звукъ съ рекурсіей. Губной элементъ производится при слѣдующемъ положеніи губъ: нижняя и верхняя губы образуютъ довольно узкую щель, при чемъ нижняя прилегаетъ плотнѣе къ нижнимъ зубамъ, и ея углы вытягиваются немного въ сторону. Губной элементъ въ *ц* и *ц̣* скорѣе похожъ на свистъ.

Такое же отношеніе существуетъ между *ч* и *ч̣*. Артикуляціонный базисъ *ч* лежитъ выше, чѣмъ арт. баз. буквы *ч*. Я лично произношу его на мѣстѣ, гдѣ десны переходятъ въ твердое небо, при чемъ та часть передняго языка, которая дотрагивается до неба, немного больше, чѣмъ при произношеніи *ч*. Можно также двинуть языкъ на нѣсколько миллиметровъ дальше назадъ. Реакція свѣчи показываетъ, что *ч̣* дѣйствительно сопровождается рекурсіей, такъ что *ч̣:ч̣=ч:ч̣*.

ш. Разница между *ш* и *ш̣* въ томъ, что *ш̣* произносится не кончикомъ языка, но той областью этого органа, которая лежитъ немного дальше позади (у меня приблизительно отъ $\frac{1}{2}$ сант.— $\frac{3}{4}$ сант., считая съ кончика), при чемъ *ш̣* производится на томъ же самомъ мѣстѣ десенъ, какъ и *ш*.

ш и *ш̣* я еще не въ состояніи производить безошибочно и поэтому и не могу описать ихъ. Они глухіе свисты. Въ работѣ Услара они изображаются черезъ *шв*. Это, по моему, акустическій обманъ, потому что для произношенія разныхъ *ш* языкъ долженъ касаться или десенъ верхнихъ зубовъ или неба. Но при произношеніи *ш̣* языкъ лежитъ спокойно во рту, а кончикъ его за нижними зубами. Между этими послѣдними и верхними образуется узкая щель, губы принимаютъ характерное положеніе, какъ при *ц*. Воздухъ пропускается наружу черезъ щель между верхними и нижними зубами, между тѣмъ какъ при настоящемъ свистѣ онъ пропускается между одними верхними зубами и его треніе о послѣдніе и есть свистъ. (Ср. главу о произношеніи въ работѣ объ убухскомъ языкѣ).

Абхазскія слова.

Примѣчанія: 1) Слова поставлены въ [ ] такія, при записи которыхъ я замѣтилъ отступленія отъ принятаго правописанія. 2) Въ ( ) поставлены слова, представляющія собою вариантъ Усларовскихъ. 3) (о. я.)=охотничій языкъ. Въ скобкахъ прибавлены обыкновенныя слова. 4) Вывоски въ цифрахъ относятся къ замѣчаніямъ въ концѣ списка словъ. 5) Звѣздочкой обозначены слова, находящіяся у Услара, но къ которымъ я прибавляю производныя. 6) Среди приведенныхъ мною словъ, конечно, много составныхъ, но я пока не въ состояніи анализировать ихъ.

А.

абазех, мн. абазѣхкѣа абазехъ.

Ажѣпша, Ажѣцша (Жѣпша?)
имя покровителя дичи и охотниковъ ¹⁾.

аварцѣа аварцы.

Б.

баѣур, абаѣур воробей.

бгѣрумц, абгѣрумц изв. видъ жука (красный, съ мягкими крыльями).

бѣаб, абѣаб туръ, абѣаѣма самка тура *).

бжерца, абжерца назв. растенія (какого?).

бна, абна слива.

*бна лѣсъ: абнараѣана дикая мята; абнаѣ дикій быкъ (зубръ?); абвнѣа дикая свинья.

бузга веселая пѣсня.

[бвзкатаѣара, абвзкатаѣара] паувъ. Усл. абвзкатаѣар.

бвста, абвста ваша изъ прося или кукурузы, назыв. въ Мингрелии и Абхазіи мамалыгой.

*бшѣа берегъ; также: абшѣа.

*) Дѣйствительно ли самка?

Ө.

өзү, аөзү слюна.
өнтүлаһа ficus carica, ин-
жирь.

Г.

гара; агара люлька, колы-
бель.
гвхаа, агвхаа убыхъ (сомни-
тельно).
гулшап, агулшап сказочное
животное *).
гуачқуа, агуачқуа (о. я.)
название младшихъ охот-
никовъ.

Гуртлан, Агуртлан Мингре-
лия **).

гуvhцү, агуvhцү грудь (ср.
гу сердце).

Б.

бу доска.
бү, абү мужской половой
членъ; абүргүү шулята
(дословно: члена яйца).

Д.

да, адә жила (Ader).
дама, адама персикъ (груз.
აჭაბო).

дамүб, адамүб тавро, клеймо
(тат. дабма, дамба).

дапра, адапра лавровая роща
(изъ греч. яз.?)

дрганцхуа, адрганцхуа тря-
согузка (?), груз. მზესკვლა
(дословно: сковороды
хвостъ) ***)

* дүу: адүү, адоү также: ве-
ликанъ.

Д.

дүрбга, адүрбга шакаль.

Ж.

жхуага, ажхуага пестъ.

* жү, ажү тбло, см. также
[хацүц].

*) Имѣть только одинъ глазъ на лбу. Г. Ш. перевелъ: кроко-
дилъ. Это названіе напоминаетъ „вишаны“ армянскаго народн. эпоса,
рыбу-чудовище. (Ср. Марръ. Кавказъ и памятники духовной культуры,
стр. 77).

**) Элементъ глан встрѣчается еще въ словѣ: Акүртлан Гру-
зія; у Услара встрѣчается: агруа мингрельцы, акүртуа грузины.

***) Такъ объяснилъ Г. Ш.

Ц.

*цабаа трудный; ацабаа трудъ, ацабаара трудность.

цамцаз, ацамцаз жирная трава (раст.).

*цѣва соль; ацѣатра солонка.

цвнцухуа, ацвнцухуа конфетъ (въ родѣ груз. чурчхело).

цух, ацух вьюга, холодная погода съ дождемъ и снѣгомъ.

Ж.

*ж, ажла также: родъ.

жанѣуа, ажанѣуа сванъ.

Ж̣.

*ж̣ корова; аж̣ц̣ѣс ласточка (досл.: коровья птичка); аж̣ц̣ѣ коровій калъ (ср. цѣ).

ж̣га см. ц̣ц̣гн.

З.

зац, азац (о. я.) ружье; въ обыд. яз. ац̣ц̣ац̣.

зах, азахуа черкесь (см. саз).

З.

*зѣ рѣка, азѣх родникъ; азѣх̣̣̣ (азѣх̣̣̣) источникъ (рѣки голова).

заза, азаза роса.

захуа, азахуа виногр. лоза.

зрѣуі, азрѣуі, азѣрѣуі свѣтлякъ²).

п.

папша, апапша винный бѣвшинъ.

пгуаж, апгуаж назв. растенія (какого?).

п̣.

п̣, ап̣ задница.

*па: с̣х̣в̣с̣п̣уе̣ѣт чешусь гребешкомъ(!)

*па свинья: ап̣аца кабанъ; ап̣аца (о. я.) бурка (досл.: свиньи кожа).

*п̣в̣; поправъ у Услара: ап̣в̣р̣та (не ап̣в̣р̣та) пастбище, ап̣в̣п̣р̣та пастбище для лошадей (не ап̣в̣п̣р̣та), арахурв̣ п̣в̣р̣та (не п̣в̣р̣та).

п̣в̣ама, ап̣в̣ама [ап̣в̣ама] ромашка.

I.

іма, ајма чевякъ.
іңцүш, ајңцүш, ејңцүш яще-
рица.

J.

јаһуа, ајаһуа [ајаһуа] ви-
ноградные тиски.
јаџа, ајаџа 1) икра (Wade),
2) звѣзда *).
једіг, аједігқа чеченець
(ср. чечен).
Јергі, Ајергі названіе боже-
ства(?)³⁾; ајергіџа пѣсня
въ честь Ајергі, чтобы
прекратить грозу.
јеш, ајеш бѣлка **).

K.

казуқ, аказуқ матка (uterus).
какан, акакан орѣхъ.
валат, авалат большая кор-
зина (груз. ვალათი).
камлаһа, акамлаһа [акам-
лаһа] форель (груз. კამ-
დაბი).
камрш(ш)а, акамрша улитка.
каца, акаца клопъ; акаца-
хур барбарисъ.

куа, акуа черепаха (груз. .
კუა).

куапеј, акуапеј большая
ложка (разливательная) ***).

куац, акуац мясо.

куву, акуву кукушка.

курбѣ, акурбѣ комаръ.

*кутв: кутврбга, авутврбга
шакаль (досл.: куриный
шакаль). Ср. дурбга.

Куртлан, Акуртлан Грузія.

K.

қаламүш, ақаламүш кисель.
қаш, ақаш каша изъ риса
и молока (русск. сл.).

қј, ақј женск. половой
членъ.

қурт, ақуртқа курдь.

L.

*лаб: лабаша, алабаша гор-
ная палка (съ желѣзнымъ
оконечникомъ).

лаз, алазқау лазъ.

лаһа, алаһа инжиръ, вин-
ная ягода, алаһаш ficus
alba.

ламц, аламц собачья муха.

*) По Услару звѣзда јаџ, ајаџ.

** У Услара бѣлка называется аццза, но это слово означаетъ „ласка“ (Wiesel) (Г. Ш.).

***) Можеть-быть, относится въ куа черепаха.

помадур, апомадур помидоръ.
пqvз, апqvз камышь (?)
пслап, апслап серна.

Ц.

ца, аца (о. я.) гоми, просо;
ацажа iуv (о. я.) свари
мамалыгу.

царча см. ха.

цслвш, апцслвш ива.

цх, апцхzv потъ *).

цудкwaу (о. я.) дикій ка-
банъ (дословно: длинная
морда).

*ццv, апццv усь; также:
ацаца.

*цvнц носъ, апvнцаqv сопля.

Ч.

чаб, ачаб тыква.

чабақ, ачабақ тыква.

чабардаа кабардинецъ.

чарач, ачарачqуа карачаевецъ.

чаттиqад (ономат.) крикъ пе-
решелки.

чауар, ачауар гонтъ, дра-
пица, ср. груз. უაზარი,
უაზრული.

чv, аqv калъ, ажqv коровій
калъ.

Р.

[раfана] араfана мята.

раса, араса мелкій орѣхъ.

*рахw (раху) скотъ, арахw
рvмса млечный путь (до-
словно: дорога скота въ
горы).

рбеф, арбеф пѣтухъ.

рдvна, ардvна дроздь **).

рха, арха долина.

рvца, арvца легкiя.

С.

саз, асазqуа червесь, ср.
зах и черqес.

саранц, асаранц сота съ
медомъ.

сас, асас гость.

сламqур, асламqур дикiй кле-
веръ.

сvзбал, асvзбал варенiе изъ
алычи съ лукомъ.

Т.

[таhтèj] атаhтèj футляръ для
ружья.

тапрцанлаha, атапрцанлаha
инжиръ, винная ягода
(изв. видъ).

трек, атрвца туроеъ.

*) зv, азv вода: цх сравни съ груз. თუ-ლი ор-li, удив.
ап, тул. (бацкое) доцх потъ.

**) Или: арvна?

хіж, ахіж сойба *).
хоача (хуача) ахуа́ча мо-
врица.

хопшка, ахопшка (о. я.)
куница (обычн. яз. ацүб)
дословно: мягкошерстая;
ахопшка лумһаеҗац (о.
я.) (досл.: длинноухій и
мягкошерстый) заяць.

хцстарра, ахцстарра(?) склонъ
горы.

*ху раненый, ахурбѣц назв.
растенія (досл.: листь для
раненыхъ).

хуаѣра, ахуаѣра рододендр.
роща.

хуар, ахуар *viburnum opulus*
(ср. түц).

хуац, ахуац божья коровка.

хуаца, ахуаца крапива.

хул, ахул брюква(?)

хулце ца вечерняя звѣзда.

хурма, ахурма хурма.

хш, ахш ястребъ (коршунъ?);

ахшуба ястребъ.

хшүф, ахшүф мозгъ.

Ц.

*цгуа котъ; цгухш названіе

*) Или: ахүж?

**) Можетъ-быть изъ турецкаго.

***) Ср. тат. беяз аҗац.

****) бжа половина.

растенія (досл.: кошачье
молоко).

цігар (позаймств. слово **):

ацігарцаца папироса (до-
словно: готовая папир.).

цуфара, ацуфара загадка.

цүб, ацүб куница (срав.
хопшка).

Ц̇.

цаша, ацаша дикая че-
решня.

Ц̈.

цејц, ацејц володець.

*цла дерево: цларкув, ац-
ларкув дятель, ацлашквуа-
куа тополь (досл.: бѣлое
дерево) ***).

цохуа, ацохуа хвостъ.

*цх ночь: ацхубжа пол-
ночь ****).

цүслаһа см. *Цүс.

Ц̌.

*Цүс [цүс] ацүслаһа дикій
инжиръ (досл.: птичий
инжиръ).

Ц.

цапш, ацапш (о. я.) огонь
(обыкн. яз. мца).

*цартà тюфякъ, ацартабұ
тахта (ср. бу).

цеб, ацеб быкъ.

цласампур, ацласампур
вротъ *).

цмата, ацмата соха.

цмна, ацмна соска.

цмса, цумса, ац(у)мса труть.

цмвш, ацмвш (о. я.) стар-
шие охотники.

цвц, ацвц стружки.

Ц̣.

ц̣ерад, ац̣ерад усачь (груз.
წვერად).

*ц̣у, уац̣у завтра; уац̣аштах̣
послѣ завтра.

Ч.

чамна, ачамна клень.

чаца см. ха.

чачан, ачачанџа цыганъ.

черџес черџесъ (новое слово?)

черхун, ачерхун малина.

чечен, ачеченџа чеченецъ
(новое слово; ср. једіг).

чхура, ачхура моча.

Ч̣.

ч̣апан, ач̣апан пупъ.

ч̣архал, ач̣архал рѣпа.

ч̣ахшн, ач̣ахшн полотноце
для лица (ср. амбахшн).

ч̣іч̣іга, ач̣іч̣іга инструментъ
для обработки сѣменъ
хлопва.

ч̣укба, ач̣укба дубоносъ.

ч̣ув̣ (ономат.) голосъ птицы
ач̣укба.

Ч̣̣.

*ч̣̣у лошадь: ч̣̣уц жеребе-
носъ **).

Ш.

шабста, ашабста косуля,
лань (ср. шафаџа).

шацсуб, шацсубџа шалсугъ.

[шаџаџ] (о. я.) медвѣдь
(об. яз. мщ) ***).

[шаџаџа] (о. я.) лошадь
(об. яз. чв).

*) Дословно, прибл.: „разрушитель земли, почвы“.

**) Ч̣у одно изъ словъ, связывающихъ абхазскій языкъ съ даге-
скими: авар. чу конь.

***) Сравни съ: таб. ше̣, уд. шуге, арч. хамс, вюр. сев, рут-
сі, джек. сувар, буд. сор, хан. чар.

шербага, ашербага (о. я.)
чевякъ (об. яз. іма).

шларқунт, ашларқунт каша
изъ проса (гоми) съ ма-
сломя.

шхарац, ашхарац сморо-
дина.

шца, ашца назв. растенія.

*шша, также: жиръ.

шувардүн, ашувардүн соколъ
(гр. შვარდუნი).

швцацв, ашвцацв обувь.

Ш.

шаша(қа), ашаша(қа) (о.
я.) косуля, лань.

*шха пчела: ашхарқут юрокъ, вртүнц балаганъ (врем. стойка
въюрокъ*); ашхатра улей. для пастуховъ).

Щ.

ща, аща пѣсня, Ажерг аща
пѣсня въ честь Ажерг'а.

щцо, ащцо амулетъ⁸⁾.

щвоа, ащвоа лыжа^{**}); ащвц
иней.

Щ.

[щак], ащак ружье^{***}).

щамах, ащамах армя-
нинъ^{****}).

щарах, ащарах (о. я.) дичь.

*щт, ащт цвѣтокъ, также:
роза.

V.

ЗАМѢЧАНІЯ.

1) Ажецша—миѳологическое существо, которому, по
вѣрованіямъ абхазцевъ, поручено Богомъ пасти дичь. Безъ

*) Кушаетъ пчель.

***) У Услара есть асч снѣгъ; звукъ с существуетъ только въ
бамбскомъ нарѣчїи; не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ вариантомъ этого
сч, именно щч?—Абх. лыжа состоитъ, какъ вообще кавк. лыжа, изъ
деревяннаго кольца съ сѣткой.

****) Абх. азбука: ащакј. (Тамъ же на 11 стр. ошибочно написано
ашакј).

*****) Восходить, очевидно, къ древней формѣ ново-груз. სმარბო со-
мехі, можетъ-быть *счццрбс.

его, Ажецша¹⁾, разрѣшенія никто не можетъ убить дичи. Впрочемъ, онъ допускаетъ убіеніе только тѣхъ звѣрей, которыхъ онъ самъ уже съѣлъ и ожилъ послѣ.

На бѣлыхъ звѣрей нельзя охотиться. Бѣлая звѣри— пастухи Ажецша, которымъ поручено беречь другихъ звѣрей и пасти ихъ. По словамъ Шакрбая, случилось разъ, что одинъ изъ товарищей выстрѣлилъ въ бѣлую серну. Съ момента выстрѣла охотникамъ ужъ не везло. Они встрѣчали много дичи, но стрѣляли безрезультатно. Во время сна охотникъ, который выстрѣлилъ въ бѣлую серну, видѣлъ незнакомаго человѣка, который сказалъ ему: „Возьмите свои вещи и отправляйтесь домой; все равно ничего не убьете“.

Успѣхъ охоты всецѣло зависитъ отъ А. Охотники обращаются съ пѣснями къ нему, чтобы умолить его отпустить имъ хорошую добычу изъ его стада. Я записалъ одну такую пѣсню со словъ Шакрбая. Переводъ ея очень труденъ; по мѣстамъ не вполне ясенъ.

О, золото, Ажецша,
Четырнадцать-именной Ажецша,
Кто пожелалъ пятнадцать, шестнадцать (звѣрей),
Чтобы мы впереди ихъ были.

О, золото, Ажецша,
На возвышенностяхъ поющій!
Голыя лоцины
Полны твоей дичью (букв. мясомъ).

Демона дочка (есть)
Сноха Ажецша;
Чернаго ворона
Онъ рыжимъ сдѣлалъ.

---

¹⁾ Настоящее названіе, вѣроятно, Зжецша.

Зааданъ ¹⁾ переполненъ оленями
Со своими самками;
(Гора) Чилывера ²⁾ полна турами,
Старыми турами.

Коли старые (туры намъ должны попадаться),
(То дай) пятнадцать, шестнадцать!
Ежели олени,
(То дай) пятнадцать, шестнадцать!
Но если мелкую дичь (хочешь дать),
То (дай) десятками!

Убивъ звѣря, охотникъ поетъ пѣсню въ честь Ажец-
ше въ родѣ слѣдующей:

Ажецша, единый!
Кто это (ты, который) (животное) намъ подалъ,
Пусть и дальше подаетъ.
Подай намъ, просимъ тебя!

Съ убитаго звѣря немедленно сдираютъ кожу, жарятъ сердце и легкія(?) и кушаютъ на мѣстѣ же. Старшій охотникъ беретъ упомянутыя части, приговаривая: „О, Ажецша, кто это убилъ, чтобы ему лучшее далось другой разъ. Аминь!“ Потомъ онъ долженъ отрѣзать кусочекъ и подать тому, кто убилъ; другіе охотники тоже кушаютъ. Если изъ партіи охотниковъ нѣкоторые остались въ „балаганѣ“ (временное помѣщеніе для пастуховъ), то они не должны ссориться: иначе ихъ товарищи останутся безъ добычи.

Вполнѣ естественно, что абхазцы рассказываютъ много о приключеніяхъ охотниковъ съ Ажецша. Такъ, напр., одинъ охотникъ, заблудившись въ дорогѣ, переночевалъ гдѣ-то въ пещерѣ. Тамъ онъ встрѣтилъ незнакомыхъ ему

¹⁾ Названіе известнаго ущелья.

²⁾ Названіе горы.

людей, которые его радостно приняли и сжарили кабана въ честь его. Предложили ему ляжку. Съѣвъ маленькій кусочекъ, онъ уже сталъ сытъ. Другіе (это были А. съ семейю) завернули оставшееся мясо кабана въ кожу послѣдняго, А. ударилъ по немъ, кабанъ ожилъ и убѣжалъ. Возвращаясь домой, нашъ охотникъ натенулся на кабана, убилъ его и сталъ ѣсть его. Въ одной изъ ляжекъ звѣря онъ нашель тотъ же самый ножъ, который наканунѣ Ажецша забылъ вынуть, когда онъ оживилъ кабана ¹⁾).

Другая сказка говоритъ, что одинъ абхазецъ, великій охотникъ, встрѣтилъ разъ рыжаго человѣка (именно А.). Тотъ далъ ему ложку чего-то сладкаго; послѣ второй ложки нашъ охотникъ уже былъ совершенно сытъ. Ажецша отпустилъ его, пожелавъ ему убить столько дичи, сколько родится въ два года. (Впрочемъ, ср. мою статью „Боже-ства охоты и охотничій языкъ у кавказцевъ“).

2) Говорятъ дѣтямъ, что надо сунуть свѣтляковъ въ коровій калъ, чтобы они превратились въ четки.

3) Ажергі тотъ, который стрѣляетъ на небѣ во время грозы (громъ). Поютъ пѣсню въ его честь, назв. ажергіѣа (=пѣсня Ажергі). По другой версіи не Ажергі, а самъ Афѵ стрѣляетъ. Ажергі соединяется съ нимъ. Если двое встрѣчаются по дорогѣ, изъ которыхъ одинъ отправляется на охоту, то другой благословляетъ его со словами: Ажерг цхѣща бзла уѣтаитъ чтобы Ажергъ тебѣ хорошую дичь подалъ. Значитъ Ажерг замѣняетъ иногда Ажецша.

4) Такая примѣта, напр., слѣдующая: Когда брови или верхняя губа чешутся, то это значитъ, что скоро найдутъ искомое.

5) Анаагунда—покровительница пчелъ. Разъ въ годъ готовятъ „хачапури“ (лепешки съ сыромъ), одинъ изъ ста-

---

¹⁾ Подобную осетинскую сказку см. у Миллера.

риковъ благословляетъ пчелъ, зажигаетъ свѣчку и просить А., чтобъ она размножила пчелъ.

6) Анапкулца что-то въ родѣ Incubus'a. Онъ имѣетъ въ одной рукѣ большую дыру. Онъ живетъ въ домѣ и давить людей во время сна.

7) Ахааца готовится съ помощью свинцоваго шара, который за ночь владутъ въ кипяченое молоко.

8) Одинъ изъ такихъ амулетовъ состоялъ изъ 4 кожаныхъ мѣшечковъ, одинъ больше другого, нанизанныхъ на шнурокъ вмѣстѣ съ половиной раковины *Kauri*. Амулеты находятся въ употребленіи для разныхъ цѣлей; вѣшаютъ таковыя на шею лошадей при бѣгахъ, на ружья и т. д.

ЗАМѢТКА О ТАТУИРОВКѢ ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

Въ 1904 году я видѣлъ въ Дагестанѣ татуированныхъ женщинъ; одну въ сел. Ходжалмахи, которая имѣла между бровями четыре синихъ пункта, такъ . . . и одинъ на подбородкѣ. Къ сожалѣнію, она не хотѣла ничего сообщить мнѣ насчетъ этого обычая. Интереснѣе были татуировки нѣкоторыхъ женщинъ изъ сел. Вихуль, которыхъ я видѣлъ на базарѣ въ Кумухѣ. Одна изъ нихъ носила на лбу изображенный здѣсь рисунокъ $\nabla \downarrow$. Мнѣ тогда говорили, что въ упомянутомъ селеніи (Вихуль, Вихли, Казикумухскаго окр., Вицхинскаго уч.) всѣ женщины татуированы. Правда ли это? Кто можетъ сообщить подробности, за которыя я буду очень благодаренъ?

Впрочемъ, по словамъ жителя аула Михикъ (Самурскаго окр.) Молла Али Рамазанъ-оглы, цахурскія женщины

имѣють татуировку на груди и въ области сосковъ. Кажется, что послѣдніе окружены кольцеобразной татуировкой. Какъ сообщилъ мнѣ Молла Али, раньше татуировали также лицо, но этотъ обычай уже оставленъ.

Д-ръ *А. М. Дирръ.*

зим сѣзо јішпр шифезаѣм фізес абм бѣсѣсим бѣбзарі
когда, тогда своѣ лошади рогатку на надѣль и въ кунацкую вошедши
шет кнѣ бѣтним јігур језезѣхао тевоѣѣас. Јадер
на стулѣ диннимъ, стоящій своєю грудью внизъ легъ. Его отецъ
бѣсѣсим кнѣсѣбѣжним, сѣзо јехуѣѣ-бѣке змѣ жи-'акѣм.
въ кунацкую вошелъ тогда, тогда, спросивъ кнѣ, ничего сказалъ не.

Јетане адрѣј бѣліто јі-бусам бѣхуѣѣсим сѣзо
Потомъ другіе юношей двое, сущіе товарищами, спросили когда, тогда
анходо бѣсѣжпр мѣрас: „Техумекѣнним јѣвним ходор
такимъ сущій (отъ) этого есть: „Зайца его кровь подобна
јѣнеко, бѣсѣми ходо јѣсѣфо фѣв сѣмѣврот хунокѣм!“
ея лицомъ, снѣгу подобный ея тѣломъ жѣму не найти нѣльзя!“

жѣ'ас. „Јѣнѣ нар гур?“ жѣ'арі пѣм куажежѣмѣ шу
сказалъ. „Развѣ это трудно?“ сказавъ князь не аулакъ веркомъ

јѣвѣкуѣс хуѣѣсѣко, анходо пѣсѣсѣ здѣсѣнар зерѣѣсѣено. Зѣм
равослѣлъ спросить, такая дѣвѣна гдѣ сущая (чтобы) узнать. Однѣ

пгу-гор зѣм куажѣ јѣко жѣвоѣ зѣм-куажѣ жѣ-
верковой камоѣ-то изъ одного аула ѣдучи въ другѣй однѣ аркъ, сѣа-

репет зѣм бѣроѣхо горѣм сѣмѣварум сѣво јѣго-
налъ когда однѣ буйволовъ пастухъ камоѣ-то увидалъ когда, тогда окли-

ху'ас: „Зѣе нѣдѣ кеѣзѣе!“ жѣ'арі. „Сѣе 'оху сѣ'ас!“ жѣ-
кнуж: „Пока сюда вернѣсь-ка!“ сказавъ „Я дѣло анѣм!“ ска-

рѣ блѣжѣно хоѣзаѣ. — „Хѣт јѣѣере сѣврі сѣбѣм сѣ-п-хо-
зѣвъ просѣкѣнѣтъ началъ. — „Кто знающій и я годѣнимъ я для тебѣ

хунѣ кеѣенкѣм: кеѣбѣзерке!“ жѣ'ас бѣраѣхом.
можѣтъ бытъ буду не: ты возвращѣйся же!“ оказалъ буйволовъ пастухъ.

„Ожѣу јѣнѣ хуј-'охо ху-ѣсѣжер?“ жѣ'арі бѣра-
„Зѣчѣмъ ну какоѣ ты дѣло нѣтъ ты скачущій?“ сказавъ буйволовъ на-

хор шум јехуѣѣсѣ. „Сѣе сѣѣсѣжер мѣрас жѣрѣ“ жѣн-
стухъ верковой спросилъ. „Я скачущій за тѣмъ-то сказавъ“ ска-

рѣ'ас ѣм хуѣ јішпр.
залъ зачѣмъ онъ ѣдущій.

„Еј, нажѣхоѣ-'ар мѣбѣм сѣмѣботѣнкам!“ жѣ'ас.
„Эѣ, о чѣмъ говорѣщій ты здѣсь тебѣ найти не!“ онъ сказавъ.

„Јѣнѣ тѣне сѣмѣботѣно?“ жѣ'арі јехуѣѣсѣ. „Нар сѣмѣботѣнѣор
„Ну, гдѣ же ѣм найдемъ?“ сказавъ спросилъ. „Это ты найдемъ

хит-уаѣер рас! нар ззи цыган-горым жі-физо
морями двумя между есть! она одного цыгана какого-то его женой
десе хит-уаѣем! — „Берекет беремн дері дмзхоір
ж. веть морями двумя между!“ — „Берекетъ беремнъ намъ и намъ было
нарас!“ жіарі шур кейожас пемм јадеј. Не-
нужно это есть!“ сказавъ верховой. возвратился князю (въ) нхъ домъ. Ку-
ѣемн ѣежепрі: „мираѣ ззи хмвнхо-горым киз-
нацкую въ вошедши: „вотъ это одинъ буйволъ пастухъ какой-то мнѣ
жі-ар“, жі-арі ја-жрі'ас. Нар зержі-акем
сказавшія“, сказавъ мнѣ разсказаль. Это, онъ сказаль какъ только,
ходо пемѣлер кмзеттисмкіжас: „Ну хух!“ жіарі. Пем-
такъ князь юноша поднялся (и) снова сѣлъ: „Ахъ, ахъ!“ сказавъ. Князь
ѣалер кетеірі, нуанер кмѣтхрі, шим тріѣнері јекурі
юноша вставши, сѣдло вынесши, на лошади онъ положивши взявши
декас. Јеуре коме ѣејме несас хм-т-
поѣхаль. Вивши и ѣдучи и выбиваясь изъ силъ доѣхаль морей двухъ
нуаѣем, несрї осѣе горым декоірі змсмпѣмнм
между до, доѣхавъ курганъ какой-то на взобравшись, осмотрѣлся когда
ѣмзо ззи нунецкѣу гор жіѣеуаѣ. На нунецкѣум
тогда одинъ домъ маленькій какой-то увидаль. Этотъ домикъ въ
жідеј корі јепсмхѣ абі јішпр жіѣахері нуне-
нему къ поѣхавши слѣзъ (съ) нее свою лошадь построеноживши дома-
цкѣум ронецкѣу јаті депѣас. ѣдепѣмн ѣмзо ззи
къ въ дырочки вмѣлись и заглянулъ. Заглянулъ когда, тогда одну
фмзмз цкѣу казхер жіѣехо жіѣеуаѣ. ѣалер ѣѣадері фм-
старуху маленькую гусей пасшую увидѣль. Юноша забѣжавши ста-
змз цкѣум змкрімѣѣаѣо жі бмзм ѣѣѣас. „Ах,
руху маленькую себя онъ увидать не даван ей сосокъ пососаль. „Ай,
смзмзо он ѣе-харзмнер! смѣе нукекѣу мбм? ссе
я горомычная, ты юноша прекрасный! зачѣмъ пріѣхаль сюда? я
каз вејм смхесѣ!“ жі'ас фмзмз-цкѣум. „Јаѣе јекмн-
въ гусиножъ пометѣ я живу!“ сказала старушенка. „Ничего не бу-
кѣм дјане!“ жі'ас ѣалем. „Јинте смт нукмѣкѣуар
детъ наша матъ!“ сказаль юноша. „Если такъ зачѣмъ ты сюда пріѣхавшія
ѣе?“ жіарі кеһуѣѣс нмоз-цкѣур. „Смкмѣкѣуар
юноша?“ сказавъ она спросила старушонка. „Я пріѣхавшія отъ того,

«Ғеҕуар?» жи'ари кеһуиҕас. „Миграҕ сиккиҕеҕуар—миншешная зачѣтъ?“ сказавъ ее спросила. „Вотъ, я пришедшая за та-
ходо: пемҕале сідей кеҕуао јисҕ!“ — „Јинте на
кимъ-то дѣломъ: князью-ноша у меня пріѣхавъ живеть!“ — „Ну этоть
ҕалем һуј һунем јидеј кимреиҕази сі һуне љегу
юноша твоего дома у тамъ онъ начнеть пустъ и моей комнаты половъ
јидеј невуне кимрейт!“ жи'ас. „Фимзацимгур берекет
до столько онъ покопаеть пустъ!“ сказала. „Старушечка берекетъ
берсин: смзхоир һар'ат!“ жи'ари кежездно хојзас. „Миде
берсмыт: мнѣ нужно это было!“ сказавъ уходитъ начала. „Сюда
һуһаһмакыр ззе кизет!“ жи'ари фимзацимгум јіһаһмакыр
твое сумку пока мнѣ дай-ка!“ сказавъ старушечки ея сумку
јіһас; јіхри дмҕере дмзмнре јіз кимҕри кимітри
ее взяла; ее взявши золотомъ и серебромъ и полной сдѣлавши ее отглавши
ки'үтмпемзас. Фимзацимгур кекозс аби ҕалем јидеј
отпустила. Старушечка возвращается нему юношѣ въ свой домъ
кижри'азас жмһуапо кимһар. Јитане ҕалер хојзес аби
разказала отвѣтъ какой принесшая. Потомъ юноша началъ и
јіһас; смнесмм смзо пхембум је-уас; ҕеуом
выкопалъ; дошелъ когда, тогда доскѣ по ей стукнулъ; ударилъ когда
смзо фмзир кимзметрі леннстемке пхембур кимтрикри ҕалер
тогда женщина вскочивши ножницами доску сорвавши и юношу
смзсһас. ҕалер кимресмнем ходо мехас, аһходіз зм-да-
впустила. Юноша вошелъ какъ только такъ обмеръ, столько кра-
хеде фмзир смжазум. „Псм!“ смт жи'амі фм-
соты женщину увидалъ когда. „Воды!“ и еще кое-что сказавшая и жен-
зми ҕалер кимрехузас. На махом фмзми зі-
шина юношу его привела въ чувство. Этоть день въ женщиной съ пре-
не рісас ҕалем. Јитане ҕалер кимҕекмзін хуас; фм-
льбодянтіе сдѣлалъ юноша. Потомъ юноша выйти сталъ; жен-
зми кимриҕезас: „Мы цыганым нмҕ јі'асі мо
щина вернула: „Этоть цыганъ лошадей трехъ имзеть и этоть
тесмм ҕетсі см-ҕарке кеҕі, змшмр кимҕеші,
сарыъ въ стоять такъ, землей подъ выкопай и одну лошадь выведи и
имтеіцмші псдмгиз какуј цыганым „саламалейкум“
сидь и завтра утромъ пріѣжай и нмгану „саламалейкум“

жи кибѣдмѣе .— „Хунѣ“ жи'ари ѣалер ѣекизри јитно
скажи и подѣажай“. — „Хорошо“ сказавъ юноша вышедши копать
хојзѣс. Јиторе жеш хури циганир јифизим јидеј ки-
началь. Копан ночь наставши цыганъ своей жевѣ въ свой домъ вер-
ѣбезѣс. Кис-ѣбезжим физим жєірі: „Пседеј сі-девху
вулся. Вернулся когда женщина ему сказавъ: „Завтра мой братъ
кеѣносі нуш ходе кабзе тесо, кибѣдмѣе
прїдетъ и твоя лошади точно (на) такой сиди, (къ) тебѣ подѣдетъ когда
кеѣблаѣ!“ — „Хунѣ“ жи'ари ѣекизѣс циганир. Псе-
попроси (въ домъ)!“ — „Хорошо“ сказавъ вышелъ (ушелъ) цыганъ. Ут-
дигизим пѣсѣалер кекуѣс циганним јин тејсо.
ромъ князь юноша прїхалъ (пришелъ) цыгана (на) его лошади сиди.
„Селам-алејкум!“ жи'ари циганним кибѣдмѣем: „Нуј хана-
„Селамъ-алејкумъ!“ сказавъ цыгану къ подѣхалъ когда: „Эй, мать
смире мѣр ссе сшмир-рај!“ жи'ари ѣтері пѣсѣм-
моя, эта моя моя лошади есть!“ сказавъ испугавшись конюшню въ
ке кеѣоне кезѣс. Циганир пѣсѣм кесмхунке пѣм-
сторону пойти началъ. Цыганъ конюшню до дошелъ пока князь
ѣалер ѣисѣажимке кажєрі шмир пѣсѣм ѣіѣе-нувезѣс.
юноша землей подѣ посѣкавши лошади конюшню въ поставилъ.
Циганир кеєрі ѣѣѣеме јшмир ѣѣѣс. Јитане
Цыганъ прїѣжавъ посмотрѣлъ когда его лошади стоятъ. Потомъ
циганир јифизим јидеј куѣс. „Смѣѣј јинѣ смѣѣхур
цыганъ своей жевѣ домой пошелъ. „Что-жъ это моего брата
кеѣблеѣакимі?“ жи'ѣс: „Шмир ссе смшмираке см-
(ко мнѣ) ты прїгласилъ не?“ сказала. „Лошади моей лошади я по-
гуѣєрі смѣєєрі кезѣблеѣакимі!“ жи'ѣс. „Нарі зам ѣеј-
думавши я испугавшись я прїгласилъ не!“ сказалъ. „Это одно без-
напєті кезибѣѣс. Ссе жисѣтеке он
чєстѣ есть меня ты заставилъ прїѣсти. Я я говорила не разѣ твою
нујшним зериходєр шмо зштејсѣр: Јішѣрі
лошади на что похожа лошади будучи на которой сидящій. Теперь и
пѣдигизѣ кеѣносі зштејсѣр нујшним
завтра утромъ прїдетъ и на которой будетъ сидящій, твою лошади на
ходе кабзєс, кезѣблаѣ: кеѣмѣблеѣеме смѣсѣжѣм
похожа совсѣмъ есть, прїгласи: ты не попросишь если я буду жить не

ми п'сантем! — „Хунс“ јинте жи'ари циганир кичекиаџс.
этомъ дворъ въ! — „Хорошо“ ну, сказавъ цыганъ вышелъ.

Јитане циганер нуко сисоре џалер какорі кидеџас: „се-
Потомъ цыганъ кузнецомъ сѣда юноша приѣхавши заѣхалъ: „се-

лам-алејкум“ жи'ари. Циганни селами јиримхиџаџо: „мир
ламъ алейкумъ!“ сказавъ. Цыганъ привѣтствовать не могши: „эта

ссе смшир рас!“ жи'ари шесим кеконо хоџаџс. Јитане
моя моя лошадь есть!“ сказавъ конюшню въ побѣжать началъ. Потомъ

пемџалер кејжејри шир џіџехувеџас хар-горо. Цы-
князь юноша обѣжалъ лошадь поставилъ на мѣсто опять. Цы-

ганир шесим џебері џепџеме шир џетџс. Јитане
ганъ конюшню въ войдя посмотрѣлъ когда лошадь стоитъ. Потомъ

циганир јифизим јідеј кекоџас. „Јинте кеџеблеџаким-
цыганъ своей женѣ домой пошелъ. „Ну его пригласилъ

мі!“ — „Кеџеблеџаким џиштраке смгуџері!“ — „Парі
же не!“ — „Я пригласилъ не моя лошадь есть я подумавши не!“ — „Это и

бенепитті кеџеблеџс! . . . . . Песдеі кеконоџс хар нуш
срама два меня ты заставлялъ принести! Завтра приѣдетъ онъ твоя ло-

ходе каџе тесо: којмџеблеџеме ленистеке
шадъ какъ точъ-въ точъ сѣда: ты не пригласишь если ножницами

зислеџинџ!“ — „Хунс, кеџеблеџене“, жи'ари џейџаџс циганир.
я зарѣжусь!“ — „Хорошо, приглашу“, сказавъ вышелъ цыганъ.

Пемџалер какорі циганни јідеј ки-џас „селам-алејкум“
Князь юноша приѣхавши цыгану къ домой подѣхалъ „селамъ-алејкумъ“

жи'ари. „Сит џеџезон: мир ссе смшир-ај“ жи'ари ше-
сказавши. „Что за чудо: эта мое лошадь есть“ сказавъ ко-

омме кеконе кеџаџс. Харгоро џалер кејжејри џіџеху-
нюшню въ пойти пошелъ. Опять юноша обѣжавши поставилъ на

веџас шир. Циганир шесим џебере, џепџеме,
мѣсто лошадь. Цыганъ конюшню въ зашедшій и посмотрѣлъ когда,

јишр џетџс. Циганир јифизим јідеј кекоџас. „Јинте
его лошадь стоитъ. Цыганъ своей женѣ къ домой вернулся. „Ну

кеџеблеџакимі!“ — „Кеџеблеџаким јинте: смшир-аџе
пригласилъ же не!“ — „Ко мнѣ пригласилъ не итаџс: моею лошадью есть

смгуџері зитеспр!“ — „Парі бенепитті кеџеб-
я подумавши на которой сѣдши!“ — „Это и три срама и меня заставлялъ

збѣг! жігі пѣдеј сі-шипху кѣконос ссе еходе кабзо—
принести! теперь завтра моя сестра придетъ на меня похожая точно—
казнѣо физмацѣнум јадеј! Кипкѣваваѣоме кѣи
къ гусей пасудей старушкѣ домој! За тобою пошлеть если пойди и
дѣхе дако зѣбѣде!“ — „Хунѣ“ жері фѣкізѣс цѣганѣмр.
хорошенько почти-гостемъ!“ — „Хорошо“ сказавъ вышель цыганъ.

Жігане цѣганѣмр жіфизмр фѣфѣзѣмѣ кѣорі физмацѣнум жі-
Потомъ цыгана его жена землей подъ пойду старушкѣ къ еи
нунем фѣцѣмѣѣс. Цѣганѣмр кѣкѣваваѣкуѣс: „ну жіфизмр жішип-
домъ въ сѣла. За цыганомъ послали: „твоей жены се-

ху дѣдеј жісѣі како“ жа'арі. — „Хунѣ“ жѣрі цѣганѣмр
стра насъ у живеть приходи“ они сказавъ. — „Хорошо“ сказавъ цыганъ
кѣзѣері. сѣмѣмѣм сѣво жіфизмр хѣде кабзе
отправившись вошелъ когда тогда свою жену на похожую совершенно

кѣваваѣум сѣво: „Ah, мир сѣ-физмр-раі!“ жі'арі кѣзѣезѣс.
увидѣлъ когда, тогда: „Эхъ, эта моя жена есть и!“ оказавъ вернулся.

Цѣганѣмр кѣсѣмѣхунѣкѣ һадреј жіфизмр фѣфѣзѣмѣ кѣвазѣрі
Цыганъ возвратился пока другая его жена землей подъ вернувшись
фѣцѣмѣѣсѣс. Цѣганѣмр кѣсѣмѣрі нунем кѣфѣеѣсѣс. „Сѣеу
сѣла на свое мѣсто. Цыганъ приѣдѣ домоъ въ вошелъ. „Что же

жігіте нукеѣоѣај?“ — „О-раке сѣгудѣрі сѣкѣпѣено сѣкѣѣо-
это ты вернулся?“ — „Ты еси, я подумавши, я посмотрѣть я вер-
зѣс!“ — „Жігіте ссе жіѣ'атеке ссе сѣзѣрејѣс; жігі
нулѣ!“ — „Ну, я я говорила же я я (что) на нее похожа; теперь

пѣдеј кѣѣѣаѣаѣоу нукиѣѣѣѣѣке мѣи ѣѣанѣтем сѣдѣсѣзѣнѣкѣм
завтра приславши ты вернешься если, этомъ дворѣ въ буду жить не

зѣсѣзѣзѣнѣс“. — „Хунѣ“, жі'арі цѣганѣмр фѣкізѣсѣс. Жігане цѣ-
я зарѣжусъ“. — „Хорошо“, сказавъ цыганъ вышель. Потомъ цы-

ганѣмр зеріфѣкізо, фѣмр фѣфѣзѣмѣ кѣорі физмацѣнум жі-
ганъ вышель какъ, женщина землей подъ пойди старушечкѣ къ еи

нунем фѣцѣмѣѣсѣс. Жігане цѣганѣмр кѣкѣваваѣкуѣс: „ну жі-
домъ въ расѣлѣсѣс. Потомъ цыганомъ за послали: „твоей

фѣзѣмѣ жішипху сѣ-ѣсі кѣваву“ жа'арі. „Хунѣ—
жены сестра здѣсь находится, провѣдай“ они сказавши. „Хорошо—

ссе сѣкѣѣѣѣс“, жі'арі жіѣѣѣѣсѣс кѣѣѣѣр. Цѣганѣмр кѣорі
и я приѣду“. сказавъ отпустилъ пришедшаго. Цыганъ пойди и

селам-ріхас физим. Цыганр јаѳетисас. Јешхо, јеѳо зе-
привѣтствовалъ женщиану. Цыгана они посадили. Кушая, пивши сѣдѣ
хесоре цыганр јаѳодафері жејас. Јітане цыганнм
вистѣ цыгана они напоивши пьянымъ заснулъ. Потомъ цыгана
јішмцмр кифашс, цыганнм јідмсехері зејіко шмхем
его лошадей трехъ они вывели, цыгана его золото все лошадей на
тиральбері, шмсмм амриво китецмшері кекожас
они положивши, лошадей трехъ на по одному сѣвши вернулись
псмѣалем јадеј. Цыганр каз-вејм хело ке'ушмзрі
князя юноши домой. Цыганъ въ гусиномъ пометѣ лежа проснувшись
јадеј смкозмн јішмк, јідсмк јі-физмк сіми-
домой пошелъ когда своихъ лошадей, своего золота, своей жены не на-
ѳотизмн зм'укмзас. Мидрејхер псеѳо тхеѳо кене-
шелъ когда, лишилъ себя жизни. Другіе живя довольствуясь оста-
зас. Пар зеридмљеуао Алебнм нузре лазере димѳеала-
лесь. Этого не видали какъ. Богъ болѣзни и горя намъ да не
ѳуке.
покажетъ.

Переводъ.

Жилъ-былъ старый князь; у этого старого князя былъ только одинъ сынъ. Сынъ князя, взявъ съ собою двухъ юношей-ровесниковъ, пошелъ на охоту по первопутью. Молодой княжескій сынъ выстрѣлилъ и убилъ зайца. Кровь полилась изъ раны зайца прямо на снѣгъ. Подстрѣленный заяцъ какъ будто смотрѣлъ на свою кровь. Юноша подошелъ къ нему и, ставши надъ нимъ, задумалъ во что бы то ни стало найти себѣ такую жену. цвѣтъ лица которой походилъ бы на цвѣтъ крови, а цвѣтъ остального тѣла могъ бы поспорить съ бѣлизной снѣга. Молодой князь стоялъ въ раздумьѣ, когда подошли его товарищи. „Чего ты такой грустный?“ спросили его товарищи: „Нѣтъ, я очень веселъ!“ сказавъ молодой князь, уклоняясь отъ прямого отвѣта и не подавая вида. „Нѣтъ, ты долженъ намъ

сказать!" приставали товарищи. Тогда молодой князь повѣдалъ имъ свою тайну. „Ну, что жъ? Въ этомъ нѣтъ ничего труднаго!" Съ этими словами возвратились всѣ вмѣстѣ домой.

Когда пріѣхали домой, молодой князь навинулъ уздечку лошади на рогатку и самъ пошелъ въ кунацкую, гдѣ лицомъ легъ на длинную скамью. Когда отецъ вошелъ въ кунацкую, то на его вопросы онъ ничего ему не отвѣтилъ.

Потомъ его товарищи сказали отцу всю правду: „онъ хочетъ себѣ найти жену съ ланитами, какъ кровь зайца, и тѣломъ бѣлизною снѣга!" Тогда юноша сказалъ: „Такой жены, лицо которой походило бы на кровь зайца, а бѣлизна лица—на снѣгъ, нельзя найти!" — „Отчего нельзя?" сказалъ князь и разослалъ по ауламъ гонцовъ, чтобы разыскать такую дѣвицу. Когда одинъ изъ гонцовъ сказалъ изъ какого-то аула, то его обликнулъ пастухъ буйволось: „Остановись, вернись сюда!" — „У меня важное дѣло!" сказалъ гонецъ и собирался сказать дальше. „Кто знаетъ: можетъ-быть, и я тебѣ пригожусь" сказалъ пастухъ: „скажи, какое у тебя дѣло?" — „Я скажу вотъ почему" и разсказалъ гонецъ о цѣли своего перученія. „А развѣ здѣсь нельзя найти того, о чемъ ты говоришь?" сказалъ пастухъ. „Да гдѣ же найти?" спросилъ гонецъ. „Найдешь между двумя морями", сказалъ пастухъ: „она между двумя морями живетъ хозяйкой у одного цыгана!" — „Спасибо! Больше намъ и не нужно!" сказалъ гонецъ и возвратился къ князю домой. Въ кунацкой онъ доложилъ обо всемъ, о чемъ ему разсказалъ пастухъ. Когда онъ это разсказалъ, то молодой князь вскочилъ, осѣдлалъ своего коня, сѣлъ и поѣхалъ. Постегивая своего коня, онъ гналъ что мочи и доѣхалъ до мѣста между двумя морями. На находящейся тамъ курганъ онъ взобрался и увидѣлъ избушку. Подѣхавъ къ избушкѣ, слѣзъ съ лошади и остереожилъ ее.

Потомъ онъ подошелъ къ *воротамъ* и посмотрѣлъ въ дырочку, имѣвшуюся въ нихъ. Заглянувши въ нее, онъ увидѣлъ старушенку, пасущую гусей. Юноша подѣхалъ къ ней и призожился къ ея соскамъ. „Горе мнѣ несчастной! Зачѣмъ ты прекрасный юноша пріѣхалъ сюда? Я на гусяномъ пометѣ живу!“ сказала старушка. „Это ничего!“ сказалъ юноша.— „Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ты пріѣхалъ?“ спросила старушка.— „Я пріѣхалъ потому, что хочу имѣть такую-то жену!“ и, говоря это, *описалъ* юноша *качества* своей будущей жены.— „Въ этомъ нѣтъ ничего труднаго“, сказала старушка: „она живетъ по соседству“. — „Благодарю тебя, матушка!“ сказалъ юноша: „нельзя ли тебѣ мнѣ это устроить?“ — „Пусть будетъ такъ! Надѣну на шею свою сумочку и пойду!“ Сказавъ это, старушка надѣла на шею свою сумку и пошла.

То мѣсто, гдѣ жилъ цыганъ, было за семью желѣзными стѣнами, и въ каждой была калитка. Цыганъ былъ вузнецомъ. Старушка приняла видъ нищей. Когда цыганъ ее увидѣлъ, то прогналъ ее прочь. „Если не подашь мнѣ милостыни“, сказала старушка: „то да пошлетъ тебя Богъ въ адъ!“ Сказавъ эти слова, старушка хотѣла уже отойти. „Вернись назадъ!“ сказалъ цыганъ и далъ ей серебряный рубль. „Добра тебѣ не будетъ“, сказала старушка: „если ты не заставишь жену подать мнѣ эту милостыню изъ своихъ рукъ“. — „Ну, иди сюда!“ сказалъ цыганъ и провелъ ее чрезъ семь дверей къ своей женѣ: „Подай ей милостыню!“ сказалъ цыганъ и ушелъ. „Сядись!“ сказала жена цыгана и, посадивъ ее на кровать, сказала: „расскажи мнѣ, зачѣмъ ты пришла“. На это отвѣтила старушка: „Вотъ, за какимъ дѣломъ я пришла: молодой князь живетъ въ моемъ домѣ!“ — „Въ такомъ случаѣ“, сказала жена цыгана: „пусть княжичъ прокопаетъ до моей комнаты подземный ходъ, начавъ отъ твоего дома!“ — „Спасибо!“ ска-

зала старушка: „мнѣ это только и нужно было знать“. Съ этими словами старушка хотѣла уже удалиться. „Подожди!“ сказала жена цыгана: „отдай мнѣ свою сумку!“ Взявъ изъ ея рукъ сумку, она наполнила ее золотомъ и серебромъ и отдала ее старушкѣ. Старушка возвратилась домой и передала юношѣ слова жены цыгана. Юноша принялся копаться и когда дошелъ до комнаты жены цыгана, то стукомъ въ половицу далъ знать о своемъ присутствіи. Женщина вскочила и, ножницами поднявъ доску, впустила юношу. Лишь только юноша поднялся въ комнату, то обмеръ отъ удивленія: до такой степени онъ былъ пораженъ красотою женщины! Она привела его въ чувство водою и ласковыми словами. Этотъ день юноша провелъ у женщины. Когда онъ уже хотѣлъ уходить, женщина его оставила слѣдующими словами: „Этотъ цыганъ имѣетъ въ конюшнѣ трехъ лошадей; подкопайся и выведи одну лошадь; завтра утромъ пріѣзжай на ней къ цыгану и привѣтствуй его!“ — „Хорошо!“ сказалъ юноша и сталъ дѣлать подкопъ. Во время этого дѣла его застала ночь. Когда цыганъ вернулся къ своей женѣ, то она ему сказала: „Завтра утромъ пріѣдетъ мой братъ на такой же точно лошади, какъ твоя. Пригласи его въ домъ!“ — „Хорошо, сдѣлаю это“, сказалъ цыганъ. Когда утромъ пріѣхалъ княжичъ, сидя на его лошади, то сказалъ: „Саламъ-алейкумъ!“ — „Клянусь матерью, это моя лошадь!“ сказалъ цыганъ и собрался идти въ конюшню. Но прежде чѣмъ успѣлъ дойти туда, юноша подземнымъ ходомъ провелъ лошадь въ конюшню и поставилъ ее на мѣсто. Пріѣхавъ въ конюшню, цыганъ нашелъ свою лошадь на мѣстѣ. Послѣ этого цыганъ пошелъ въ домъ къ женѣ. „Отчего же ты не пригласилъ моего брата?“ сказала она. „Я подумалъ“, сказалъ цыганъ: „что онъ сидитъ на моей лошади, и потому его не пригласилъ“. — „Ты осрамилъ меня!“ сказала жена:

„развѣ я тебѣ не говорила, что онъ сидитъ на лошади, похожей на твою. Да и завтра онъ придетъ на лошади, совсѣмъ похожей на твою. Смотри, пригласи его. А то я не буду жить съ тобою!“ — „Хорошо, приглашу!“ отвѣтилъ цыганъ и вышелъ. На слѣдующій день, когда цыганъ занимался своимъ кузнечнымъ дѣломъ, приѣхалъ юноша и привѣтствовалъ его честь честью. Цыганъ, не отвѣтивъ на привѣтствіе, сказалъ: „Да, вѣдь, это моя лошадь!“ и побѣжалъ въ конюшню. Но княжичъ опередилъ его, поставивъ лошадь на свое мѣсто. Цыганъ, прибѣжавъ въ конюшню, нацѣлъ тамъ свою лошадь и затѣмъ, вернувшись къ женѣ, сказалъ: „Я опять его не пригласилъ, подумавши, что онъ на моей лошади!“ — „Ты уже во второй разъ меня осрамилъ. Завтра придетъ мой братъ, сидя на такой же точь-въ-точь лошади, какъ твоя. Если не пригласишь, то зарѣжусь ножницами!“ — „Хорошо, приглашу!“ сказалъ цыганъ и ушелъ. Опять подѣхалъ къ дому цыгана княжичъ, и привѣтствовалъ хозяина. Увидѣвши лошадь молодого князя, цыганъ сказалъ: „Что за чудо! Да, вѣдь, это моя лошадь!“ Съ этими словами онъ направился въ конюшню. Но княжичъ опередилъ его и поставилъ лошадь на свое мѣсто. Цыганъ, придя въ конюшню, увидѣлъ свою лошадь на мѣстѣ и, *успокоившись*, пошелъ къ женѣ. „Да, вѣдь, ты опять не пригласилъ брата!“ сказала жена. „Не пригласилъ я потому, что вообразилъ, что онъ сидитъ на моей лошади“. — „Это ты уже въ третій разъ меня осрамилъ. Завтра придетъ моя сестра, какъ двѣ капли воды на меня похожая, къ старушкѣ-гусятницѣ. Если за тобой пошлютъ, то приходи и встрѣть гостепріимно!“ — „Хорошо“, сказалъ цыганъ. Послѣ этого жена цыгана отправилась къ старушкѣ подземнымъ ходомъ. Послали за цыганомъ: „Сестра твоей жены у насъ живетъ: приходи, пожалуйста!“ — „Приду!“ сказалъ цыганъ и отправился къ старушкѣ. Когда

онъ вошелъ туда и увидалъ женщину, совершенно похожую на жену, то сказалъ: „Да это же моя жена!“ и повернулъ назадъ. Но пока цыганъ дошелъ до своего дома, его жена опередила его подземнымъ ходомъ и сѣла въ домъ на свое мѣсто. Только теперь цыганъ вошелъ въ домъ. „Чего же ты вернулся?“ спросила его жена. „Я думалъ, что это ты, и хотѣлъ убѣдиться!“ — „Да, вѣдь, я тебѣ говорила, что она на меня похожа. Если завтра за тобой пришлютъ, и ты ни съ чѣмъ вернешься, то я не стану жить съ тобой и зарѣжусь!“ — „Приду!“ сказалъ цыганъ и вышелъ. Послѣ ухода цыгана его жена опять прошла подземнымъ ходомъ въ старушкѣ и усѣлась тамъ. Послали за цыганомъ: „Приходи провѣдать сестру твоей жены!“ — „Приду непременно!“ сказалъ цыганъ. Послѣ этого цыганъ отправился въ домъ старушки и привѣтствовалъ свояченицу. Цыгана посадили. Ъли и пили много. Наполни цыгана пьянымъ и уложили спать. Въ это время княжичъ съ женой цыгана увели трехъ его лошадей, все его золото нагрузили на лошадей и, сами усѣвшись, отправились въ домъ князя. Цыганъ лежалъ въ гусиномъ пометѣ, а когда, проснувшись, не увидалъ ни лошадей, ни золота, ни своей жены, то лишился себя жизни. Молодые жили съ тѣхъ поръ въ довольствѣ. Видѣть ихъ не видали, но да Богъ сохранить насъ отъ всякаго горя и болѣзней!

П. И. Тамбеевъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница: *Строка:*   *Напечатано:*   *Должно быть:*

Отдѣлъ I.

13	7	снизу	пведставляла	представляла
16	2	сверху	ни	не
16	6	снизу	косточковые	косточковыя
20	14	сверху	не	же
20	5	снизу	зависящїе	зависящїя
21	17	сверху	сстальныхъ	остальныхъ
23	15	снизу	остальныя	остальные
23	15	"	продаетъ	продають
24	16	"	подсонечникъ	подсолнечникъ
24	7	"	абрикосными	абрикосовыми
27	2	сверху	грозные	грозныя
27	2	снизу	курортные	курортныя
29	9	сверху	прозрачной	прозрачности
31	14	снизу	самые	самыя

Отдѣлъ II.

1	3	сверху	Алферьеву	Олферьеву
18	5	снизу	Банскій	Ванскій
18	3	"	дѣталахъ	деталяхъ
94	11	сверху	аняться	заняться

Отдѣлъ III.

65	2	снизу	внѣшему	внѣшнему
74	2	сверху	мусульмансту	мусульманству
